

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

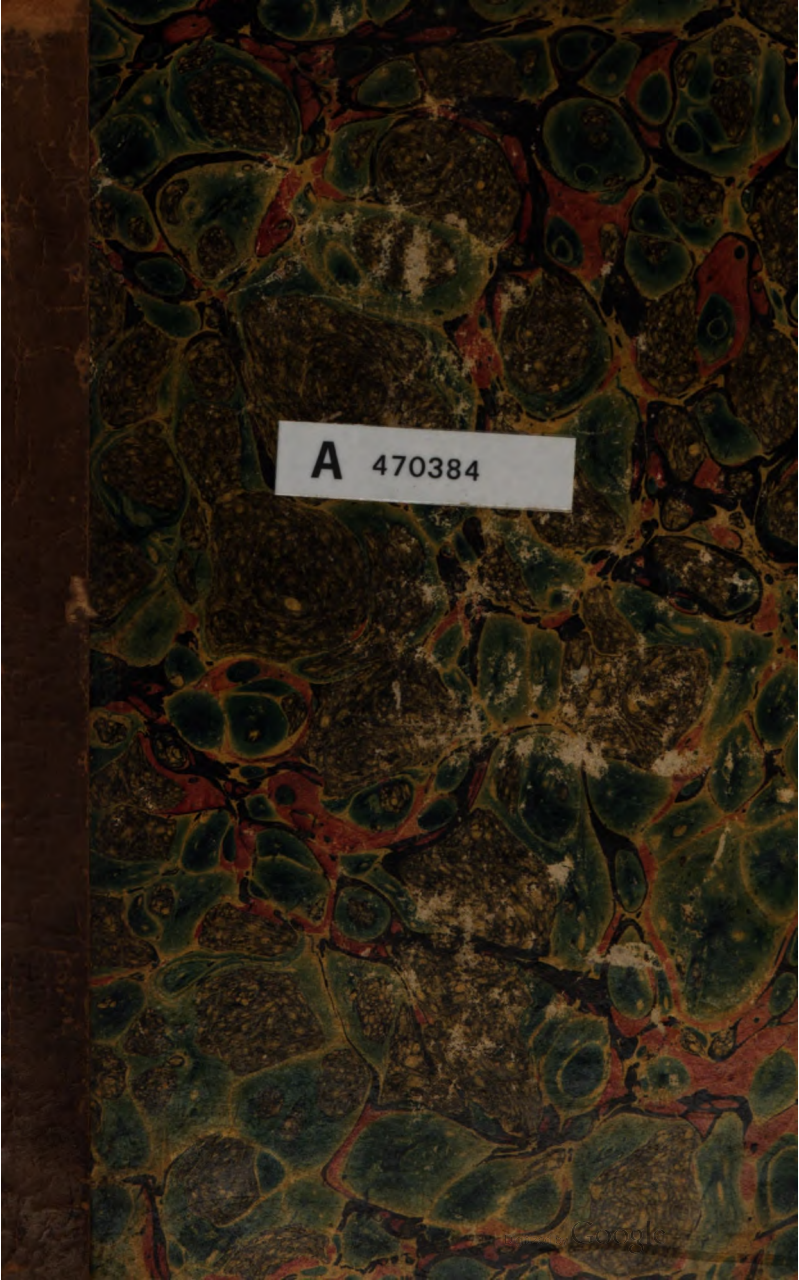
Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

The image shows the front cover of an antique book. The cover is decorated with a traditional marbled paper pattern, often called 'stone' or 'shell' marbling, featuring large, irregular, organic shapes in shades of green, blue, and brown, separated by thin veins of red and yellow. The overall appearance is aged and textured. A small, rectangular white paper label is affixed to the center of the cover. The label contains the letter 'A' in a large, bold, black serif font, followed by the number '470384' in a smaller, black serif font. The spine of the book is visible on the left edge, showing a dark, worn brown leather binding.

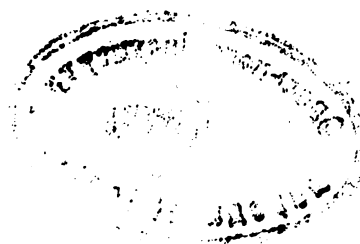
A 470384

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ
РУССКИХЪ АВТОРОВЪ.

ИЗДАНИЕ

Печатать дозволяется,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ
Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.
С.-Петербургъ, 27 мая 1847 года.

Цензоръ А. Крыловъ.

~~1847~~

Давыдов, Д. В.

СОЧИНЕНІЯ

ДАВЫДОВА

(ДЕНИСА ВАСИЛЬЕВИЧА.)

~~1847~~
386.

Изданіе Александровъ и Николаевъ.

~~№ 1386~~

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ КНИЖН. МАГ. Н. КРАШЕННИКОВА И КОМП.

1848.

Stalls
Exchange
CEN 21142151 L17 For L17
1234295-293

89778
D268
1848

15/17/20

Цѣна 1 рубль серебромъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Отъ издателя.	СТР. IX
-----------------------	------------

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Болтунъ красноречивый	65
Бородинское поле	73
Бурцову	112
Бурцову (призваніе на пушшъ)	114
Вальсъ.	34
Вечеръ въ юнѣ	43
Возьмите мечъ	32
Въ былыя времена	52
Выздоровленіе	51
Ви хорони	58
Гусарская исповѣдь.	22
Гусарскій пиръ	14
Гусарь	31
Договоры	3
Душенька.	37
Если бъ боги милосердые	48
Жестокій другъ	33
Зайцевскому (поэту-моряку)	74
Когда я повстрѣчалъ.	60
Листокъ	76
Логика пьянаго	71
Море воетъ	40

	стр.
Мудрость (анакреонтическая ода)	63
На голосъ известной русской пѣсни: Я люблю тебя.	41
На монументъ Пожарскаго.	70
На смерть N. N.	—
Не пробуждай	49
Неужто думаете вы	59
Нѣтъ! полно пробѣгать	55
О, милый другъ!	39
О, пощади!	36
О; ты, смущенная присутствіемъ моимъ.	53
Отвѣтъ.	62
Партизанъ (отрывокъ)	16
Полусолдатъ	26
Поэтическая женщина	72
Пѣсня стараго гусара	20
Пѣсня: Я люблю кровавый бой	18
Рѣчка	45
Рѣшительный вечеръ гусара	15
С. А. К.	61
Сажу на берегу потока	50
Современная пѣсня	77
Графу П. А. Строгонову (за чекмень)	69
Тебѣ легко	35
Товарищу, 1812 года, на пути въ армию	61
Тестъ на обѣдѣ Донцовъ	25
Кроброму повѣсть	24
Челобитная	29
Эпиграммы (семь)	67
Я васъ люблю	42
Я не ропщу	44
Я помню	57

ПРОЗА.

	СТР.
Воспоминаніе о Кульневѣ въ Финляндіи	326
Воспоминаніе о сраженіи при Прейсишъ-Эйлау.	126
Встрѣча съ великимъ Суворовымъ	85
Встрѣча съ фельдмаршаломъ гр. Каменскимъ	110
Замѣчанія на некрологію Н. Н. Раевского	404
Занятіе Дрездена 1813 года 10 марта	420
Морозъ ли истребилъ французскую армію въ 1812 году?	250
Отрывки изъ партизанскаго дневника	446
Письмо къ Вальтеръ-Скотту	283
Разборъ трехъ статей, помѣщенныхъ въ Запискахъ Наполеона	189
Тильзитъ въ 1807 году.	361
Урокъ сорванцу	177

ОПЫТЪ ТЕОРИИ ПАРТИЗАНСКАГО ДѢЙСТВІЯ.

Вступленіе 487

Часть первая: Постепенное усовершенствованіе партизанства въ Германіи, Венгріи, Испаніи и Россіи.

Партизаны 1618 года.	492
Партизаны 1742 года.	494
Партизаны 1809 года.	505
Партизаны 1812 года.	510

Часть вторая: Изложеніе системы партизанскаго дѣйствія.

Превосходство Россіи надъ европейскими государствами относительно легкихъ войскъ

и соразмѣрности широты съ глубиною ея пространства	518
Изложеніе сущности всякаго вообще военнаго дѣйствія	528
Изложеніе направленія партій согласно съ направленіями арміи.	534
О выборѣ начальника партій	549
О силѣ и составѣ партій.	551
Обязанности начальниковъ партій	554
Распоряженія прежде выступленія въ походъ.	555
О партіи на маршѣ	561
Объ учрежденіи пункта сношеній съ главною арміею и въ немъ госпиталя партій.	565
О дѣйствіи партій.	573
Часть третья: О прикрытіи собственнаго сообщенія и продовольствія.	
О магазинахъ и о путяхъ продовольствія.	605
О выгодахъ употребленія башкирскихъ, калмыцкихъ и татарскихъ полковъ для защиты путей сообщенія и продовольствія	611
Обязанности начальника оборонительной партіи, какъ въ видѣннѣя защита пути продовольствія.	612
Объ этапахъ	615
О внутренней защитѣ пути продовольствія	616
Критическое разсужденіе объ истребленіи осаднаго транспорта прусской арміи въ 1758 году	625
Заключеніе.	639

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Мятежная жизнь, нераздѣльная съ военнымъ бытомъ, причиною тому хаосу, въ которомъ находились бумаги нашего партизана-поэта. Трудно было извлечь изъ нихъ всѣ произведенія его безъ остатка; вотъ почему нѣкоторые изъ его товарищей тщетно искали въ первомъ изданіи слышанныя ими стихотворенія изъ собственныхъ устъ его. По убѣдительной просьбѣ ихъ, Девишъ Васильевичъ взялъ на себя трудъ разобрать пыльные тетради, листы, страницы и клочки страницъ, сваленныхъ грудами въ давно забытыхъ имъ портфеляхъ. Попытка его была не безъ успѣха. Онъ отыскалъ между ними до двадцати стихотвореній, мало кому извѣстныхъ, и дозволилъ мнѣ, присовокупя къ изданнымъ уже въ 1832 году г-мъ Салаевымъ, приступить ко второму изданію всѣхъ его стихотвореній.

Здѣсь помѣщается, какъ уже то было и въ первомъ изданіи, очеркъ жизни Давыдо-

ва, произведение одного изъ его друзей—сослуживцевъ, покойнаго генераль—лейтенанта О. Д. О—го, ошибочно принятое нѣкоторыми читателями за авто—биографію.

При семъ долгомъ поставляю повторить собственные слова Дениса Васильевича, извлеченныя изъ письма его ко мнѣ, на дняхъ писаннаго: «По случаю помѣщенія очерка «жизни моей въ первомъ изданіи моихъ стихотвореній, нѣкоторые читатели приняли и «очеркъ этотъ за мое сочиненіе. Избѣгая нареканий въ присвоеніи себѣ чужого достоинства, тѣмъ болѣе достоинства моего истиннаго «и стариннаго друга—сослуживца, покойнаго «О. Д. О—го, я считаю нужнымъ объяснить «вамъ, м. г., какъ непримадлежащія мнѣ «строки вошли въ составъ строкъ, мнѣ принадлежащихъ. — Во время послѣдней войны въ Польшѣ я какъ—то сказалъ О—му о «намѣреніи моемъ собрать всѣ оставшіяся въ «памяти моей стихотворенія мои и предать «ихъ печати немедленно по возвращеніи моемъ изъ похода. О — й, знающій всѣ приключенія моей жизни отъ перваго развитія «юности моей до 1832 года не хуже меня, «написалъ очеркъ сей въ дни отдыха отъ «битвъ и военныхъ тревогъ и движеній. и, «вруча мнѣ оный, взялъ съ меня честное слово соединить его съ стихотвореніями моими «въ видѣ предисловія, безъ подписи ни его «имени, ни фамиліи, — что я исполнилъ, «мало не предвидя и не предполагая, чтобы

«произведеніе О—го было принято читателями за мое собственное произведеніе. Вотъ «все дѣло!»

Заключаю, что очеркъ, помѣщенный здѣсь, исправленъ по послѣдней рукописи, присланной генераломъ О—мъ за нѣсколько дней до его кончины.

Издатель.

ОЧЕРКЪ ЖИЗНИ

ДЕНИСА ВАСИЛЬЕВИЧА ДАВЫДОВА.

Денисъ Васильевичъ Давыдовъ родился въ Москвѣ. Онъ, какъ всѣ дѣти, съ младенчества своего оказалъ страсть къ маршированію, метанію ружьемъ и проч. Страсть эта получила высшее направленіе отъ нечаяннаго вниманія къ нему графа Александра Васильевича Суворова, который, при осмотрѣ Полтавскаго легко-коннаго полка, находившагося тогда подъ начальствомъ родителя Давыдова, замѣтилъ рѣзваго ребенка и, благословя его, сказалъ: «Ты выиграешь три сраженія!» Маленькій повѣса бросилъ псалтырь, замахалъ саблею, выкололъ глазъ дядкѣ, проткнулъ шлыкъ нянѣ и отрубилъ хвостъ борзой собакѣ, думая тѣмъ исполнить пророчество великаго человѣка.

Розга обратила его къ миру и къ ученію. Но какъ тогда учили?—Натирали ребятъ на-

ружнымъ блескомъ, готова ихъ для удовольствія, а не для пользы общества: учили лепетать по-французски, танцовать, рисовать и музыкѣ; тому же учился и Давыдовъ до 13 лѣтъ своего возраста. Тутъ пора было подумать о будущности: онъ сѣлъ на коня, захлопалъ арапникомъ, полетѣлъ со стаею гончихъ собакъ по мхамъ и болотамъ — и тѣмъ заключилъ свое воспитаніе.

Между *порѣшамъ* и *брызгамъ*, живя въ Москвѣ безъ занятій, онъ познакомился съ нѣкоторыми молодыми людьми, воспитывавшимися тогда въ университетскомъ пансіонѣ. Они доставали ему случай прочесть Аониды, полуперіодическое собраніе стиховъ, издаваемое тогда Н. М. Карамзинымъ. Имена знакомыхъ своихъ, напечатанныя подъ нѣкоторыми стансами и пѣсенками, помѣщенными въ Аонидахъ, зажгли его честолюбіе. Онъ сталъ писать; мысли толпились, но какъ приключенія во снѣ, безъ связи между собою. Отъ нетерпѣнія своего, онъ думалъ побѣдить препятствія своенравіемъ: рвалъ бумагу и грызъ перья — но не тутъ-то было! Тогда онъ обратился къ переводамъ — и вотъ первый опытъ его стихотворенія:

«Пастушка Лиза, потерявъ
Вчера свою овечку,
Грустила и эху говорила
Свою печаль, что эхъ повторило:
О, милая овечка! когда я думала, что ты меня

Завсегда будешь любить,
Увы! По моему сердцу судя,
Я не думала, что другу можно измѣнить!»

Въ началѣ 1801 года запрягли кибитку, дали Давыдову въ руки 400 рублей ассигнаціями и отправили его въ Петербургъ на службу. Малый ростъ препятствовалъ ему вступить въ Кавалергардскій полкъ безъ затрудненія. Наконецъ привязали недоросля нашего къ огромному палашу, опустили его въ глубокіе ботфорты и покрыли святилище поэтическаго его генія мукою и трехугольною шляпою.

Таковымъ чудовищемъ спѣшилъ онъ къ двоюродному брату своему А. М. К.....му, чтобы порадовать его своею радостью; но увы! какой приемъ! Въмѣсто поздравленій, вмѣсто взаимныхъ съ нимъ восторговъ, этотъ отличный человѣкъ осыпалъ его язвительными насмѣшками и упреками за вступленіе на службу неучемъ. «Что за солдатъ, братъ Денисъ,» — заключилъ онъ поразительный монологъ свой, — «что за солдатъ, который не надѣется быть фельдмаршаломъ! А какъ тебѣ снести званіе это, когда ты не знаешь ничего того, что необходимо знать штабъ-офицеру?» Самолюбіе Давыдова было скорбно тронато, и съ того времени, гонимый словами К—го, какъ грозными призраками, онъ не только обратился къ военнымъ книгамъ, но пристрастился къ нимъ такъ, что не

имѣлъ уже нужды въ пугалищахъ, чтобъ заниматься чтеніемъ.

Между тѣмъ онъ не оставлялъ и бесѣды съ музами: призывалъ ихъ во время дежурствъ своихъ и въ казармы, и въ госпиталь, и даже въ эскадронную конюшню. Часто на нарахъ солдатскихъ, на столикъ больного, на полу порожняго стойла, гдѣ избиралъ свое логовище, онъ писывалъ сатиры и эпиграммы, коими началъ словесное поприще свое.

Въ 1804 году судьба, управляющая людьми, или люди, направляющіе ее ударами, принудили повѣсу нашего выйти въ Бѣлорусскій гусарскій полкъ, расположенный тогда Кіевской Губерніи въ окрестностяхъ Звенигородки. Молодой гусарскій ротмистръ закрутилъ усы, покачнулъ киверъ на ухо, *затянулся, натянулся* и пустился плясать мазурки до упаду.

Въ это бѣшеное время онъ писалъ стихи своей красавицѣ, которая ихъ не понимала, потому что была Полячка, и сочинилъ извѣстный призывъ на пуншъ Бурцову, который читать не могъ отъ того, что самъ *писалъ мыслете*.

Въ 1806 году Давыдовъ переведенъ былъ въ лейбъ-гусарскій полкъ поручикомъ. Вскорѣ загорѣлась война съ Французами, и зна-

* Этотъ Бурцовъ служилъ въ одномъ полку съ Давыдовымъ и умеръ въ 1813 году.

менимый князь Багратионъ избралъ его въ свои адъютанты. Давыдовъ поскакалъ въ армию, прискакалъ въ авангардъ, бросился въ сѣчу, попался въ плѣнъ—и спасенъ казаками.

По заключеніи мира, Давыдовъ возвратился въ Россію и написалъ *Договоры, Мудрость* и нѣсколько другихъ стихотвореній.

Зимою 1808 года объявлена война Швеціи. Давыдовъ является въ армию, ждетъ общаго приступа Свеаборгу и, узнавъ о начатіи переговоровъ для сдачи этой крѣпости, спѣшитъ къ Кульневу, на сѣверъ, идетъ съ нимъ до окрестностей Улеборга, занимаетъ съ командою казаковъ островъ Карлое и, возвратясь къ авангарду, отступаетъ по льду Ботническаго Залива, до селенія Пигаюковъ, а оттуда до Гамле-Карлеби. При селеніи Химанго, въ виду непріятельскихъ аванпостовъ, онъ перевелъ Делилеву басню: *La Rose et l'Etourneau*.

Въ теченіе этой кампаніи Давыдовъ неотлучно находился при авангардѣ Кульнева въ сѣверной Финляндіи, былъ съ нимъ при завоеваніи Аландскихъ Острововъ, съ нимъ разставлялъ пикеты, наблюдалъ за непріателемъ, раздѣлялъ суровую его пищу и спалъ на еоломѣ подъ крышею неба.

Лѣтомъ 1809 года князь Багратионъ поступаетъ на степень главнокомандующаго задунайскою арміею; Давыдовъ находится при семъ блистательномъ полководцѣ въ всѣхъ сраженіяхъ того года.

1810 года обстоятельства отрывают князя Багратиона отъ арміи; графъ Каменскій заступаетъ его мѣсто, и Давыдова снова приписываютъ къ авангарду Кульнева. Въ поучительной школѣ этого неусыпнаго и отважнаго воина онъ кончаетъ курсъ аванпостной службы, начатой въ Финляндіи, и познаетъ цѣну спартанской жизни, необходимой для всякаго, кто рѣшился *нести службу, а не играть со службою*.

Возвратясь, послѣ рущукскаго приступа, къ генералу своему, получившему тогда главное начальство надъ 2-ю западною арміею, Давыдовъ находился при немъ въ Житомирѣ и Луцкѣ безъ дѣйствія, если исключимъ курьерскія поѣздки и бесѣды его съ соименнымъ его покорителемъ Индіи (Бахусомъ, или Вакхомъ — иначе Діонисіемъ).

Начинается отечественная война. Давыдовъ поступаетъ въ Ахтырскій гусарскій полкъ подполковникомъ, командуетъ 1-мъ баталіономъ онаго до Бородина. * Первый подаетъ мысль о выгодѣ партизанскаго дѣйствія; отправляется съ партіею гусаровъ и казаковъ (130-ю всадниками) въ тылъ непріятели, въ средину его обозовъ, командъ и резервовъ; дѣйствуетъ противъ нихъ десять сутокъ и, усиленный шестьюстами но-

* Тогда гусарскіе полки состояли изъ двухъ баталіоновъ, — каждый баталіонъ заключалъ въ себѣ 5 эскадроновъ въ мирное, а 4 эскадрона въ военное время.

выхъ казаковъ; сражается нѣсколько разъ въ окрестностяхъ и подъ стѣнами Вязмы; раздѣляетъ славу съ графомъ Орловымъ-Денисовымъ, Фигнеромъ и Сеславинымъ подъ Ляковымъ; разбиваетъ трехтысячное кавалерійское депо подъ Копысомъ; разсѣваетъ непріятелиа подъ Вѣлыначами и продолжаетъ веселые и заветные свои поиски до береговъ Нѣмана. Подъ Гродномъ нападаетъ онъ на четырехтысячный отрядъ Фрейлиха, составленный изъ Венгерцевъ: — Давыдовъ въ душѣ гусаръ и любитель природнаго ихъ напѣтка: за стукомъ сабель застучали стаканы и — городъ нашъ!

Тутъ Фортуна обращается къ нему задомъ. Давыдовъ предстаетъ предъ лицо генерала Винценгероде и поступаетъ подъ его начальство. Съ нимъ идетъ онъ чрезъ Польшу, Силезію и вступаетъ въ Саксонію. Давыдовъ рванулся впередъ и занялъ половину города Дрездена, защищеннаго корпусомъ Дюрюта. За такую дерзость онъ лишень былъ команды и сосланъ въ главную квартиру.

Справедливость Царя-покровителя была ничтогъ безпокровнаго. Давыдовъ снова является на помященное у него поприще, на коемъ продолжаетъ дѣйствовать до береговъ Рейна.

Во Франціи командуетъ онъ въ арміи Блюхера Ахтырскимъ гусарскимъ полкомъ, а потомъ бригадою, составленною изъ гусарскихъ полковъ того же Ахтырскаго и Бѣло-

русскаго, съ которыми онъ проходитъ чрезъ Парижъ. За отличіе въ сраженіи подъ Бриенномъ (Ларотьеръ) производится онъ въ генералъ-маіоры.

Вскорѣ послѣ того Давыдовъ получаетъ отпускъ въ Москву, гдѣ предается исключительно словесности и сочиняетъ нѣсколько элегій.

Во время мира онъ занимаетъ мѣсто начальника штаба пѣхотныхъ корпусовъ: въ началѣ 7-го, а потомъ 3-го.

Въ 1819 году онъ вступаетъ въ бракъ, а въ 1821 году *бракуетъ* себя изъ списковъ фронтовыхъ генераловъ и поступаетъ въ списокъ генераловъ, состоящихъ по кавалеріи. Въ началѣ 1823 года выходитъ въ чистую отставку.

Со вступленіемъ на престолъ Императора Николая Давыдовъ снова оплечается знаками военной службы и опоясывается саблею. Персіяне вторгаются въ Грузію. Государь Императоръ удостоиваетъ его избраніемъ въ дѣйствующія лица на ту единственную пограничную черту Россіи, которая не звучала еще подъ копытами коня Давыдова. Онъ вырывается изъ объятій милаго ему семейства и спѣшитъ изъ Москвы въ Грузію. Въ десять дней Давыдовъ за Кавказомъ. Еще нѣсколько дней—и онъ съ отрядомъ своимъ за громадою Безобдала въ погонѣ за неприятелемъ, отступающимъ отъ него по Бамбакской Долинѣ. Наконецъ, еще одни сутки—и

онъ у подошвы заоблачнаго Алагѣза поражаетъ четырехтысячный отрядъ известнаго Гассанъ-Хана и принуждаетъ его бѣжать къ эриванской крѣпости, куда спѣшитъ и самъ сардаръ эриванскій съ войсками своими отъ озера Гѣчки. Тутъ открывается глазамъ Давыдова Араратъ въ полной пышности, въ своей снѣговой одеждѣ, съ своимъ голубымъ небомъ и со всѣми воспоминаніями о колыбели рода человѣческаго.

Послѣ этой экспедиціи Давыдовъ занимается строеніемъ крѣпостцы Джелаль-оглу, которую довершаетъ около декабря мѣсяца. Зимой, во время бездѣйствія, онъ получаетъ отъ генерала Ермолова отпускъ въ Москву на 6 недѣль, и едва успѣваетъ обнять свое семейство, какъ снова долгъ службы влечетъ его за кавказскіе предѣлы. Но эта поѣздка не приноситъ ему успѣха прошлагодняго: на этотъ разъ перемена климата не благопріятствуетъ Давыдову, и недугъ принуждаетъ его удалиться къ кавказскимъ цѣлительнымъ водамъ, гдѣ, тщетно ожидая себѣ облегченія, онъ принужденнымъ находится безвозвратно уже отбыть въ Россію.

До 1831 года онъ замѣняетъ привычныя ему боевыя упражненія занятіями хозяйственными, живетъ въ своей приволжской деревнѣ, отъ шума обѣихъ столицъ, столъ спасительно отдаленной, и пользуется всѣми наслажденіями мирной, уединенной и семейственной жизни. Тамъ сочиняетъ онъ: *Боро*

*динское поле, Душеньку, Посланіе Зайцевско-
му, и проч.*

Тяжкій для Россіи 1831 годъ вызываетъ снова Давыдова на поле брани. И какое сердце русское, чистое отъ заразы общемірнаго гражданства, не забилося сильнѣе при первомъ извѣстіи о возстаніи Польши? Низкоклонная, невѣжественная шляхта осмѣливается требовать у Россіи того, что самъ Наполеонъ, предводительствовавшій всѣми силами Европы, совѣстился явно требовать, сѣлился исторгнуть — и не могъ! Давыдовъ скачетъ въ Польшу. 12-го марта онъ находится уже въ главной квартирѣ арміи, въ мѣстечкѣ Шеницѣ, а 22-го является въ Красноставѣ, гдѣ кочуетъ порученный ему отрядъ войскъ, состоящій изъ полковъ трехъ казачьихъ и Финляндскаго драгунскаго.

6-го апрѣля онъ беретъ приступомъ городъ Владиміръ на Волыни и низлагаетъ въ немъ одно изъ главныхъ ополченій мятежниковъ Волынской Губерніи.

29-го апрѣля, соединенно съ генераль-майоромъ графомъ Толстымъ, занимаетъ онъ корпусъ Хржановскаго подъ пушки замостьской крѣпости.

7-го июня, команду авангардомъ корпуса генерала Ридигера въ сраженіи подъ Лисобиками, Давыдовъ принимаетъ на штыкъ свой всѣ удары главныхъ силъ непріятеля и не уступаетъ ему ни шагу. Бой длится болѣе

трехъ часовъ. Генералъ Ридигеръ, пользуясь стойкостью пѣхоты Давыдова, обходитъ сражающихся, ударяетъ въ тылъ непріятеля и симъ искуснымъ и отважнымъ движеніемъ обращаетъ побѣду на свою сторону. За этотъ бой Давыдовъ производится въ генералъ-лейтенанты.

Въ теченіе августа Давыдовъ, продолжая командовать то различными отрядами, то всею кавалеріею корпуса генерала Ридигера, дѣйствуетъ за Вислою между Варшавою и Краковомъ. Наконецъ, командуя въ предмѣстномъ укрѣпленіи на Вислѣ при мѣстечкѣ Казиміръжѣ, отбиваетъ учиненное на него всѣмъ корпусомъ Ружицкаго нападеніе, предпринятое 28-го августа, и, по совершенномъ низложеніи мятежа русскою арміею, возвращается въ Москву, на свою родину, къ своему семейству.

Давыдовъ немного писалъ, еще менѣе печаталъ; онъ, по обстоятельствамъ, изъ числа тѣхъ поэтовъ, которые довольствовались рукописною или карманною славою. Карманная слава, какъ карманные часы, можетъ пуститься въ обращеніе, миновавъ строгость казенныхъ договорщиковъ. Запрещенный товаръ, какъ запрещенный плодъ: цѣна его удваивается отъ запрещенія. Сколько столовыхъ часовъ подъ свинцовыми печатами стоять въ лавкѣ; на вопросъ: долго ли имъ стоять? отвѣчаютъ они: *вѣчность!*

Общество Любителей Словесности, учреж-

денное при Московскомъ Университетѣ, удостоило Давыдова въ число дѣйствительныхъ членовъ, — и онъ примкнулъ въ немъ къ толпѣ малодѣйствующихъ. Однако сочиненіе его: *Опытъ теоріи партизанскаго дѣйствія* и издаваемые нынѣ *стихотворенія* даютъ ему право на адресъ-календарь Глазунова и на уголокъ въ Публичной Библиотекѣ, — въ семь страннопріимномъ заведеніи, куда стекаются любовники гулливыхъ барышенъ Парнасса. При всемъ томъ, Давыдовъ не искалъ авторскаго имени, и какъ приобрѣлъ его — самъ не знаетъ. Большая часть стиховъ его пахнетъ бивуакомъ. Они были писаны на привалахъ, на дневкахъ, между двухъ дежурствъ, между двухъ сраженій, между двухъ войнъ; это пробныя почерки пера, чиняго для писанія рапортовъ начальникамъ, приказаній подкомандующимъ.

Стихи эти были завербованы въ нѣкоторыя московскія типографіи тѣмъ же средствомъ, какъ нѣкогда вербовали разнаго рода бродягъ въ гусарскіе полки: за шумными трапезами, въ винныхъ парахъ, среди буйнаго разгула. Подобно Давыдову, во всѣхъ минувшихъ войнахъ, они во многихъ минувшихъ журналахъ являлись наѣздниками, по одиначкѣ, наскокомъ, очертя голову, *день ихъ былъ въкъ ихъ*, и потому никогда бы не рѣшился онъ на собраніе этой разсѣянной вольницы и на помѣщеніе ея на *непремьлькмыя квартиры* у книгопродавца, если бы добрые

люди не доказали ему, что одно и то же покоится ей розно, или вмѣстѣ.

Сборъ этотъ стоилъ ему не малаго труда. Нѣкоторыя стихотворенія исторгнуты имъ изъ покрытыхъ уже прахомъ, или изорванныхъ журналовъ, а другія, переходя изъ рукъ въ руки писцовъ, болѣе или менѣе грамотныхъ, измѣнились до того, что и самимъ авторомъ едва были узнаны. Не говоримъ уже о тѣхъ, которыя, прославляя удалую жизнь, не могли тогда и не могутъ теперь показаться на инспекторскій смотръ Ценсурнаго Комитета и о тѣхъ, кои исключены имъ изъ списка за рѣшмы на глаголы, — «ибо» — какъ говоритъ онъ, — «во многоглаголаннѣсть спасенія».

Какъ бы то ни было, онъ обэскадронилъ все, что могъ изъ своей сволочи, и представляетъ команду эту на судъ читателя съ ея странною поступью (allure), съ ея обветшалыми ухватками, въ ея одеждѣ старомоднаго покроя, какъ кагульскихъ, какъ очаковскихъ инвалидовъ-героевъ новому поколѣнiю забалканскихъ и варшавскихъ побѣдителей! Будутъ нападки: это въ порядкѣ вещей. Но пусть въ волю распояснется на этотъ подвигъ санктпетербургская и московская милиція критиковъ. Въ лѣта щекотливой юности Давыдова малѣйшее осужденіе глянца сапоговъ, фабры усовъ, статей коня его бросало его руку на пистолеты или на рукоять его черкесской пашки. Время это дале-

ко! Теперь мы ручаемся, что онъ ко многому уже равнодушенъ, особенно къ стихамъ своимъ, къ коимъ равнодушіе его, относительно ихъ красоты или недостатковъ, не измѣнялось и не измѣнится. И какъ быть иначе? Онъ никогда не принадлежалъ ни къ какому литературному цеху. Правда, онъ былъ поэтомъ, но поэтомъ не по приемамъ и стопамъ, а по чувству; нѣкоторые говорятъ, будто воображеніемъ, разказами и разговорами, — иные по зачету и отважности военныхъ дѣлъ его, будто бы и дѣлами. Что жъ касается до упражненія его въ стихотворствѣ, то онъ часто говаривалъ намъ, что это упражненіе или, лучше сказать, порывы онаго угѣшали его, какъ бутылка шампанскаго, какъ наслажденіе, безъ коего онъ могъ обойтись, но которымъ упиваясь, онъ упивался уже съ полнымъ чувствомъ эгоизма и чуждый самой пролетной мысли, чтобы удѣлнить кому-нибудь хотя одну и малѣйшую каплю отъ своего наслажденія.

— **Заключимъ:** Давыдовъ не нюхаетъ табаку съ важностью, не смыкаетъ бровей въ задумчивости, не сидитъ въ углу въ безмолвіи. Голосъ его тонокъ, рѣчь жива и острепна. Онъ представляется намъ сочетателемъ противоположностей, рѣдко сочетающихся. Принадлежа старѣющему уже поколѣнію и лѣтами и службою, онъ свѣжестію чувствъ, веселостію характера, подвижностью тѣлесною и ратоборствованіемъ въ послѣднихъ

войнахъ собратствуетъ, какъ однолѣтокъ, и текущему поколѣнію. Его благословилъ великій Суворовъ; благословеніе это ринуло его въ боевыя случайности на полное тридцатилѣтіе, — но, кочуя и сражаясь тридцать лѣтъ съ людьми, посвятившими себя исключительно военному ремеслу, онъ въ то же время занимаетъ не послѣднее мѣсто въ словесности между людей, посвятившихъ себя исключительно словесности, и, охваченный вѣкомъ Наполеона, изрыгавшимъ всеокрушительными событіями, какъ Везувій лавою, — онъ пѣлъ въ пылу ихъ, какъ на кострѣ тамплиеръ Моле, объятый пламенемъ. Миръ и спокойствіе — и о Давыдовѣ нѣтъ слуха, его какъ бы нѣтъ на свѣтѣ; но повѣсть войною — и онъ уже тутъ, торчитъ среди битвы, какъ казачья пика. Снова миръ — и Давыдовъ опять въ степяхъ своихъ, опять гражданинъ, семьянинъ, пахарь, ловчій, стихотворецъ, поклонникъ красоты во всѣхъ ея отрасляхъ, — въ юной дѣвѣ ли, въ произведеніи художествъ, въ подвигахъ ли военномъ или гражданскомъ, въ словесности ли — вездѣ слуга ея, вездѣ рабъ ея, поэтъ ея, — вотъ Давыдовъ!

О. О.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ДОГОВОРЫ:

Довольно!... я рѣшенъ: люблю тебя, люблю!
Давно признанію удобный мигъ ловлю,
И съ устъ трепещущихъ слетѣть оно готово,

Но взглянешь ты — смущаюсь я,
И въ сердце робкое скрываю отъ тебя
Все бытіе мое, вмѣщающее слово.

Бѣгу тебя..... вотще!... полна

Безумная душа тобою,
Въ мечтахъ безсонницы и въ жаркихъ грезахъ сна,
Неотразимая! ты всюду предо мною,
Прилично ль это мнѣ? Прошла, прошла пора
Тревожнымъ радостямъ и бурнымъ наслажденьямъ;
Потухла въ сумракѣ весны моей заря,
Напрасно предаюсь привычнымъ заблужденьямъ;

Напрасно — мнѣ ль тебя любить?

Мнѣ ль сердце юное къ взаимности склонить?
Увы! не въ сѣдинахъ сердца обворожаешь!

Все правда... Но вчерашны ты знаешь ли
Могу ли позабыть нашу тайный разговор?

Ты рѣзвостію мила; но вздохъ, но томный взоръ,
 Но что задумчивость твоя мнѣ общають?
 Сказать ли все тебѣ?—Ужъ въ свѣтѣ примѣчаютъ,
 Что ты не такъ рѣзва, безпечна—и меня
 Безмолвно слушаешь. Вчера рука твоя
 Моей не покидала:

Она въ рукѣ моей горѣла, трепетала

И ты глядѣла—на кого?

Глядѣла на меня—меня лишь одного.....

Я видѣлъ все..... Да, я любимъ тобою!

Какъ выражу восторгъ я еердца моего?

Теперь заранѣе намъ должно межъ собою

Согласно начертать сердечный договоръ.

Мы тѣмъ предупредимъ семейственный раздоръ;

Неудовольствія и ненабѣжны споры.

○ Вотъ первая статья:

Мы будемъ жить одни—глазь на глазь—ты, да я.

Здѣсь тма насмѣшниковъ, которыхъ разговоры

Кипятъ злословіемъ; ехидныхъ языковъ

Я, право, не боюсь; но модныхъ болтуновъ,

Кудрявыхъ волокитъ, съ лорнетами, съ хлыстами,

Съ очками на носу, съ надутыми брыжжами,

Какъ можно принимать? Нѣтъ! безъ обвиняковъ,

Нѣтъ, нѣтъ, рѣшительно: отказъ имъ невозвратный.

И для чего намъ свѣтъ, и чопорный и знатный,

Рой обожателей и шайка сорванцовъ?

Къ чему, скажи ты мнѣ, мѣнять намъ тихій кровъ

И мирную любви обитель

На шумный маскарадъ нахаловъ и шутовъ?

Богъ съ ними! Что до нихъ! Я общество не любитель

И врагъ любезникамъ. Могу ль переносить

И угожденія, и въ дружбѣ увѣренія

Вертявыхъ шаркуновъ?—Имѣешь позволенье
Разъ въ мѣсяць..... два раза—принять и угостить
Мнѣ съ дѣтства моего знакомаго сосѣда
Семидесяти лѣтъ. О, какъ его бесѣда
Полезна для души! Какой онъ явный врагъ
Всѣмъ вѣтренымъ забавамъ, развлеченьямъ,
Пирамъ и праздникамъ и свѣтскимъ угожденьямъ!
И такъ, мой сдѣланъ первый шагъ,
И первая статья написана. Вторая:
Прошу театръ не посѣщать.
Но это жертва не большая:
Ахъ! намъ ли время убивать,
За наслажденіемъ искусственнымъ стремиться?
Мигъ дорогъ для любви! Мой другъ, мой юный другъ,
Минута праздная чѣмъ можетъ наградиться?
Къ тому жъ, что видимъ мы въ театрахъ? Малый
кругъ
Разумныхъ критиковъ, а прочіе—зѣваки,
Глупцы, насмѣшники, невѣжды, забіяки.
Открылся занавѣсъ. Неистовый герой
Завоеетъ «на стихахъ,» и въ бѣшенствѣ жеманномъ,
Дрожащую княжну, дрожащею рукой
Ударить не впопадъ кинжаломъ деревяннымъ;
Иль, небу и землѣ отмщеніемъ грозя,
Пронзаетъ грудь свою и, выпуча глаза,
Весь въ клюквенномъ соку, кобенясь, умираетъ.....
И ужинать домой съ княжною уѣзжаетъ.
Комедія тебя неужто веселить?
Чему учиться въ ней? Лукавствовать, смѣяться
Надъ добрыми людьми? Но можно ль забавляться
Несчастьемъ ближняго? — Тамъ старичокъ смѣшитъ,
Что поздно полюбилъ—но кто повелѣваетъ

Волненіемъ страстей? Тамъ мужа наряжаетъ
 Прической модною прелестная жена—
 И мужъ бодается. Насмѣшка не одна
 Язвить любовниковъ ревнивыхъ.
 Что тутъ веселаго? Къ тому жъ не вижу ль я
 Опять соборища сѣпцовъ многорѣчивыхъ!
 Куда дѣваться мнѣ? Куда укрыть тебя
 Отъ жадныхъ взглядовъ ихъ и устъ медоточивыхъ?
 Ужъ вотъ они, шумятъ! Ужъ въ ложѣ—Боже мой!...
 Ужъ пять наѣздниковъ межъ мною и тобой....
 И вотъ еще одинъ тѣснится съ извиненьемъ....
 И я у притолки! Любезныя слова
 Ихъ слушать осужденъ съ досадою, съ нетер-
 пѣньемъ....
 Молчу! Что дѣлать мнѣ? Супружнія права
 Теряютъ дѣйствіе въ собраньяхъ многлюдныхъ.
 Но зрѣлицу конецъ, и мы идемъ съ толпой
 Къ подъѣзду.... Ахъ! и тутъ не легче жребій мой,
 И тутъ я сволочью нахаловъ безразсудныхъ
 Затолканъ до смерти! Они спѣшать, летятъ,
 Усердствуютъ тебѣ и рѣку предлагаютъ....
 Возможно ль отказать?—Учтивость, говорятъ,
 Отказамъ первый врагъ. Глаза мои теряютъ
 Тебя средь моря шубъ, капотовъ, сюртуковъ,
 И шляпъ съ султанами, и шапокъ и чепцовъ!
 Не черти ли на зло мнѣ путь пересѣкаютъ?
 Вездѣ препятствія! И я одинъ брожу....

Нѣтъ! именемъ любви тебя прошу:
 Забыть навѣкъ театръ, любви моей опасный.
 Не все, не все еще: танцуешь ты прекрасно,
 Я знаю; но тебѣ на балахъ не бывать.
 Какъ? Будешь ты на балъ заранѣ наряжаться,

Съ намѣреніемъ приготовляясь,
 Чтобъ нравиться другимъ, прельщать, обворожать?...
 Такъ, стало, для другихъ и локоны волнисты
 Завьются? Для другихъ и яхонты огнисты,
 Алмазы яркіе зажгутся въ волосахъ—
 Все это для другихъ? И въ золотѣ, въ лучахъ,
 Богиня праздника, кадимая жрецами,
 И упоенная мольбами и хвалами,
 Изъ жалости одной взоръ бросишь на того,
 Кто болѣе всѣхъ любить, и кого
 Ты не нарядами, не блескомъ привлекаешь,
 Но сердцемъ, но умомъ, но скромностью плѣняешь?...
 Но вальсы начались. На вальсъ тебя просить
 Подходить юноша. Онъ, съ видомъ боязливымъ,
 Бродящимъ взоромъ, торопливымъ,
 Окинулъ общество—и взоръ остановить
 Рѣшился на тебѣ.... И кто не восхитится,
 Увидѣвши тебя? Ужъ онъ съ тобой вертится.
 Злодѣй! Ужъ онъ, обнявъ твой гибкій, стройный станъ,
 Летаешь.... до полу изъ милости касаясь,
 И ты лицо съ лицомъ! А я?—я, разрываясь,
 Опять у притолки!—А я? опять въ обманъ
 Попался! Думалъ быть съ тобою неразлученъ,
 Ждалъ удовольствія—теперь несносенъ, скученъ,
 Въ отчаяннѣ, взбѣшенъ! Но вальса вихрь утихъ,
 И ты спѣшишь ко мнѣ, чтобъ перевести дыханье.
 Я ожилъ, я забылъ и горе и страданье,
 Но, ахъ! надолго ли? Рой франтовъ молодыхъ
 Въ погонѣ за тобой, и ты съ однимъ изъ нихъ...
 Прекраснѣйшимъ, любезнѣйшимъ.... Нѣтъ! полно!
 Нѣтъ! балы позабудь..., утѣшь меня!... Довольно
 Измученъ уже я одной мечтой моею!...

Для разсудительныхъ, безчувственныхъ людей
 Я странень, можетъ быть. Что жь дѣлать, другъ мой
мильй,

Не я виновень въ томъ. Я сердца моего
 Могу ль избавиться? Какою силой
 Дамъ чувства новыя ему?

Мнѣ скажутъ: я тебя на скуку осуждаю;
 Твой домъ въ безлюдную тюрьму,
 Столицу въ монастырь пустынный обращаю....
 О, нѣтъ! я самъ хочу, чтобъ всюду за тобой
 Утѣхи, радости стремилися толпой....

Но я покой люблю, но скромность обожаю....

И потому тебя въ деревню призываю.

Огромны зданія не нужны намъ съ тобой:

Чертогъ, украшенный искусною рукой,

Очаровательный, чудесный,

Не такъ мнѣ нравится, какъ сельскій домикъ, тѣсный,

Но свѣтлый и простой. Я тѣсноту люблю:

Боюсь далеко жить отъ той, съ кѣмъ жизнь дѣлю;

Въ одной же горницѣ—кто шепчетъ, кто вздыхаетъ,

Кто стукнетъ, заскрыпитъ, на цыпочкахъ ступаетъ....

Я вижу, слышу, знаю все,

И сердце отъ того спокойнѣе мое.

Чего еще желать блаженства къ дополненью?

Во вкусъ англійскомъ, простомъ,

Я рощу насажу; она окружить домъ,

Пустыню оживить, дастъ пищу размышленью;

Вдоль рощи побѣжитъ струистый ручеекъ;

Тамъ ивы гибкія бесѣдкою сплетутся;

Березы надъ скамьей, развѣсившись, нагнутся;

Тамъ мшистый, темный гротъ, тамъ свѣтленькій лу-

жокъ

И даже огородъ приманяетъ насъ порою
 Своей роскошною и скромной простотою:
 Мы будемъ счастливы природой и собой:
 Недалеко межа пустынниковъ владѣнію,
 Но сколько мѣста въ немъ живому наслажденью!
 Богъ съ ними, съ благами роскошныхъ гордецовъ!
 Имъ міръ и блескъ мірской—намъ уголь и любовь.
 Друзья, товарищи трудовъ моихъ смиренныхъ,
 Кто будутъ? Жители села, съ простымъ умомъ.
 Умъ стоить остроты: въ невѣжествѣ своемъ,
 Они почтеннѣ людей высокоумныхъ,
 Которыхъ называть опасно.... замолчу.
 И такъ, съ тобою я въ деревню полечу,
 Забывши свѣтскія печальныя забавы,
 И общежитіе, и модныя уставы.
 О, сколько радостей насъ ожидаетъ тамъ!
 Скитаться будемъ мы по рощамъ, по горамъ,
 Куда глаза глядятъ.... Но только все со мною,
 Не разлучаяся, рука съ рукою.
 Найдемъ красивый видъ: мы, восхищаясь имъ,
 Приостановимся и взоры усладимъ —
 И сердце скадками наполнится мечтами;
 Но вечерѣетъ день, ужъ солнце за горами,
 И сумракъ стелется; мы тихою стопой
 Идемъ, задумавшись, съ растроганной душой,
 Спокойны, счастливы. Деревню переходимъ,
 Но мимо хижины убогой не проходимъ:
 Тамъ скорбь безмолвную ты въ рубищѣ найдешь....
 Смотри: мать блѣдная съ дѣтьми къ тебѣ тѣснится;
 Ты всѣмъ несчастнымъ другъ — ты помощь имъ
 даешь,
 И жаркая слеза изъ глазъ твоихъ катится.

Такъ дни проводишь ты. Тамъ щедрою рукой
 Даришь приданое невѣстѣ молодой;
 Тамъ старца дряхлаго ты дѣта уважаешь:
 Почетную скамью на свадьбѣ уступаешь,
 И, въ скромномъ платьицѣ, безъ вычурныхъ чудесъ,
 Ты, всѣмъ являешься посланницей Небесъ.
 Такъ въ радостяхъ любви мы дней не замѣчаемъ;
 Такъ жизнь летящую въ блаженство обращаемъ.
 Ратификаціи трактату моему.
 Я съ нетерпѣньемъ жду. Довѣрься своему
 Ты другу — подпиши статьи первоначальны.
 Доволенъ будетъ онъ. Со временемъ ему
 Осенни вечера; мечты, прогулки дальны
 Внушать важнѣйшія. Придетъ счастливый насъ
 И тайныя статьи явятся на показъ.

БУРЦОВУ.

ПРИЗЫВАНІЕ НА ПИЩЕЪ.

Бурцовъ, ёра, забіяка,
 Собутыльникъ дорогой!
 Ради рома и... арака,
 Посѣти домишко мой!
 Въ немъ нѣтъ нищихъ у порогу,
 Въ немъ нѣтъ зеркаль, вазъ, картинъ,
 И хозяинъ, слава Богу,
 Не великій господинъ.
 Онъ гусаръ—и не пускаетъ
 Мишурою пыль въ глаза;
 У него, братъ, замѣняетъ
 Всѣ диваны—кулы овса.
 Нѣтъ курильницъ, можетъ статься —
 За то трубка съ табакомъ;
 Нѣтъ картинъ—да замѣнятся
 Ташкой съ Царскимъ вензелемъ.
 вмѣсто зеркала сіяетъ
 Ясной сабли подоса.
 Онъ по ней лишь поправляетъ
 Два любезные уса.
 А на мѣсто вазъ прекрасныхъ,
 Бѣломраморныхъ, большихъ,
 На столъ стоятъ ужасныхъ
 Пять стакановъ пуншевыхъ.
 Они полны, увѣряю —
 Въ нихъ сокрытъ небесный жаръ.
 Приѣзжай — я ожидаю —
 Докажи, что ты гусаръ!

БУРЦОВУ.

Въ дымномъ полѣ, на бивакѣ
У пылающихъ огней,
Въ благодѣтельномъ аракѣ
Зрю спасителя людей.
Собирайся въ круговую
Православный весь причётъ!
Подавай лаханъ златую,
Гдѣ веселіе живетъ!
Наливай обширны чаши
Въ шумѣ радостныхъ рѣчей,
Какъ пивали предки наши
Среди копій и мечей.
Бурцовъ! ты, гусаръ гусаровъ,
Ты—на ухарскомъ конѣ,
Жесточайшій изъ угаровъ
И наѣздникъ на войнѣ—
Стукнемъ чашу съ чашей дружно!
Нынче пить еще досужно.
Завтра трубы затрубятъ,
Завтра громы загремятъ.
Выпьемъ же и поклянемся,
Что проклятью предаемся,
Если мы когда-нибудь
Шагъ уступимъ, поблѣднѣмъ,
Пожалѣемъ нашу грудь,
И въ несчастьи оробѣмъ.

Если мы когда дадимъ
Лѣвый бокъ на фланкировкѣ,
Или лошадь осадимъ —
Или миленькой плутовкѣ
Даромъ сердце подаримъ!
Пусть не сабельнымъ ударомъ
Пресѣчется жизнь моя!
Пусть я буду генераломъ,
Какихъ много видѣлъ я!
Пусть среди кровавыхъ боевъ
Буду блѣдень, боязливъ,
А въ собраніи героевъ —
Остръ, отваженъ, говорливъ!
Пусть мой усъ—краса природы—
Чернобурый въ завиткахъ,
Изсѣчется въ юны годы
И исчезнетъ яко прахъ!
Пусть Фортуна для досады,
Къ умноженію всѣхъ бѣдъ,
Дастъ мнѣ чинъ за вахтпарады,
Иль Георгій за совѣтъ.
Пусть.... Но чу!—гулять не время?
Къ конямъ, братъ, и ногу въ стремя,
Саблю вонъ и въ сѣчу!—Вотъ
Пиръ иной намъ Богъ даѣтъ,
Пиръ задорнѣй, удалѣе,
И шумнѣй и веселѣе....
Нутка—киверъ на бекрень,
И — ура! — счастливый день!

ГУСАРСКІЙ ПИРЬ.

Ради Бога, трубку дай,
 Ставь бутылки передъ нами,
 Всѣхъ наѣздниковъ сзывай
 Съ закрученными усами!
 Чтобы хоромъ здѣсь гремѣлъ
 Эскадронъ гусаръ летучихъ;
 Чтобъ до неба возлетѣлъ
 Я на ихъ рукахъ могучихъ;
 Чтобы стѣны отъ *ура*
 И тряслись и трепетали!...
 Лучше бъ въ полѣ закричали....
 Но другіе горло драли—
 И до насъ придетъ пора!
 Бурцовъ, братъ! что за раздолье!
 Пуншъ жестокій!... хоръ гремитъ!
 Бурцовъ! пью твое здоровье:
 «Будь гусаръ, вѣкъ пьянъ и сытъ!
 «Понтируй, какъ понтируешь,
 «Фланкируй, какъ фланкируешь;
 «Въ мирныхъ дняхъ не унывай,
 «И въ бояхъ качай—валяй!
 «Жизнь летитъ—не осрамися,
 «Не проспй ея полетъ.
 «Пей, люби, да веселися! —
 «Вотъ мой дружескій совѣтъ.»

РѢШИТЕЛЬНЫЙ ВЕЧЕРЪ ГУСАРА.

—

Сегодня вечеромъ увижусь я съ тобою—
Сегодня вечеромъ рѣшится жребій мой,
Сегодня получу желаемое мною—
Иль абшидъ на покой.

А завтра—чортъ возьми! какъ зюзя натянуся;
На тройкѣ ухорской стрѣлою полечу;
Проспавшись до Твери, въ Твери опять напьюся,
И пьяный въ Петербургъ на пьянство прискачу.
Но, если счастье назначено судьбою
Тому, кто цѣлый вѣкъ со счастьемъ незнакомъ,
Тогда.... о, и тогда напьюсь свинья свиньёю,
И съ радости пропью прогоны съ кошелькомъ.

ПАРТИЗАНЪ.

(ОТРЫВОКЪ.)

Умолкнулъ бой. Ночная тѣнь
Москвы окрестность покрываетъ;
Вдали Кутузова курень
Одинъ, какъ звѣздочка, сверкаетъ.
Громада войскъ во тмѣ кипить,
И надъ пылающей Москвою
Багрово зарево лежитъ
Необозримой полосою.

И мчится тайною тропой,
Воспрянувшій съ долины битвы,
Наѣздниковъ веселый рой
На отдаленныя ловитвы.
Какъ стая алчущихъ волковъ,
Они долинами витають:
То внемлютъ шороху, то вновь
Безмолвно рыскать продолжаютъ.

Начальникъ, въ буркѣ на плечахъ,
Въ косматой шапкѣ кабардинской,
Горитъ въ передовыхъ рядахъ
Особой яростью воинской.
Сынъ бѣлокаменной Москвы,
Но рано брошенный въ тревоги,

Онъ жаждетъ сѣчи и молвы,
А тамъ что́ будетъ.... вольны боги!

Давно не знаемъ имъ покой,
Привѣтъ родни, взоръ дѣвы нѣжный;
Его любовь — кровавый бой,
Родня — Донцы, другъ — конь надежный:
Онъ чрезъ стремнины, чрезъ холмы
Отважно всадника приноситъ,
То чутко шевелитъ ушами,
То фыркаетъ, то удила проситъ.

Еще ихъ скокъ примѣтенъ былъ
На высахъ, за преградной Нарой,
Златимыхъ отблескомъ пожара —
Не скоро буйный рой за высь перекатитъ
И скоро слѣдъ его простытъ....

.
.
.

ПѢСНЯ.

Я люблю кровавый бой!
 И рожденъ для службы царской!
 Сабля, водка, конь гусарской —
 Съ вами вѣкъ мнѣ золотой!
 Я люблю кровавый бой!
 И рожденъ для службы царской!

За тебя на чорта радъ,
 Наша матушка Россія!
 Пусть Французишки гнилые
 Къ намъ пожалуютъ назадъ!
 За тебя на чорта радъ,
 Наша матушка Россія!

Станемъ, братцы, вѣчно жить
 Вкругъ огней, подъ шалашами;
 Днемъ — рубиться молодцами,
 Вечеркомъ — горѣлку пить!
 Станемъ, братцы, вѣчно жить
 Вкругъ огней, подъ шалашами.

О, какъ страшно смерть встрѣчать
 На постелѣ господиномъ,
 Ждать конца подъ балдахиномъ
 И всечасно умирать!
 О, какъ страшно смерть встрѣчать
 На постелѣ господиномъ!

То ли дѣло средь мечей —
Тамъ о славѣ лишь мечтаешь,
Смерти въ когти попадаешь
И не думая о ней!

То ли дѣло средь мечей —
Тамъ о славѣ лишь мечтаешь!

Я люблю кровавый бой!
Я рождень для службы царской!
Сабля, водка, конь гусарской —
Съ вами вѣкъ мнѣ золотой!

Я люблю кровавый бой!
Я рождень для службы царской!

ПѢСНЯ СТАРАГО ГУСАРА.

Гдѣ друзья минувшихъ лѣтъ,
Гдѣ гусары коренные
Предсѣдатели бесѣдъ,
Собутыльники сѣдые?

Дѣды! помню васъ и я,
Испивающихъ ковшами,
И сидящихъ вокругъ огня
Съ красносизыми носами!

На затылкѣ кивера,
Доломаны до колѣна,
Сабли, шашки у бедра,
И диваномъ — кипа сѣна.

Трубки черныя въ зубахъ;
Всѣ безмолвны — дымъ гуляетъ
На закрученныхъ вискахъ,
И усы перебѣгаетъ.

Ни полслова.... Дымъ столбомъ....
Ни полслова.... Всѣ мертвецки
Пьютъ, и преклонясь челомъ,
Засыпаютъ молодецки.

Но едва проглянетъ день,
Каждый по полю порхаетъ;

Киверъ звѣрски на бекрень,
Ментикъ съ вихрями играетъ.

Конь кипитъ подъ сѣдокомъ,
Сабля свищетъ, врагъ валится....
Бой умолкъ — и вечеркомъ
Снова ковшикъ шевелится.

А теперь, что вижу? — Страхъ!
И гусары въ модномъ свѣтъ,
Въ вицъ-мундирахъ, въ башмакахъ,
Вальсируютъ на паркеть!

Говорятъ умнѣй они....
Но что слышимъ отъ любова?
«Жомини, да Жомини!»
А объ водкѣ ни полслова.

Гдѣ друзья минувшихъ лѣтъ,
Гдѣ гусары коренные,
Предсѣдатели бесѣдъ,
Собутыльники сѣдые?

ГУСАРСКАЯ ИСПОВѢДЬ.

Я каюсь: я гусарь давно, всегда гусарь,
 И съ просьбью усовъ все рабъ молодой привычки:
 Люблю разгульный шумъ, шумовъ, рѣчей пожаръ
 И громогласныя шампанскаго отгычки.
 Отъ юности моей врагъ чопорныхъ утыхъ,
 Мнѣ душно на пирахъ безъ воли и распашки.
 Давай мнѣ хоръ Цыганъ! Давай мнѣ споръ и смѣхъ,
 И дымъ столбомъ отъ трубочной *затяжки!*

Бѣгу васъ, сборища, гдѣ жизнь въ однѣхъ ногахъ,
 Гдѣ благосклонности передаются вѣсомъ,
 Гдѣ откровенность въ кандалахъ,
 Гдѣ тѣло и душа подъ прессомъ;

 Гдѣ заслоняютъ намъ вихрь танцевъ эюлеты,

 Гдѣ столько пузь затянута въ корсеты!
 Но не скажу, чтобы въ безумный день
 Не погрѣшилъ и я, не посѣтилъ кругъ модный;
 Чтобъ не искалъ присѣсть подъ благодатну тѣнь
 Разскащицы и сплетницы дородной;
 Чтобъ схватки съ острякомъ бонтоннымъ убѣгалъ,
 Или сквозь локоны ланиты воспаленной
 Я бѣ цѣпотомъ любовь не напѣвалъ
 Красавицѣ, мазуркой утомленной.

Но то набѣгъ, наскокъ — я мигъ ему даю,
 И торжествуютъ вновь любимыя привычки,
 И я спѣшу въ мою гусарскую семью,
 Гдѣ хлопають еще шампанскаго оттычки.
 Долой, долой, крючки, отъ глотки до пупа!
 Гдѣ трубки? — Вейся дымъ на удаломъ раздолье!
 Роскошествуй веселая толпа
 Въ живомъ и братскомъ своеволье!

ХРАБРОМУ ПОВѢСЬ.

Люблю тебя, какъ сабли моськь,
 Когда, пріосѣнясь фуражкой,
 Съ виноточивою баклажкой,
 Идешь въ бивачный мой кіоскъ!

Когда, летая по рядамъ,
 Горишь, какъ свѣчка, въ дымѣ бранномъ;
 Когда въ окаянномъ
 Ты лупишь по щекамъ.

Киплю, люблюсь на тебя,
 Глядя на прыть твою младую:
 Такъ старый хрычъ, Цыганъ Илья,
 Глядитъ на пляску удалую,
 Нодъ ладъ плечами шевеля.

О, рыцарь, идогъ усачей!
 Гордись пороками своими!
 Чаруй съ гусарами лихими,
 И очаровывай. . . .

ТОСТЬ НА ОБЪДЪ ДОНЦОВЪ.

Брызни искрами изъ пѣна
 Радость, жизнь донскихъ холмовъ!
 Окропи, моя любовь,
 Черный усь мой бѣлой пѣной!
 Другъ народа удалого,
 Я стаканъ съ широкимъ дномъ
 Осушу однимъ глоткомъ,
 Въ славу воинства Донского!

Здравствуйте, братцы, атаманы-молодцы!

ПОЛУСОЛДАТЪ.

«Нѣтъ, братцы, нѣтъ! полусолдатъ
Тотъ, у кого есть печь съ лежанкой,
Жена, полдюжины ребятъ,
Да щи, да чарка съ запеканкой!

«Вы видѣли, я не боюсь
Ни пуль, ни дротика Куртинца;
Лечу стремглавъ, не дуя въ усь,
На ножъ и шашку Кабардинца.

«Все такъ — но прекратился бой,
Холмы усыпались огнями,
И хохоть обуялъ толпой,
И клики вторятся горами.

«И все кипить, и все гремить,
А я, межъ вами одинокой,
Нѣмою грустію убить,
Душой и мыслию далеко.

«Я не внимаю стуку чашъ
И спорамъ вокругъ солдатской каши;
Улыбки нѣтъ на хохоть вашъ,
Нѣтъ взгляда на проказы ваши!

«Таковъ ли былъ я въ вѣкъ златой
 На буйной Вислѣ, на Балканѣ,
 На Эльбѣ, на войнѣ родной,
 На льдахъ Торнео, на Секванѣ?»

«Бывало, слово: «другъ, явись!»
 И ужъ Денисъ съ коня слѣзаетъ;
 Лишь чашей стукнуть, и Денисъ
 Какъ тутъ — и чашу осушаетъ!

«На скачку, на борьбу готовъ,
 И чтимый *выродкомъ* глупцами,
 Онъ, расточитель острыхъ словъ,
 Имъ хлещетъ прозой и стихами.

«Иль въ карты бьется до утра,
 Раскинувшись на горской буркѣ;
 Или вокругъ свѣтлаго костра
 Танцуетъ съ дѣвками мазурки.

«Нѣтъ, братцы, нѣтъ! полусолдатъ
 Тотъ, у кого есть печь съ лежанкой,
 Жена, полдюжины ребятъ,
 Да щи, да чарка съ запеканкой!»

Такъ говорилъ наѣздникъ нашъ,
 Оторванный судьбы велѣньемъ
 Отъ крова мирнаго, въ шалашъ,
 На съчи, къ пламеннымъ сраженьямъ.

Араксъ шумить, Араксъ шумить,
 Араксу вторить ключъ нагорный,

И Алагъёзъ*, нахмурясь, спить,
 И тонеть въ влагъ домъ узорный;
 И вѣетъ съ пурпурныхъ садовъ
 Зефиръ восточнымъ ароматомъ,
 И сквозь сребристыхъ облаковъ
 Луна плыветь надъ Араратомъ.

Но воинъ нашъ не упоенъ
 Ночною роскошью полуденнаго края....
 Съ Кавказа глазъ не сводить онъ,
 Гдѣ подпираетъ небосклонъ
 Казбека** груды снѣговая....
 На немъ знакомый вихрь, на немъ громада льда,
 И надъ челомъ его, въ туманѣ мутномъ,
 Какъ Русь святая, недоступномъ,
 Горитъ родимая звѣзда.

* Заоблачная гора, на границѣ Эриванской области.

** Одна изъ высочайшихъ горъ Кавказскаго хребта.

ЧЕЛОБИТНАЯ.

Въ дни былые сорванецъ,
Весельчакъ и веселитель,
А теперь Москвы строитель,
Озабоченный дѣлецъ,
О, мой давній покровитель!
Сохрани меня, отецъ,
Отъ сосѣдства шумной тучи
Благочиній саранчи,
И торчащей каланчи,
И пожарныхъ трубъ и крючій!
То есть, по просту сказать:
Помоги въ казну продать
За сто тысячъ домъ богатый,
Величавыя палаты —
Мой Пречистенскій дворецъ.
Тѣсенъ онъ для партизана!
Сотоварищъ урагана,
Я люблю, казакъ-боецъ,
Домъ безъ оконъ, безъ крылецъ,
Безъ дверей и стѣнъ кирпичныхъ —
Домъ разгуловъ безграничныхъ
И налётовъ удалыхъ,
Гдѣ могу гостей моихъ
Принимать картёчью въ ухо,

Пулей въ лобъ, иль пикой въ брюхо.
 Другъ, вотъ истинный мой домъ!
 Онъ вездѣ, но скучно въ немъ:
 Нѣтъ гостей для угощенья!
 Подожду—а ты, пока,
 Вникни въ просьбу казака
 И уважь его моление.

ГУСАРЬ.

Напрасно думаете вы,
Чтобы гусарь, питомецъ славы,
Любилъ лишь-только бой кровавый
И былъ отступникомъ любви.
Амуръ не вѣчно пастушкомъ
Въ свирѣль безъ умолка играетъ:
Онъ часто, скучивъ посошкомъ,
Съ гусарской саблею гуляетъ;
Онъ часто храбрости огонь
Любовнымъ пламенемъ питаетъ —
И тѣмъ милѣй бываетъ онъ!
Онъ часто съ грознымъ барабаномъ
Мѣшаетъ звукъ любовныхъ словъ.
Онъ такъ и намъ подъ доломаномъ
Вселяетъ звѣрство и любовь.
Въ насъ сердце не всегда желаетъ
Услышать стонъ, увидѣть бой —
Ахъ! часто и гусарь вздыхаетъ,
И въ киверѣ его весной
Голубка гнѣздышко свиваетъ.....

ВОЗЬМИТЕ МЕЧЪ.

Возьмите мечъ — я не достоинъ брани!
 Сорвите лавръ съ чела — онъ страстью помраченъ!
 О, боги Паеоса! окуйте мощныя длани
 И робкимъ плѣнникомъ въ постыдный ринете плѣнь!
 Я вашъ. И кто не воспылаетъ?
 Кому не пишется любовью приговоръ,
 Какъ длинная она рѣсницы подымаетъ
 И пышетъ страстью взоръ?
 Когда Харитой улыбнется,
 Или, въ ночной тиши,
 Воздушнымъ призракомъ несется,
 Иль, непреклонная, надъ чувствами смѣется
 Обуреваемой души!
 О, вы, которыя здѣсь прелестями гордитесь!
 Не вамъ ужъ болѣе покорствууетъ любовь,
 Взгляните на нее и сердцемъ содрогнитесь:
 Она владычица и смертныхъ и боговъ!
 Ахъ! пусть богъ Эракии мнѣ срамомъ угрожаетъ,
 И потрясая лавръ, манить еще къ боямъ —
 Воспитанникъ побѣдъ прахъ ногъ ея лобзаетъ,
 И говорить: «прости!» торжественнымъ вѣнкамъ....
 Но кто сей юноша блаженный,
 Который будетъ пить дыханье воспаленно
 На тающихъ устахъ,
 Познаетъ мѣлые чувства въ потупленныхъ очахъ
 И на груди ея воздремлетъ утомленной?

ЖЕСТОКІЙ ДРУГЪ.

—
Жестокій другъ! за что мученье? —
Зачѣмъ приманка милыхъ словъ?
Зачѣмъ въ глазахъ твоихъ любовь,
А въ сердцѣ гнѣвъ и нетерпѣнье?
Но будь спокойна только ты,
А я, на горе обреченный,
Я оставляю всѣ мечты
Моей души развороженной....

.....
И этотъ край очарованья,
Гдѣ столько былъ судьбой гонимъ,
Гдѣ я любилъ, не бывъ любимъ,
Гдѣ я страдалъ безъ состраданья,
Гдѣ такъ жестоко испыталъ
Невѣрность клятвъ и обѣщаній —
И гдѣ никто не понималъ
Моей души глухихъ рыданій!

==

ВАЛЬСЪ.

Кипить потокъ въ дубравѣ шумной
И мчится скачущей волной,
И катить въ ярости безумной
Песокъ и камень вѣковой.
Но покоренъ красой невольню,
Колышетъ ласково потокъ,
Слетѣвшій съ берега на волны,
Весенній, розовый листокъ.
Такъ бурей вальса не сокрыта,
Такъ отъ толпы отличена —
Летитъ воздушна и стройна
Моя любовь, моя Харита,
Виновница тоски моей,
Волненья чувствъ моихъ и думы,
И поэтическихъ безумій,
И поэтическихъ страстей!

ТЕБѢ ЛЕГКО.

—

Тебѣ легко — ты весела,
Ты радостна какъ утро мая,
Ты рѣзвишься, не вспоминая,
Какую клятву мнѣ дала!...
Ты права. Какъ отъ упоенья,
Въ чаду кадилницъ не забыть
Обѣтъ, который, можетъ быть,
Ты бросила отъ нетерпѣнья!

А я....? Я жалуясь безжалостной судьбѣ,
Я плачу, какъ дитя, прикинувъ къ изголовью,
Мечусь по ложу сна, терзаемой любовью,
И мыслю о тебѣ..... и объ одной тебѣ!

О, ПОЩАДИ!

—

О, пощади!—Зачѣмъ волшебство ласкъ и словъ,
Зачѣмъ сей взглядъ, зачѣмъ сей вздохъ глубокой,
Зачѣмъ скользить небережно покровъ
Съ плечь бѣлыхъ и груди высокой?
О, пощади! Я гибну безъ того;
Я замираю, я нѣмѣю
При легкомъ шорохѣ прихода твоего;
Я, звуку словъ твоихъ внимая, цѣпенѣю....
Но ты вошла — и дрожь любви,
И смерть и жизнь, и бѣшенство желанья
Бѣгутъ по вспыхнувшей крови
И разрывается дыханье!
Съ тобой летать, летать часы,
Языкъ безмолвствуетъ..... однѣ мечты и грезы,
И мука сладкая, и восхищенья слезы —
И взоръ впился въ твои красы,
Какъ жадная пчела въ листокъ весенней розы!

==

ДУШЕНЬКА.

Бывали ль вы въ странѣ чудесъ,
Гдѣ жертвой грознаго велѣнья,
Въ глуши земного заточенья
Живеть изгнанница небесъ?

Я былъ, я видѣлъ божество;
Я пѣлъ ей пѣснь съ восторгомъ новымъ,
И осѣнилъ вѣнкомъ лавровымъ
Ея высокое чело.

Я, какъ младенецъ, трепеталъ
У ногъ ея въ уничиженьи,
И омрачить богослуженье
Преступной мыслью не дерзалъ.

Ахъ! мнѣ ль божественной къ стопамъ
Нестъ обольщенія искусство?
Я весь былъ гимнъ, я весь былъ чувство,
Я весь былъ чистый энміамъ!

И что ей нашъ земной восторгъ,
Слова любви?—Пустые звуки!
Она чужда сердечной муки,
Чужда томительныхъ тревогъ.

Изъ-подъ рѣсницъ ея густыхъ
Горитъ и гаснетъ взоръ стыдливый....

Но отъ чего души порывы
И вздохи персей молодыхъ?

Былъ мигъ: пролетная мечта
Скользнула по челу прекрасной —
И вспыхнули ланиты страстно
И загорѣлися уста!

Но это мигъ—игра одна
Какихъ-то думъ... воспоминанье
О томъ небесномъ обитаньи,
Откуда изгнана она...

Иль скучась безъ нея, съ небесъ
Воздушный гость, незримый мною,
Амуръ съ повинной головою
Предсталъ, нѣмбьющій отъ слезъ.

И очи онъ возвелъ къ очамъ,
И пробудилъ въ груди волненья,
Отъ жаркихъ устъ прикосновенья
Къ ея трепещущимъ устамъ.

О, МИЛЫЙ ДРУГЪ!

О, милый другъ! оставь угадывать другихъ
 Предметъ, сомнительный для нихъ,
 Тѣхъ пѣсней пламенныхъ, въ которыхъ, восхищенный,
 Я прославлялъ любовь, любовью распаленный!
 Пусть ищутъ для кого я въ лиру ударялъ,

Когда поэтовъ въ хорѣ,
 Россійской Терпсихорѣ
 Восторги посвящаль.
 Но ты не въ заблужденъи,
 Кого въ воображенъи
 Я розами вѣнчалъ;
 Чьи длинныя рѣсницы
 Звукъ стройныя цѣвницы
 Потомству предавалъ.
 И мнѣ ли огонь желанья
 Въ другихъ воспламенять?
 Мнѣ ль новаго искать
 Въ любви очарованья?
 Я страстенъ лишь тобой!
 Подъ именемъ другой
 Тебя лишь славятъ струны,
 И для тебя одной
 Бросаю въ вражій строй
 Разящіе перуны.
 Восторгомъ упоенъ,
 Вѣка предупреждаю
 И, миртомъ осяненъ,
 Безсмертіе вкушаю.

МОРЕ ВОЕТЪ.

—

Море воетъ, море стонетъ,
И во мракъ, одинокъ,
Поглощенъ волною, тонетъ
Мой заносчивый челнокъ.

Но, счастливецъ, предъ собою
Вижу звѣздочку мою—
И спокоенъ я душою,
И безопасно я пою.

Молодая, золотая
Предвѣщательница дня!
При тебѣ бѣда земная
Недоступна до меня.

Но сокрой за бурной мглою
Ты сіяніе свое—
И сокроется съ тобою
Провидѣніе мое.

→

НА ГОЛОСЪ ИЗВѢСТНОЙ РУССКОЙ ПѢСНИ.

Я люблю тебя—безъ ума люблю!
О тебѣ одной думы думаю;
При тебѣ одной сердце чувствую,
Моя милая, моя душечка!

Ты взгляни, молю, на тоску мою—
И улыбкою, взглядомъ ласковымъ
Ускопой меня, безпокойнаго,
Осчастливь меня, несчастливаго!

Если жребій мой—умереть тоской,
Я умру, любовь проклинаячи,
Но и въ смертный часъ воздыхаячи
О тебѣ, мой другъ, моя душечка!

Я ВАСЬ ЛЮБЛЮ.

—

Я вась люблю, такъ, какъ любить вась должно:
 На перекоръ судьбы и сплетней городскихъ,
 На перекоръ, быть можетъ, вась самихъ,
 Томящихъ жизнь мою жестоко и безбожно.
 Я вась люблю—не отъ того, что вы
 Прекраснѣй всѣхъ, что станъ вашъ нѣгой дышитъ,
 Уста роскошествуютъ и взоръ Востокомъ пышитъ,
 Что вы поэзія отъ ногъ до головы.
 Я вась люблю безъ страха, опасенья
 Ни неба, ни земли, ни П....., ни Москвы—
 Я могъ бы вась любить глухимъ, лишеннымъ
 зрѣнья....

Я вась люблю затѣмъ—что это *вы!*
 Но, право, вась любить не прибѣгу къ паспорту
 Изсохшихъ завистью жеманницъ отставныхъ—
 Давно съ почтеніемъ я умоляю ихъ
 Не заниматься мной и—убираться къ чорту!

==

ВЕЧЕРЪ ВЪ ІЮНЬ.

—

Томительный, палящій день
Сгорѣлъ; полупрозрачна тѣнь
Нѣмого сумрака пріосвѣтляла дали;
Зарницы бѣгали за синею горой
И, окропленные росой,
Луга и лѣсъ благоухали.
Луна во всей краѣ плыла на высоту,
Таинственнымъ лучемъ мечтанія питая,
И преклонясь къ лавровому кусту,
Дышала роза молодая.

==

•

Я НЕ РОПЦУ.

—

Я не ропщу. Я вознесенъ судьбою
Превыше всѣхъ!—Я счастливъ! Я любимъ!
Привѣтливость даруется тобою
Соперникамъ моимъ....
Но теплота души, но все, что такъ люблю я
Съ тобой на единѣ....
Но дѣвственность живого поцалуя....
Не имъ, а мнѣ!

—

РЪЧКА.

Давно ли, рѣчка голубая,
Давно ли ласковой волной
Мой чолнъ привольно колыхая,
Владѣла ты, источникъ рая,
Моей блуждающей судьбой?

Давно ль съ безпечностію милой
Въ благоуханныхъ берегахъ,
Ты влагу ясную катила,
И отражать меня любила
Въ своихъ задумчивыхъ струяхъ?...

Теперь, печально пробѣгая,
Ты стонешь въ сумрачной тиши,
Какъ стонетъ дѣва молодая,
Пролетный призракъ обнимая
Своей тоскующей души.

Увы! твой ропотъ заунывный
Понятенъ мнѣ! Онъ — ропотъ мой!
И я пою послѣдні гимны,
И твой потокъ гостепріимный
Кроплю прощальною слезой!

На утро пурпурной зарею
Запышитъ небо; берега
Блеснутъ одеждой золотою,

И благотворною росою
Закаплютъ рощи и луга.

Но водъ твоихъ на лонѣ мутномъ
Все будетъ пусто!... Лишь порой,
Носясь полетомъ безпріютнымъ,
Ихъ гостемъ посѣтитъ минутнымъ
Журавль, пустынный кочевой.

О! гдѣ тогда, осиротѣлый,
Гдѣ буду я? Къ какимъ странамъ,
Въ какіе чуждые предѣлы,
Мчатъ будетъ гордо парусъ смѣлый
Мой чолнъ по скачущимъ волнамъ?...

Но гдѣ бъ я ни былъ—сердца дани
Тебѣ одной. Чрезъ даль морей,
Я на крылахъ воспоминаній
Явлюсь къ тебѣ, приютъ мечтаній,
И мукъ и благъ души моей!

Явлюсь, весь въ думу превращенный,
На берега твоихъ зыбей,
Въ обитель дѣвы незабвенной,
И тихо, странникъ жотаенной,
Невидимымъ приникну къ ней.

И, не подвластный злымъ укорамъ,
Я облеку ее собой,
Упьюсь ея стыдливымъ взоромъ,
И вдохновеннымъ разговоромъ,
И гармонической красой

Ея—чья прелесть—увлеченье,
Свѣтла, небесна и чиста,
Какъ чувство ангела въ моленъи,
Какъ непорочно сновидѣнье,
Какъ юной Граціи мечта!

ЕСЛИ БЪ БОГИ МИЛОСЕРДЫЕ.

—

Если бѣ боги милосердые
Были боги справедливости,
Если бѣ ты лишилась прелестей,
Нарушая обѣщанія,
Я бы, можетъ быть, осмѣлился
Быть невольникомъ преступницы.
Но, Аглая, какъ идетъ къ тебѣ
Быть лукавой и обманчивой!
Ты измѣнишь—и прекраснѣе!
И уста твои румяныя
Еще болѣе румянятся
Новой клятвой, новой выдумкой,
Голосъ, взоръ твой привлекательнѣй!
И богами вдохновенная,
Ты улыбкою небесною
Разрушаешь всѣ намѣренья
Разлюбить неразлюбимую!
Сколько плѣнниковъ скитается,
Сколько презрѣнныхъ терзается
Вкругъ обители красавицы!
Мать страшится называть тебя
Сыну, юностью кипящему,
И супруга содрогается,
Если взоръ супруга вѣрнаго
Хотя разъ, хоть на мгновение
Обратится на волшебницу!...

==

НЕ ПРОБУЖДАЙ.

—

Не пробуждай, не пробуждай
Моихъ безумствъ и изступленій,
И мимолетныхъ сновидѣній
Не возвращай, не возвращай!

Не повторяй мнѣ имя той,
Которой память — мука жизни;
Какъ на чужбинѣ пѣснь отчизны
Изгнаннику земли родной!

Не воскрешай, не воскрешай
Меня забывшія напасти—
Дай отдохнуть тревогамъ страсти
И ранъ живыхъ не раздражай!

Иль нѣтъ! Сорви покровъ долой....
Мнѣ легче горя своеволье,
Чѣмъ ложное холоднокровье,
Чѣмъ мой обманчивый покой!

==

СИЖУ НА БЕРЕГУ ПОТОКА.

Сижу на берегу потока;
Борь дремлетъ въ сумракѣ; все спитъ вокругъ, а я
Сижу на берегу и мыслию далѣко,
Тамъ, тамъ... гдѣ жизнь моя!...
И мечъ въ рукѣ моей мутитъ струи потока.

Сижу на берегу потока,
Снѣдаемъ ревностью, задумчивъ, молчаливъ...
Не торжествуй еще, о, ты, любимецъ рока!
Ты счастливъ—но я живъ....
И мечъ въ рукѣ моей мутитъ струи потока.

Сижу на берегу потока...
Вздохнешь ли ты о немъ, о, другъ, невѣрный другъ?
И точно ль онъ любимъ?—Ахъ! эта мысль жестока!
Кипитъ отъщеньемъ духъ
И мечъ въ рукѣ моей мутитъ струи потока.

ВЫЗДОРОВЛЕНІЕ.

—

Прошла борьба моихъ страстей,
Болезнь души моей мятежной,
И призракъ пламенныхъ ночей,
Неотразимый, неизбежный,
 И милая тревога милыхъ дней,
И языка несвязный лепетъ,
И сердца судорожный трепетъ,
И смерть и жизнь при встрѣчѣ съ *ней*....
Исчезло все!—Покой желанный
У изголовія сидитъ....
Но каплетъ кровь еще изъ раны
 И грудь усталая и ноетъ и болитъ!

ВЪ БЫЛЫЯ ВРЕМЕНА.

Въ былыя времена она меня любила,
 И тайно обо мнѣ подругамъ говорила,
 Смущенная и очи опустя,
 Какъ передъ матерью виновное дитя.
 Ей нравился мой стихъ, порывистый, несвязный,
 Стихъ безыскусственный, но жгучій и живой,
 И чувствъ разстроенныхъ языкъ разнообразный,
 И упоенный взглядъ любовью и тоской.
 Она внимала мнѣ, она ко мнѣ ласкалась,
 Унылая и думою полна,
 Иль ободренная, какъ ангелъ, улыбалась
 Надеждамъ и мечтамъ обманчиваго сна....
 И долгой взоръ ея, изъ-подъ рѣсницъ стыдливыхъ
 Бѣжалъ струей любви и мягко упадалъ
 Мнѣ на душу—и на устахъ пылалъ
 Готовый поцалуй для устъ нетерпѣливыхъ....

.....

О, ТЫ! СМУЩЕННАЯ ПРИСУТСТВИЕМЪ МОИМЪ.

О, ты! смущенная присутствіемъ моимъ,
 Спокойся: я бѣгу въ предѣлы отдаленны.
 Пусть избранный тобой вкушаетъ дни блаженны,
 Пока судьбой хранимъ.
 Но, ахъ! не мысли ты, чтобъ новые восторги
 И спутникъ счастливый твоихъ весеннихъ дней
 Изгладилъ меня изъ памяти твоей!
 О, нѣтъ! Есть судъ небесъ и справедливы боги!
 Душевные радости, дѣлимые со мной,
 Воспоминанія протекшихъ упованій,
 И сладкіе часы забвенья и мечтаній,
 И я, я самъ явлюсь тревожить твой покой!
 Но ужъ не въ видѣ томъ, какъ въ дни мои счастливы,
 Когда смущенный, торопливый,
 Я плакалъ безъ укоръ, безъ гнѣва угрожалъ,
 И за вину твою, любовникъ бояливый,
 Себѣ у ногъ твоихъ прощенія искалъ!
 Нѣтъ, нѣтъ! явлюсь опять, но какъ посланникъ
 мщенья,
 Но какъ каратель преступленья,
 Свирѣпъ, неумолимъ—вездѣ передъ тобой:
 И среди свѣтскаго блистательнаго круга,
 И средь семьи твоей, гдѣ ты цвѣтешь душой,
 Въ уединеніи, въ объятіяхъ супруга,
 Вездѣ, вездѣ въ твоихъ очахъ

Грозящимъ призракомъ, съ упрекомъ на устахъ!
Но, нѣтъ!.. О, гнѣвъ меня къ упрекамъ не принудить:
Чья мертвая душа тобой оживлена,
Тотъ благодати твои уже ль когда забудеть?
Его богамъ молитва лишь одна:
«Да будетъ счастлива она!...»
Но врядъ ли счастье твоимъ удѣломъ будетъ!

НѢТЬ! ПОЛНО ПРОБѢГАТЬ.

—

НѢть! полно пробѣгать съ улыбкою любви
Перстами легкими цѣвницу золотую!
Пускай другой поетъ и радости свои,
И жизни счастливой подругу молодую—
Я одинокъ, какъ цвѣтъ степей,
Когда, колеблемый грозой освирѣпѣлой
Онъ клонится къ землѣ главой осиротѣлой
И блекнетъ средь цвѣтущихъ дней.
О, боги! мнѣ ль сносить измѣну надлежало?
Какъ я любилъ!—Въ тѣ красныя лѣта,
Когда къ разсѣянью все сердце увлекало,
Вездѣ одна мечта,
Одно желаніе меня одушевляло,
Все чувство бытія лишь ей принадлежало.
О, Лиза! сколько разъ на Марсовыхъ поляхъ,
Среди грозы боевъ, я, презирая страхъ,
Съ воспламененною душою
Тебя, какъ славу, призывалъ,
И въ пылъ сраженья мчалъ
Крылатые полки желѣзною стѣною....
Кто понуждалъ меня, скажи,
Отъ жизни радостной на жадну смерть стремиться?
Одно, одно мечтаніе души,
Что славы лучъ моей на милой отразится;
Что, можетъ быть, вѣнокъ, пріобрѣтенный мной
Въ бояхъ мечемъ нетерпѣливымъ,

Покроетъ лавромъ горделивымъ
Чело стыдливое подруги молодой.
Не я ли, вдохновень, касался струнь согласныхъ
И пѣль прекрасную! — Еще Москва полна
Моихъ въ стихахъ восторговъ страстныхъ,
И если ты еще толпой окружена
Соперницъ, завистью смущенныхъ,
И милыхъ юношей, любовью упоенныхъ,
Неблагодарная! не мнѣ ль одолжена
Ты торжествомъ своимъ?.. Пусть пламень пожираетъ,
Пусть шумная волна навѣки поглощаетъ
Стихи, которыми я Лизу прославлялъ!...
Но, нѣтъ! Измѣнницу весь міръ давно узналъ:
Безсмертія ея удѣломъ остается!
Забудутъ, что покой я ею потерялъ,
И до конца вѣковъ, средь плесковъ и похвалъ,
Невѣрной имя пронесется.
А я?... Мнѣ жребій пасть въ бояхъ,
Мечемъ побѣды пораженнымъ,
И, можетъ быть, врагомъ влеченный на поляхъ,
Чертитъ кремнистый путь челомъ окровавленнымъ.
Такъ! Я паду въ странѣ чужой,
Далеко родины, изгнанникомъ невиннымъ;
Никто не окропитъ холодный трупъ слезой,
И разбросаетъ вѣтръ мой прахъ съ пескомъ пусты-
нымъ!

Я ПОМНЮ.

—

Я помню — глубоко,
Глубоко мой взоръ,
Какъ лучъ, проникалъ и рощи и боръ,
И степь обнималъ широко, широко....

Но, зоркія очи,
Потухли и вы —
Я выглядѣлъ васъ на дѣву любви,
Я заплакалъ васъ въ безсонныя ночи!

==

ВЫ ХОРОШИ!

Вы хороши! — Каштановой волной
 Вашъ локонъ падаетъ на свѣжія ланиты;
 Какъ милъ вашъ взоръ полузакрытый,
 Какъ милъ вашъ станъ полунагой!

Не вы ль оригиналь живой
 Очаровательной Хариты,
 Кановы созданный рукой?

Вы хороши! — Но мой покой
 Неколебимъ. Осанка величава,
 Желанная тоска искусственной любви
 Не страшны мнѣ: моя отравя —
 Взоръ вдохновительный и слово отъ души.

Я ихъ ищу давно, давно, не обрѣтая.
 Вамъ не съ родни крылатый богъ:
 Жизнь ваша — *стрѣлка часовая,*
Арифметическій итогъ. —

Но та, которую люблю, не называя....
 Ахъ! та вся чувство, вся восторгъ,
 Какъ Пиндара строфа живая!

НЕУЖТО ДУМАЕТЕ ВЫ.

—

Неужто думаете вы,
Что я слезами обливаюсь,
Какъ бѣшеный кричу: *убы!*
И отъ измѣны измѣняюсь?
Я тотъ же атеистъ въ любви,
Какъ былъ и буду, увѣряю,
И чѣмъ рвать волосы свои,
Я — ваши къ вамъ же отсылаю.
А чтобъ въ послѣдствіи не быть
Передъ наслѣдникомъ въ отвѣтъ,
Всѣ ваши клятвы: *вѣкъ любить* —
Ему послалъ по эстафетѣ.
Простите! Право виновать!
Но если бѣ знали, какъ я радъ
Моей отставкѣ благодатной!
Теперь спокойно ночи сплю,
Спокойно ѣмъ, спокойно пью,
И посреди собратъи ратной
Вновь славу и вино пою.
Чѣмъ чахнуть отъ любви унылой,
Ахъ! что здоровѣй можетъ быть,
Какъ подписать отставку милой,
Или отставку получить?

==

КОГДА Я ПОВСТРѢЧАЛЪ.

1.

Когда я повстрѣчалъ красавицу мою,
 Которую любилъ, которую люблю,
 Чей власти избѣжать я лстылъ себя обманомъ —
 Я обомлѣлъ! — Такъ случаемъ неожиданнымъ,
 Гуляющій на валъ сорванецъ,
 Встрѣчается солдатъ-бѣглець
 Съ своимъ суровымъ капитаномъ.

2.

Вошла, какъ Психея, томна и стыдлива,
 Какъ юная Пери стройна и красива —
 И шопоть восторга бѣжить по устамъ,
 И крестятся вѣдьмы и тошно чертямъ!

3.

Въ тебѣ, въ тебѣ одной природа, не искусство,
 Умъ обольстительный съ душевной простотой,
 Веселость рѣзвая съ мечтательной душой.
 И въ каждомъ словѣ мысль, и въ каждомъ взорѣ
 чувство!

С. А. К....

—

Вы личикомъ пафосскій богъ,
 Вы молоды, вы стройны, какъ Аглая!
 Но я гусарь... я бѣ васъ любить не могъ,
 Простите: для меня *вы слишкомъ не земная!*
 Къ вамъ свѣтской страстью, какъ къ другой,
 Горѣть грѣшно!.....

==

ТОВАРИЦУ.

1812 года, на пути въ армию.

—

Мы оба въ дальній путь летимъ, товарищъ мой,
 Туда, гдѣ бой кипитъ, гдѣ русскій штыкъ бушуетъ,
 Но о тебѣ любовь горюетъ,
 Счастливецъ! о тебѣ — я видѣлъ самъ — тоской
 Заныли..... влажный взоръ стремился за тобой...

А обо мнѣ хотя бѣ вздохнули,
 Хотя бѣ въ окошечко взглянули,
 Какъ я на тройкѣ проскакалъ,
 И позабывъ покой и нѣгу,
 Въ курьерску заваясь телѣгу,
 Гусарскіе усы слезами обливалъ.

О Т В Ъ Т Ъ.

—

Я не поэтъ — я партизанъ, казакъ,
Я иногда бывалъ на Пиндѣ, но наскокомъ
И беззаботно, кое-какъ,
Раскидывалъ передъ Кастальскимъ токомъ
Мой независимый бивакъ.
Нѣтъ! не наѣзднику пристало
Пѣть, въ креслахъ развалиясь, лѣнь, нѣгу и покой.....
Пусть грянетъ Русь военною грозой —
Я въ этой пѣсни запѣвало.

==

МУДРОСТЬ.

—

АНАКРЕОНТИЧЕСКАЯ ОДА.

—

Мы недавно отъ печали,
Лиза, я, да Купидонъ,
По бокалу осушали,
И просили Мудрость вонъ.

«Дѣтушки! поберегитесь!»
Говорила Мудрость намъ.
«Пить не должно — воздержитесь:
«Этотъ сокъ опасенъ вамъ.»

— «Бабушка!» сказалъ плутишка,
«Твой совѣтъ закономъ мнѣ.
«Я послушливый мальчишка,
«Но вотъ капелька тебѣ.

«Выпей!» — Бабушка напрасно
Отговаривалась пить.
Какъ откажешь? Богъ прекрасной
Такъ искусенъ говорить.

Выпила и намъ твердила
О воздержности въ винѣ;

Еще выпивъ, попросила,
Что осталось на днѣ.

И старушка зашаталась,
Не нашедши больше словъ;
Зашатавшись, спотыкалась,
Опираясь на Любовь.

БОЛТУНЪ КРАСНОРЪЧИВЫЙ.

Болтунъ краснорѣчивый,
Повѣса дорогой!
Оставимъ свѣтъ шумливый
Съ безпутной суетой.
Пусть радости игривы,
Амуры шаловливы
И важныхъ Музъ гѣнье,
Съ Харитами житье
Украсятъ день счастливый.
Другъ милый! вечеркомъ
Хоть на часокъ покинемъ
Вельможъ докучный домъ,
И къ камельку подвинемъ
Диваны со столомъ,
Плодами и виномъ
Роскошно покровеннымъ,
И гордо отягченнымъ
Страсбургскимъ пирогомъ.
Къ намъ созванъ кругъ желанный
Отличныхъ сорванцовъ,
И плющемъ увѣнчанны,
Владѣльцы острыхъ словъ,
Мы Ваховыхъ даровъ
Потянемъ сокъ избранный.
Прошу тебя забыть
Нахальную уловку,
И крепсъ и понтировку,

И страсть людей губить;
А лучше пригласить
Измѣнницу, плутовку,
Которую любить
До завтра, можетъ быть,
Вчера ты общался.
Провѣдавши мой зовъ,
На пиръ ко мнѣ назвался
Эротъ—сей богъ боговъ,
Веселыхъ шалуновъ
Любимецъ и любитель,
Мой грозный повелитель
До серебряныхъ влосовъ.
Я мѣсто назначаю
Почетное ему:
По сану и уму
Прекраснаго сажаю
Близъ гостыи молодой,
И тяжкій кубокъ мой
Четъ препоручаю.
И пробка полетитъ
До потолка стрѣлою,
И пѣна зашумитъ
Сребристою струею,
Подъ розовой рукою
Рѣзвѣйшей изъ Харить!
Такъ время пробѣжитъ
Межъ радостей чудесныхъ;
А чтобъ хмѣльнѣе быть,
Давай здоровье пить
Всѣхъ вѣтренницъ извѣстныхъ!

ЭПИГРАММЫ.

—

1.

Б У Р И М Е.

Въ любезности его неодолимый—*грузъ*;
 Въ немъ не господствуютъ ни соль, ни—*перецъ*;
 Я вѣрю: можетъ быть, для Нѣмокъ онъ—*Французъ*,
 Но для Француженокъ онъ—*Нѣмецъ*.

2.

Меринось собакой сталъ—
 Онъ нахальствуетъ не къ рожѣ,
 Онъ сейчасъ народъ прохожій
 Затолкалъ и забодалъ.
 Сторожъ! что жъ ты оплошалъ?
 Подойди къ барану прямо,
 Подцѣпи его на крюкъ,
 И прижги ему курдюкъ
 Раскаленной эпиграммой.

3.

О, ты! убившій жизнь въ ученѣ кабинетѣ,
 Скажи мнѣ: сколько чудъ считается на свѣтѣ?
 «Семь».—Нѣтъ! восьмое ты, педантъ мой дорогой!
 Девятое твой носъ, носъ сизо-красноватый,
 Чтò такъ спѣсиво приподнятый,
 Стоитъ украшенный табачною ноздрей!

4.

Нѣтъ! кажется, тебѣ не суждено
 Сразить врага: твой врагъ дѣтина чудный;
 Въ немъ совѣсть спитъ спокойно, не пробудно.
 Заставить, другъ, его стыдиться—мудрено;
 Заставить покраснѣть—не трудно!

5.

Остра твоя, конечно, шутка,
 Но мнѣ прискорбно видѣть въ ней
 Несчастье твоего разсудка
 И счастье памяти твоей.

6.

Говоритъ хоть очень тупо,
 Но въ немъ это мудрено,
 Что онъ умничаешь глуно,
 А дурачится умно.

7.

Онъ съ цвѣточка на цвѣтокъ,
 Съ стебелька на стебелѣкъ
 Мотылькомъ перелетаетъ,
 Но какъ рокъ его суровъ!
 Всѣ растенья онъ лобзаетъ,
 Кромѣ.... лавровыхъ листовъ.

ГР. П. А. СТРОГОНОВУ,

*За чекмень, подаренный мнѣ мнѣ во время войны 1810
года, въ Турціи.*

Блаженной памяти, мой предокъ Чингисъ-ханъ,
Грабитель, озорникъ, съ аршинными усами,
На ухарскомъ конѣ, какъ вихрь передъ громами,
Въ блестящемъ панцырѣ влеталъ во вражій станъ,
И мощно разсѣкалъ татарскою рукою
Все, что противилось могущему герою.
Почтенный пращуръ мой, такой же грубіанъ,
Какъ дѣдушка его, нахальный Чингисъ-ханъ,
Въ чекменѣ легонькомъ, среди мечей разящихъ,
Ордами управлялъ въ поляхъ, войной гремящихъ.
Я тѣмъ же пламенемъ, какъ Чингисъ-ханъ, горю;
Какъ пращуръ мой, Батый, готовъ на бранну прю.
Но мнѣ ль, любезный графъ, въ французскомъ одѣ-
яньи,
Явиться въ авангардъ, какъ франту на гуляньи,
Завязывать жабо, прическу поправлять,
И усачамъ себя Линдоромъ показать?
Потомка бѣднаго ты пожалѣй Батыя,
И за чекмень прими его стихи дурные!

НА МОНУМЕНТЪ ПОЖАРСКАГО.

—

Такъ правосудная Россія награждаетъ!
О, зависть! содрогнись, сколь бренишь твой оплотъ:
Пожарскій оживаетъ —
Смоленскій оживётъ!

==

НА СМЕРТЬ N. N.

—

Гонители! онъ вашъ! Вамъ плески и хвала!
Терзайте клеветой его дѣла земныя;
Но не сорвать вѣнка со славнаго чела,
Но не стереть съ груди вамъ раны боевья!

==

ЛОГИКА ПЬЯНАГО.

—

Подъ вечерокъ Хруновъ изъ кабачка *Совы*,
Богъ вѣдаетъ куда, по стѣнкѣ пробирался;
Шель, шель и рухнулъ. Народъ расхохотался.
Чему бы кажется? Но люди таковы!
Однако жъ кто-то изъ толпы
(Почтенный человѣкъ) помогъ ему подняться,
И говорилъ: «Дружокъ! чтобъ впредь не спотыкаться,
«Тебѣ не надо пить»...
— Эхъ! братецъ! все не то: не надо мнѣ ходить! —

==

ПОЭТИЧЕСКАЯ ЖЕНЩИНА.

Что она?—Порывъ, смятенъе,
И холодность и восторгъ,
И отпоръ и увлеченье,
Смѣхъ и слезы, чортъ и богъ,
Пылъ полуденнаго лѣта,
Урагана красота,
Изступленнаго поэта
Безпокойная мечта!
Съ нею дружба—упоенье.
Но спаси, Создатель, съ ней
Отъ любовнаго сношенья
И таинственныхъ связей!
Огненна, славолюбива,
Я ручаюсь, что она
Неотвязчива, ревнива,
Какъ законная жена!

БОРОДИНСКОЕ ПОЛЕ.

Умолкшіе холмы, долъ, нѣкогда кровавый!
Отдайте мнѣ вашъ день, день вѣковѣчной славы,
И шумъ оружія, и стѣчи и борьбу.
Мой мечъ изъ рукъ моихъ упалъ. Мою судьбу
Попрали сильные. Счастливцы горделивы
Невольнымъ пахаремъ влекутъ меня на нивы...
О, ринь меня на бой, ты, опытный въ бояхъ,
Ты, голосомъ своимъ раждающій въ помахъ
Погибели враговъ предчувственные клики,
Вождь Гомерическій, Багратіонъ великій!
Простри мнѣ длань свою, Раевскій, мой герой!
Ермоловъ! я лечу—веди меня, я твой—
О, обреченный быть побѣдъ любимымъ сыномъ,
Покрой меня, покрой твоихъ перуновъ дымомъ!
Но гдѣ вы?... Слушаю... Нѣтъ отзыва! Съ полемъ
Умчался брани дымъ, не слышенъ стукъ мечей,
И я, питомецъ вашъ, склоняюсь главою у плуга,
Завидую костямъ соратника или друга.

ЗАЙЦЕВСКОМУ,

поэту-моряку.

Счастливый Зайцевскій, поэтъ и герой!
 Позволь земледѣльцу-гусару
 Пожать тебѣ руку солдатской рукой
 И въ честь тебѣ высушить чару.
 О, сколько ты славы готовишь Россіи,
 Дитя удалое свободной стихіи!

Лавръ первый изъ длани Кѣмены младой
 Ты взялъ на парнасскихъ вершинахъ;
 Ты, собственной кровью омытый, другой
 Сорвалъ на гремящихъ твердыняхъ;
 И къ третьему, съ лаской вдали колыхая,
 Тебя призываетъ равнина морская.

Мужайся!—Казарской, живой Леонидъ,
 Ждетъ друга на новый пиръ славы....
 О, будьте вы оба отечества щить,
 Перунъ вѣковѣчной державы!
 И гимны побѣды съ ладей окрыленныхъ
 Пусть искрами брызнуть отъ струнъ вдохновенныхъ!

Давно ль подъ мечами, въ пылу баттарей.
 И я попиралъ долъ кровавый,

И я въ сонмѣ храбрыхъ, у шумныхъ огней,
Нашъ станъ оглашалъ пѣснью славы?...
Давно ль... Но забвенемъ судьба меня губить,
И лира нѣмѣеть, и сабля не рубить.

ЛИСТОКЪ.

Листокъ изсохшій, одинокой,
Пролетный гость степи широкой,
Куда твой путь? голубчикъ мой.—
«Какъ знать мнѣ! Налетѣли тучи—
И дубъ родимый, дубъ могучій
Сломили вихремъ и грозой.
Съ тѣхъ поръ, игралице Борея,
Не сѣтуя и не робѣя,
Ношусь я, странникъ кочевой,
Изъ края въ край земли чужой;
Несусь, куда несетъ суровый,
Всему неизбѣжимый рокъ,
Куда летить и листъ лавровый—
И легкій розовый листокъ!»

СОВРЕМЕННАЯ ПѢСНЯ.

Былъ вѣкъ бурный, дивный вѣкъ,
Громкій, величавый;
Былъ огромный человѣкъ,
Расточитель славы:

То былъ вѣкъ богатырей!
Но смѣшались шашки,
И ползли изъ щелей
Мошки, да букашки.

Всякій маменькинъ сынокъ,
Всякій обирала,
Модныхъ бредней дурачокъ,
Корчить либерала.

Деспотизма супостатъ,
Равенства ораторъ,
Вздучся, слѣпъ и бородачъ,
Гордый регистраторъ.

Томы Тьера и Рабо
Онъ на-память знаетъ,
И, какъ ярый Мирабо,
Вольность прославляетъ.

А глядишь,—нашъ Мирабо
 Стараго Гаврило,
 За измятое жабо,
 Хлещеть въ усь, да въ рыло;

А глядишь,—нашъ Дафазтъ,
 Бруть, или Фабрицій,
 Мужиковъ подъ прессъ кладеть
 Вмѣстѣ съ свекловицей.

Фразъ журнальныхъ лексиконъ,
 Прапорщикъ въ отставкѣ,
 Для него Наполеонъ—
 Въ родѣ бородавки;

Для него славнѣ бой
 Карбонаровъ блѣдныхъ,—
 Чѣмъ когда нашъ шаръ земной
 Отъ громовъ побѣдныхъ

Колыхался и дрожалъ,
 И народъ, въ смятенѣ,
 Ницъ упавши, ожидалъ
 Мира разрушенье.

Что жъ?—Быть-можетъ, нашъ герой
 Утомилъ свой геній
 И заботой боевой,
 И огнемъ сраженій?

Нѣтъ; онъ въ битвахъ не бывалъ:
 Шаркалъ по гостинимъ,

И по плацу выступалъ
Шагомъ журавлинымъ.

Что жъ?—Быть-можетъ, онъ богатъ
Счастьемъ семьянина,
Замѣня блистанье латъ
Тогой гражданина?

Нѣтъ; нахально подбочась,
Онъ по дачамъ рыщетъ,
И въ театрахъ, развалясь,
Все шипитъ да свищетъ.

Что жъ?—Быть-можетъ, старины
Онъ бѣжалъ приманокъ;
Звѣзды, ленты и чины
Презрѣлъ спозранокъ?

Нѣтъ; мудрецъ не разрывалъ
Съ честолюбьемъ дружбы,
И теперь бы крестикъ взялъ—
Только чтобъ безъ службы.

Вотъ, гостиная въ лучахъ,
Свѣчи да кенкеты;
На столѣ и на софахъ
Кипами газеты;

И превыспренній конгрессъ
Двухъ графинь оглохшихъ,
И двухъ жалкихъ баронессъ,
Чопорныхъ и тощихъ;

Все исчадіе грѣха,
 Страстное новинкой,
 Заговорщица—блоха
 Съ мухой—якобинкой;

И козявка-егоза,
 Дѣвка пожилая;
 И рябая стрекоза,
 Сплѣтня записная;

И комарь, студентъ хромой,
 Въ кучерской причоскѣ;
 И сверчокъ, крикунъ ночной,
 Другъ—Крылова «Мосски»;

И мурашка—филантропъ,
 И червякъ голодный,
 И Иванъ Ивановичъ—клопъ,
 Мужъ женоподобный, —

Все вокругъ стола, —и скокъ
 Въ кинеть совѣщанья,
 Утопистъ, идеалогъ,
 Президентъ собранья,

Старыхъ барынь духовникъ,
 Маленькій аббатикъ,
 Что въ гостиныхъ битъ привыкъ
 Въ маленькій набатикъ, —

Всѣ кричатъ ему привѣтъ
 Съ аханьемъ и пискомъ,

А онъ важно имъ въ отвѣтъ:
«Dominus vobiscum!»

И раздолье языкамъ,
И ужъ тутъ не шутка!
И народамъ, и царямъ —
Всѣмъ приходитъ жутко!

Все, что есть—все въ пыль и прахъ!
Все, что процвѣтаетъ —
Съ корнемъ вонь! Ареопагъ
Такъ опредѣляетъ.

И жужжить онъ, полнь грозой,
Царства низвергая;
А Россіи—Боже мой! —
Таска.... да какая!

И весь размежеванъ свѣтъ,
Безъ войны и драки!
И Россіи уже нѣтъ!

.....

Но, на зло врагамъ,—она
Все живетъ и дышетъ,
И могуча, и грозна,
И здоровьемъ пышитъ.

Насѣкомыхъ болтовни
Внятіемъ не тѣшить,
Да и мѣсто, гдѣ они,
Даже не почешетъ.

А когда, во время сна,
Моль, иль таракашка,
Заползеть ей въ носъ: она
Чхнетъ—и вонь букашка!

ПРОЗА.

ВСТРѢЧА

съ

ВЕЛИКИМЪ СУВОРОВЫМЪ.

—
Посвящается Князю Александру Аркадьевичу Италійско-
му, Графу Суворову-Рымникскому.

—
Съ семилѣтняго возраста я жилъ, подъ солдатскою палаткой, при отцѣ моемъ, который командовалъ тогда Полтавскимъ легкоконнымъ полкомъ; объ этомъ гдѣ-то было уже сказано. Забавы дѣтства моего состояли въ жѣтаніи ружьемъ и въ маршированьи, а верхъ блаженства — въ ѣздѣ на казачьей лошади, съ покойнымъ Филиппомъ Михайловичемъ Ежовымъ, сотникомъ Донского Войска.

Какъ рѣзвому ребенку не полюбить всего военного при всечасномъ зрѣлищѣ соддаты и лагеря? А *типъ* всего военного, Русскаго, родного

Соч. Д. Давыд.

8

военнаго, не былъ ли тогда Суворовъ? И Суворовымъ ли занимались и лагерныя сборща, и гражданскія общества того времени? И онъ ли былъ предметомъ восхищеній и благословеній, заочно и лично, всѣхъ и каждого? Его таинственность, происходящая отъ своихъ нравныхъ странностей, которыя онъ постоянно употреблялъ наперекоръ условнымъ страностямъ свѣта; его предпріятія, казавшіяся думавшимъ какъ будто: «хотѣлъ, годолу», молніелѣтныя переходы; его громовыя побѣды на неожиданныхъ ни нами, ни непріятелемъ точкахъ военныхъ дѣйствій, — вся эта поэзія событій, подвиговъ, побѣдъ, славы, продолжавшаяся нѣсколько десятковъ лѣтъ сряду, отзывалось въ свѣжей, молодой Россіи поэзіей — какъ все, что свѣжо и молодо!

Въ это время здравствовалъ еще знаменитый Румянцовъ, нѣкогда начальникъ Суворова и нѣкоторые другіе вожди, украшавшіе вѣкъ этотъ — вѣкъ Екатерины; но блескъ именъ ихъ тонулъ въ ослѣпительныхъ лучахъ этого сабытнаго, неразгадаемаго метеора, увлекавшаго собою весь міръ чувствъ, умовъ, вниманій, довѣренности своихъ соотчичей; ибо въ то время не было малѣйшаго противозвучія «обгармоній» мыслей, повѣрій, предразсудковъ, страстей, которыми исключительно они отличались. Этого мало; когда и понынѣ еще поддѣствуетъ между чужеземцами мнѣніе, войско наше безъ чувствъ, безъ порывовъ, честолюбія, что оно движимо однимъ то

страхомъ къ начальству, онъ, болѣе допусто-
лѣтія тому назадъ, положилъ руку на сердце
русскаго солдата и изучилъ его биецъ. Онъ
увѣрился, что русскій солдатъ, если не болѣе,
то конечно не менѣе всякаго чужеземнаго сол-
дата, причастенъ воспламененію и познанію сво-
его достоинства, и на этой увѣренности осно-
валъ образъ своихъ съ нимъ сношеній. Нахо-
дя повиновеніе начальству — этотъ необходи-
мый и единственный склей всякой арміи — до-
веденнымъ въ нашей до совершенства, онъ не
удовольствовался качествомъ, посредствомъ ко-
торого достигнуть можно до нѣкоторой только
извѣстной черты, не дажѣ; онъ удесятерилъ
пользу, приносимую повиновеніемъ, сочетавъ
ее въ душѣ солдата съ чувствомъ воинской
гордости и увѣренности въ превосходствѣ сво-
емъ надъ всѣми солдатами въ мірѣ, — чувствомъ,
котораго слѣдствію нѣтъ предѣловъ.

Но къ чему послужило бы, скажу болѣе,
долго ли удержалось бы на своей высотѣ это
подъятіе духа въ войскахъ, увѣренныхъ его
начальству, если бѣ воинскія его дарованія, —
я не говорю уже о непоколебимой стойкости
его характера и неограниченной его предпри-
имчивости, — если бѣ воинскія его дарованія
хотя немного уступали неустрашимости и само-
отверженію, которыя онъ посѣлалъ въ вой-
нахъ, исполнявшихъ его предназначенія? Если
бы, подобно всѣмъ полководцамъ своего вре-
мени, онъ продолжалъ идти тѣсною стезею ис-
кусства, проложеннаго посредственностью, и

не шагнулъ исполнски на пространство широкое, разгульное, которое имъ однимъ было угадано, и котораго до сей поры никто не посѣщаль послѣ него, кромѣ Наполеона?

Случай, который я хочу рассказать, требуетъ нѣсколькихъ предварительныхъ замѣчаній объ этомъ предметѣ, чтобы сдѣлаться понятнымъ во всѣхъ своихъ подробностяхъ. Они не будутъ длинны.

Суворовъ засталъ военное искусство основаннымъ на самыхъ жалкихъ началахъ. Наступательное дѣйствіе состояло въ движеніи войскъ, растянутыхъ и разсѣянныхъ по чрезмѣрному пространству, чтобы, какъ говорили тогда, «охватить оба крыла противника и поставить его между двухъ огней». Оборонительное дѣйствіе не уступало въ нелѣпости наступательному. Въмѣсто того, чтобы, пользуясь разсѣяніемъ войскъ противника, ударять совокупно на средину, разрѣженную и слабую отъ чрезмѣрнаго протяженія линіи, и, разорвавъ ее на двѣ части, поражать каждую порознь, — полководцы, дѣйствовавшіе оборонительно, растягивали силы свои наравнѣ съ наступательною арміею, занимая и защищая каждый путь, каждую тропинку, каждое отверзтіе, которыми она могла къ нимъ приблизиться. Нѣкоторые, — и тѣ почитались уже превосходнѣйшими вождями, — нѣкоторые рѣшались измѣнять оборонительное дѣйствіе въ наступательное, растягивая силы свои еще болѣе растянутой непріятельской арміи, чтобы, съ своей стороны, «охва-

титъ оба ея крыла и поставить ее между двухъ огней» обонхъ крылъ своихъ. Къ этому надобно еще прибавить такъ называемыя демонстраціи отраженными частями арміи на далекое разстояніе, отъ чего только уменьшалась числительная сила главной массы, опредѣленною для боя; разбѣренные переходы войскъ, которые только способствовали непріятелю рассчитывать время ихъ прибытія къ мѣстѣ, и следовательно предупреждать намѣренія ихъ начальника, и наконецъ большую заботливость о механическомъ устройствѣ подводовъ съ пищею въ опредѣленные сроки, чѣмъ о предметахъ, касающихся собственно до битвъ, и тѣмъ самымъ полное подданство военныхъ соображеній и дѣйствій соображенію и дѣйствію чиновниковъ, управляющихъ способами пропитанія армій. Такова была стратегія того времени! Тактика представляла не менѣе немощей: когда дѣло доходило до сраженія, то важнѣйшія условія для принятія битвы состояли: въ избраніи возвышеннаго мѣстоположенія, въ примкнутіи обонхъ крылъ арміи къ искусственнымъ или природнымъ преградамъ, и въ отраженіи оттуда непріятельскихъ усидій, *не даваясь съ мѣста*. При нападеніи на непріятеля, употребленіе фальшивыхъ атакъ, которыя никого не обманывали, и дѣйствіе болѣе огнемъ, чѣмъ холоднымъ оружіемъ, — нигдѣ рѣшительности, вездѣ оцупь и колебаніе воли!

Можно представить, какъ поступилъ съ такими преградами теній безпокойный, своенрав-

ный, независимый. Еще полковникомъ Астраханскаго пѣхотнаго полка, на маневрахъ у Краснаго Села, гдѣ одна сторона предводительствуема была графомъ Панинымъ, а другая не помню кѣмъ, Суворовъ, который давно уже негодовавъ на методическія движенія, почитаемыя въ то время во всей Европѣ за совершенство военнаго искусства, и на долговременную стрѣльбу во время боя, по мнѣнію его, ничего не рѣшающую, осмѣлился показать великой Монархинѣ и своимъ начальникамъ образъ дѣйствія, приличнѣйшій духу русскаго солдата, и испортилъ маневръ порывомъ своевольнымъ и неожиданнымъ. Среди одного изъ самыхъ недавнѣйшихъ движеній, сопряженнаго съ залпами «плутонгами и полуплутонгами», онъ вдругъ прекратилъ стрѣльбу своего полка, двинулся съ нимъ вонъ изъ линіи, ворвался въ средину противной стороны, замѣшалъ часть ея, и всеъ предначертанія и распоряженія обонхъ военачальниковъ перепуталъ и обратилъ въ хаосъ. Спустя нѣсколько мѣсяцевъ, когда ему предписано было идти съ полкомъ изъ Петербурга въ Ригу, онъ не пропустилъ и этого случая, чтобъ не открыть глазъ и не обратить вниманія на пользу, какую могутъ принести переходы войскъ, выступающіе изъ принятаго расчета, употребляемаго тогда всеми безъ исключенія. Посадивъ одинъ взводъ на подводы и взявъ съ нимъ полковую казну и знамена, онъ прибылъ въ восемь дней въ Ригу, и оттуда донесъ съ нарочнымъ о днѣ прибытія полка

на определенное ему мѣсто рапортомъ въ Военную Коллегію, изумленную такою поспѣшностью. Векоръ прибыла туда же и остальная часть полка, но не въ тридцать сутокъ, какъ предписано было по маршруту, а не болѣе какъ въ четырнадцать. Одна Екатерина во всей Россіи поняла и молодого полковника, и оба данныя имъ наставленія, и тогда же сказала объ немъ: «Это Мой собственный будущій генералъ!» Послѣ такого слова, легко было, и не Суворову, идти къ цѣли свободно и безъ опасенія препятствій, — что жъ долженъ былъ сдѣлать Суворовъ, съ своею предприимчивостью, съ своею желѣзною волею, и какъ онъ этимъ воспользовался?

Онъ предалъ анатемѣ всякое оборонительное, еще болѣе отступательное дѣйствіе въ русской арміи, и сорокъ лѣтъ сряду, то есть, отъ перваго боевого выстрѣла до послѣдняго дня своей службы, дѣйствовалъ не иначе, какъ наступательно.

Онъ совокуплялъ всѣ силы, и всегда воевалъ одною массою, что давало ему рѣшительное превосходство надъ разсѣянными образомъ дѣйствія, * принятымъ тогда въ Европѣ, —

* Разсѣяніе части арміи на осады нѣкоторыхъ крѣпостей въ Италіи принадлежитъ единственно Вѣнскому Военному Совѣту. Суворовъ неоднократно возставалъ на такой распорядокъ, и два раза просилъ себя отзывать изъ арміи. Не вѣшываясь этотъ Совѣтъ въ его распоряженія, — нѣтъ сомнѣнія, что, по превосходству числительной силы Суворова надъ силою французской арміи и

образомъ дѣйствія, употребляемыхъ посредственною, которая такъ часто дорывается до власти преимущественно передъ дарованіемъ.

Что касается до чистаго боевого дѣйствія, Суворовъ или стоялъ на мѣстѣ, вникая въ движенія противника, или, проникнувъ ихъ, стремглавъ бросался на него усиленными переходами, которые донынѣ именуется «Суворовскими,» и падалъ на него «какъ снѣгъ на голову.»

Слѣдствіемъ такихъ летучихъ переходовъ, предпринимаемыхъ единственно для изумленія непріятели внезапнымъ на него нападеніемъ во время его располха и неготовности къ бою, было предпочтеніе Суворовымъ холоднаго оружія огнестрѣльному. И нельзя быть иначе: не вытягивать же диніи и не завязывать дѣла канонадою и застрѣльщиками, чтобы, встревоживъ противника нечаяннымъ подавленіемъ, дать ему время прійти въ себя, оглядѣться, устроиться и привести положеніе атакованнаго въ равновѣсіе съ атакующимъ! И весь этотъ образъ дѣйствія, имъ созданный, приспособленъ былъ къ мѣстностямъ и обстоятельствамъ его чудеснымъ, неизъяснимымъ даромъ мгновенной смѣтливости при избраніи

генія его надъ дарованіями Моро, союзныя войска еще въ іюль мѣсяцъ были бы въ границахъ Франціи; Макдональдъ, занимавшій Неаполь, увидѣлъ бы себя безъ общенія съ Франціею, и Массена, обойденный съ праваго своего фланга, принужденъ былъ бы оставить Швейцарію.

выгоднѣйшаго стратегическаго пути между путями, разсѣкающими область, по которой надлежало ему двигаться, и тактической точки поля, на которомъ надлежало сражаться. По этому пути и на эту точку устремлялъ онъ всѣ свои силы, не отвлекая ихъ никакими посторонними происшествіями, случаями и предметами.

Этого-то человѣка судьба позволила мнѣ видѣть, и, что еще для меня лестнѣе, разсѣяться съ нимъ нѣсколькими словами въ одинъ изъ счастливейшихъ дней моей жизни.

Вотъ какъ это было.

За нѣсколько мѣсяцевъ до возстанія Польши, Суворовъ командовалъ корпусомъ, расположеннымъ въ губерніяхъ Екатеринославской и Херсонской. Корпусная квартира его была въ Херсонѣ. Четыре кавалерійскіе полка, входившіе въ составъ корпуса — Переяславскій конноегерскій, Стародубовскій, Черниговскій карабинерные и Полтавскій легко-конный — стояли лагеремъ близъ Днѣпра, въ разныхъ пунктахъ, но близкихъ одинъ къ другому. Полтавскій находился у села Грушевки, принадлежавшаго тогда княгинѣ Еленѣ Никитичнѣ Вяземской, послѣ того барону Штиглицу, а нынче не знаю кому. Домъ, занимаемый нашимъ семействомъ, былъ высокій и обширный, но выстроенный на скорую руку для Императрицы Екатерины, во время путешествія Ея въ Крымскую Область. Лагерь полка отстоялъ отъ дома не далѣе ста шаговъ. Я и братъ мой жили въ лагерѣ.

Въ одну ночь я услышала въ ночь шумъ сумятицы. Выскочивъ изъ палатки, увидѣла весь полкъ на коняхъ, и на лагерномъ мѣстѣ одну только нашу палатку неснягою. Я бросилась узнать причину такого неожиданнаго происшествія: мнѣ сказали, что Суворовъ долѣе не пріѣхалъ изъ Херсона, въ простой курьерской телѣжкѣ,* и остановился въ десяти верстахъ отъ насъ, въ лагерѣ одного изъ полиновъ, куда приказалъ прибыть всѣмъ прочимъ полкамъ и смотрѣть и маневры. Я была очень молода, и не уже говорилъ и мечталъ о Суворовѣ. Можно вообразить взрывъ моей радости! Впрочемъ радость и любопытство овладѣли не одними мною. Я помню, что покойная мать моя и всѣ жившіе у насъ родственники и знакомые, даже лакеи, кучера, повара и служанки, все, что было живого въ домѣ и въ селѣ, собиралось, спѣшило и бѣжало туда, гдѣ остановился Суворовъ, чтобы хоть разъ въ жизни взглянуть на любимаго героя, на нашего боевого полубога. Замѣтимъ, что тогда еще не было ни побѣды его въ Польшѣ, ни побѣды въ Италіи, ни побѣды надъ самою природою на Альпахъ, тѣмъ отдѣльной Пиндарической оды, законнавшей величественную эпопею подвиговъ чудеснаго человѣка.

* Телѣжка эта хранилась у покойнаго отца моего, какъ драгоценность, и сожжена въ Бородинѣ, во время сраженія въ 1812 году, вмѣстѣ съ селомъ, домомъ и всѣмъ имуществомъ, оставшимся въ доуѣ.

Вскорѣ мать моя и мы отправились вслѣдъ за полкомъ и за любопытными зрителями, и остановились въ пустомъ лагерѣ, потому что войска были уже на маневрахъ. Суворовъ приказалъ изъ каждаго полка оставить по малочисленной командѣ для разбитія палатокъ, а съ прочими войсками началъ дѣйствовать, и дѣйствовать по своему: маневръ кинѣлъ, подвигался и кончился въ семнадцати верстахъ отъ лагернаго мѣста. Къ полудню войска возвратились. Отецъ мой, запыленный, усталый и окруженный своими офицерами, вошелъ къ намъ въ палатку. Разказы не умолкали. Анекдоты о Суворовѣ, самыя прелестныя его слова, самыя мѣлкія его странности, передавались изъ устъ въ уста съ восторгомъ. Противны были только *лишняя*, какъ говорили тогда офицеры, быстрота въ движеніяхъ, которой онъ требовалъ отъ конницы, и продолжительное преслѣдованіе мнимаго непріятеля, изнурявшее людей и лошадей. Но всего болѣе не нравился слѣдующій маневръ:

Суворовъ требовалъ, чтобы каждый родъ войска подчинялъ все второстепенно касающееся до боевого дѣла, той цѣли, для которой онъ созданъ. Существенная обязанность конницы состоитъ въ томъ, чтобы врѣзываться въ непріятельскія войска, какого бы они рода ни были; она должна вторгаться въ средину непріятельской колонны, или фронта, и рубить все, что ни попадается подъ руку. Суворовъ, приучая лошадей своей конницы къ скоку во

вою прыть, вмѣстѣ съ тѣмъ пріучалъ ихъ и к пропцанію въ середину стрѣляющаго фронта на который производится наваденіе. Но, чтобы вѣрнѣе достигнуть своей цѣли, онъ не, прежде пристуцалъ къ послѣдному маневру, какъ при окончаніи смотра, или ученя, увѣреннѣй въ памятливости лошадей, о томъ построеніи и даже о томъ командномъ словѣ, которымъ прекращается зависимость ихъ отъ сѣдоковъ.

Для того онъ спѣшивалъ половинное число конныхъ войскъ, приказывалъ имъ зарядити ружья холостыми патронами и ставилъ ихъ такъ, чтобы каждый стрѣлокъ находился отъ другого на такомъ разстояніи, какъ нужно одному всаднику для проскока между ними; другую половину оставялъ онъ на коняхъ и, поставивъ каждого всадника противъ промежутка, назначеннаго ему для проскока въ пѣхотномъ фронтѣ, пускалъ всѣхъ вдругъ въ атаку. Пѣшіе стрѣляли въ то самое время, какъ всадники проскакивали во всю прыть сквозь стрѣляющій фронтъ: проскочивъ, они тотчасъ слѣзали съ лошадей, и тѣмъ заключался каждый смотръ, маневръ или ученье. Посредствомъ выбора времени для такого маневра, лошади такъ пріучались къ выстрѣламъ, пускаемымъ, можно сказать, въ ихъ морду, что, вмѣсто страха, онѣ, при одномъ взглядѣ на построеніе противъ нихъ спѣшившихся всадниковъ съ ружьями, предчувствуя конецъ трудамъ своимъ, начинали ржать и рваться впередъ, чтобы скорѣе проскакать сквозь выстрѣлы и возвратиться на покой въ

свои коновязи, или конюшни. Но такіе проскоки всадниковъ сквозь ряды спѣшившихся солдатъ часто дорого стоили послѣднимъ. Случалось, что отъ дыма ружейныхъ выстрѣловъ, отъ лишней торопливости всадниковъ, или отъ заноса нѣкоторыхъ своенравными лошадьми, понадало вдругъ по нѣскольку ихъ въ промежутокъ, назначенный для одного: это причиняло увѣче и даже смертоубійство въ пѣхотномъ фронтѣ. Вотъ отъ чего маневръ былъ такъ неприятенъ тѣмъ, кому выпадалъ жребій играть роль пѣхоты. Но эти несчастные случаи не сильны были отвратить Суворова отъ средства, признаннаго имъ за лучшее для приученія конницы къ пораженію пѣхоты. Когда доносили ему о числѣ жертвъ, затоптанныхъ первою, онъ обыкновенно отвѣчалъ: «Богъ съ ними! Четыре, пять, десять человѣкъ убью; четыре, пять, десять тысячъ человѣкъ выучу!» И тѣмъ окончивались всѣ попытки доносящихъ отвлечь его отъ этого единственнаго способа довести конницу до предмета, для котораго она единственно создана.

За полчаса до полночи меня съ братомъ разбудили, чтобы видѣть Суворова, или по крайней мѣрѣ слышать слова его, потому что ученье начиналось за часъ до разсвѣта, а въ самую полночь, какъ насъ увѣряли, онъ выбѣжитъ нагой изъ своей палатки, ударитъ въ ладоши и прокричитъ пѣтухомъ: по этому сигналу трубачи затрубятъ «генераль-маршъ», и войско станетъ сбѣгать лошадей, ожидая «сбора», чтобы

сидятъ на нияхъ и строятся для выступленія изъ лагеря. Но, не взирая на все наше вниманіе, мы не слышали ни хлопанья въ ладоши, ни крика пѣтухомъ. Говорили потомъ, что онъ не только въ ту ночь, но никогда, ни прежде, ни послѣ, этого не дѣлывалъ, и что все это была одна изъ выдумокъ и преувеличенныхъ странностей, которыя ему приписывали.

До разсвѣта войска выступили изъ лагеря, и мы, спустя часъ по ихъ выступленіи, поѣхали вслѣдъ за ними въ коляскѣ. Но угонишься ли за конницею, ведомою Суворовымъ? Бурные разливывы ея всеминутно уходили отъ насъ изъ виду, оставляя за собою одинъ дугъ, болѣе и болѣе удалявшійся. Иногда, между эскадронами, въ облакахъ пыли, показывается кто-то скачущій въ бѣлой рубашкѣ — и въ любонринномъ парадѣ, высыпавшемъ въ полѣ для одного съ нами предмета, вырывались крики: «Вотъ онъ! вотъ онъ! Это онъ, нашъ батюшка, графъ Александръ Василевичъ!» Вотъ все, что мы видѣли и слышали. Наскучивъ наконецъ безплоднымъ стараніемъ хоть однажды взглянуть на героя, мы возвратились въ лагерь, въ надеждѣ увидѣть его при возвращеніи съ маневровъ, которые, какъ насъ увѣряли, должны были кончиться ранѣе чѣмъ наканунѣ.

И подлинно, около десяти часовъ утра, все зашумѣло вокругъ нашей палатки, закричало: «Скачетъ! скачетъ!» Мы выбѣжали, и увидѣли

Суворова во стѣ сажеляхъ отъ насъ, скажушаго во всю прыть въ направленіи мимо нашей налатки.

Я помню, что сердце мое тогда упало, какъ послѣ упало оно при встрѣчѣ съ любимоею женщиной. Я весь былъ взоръ и вниманіе, весь былъ любопытство и восторгъ, и какъ теперь вижу — толпу, составленную изъ четырехъ полковниковъ, изъ корпуснаго штаба, адъютантовъ и ординарцовъ и, впереди толпы, Суворова на саврасомъ каменномъ конѣ, принадлежавшемъ моему отцу; въ бѣлой рубашкѣ, къ довольно узкомъ, полотняномъ нимфеню; плащъ, въ сапогахъ въ рядъ тошевскихъ ботфортъ, и въ легкой, маленькой, солдатской каскѣ, формы того времени, нѣсколько сходной съ формою нынѣшнихъ касокъ гвардейскихъ конныхъ grenadierовъ. На немъ, не было ни ленты, ни крестовъ: это мнѣ, очень памятно, какъ и черты сухошаваго лица его, покрытаго морщинами, достойными наблюденія Лафатера, какъ и поднятыя брови и нѣсколько опущенныя вѣки. Все это, не смотря на дѣтскія лѣта, запечатлѣлось въ моей памяти, не менѣе его одежды. Вотъ, отъ чего мнѣ не нравится ни одинъ изъ его бюстовъ, ни одинъ изъ его портретовъ, кромѣ портрета, писаннаго въ Вѣнѣ, во время пребыванія его въ Итацію, и котораго вѣрнѣйшая копія находится у меня, да бюста Гизара, изваяннаго по слѣпку съ лица послѣ его смерти. Портретъ, искусно выгравированный Уткинымъ, не похожъ; онъ безъ ориг-

гинальнаго выраженія его фюзіономіи, соненъ и безжизненъ.

Когда онъ неся мимо насъ, любимѣйшій адъютантъ его, Тищенко, человекъ совсѣмъ необразованный, но котораго онъ передъ всѣми выставлялъ за своего наставника, и какъ-будто слушался его наставленій, — Тищенко закричалъ ему: «Графъ! что вы такъ скачете? Посмотрите, вотъ дѣти Василья Денисовича!» — «Гдѣ они? гдѣ они?» спросилъ онъ, и, увидя насъ, поворотилъ въ нашу сторону, подскочилъ къ намъ и остановился. Мы подошли къ нему ближе. Поздоровавшись съ нами, онъ спросилъ у отца моего наши имена, подозвалъ насъ къ себѣ еще ближе, благословилъ насъ весьма важно, протянулъ каждому изъ насъ свою руку, которую мы поцаловали, и спросилъ меня: «Любишь ли ты солдатъ, другъ мой?» Смѣлый и пылкій ребенокъ, я со всѣмъ порывомъ дѣтскаго восторга мгновенно отвѣчалъ ему: «Я люблю графа Суворова; въ немъ все, — и солдаты, и побѣда, и слава!» — «О, помилуй Богъ, какой удалой!» сказалъ онъ: «это будетъ военный человекъ; я не умру, а онъ уже три сраженія выиграетъ! А этотъ (указавъ на моего брата), пойдетъ по гражданской службѣ!» — Съ этимъ словомъ онъ вдругъ поворотилъ лошадь, ударилъ ее нагайкою и поскакалъ къ своей палаткѣ.

Суворовъ въ этомъ случаѣ не былъ пророкомъ; братъ мой весь свой вѣкъ служилъ въ военной службѣ, и служилъ съ честью, что дока-

зываютъ восемь полученныхъ ранъ, всѣ кромѣ двухъ, отъ холоднаго оружія, — ранъ издалика неполучаемыхъ; а я некомандовалъ ни арміями, ни даже отдѣльными корпусами; слѣдовательно, не выигрывалъ и не могъ выигрывать сраженій.

При всемъ томъ, слова великаго человѣка имѣли что-то магическое. Когда, спустя нѣсколько лѣтъ, подошло для обоихъ насъ время службы, отцу моему предложили записать насъ въ Иностранную Коллегію; но я, полный словъ героя, не хотѣлъ другого поприща, кромѣ военнаго; братъ мой, озадаченный, можетъ быть, его предсказаніемъ, покорился своей службѣ, и, прежде чѣмъ поступилъ въ военное званіе, около года служилъ въ Архивѣ Иностранныхъ Дѣлъ юнкеромъ.

Въ этотъ день всѣ полковники и нѣсколько штабъ-офицеровъ у него обѣдали. Отецъ мой, возвратясь домой, рассказывалъ, что передъ обѣдомъ Суворовъ толковалъ о маневрѣ того дня и дѣлалъ нѣкоторыя замѣчанія. Какъ въ этомъ маневрѣ отецъ мой командовалъ второю линіею, то Суворовъ, обратясь къ нему, спросилъ: «Отъ чего вы такъ тихо вели вторую линію во время третьей атаки первой линіи? Я посылалъ вамъ приказаніе прибавить скоку, а вы все продолжали тихо подвигаться!» Такой вопросъ изъ устъ всякаго начальника не забавенъ, а изъ устъ Суворова былъ, можно сказать, поразителенъ. Отецъ мой извѣстенъ былъ въ обществѣ необыкновеннымъ остроуміемъ и присутвіемъ духа въ отвѣтахъ: онъ, не за-

привыкши, отвѣчалъ ему: «Отъ того, что я не имѣлъ въ томъ нужды, ваше сіятельство!» — «А почему такъ?» — «Потому, что успѣхъ первой линіи этого не требовалъ: она не переставала гнать непріятеля. Вторая линія нужна была только для сѣбѣ первой, когда та устанетъ отъ цовони. Вотъ почему я берегъ силу лошадей, которымъ надлежало впоследствии замѣнить вышедшихъ уже изъ силъ.» — А если бы непріятель ободрился и опрокинулъ первую линію? — «Этого быть не могло: ваше сіятельство были съ нею!» Суворовъ улыбнулся и замолчалъ. Известно, что онъ морщился и мигомъ обращался спиною въ отвѣтъ на самую утонченную лесть и похвалу, исключая тѣхъ только, посредствомъ которыхъ разглашалась и укоренялась въ обществѣ мнѣніи его непобѣдимости: эту лесть и эти похвалы онъ любилъ и любилъ страстно, — вѣроятно, не изъ тщеславія, а какъ нравственную подмогу и, такъ сказать, заблаговременную подготовку непобѣдимости.

Вечеромъ, мы, съ матерью нашею и со всеми домашними, посѣщили обратно въ Грушевку. Важное происшествіе приготовлялось для нашего дома. Суворовъ, по особенной благосклонности къ моему отцу, самъ назвался къ нему на обѣдъ. Не помню точно, но кажется, что это было во время Петровскаго поста, или въ какой-то постный день, только мнѣ весьма памятливы хлопоты и суматоха въ домѣ для прирѣзанія рыбы побольше и получше, и для приготовления другихъ любимыхъ имъ постныхъ блюдъ. Не

менѣе заботъ было и при устройствѣ приема и угощенія знаменитаго гостя, такъ, чтобы ходъ обыкновеннаго образа его жизни и привычныхъ странностей не получили ни малѣйшаго измѣненія. Къ восьми часамъ утра все было устроено. Въ гостиной поставленъ былъ большой круглый столъ съ разными цѣстными закусками, съ рюмкою «благороднаго разбѣра» и съ графиномъ водки. Въ столовой накрытъ былъ столъ на двадцать три прибора, безъ малѣйшаго украшенія посреди, — безъ вазъ съ фруктами и вареньемъ, и безъ плато, какъ тогда водилось. Ничего этого не было; Суворовъ ненавидѣлъ роскоши. Поставленъ былъ длинный столъ, на немъ скатерть, на скатерти двадцать два прибора, — и все тутъ. Не было даже суповыхъ чашъ на столѣ, потому что кушанья должны были подаваться одно за другимъ съ самаго пыла кухоннаго огня, прямо къ сидѣвшимъ за трапезою; такъ обыкновенно дѣлывалось у Суворова.

Въ одной изъ отдѣльныхъ комнатъ за столовой пригodoвлены были: ванна, нѣсколько ушатовъ съ холодною водою, нѣсколько чистыхъ простынь, перемѣнное бѣлье его и одежда, привезенная изъ лагеря.

Маневры того дня кончились въ семь часовъ утра, то есть, въ семь часовъ утра войска были уже на маршѣ къ лагерю. Отецъ мой, оставивъ свой полкъ на походѣ, поскакалъ въ лагерь во всю прыть своего черкесскаго коня, на которомъ былъ на маневрахъ, чтобы, перемѣня его, скорѣе прѣхать къ намъ и, до прибытія

Суворова, исправить то, что требовало исправления для его принятія. Уже онъ былъ на половинѣ пути отъ лагеря къ Грушеvkъ, какъ вдругъ съ одного возвышенія увидѣлъ, около двухъ верстъ впереди себя, но нѣсколько въ боку, всадника съ другимъ всадникомъ, отставшимъ довольно далеко; оба они скакали во всѣ поводыя по направленію къ Грушеvkъ. Это былъ Суворовъ съ однимъ изъ своихъ ординарцовъ, скачущій туда прямо съ маневровъ. Отецъ мой усилилъ прыть своей лошади, но не успѣлъ пріѣхать къ нашему дому прежде шестидесяти-трехъ-лѣтняго старца-юноши. Онъ нашелъ его уже всего опыленнаго, на крыльцѣ, трепавшаго саврааго коня своего и выхвалявшаго качества его толпѣ любопытныхъ, которою былъ окруженъ. «Помилуй Богъ, славная лошадь! Я на такой никогда не ѣзжалъ. Это не двужилъная,* а трехжилъная!» Тутъ отецъ мой пригласилъ и провелъ его въ приготовленную комнату, а самъ занялся своимъ туалетомъ: подобно Суворову, онъ весь покрытъ былъ пылью, такъ, что нельзя было угадать чертъ его лица.

Начали наѣзжать приглашенныя на этотъ обѣдъ, другіе гости. Я помню, бывшаго тогда при Суворовѣ, дежурнаго генерала Федора Ивановича Левашева, маіора Чорбу, Тищенко, о которомъ сказалъ прежде; тутъ были также

* Въ народѣ существуетъ повѣрье, будто въ шеяхъ нѣкоторыхъ сильныхъ и прыткихъ лошадей находятся двѣ особыя жилы:

полковники полковъ, собранныхъ на маневры, всѣ чиновники корпуснаго штаба Суворова, съ нимъ прибывшіе, и нѣскольکو штабъ-офицеровъ Полтавскаго полка. Изъ полковниковъ памятни мнѣ только Юрій Игнатьевичъ Подивановъ (кажется, тогда уже въ бригадирскомъ чинѣ) и подполковникъ Карлъ Федоровичъ Гейльфрейхъ. Всѣ эти гости были въ полномъ парадѣ, въ шарфахъ, и всѣ находились въ гостиной, гдѣ были отецъ мой, одѣтый, подобно имъ, во всю форму, мать моя, мы и одна пожилая госпожа, знакомая моеи матери, пріѣхавшая изъ Москвы вмѣстѣ съ нами. Она съ перваго взгляда не понравилась Суворову и была предметомъ насмѣшливыхъ его взглядовъ и шутокъ во все время пребыванія его у насъ.

Всѣ мы ожидали выхода Суворова въ гостиную. Это продолжалось около часа времени. Вдругъ растворились двери изъ комнатъ, отдѣленныхъ столовою отъ гостиной, и Суворовъ вышелъ оттуда чистъ и опрятенъ, какъ младенецъ послѣ святаго крещенія. Волосы у него убраны были, какъ представляются на его портретахъ. Мундиръ на немъ былъ генераль-аншефскій того времени, богато шитый серебромъ, или золотомъ, не помню, на распашку, съ тремя звѣздами. По бѣлому, лѣтнему жидету лежала лента Георгія перваго класса; большо орденовъ не было. Лѣтнее, бѣлое, довольно узкое и свободное платье и сапоги, доходившіе до половины колѣна, въ родѣ легкихъ ботфортовъ. Въ рукахъ ничего не было, — ни шпаны, ни

каска. Такъ я въ другой разъ увидѣлъ Суворова:

Отецъ мой выпшелъ къ нему на встрѣчу, провелъ его въ гостиную и представилъ ему мать мою и насъ. Онъ подошелъ къ ней, поцаловалъ ее въ обѣ щеки, сказалъ ей нѣсколько словъ о покойномъ отцѣ ея, генераль-поручикѣ Щербиницѣ, бывшемъ за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ намѣстникомъ Харьковской, Курской и Воронежской губерній; каждаго изъ насъ благословилъ снова, далъ намъ поцаловать свою руку, и сказалъ: «Это мои знакомые.» Потомъ, обратясь ко мнѣ, повторилъ: «О, этотъ будетъ военнымъ человѣкомъ! Я не умру, а онъ выиграетъ три сраженія!» Тутъ отецъ мой представилъ ему родную сестру мою, трехлѣтняго ребенка. Онъ спросилъ ее: «Что съ тобою, моя голубушка? Что ты такъ худа и блѣдна?» Ему отвѣчали, что у нея лихорадка. «Помилуй Богъ, это не хорошо! Надо эту лихорадку хорошенько высѣчь розгами, чтобъ она ушла и не возвращалась къ тебѣ.» Сестра подумала, что съчень предлагается ей, а не лихорадка, и едва не заплакала. Тогда, обратясь къ пожилой госпожѣ, Суворовъ сказалъ: «А объ этой и спрашивать нечего; это, вѣрно, какая-нибудь *мадамъ-ка!*» Эти слова сказаны были безъ малѣйшей улыбки и весьма хладнокровно, что возбудило въ насъ смѣхъ, отъ котораго едва мы воздержались; но онъ, не измѣняя физиономіи, съ тѣмъ же хладнокровіемъ подошелъ къ столу, уставленному закусками, налилъ рюмку водки,

выпилъ одинъ глоткомъ, и такъ глотко при-
нялся завтракать, что любо.

Спустя нѣсколько времени, отецъ мой при-
гласилъ его за обѣденный столъ. Всѣ размѣ-
стились. Подали щи кипячія, какъ Суворовъ
обыкновенно кушалъ: онъ часто любилъ ихъ
хлепать изъ самаго горшка, стоявшаго на огнѣ.
Я помню, что почти до половины обѣда онъ не
занимался ничѣмъ, кромѣ утоленія голода и
жажды среди глубокаго молчанія, и что обѣ-
эти операціи производилъ, можно сказать, рев-
ностно и прилежно. Около половины обѣда
пришла чередъ и разговорамъ. Но болѣе всего
остались у меня въ памяти частыя насмѣшки
его надъ пожилою госпожею, что насъ, дѣтей,
чрезвычайно забавляло, да и старшихъ едва не
увлекало къ смѣху. Въ теченіе всего обѣда,
Суворовъ, при самыхъ интересныхъ разгово-
рахъ, не забывалъ ловить каждое движеніе ея,
какъ скоро она обращалась въ противную отъ
него сторону, и мгновенно бросалъ какую-ни-
будь шутку на ея счетъ. Когда она, услышавъ
его голосъ, оборачивалась на его сторону, онъ,
подобно школьнику—повѣсѣ, потуплялъ глаза
въ тарелку, не то обращалъ ихъ къ бутылкѣ,
или стакану, показывая, будто занимается
питьемъ или ѣдою, а не ею. Такъ, напримѣръ,
взглянувъ однажды на нее тогда, какъ она
всматривалась въ гостей, сидѣвшихъ въ концѣ
стола, онъ сказалъ въ полголоса, но довольно
явственно: «Какая тетеха!» И едва успѣла она
обратиться въ его сторону, какъ глаза его уже

ожущены были на рыбу, которую онъ кушалъ весьма внимательно. Въ другой разъ, замѣтивъ, что она продолжаетъ слушать разговоры тѣхъ же гостей, Суворовъ сказалъ: «Какъ вытаращила глаза!» Въ третій разъ, увидѣвъ то же, онъ произнесъ: «Они тамъ говорятъ, а она сидитъ да глядитъ!»

Тищенко сказывалъ послѣ, что изъ одного Фолько уваженія къ моей матери, Суворовъ ограничилъ подобными выходками нападки свои на пожилую госпожу, которая ему не понравилась, но что, обыкновенно, онъ, чтобы избавиться отъ присутствія противной ему особы, при первой встрѣчѣ съ нею восклицалъ: «Воняетъ! воняетъ! Курите! курите!» И тогда привычные къ нему чиновники, зная уже, до кого рѣчь касается, тайно подходили къ той особѣ и просили ее выйти изъ комнаты. Тогда только прекращались его восклицанія.

Послѣ обѣда онъ завелъ рѣчь о лошади, на которой ѣздилъ на маневрахъ и пріѣхалъ къ намъ на обѣдъ; хвалилъ ея прыткость и силу, и увѣрялъ, что никогда не ѣзжалъ на подобной, кромѣ одного раза, въ сраженіи подъ Козлуджи. «Въ этомъ сраженіи,» сказалъ онъ, «я былъ отхваченъ и преслѣдуемъ Турками очень долго. Зная турецкій языкъ, я самъ слышалъ уговоръ ихъ между собою, чтобы не стрѣлять по мнѣ и не рубить меня, а стараться взять живого: они узнали, что это былъ я. Съ этимъ намѣреніемъ они нѣсколько разъ настигали меня такъ близко, что почти руками хва-

тались за куртку; но при каждомъ ихъ наскокѣ, лошадь моя какъ стрѣла бросалась впередъ, и гнавшіеся за мною Турки отставали вдругъ на нѣсколько сажень. Такъ я спасся!»

Пробывъ у насъ около часу послѣ обѣда, весьма разговорчивымъ, веселымъ и безъ малѣйшихъ странностей, онъ отправился, въ коляскѣ, въ лагерь и тамъ отдалъ слѣдующій приказъ :

«Первый полкъ отличный;

«Второй полкъ хорошъ;

«Про третій ничего не скажу;

«Четвертый никуда не годится.»

Въ приказѣ полки означались собственнымъ именемъ каждаго: я называлъ ихъ нумерами. Не могу умолчать однако, что первый номеръ принадлежитъ Полтавскому легко-конному полку.

По отданіи этого приказа, Суворовъ немедленно сѣлъ на перекладную телѣжку и поскакалъ обратно въ Херсонъ.

Спустя нѣсколько мѣсяцовъ послѣ мирныхъ маневровъ конницы и насмѣшекъ надъ пожилую госпожей на берегахъ Днѣпра, Польское Королевство стояло уже вверхъ дномъ и, заливая кровью, Прага курилась.

ВСТРѢЧА

СЪ ФЕЛЬДМАРШАЛОМЪ

ГРАФОМЪ КАМЕНСКИМЪ.

Въ 1806 году, 4-го іюля, я былъ переведенъ изъ ротмистровъ Бѣлорусскаго гусарскаго полка, что нынѣ полкъ Принца Оранскаго, лейбъ-гвардіи въ гусарскій полкъ поручикомъ. * Въ концѣ сентября я пріѣхалъ въ Петербургъ и немедленно переѣхалъ въ Павловскъ, гдѣ квартировалъ эскадронъ, въ который я былъ назначенъ. Эскадронный командиръ былъ давній мой другъ и одинъ изъ виновниковъ перевода моего въ гвардію. Во всемъ полку нашемъ было болѣе дружбы чѣмъ службы, болѣе разсказовъ чѣмъ дѣла, болѣе золота на ташкахъ

* Сентября 13-го 1804, я былъ переведенъ изъ поручиковъ кавалергардскаго полка въ Бѣлорусскій гусарскій полкъ ротмистромъ. Подробности этого обстоятельства изложены въ моихъ запискахъ.

чѣмъ въ танкахъ, болѣе шампанскаго чѣмъ печали.... Всегда веселы и всегда на-веселѣ!

Можетъ быть, въ настоящихъ лѣтахъ моихъ я благословилъ бы участь мою и не желалъ болѣе; но мнѣ тогда было двадцать два года отъ роду: я кипѣлъ честолюбіемъ, уставалъ отъ бездѣйствія, чахъ отъ избытка жизни.

Сверхъ того, положеніе мое относительно къ товарищамъ было истинно нестерпимое. Оставя гвардію, не слыхавшую еще боевого выстрѣла, я провелъ два года въ полку, который не былъ въ дѣлѣ, и поступилъ обратно въ ту же гвардію, которая пришла изъ-подъ Аустерлица. Отъ меня нахло молокомъ, отъ нея несло порохомъ. Я говорилъ о рвеніи моемъ,—мнѣ показывали раны, всегда для меня завидныя, или ордена, меня льстившіе. Не разъ вздохъ ропота на судьбу мою заструивалъ чашу радости.

Наконецъ пришла вѣсть о разбитіи прусской арміи подъ Іеной. Заговорили о движеніи войскъ нашихъ на помощь пораженнымъ союзникамъ, и фельдмаршалъ графъ Каменскій вызванъ былъ изъ деревни для начальствованія арміею. Я ожилъ. Какъ бѣшенный пустился я въ столицу, чтобы развѣдать о средствахъ втереться къ нему въ адъютанты, или быть приписаннымъ къ какому-нибудь армейскому полку, идущему за границу. Тщетны были старанія мои: я не могъ найти не только ходатая, но даже человѣка, въ которомъ бы хотя маломальски отозвалось броженіе чувствъ моихъ.

Вездѣ встрѣчалъ я въ отвѣтъ на поэзію, кипѣвшую и въ душѣ, и въ глазахъ, и въ словахъ моихъ, прозаическое слово: «Это вамъ дѣлаетъ честь!»—«Умилосердитесь! Я не похвалы прошу; я прошу помощи: не дайте мнѣ заглухнуть *въ толпѣ тунелдцовъ*; дайте подышать чистымъ воздухомъ!»—«Вы знаете, что нынѣ не посылаютъ въ армію волонтеровъ.» Тѣмъ заключились всѣ попытки мои у людей могучихъ.

Между тѣмъ, колонны батюшекъ и бабушекъ, дядюшекъ и тетюшекъ, какъ-будто войско, принадлежавшее Наполеону, лѣзли на приступъ 9-го нумера сѣверной гостиницы, гдѣ остановился фельдмаршалъ. Всякій просилъ его о своемъ кровномъ: всѣ просьбы были удовлетворяемы, и, къ большому моему терзанію, я долженъ былъ быть свидѣтелемъ сборовъ къ отбѣду въ армію многихъ моихъ знакомыхъ и пріятелей. Отчаяніе рѣшило меня: 16-го ноября, въ четвертомъ часу *пополуночи*, я надѣлъ мундиръ, сѣлъ на дрожки и пріѣхалъ прямо къ самому фельдмаршалу. Я избралъ часъ этотъ для того, чтобы предупредить новую колонию родственниковъ, готовившуюся на разсвѣтъ къ новому приступу. Къ тому жъ, всякій чудакъ любить чудное, а набѣгъ среди ночи юнаго поручика, служившаго безъ связей и протекціи, на престарѣлаго фельдмаршала, живого, яраго и строптиваго, не такъ-то близокъ былъ къ обыкновеннымъ правиламъ общежитія и даже благоразумія. Все спало на дворѣ и въ гостиницѣ. Нумеръ 9-й, къ которому вела крутая,

тѣсная и едва освѣщенная лѣстница, находилась въ третьемъ этажѣ. * У входа въ него былъ маленькій корридоръ, въ которомъ горѣлъ фонарь. Погода была холодная. Пришелъ къ дверямъ нумера, я завернулся въ шинель и приклонился къ стѣнѣ, въ ожиданіи какого-нибудь выходца изъ горницъ, чтобы войти съ нимъ вмѣстѣ въ переднюю, оглашаемую сиповатымъ храпомъ какого-то дюжаго денщика фельдмаршала.

Однако первый пылъ рѣшимости моей убавился, когда я, осмотрѣвъ себя, взглянулъ на корридоръ, едва освѣщенный гаснувшимъ уже фонаремъ, и сообразилъ съ сими очевидными предметами часъ, избранный мною на торжественное представленіе себя высокой особѣ, и младенческое своецравіе всѣхъ почти стариковъ съ просонковъ, приправленное необузданными порывами гнѣва, принадлежавшими лично фельдмаршалу графу Каменскому. Подумавъ немного, я сбросилъ съ себя шинель, дававшую мнѣ видъ Абелино, или Фра-діаволо, и рѣшился дожидаться развязки сего игрища въ одномъ мундирѣ. Слышу, отворяется дверь, и маленькій старичекъ, свѣжій и бодрый, является не-

* Въ самомъ этомъ номерѣ стоялъ сынъ фельдмаршала, графъ Николай Михайловичъ Каменскій, по возвращеніи своемъ изъ Финляндіи въ началѣ 1809 года. Бывъ въ то время присланъ курьеромъ изъ финляндской нашей арміи къ военному министру, я навѣщалъ графа въ сей квартирѣ, и съ какимъ-то необыкновеннымъ чувствомъ удовольствія видѣлъ то мѣсто, гдѣ предпринялъ первую мою попытку на боевую службу.

редо мною въ халатѣ; голова его повязана была бѣлою тряпицею и въ рукѣ незажженный восковой огарокъ. Это былъ фельдмаршалъ. Увидя меня, онъ остановился. «Кто вы таковы?» спросилъ онъ меня. Я назвалъ себя. «Къ кому пришли?» — «Къ вашему сіятельству.» Онъ взглянулъ мнѣ быстро въ глаза, пошелъ вдоль коридора къ фонарю, зажегъ свой огарокъ, и, на обратномъ пути, поровнявшись со мною, сказалъ мнѣ: «Пожалуйте сюда.» Я пошелъ за нимъ; онъ молчалъ и шелъ съ огаркомъ впереди меня. Передъ входомъ въ спальню, я, изъ уваженія, хотѣлъ было остановиться, пока удостоюсь особаго зова. Примѣтя это, онъ сказалъ довольно сердито: «Нѣтъ, пожалуйста сюда.» Я вошелъ въ спальню. Тогда онъ, воткнувъ огарокъ въ подсвѣчникъ, стоявшій на столикѣ подлѣ кровати, спросилъ меня: «Что вамъ надо?» Я объявилъ желаніе мое служить на войнѣ. Онъ вспыхнулъ, началъ ходить скорыми шагами взадъ и впередъ по горницѣ и почти въ изступленіи говорить: «Да, что это за мученье! Всякій молокососъ лѣзетъ проситься въ армію, когда я еще и самъ не назначенъ къ мѣсту! Замучили меня просьбами!... Да кто вы таковы?» Я повторилъ мое имя. «Какой Давыдовъ?» Я сказалъ имя отца моего. Тутъ онъ смягчился, вспомнилъ о своей пріязни съ нимъ и даже съ дѣдомъ моимъ, началъ поименно называть моихъ родственниковъ, такъ, что едва не добрался до выходца изъ Золотой Орды Минчака Касаевича, родоначальника Давыдовыхъ. Потомъ.

подойдя ко мнѣ ближе, съ видомъ однако добродушія сказалъ: «Помнитея мнѣ, что ты противъ воли долженъ былъ однажды выйти изъ гвардіи. За что? Скажи мнѣ всю правду, какъ бы ты сказалъ покойному отцу своему.» Я рассказалъ приключеніе это со всею откровенностью лѣтъ и характера моего. Онъ слушалъ со вниманіемъ, иногда улыбался, иногда хмурился, и я какъ ястребъ взмывалъ надъ мѣстами, отъ которыхъ примѣчалъ, что брови его начинаютъ смыкаться, падалъ стремглавъ и уцѣплялся за тѣ, отъ коихъ предчувствовалъ улыбку. Когда я кончилъ, онъ, пожавъ мнѣ руку, сказалъ: «Ну, хорошо, любезный Давыдовъ; нынче же буду просить тебя съ собою; расскажу все, какъ ты ночью — слыхано ли это! — ночью ворвался ко мнѣ въ горницу; какъ я тебя принялъ — прости меня! — за неблагонамѣреннаго человѣка.... Право, я думалъ, что ты хочешь застрѣлить меня. Правду сказать, я смерти никогда не боялся, а въ моихъ лѣтахъ еще менѣе боюсь ее; но ты весьма былъ похожъ на подозрительную особу. Признайся!» Я извинился, что осмѣлился обезпокоить его въ такой необыкновенный часъ. «Нѣтъ, нѣтъ, напротивъ,» возразилъ онъ съ пылкостью: «это мнѣ пріятно, это я люблю, это значитъ ревность неограниченная, горячая; тутъ душа, тутъ сердце.... я это знаю, я чувствую!»

И такъ, распростясь съ фельдмаршаломъ, я возвратился домой съ надеждою на успѣхъ. Сердце мое обливалось радостью, чадъ бродилъ

въ головѣ моей — уже я командовалъ эскадрономъ, полкомъ... уже я рѣшилъ важное сраженіе... и едва ли не побѣдителемъ Наполеона бросился на постель, на которой не могъ сомкнуть глазъ отъ душевнаго волненія. Надежда въ эти мѣта такъ похожа на подлинность!

Поутру заговорили въ гвардіи и въ городѣ о моемъ наѣздническомъ наскокѣ на фельдмаршала, но отъ него я ничего не получалъ. Назавтра я пріѣхалъ къ нему въ девятомъ часу утра, чтобъ узнать о моей участи. Улица была заперта дрожками и каретами. Я вошелъ въ комнаты, полныя чиновниками, и остановился у притомки. Ударилъ часъ развода. Фельдмаршалъ, выходя садиться въ карету, увидѣлъ меня, бросился ко мнѣ, обнялъ меня и, взявъ въ сторону, сказалъ мнѣ: «Я говорилъ о тебѣ, любезный Давыдовъ! Просилъ тебя въ адъютанты къ себѣ въ нѣсколько пріемовъ, но мнѣ отказано подъ предлогомъ, что тебѣ надобно еще послужить во фронтѣ. Признаюсь тебѣ, что по всему я вижу невозможность выпросить тебя туда, гдѣ бы тебѣ быть хотѣлось. Ищи самъ собою средства, и повѣрь, что какіе бы ты ни нашелъ пути, чрезъ кого бы ты ни достигъ своей цѣли, я всегда съ радостію приму тебя и доставлю тебѣ случай отличиться.» Съ этимъ словомъ онъ исчезъ, а я остался какъ вкопанный!.. Но когда вслѣдъ за нимъ и мимо меня потянулась процессія избранныхъ, я взглянулъ на нее, пожалъ плечами и улыбнулся, какъ никогда сатана не улыбался!

Я не распространялся бы въ описаніи сего случая, мало любопытнаго для другихъ, хотя насладительнаго для меня воспоминаемъ о первомъ порывѣ моемъ къ поприщу, столь давно, столь неослабно, горячо и страстно мною пробѣгаемому, еслибъ случай этотъ не выводитъ на сцену челоѡвка, поколѣніемъ нашимъ забытаго и новому поколѣнію почти неизвѣстнаго; а между тѣмъ этотъ челоѡкъ имѣлъ счастье, въ теченіе пятидесяти-лѣтняго служенія отечеству, занимать высокое мѣсто во мнѣніи самого Суворова и слыть единственнымъ его соперникомъ въ эпоху людей превосходныхъ. Такая честь не есть удѣлъ посредственности....

.....

Казалось, что приговоръ мой былъ подлинсанъ, и что судьба рѣшительно отказалась оживотворить меня своею улыбкой. Что жъ вышло? Прошелъ мѣсяць и нѣсколько дней; прибѣзжаетъ курьеръ Валуевъ, адъютантъ фельдмаршала, съ извѣстіемъ о болѣзни и отбытіи его изъ армии. Спустя два дня, является другой курьеръ, графъ Васильевъ, съ донесеніемъ отъ Беннигсена о побѣдѣ при Пултускѣ, и Государь назначаетъ князя Петра Ивановича Багратиона командиромъ авангарда дѣйствующей армии, которую препоручаетъ Беннигсену.

Какое, повидимому, могли имѣть вліяніе на военную участь бѣднаго гусарскаго поручика, ходившаго съ бичемъ по манежу, или сидѣвшаго за круговою чашею съ товарищами, фельдмаршалъ, или Пултускъ, или Беннигсенъ, или

Багратионъ? Первому отказали на счетъ меня, когда ему нивъ чемъ не отказывали; Беннигсенъ не вѣдалъ даже о моемъ существованіи; о Пултускѣ я зналъ только по картѣ, а Багратионъ знакомъ былъ со мною только мимоходомъ: здравствуй, прощай, — и все тутъ!.....

Января 3-го 1807, я уже летѣлъ на курьерской тройкѣ въ армію вслѣдъ за Багратиономъ, къ которому назначенъ былъ я адъютантомъ. Никогда не забуду той радости, съ которою я въ первый разъ въ жизни переѣхалъ черезъ границу нашу! Какъ все было для меня ново, необыкновенно! Весьма естественно любоваться на чистые, красивые городки, селенія, каѣкія дороги, оѣбенныя деревьями. Меня радовали и аккуратныя Нѣмцы съ пудовыми ихъ шутками на счетъ Наполеона, отъ нашествія котораго однако жъ не въ шутку ихъ въ дрожь бросало, и бирьсуигъ, и буттеръ-бродъ, и грубые почталіоны; такъ учтиво обходившіеся съ лошадьми своими! Я ѣхалъ на Августово, Ликъ, Рейнъ, Гутштадъ, и 15-го числа, въ 9 часовъ утра, пріѣхалъ въ Липштадъ, въ минуту выступленія главной квартиры и главной арміи въ Морунгенъ, гдѣ 13-го числа былъ атакованъ Бернадоттомъ Евгеній Ивановичъ Марковъ, командовавшій частью авангарда арміи.

Получивъ въ Петербургѣ и на пути нѣсколко пакетовъ на имя главнокомандующаго, былъ представленъ ему и имѣлъ честь вручитъ ихъ ему лично. Мнѣ пріятно было встрѣтитъ

въ комнатѣ его множество моихъ петербургскихъ пріятелей и знакомыхъ. Всѣ меня обступили; всякій спрашивалъ о друзьяхъ, о *любезныхъ*, оставленныхъ въ Петербургѣ. Многимъ изъ нашей молодежи надоѣла война, производимая въ такое суровое время года, безъ рѣшительныхъ успѣховъ и при всякаго рода недостаткахъ. Многіе вздыхали о петербургской роскошной жизни. Они представляли мнѣ разныя трудности, меня ожидающія. Я отвѣчалъ имъ, что я заранѣе зналъ, куда ѣду: туда, гдѣ дерутся, а не туда, гдѣ цалуются, и увѣренъ былъ и буду, что война — похлебка не на стерляжемъ бульонѣ. И подлинно: я не думалъ тогда о трудахъ и опасностяхъ; такъ неограниченность надеждъ, и, къ этому еще, такъ сильно новое мое положеніе, такъ сильно новыя, разнообразныя и живыя картины дѣйствовали на мои чувства!

Пріѣхавъ на почтовыхъ, я еще не имѣлъ верховой лошади. Одинъ изъ пріятелей моихъ уступилъ мнѣ, на переходъ до Морунгена, одну изъ заводскихъ лошадей своихъ, и мы отправились. Я ѣхалъ при Павлоградскомъ гусарскомъ полку, съ его шефомъ, генераломъ Чанлицомъ, и полковникомъ графомъ Оруркомъ, нынѣ генералъ-лейтенантомъ. На походѣ я познакомился съ нѣкоторыми офицерами, между коими были князь Баратаевъ, Асонъ и Степанъ Храповицкіе. Я не думалъ тогда, что съ послѣднимъ буду служить въ великій 1812 годъ партизаномъ, и заключу съ нимъ братскую

дружбу на кровавыхъ пирахъ войны отечественной.

Не могу описать, съ какимъ восторгомъ, съ какимъ упоеніемъ я глядѣлъ на все, что мнѣ въ глаза бросалось! Части пѣхоты, конницы и артиллеріи, готовыя къ движенію, облегли еще возвышенія справа и слѣва въ одно время, какъ длинныя полосы черныхъ колоннъ изгибались уже по снѣжнымъ холмамъ и равнинамъ. Стукъ колесъ пушечныхъ, топотъ копытъ конницы, разговоръ, хохотъ пѣхоты, идущей по колѣна въ снѣгу, скачка адъютантовъ по разнымъ направленіямъ, генераловъ съ ихъ свитами, самое небреженіе, самая неопрятность одежды войскъ, два мѣсяца не выдавшихъ крыши, законченыхъ дымомъ биваковъ и сраженій, съ оледенѣлыми усами, съ прострѣленными киверами и плащами — все это благородное безобразіе, знаменующее понесенные труды и опасности, все неизъяснимо электризовало, возвышало мою душу. Наконецъ я попалъ въ мою стихію!...

Но сколь чувства и мысли человѣка подвластны различнымъ впечатлѣніямъ! Сейчасъ военное ремело казалось мнѣ съ привлекательнѣйшей стороны; пройдя нѣсколько верстъ впередъ, оно явилось мнѣ во всей нагой отвратительности.

Мы подошли къ деревнѣ Георгенталь, къ тому самому полю, гдѣ, за два дня передъ нашимъ приходомъ, сражался Марковъ. Селеніе это было разбираемо на костры частью нашихъ войскъ,

которой определено провести ночь на этомъ мѣстѣ. Нѣкоторые изъ жителей стояли внѣ селенія съ нѣмою горестью, безъ слезъ и ропота, что всегда для меня было и есть поразительнѣе вопля и стenanій. Неопытный воинъ; я доселѣ полагалъ, что продовольствіе войскъ обезпечивается особенными чиновниками, скупающими у жителей все необходимое для пищи, и доставляющими необходимыя потребности въ армию посредствомъ платы за подводы, нанимаемыя у тѣхъ же жителей; что биваки строятся и костры зажигаются не изъ избъ мирныхъ поселянъ, а изъ кустовъ и деревьевъ, находящихся на корнѣ; словомъ, я былъ увѣренъ, что обыватели тѣхъ областей, гдѣ происходятъ военныя дѣйствія, вовсе не подвержены никакому несчастію и разоренію, и что они не болѣе, какъ покойные жители происшествій, подобно жителямъ Краснаго Села на маневрахъ гвардіи. Каково было удивленіе мое при видѣ противнаго! Тутъ только удостовѣрился я въ злополучіи и бѣдствіяхъ, причиняемыхъ войною тому классу людей, который, не стяжая въ ней, подобно намъ, солдатамъ, ни славы, ни почестей, лишается не только послѣдняго имущества, но и послѣдняго куска хлѣба; нетолько жизни, но чести женъ и дочерей, и умираетъ тощій и пораженный во всемъ, что у него есть милаго и святого на дымящихся развалинахъ родины.

На томъ же полѣ позорище другого рода поразило мою душу. Мы вступили, какъ я ска-

заль, на равнину моруингенской битвы. Уже, какъ говорить одинъ изъ благозвучныхъ нашихъ прозаиковъ, уже отстонало поле, уже застыла кровь. Тысячи лежали на снѣгу. Опрокинутые трупы, съ отверзтыми, потусклыми очами, казалось, еще глядѣли на небо; но они не видали уже ни неба, ни земли, — они валялись разбросанные, какъ сосуды драгоценнаго напитка, раздробленные насильственной рукою. Мрачный зимній день наводилъ какую-то синеватую блѣдность на сіи свѣжія развалины человечества, въ которыхъ недавно передъ тѣмъ шумѣли страсти, играли надежды и свѣжія желанія кипѣли какъ лѣта пылкой юности!

Я изъ любопытства разсматривалъ поле сраженія. Прежде ѣздилъ по нашей, а потомъ по неприятельской позиціи. Видно было, гдѣ огонь и гдѣ натиски были сильнѣе по количеству тѣлъ, лежавшихъ на тѣхъ мѣстахъ. Артиллеріею авангарда нашего командовалъ тогда полковникъ Алексѣй Петровичъ Ермоловъ, и дѣйствіе ея было, во всемъ смыслѣ слова, разрушительно въ пѣхотныхъ колоннахъ и линіяхъ неприятельской конницы; ибо цѣлыя толпы первой и цѣлыя ряды послѣдней лежали у деревни Фарестъ-Фельдшентъ, пораженные ядрами и картечью, въ томъ порядкѣ, какъ шли или стояли во время битвы.

Въ началѣ, эта равнина смерти, попираемая нами, спѣшившими къ подобной участи, эти лица и тѣла, искаженные и обезображенные огнестрѣльнымъ и рукопашнымъ оружіемъ, не про-

извели: надо мною никакого особаго впечатлѣнія; но, по мѣрѣ воли, даваемой мною воображенію, я, съ стыдомъ признаюсь, дошелъ до той степени безпокойства относительно самого себя, или, по-просту сказать, я такъ струсилъ, что, пріѣхавъ въ Морунгенъ, долго не могъ сомкнуть глазъ, пугаясь такого же искаженія и безобразія. Еслибъ разумъ имѣлъ хотя малѣйшее участіе въ дѣйствіи моего воображенія, то я легко бы увидѣлъ, что такая смерть не только не ужасна, но завидна; ибо чѣмъ рана смертельнѣе, тѣмъ страданіе кратковременнѣе, — а какое дѣло до того, что послѣ смерти будешь пугать живыхъ людей своимъ искаженіемъ, самъ того не чувствуя! Слава Богу, съ разсвѣтомъ дня воспослѣдовало умственное мое выздоровленіе. Пришедъ въ первобытное состояніе, я самъ надъ собою смѣлся, и, какъ помнится, въ теченіе долговременной службы никогда уже не впадалъ въ подобный пароксизмъ больного воображенія.

16-го января, рано поутру, купивъ себѣ верховую лошадь, отправился я, въ сопровожденіи одного казака, къ князю Багратиону, принявшему уже начальство надъ авангардами Маркова, Барклая-де-Толли и Багговута. Команды перваго и послѣдняго находились тогда въ деревнѣ Биберсвальдъ, лежащей на пути изъ Либемилля въ Дейчъ-Эйлау; команда Барклая была въ отдѣлѣ. На пути моемъ я объѣхалъ конницу Корфа и графа Петра Петровича Палена у Гроссъ-Готсвальде; далѣе, въ Остерродскомъ лѣсу про-

ѣхалъ мимо кочевавшей на дорогѣ около озера Борлингъ-зе дивизіи графа Остермана; ночью явился къ Тучкову, дивизія котораго находилась въ этомъ городѣ, и рано поутру прибылъ къ моему мѣсту.

Князь квартировалъ въ красивой и обширной избѣ прусскаго поселянина. Въ свитѣ его тогда находились Кавалергардскаго полка полковникъ князь Трубецкой, нынѣ генералъ отъ кавалеріи и генералъ-адъютантъ, графъ де-Бальмень, графъ Грабовскій, Афросимовъ, Эйхенъ и прочіе. Вскорѣ я увидѣлъ Маркова, Барклая-де-Толли и Багговута, тогда въ генералъ-маіорскихъ чинахъ. Я помню, что въ то время Барклай украшенъ былъ тремя только орденами: онъ имѣлъ Георгія и Владимира четвертыхъ степеней и штурмовой очаковскій крестъ, — не болѣе, но уже пользовался именемъ знающаго свое дѣло генерала. Аванпостами авангарда командовалъ полковникъ Юрковскій, артиллеріею полковникъ Алексѣй Петровичъ Ермоловъ.

Въ теченіе пятилѣтней моей службы при князѣ Багратіонѣ въ качествѣ адъютанта, во время военныхъ дѣйствій я не видалъ его иначе, какъ одѣтымъ днемъ и ночью. Сонъ его былъ весьма короткій — три, много четыре часа въ сутки, и то съ пробудами; ибо каждый пріѣзжій съ аванпостовъ долженъ былъ будить его, если привезенное имъ извѣстіе того стоило. Онъ любилъ жить роскошно: всего у него было вдоволь, но для другихъ, а не для него. Самъ онъ довольствовался весьма малымъ и

былъ чрезвычайно трезвъ. Я не видалъ, чтобы онъ когда-либо пилъ водку, или вино, кромѣ двухъ рюмокъ мадеры за обѣдомъ. Въ то время, одежда его была сюртукъ мундирный со звѣздою Георгія 2-го класса, бурка на плечахъ и на бедрѣ шпага, которую носилъ онъ въ Италіи при Суворовѣ; на головѣ картузь изъ сѣрой смушки, и въ рукѣ казацкая нагайка.

Отъ суровости времени года въ эту кампанію не глядѣли за формою, и мы все то носили, что болѣе другого грѣло.

ВОСПОМИНАНІЕ

О СРАЖЕНІИ

ПРИ ПРЕЙСИШЪ-ЭЙЛАУ.

—

Посвящается Алексѣю Петровичу Ермолову.

—

I.

Сраженіе при Прейсишъ-Эйлау почти свѣяно съ памяти современниковъ бурей Бородинскаго сраженія, и потому многіе даютъ преимущество послѣднему надъ первымъ. Дѣйствительно, предметъ спора подъ Бородинымъ былъ возвышеннѣе, величественнѣе, болѣе хватался за русское сердце, чѣмъ подъ Эйлау: подъ Бородинымъ дѣло шло о томъ—«быть или не быть» Россіи? Это сраженіе—наше собственное, наше родное сраженіе. Въ эту священную лотерею мы были вкладчиками всего нераздѣльнаго съ нашимъ политическимъ существованіемъ, — всей нашей прошедшей славы, всей настоящей

народной чести, народной гордости, величія имени русскаго, всего нашего будущаго предназначенія. Предметъ спора подъ Эйлау представлялся съ иной точки зрѣнія. Правда, онъ былъ кровавымъ предшествователемъ вторженія Наполеонова въ Россію; но кто тогда это видѣлъ?—нѣсколько избранныхъ природою, одаренныхъ проницательностью болѣе другихъ. Большею части изъ насъ онъ казался усиліемъ, не касающимся существенныхъ пользъ Россіи, простымъ соперничествомъ въ щегольствѣ военною славою двухъ сражавшихся армій, окончательнымъ залогомъ въ томъ, чья возьметъ, понтировкою на удалство въ надеждѣ на рукоплесканіе зрителей, и понтировкою съ полнымъ еще бумажникомъ, съ полнымъ кошелькомъ въ карманѣ, а не игрою на послѣдній пріютъ, на послѣдній кусокъ хлѣба и «на пулю въ добъ» при проигрышѣ, какъ то было подъ Бородинымъ.

Не оспаривая священнаго мѣста, которое въ душахъ нашихъ должна занимать бородинская битва, нельзя однако не сознаться въ гибельномъ превосходствѣ предъ нею эйлауской, относительно кровопролитія, потому что первая, превышая послѣднюю восьмидесятью тысячами человекъ и слишкомъ шестью стами жерлами артиллеріи, едва-едва превышала ее огромностью урона, понесеннаго сражавшимися. Причиною этому родъ оружія, который употребленъ былъ подъ Эйлау болѣе всякаго другого. Въ бородинской битвѣ главнымъ дѣйствовавшимъ оружіемъ

было огнестрѣльное, въ эйлаускомъ — рукопашное: штыкъ и сабля гуляли, роскошествовали и упитывались въ ней досыта. Ни въ какомъ сраженіи не видно подобныхъ свалокъ пѣхоты и конницы между собою, и эти свалки не мѣшали ружейной и пушечной грозѣ гремѣть съ обѣихъ сторонъ и заглушать въ самой чуткой душѣ увлекательныхъ призывовъ славы и честолюбія.

Я тогда былъ въ самомъ разгарѣ жизни — слѣдственно и любви къ случайностямъ. Къ тому жъ, жребій мой былъ брошенъ, предметъ указанъ, и моимъ солдатскимъ воспитаніемъ и непреклонною волею идти боевою стезей и душой неугомонною, страстною ко всякаго рода отвагѣ, порывавшеюся на всякія опасности; но, право, не разъ въ этомъ двухсуточномъ боѣ проклятая Тибуллова элегія о блаженствѣ домо-сѣда приходила мнѣ въ голову. Чортъ знаетъ, какія тучи ядръ пролетали, гудѣли, сыпались, прыгали вокругъ меня, рыли по всѣмъ направленіямъ сомкнутыя громады войскъ нашихъ, и какія тучи гранатъ лопались надъ моею головою и подъ ногами моими! То былъ широкій ураганъ смерти, ломавшій все въ дребезги, стиравшій съ лица земли все, что ни попадало подъ его сокрушительное дыханіе, которое продолжалось отъ полудня 26 января 1807, до одиннадцати часовъ вечера 27 числа, и пресѣлось только штилемъ ночи, раздѣлившей его свирѣпствованіе на два возстанія.

Таково было дѣйствіе огнестрѣльнаго оружія

въ эйлаускомъ сраженіи! Но и здѣсь, какъ во всѣхъ сраженіяхъ, оно производило болѣе шума, чѣмъ гибели, болѣе потрясало нервную систему и воображеніе человѣка, чѣмъ достигало цѣли всякаго оружія — вѣрнѣйшаго истребленія противниковъ. Въ этомъ отношеніи огнестрѣльное дѣйствіе далеко уступаетъ рукопашной схваткѣ, гдѣ удары не расточаются даромъ, падая на предметы, находящіеся подъ самымъ лезвіемъ, и потому не требующіе прицѣловъ мздали, отъ которыхъ происходятъ удары невѣрные, гадательные, вредящіе болѣе количествомъ, нежели частнымъ своимъ достоинствомъ.

Чтобы вполне обнять положеніе обѣихъ армій, сражавшихся въ этой знаменитой побѣдѣ, надо взять свѣше.

Обозрѣвая театръ войны того времени, мы видимъ, что онъ граничилъ къ сѣверу съ Фришъ-гафомъ и Куришъ-гафомъ, то есть, съ частию Балтійскаго моря; къ югу съ Австрійскою Галиціею, землею тогда неутральною; къ западу съ Вислою, а къ востоку съ Нѣманомъ, границею Россіи, что составляло около трехъ сотъ верстъ длиннику и до двухъ сотъ верстъ поперечнику. На этомъ тѣсномъ пространствѣ та и другая армія необходимо должна была избѣгать

* Часть Австрійской Галиціи, граничившая съ театромъ военныхъ дѣйствій, шла тогда отъ Мнишева по правому берегу Вислы почти до Праги; потомъ склонялась вправо къ Сиродку, и продолжала идти по лѣвому берегу Буга, мимо Брокъ, Бреста и далѣе до Хотина.

смежности и съ Галиціею, и съ моремъ, чтобы не быть опрокинутой или въ море, или въ предѣлы неутральнаго государства своею противницей. Эта причина заставила генерала Беннигсена оставить Пултускъ и перенести дѣйствіе въ Старую Пруссію. Малѣйшая медленность въ этомъ случаѣ угрожала намъ неотразимымъ бѣдствіемъ, потому что главныя силы Французовъ находились тогда не противъ Пултуска, а въ направленіи отъ Цѣханова къ Макову. Чрезвычайная ростопись воспретила Наполеону достигъ избранной цѣли и способствовала намъ совершить перемѣщеніе наше черезъ Остроленку, Тикоцинъ, Щучинъ, Бялу и Рейнь.

На этомъ окружномъ маршѣ, главнокомандующій нашъ, генералъ Беннигсенъ, оставилъ корпусъ Эссена 1-го въ Высокомъ-Мазовецкѣ, а дивизію Седморацкаго въ Ганьондзѣ, Іоганнисбургъ и Николайкинъ, для связи Эссена съ главными силами арміи, двинулся съ нею къ Бартенштейну.

Въ то время расположеніе французской арміи было слѣдующее:

Гвардія, 12,000, въ Варшавѣ.

Корпусъ Ланна, 23,000, между Броками и Остроленкою, противъ Эссена 1-го.

Корпусъ Даву, 34,000, въ Мишеницахъ.

Корпусъ Сульта, 30,000, въ Вилленбергѣ.

Корпусъ Ожеро, 11,000, въ Ниденбургѣ.

Резервный кавалерійскій корпусъ, 20,000, подъ командою Мюрата, въ окрестностяхъ Вилленберга.

Корпусъ Бернадотта, 17,000, почти внѣ круга боевыхъ происшествій, въ Эльбингѣ.

Всѣ сіи войска размѣщались уже по кантонирь-квартирамъ; только корпусъ Нея, состоявшій изъ 22,000 человекъ пѣхоты, и кавалерія Бессіера, преслѣдовали прусскій корпусъ Лестока внизъ по Аллеру, въ направленіи къ Фридланду, и черезъ это находились почти на пути, которымъ слѣдовала наша армія.

Беннигсенъ узналъ объ этомъ заметномъ положеніи Нея въ Рейнѣ. Пользуясь бездѣйствіемъ французской арміи, онъ вознамѣрился отрѣзать и истребить этотъ корпусъ на походѣ. Всѣ наши силы обратились съ тою цѣлію на Ресель и Бишофштейнъ. Къ несчастію, исполненіе не соотвѣтствовало достоинству предначертанія. Переходы были медленны; къ тому жъ и направленіе было не довольно наперерѣзъ, что дозволило Нею и Бессіеру пробраться черезъ Прејсишъ-Эйлау, а потомъ, между Пассаргою и Аллеромъ, къ Гильгенбургу, и безпрепятственно примкнуть къ массѣ своей арміи.

Между тѣмъ Бернадоттъ, узнавъ о предпріятіи нашемъ на Нея и Бессіера, постигъ опасность, которой подвергъ бы себя дальнѣйшимъ пребываніемъ на берегу моря и между крѣпостями, Данцигомъ и Грауденцомъ, которыя были тогда еще заняты прусскими войсками. Оставивъ окрестности Эльбинга, онъ двинулся на Голландъ, вступилъ въ Морунгенъ и подвинулъ авангардъ свой къ Либштату.

Въ это время армія наша, прошедши Гейльсбергъ, приблизилась къ Аренсдорфу, и авангардъ ея, подъ командою генераль-маіора Маркова, атаковалъ Лиштатъ.

Непріятельскій авангардъ отступилъ съ урономъ. Марковъ слѣдовалъ за нимъ и атаковалъ самого Бернадотта въ нѣсколькихъ верстахъ не доходя до Морунгена, но понесъ отъ него значительное поражение и принужденъ былъ отойти къ главной арміи, прибывшей уже въ Лиштатъ.

Тутъ надобно было намъ прекратить дальнѣйшее движеніе впередъ, потому что, перешедши уже черту, на которой расположены были главныя силы непріятеля (между Омудевою и Наревою), оно подвергало насъ потерѣ сообщеній съ дивизією Седморацкаго, съ корпусомъ Эссена 1-го, и, что всего важнѣе, съ російскою границею, и заключало дѣйствіе наше между Фришъ-гафомъ, Вислою и французскою армією въ случаѣ вступленія ея на пройденные нами пути. Не взирая ни на что, мы, въ намѣреніи оторвать Бернадотта отъ главной французской арміи и освободить Грауденцъ отъ блокады, продолжали подвигаться въ бездну, преслѣдуя Бернадотта, отступавшаго на Дейчъ-Эйлау и Страсбургъ къ Торну. Уже мы были около Либемля, занимая Ризенбургъ прусскимъ корпусомъ Лестока; авангардъ нашъ, подъ начальствомъ князя П. И. Багратиона, вступилъ въ Дейчъ-Эйлау, а его аванпосты, подъ командою полковника Юрковскаго, въ

Страсбургъ. Однако какое-то темное чувство тревожило Беннигсена на счетъ соотносительнаго положенія нашего съ главными силами Наполеона. Чтобы сколько-нибудь исправить его защитою затыльныхъ сообщеній нашихъ, главнокомандующій счелъ нужнымъ оставить корпусъ Сакена въ Зебургъ, а корпусъ Князя Д. Вл. Голицына въ Алленштейнъ, и этимъ полумѣропріятіемъ только увеличилъ протяженіе арміи, подвергнувъ Сакена и Голицына натиску превосходнаго числомъ непріятели и ни мало не улучшилъ положенія главной арміи, направленной къ ложному предмету дѣйствій. Но Русскій Богъ великъ! Вдругъ аванпостные казаки авангарда берутъ въ плѣнъ французскаго офицера, посланнаго курьеромъ отъ маршала Бертъ къ Бернадотту съ повелѣніемъ Наполеона навирать на армію нашу и не выпускать ее изъ виду, и съ извѣщеніемъ его о движеніи всѣхъ французскихъ силъ на Вилленбергъ, Пассенгеймъ и Алленштейнъ. Медлить было некогда. Багратіонъ мгновенно постигъ опасность. Онъ въ ту же минуту отослалъ и плѣннаго курьера и перехваченную бумагу къ Беннигсену, и не дожидая повелѣнія отъ него, самъ собою обратилъ авангардъ въпятъ и пустился на соединеніе съ арміею усиленными переходами. Однако, предвидя неминуемость генеральнаго сраженія, онъ, въ намѣреніи обезсилить непріятельскую армію цѣлымъ корпусомъ войскъ, не забылъ и о Бернадоттѣ: онъ приказалъ Юрковскому атаковать его аванпосты, сбить ихъ и преслѣ-

довать цѣлый день, чтобы черезъ то увѣрить его, что намѣреніе наше — тѣснить его всѣми силами, не измѣнилось и продолжается. Приказаніе Юрковскому заключилось постскриптомъ; въ немъ предписано ему было обратное движеніе при наступленіи ночи и поспѣвшійшее слѣдованіе для примкнутія къ авангарду по приложенному маршруту.

Предпріятіе это увѣнчалось желаемымъ успѣхомъ. Бернадоттъ, не получивъ повелѣнія Наполеона, которое было перехвачено казаками, остался въ безъизвѣстности о направленіи главныхъ силъ Французовъ въ тылъ нашей арміи, угрожавшемъ ей такою гибелью. Къ тому жъ, онъ полагалъ, что натискъ Юрковского поддерживается всѣмъ авангардомъ, а авангардъ всею нашею арміею, и продолжалъ отступление къ Торну, что отсрочило прибытіе его на эйлауское поле нѣсколькими сутками.

Юрковскій примкнулъ къ авангарду нѣсколькими часами позже присоединенія авангарда къ арміи подъ Янковымъ. Но прусскій корпусъ Лестока, бывъ отъ Янкова гораздо далѣе Багратиона, не могъ уже надѣяться достигнуть этого пункта безъ опасности, и потому избралъ себѣ путь на Саальфельдъ, Вормдигъ и Мельзакъ, стараясь всегда находиться на одной высотѣ съ нею, по мѣрѣ ея отступленія.

22 января, авангардъ засталъ всю армію сосредоточенную при Янковѣ, лицо съ лицомъ съ французскою, которая полагала, что янковскій путь занять однимъ корпусомъ князя Голицына,

и изумлена была неожиданною встрѣчею всѣхъ нашихъ силъ, готовыхъ къ отпору натиска: извѣстіе о взятіи казаками посланнаго къ Бернадотту курьера тогда еще не дошло до Наполеона. Обманутый въ своемъ стратегическомъ предпріятіи, онъ вознамѣрился, посредствомъ тактическаго дѣйствія на нашъ лѣвый флангъ, возвратитъ потерянное, поставивъ опять армию нашу въ то самое положеніе, котораго избѣгла она быстрымъ перелетомъ отъ Дейчъ-Эйлау и Либемилля къ Янкову. Потому Суальтъ атаковала Бергфридь, деревню, къ которой примыкалъ нашъ лѣвый флангъ, а генераль Гюо поскакалъ съ бригадою легкой кавалеріи къ Гутштату. Мы отстояли Бергфридь; но Гутштатъ, заключающій въ себѣ часть обозовъ арміи съ малымъ числомъ охранныхъ войскъ, попался въ руки Французовъ, — партизанскій набѣгъ, замѣнательный при общемъ тогдашнемъ невѣдѣніи правилъ этого рода дѣйствій.

II.

При наступленіи ночи, армія наша отошла къ Вольфсдорфу, оставивъ для прикрытія этого отступленія арріергардъ генераль-маіора Барклай-де-Толли на очищенномъ ею мѣстѣ.

Поутру 23-го, Барклай поднялся вслѣдъ за арміею, но на пути атакованъ былъ превосходными силами: цѣлый день сражался онъ и потерпѣлъ много, особенно при Денпснѣ, но къ ве-

черу примкнулъ къ арміи, стоявшей уже на боевой позиціи, и потянулась по направленію къ Ландсбергу. Арріергардъ Багратіона смѣнилъ утомленный наканунѣ арріергардъ Барклая, и остался при Вольфсдорфѣ съ тою же цѣлю, для которой оставленъ былъ наканунѣ арріергардъ Барклая при Янковѣ.

24-го, поутру, Багратіонъ атакованъ былъ наступившимъ непріателемъ. Битва была горячая, но, не смотря на усилія Французовъ, щегольство въ порядкѣ сохранено было во всѣхъ частяхъ арріергарда. Къ вечеру онъ потянулся вслѣдъ за арміею Талбашъ и Кашауэнъ, и прибылъ въ Бергерсвальдъ, въ трехъ верстахъ отъ Фрауэндорфа, гдѣ на нѣсколько часовъ приостановилась главная армія. Въ этотъ день прусскій корпусъ Лестока, шедшій на одной высотѣ съ арріергардомъ нашимъ по направленію на Вормдигъ, атакованъ былъ корпусомъ Нея, отряженнымъ исключительно противъ него отъ главной французской арміи, на походѣ ея изъ Янкова къ Вольфсдорфу. Въ одно и то же время отряженъ былъ Наполеонъ и корпусъ Даву на Гейльсбергъ, для облегченія шествія арміи по стѣсненной снѣгами дорогъ, отъ которой чрезмѣрно растягивалась маршевая колонна. Съ нашей стороны, отрядъ генерала Варнека обращенъ былъ для наблюденія этого корпуса.

Въ ночь на 25-е, армія наша выступила къ Ландсбергу, но не одною уже, а двумя колоннами, для избѣжанія, подобно французской арміи, затрудненія въ движеніи одною колонною

по пути, заваленному снѣгами. Первая колонна потянулась большою дорогою; вторая, подъ начальствомъ Сакена, на Спервартенъ и Петерсгагенъ; арріергардъ Барклая прикрывалъ отступление первой; арріергардъ Багратиона шелъ на Клаузиттенъ, Пауленъ и Пацертепъ въ Ландсбергъ, гдѣ прикнулъ къ арміи почти въ одно время съ Барклаемъ, который понесъ на пути своемъ, подъ Гофомъ, сильное поражение.

Бросивъ взглядъ на карту, мы увидимъ, что направленіе этого трехсуточного отступленія нашей арміи ни мало не перечило главной мысли Наполеона — отклонить насъ отъ сообщеній съ Нѣманомъ, или, что одно и то же, съ Россією, и подавить насъ тыломъ къ морю, то есть, къ Фришъ-гафу. Въ противодѣйствіе этой мысли, къ чему должны были клониться усилія наши въ теченіе трехсуточного отступленія? Къ сохраненію сообщеній съ Нѣманомъ посредствомъ движенія всею громадою войскъ отъ Янкова къ Гутштату, вмѣсто того, чтобъ идти къ Вольфсдорфу; или отъ Вольфсдорфа къ Гейлсбергу, вмѣсто того, чтобъ идти къ Ландсбергу; или отъ Ландсберга къ Домнау и Фридлану, вмѣсто того, чтобъ идти къ Дрейсишъ-Эйлау. Такимъ движеніемъ мы неминуемо разрушили бы всѣ намѣренія Наполеона: избавясь посредствомъ этого движенія отъ охвата лѣваго нашего фланга правымъ флангомъ французской арміи, мы заслонили бы сообщенія наши съ Россією и удалились отъ Фришъ-гафа, отъ моря, къ которому болѣе и болѣе приближался тылъ

нашъ, по мѣрѣ нашего отступленія и направленія къ Эйлау и Кенигсбергу.

Но стратегическіе виды рѣшительно пожертвованы были какимъ-то мнимымъ тактическимъ выгодамъ, основаннымъ на ложномъ мнѣніи, что войску Русскому столько же необходимо для битвы мѣстоположеніе открытое, сколько Французскому закрытое или изобилующее естественными препятствіями, и что, сверхъ того, «войску нашему, по малому его навыку къ «стройнымъ движеніямъ въ бояхъ, выгоднѣе «оборонительное, чѣмъ наступательное дѣйствіе,»—какъ-будто за семь лѣтъ передъ тѣмъ, при Суворовѣ, оно знало не только сущность оборонительнаго дѣйствія, но даже названіе этого рода дѣйствій! какъ будто Альпы, съ ихъ ущельями, пропастями, потоками и заоблачными высями, принадлежать болѣе къ равнинамъ, чѣмъ къ мѣстоположеніямъ закрытымъ и изобилующимъ естественными препятствіями!

Но таково было разсужденіе всѣхъ вообще военачальниковъ того времени, и на этомъ-то разсужденіи основана была мысль — сразиться на равнинахъ Эйлау, и сразиться *оборонительно*.

Между тѣмъ Наполеонъ, не зная, что Беннигсенъ избралъ Эйлау полемъ битвы и привыкнувъ трехдневнымъ опытомъ достигать нашу армію подъ вечеръ и видѣть ее уходящею съ занятой позиціи во время ночи, предполагалъ Прегель и кантониры-квартиры за Прегелемъ единственными предметами нашего отступленія. Ни въ какомъ случаѣ не думалъ

онъ, и не могъ думать, чтобы сраженіе ожидало его подъ Эйлау, — на пунктѣ, не представляющемъ никакого, не только стратегическаго, но даже тактическаго преимущества передъ Янковымъ, Вольфсдорфомъ и Ландсбергомъ, которые мы оставили безъ спора. Съ этою мыслью слѣдовалъ онъ за нами по большой дорогѣ, имѣя въ двадцати или двадцати пяти верстахъ отъ главныхъ силъ своихъ вправо Даву на гейльсбергской дорогѣ, преслѣдовавшаго отрядъ Варнека, а влѣво Нея, преслѣдовавшаго прусскій корпусъ Лестока по направленію къ Крейцбургу, и на нѣсколько сутокъ позади себя Бернадотта, не знавшаго о происходящемъ.

Ночью на 26-е, армія наша выступила отъ Ландсберга, и по немѣннѣю двойного пути, довольно битаго и широкаго, потянулась къ Эйлау снова одною колонною. Арріергардъ Багратиона остановленъ былъ въ Ландсбергѣ для прикрытія сего движенія. По случаю мешкатнаго выступленія арміи съ мѣста отдыха и медленности движенія ея одною колонною, Багратионъ принужденъ былъ отстрочить отступленіе арріергарда до восьмого часа утра. Въ восьмомъ часу непріятельскія колонны двинулись: онѣ спустились со снѣжныхъ высотъ Гофа и, подобно широкому потоку, растлались по всему пространству отъ Гофа до Ландсберга. Бой завязался; мы отступали, тѣснимые и давимые превосходною силою. Не дошедши до половины разстоянія отъ Ландсберга до Эйлау,

весь арріергардъ уже вступилъ въ дѣло. Подошло мѣстоположеніе открытое; нужно было болѣе кавалеріи. Багратіонъ послалъ меня къ главнокомандующему, просить у него нѣсколько конныхъ полковъ на подкрѣпленіе арріергарда. Беннигсенъ приказалъ мнѣ взять два первые конные полка, которые я встрѣчу не дошедшими еще до позиціи. Жребій палъ, кажется, на Санктпетербургскій драгунскій и на Литовскій уланскій полки, съ которыми я рысью отправился черезъ Эйлау къ арріергарду, отступавшему уже къ Грингофенской мызѣ. Его Величества кирасирскій и два драгунскіе полка, Каргопольскій и Ингерманландскій, присланы были вслѣдъ за конницею, которую я привелъ. Между тѣмъ непріятель продолжалъ напирать сильнѣе и сильнѣе. Арріергардъ отступалъ въ порядкѣ и безъ волненія. Нѣсколько полковъ восьмой пѣхотной дивизіи подошли къ нему на подмогу. Такъ-какъ армія не вся еще вступила на избранное для нея боевое поле, то нужно было удержать стремленіе непріятели на нѣкоторое время, чтобъ дать ей средства довершить свое размѣщеніе и упрочить осѣдлость на позиціи; къ тому же и вся баттарейная артиллерія, шедшая боковымъ путемъ, не подошла еще къ арміи. Возвратясь къ Багратіону, я нашелъ его осыпаемаго ядрами и картечами; онъ давалъ приказанія съ геройскимъ величіемъ и

* Я имѣлъ счастье служить тогда адъютантомъ при князѣ.

очаровательнымъ хладнокровіемъ. Вскорѣ об-
сражавшіяся стороны столкнулись, потому что
Багратіонъ, получивъ подкрѣпленіе и извѣстіе
о неготовности еще арміи къ бою, остановился,
а Наполеонъ, который, надѣясь на непрерыв-
ность отступленія Багратіона, продолжалъ при-
ливы своей арміи и напиралъ волнами на вол-
ны. Ружейный огонь трещалъ по всей линіи, и
не разъ смѣнялся звуками желѣза о желѣзо.
Пѣхотные полки, Псковской и Софійскій, ходи-
ли ва штыки съ успѣхомъ на 46-й линійный.
Санктпетербургскій драгунскій, ведомый пол-
ковникомъ своимъ, Дехтяревымъ, ударилъ на
18-й линійный, который шелъ отъ Грингофше-
на между озеромъ и холмомъ, находящимся
возлѣ мызы, затопталъ этотъ полкъ, разсѣялъ
его и взялъ одного орла. Полковникъ А. П. Ер-
моловъ, командуя всей артиллеріею арріергар-
да, сыпалъ картечи въ густоту наступавшихъ
колоннъ, которыхъ передніе ряды дожились
лоскомъ, но слѣдующіе шагали по трупамъ, ва-
лили впередъ и не теряли ни отваги, ни нагло-
сти. Не смотря на всѣ наши усилія удержать
мѣсто боя, арріергардъ отгѣсненъ былъ къ го-
роду, занятому нашими войсками, и ружейный
огонь изъ переднихъ домовъ и заборовъ побѣ-
жалъ по всему его протяженію, намъ на подпо-
ру, но тщетно. Непріятель, усиливъ рѣшитель-
ный натискъ свой свѣжими громадами войскъ,
вломился внутрь Эйлау. Сверкнули выстрѣлы
его изъ-за угловъ, изъ оконъ и съ крышъ до-
мовъ; пули посыпались градомъ и ядра занца-

ли стѣснившуюся въ улицахъ пѣхоту нашу, еще разъ штыками оцетинившуюся. Эйлау болѣе и болѣе наполнялся непріятелемъ. Приходилось уступить ему эти каменные дефилеи, столько для насъ необходимыя. Уже Барклай палъ, раненный; множество штабъ и оберъ-офицеровъ подверглись той же участи, или легли трупами, и улицы завалились трупами нашей пѣхоты. Багратіонъ, котораго непріятель тѣснилъ такъ упорно, такъ неотступно, числомъ столь несоразмѣрнымъ съ его силами, началъ оставлять Эйлау шагъ за шагомъ. При выходѣ изъ города къ сторонѣ позиціи, онъ встрѣтилъ главнокомандующаго, который, подкрѣпивъ его 14-ю пѣхотною дивизіею, приказалъ снова овладѣть городомъ, во что бы то ни стало, потому что обладаніе имъ входило въ составъ тактическихъ его предначертаній. И подлинно, не говоря о другихъ неудобствахъ, городъ находился только въ семи стахъ шагахъ отъ праваго фланга нашей боевой линіи. Багратіонъ безмолвно слѣзъ съ лошади, сталъ впереди передовой колонны и повелъ ее обратно въ Эйлау. Всѣ другія колонны пошли за нимъ спокойно и безъ шума. Но при вступленіи въ улицы, все заревѣло ура! ударило въ штыки,—и мы снова овладѣли Эйлау. Ночь прекратила битву. Городъ остался за нами.

Занявъ его достаточнымъ числомъ пѣхоты, Багратіонъ снабдилъ начальствовавшаго надъ нею приказаніями и наставленіями, распустилъ прочія войска арріергарда по мѣстамъ, назна-

ченнымъ въ диспозиціи, и, не имѣвъ уже команды, отправился въ главную квартиру, которая занимала тогда мызу Ауклапенъ, въ трехъ верстахъ отъ Эйлау, въ тылу нашихъ линій.

Пожаръ костровъ запылалъ въ обѣихъ арміяхъ. Казалось, что все кончено до слѣдующаго утра. Вышло иначе. Взятіе приступомъ города произвело то, что производитъ всякій удачный приступъ, — разбродъ по улицамъ и по домамъ большей части войска, которое предалось своевольству и безначалію. Надобно было собрать ихъ и устроить. Начальствовавшій надъ симъ войскомъ прибѣгъ къ единственному въ такихъ случаяхъ способу — барабану, но онъ забылъ, что находится лицомъ къ лицу съ непріателемъ, котораго бивачные огни пылали почти у воротъ города, и недостаточно обдумалъ дѣло; онъ приказалъ ударить сборъ, не назначивъ мѣста, гдѣ его ударить. Барабаны загремѣли, но не въ сторонѣ города, ближайшей къ непріятелю, а въ самой отдаленной отъ него, или, лучше сказать, у самага отверзтія улицъ, ведущихъ изъ города къ позиціи нашей арміи. Можно вообразить, что произвела подобная оплошность! Едва барабанный бой раздался по городу, какъ все хлынуло къ точкѣ сбора, оставивъ и ворота эйлаускія, и площадь, и улицы, безъ защиты. Непріятель тѣмъ воспользовался, вступилъ по пятамъ нашимъ въ очищенный городъ и расположился въ немъ съ полною рѣшимостью удержать его за собою во что бы то ни стало.

Нсожиданное и, можно сказать, несчастное происшествіе это, угрожая правому флангу нашему внезапнымъ ночнымъ нападеніемъ, принудило Беннигсена исключить на всю ночь всю 4-ю пѣхотную дивизію изъ боевого порядка, усилить ее Архангелогородскимъ пѣхотнымъ полкомъ и расположить между арміею и городомъ, и сверхъ того, передвинуть ближе къ отверзтіямъ улицъ батарею изъ сорока баттарейныхъ и двадцати легкихъ орудій, заложенную прежде на оконечности праваго фланга арміи у Шлодитена. Но тѣмъ не ограничилась неблагопріятность этого обстоятельства: оно лишило насъ на другой день средства, еще за пять часовъ до прибытія корпуса Даву, на полное сраженіе, двинуть всѣ силы наши на флангъ французской арміи, бывшей тогда безъ этого корпуса, безъ корпуса Нея, безъ корпуса Бернадотта, лишенной всякихъ опоръ флангамъ своимъ и расположенной за городомъ, на оси котораго мы безопасно могли предпринять этотъ рѣшительный поворотъ вправо и воспользоваться превосходствомъ и силъ нашихъ, и мѣстности. Наконецъ, оно перенесло на сторону непріятеля всѣ выгоды, представляемыя опорой на Эйлау: уже не мы, а Французы совершили на его оси поворотъ влѣво; ихъ армія примкнула такимъ образомъ къ подходившему на поле сраженія корпусу Даву, охватила имъ весь лѣвый флангъ нашъ, подавила его къ кенигсбергской дорогѣ, и тѣмъ выполнила виды Наполеона, которые, съ самаго начала движенія его отъ Наревы,

клонились къ тому, чтобы отетранить насъ отъ послѣдняго прямого сообщенія съ Россіею и отбросить къ Кёнигсбергу и къ Фришъ-гау. Рѣшительно можно сказать, что, по занятіи неприятелемъ Эйлау, намъ въ минуты не слѣдовало оставаться на избранномъ нами боевомъ полѣ, и надобно было тотчасъ отойти къ Домнау или къ Фридланду, — перемѣщеніе безопасное, по случаю свободнаго въ этомъ направленіи отвертія, еще не пресѣченнаго корпусомъ Даву, и ночи, которой оставалось болѣе чѣмъ на семь часовъ времени, слѣдовательно по крайней мѣрѣ на двадцать верстъ переходу.

Впрочемъ, положимъ, что на пути этомъ вся громада силъ нашихъ и встрѣтила бы тридцати-тысячный корпусъ Даву, — встрѣча эта не столько воспрепятствовала бы шествию ея, сколько довершила бы превосходство ея положенія. На совершенное пораженіе и разсѣяніе тридцати-тысячнаго корпуса, внезапно атакованнаго почти восьмидесяти-тысячною арміею, потребно не болѣе того времени, которое необходимо было Наполеону для прибытія отъ Эйлау на подмогу этому корпусу; слѣдственно, выступя цѣлою зимнею ночью позже нашей арміи, онъ, не смотря на всѣ свои старанія, никакъ не могъ бы поспѣть на поле сраженія во-время. Я говорю это, предполагая, что Наполеонъ точно извѣстенъ былъ бы о направленіи нашемъ на Домнау, чего не могло случиться отъ твердой увѣренности его въ направленіи нашемъ къ Кёнигсбергу, — увѣренности, по-

сбѣнной и питаемой въ немъ постояннымъ трехъ-суточнымъ отступленіемъ нашимъ по этому направленію. Для довершенія заблужденія его, намъ стояло только оставить подъ Эйлау отрядъ изъ нѣкоторой части регулярной конницы, нѣсколько казачьихъ полковъ и одной или двухъ ротъ конной артиллеріи, съ повелѣніемъ отступать по кѣнитсбергской дорогѣ, какъ отступала арріергардъ нашъ въ течение трехъ сутокъ ораду. Нѣтъ сомнѣнія, что Наполеонъ продолжалъ бы преслѣдовать нѣсколько десятковъ верстъ, а можетъ быть, и до самаго Кѣнитсберга отрядъ, передъ нимъ отступающій, и тогда только очнулся бы отъ заблужденія, когда было бы поздно, когда корпусъ Даву уже не существовалъ. Нельзя предположить, чтобы гуль-пушечный выстрѣлъ, который происходилъ бы отъ битвы нашей съ Даву, могъ объяснить Наполеону истинное положеніе дѣлъ: зная, что прусскій корпусъ Дестока преслѣдуемъ по направленію къ Крейбургу Несомъ, а Даву преслѣдуетъ отъ Гейльсберга отрядъ Варнека, онъ почелъ бы скорѣе пушечный гуль этотъ за окончательное пораженіе Даву Варнека, чѣмъ за пораженіе перваго главною нашею арміею. Взглянемъ на карту и припомнимъ взаимное въ то время положеніе обѣихъ воюющихъ армій: нельзя не изумиться, до чего одно движеніе наше отъ Эйлау къ Домнау могло измѣнить обстоятельства! Основаніе (basis) французской арміи простиралось тогда отъ Торна до Варна-

вы, ибо всѣ крѣпости, лежащія на Нижней Вислѣ, отъ Торна до устья этой рѣки, принадлежали еще прусскимъ гарнизонамъ, — слѣдственно, сообщеніе Наполеоново съ основаніемъ его не могло имѣть инаго направленія, какъ почти мимо нашей арміи, которая положеніемъ своимъ у Домнау, тыломъ къ востоку, то есть, къ Нѣману, совершенно заслоняла сообщенія свои съ Россією и рѣшительно угрожала сообщеніямъ непріятеля. Словомъ, Наполеонъ попался бы тогда въ тотъ самый уголъ, въ который онъ намѣревался посунуть нашу армію движеніемъ своимъ отъ Вкры и Наревы, когда мы направлялись къ Торну, или охватомъ нашего лѣваго фланга корпусомъ Даву, когда мы отступали отъ Янкова чрезъ Вольфсдорфъ къ Эйлау. Какой рѣшительный переворотъ произошелъ бы отъ движенія, тогда никѣмъ непридуманнаго! Какое произвелъ бы онъ вліяніе на французскія войска, столь склонныя къ упадку духомъ при первомъ измѣненіи имъ счастія, и на войска наши, столь же терпѣливо переносящія всѣ неудачи, сколько готовые на преодоленіе самыхъ неодолимыхъ препятствій при малѣйшемъ успѣхѣ! Надобно прибавить, что въ эту эпоху армія наша была безпримѣрнаго, превосходнѣйшаго состава. Она почти вся состояла изъ широкоплечихъ, усатыхъ ветерановъ вѣка Екатерины, временъ потемкинскихъ и суворовскихъ. Солдаты 20 лѣтъ службы, и отъ 40 до 45 лѣтъ отъ роду, были на приступахъ Очакова и Измаила, въ сраженіяхъ подъ Рымни-

комъ и Мачиномъ, — тѣ, которыхъ служба простиралась не далѣе 12 лѣтъ и которымъ было отъ роду отъ 32 до 37 лѣтъ, разгромили Польшу, были на приступѣ Праги и въ сраженіяхъ подъ Брестомъ и Мачіовицами, и наконецъ тѣ, которымъ считалось только 7 лѣтъ службы и отъ 27 до 32 лѣтъ отъ роду, совершили безсмертный походъ съ Суворовымъ въ Италію, побѣждали на Аддѣ, на Требіи, подъ Нови и на заоблачныхъ высотахъ и въ ущеліяхъ Швейцаріи. Правда, что въ предшествовавшемъ году нѣкоторые изъ полковъ пострадали подъ Аустерлицомъ, но случай этотъ, какъ тревожный сонъ, потрясъ и мысли и чувства ихъ мимолетно, безъ малѣйшаго вліянія на высокое ихъ о себѣ мнѣніе. Обладающее ими самолюбіе, подкрѣпленное вѣковою непобѣдимостію, отнесло несчастье это несоразмѣрности числительной силы непріятеля съ силою нашей арміи и слабымъ дѣйствіемъ союзниковъ, а не генію Наполеона, еще менѣе превосходству надъ ними въ удалствѣ и храбрости французскаго войска, такъ недавно уступавшаго въ Италиі и въ Швейцаріи ихъ бурнымъ натискамъ. Такая армія могла смѣло состязаться съ войскомъ, покрытымъ лаврами Риволи, Пирамидъ, Маренга и Ульма, и не было такой отваги вождя ея, которую бы она не готова была подпереть всею мощею богатырской груди и штыка русскаго.

Но воля главнокомандующаго была неколебима. Жребій былъ брошенъ.

III.

Армія наша, заключавшая въ себѣ отъ 78 до 80 тысячъ человекъ, размѣщена была такъ:

Она примыкала правымъ флангомъ къ альторфскому лѣсу, разбѣжала вѣнигсбергскую дорогу позади Шлодитена и шла нѣсколько косвенно къ городу; потомъ, не доходя около полуверсты до города, образовала тупой уголъ и простиралась до Клейнъ-Саусгартена.

Деревня Серпальтецъ, находившаяся впереди Саусгартена, занята была слабымъ отрядомъ генераль-маіора Багговута.

Четыре пѣхотныя дивизіи, 2-я, 3-я, 5-я и 8-я, построены были въ двѣ линіи: два баталіона каждого полка развернутымъ фронтомъ, третій позади ихъ въ колоннѣ.

Резервъ, состоявшій изъ двухъ дивизій, 4-й и 14-й, построенъ былъ въ двѣ густыя колонны, и имѣлъ при себѣ шестьдесятъ орудій конной артиллеріи. Въ началѣ онъ расположенъ былъ по обѣимъ сторонамъ мызы Ауклапенъ, но при разсвѣтѣ переведенъ ближе къ центру арміи.

Вся конница раздѣлена была на три части и разставлена на флангахъ и въ срединѣ арміи, гдѣ находилось не болѣе двадцати восьми эскадроновъ.

Казацкіе полки расположены были на обѣихъ флангахъ уступами.

Кромѣ артиллеріи, размѣщенной вдоль линіи или находившейся при резервѣ, первая баттарейя, изъ сорока баттарейныхъ и двадцати легкихъ орудій, заложена была вначалѣ на правомъ флангѣ арміи у кѣнигсбергской дороги, а по занятіи непріятелемъ города подвинута на семьсотъ шаговъ отъ него. Вторая баттарейя, изъ семидесяти баттарейныхъ орудій, расположена была почти на центрѣ арміи, въ молуверствѣ отъ города, а третья, изъ сорока баттарейныхъ, между этою баттареею и Саусгартепомъ. Ко всѣмъ тремъ баттарейямъ примыкали войска первой нашей линіи, какъ куртины къ бастионамъ.

Прусскій корпусъ Лестока, усиленный Выборгскимъ пѣхотнымъ полкомъ и простиравшійся почти до 8,000 человекъ, былъ еще далеко, но направлялся къ Альторфу, то есть, къ правому флангу нашей позиціи, заманивая одною бригадою, командуемою генераломъ Плотомъ, Нея къ Крейцбургу, для отвлеченія его отъ круга рѣшительныхъ происшествій и отъ солѣйствія въ приготавлиющемся боѣ.

Правымъ флангомъ командовалъ генераль-лейтенантъ Тучковъ 1-й; срединою генераль-лейтенантъ Сакенъ; лѣвымъ флангомъ генераль-лейтенантъ графъ Остерманъ-Толстой; резервомъ генераль-лейтенантъ Докторовъ; всею кавалеріею генераль-лейтенантъ князь Голицынъ; артиллеріею генераль-майоръ Рѣзвой. Багратіонъ, который былъ всѣхъ моложе, въ чиствѣ генераль-лейтенанта, не имѣлъ особой

команды и назначенъ былъ подъ начальство мѣ Докторову.

Французская армія, въ ночь съ 26-го на 27-е число, расположена была слѣдующимъ порядкомъ:

У передовыхъ строеній города и въ городѣ пѣхотная дивизія Леграна.

На правой сторонѣ города пѣхотная бригада Вивіена; на лѣвой пѣхотная бригада Фере: обѣ онѣ составляли пѣхотную дивизію Леваля.

Къ правому флангу бригады Вивіена примыкала пѣхотная дивизія Сентъ-Илера.

Всѣ тѣ три дивизіи составляли корпусъ Сульта.

На правомъ флангѣ дивизіи Сентъ-Илера, уступомъ, драгунская дивизія Мило.

За городомъ, по обѣимъ сторонамъ Ландсбергской дороги, драгунскія дивизіи Клейна и Груши.

Уступомъ отъ ихъ лѣваго фланга, позади пѣхотной бригады Фере, гвардейская кавалерійская дивизія.

На лѣвомъ ея флангѣ, выступомъ, легкія кавалерійскія бригады Кольберта, Гюо и Брюера; а уступомъ — кирасирская дивизія Гопульта.

Легкая кавалерійская бригада Дюронеля на оконечности лѣваго фланга всей арміи, между сѣю и селеніемъ Альторфъ.

Позади кирасировъ Гопульта, на дорогѣ отъ Эйлау къ селенію Стробенену, пѣхотный корпусъ Ожеро.

Пѣшая гвардія Наполеона и его собственныя

бивакъ на холмѣ между Эйлау и грингофенскою мызою.

Пѣхотный корпусъ Даву, верстахъ въ двадцати отъ арміи, на Бартенштейнской дорогѣ.

Пѣхотный корпусъ Нея, на Мельзакской дорогѣ къ Цинтену, около селенія Гусененъ, верстахъ въ двадцати пяти отъ арміи.

Пѣхотный корпусъ Бернадотта на нѣскольکو сутокъ позади арміи.

Мѣстоположеніе занимаемой нами позиціи представляло слегка холмистую равнину, заключенную въ возвышеніяхъ, не весьма значительныхъ и довольно отъ насъ отдаленныхъ, болѣе однако близкихъ со стороны нашего лѣваго фланга, столь опаснаго для насъ и въ стратегическомъ смыслѣ. Снѣгъ покрывалъ землю: это затрудняло перемѣщеніе артиллеріи, а оледенѣлыя и покрытыя снѣгомъ озера, расбросанныя на полѣ сраженія, представляли плоскости, удобныя для пѣхоты и конницы, но опасныя для движенія артиллеріи. Болота были еще непроходимы даже и для пѣхоты. Погода была вообще ясная, хотя нерѣдко отемняемая скорострѣльными и пролетными появленіями густого снѣга. Стужа была легкая, и не превышала 3 или 4 градусовъ.

Съ утреннимъ полусвѣтомъ армія поднялась и стала въ ружье. Еще костры курились на мѣстѣ ночлега между войсками, которыя черными полосами разсѣкали бѣлое, незапятнанное поле будущаго сраженія; еще нигдѣ изнутри ихъ не сверкнуло ни одного выстрѣла; только видно

было въкоторое волненіе въ линіяхъ и колоннахъ, приходившихъ въ окончательный порядокъ; 4-я пѣхотная дивизія возвратилась на свое мѣсто, въ составъ главнаго резерва арміи, и Архангелогородскій полкъ примкнулъ къ своей дивизіи. Ободняло, и со свѣтомъ грянула шестидесяти-пушечная баттарей нашего праваго фланга. Часть непріятельской артиллеріи, ночевавшей подъ прикрытіемъ переднихъ строеній города, выдвинулась изъ-за нихъ, и отвѣчала на вызовъ. Наполеонъ увидѣлъ собственными глазами, что дѣло идетъ о битвѣ уже не съ арріергардомъ, какъ онъ думалъ, а со всею нашею арміей. Не можетъ быть, чтобы въ эту минуту великій полководецъ не упрекнулъ себя въ удаленіи корпусовъ Нея и Даву на такое разстояніе отъ арміи, въ какомъ они тогда находились, и не подосадовалъ на судьбу, которая, въ такой рѣшительный день, лишила его корпуса Бернадотта. Обстоятельство это не прошло бы ему даромъ за семь лѣтъ прежде, когда Суворовъ былъ еще на копѣ передъ русскими знаменами. Но отъ того, что уже не было Суворова, ему нельзя было пренебрегать Беннигсена, полководца не безъ высокихъ достоинствъ по многимъ отношеніямъ, и потому гонцы летѣли къ Даву и къ Нею съ приказаніями немедленно обратиться къ Эйлау.

Между тѣмъ жестокая канонада гремѣла во кругъ города, и главныя силы французской арміи начали размѣщаться. Легкія кавалерійскія бригады Дюронеля, Брюера, Гюо и Кольберта

остались влѣвѣ отъ Эйлау. Пѣхотная дивизія Левая, соединивъ всѣ три свои бригады, расположилась лѣвымъ флангомъ къ симъ легкоконнымъ бригадамъ, а правымъ къ городу. Пѣхотная дивизія выдвинулась впередъ города и примкнула къ правому флангу Левая. Корпусъ Ожеро построился въ двѣ линіи: дивизія Держардена составила первую, а дивизія Гюдле вторую линію. Обѣ тѣ дивизіи примкнули лѣвые свои фланги къ церкви, лежащей у оконечности города, гдѣ находился Наполеонъ во все время сраженія.

За Ожеро расположилась кирасирская дивизія Гопульта, примыкая съ лѣва къ цѣпей гвардіи, стоявшей позади церкви за возвышеніемъ. За Гопультомъ стала конная гвардія, а вправо, на одной съ нимъ линіи, драгунская дивизія Груши. Дивизія Сентъ-Илера, отъ корпуса Сульта, примкнула къ правому флангу первой линіи Ожеро, заслоняя собою драгунскую дивизію Клейна; драгунская дивизія Мило — къ правому флангу Клейна, и составляла оконечность всей арміи.

Канонада съ обѣихъ сторонъ загоралась по мѣрѣ развитія французской арміи параллельно нашей. Она сдѣлалась общеою: но все гремѣла съ большею силою около города, нежели на другихъ пунктахъ, — съ нашей стороны, потому что мы посредствомъ ея старались воспрепятствовать дивизіямъ Лиграна и Левая нападеніе на нашъ правый флангъ, а съ непріятельской — для привлеченія нашего вниманія болѣе на нашъ

правый флангъ, чѣмъ на лѣвый, чтобы тѣмъ облегчить усилія Даву, котораго прибытіе на оконечность нашего лѣваго фланга долженствовало рѣшить участь сраженія.

Уже огонь изъ нѣсколькихъ сотъ орудій продолжался около трехъ часовъ сряду, и ничего замѣчательнаго не происходило ни съ неприятельской, ни съ нашей стороны.

Получивъ извѣстіе о скоромъ прибытіи корпуса Даву (ему велѣно было, направляясь къ арміи, взять вправо отъ батерштейнской дороги, на которую онъ перешелъ съ гейльсбергской), Наполеонъ приказалъ всей главной арміи двинуться также вправо, для связи своего дѣйствія съ дѣйствіемъ Даву. Армія двинулась, но въ самую эту минуту закрутилась мятель съ густымъ снѣгомъ, такъ, что въ двухъ шагахъ ничего не было видно. Корпусъ Ожеро потерялъ дирекцію, и, отдѣляясь отъ дивизіи Сентъ-Илера и всей кавалеріи, предсталъ неожиданно, и для насъ и для себя, передъ центральною баттареею въ самый моментъ проясненія погоды. Семьдесятъ жерлъ рыгнули адомъ, и градъ картечей зазвенѣлъ по желѣзу ружей, и застучалъ по живой громадѣ костей и мяса. Въ одно мгновеніе полки, Московскій гренадерскій и Шлиссельбургскій пѣхотный, и пѣхотная бригада генерала Сомова, ринулись на нсе жадно съ наклоненными штыками. Французы всколыхнулись, но, ободрясь, подставили штыки штыкамъ и стали грудью. Произошла схватка, дотоль невиданная. Болѣе двадцати тысячъ человѣкъ съ обѣ-

ихъ сторонѣ вонзали трехгранное остріе другъ въ друга. Толпы валились. Я былъ очевиднымъ свидѣтелемъ этого гомерическаго побоища, и скажу поистинѣ, что, въ четырнадцать кампаній моей службы, во всю эпоху войнъ Наполеоновскихъ, справедливо названную эпопеей нашего вѣка, я подобнаго побоища невидывалъ. Около получаса не было слышно ни пушечныхъ, ни ружейныхъ выстрѣловъ, ни въ срединѣ, ни вокругъ его: слышенъ былъ только невыразимый гулъ перемѣшавшихся тысячей храбрыхъ и рѣзавшихся безъ пощады. Груды мертвыхъ тѣлъ осыпались свѣжими грудями, люди падали одни на другихъ сотнями, такъ, что вся эта часть поля сраженія вскорѣ уподобилась высокому наранету вдругъ воздвигнутаго укрѣпленія. Наконецъ — наша взяла! Корпусъ Ожеро былъ опрокинутъ и жарко преслѣдованъ нашею пѣхотою и генералъ-лейтенантомъ княземъ Голицынымъ, прискакавшимъ съ центральною конницею на подпору пѣхоты. Задоръ достигъ до невѣроятія: одинъ изъ нашихъ баталіоновъ въ пылу погони занесся за непріятельскую позицію и явился у церкви, во стѣ шагахъ отъ самого Наполеона; объ этомъ упоминаютъ сами Французы во всѣхъ описаніяхъ войнъ того времени. Минута была критическая. Наполеонъ, котораго рѣшительность умножалась по мѣрѣ усиленія опасности, приказалъ Мюрату и Бессіеру ударить съ тремя дивизіями Гопульта, Клейна и Груши и съ конною гвардіею на наши войска, гнавшіяся за

Ожеро, при крикахъ ура!—движеніе, необходимое для спасенія хоть части его корпуса, и для предупрежденія общаго съ нашей стороны натиска, въ случаѣ, если бѣ Беннигсенъ на это отважился. Болѣе шестидесяти эскадроновъ обскакало справа бѣжавшій корпусъ и понеслось на насъ, махая палашами. Загудѣло поле, и свѣгъ, взрываемый двѣнадцатью тысячами сплоченныхъ всадниковъ, поднялся и завился изъ-подъ нихъ, какъ вихрь изъ-подъ громовой тучи. Блестательный Мюратъ, въ театральномъ костюмѣ своемъ, сопровождаемый многочисленною свитою, горѣлъ впереди бури, съ саблею на-голо, и летѣлъ какъ на пиръ въ средину свѣчи. Пушечный, ружейный огонь и рогатки штыковъ, поставленныхъ нашею пѣхотою, не преградили гибельному приливу. Французская кавалерія все смяла, все затоптала, прорвала обѣ линіи арміи, и, въ бурномъ порывѣ, достигла до резерва. Тутъ разразился о скалу напоръ волнъ ея. Резервъ устоялъ, не поколебавшись, и густымъ ружейнымъ и баттарейнымъ огнемъ обратилъ вспять нахлынувшую громаду. Тогда кавалерія эта, въ свою очередь преслѣдуемая нашею конницею сквозь строй пѣхоты, ея же прежде смятой и затоптанной, а теперь снова поднявшейся на ноги и стрѣлявшей на ней въ догонку, отхлынула даже за черту, которую она занимала въ началѣ дѣла. Погоня конницы нашей была удалиськи запальчива и, какъ говорится, до дна, à fond. Оставленные на этой чертѣ непріятельскія баттары были взяты нѣ-

сколькими нашими эскадронами, которые до нихъ достигли; канонеры и у многихъ орудій колеса изрублены всадниками, но самыя орудія остались на мѣстѣ за неимѣніемъ передковъ и упряжей ускакавшихъ отъ страха изъ виду. Въ этой рукопашной свалкѣ въ приливъ и отливъ кавалеріи, дивизіонные генералы: кавалерійскій Гопультъ, гвардейскій Далманъ и пѣхотный Дежарденъ, легли на мѣстѣ битвы. Самъ маршаль Ожеро, дивизіонный генераль Гюдже и бригадные генералы и множество штабъ-офицеровъ потерпѣли подобную же участь. Два эскадрона гвардейскихъ конныхъ гренадеръ, которые составляли хвостъ уходившей непріятельской кавалеріи, были отхвачены нашею конницею и положили жизнь между второю линіею и резервомъ. 14-й линійный полкъ лишился всѣхъ офицеровъ, а въ 24-мъ линійномъ осталось въ живыхъ только пять. Весь корпусъ Ожеро, три кавалерійскія дивизіи и конная гвардія представляли одни обломки. Шестъ орудовъ было взято нашими.

Какая была минута для дружнаго и совокупнаго напора всѣхъ нашихъ силъ на дивизію Сентъ-Илера, оставшуюся безъ опоры, и безъ надежды на какую-либо podporу! Все вокругъ нея было или истреблено, или разстроено, и, что всего важнѣе, лишено духа не только помогать ей, но даже защищаться. Сверхъ того, еще было не болѣе одиннадцати часовъ утра, следовательно оставалось два часа времени до прибытія корпуса Даву на поле сраженія. Но,

чтобы пользоваться подобными минутами, не довольно глубокаго познанія своего дѣла, не довольно духа твердаго и ума расчетливаго: все это мертво безъ вдохновенія, безъ того порыва непонятнаго, неизъяснимаго, мгновеннаго какъ электрическая искра, который равно необходимъ и поэту, и витіи, и полководцу — принадлежность Наполеона, принадлежность Суворова, поэтовъ и витіи дѣйствія, какъ Пиндара, какъ Мирабо, полководцевъ Слова.

Благопріятная минута, обѣщавшая оружію нашему такъ много выгоды, исчезла. Войска наши, гнавшіяся за непріятелемъ, принуждены были возвратиться въ составъ главныхъ силъ арміи, изъ которой не было выдвинуто ни одного баталіона имъ на подпору, и разстроенный непріятель, пользуясь ихъ отливомъ, сплотился, устроился, ободрился. Тогда обѣ арміи вошли въ то самое положеніе, въ которомъ находились до рѣзни и сѣчи, до бойни, бесполезно пожравшей такое множество, и все эти чудеса храбрости, все это самоотверженіе, весь этотъ героизмъ воиновъ, загромоздившихъ трупами своими поле кроваваго пренія, обратился ни во что; какъ будто его не бывало!... Дѣйствіе ограничилось жестокою канонадою, которая снова разлилась по всему протяженію обѣихъ армій, и побіеніемъ ею новыхъ тысячей, такъ, отъ нечего дѣлать, до прибытія къ Французамъ корпуса Даву, къ намъ — прусскаго корпуса Лестока.

Насталъ второй періодъ сраженія. Около пер-

ваго часа пополудни, на гребнѣ высотъ, которыя видѣлись отъ насъ влѣво, замелькало нѣсколько всадниковъ. За ними показались громады конницы, а тамъ выдвинулись громады пѣхоты и артиллеріи. Горизонтъ зачернѣлъ и взволновался. Холмы Саусгартена, дотолѣ безмолвные, сверкнули, оклубились дымомъ и «проглаголали». Даву отвѣчалъ имъ изъ сорока орудій и потекъ лавою на боевое поле, въ одно время съ дивизіей Сентъ-Илера, которая сдѣлала приблизительное къ нему движеніе и была усилена кавалерійскою дивизіею Мило. На лѣвомъ флангѣ Сентъ-Илера, уступомъ отъ него, двинулись кавалерійскія дивизіи, уже потерпѣвшія въ бою, Клейна, Груши и бывшая Гопульта; онѣ были построены въ три линіи. Къ лѣвому флангу этой кавалеріи прикнулъ остатокъ корпуса Ожеро, построенный въ двѣ линіи. За нимъ расположилась пѣшая гвардія, а позади дивизіи бывшей Гопульта конная гвардія, потерпѣвшая въ бою не менѣе кавалерійскихъ дивизій. Дивизіи Леграна и Леваля, какъ и четыре легкія кавалерійскія бригады, остались на своихъ мѣстахъ.

Все вниманіе, и наше и непріятельское, обратилось къ Даву и къ нашему лѣвому флангу.

Поскакали адъютанты по альторфской дорогѣ съ повелѣніями Лестоку увеличить поспѣшность и, не останавливаясь уже у Шмодиттена, прибыть скорѣе къ лѣвому флангу арміи. Нѣкоторая часть конницы и артиллеріи, находившихся на нашемъ правомъ флангѣ и въ центрѣ

потянулась также къ лѣвому флангу, который непріятельскія силы подавляли болѣе и болѣе, и загибали къ центру, давно уже терпѣвшему отъ батарей, расположенныхъ за каменными строеніями города и начавшихъ продольными выстрѣлами все протяженіе нашей арміи отъ Эйлау до ручья, протекающаго между Саусгартенемъ и Кушиттенемъ.

Обстоятельства являлись не въ красивомъ видѣ. Даву, отбѣснивъ нашъ лѣвый флангъ за ручей, занялъ пространство, разделяющее Кушиттенъ и Саусгартенъ, заложилъ на высотахъ его огромную батарею, и съ своей стороны занижалъ ядрами протяженіе нашей арміи, обстрѣливаемое уже изъ города. Селеніе Кушиттенъ наполнилось его пѣхотою, и пѣхота отъ дивизіи Сентъ-Илера забралась въ мызу Ауклапенъ, гдѣ была ночью главная квартира Беннигсена. Графъ Остерманъ съ неустрашимостью, графъ Паленъ съ спокойствіемъ героевъ, отражали нападеніе, котораго стремительность возрастала отъ успѣховъ. Но тѣсно! Беспорядокъ начиналъ оказываться между нашими войсками. Вся часть поля сраженія отъ Кушиттена до Шмодиттена покрылась разбѣянными солдатами: они тянулись къ кѣнигсбергской дорогѣ подъ прикрытіемъ тѣхъ изъ своихъ товарищей, которые, не теряя ни духа, ни устройства, обливали еще своею кровью каждый шагъ земли, ими оспориваемой. Перекрестный огонь умножившихся батарей непріятеля пахалъ, взрывалъ поле битвы и все, что на немъ ни на-

ходило. Обломки ружей, щепы лафетовъ, кивера, каски вились по воздуху. Все трещало, все разрушалось. Среди бури ревущихъ ядръ и лопавшихъ гранатъ, среди упавшихъ и падающихъ людей и лошадей, окруженный сумятицею боя и облаками дыма, возвышался огромный Беннигсенъ какъ знамя чести. Къ нему и отъ него носились адъютанты; извѣстія и повелѣнія смѣнялись извѣстіями и повелѣніями; скачка была непрерывная, дѣятельность неутомимая: но положеніе арміи тѣмъ не исправлялось, потому что всѣ мысли, всѣ намѣренія, всѣ распоряженія нашего вождя дышали осторожностью, расчетливостью, — свойствами ума точнаго, основательнаго, сильнаго для состязанія съ умами такого же рода, но не совсѣншиками генія, не съ созданіями внезапности, которыя ускользають отъ предусмотрѣній и угадываній, основанныхъ на классическихъ правилахъ. Все, что Беннигсенъ ни приказывалъ, все, что ни исполнялось въ слѣдствіе его приказаній, — все клонилось къ систематическому отраженію нападенія Даву и Сентъ-Илера, противустанія штыкъ ихъ штыку, дуло ихъ дулу, но не къ смѣлому и неожиданному движенію, выходящему изъ круга обыкновенныхъ движеній, не къ удару на-удалую и очертя голову на какой-нибудь пунктъ, почитаемый непріятелемъ виѣ опасности. И подлинно: какъшло дѣло? Даву продолжалъ напирать, охватывая болѣе и болѣе лѣвый флангъ нашей арміи, тогда какъ, не двигаясь съ мѣста, постепенно отдѣляли отъ

себя частицы пѣхоты, конницы, артиллеріи, на поднору отступавшему флангу, и не предпринимали ничего совокупнаго, ничего рѣшительнаго, ничего такого, что могло бы своею скоропостижностью ошеломить противника. Впрочемъ, много пользы приносило намъ и одно прегражденіе натисковъ праваго неприятельскаго фланга до прибытія корпуса Лестока; но для того слѣдовало подкрѣплять флангъ большими массами, а не мелкими частицами. Багратионъ, который въ минуты опасности поступалъ на свое мѣсто силою воли и дарованія, двинулъ резервъ къ Ауклапену, и обратилъ его лицомъ къ Даву и Септъ-Илеру. Ермоловъ прискакалъ къ тому же пункту съ своими тридцатью шестью конными орудіями, выдвинулъ ихъ изъ-за резерва, осьпалъ брандсугелями Ауклапенскую мѣззу, мгновенно зажегъ ее, и принудилъ неприятельскую пѣхоту удалиться отсюда. Тогда, не теряя ни минуты, онъ бросился къ ручью и сразился съ заложеными на противномъ берегу батареями, не перепуская вмѣстѣ съ тѣмъ ни одной пѣхотной колонны черезъ ручей ни къ Ауклапену, ни къ Кушиттену для подкрѣпленія войскъ, ввалившихся въ последнее селеніе. Но эти успѣхи или, лучше сказать, эта отсрочка угрожавшей гибели не могла быть продолжительна. Для похищенія у неприятеля рѣшительной побѣды, надобно было не только остановить, но поразить Даву натискомъ на его правый флангъ, и вмѣстѣ угрозить тылу его общимъ напоромъ на корпусъ Ожеро

и кавалерію, которая къ нему примыкала. Для послѣдняго мы еще обладали достаточною силою, но для перваго намъ необходимъ былъ бы прусскій корпусъ, который все-еще не являлся.

Наконецъ прискакали адъютанты съ извѣстіемъ о приближеніи Лестока, такъ давно, такъ нетерпѣливо жданнаго нами. Занявши большую часть корпуса Нея битвою съ бригадою генерала Плоца и преслѣдованіемъ ея къ Крейцбургу, Лестокъ, съ главными своими силами, которыя состояли изъ девяти баталіоновъ и двадцати девяти эскадроновъ*, обратился на Лейсенъ, Гравентенъ и Альторфъ. Уже было около четырехъ часовъ: дорога альторфская зачернѣла войсками и Беннигсенъ поскакалъ къ нимъ на встрѣчу, и для устроенія ихъ прихода, и для того, чтобы направить ихъ по собственнымъ видамъ. Замѣтно было, что по прибытіи главнокомандующаго къ этому корпусу, стремленіе его усилилось. Лестокъ направленъ былъ къ Шмодиттену: онъ миновалъ это селеніе, и, не доходя до Кушниттена, построился въ боевой порядокъ. Правую колонну его составлялъ русскій Выборгскій полкъ; лѣвую полкъ Рюхеля; въ резервъ за ними, гренадерскій баталіонъ Фобецкаго сталъ развернутымъ фронтомъ. Пѣхотный полкъ Швинга, построенный въ колонну, оставивъ селеніе влѣво, ударилъ на непріятельскую пѣхоту, которая передъ нимъ находилась, опроки-

* 3,384 человѣка, по рапорту Лестока.

нулъ ее и протналъ въ лѣсъ, находящійся около Саусгартена. Генераль Каль, съ конницею и съ однимъ полкомъ казаковъ, который присоединился къ нему отъ главной арміи, бросилъ Кушиттенъ вправо; напалъ на непріятельскую кавалерію, примыкавшую къ этому селенію, и разстроилъ ее; потомъ обратился на пѣхоту, выбѣгавшую въ разстройство изъ Кушиттена, затопталъ и, истребивъ большую часть ея, не допустилъ ее до лѣса, въ которомъ скрылась первая пѣхота. Въ этомъ случаѣ Выборгскій пѣхотный полкъ отбилъ три орудія, взятые Французами у нашего лѣваго фланга во время его отступленія.

Овладевъ Кушиттеномъ, Лестокъ повернулъ войска вправо и построилъ ихъ лицомъ къ ручью и лѣсу. Полкъ Шёнинга составилъ тогда правый флангъ; гренадерскій баталіонъ Фобецкаго и Выборгскій пѣхотный средину, а полкъ Рюхеля лѣвый флангъ корпуса. Вторую линію образовали кирасирскій полкъ Вагенфельда и драгунскіе полки Ауера и Бачко. Легкоконный полкъ «Товарищей» занялъ мѣсто на лѣвомъ флангѣ пѣхоты.

Въ это время нашъ отступавшій лѣвый флангъ оставовился и устроился; а резервъ его, подъ командою генераль-маіора графа Каменскаго; и конница резерва, подъ командою генераль-маіора Чаплица, двинулись на подпору прусскому корпусу.

Аттакъ лѣса была произведена съ превосходнымъ мужествомъ и съ замѣчательнымъ устрой-

ствомъ. Лѣвъ былъ очищенъ частію огнеотрѣльными, частію холоднымъ оружіемъ. Вотъ моментъ общаго натиска всей средины и всего главнаго резерва нашей арміи на разжиженные отъ утренняго боя корпусъ Ожеро, конную гвардію и три кавалерійскія дивизіи Клейна, Груши и Гопульта, которыя соединили лѣвый флангъ французской арміи съ правымъ. Подобное движеніе даровало побѣду Наполеону надъ Аустерлицемъ.

Но армія наша осталась на мѣстѣ, и ограничила дѣйствіе одною канонадою. Напору Лестока содѣйствовала собственная его артиллерія, стрѣлявшая въ лицо войскамъ Даву и Сентъ-Илера, и артиллерія Ермолова, которая, помѣстясь у сгиба ручья при Ауклапешѣ, нивала лѣвую корпусу и дивизіи по всему протяженію отъ лѣваго до праваго ихъ фланга.

Не смотря на это общее съ нашей стороны бездѣйствіе, которое предоставляло всё усмія одному Лестоку, Каменскому и артиллеріи Ермолова, непріятель не устоялъ противъ нихъ. Отступленіе его, начатое сперва съ устройствомъ, обратилось наконецъ въ постыдный беспорядокъ, который достигъ до того, что двадцать восемь орудій, частію ничѣмъ поврежденныхъ, были брошены Французами на мѣстѣ сраженія. Невѣдѣніе объ этомъ и наступившій мракъ вечера не позволили никому генералу украсить день Эйлаускій какими важными трофеями. Даву и Сентъ-Илеръ, оставивъ поле битвы, расположили войска свои по обо-

имъ сторонамъ Саусгартена до Эйлау. У города остались на прежнихъ мѣстахъ пѣхотныя дивизіи Леваля и Леграна; но четыре легкія кавалерійскія бригады подвинулись къ Альторфскому ручью, для открытія сообщенія съ частию корпуса Нея, подходившаго уже къ Альторфу.

Съ нашей стороны, войска расположились такъ:

Передняя линія, примкнувъ лѣвымъ флангомъ къ дорогѣ, ведущей изъ Кушиттена въ Лампахъ, шла вдоль ближайшей опушки лѣса, что передъ Кушиттеномъ, и занимала лѣсъ пѣхотою почти до виѣшней его опушки. Оттуда линія эта разсѣкала боевое поле впереди Ауклапена и упиралась въ нашу центральную баттарею, игравшую такую значительную роль въ первомъ періодѣ сраженія. Къ баттареѣ примыкали войска нашего праваго фланга, какъ въ первоначальномъ ихъ построеніи передъ сраженіемъ. Это насупротивное положеніе сражавшихся войскъ по прекращеніи битвы доказываетъ отсутствіе рѣшительнаго перевѣса оружія одной арміи надъ другою. Какъ французская, такъ и наша, остались въ занимаемыхъ ими позиціяхъ, съ нѣкоторымъ только измѣненіемъ на лѣвомъ нашемъ флангѣ, уступившемъ нѣсколько десятковъ сажени корпусу Даву и дивизіи Сентъ-Илера, по причинѣ наступленія сумрака, который затруднилъ битву. Еще одинъ часъ дня и — Лестокъ неминуемо овладѣлъ бы артиллерією, оставленною Французами между Кушиттеномъ и Саусгартеномъ, и принудилъ

бы самый корпусъ Даву и дивизию Сентъ-Илера отступить за Саусгартенъ и далѣе.

Глубокая ночь болѣе и болѣе густѣла надъ эйлаускимъ полемъ, упитаннымъ кровію. Всѣ окружныя селенія пылали, и отблескъ пожаровъ разливался на войска утомленныя, но еще стоявшія подъ ружьемъ и ожидавшія повелѣній своихъ начальниковъ. Кой-гдѣ видны уже были вспыхнувшіе костры биваковъ, около которыхъ толпились, или въ которыхъ пробирались и ползли сотни раненыхъ. Искаженныя трупы людей и лошадей, разбитыя фуры, пороховыя ящики и лафеты, доспѣхи и оружіе, — все это, здѣсь разбросанное, тамъ сваленное въ груды, придавало равнинѣ живописность ужаса и разрушенія, достойныхъ кисти вдохновеннаго творца «Послѣдняго дня Помпей».

Бой прекратился, но недоумѣніе — возобновить ли битву или отступить намъ къ Кѣнигсбергу, Французамъ къ Вислѣ, обуревало мысли верховныхъ вождей обѣихъ армій. Упрямѣвшій восторжествовалъ, — не нападеніемъ, но дождавшись утра на мѣстѣ битвы. Беннигсенъ оставилъ поле около полуночи и на немъ нѣсколько эскадроновъ для прикрытія арміи, которая потянулась къ Кѣнигсбергу. Лестокъ отошелъ черезъ Домнау и Алленбургъ въ Вело. Погони не было. Французская армія, какъ изстрѣленный военный корабль, съ обломанными мачтами и съ изорванными парусами, колыхалась — еще грозная, но

неспособная уже сдѣлать одинъ шагъ впередъ, ни для битвы, ни даже для преслѣдованія..

Вдругъ закипѣли ружейныя выстрѣлы въ Шмодиттенѣ. Мы изумились. Первая наша мысль обратилась къ Нею, который вышелъ изъ нашей памяти. И подлинно, Ней, прибывъ съ частію своего корпуса въ Альторфъ въ девять часовъ вечера, нашелъ тамъ прусскіи гренадерскіи баталіонъ капитана Куровскаго. Этотъ офицеръ, видя несоразмѣрность силъ своихъ съ непріятельскими, оставилъ селеніе и отошелъ къ арміи. Генералъ Лиге-Белеръ, который съ 6-мъ и 39-мъ полками легкой пѣхоты слѣдовалъ за нимъ, вступилъ въ Шмодиттенъ, селеніе, полное нашими ранеными и командами, прибывшими для ихъ прикрытія. Послѣднія открыли огонь по Французамъ, и перестрѣлка завязалась. Тотчасъ отряжены были на помощь имъ Воронежскіи пѣхотный полкъ и нѣсколько орудій; но непріятель, не дожидаясь прибытія нашего отряда, отступилъ въ Альторфъ, и тѣмъ прекратилась тревога.

28-го числа армія наша, отдохнувъ въ Мюльгаузенѣ, продолжала путь къ Кёнигсбергу, вокругъ котораго остановилась, оставивъ арріергардъ князя Багратіона въ Людвигсвальдѣ.

Французская армія, опасаясь на пути впередъ новаго сраженія, осталась около Эйлау. Только двадцать четыре эскадрона двинулись для наблюденія на берега Фришинга, къ Мансфельду и Людвигсвальду, и то по истеченіи слишкомъ двухъ сутокъ, когда Наполеонъ удо-

стовѣрился въ прибытіи нашей арміи къ Прегелю.

5-го февраля Наполеонъ рѣшился отступить за Пассаргу для занятія кантонирь-квартирь: онъ оставилъ Эйлау, преслѣдуемый нашимъ авангардомъ и всѣми казачьими полками подъ начальствомъ атамана своего, Платова, который съ того дня началъ свою европейскую репутацію.

Обратное шествіе непріятельской арміи, не смотря на умѣренность стужи, ни въ чемъ не уступало отступленію ея пять лѣтъ послѣ изъ Москвы къ Нѣману. Находясь въ авангардѣ, я былъ очевидцемъ кровавыхъ сибодъ ея отъ Эйлау до Гутштадта. Весь путь усѣянъ былъ ея обломками. Не было пустого мѣста. Вездѣ встрѣчали мы сотни лошадей, умирающихъ или завалившихъ дорогу своими трупами, и лазаретныя фуры, полныя умершими и умирающими солдатами и чиновниками. Торопливость въ отступленіи до того достигала, что кромѣ страдальцовъ, оставленныхъ въ повозкахъ, мы находили многихъ, выброшенныхъ на снѣгъ безъ покрова и одежды, истекающихъ кровью. Такихъ было на каждой верстѣ не одинъ, не два, но десятки и сотни. Сверхъ того, всѣ деревни на пути нашемъ завалены были большими и ранеными, безъ врачей, безъ пищи, безъ малѣйшаго призора. Въ этомъ преслѣдованіи казаки наши захватили множество усталыхъ, мародеровъ и восемь орудій, завязшихъ въ снѣгу и безъ упряжи.

Уронъ нашъ въ этомъ сраженіи простирался почти до половиннаго числа сражавшихся, то есть, до 37.000 человекъ убитыхъ и раненыхъ. По спискамъ видно, что послѣ битвы армія наша состояла изъ 46,800 человекъ регулярнаго войска и 2,500 казановъ. Подобному уроку не было примѣра въ военныя исторіи съ времени изобрѣтенія пороха.

Оставляю читателю судить объ урокѣ французской арміи, которая обладала меньшимъ числомъ артиллеріи противъ нашего, и была отбита отъ двухъ жаркихъ приступовъ.

Трофеи наши состояли въ девяти орудіяхъ, исторгнутыхъ изъ рядовъ неприятельскихъ, и въ 2,000 пѣшыхъ. Прусскій корпусъ взял два орудія.

IV.

Трогательное происшествіе случилось со мною послѣ сраженія. За годъ и два мѣсяца армія наша поражена была подъ Аустерлицемъ. Кавалергардскій полкъ раздѣлилъ поражение съ прочими. Служившій въ этомъ полку поручикомъ родной братъ мой, тогда двадцатилѣтній юноша, былъ жестоко раненъ: онъ получилъ пять ранъ саблею, одну пулею и одну штыкомъ, и былъ оставленъ за-мертво въ грудѣ труповъ на полѣ сраженія. Такъ пролежалъ онъ до глубокой ночи. Ночью онъ очнулся,

* Изъ записокъ генерала Вернигерова.

всталъ, и кое-какъ добрелъ до огня, сверкавшаго изъ ближайшей деревни, которую нашегъ полноту Русскими ранеными. Онъ помѣстился между ними. Спустя трое сутокъ, двое кавалергардовъ, подобно ему, но гораздо легче его раненыхъ, Араповъ и Барковскій, уговорили его идти вслѣдъ за отступавшею арміею нашею, и они, не зная ея направленія, побрели вмѣстѣ, какъ бродятъ люди, изнуренные страданіями и голодомъ. Путешествіе ихъ продолжалось недолго. Гвардейскій конно-гренадерскій эскадронъ, отряженный изъ французской арміи для собранія раненыхъ, какъ французскихъ, такъ и русскихъ, настигъ странниковъ и объявилъ имъ объ ихъ участи. Дѣлать было нечего: надобно было повиноваться. Эскадронъ пошелъ далѣе, но командиръ его препоручилъ брата моего и его двухъ товарищей одному изъ офицеровъ своего эскадрона для доставленія ихъ въ Брюнь, гдѣ тогда находилась главная квартира Наполеона.

Но, «бѣдненькій охъ, а за бѣдненькимъ Богъ!» говоритъ пословица. Офицеръ этотъ былъ поручикъ Серюгъ, племянникъ министра Маре (герцога Бассано). На его произволь отданы были и жизнь и смерть, потому что ненависть Французовъ къ Русскимъ и Русскихъ къ Французамъ началась съ этой эпохи. Въ обѣихъ арміяхъ вошло въ обычай срывать съ плѣнника послѣдній пояръ, послѣднюю обувь, и немощнаго голодомъ, усталостью, стужею или ранами, предавать смерти. Начальство того не

приказывало, но за такіе проступки и не взыскивало. Человѣколюбивый и сострадательный Серюгъ не былъ еще зараженъ такими гнусными примѣрами. Соболюзнуя злополучію своего плѣнника, онъ простеръ свою снисходительность до того, что воспретилъ ему идти пѣшкомъ, посадилъ его на лошадь и раздѣлилъ послѣдній кусокъ собственнаго хлѣба съ врагомъ, ослабленнымъ отъ голода. Онъ довезъ его до пастора ближайшаго села, приказалъ накормить его при себѣ до-сыта, снарядилъ для него повозку и отправилъ его въ Брюнъ, ожививши его дружескимъ и, можно сказать, братскимъ участіемъ. Кромѣ того, онъ далъ брату слово отыскать его въ Брюнѣ, куда надѣялся вскорѣ возвратиться, и на случай невозврата взялъ съ него слово прибѣгнуть прямо къ дядѣ его, министру Маре, и требовать отъ него всѣхъ вспоможеній, необходимыхъ въ его положеніи.

Все это слышалъ я отъ брата, по возвращеніи его изъ плѣна, за нѣсколько недѣль до отъѣзда моего въ армію.

Прибывъ съ арріергардомъ въ Людвигсвальдъ 29-го января, я отпросился у князя Багратіона въ Кѣнигсбергъ для своихъ надобностей, и, по прибытіи туда, присталъ у генерала Чаплица, исправлявшаго должность комменданта города. Чаплицъ объявилъ мнѣ, что какой-то французскій офицеръ, раненый въ послѣднемъ сраженіи, спрашивалъ его обо мнѣ или, лучше сказать, освѣдомлялся, нѣтъ ли въ арміи нашей гвардіи поручика Давыдова. Я одинъ былъ гвар-

дѣмъ поручикъ Давыдовъ въ цѣлой арміи, и, изъ любопытства узнать имя этого французскаго офицера, просилъ показать себѣ именной списокъ плѣнныхъ чиновниковъ. Каково было мое удивленіе, когда имя «гвардіи конно-гренадерскаго полка поручика Серюга» первое брошилось мнѣ въ глаза при раскрытіи огромнаго фоліанта! Увидѣть это имя и бѣжать къ Серюгу — было однимъ движеніемъ. Я еще не добѣжалъ, еще не видалъ его въ лицо, а уже былъ его братомъ, его другомъ, — вѣчнымъ другомъ и страстнымъ братомъ. Надобно сказать, что жители Кеннигсберга, узнавъ о прибытіи нашей арміи къ стѣнамъ города, опасались отступленія ея далѣе и занятія города Французами: вотъ почему, чтобы благовременно заслужить Наполеонову благосклонность, они всѣми мѣрами испросили у Беннигсена позволеніе разобрать по домамъ своимъ раненыхъ французскихъ офицеровъ, для пользованія и содержанія ихъ на своемъ иждивеніи. Разумѣется, что въ этомъ фортуна болѣе благопріятствовала племяннику министра, чѣмъ другому: Серюгъ пользовался гостепримствомъ богатѣйшаго гражданина въ Кеннигсбергѣ.

Я нашелъ его въ высокомъ, роскошно убранномъ домѣ, котораго весь первый этажъ предоставленъ былъ на его волю. Кровать съ занавѣсой, бѣлье отличное, ширмы, столикъ, дваны, обширныя кресла возлѣ кровати, полусвѣтъ и куреніе въ комнатѣ, и врачъ и лекарства: ни въ чемъ не было недостатка. Но онъ держалъ

блѣдный; изнеможенный; въ жестокихъ страданіяхъ. Нѣсколько сабельныхъ ранъ по головѣ и по рукамъ не столько его безпокоили, сколько мучила его рана пикою въ пахъ — глубокая и смертельная. Я тихо и осторожно подошелъ къ кровати страдальца и объявилъ ему мое имя. Мы обнялись какъ-будто совоспитанники, какъ-будто родные братья. Онъ спросилъ о братѣ моемъ съ живымъ участіемъ; я благодарилъ за сохраненіе мнѣ его, и предложилъ себя къ его услугамъ съ душевнымъ чувствомъ. Онъ на это отвѣчалъ мнѣ: «Вы видите, я на попеченіи «добраго человѣка, и ни въ чемъ не нуждаюсь. «Однако вы можете мнѣ сдѣлать большое одолженіе. Безъ сомнѣнія, между плѣнными есть «раненые моего взвода: не можете ли вы иско«датайствовать у начальства двухъ или хотя «одного изъ моихъ конно-гренадеръ для пре«быванія подлѣ меня. Пусть я умру, не спуская «глазъ съ мундира моего полка и гвардіи вели«каго человѣка.» Разумѣется, что я бросился къ Беннигсену и Чаплицу, испросилъ у нихъ позволеніе выбрать изъ толпы плѣнныхъ двухъ конно-гренадеръ взвода Серюга, и черезъ два часа явился къ нему въ сопровожденіи двухъ его усачей, осыненныхъ медвѣжьими шапками и одѣтыми во всю форму. Нельзя изъяснить радости несчастнаго моего друга при видѣ своихъ сослуживцевъ. Изъявленію благодарности не было бы конца, безъ просьбы моей прекратить порывы сердца, столь изнурительные въ его положеніи.

Двое сутокъ я не оставлялъ Серюга ни денно, ни ночью; на третьи все кончилось: онъ умеръ на рукахъ моихъ и похороненъ на кѣнигсбергскомъ кладбищѣ.

За гробомъ шли тѣ же французскіе конно-гренадеры и я — поручикъ русской гвардіи. Странное сочетаніе людей и мундировъ!

Глубокая печаль живо выражалась на лицахъ старыхъ рубаекъ, товарищей моихъ въ процессіи..... Я былъ молодъ..... я плакалъ.

УРОКЪ СОРВАНЦУ.

Посвящается сыновьямъ моимъ: Василью, Николаю,
Демису, Ахиллу и Вадиму.

Армія наша находилась въ обратномъ движеніи отъ Янкова къ Прейсшвѣ-Эйлау. Выше сказано, что это было въ январѣ 1807 года.

Тамъ же сказано, что 24-го числа пришла князю Багратіону очередь прикрывать тылъ ея во время перехода отъ Вольфсдорфа къ Лендсбергу.

Вольфсдорфское дѣло было первымъ боемъ моего долгаго поприща. Не забуду никогда нетерпѣнія, съ какимъ я ждалъ первыхъ выстрѣловъ, первой сѣчи! При всемъ томъ, какъ-будто сомнѣваясь въ собственномъ мужествѣ, я старался заимствоваться духомъ у сподвижниковъ князя Багратіона, поглощая душой игру ихъ фizioномій, ихъ взгляды, ихъ сужденія и распорядженія, которыя дышали любовью къ опасностямъ и сопровождались какою-то веселою

беззаботностию о жизни. Но болѣе всѣхъ дѣйствовалъ на меня самъ князь. Я еще не видалъ его возвышеннаго духа въ полномъ развитіи, но мое воображеніе уже проникало сквозь его величавое спокойствіе, въ хранилище нравственной силы и-геніяльныхъ соображеній, которыя въ немъ зажигались и извергались изъ него въ самомъ пылу битвы, по мѣрѣ безнадежности на успѣхъ или возрастающей увѣренности въ гибели.

На разсвѣтъ непріятель началъ наступать на нашу передовую цѣпь подъ Варлакомъ, верстахъ въ четырехъ отъ Вольфсдорфа. Аррьергардъ сталъ въ ружье на мѣстѣ своего ночлега, за Вольфсдорфомъ, параллельно къ большой дорогѣ, ведущей изъ Гутштадта въ Либштадтъ. Уголъ лѣса, находящійся между Вольфсдорфомъ и Эльдитеномъ, наполнился егерями 5-го егерскаго полка. Малый кавалерійскій отрядъ двинулся рысью для наблюденія непріятеля.

Французскій авангардъ, предшествуемый фланкерами, и за которымъ слѣдовала вся сила арміи, изрѣдка стрѣляла, изъ одного, иногда изъ двухъ орудій, по нашей передовой цѣпи; выдвигалъ громады свои на снѣжные холмы, и спускался съ нихъ въ направленіи къ Вольфсдорфу.

Полковникъ Юрковскій, подъ прикрытіемъ ближайшихъ къ непріятелю казаковъ своей команды, то останавливался, то снова тянулся восточно къ боевой линіи аррьергарда, на правый флангъ 5-го егерскаго полка, за уголъ лѣса.

Будучи адъютантомъ князя Багратіона, и слѣдственно, безъ команды, я выпросился у него въ передовую цѣпь, будто-бы для наблюденія за движеніемъ непріятеля, но собственно для того, чтобы погарцовать на конѣ, пострѣлять изъ пистолетовъ, помахать саблею и, если представится случай, то и порубиться.

Я прискакалъ къ казакамъ, которые перестрѣливались съ непріятельскими фланкерами. Ближайшій ко мнѣ изъ сихъ фланкеровъ, въ синемъ плащѣ и медвѣжьей шапкѣ, казался офицерскаго званія. Мнѣ очень захотѣлось отхватить его отъ линіи и взять въ плѣнъ; я сталъ уговаривать на то казаковъ, но они только-что не смѣялись надъ рыцаремъ, который упалъ къ нимъ какъ съ неба съ такимъ забавнымъ предложеніемъ. Никто изъ нихъ не хотѣлъ бѣжать за мной, а у меня, слава Богу, случилось на ту пору именно столько благоразумія, сколько было нужно для того, чтобы не отважиться на схватку съ челоуѣкомъ, къ которому, пока я уговаривалъ казаковъ, уже подѣхало нѣсколько всадниковъ. Къ несчастію, въ моей молодости я не долго уживался съ благоразуміемъ. Векоръ задоръ разгорѣлся, сердце выпыхнуло: я, какъ бѣшеный, толкнулъ лошадь впередъ, подскочилъ къ офицеру довольно близко и выстрѣлилъ по немъ изъ пистолета. Онъ, не прибавивъ шагу, отвѣчалъ мнѣ своимъ выстрѣломъ, за которымъ посыпались выстрѣлы изъ нѣсколькихъ карабиновъ его товарищей. То были первыя пули, которыя просвистали мимо

ушей моихъ. Я не считалъ себя Карломъ XII, но въ это мгновеніе, въ этомъ упорительномъ чаду первыхъ опасностей, при кипѣнн молодой крови, я, казалось, понялъ объѣтъ вѣнценоснаго искателя приключеній, гордо взглянулъ на себя, окуренного уже боевымъ порохомъ, и весь міръ гражданскій, и все, что внѣ боевой службы, все опустилось въ моемъ мнѣнн ниже меня, до самыхъ антиподовъ. Не надѣясь уже на содѣйствіе казаковъ, но твердо увѣренный въ удалствѣ коня, и притомъ увлеченный внезапною злобою, — Богъ знаетъ, за что! — на человѣка мнѣ неизвѣстнаго, который, подобно мнѣ, исполнялъ долгъ чести и обязанности службы, я подвинулся къ нему еще ближе, замахалъ саблею и принялся ругать его на французскомъ языкѣ какъ можно громче и выразительнѣе. Я приглашалъ его выдвинуться изъ линіи и сразиться со мной безъ помощниковъ. Онъ отвѣчалъ мнѣ такимъ же ругательствомъ и предлагалъ то же; но ни одинъ изъ насъ не принималъ предложенія другого, и мы оба оставались на своихъ мѣстахъ. Впрочемъ, безъ хвастовства сказать, я былъ далеко отъ своихъ и только на четыре конскіе скака отъ цѣпи французскихъ фланкеровъ, тогда, какъ этотъ офицеръ находился въ самой цѣпи. Съ моей стороны было сдѣлано все, за что бы слѣдовало меня и подрать за уши, и погладить по головкѣ. Въ это самое время подскакалъ ко мнѣ казачій урядникъ, и сказалъ: «Что вы ругаетесь, ваше благородіе? Грѣхъ! *Страженіе* святое дѣло; ру-

«гаться въ немъ все то же, что въ церкви: Богъ «убьетъ! Пропадете, да и мы съ вами. Ступай—те—ка лучше туда, откуда прїѣхали.» Тутъ только я очнулся, и, почувствовавъ всю нелѣпость моей пародіи троянскихъ героевъ, возвратился къ князю Багратіону.

Мудреное дѣло начальствовать арріергардомъ арміи, за которою вслѣдъ идетъ непріятель въ огромныхъ силахъ. Два противоположные предмета составляютъ основную обязанность арріергарднаго начальника: охраненіе спокойствія арміи отъ натисковъ непріятели во время ея отступленія, и вмѣстѣ съ тѣмъ, соблюденіе сколько можно близости къ ней, для неразрывныхъ связей и сношеній съ нею. Какъ согласить между собою эти двѣ, повидимому, несогласимыя необходимости? Прибѣгнуть ли къ принятію битвы? Но всякая битва требуетъ болѣе или менѣе продолжительной остановки, во время которой увеличивается разстояніе арріергарда отъ удаляющейся арміи. Обратиться ли единственно къ соблюденію ближайшей смежности съ нею, и слѣдственно уклоняться отъ битвы? Но такимъ образомъ легко можно подвести арріергардъ къ самой арміи и принести непріятели на своихъ плечахъ. Багратіонъ рѣшилъ эту задачу. Онъ постигъ то правило для арріергардовъ, которое четырнадцать лѣтъ послѣ изложилъ на островѣ Св. Елены величайшій знатокъ военнаго дѣла, сказавъ: *l'avantgarde doit presser les attaques; l'arrièregarde doit manoeuvrer*, — «авангардъ долженъ непрерывно напи-

рать; арріергардъ долженъ маневрировать,» — и на этой аксіомѣ Багратионъ основалъ охранительное дѣйствіе арріергардовъ во все время своего командованія ими. Подъ его начальствомъ никогда арріергардъ не оставался на мѣстѣ, и никогда не слѣдовалъ безостановочно за арміей. Сущность его дѣйствія состояла въ однихъ обратныхъ перемѣщеніяхъ съ одной оборонительной позиціи на другую, не вдаваясь въ общую битву, и вмѣстѣ съ тѣмъ сохраняя грозную осанку частными отпорами непріятельскихъ покушеній, — отпорами, которые онъ подкрѣплялъ сильнымъ и почти общимъ дѣйствіемъ артиллеріи. Это — операція, требующая всего геніальнаго объема обстоятельствъ, всего хладнокровія, глазомѣра и почти сверхъестественной сноровки, которыми природа такъ чудесно одарила Багратиона.

Все это было свѣше моихъ понятій. Гусарскій штабъ-ротмистръ, я жаждалъ горячей битвы: по моей стратегіи, она была необходима, и въ томъ, что она состоится, ручалась мнѣ извѣстная неустрашимость князя, которой, по моему мнѣнію, первою обязанностью была защита вольфсдорфской позиціи всѣми силами и мѣрами, хоть бы это стоило цѣлаго арріергарда. Я такъ былъ убѣжденъ въ глубокомысленности своего разсужденія, такъ увѣренъ былъ, что все пошло бы иначе, если бь сдѣлали по моему, а отступленіе мнѣ и въ голову не входило. Вотъ что было причиною того взрыва моей невѣжественной самонадѣянности, кото

рый подвергъ меня величайшей побѣдѣ и кончился моимъ спасеніемъ только по волѣ Провидѣнія.

Тотчасъ по возвращеніи изъ передовой цѣпи къ князю, я посланъ былъ къ 5-му егерскому полку, съ приказаніемъ оставить занятый имъ лѣсъ и отойти вдоль него къ Дитрихсдорфу, гдѣ избрана была для арріергарда вторая позиція. Это меня удивило и огорчило. — Какъ — думалъ я — когда еще такъ мало войскъ вступило въ дѣло, когда въ этомъ полку еще ни одно ружье не закоптилось порохомъ, уже отступление!

Однако я поскакалъ къ егерямъ и выполнилъ порученіе.

Между тѣмъ передовая цѣпь наша, продолжая перестрѣлку съ непріятельскими фланкерами, отодвинулась уже къ лѣсу, который оставляли егеря. Такъ случилось, что возвращаясь отъ нихъ къ моему мѣсту и перебирая въ головѣ средства, какъ-бы «исправить промахъ» князя Багратіона, рѣшившагося оставить вольфсдорфскую позицію безъ сильнаго отпора непріятельскихъ нападеній, я проѣзжалъ сквозь ту же передовую цѣпь, среди которой, за часъ передъ тѣмъ, я такъ гомерически, и только что не гекзаметрами, ругался съ французскимъ офицеромъ. Надобно было, чтобъ я еще увидѣлъ и того урядника, который прозою своего благоумія прервалъ мое эпическое изступленіе. Я подѣхалъ къ нему, и вдругъ мысль, гораздо сумасброднѣе той, отъ которой онъ отвлекъ ме-

ня, вспыхнула въ моей головѣ. Чортъ знаетъ, гдѣ-то я читалъ, что въ нѣкоторыхъ сраженіяхъ появлялись люди, прежде незамѣченные, которые, силою собственной воли и дарованія, исторгали побѣду у непріятеля. Какъ не испытать судьбы! Можетъ быть, и я тоже одаренъ великими дарованіями? Можетъ быть, и я избранъ Провидѣніемъ для подобнаго подвига?.... Воображеніе полетѣло и занеслось Богъ знаетъ куда. Я задумалъ ударить съ передовою цѣпью на непріятеля, опрокинуть его и тѣмъ увлечь за собою егерскій полкъ, который только-что начиналъ собираться, чтобы выступить изъ лѣсу: увидѣвши мой успѣхъ, полагалъ я, князь подкрѣпитъ меня всѣмъ аррьергардомъ и дастъ знать Беннигсену, который немедленно возвратится со всею арміею. Однимъ словомъ, я возмечталъ не болѣе и не менѣе какъ разбить весь непріятельскій авангардъ горстью всадниковъ и егерей, и даже быть главнымъ виновникомъ пораженія самого Наполеона. И все это пришло мнѣ въ голову не за кулисами, а на самой сценѣ, гдѣ я собственными глазами видѣлъ все разстояніе отъ Вольфсдорфа до Варлака, уже покрытое густыми колоннами пѣхоты и конницы съ несмѣтнымъ числомъ артиллеріи, слѣдственно, могъ, кажется, удостовѣриться въ нелѣпости моего предпріятія; но страсть говорила громче разсудка, что часто со мной бывало и въ другихъ случаяхъ. Полный своего горняго плана, я спросилъ урядника: «А что, братъ, еслибъ ударить?» — «Для, чего же нѣтъ, ваше благо-

родіе?» отвѣчалъ онъ, и, указывая на фланкеровъ, которые вертѣлись у насъ подъ носомъ, прибавилъ: «Ихъ здѣсь немного; съ ними можно справиться; давеча мы были далеко отъ пѣхоты, а теперь близко: есть кому поддержать.» — «Ну, подбивай же на ударъ своихъ казаковъ?» сказалъ я ему: «а я примусь подбивать гусаровъ и улановъ (ихъ было разсыпано взвода два въ казачьей цѣпи).» Намъ удалось. Цѣпь вся *шкнула*, и дружно бросилась въ сѣчу. Мы перемѣшались съ непріятельскими фланкерами. Сабельные удары посыпались, пули зашвистали — пошла потѣха! Я помню, что и моя сабля поѣла живаго мяса. Благородный паръ крови курился и на ея лезвеѣ.

Сѣча продолжалась недолго. Французскіе фланкеры, смятые нашими, пошли на уходъ: но, въ запальчивости погони, мы неожиданно встрѣтились съ ихъ резервами, которые прискакали на помощь. Это были драгуны, съ конскими хвостами, развивавшимися на гребняхъ шлемовъ. Они бросились на насъ съ жадностью. Посыпались свѣжіе удары, и мы, въ свою очередь, сбитые и опрокинутые, обратились въ бѣгство вдоль опушки лѣса, гдѣ уже не было егерей, чтобы поддержать насъ. Весь мой исполнскій планъ разрушился, и я, подобно Наполеону послѣ Ватерлоо, пасмурный и суровый, возвращался къ князю, направляясь мимо Вольфсдорфа къ Дитрихсдорфу, куда тянулись всѣ войска арріергарда. Я ѣхалъ одинъ лощиною, въ полной безопасности насчетъ непріате-

ля, потому что драгуны, которые насъ растрепали, удовольствовались этимъ успѣхомъ, не погнались за нами во всю прыть, а подвигались мало по малу. Но едва поднялся я на возвышеніе, какъ вдругъ встрѣчаюсь, почти лицо съ лицомъ, съ шестью французскими конно-егерями, ѣдущими изъ Вельфсдорфа для надзора за движеніемъ главныхъ силъ арріергарда. Я вздрогнулъ. Увидѣть ихъ и доскакать прочь — было дѣйствіе одного и того же мгновенія. Они выстрѣлили по мнѣ въ догонку изъ карабиновъ и жестоко ранили мою лошадь, которая однако же продолжала скакать на первыхъ порахъ, не уменьшая прыти. Я думалъ, что отдѣлся. Не тутъ-то было! Они уже настигли меня, обскакивая справа и слѣва. Я окинулъ глазами окрестность, не увижу ли какойнибудь подмоги, и увидѣлъ только хвосты колоннъ арріергарда, подходившихъ къ Дитрихсдорфу, верстахъ въ трехъ отъ меня; на всемъ полѣ, до самаго лѣса, не было уже никого изъ нашихъ. Гибель казалась неизбѣжною. На мнѣ накинута была шинель, застегнутая у горла одною пуговицей; сабля голая въ рукахъ; у сѣдла пистолеты, которыхъ я не успѣлъ зарядить послѣ выстрѣловъ на передовой дѣли. Одинъ изъ моихъ гонителей, видно на лучшей лошади чѣмъ его товарищи, догналъ меня, но не на такое разстояніе, чтобъ достать саблею, а только чтобъ ухватиться за край моей шинели, раздувавшійся отъ скака. Онъ воспользовался этимъ, и чуть-чуть не стащилъ меня съ лошади. Но, къ счастью,

шинель разстегнулась и осталась въ его рукахъ. Я безостановочно продолжалъ скакать къ лѣсу, преслѣдуемый и настигаемый все ближе и ближе, потому что лошадь моя ослабѣвала и начинала укрощать бѣгъ отъ полученной раны. Зима стояла кроткая и оттого болота были обманчивы; подъ снѣгомъ лежала топь непроходимая. Я скакалъ не по дорогѣ, а какъ попало, и, какъ на бѣду, наскочилъ на ту часть опушки лѣса, куда примыкало непримѣтное для глазъ болото. Лошадь моя рухнула въ него со всего маху, провалилась по брюхо, упала на бокъ и издохла. Еще двѣ секунды и остріе надо мною!... Смерть ми, дѣнь, были моею участію.

Въ самый этотъ моментъ, около двадцати казаковъ, посланныхъ Юрковскимъ для надзора за непріателемъ и приведенныхъ сюда однимъ Провидѣніемъ, выскочили съ крикомъ изъ лѣсу, немного выше болота, въ которомъ я застрялъ съ лошадыю, и погнали моихъ преслѣдователей обратно къ Вольфсдорфу. Одинъ изъ казаковъ, истинный мой спаситель, посадилъ меня позади себя и привезъ къ Юрковскому, который далъ мнѣ лошадь изъ-подъ убитаго гусара. Такъ я возвратился къ арріергарду, который уже стоялъ на позиціи подъ Дитрихсдорфомъ.

Между тѣмъ князь, въ которомъ доброта сердца не уступала высокимъ качествамъ геройской души, безпокоился на мой счетъ и спрашивалъ обо мнѣ каждаго возвращавшагося изъ передовой цѣпи. Никто не могъ дать ему

удовлетворительнаго отвѣта, куда я дѣвался. Наконецъ я предсталъ передъ него на чужой лошади, безъ шинели, въ грязи, въ снѣгу, въ крови, но, празнаться, съ какимъ-то торжественнымъ видомъ и отъ избѣжанія бѣды, и отъ полной увѣренности въ превосходствѣ моего подвига. Разумѣется, что я утаилъ и отъ князя и отъ моихъ товарищей свои грандіозные замыслы и предназначенія, которые и тогда уже начинали казаться мнѣ донкишотствомъ: я рассказалъ имъ только о преслѣдованіи меня не-пріятелемъ и спасеніи казаками. Князь пожурилъ меня за опрометчивость слегка и, сколько я могъ замѣтить, съ одобрительною улыбкою, и приказалъ дать свою бурку, въ замѣнъ сорванной съ меня шинели.

РАЗБОРЪ ТРЕХЪ СТАТЕЙ,

ПОМѢЩЕННЫХЪ

ВЪ

ЗАПИСКАХЪ НАПОЛЕОНА.

Посвящается моимъ друзьямъ и сотрудникамъ, служившимъ въ моей партіи 1812 года.

Я давно читаю и не перестаю читать записки Наполеона, сочиненныя имъ на островѣ Св. Елены и изданныя послѣ смерти его генералами Гурго и Монтолономъ.

Широкіе очерки, живыя картины, неожиданныя мысли и выраженія, и вообще какая-то воинственная оригинальность слога, отличаютъ произведеніе это ото всѣхъ другихъ подобнаго рода произведеній. Смѣло можно сказать, что Наполеонъ явился на это новое для него поприще, каковымъ бывалъ онъ на полѣ брани, въ государственномъ совѣтѣ и

приватныхъ бесѣдахъ: вездѣ исполнивъ мысли, вездѣ съ своимъ собственнымъ, цѣльнымъ характеромъ, но увы! всегда и всюду играя легко-вѣріемъ людей, онъ представляетъ имъ обстоятельства и событія такъ, какъ хочетъ, чтобы они ихъ видѣли, а не таковыми, каковы они въ существѣ своемъ. Можетъ быть, въ первомъ положеніи, онъ считалъ это средство самымъ дѣйствительнымъ, чтобы увлечь умы за колесницею побѣдителя: но поэтъ въ душѣ, пораженный самъ увлекательнымъ воображеніемъ своимъ, онъ мало по малу увѣрилъ себя въ истинѣ всѣхъ ложныхъ сказаній, имъ же самимъ вымышленныхъ и для заблужденія другихъ обнародованныхъ. Такъ Руссо любилъ идеальную Юлію, какъ существо живое, его любившее; такъ пламенный Тассъ увѣрился наконецъ, что битвы подъ стѣнами Іерусалима происходили не иначе, какъ онѣ изображались въ безсмертномъ его твореніи.

Я могу ошибаться, но правдоподобность на сторонѣ моего мнѣнія: смотрите, какъ рѣшительно, съ какимъ нетерпѣніемъ, можно сказать, съ какою досадою Наполеонъ опровергаетъ въ запискахъ своихъ неоспоримыя доказательства и дѣянія, всѣму свѣту извѣстныя!... Притворство не имѣетъ подобныхъ порывовъ. Впрочемъ, какая бы ни была причина неосновательнымъ описаніямъ, разбросаннымъ до сей со-кровищницѣ военныхъ и политическихъ наблюденій, причина не оправдываетъ слѣдствія, и мы не безъ удивленія видимъ, какъ новый

историкъ, опровергая и уничтожая описанія подвиговъ тѣхъ войскъ и военачальниковъ, которые противъ него сражались, касается и до службы русскихъ партизановъ.

«Ни одинъ больной,» говоритъ онъ; «ни одинъ отстранившійся, ни одна эстафета, ни одинъ подвозъ не были взяты въ теченіе этой кампаніи отъ Майнца до Москвы. Не прошло дня безъ полученія извѣстія изъ Франціи, не прошло дня безъ того, чтобы Парижъ не получалъ писемъ изъ арміи.»

Потомъ, четырнадцать страницъ далѣе, онъ говоритъ:

«Во время движенія на Москву онъ никогда не имѣлъ въ тылу своемъ непріятеля. Во время двадцатидневнаго пребыванія его въ этой столицѣ ни одна эстафета, ни одинъ подвозъ съ зарядами не были перехвачены, ни одинъ почтовой укрѣпленный домъ (таковой находился на каждомъ посту) не былъ атакованъ; артиллерійскіе подвозы и военные экипажи дошли безпрепятственно.» **

И наконецъ, семь страницъ далѣе, опять обращается къ тому же предмету и повторяетъ:

«Во время Аустерлицкой, Іенской, Фриланской и Московской кампаній ни одна эстафе-

* Mémoires pour servir à l'histoire de France, par Napoléon, publiés par Montholon. Tome 1, pag. 98.

** Les mêmes. Tome II, pag. 112.

«та не была перехвачена, ни одинъ обозъ съ «больными не былъ взятъ; не проходимо дня, «чтобы главная квартира не получала извѣстія «изъ Парижа.» *

Слова, падшія съ такой высоты, не суть уже шипѣніе раздраженной посредственности, столь давно преслѣдующей партизановъ нашихъ. Это удары Юпитера; звукъ ихъ можетъ увѣковѣчиться въ общемъ мнѣніи, какъ увѣковѣчились въ немъ все тѣ ложныя преданія, кои равнодушніе людей полѣнились изслѣдовать, повторяя безопасно то, что уже другими сказано.

Я одинъ изъ обвиняемыхъ. Честь вооружаетъ меня противъ нареканій ужасныхъ, сокрушительныхъ, можетъ быть неотразимыхъ. Но что дѣлать? Новый Леонидъ, иду на громады Ксеркса! Мнѣніе мое о партизанской моей службѣ не равняется съ тѣмъ вниманіемъ, коимъ почли ее мои соотчичи, однако оно не упадетъ и до презрѣнія. Я скажу болѣе: я считаю себя рожденнымъ единственно для роковаго 1812 года, но рожденнымъ подобно тому рядовому солдату, который, въ дыму и сумятицѣ Бородинской битвы, стрѣляя на удачу, убилъ съ десятокъ Французовъ. Какъ ни мало употребилъ онъ на то и знанія, и дарованія, при всемъ томъ судьба опредѣлила его уменьшить непріятельскую армію десятью человѣками, и содѣйствовать своимъ товарищамъ общему ея истребленію.

* Les mêmes. Tom. II, pag. 119.

Такъ я думаю о себѣ, уменьшивъ непріятельскую армію по мѣрѣ способовъ, предоставленныхъ мнѣ начальствомъ, и способностей, данныхъ мнѣ природою.

Въ волѣ Наполеона налагать, въ числѣ прочихъ, и на меня проклятiе за пролитую кровь его воиновъ; но не отнимай онъ у меня дѣль моихъ, не стирай съ сабли моей кровавыхъ обрызговъ, сихъ отпечатковъ чести, купленныхъ мною трудами и ежеминутною жертвою жизни.... Это моя собственность; это мой участокъ, въ славѣ земляковъ моихъ тѣмъ для меня драгоценнѣйшій, что онъ одинъ возвышается на моей жизни, бесплодной въ своей юности, и въ наклонности своей ничего для честолюбія не обѣщающей! Но какой избрать способъ къ защитѣ этой собственности?

Предать извѣстности эфирныя строки моихъ собственныхъ записокъ, въ надеждѣ, что онѣ затмятъ во мнѣніи людей неизгладимое начертаніе чрезвычайнаго человѣка, было бы верхъ дерзости смѣшной и бесполезной; да и кто возьметъ на себя трудъ читать описаніе, поступившее въ область вымысловъ съ тѣхъ поръ, какъ клеймо отверженія горитъ на каждомъ листѣ его.

Опровергнуть падшія на партизановъ нашихъ нареканія доказательствами, которыя были бы основательнѣе нареканій! Но гдѣ найти для сего документы?

Постараемся отыскать ихъ въ бюллетеняхъ французской арміи, какъ извѣстно, самимъ Наполеономъ сочиненныхъ.

Въ Мониторѣ, въ семь единственномъ официальномъ журналѣ французскаго правительства.

Въ письмахъ маршала Бертье къ начальникамъ корпусовъ большой арміи.

Въ отбитыхъ у непріятели бумагахъ, хранящихся въ Главномъ Штабѣ Государя Императора.

И въ тѣхъ описаніяхъ Русской кампаніи, коихъ сочинителей нельзя упрекнуть въ пристрастіи къ нашему войску.

Отыскавъ документы сіи, представимъ тогда и собственныя записки.

Наполеонъ говоритъ: «Во время Аустерлицкой и Французской * кампаній ни одна эстафета не была перехвачена, ни одинъ обозъ съ «больными не былъ взятъ; не проходило дня, «чтобъ армія не получала извѣстія изъ Парижа!»

Правда, что въ кампаніяхъ Аустерлицкой и Іенской мы не слышали ни объ одномъ партизанскомъ покушеніи. Я полагаю причиною сему бездѣйствию оцѣпенѣніе австрійскихъ и прусскихъ военачальниковъ отъ понесенныхъ ими рѣшительныхъ пораженій при самомъ открытіи обѣихъ кампаній. Оцѣпенѣніе это такъ сильно охватило самыя твердыя души, что самъ Блюхеръ, подобно прочимъ прусскимъ генераламъ,

* Я съ намѣреніемъ выпускаю слово и *Московской*; о ней сказано будетъ особо.

положилъ оружіе въ Ратковѣ; имѣвъ подъ командою своею, сверхъ 33-хъ баталіоновъ, 54 эскадрона, съ которыми онъ могъ, видя бѣду неминуемую, броситься къ Гамбургу или къ Лауенбургу и, перейдя Эльбу, долго наносить непріятельской арміи чувствительнѣйшіе удары партизанскою войною. Я увѣренъ, что будь отсрочка Іенскому сраженію на столько времени, сколько нужно было, чтобы прусское войско нѣсколько приобыкло къ разнообразію военныхъ случайностей, то не только Блюхеръ, но и генералы, менѣе его одаренные мужествомъ и духомъ предпріятія, обратились бы къ этому послѣднему средству погибающей храбрости, и извлекли бы изъ онаго неожиданную пользу для отечества. Какъ бы то ни было, но слова Наполеона на счетъ кампаній Аустерлицкой и Іенской, относительно къ партизанскою дѣйствію, справедливы и не подлежатъ ни малѣйшему возраженію.

Нельзя того же сказать о такъ называемой имъ Фридрихсбургской кампаніи (что мы называемъ кампаніею 1807 года въ восточной Пруссіи).

Съ самаго начала кампаніи сей русская армія встрѣтила непріятеля съ твердостію. Подъ Мултускомъ она отразила часть Наполеоновои арміи и отступила потому только, что битва съ нашей стороны произведена была ни на той точкѣ, гдѣ слѣдовало бы произвести ее. Главныя силы французской арміи обращены были тогда не на Пултукъ, а стремились изъ Плецка и Торна и угрожали громадами своими пра-

вому флангу нашей арміи: находившемуся у Голомина и Макова. Слѣдственно, какъ при успѣхѣ, такъ и при неудачѣ намъ нельзя было оставаться у Пултуска, еще менѣе преслѣдовать къ Варшавѣ французскія войска, отряженныя при Пултускѣ. Малѣйшее замедленіе, малѣйшій шагъ впередъ вдоль границы восточной Галиціи, тогда принадлежавшей къ Австріи, доставили бы средство этимъ войскамъ пресѣчь сообщеніе наше съ Россією, или принудили бы насъ нарушить границу нейтральнаго государства. Разсужденіе это рѣшило Беннигсена къ немедленному отступленію и къ переносу театра войны въ старую Пруссію, къ направленію ошибочному и коекакъ исправленному перехватомъ курьера Наполеонова къ Бернадоту, котораго армія наша преслѣдовала уже къ Торну, сосредоточеніемъ оной при Янковѣ и сраженіемъ при Прейсишгъ-Эйлау, битвой упрямой, но нерѣшительной, послѣ которой каждая сторона хвалилась побѣдою, — мы потому, что послѣ боя російская армія отошла къ Кенігсбергу. И такъ побѣда Французовъ при Фридландѣ есть единственная побѣда непріятеля въ этомъ походѣ; но прежде этого несчастнаго для насъ событія мы имѣли время частными сшибками пріучить легкія войска наши къ военнымъ случайностямъ. Около полугода сряду продолжалась школа эта. Нечаянные успѣхи поощрили къ обдуманнѣму. Наконецъ размышленіе, соединенное съ отвагою, наблюденія, опытность, навѣкъ, довели насъ

до нѣкоторыхъ предпріятій въ истинномъ смыслѣ партизанской войны. Но предпріятія сіи, бывъ плодомъ частныхъ вдохновеній и порывовъ, а не соображенія главнаго начальства, совершались еще, такъ сказать, на выдержку и безъ связи между собою. Далеко имъ было до того, чтобы составить *цѣлое* и идти дружнымъ натискомъ къ общей, рѣшительной цѣли, ибо и самая цѣль эта не была еще извѣстна ни начальникамъ, ни наѣздикамъ нашимъ. Спустя долгое время послѣ разрушительныхъ неудачъ въ нѣдрахъ Россіи, когда гибель отечества напярнула всѣ умственные и существенныя силы наши къ его спасенію, тогда только удостовѣрились мы въ большей или меньшей пользѣ, могущей произойти отъ легкихъ войскъ, устроенныхъ и согласно дѣйствующихъ на сообщеніяхъ наступательной непріятельской арміи, по мѣрѣ бѣльшаго или меньшаго протяженія сообщеній этихъ сосредоточіемъ ея средствъ и пособій. И такъ, соглашаясь въ томъ, что партизанскіе наѣзды, произведенные въ кампаніи 1807 года, были чужды вліянія высшаго начальства и слѣд. и взаимнаго между собою согласія въ достиженіи цѣли, тогда неизвѣстной, я не могу согласиться въ томъ, чтобы такихъ наѣздовъ совсѣмъ не было. Бюллетени и Мониторъ, эти архивы истины относительно признанія въ неудачахъ французской арміи, возопіютъ на несправедливость мою! да и самыя записки Наполеоновы, для точнѣйшаго опредѣленія важности одной изъ перехваченныхъ депешей въ сей кам-

паніи, представляютъ намъ собственныя слова его, весьма справедливо изображающія бѣдственное положеніе, которому подвергалась бы армія наша, еслибъ депеша эта дошла до своего назначенія. Между тѣмъ, онѣ принесутъ намъ и другую услугу: въ нихъ мы увидимъ явное противорѣчіе удостовѣренію, въ той же книгѣ изложенному и мною оспориваемому. Начнемъ съ записокъ, а потомъ приведемъ въ свидѣтели Мониторъ и бюлетени: «Послѣ сраженія при Пултускѣ въ декабрѣ 1806, командовавшій «россійскою арміею генералъ Беннигсенъ выступилъ къ Нижней Вистлѣ съ тѣмъ, чтобы напасть на маршала принца Понте-Корво (Бернадотта), занимавшаго Эльбингъ. Наполеонъ оставилъ Варшаву ^{13/25} января 1807, сосредоточилъ армію въ Виллембергѣ и двинулся на лѣвый флангъ Русскихъ въ намѣреніи опрокинуть ихъ на Фришъ-Гафъ. Свѣтъ и медь покрывали землю. Беннигсенова армія находилась въ крайней опасности; уже французская армія достигала до тыла ея, какъ вдругъ казаки схватили офицера главнаго штаба принца Невшательскаго (Бертъе). Взятые на немъ депеши извѣстили о движеніи. Беннигсенъ, испуганный, поспѣшно стянулся къ Аленштейну, и проч.» *

Вотъ что объявлено было о томъ же въ Мониторѣ:

* Mémoires pour servir à l'histoire de France, par Napoléon, publiés par Montholon. Tom. II, pag. 55.

«Французская армія еще не трогалась съ мѣста. Всѣ другіе корпуса оставались на своихъ квартирахъ въ совершенномъ безопасеніи. Она медлила для того, чтобы дѣйствию «непріятеля болѣе обрисовалось, и боялась движеніемъ своимъ обратить вниманіе его на бѣдствія, которымъ онъ подвергался.

«Между тѣмъ движеніе Русскихъ проявлялось каждый день болѣе и болѣе. Они прошли «Остероде и вступили въ Лебау. Тогда, по сигналу, данному во французской главной квартирѣ, войска поднялись и совокупно устремились «на лѣвый флангъ непріятеля, въ намѣреніи «зайти ему въ тылъ. Но на войнѣ встрѣчаются «обстоятельства, неподвластныя расчетамъ. «Офицеръ, принадлежавшій главному штабу, «посланъ былъ къ принцу Понте-Корво съ описаніемъ движенія войскъ французской арміи. «Начальникъ главнаго штаба извѣщалъ принца «о намѣреніи Императора и предписывалъ ему «отступить до самаго Торна, дабы заманить да- «лѣе непріятеля. Офицеръ этотъ былъ схваченъ казаками и не успѣлъ разорвать депеши «свои. И такъ росейскій генераль узналъ ва- «благовременно объ опасности, которая пости- «гла его 48 часами позже. Это способствовало «ему прибыть (22 января) 3 февраля со всею ар- «міею въ Аленштейнъ и встрѣтить въ боевомъ «порядкѣ педшую по сему пути французскую «армію. Таковое обстоятельство показалось не- «позъяснимымъ. Тайна открылась на другой толь- «ко день, когда узнали, что посланный офицеръ

«былъ взятъ непріателемъ и не успѣлъ сжечь «депешы.» *

Мониторъ заключаетъ статью эту повтореніемъ: «Онъ (непріатель) былъ бы истребленъ, «если бы офицеръ, посланный съ депешами къ «принцу Понте-Корво, сжегъ ихъ, ибо все было «такъ разочтено, чтобы непріатель не прежде «48 часовъ могъ извѣститься о томъ, о чемъ «узналъ по симъ депешамъ. Россійская армія «избѣгла отъ гибели посредствомъ одного изъ «тѣхъ происшествій, которыя предоставлены «случаю, дабы напоминать людямъ, что онъ «вмѣшивается во всѣ соображенія, во всѣ со- «бытія, и что если рѣшительные удары, истреб- «ляющіе армію и преобразующіе ходъ кампа- «нїи, суть плоды опытности генія, то не менѣе «того они нуждаются и въ его содѣйствіи.»** Та- «кой курьеръ стѣитъ ста эстафетовъ, часто при- «возившихъ извѣстія о сплетняхъ парижскихъ «актеровъ, или о пустословіи Брутовъ, болтуновъ Пале-рояля.

Въ теченіе этой кампаніи были взяты и дру- гіе курьеры, между которыми находился извѣст- ный императорскій ординарецъ Монтескью; но такъ какъ о нихъ не было упомянуто въ офи- ціальныхъ бумагахъ, то и я о нихъ умал- чиваю.

Осносительно же больныхъ, извѣстно, что при нападеніи на корпусъ маршала Нея, 24 мая

* Moniteur de 1807.

** Moniteur de 1807.

(5 іюня) при Гутштадтѣ и $\frac{25}{6}$ при Анкендорфѣ, не только больные этого корпуса, но и обозы, паркъ, канцелярія и собственные экипажи маршала достались въ добычу казакамъ Платова, переплывавшимъ черезъ Алле, а потомъ и черезъ Пасаргу. Въ доказательство дѣйствія ихъ въ тылу непріятеля служить 78-й бюллетень французской арміи, въ коемъ сказано о дѣлѣ при Анкендорфѣ. «Нашъ уронъ состоялъ во «160-ти человекѣхъ убитыми, 200 ранеными и «250 взятыми въ плѣнъ. Большая часть послѣднихъ были схвачены казаками, которые поутру, прежде атаки, пришли въ тылъ арміи.» 78-й бюллетень, 31 мая (12 іюня) 1807 года, Гейльсбергъ. *

Изъ этого видно, что отрядъ Платова, составленный изъ десяти казачьихъ полковъ, Павлоградскаго гусарскаго, 1-го егерскаго и двѣнадцати орудій конной артиллеріи, былъ уже въ тылу 14-ти-тысячнаго корпуса когда началась на него атака съ трехъ сторонъ, 80-ти-тысячной арміи. Спрашиваю всякаго истинно военнаго человека: могъ ли Платовъ не похитить всего того, что находилось на самомъ удобнѣйшемъ мѣстѣ для похищенія? И впрямь, если уже тамъ взяты всѣ при корпусѣ находившіяся важнѣйшія бумаги, которыя донинѣ хранились у генерала Беннигсена, если по сказанію самого

* Ложное показаніе. Въ сей день взято 60 офицеровъ, 1300 рядовыхъ и 2 орудія. Одни казаки взяли 55 офицеровъ и 705 рядовыхъ.

бюлетеня, тамъ уже взяты и 250 здоровыхъ солдатъ, то какимъ же способомъ могли избѣжать той же участи транспорты больныхъ? Ихъ перемѣщать было не легче самыхъ артиллерійскихъ парковъ и провіантскихъ фуръ, которыя, не имѣвъ времени отъ внезапной атаки убраться заблаговременно въ отдаленное и безопасное мѣсто, попались также въ руки летучему корпусу атамана.

Впрочемъ, что привязываться къ словамъ? Намѣреніе Наполеона очевидно: говоря о безпрепятственномъ ходѣ эстафетовъ и о неприкосновенности больныхъ его, онъ не столько имѣлъ въ виду и эстафеты, и больныхъ, какъ доказательство, что въ теченіе этой кампаніи всѣ затыльныя части его арміи были недоступны, и что на нихъ войска наши ничего не отбили. Вотъ сущность обвиненія, и такъ прибавимъ къ этому слѣдующее:

Въ одномъ изъ бюлетеневъ сказано: «Генералъ Викторъ (послѣ маршалъ и герцогъ Беллюнскій; онъ командовалъ тогда 2-мъ корпусомъ большой арміи), проѣздомъ въ Штетинъ, «былъ съ адъютантомъ своимъ схваченъ партиєю, производившею въ той странѣ поиски и «состоявшею въ 25 гусарахъ.» 53-й бюлетень 10 января (22 февраля) 1807, Варшава.

Въ другомъ:

«Въ сторонѣ Вилленберга три тысячи русскихкихъ плѣнныхъ были освобождены партиєю, «состоявшею въ 1000 казакахъ.» 60-й бюлле-

тень 5/17 Февр. 1807. Эйлау. Тутъ нужно замѣчаніе: плѣнные сіи были освобождены не казаками, а Кіевскимъ драгунскимъ полкомъ, подъ командою генераль-маіора Львова. Генераль тотъ посланъ былъ на поискъ изъ отряда Седморацкаго, занимавшаго Юганисбургъ. Онъ пришелъ въ тылъ французской арміи, во время движенія ея къ Прейсишъ-Эйлау, и, отбивъ въ окрестностяхъ Вилленберга не 3,000 Русскихъ, а до 5,000 прусскихъ и русскихъ плѣнныхъ, веденныхъ изъ арміи въ Варшаву, невредимо возвратился съ ними въ Юганисбургъ.

Если этого недовольно, то вотъ еще случай, который можетъ мнѣ служить сильнѣйшею подперою :

13/25 января Бернадоттъ опрокинулъ авангардъ нашъ подъ Морунгеномъ и до глубокой ночи преслѣдовалъ оный къ Либштадту, не заботясь о первомъ мѣтечкѣ, оставшемся въ тылу преслѣдующаго и прикрытомъ самымъ наступательнымъ его движеніемъ. Къ несчастію французскаго маршала, того же числа къ вечеру прибыли въ с. Доокенъ полки, Сумскій гусарскій и Курляндскій драгунскій, находившіеся тогда подъ начальствомъ — первый у графа Петра П. Палена, а послѣдній у Флигель-адъютанта князя Михаила Долгорукаго. Примѣтя, что пушечный гуль болѣе и болѣе подвигается къ Либштадту, Паленъ счелъ за стыдъ оставаться въ бездѣйствіи, тогда какъ другіе дерутся, и разсудилъ сомовольно пуститься въ тылъ французскаго корпуса. Между тѣмъ, дабы не оста-

вить пустымъ занятый имъ пунктъ, который могъ входить въ составъ дальнѣйшихъ предначертаній главнаго начальства, онъ съ отважностію соединилъ и благоразуміе, взявъ изъ всего отряда только три эскадрона драгунъ и два эскадрона гусаръ, съ которыми помчался на Экерсдорфъ и Гимельфортъ, и прибылъ въ глубокою ночь къ Морунгену, опорожненному войсками, но заставленному тяжестью французскаго корпуса. Памень и Долгорукій не медля ворвались въ уллицы и разбудили оружіемъ и выстрѣлами стражу корпусной квартиры, покоившейся подъ покровомъ побѣды. Все что ни находилось въ Морунгенѣ, все попало въ руки эскадронамъ нашимъ, такъ, что ¹⁵/₂₇ числа, когда Бернадотъ, вслѣдствіе наступательнаго на него движенія всей нашей арміи, возвратился съ корпусомъ своимъ въ Морунгенъ, то не нашелъ въ немъ ничего, кромѣ однихъ мертвыхъ тѣлъ, изрубленныхъ повозокъ и носимыхъ вѣтромъ бумагъ его канцеляріи. Отъ каретъ и верховыхъ лошадей, до послѣдней рубахи Бернадота, все досталось въ добычу предприимчивымъ исполнителямъ его подвига. *

Тѣмъ могъ бы я заключить возраженія на счетъ кампаніи 1807 года; но справедливость требуетъ, чтобы я не умолчалъ и о собственномъ нашемъ неумѣньи извлечь всю пользу,

* Сущность дѣла этого взята изъ журнала донесеній главнокомандующаго Государю Императору; нѣкоторыя подробности онаго собраны мною на мѣстѣ сраженія.

которую представляли намъ огромныя полчища, прибывшія въ армию съ береговъ Дона, Кубани и Урала. И подлинно, исключая ударовъ, мною упомянутыхъ, изъ которыхъ только два принадлежатъ казакамъ, вся служба ихъ ограничилась содержаніемъ передовой стражи и дѣйствіемъ на одной чертѣ съ линійными войсками, дѣйствіемъ, совершенно разнороднымъ съ ихъ склонностями, оказывающимъ и подвижность, и смелость, и хитрость, — эти главные качества воинственнаго народа, котораго методическіе уставы не заключили еще въ графы европейскаго однообразія.

Отрядъ атамана Платова состоялъ, какъ уже я выше сказавъ, изъ полковъ: десяти казачьихъ, одного гусарскаго, одного егерскаго и 12 орудій конной артиллеріи. Какое было назначеніе этому отряду?

До марта мѣсяца онъ находился въ авангардѣ главной арміи. Отъ 1 (13) марта до 24 мая (5 іюня) онъ составлялъ при Пассенгеймѣ связь главной арміи, съ корпусомъ, дѣйствовавшимъ на Наревѣ, а потомъ до Тильзита онъ не выходилъ изъ состава боевой линіи той же главной арміи. Какая произошла изъ этого польза? Никакой, или весьма скудная! Казачье войско било, было бито, нападало, отступало и наконецъ отступило до Тильзита вмѣстѣ съ прочими войсками арміи... Но, Боже мой! какое представлялось ему поле для развитія его природной удали!

Если бъ во время движенія французской арміи.

ми отъ Вилленберга чрезъ Алеништейнъ и Ландсбергъ къ Прейсишъ-Эйлау, большая часть казачьихъ полковъ оставлена была на правомъ берегу Алле, между Зебургомъ и Гейльсбергомъ для дѣйствія партіями на тылъ неприятеля; какъ то сдѣлалъ генераль Львовъ съ однимъ драгунскимъ полкомъ....

Если бы, вмѣсто того, чтобы въ окрестностяхъ Пассенгейма заниматься около трехъ мѣсяцовъ спибками и перестрѣлками съ новобранными польскими войсками, параллельно противъ нихъ стоявшими въ окрестностяхъ Инденбурга, казаки наши, раздѣльсь на партіи, предприняли бы походы, съ одной стороны между Гогенштейномъ и Гилгенбургомъ на сообщеніе главной французской арміи съ Торномъ, а съ другой чрезъ Хорцеленъ и Присницъ на сообщеніе корпуса Массень съ Варшавою..

Если бы во время наступательнаго движенія французской арміи на Гейльсбергъ, казачьи полки двинуты были отъ Гейльсберга чрезъ Гутштадтъ вдоль лѣваго берега Пасарги на Морунгенъ, Прейсишъ-Голландъ и Мюльгаузенъ, и наконецъ, если бы во время отдѣленія нашей арміи отъ Фридланда къ Тильзиту, означенные полки, отойдя къ Гердауену, вдругъ ринулись бы оттуда черезъ Фридландъ къ Кенигсбергу...

Тогда только они принесли бы истинную пользу общему дѣлу. Дѣйствуя въ совершенномъ смыслѣ партизанской войны, въ землѣ, съ нами союзной и противъ конницы усталой и не-

способной, при самой свѣжести своей, къ отраженію партизанскихъ натисковъ, неожиданныхъ, пролетныхъ, они неминуемо посѣяли бы разрушеніе и ужасъ въ тылу Французской арміи. Безъ сомнѣнія, не имъ удержать можно было великаго полководца на побѣдоносномъ ходу его; по крайней мѣрѣ, отвлекши за собою большую часть его конницы, они чрезъ то лишили бы его того орудія, посредствомъ котораго предпріятія его достигали до мѣты быстрѣе, рѣшительнѣе, узелъ битвы разсѣкался внезапнѣе, преслѣдованія производились неотступнѣе.

По эту черту возраженія мои относились къ кампаніи, до которой Наполеонъ коснулся только мимоходомъ; теперь приступаю къ той, въ которой набѣги и поиски вступили въ составъ общаго предначертанія главнаго начальства, и, нанеся чувствительнѣйшіе удары неприятелю, обратили на себя особенное вниманіе Наполеона.

Станемъ отвѣчать по статьямъ:

Во время движенія на Москву, онъ (Наполеонъ) никогда не имѣлъ въ тылу своемъ неприятеля.

Тутъ представляется нѣкоторое затрудненіе. Какъ разумѣть слова: Dans sa marche sur Moscou? *Во время Московскаго похода, то есть: во время Московской кампаніи, или во время движенія на Москву?* По послѣднему смыслу, Наполеонъ правъ: ибо до вступленія его въ столицу, де-

кад конница наша содержала только передовую стражу, и партизанской войны не было. Первый набѣздъ оказался при Царевѣ-Займищѣ $\frac{2}{14}$ сентября, въ самый день занятія Москвы, а второй $\frac{2}{21}$ сентября, при селѣ Перхушковѣ. Я держался бы послѣдняго смысла, и, слѣдовательно, не приступилъ бы къ возраженію, если бы самъ историкъ, продолжая говорить о томъ же предметѣ, не уничтожилъ этого смысла слѣдующими словами: *ни одинъ подвозъ не былъ взятъ въ теченіе этой кампаніи. Во время Московской кампаніи ни одна эстафета не была перехвачена*, и проч. доказательство, что онъ имѣлъ въ виду всю кампанію, то есть, дѣйствіе отъ Нѣмана до Москвы, пребываніе въ Москвѣ и отступленіе изъ Москвы до Нѣмана.

По рѣшеніи этой задачи, надлежитъ объяснить и слѣдующую: *Онъ не имѣлъ въ тылу своемъ непріятеля*. Какъ разумѣть слова сіи въ тактическомъ или стратегическомъ смыслѣ? Если въ тактическомъ, то Наполеонъ опять правъ: ибо армія его, расположенная по Московскимъ предмѣстьямъ, лицомъ въ поле, имѣла въ тылу своемъ только Бѣлый-городъ, Китай-городъ и Кремль*, занятыя главною и корпусными квартирами, ей принадлежащими. Но это нельзя предположить; Наполеонъ былъ не коммендантомъ, или не начальникомъ полиціи, чтобы граничить кругъ дѣйствія команды своей предѣ-

* Имена частей города, составляющихъ середину Москвы.

лами шлагбаумовъ. Начальствуя несмѣтными силами, обладающій изящнѣйшими таинствами военнаго искусства, одаренный всеобъемлющимъ, дальновиднѣйшимъ взоромъ и необыкновеннымъ чувствомъ соотношеній, онъ, конечно, видѣлъ далѣе Камеръ-Коллежскаго Вала, * и потому, нельзя думать, чтобы онъ хотѣлъ увѣрить насъ въ томъ, что тылъ всякой арміи граничить только съ лазаретными фурами, хлѣбопеками и дежурствами. Изъ этого видно, что онъ говоритъ не о тактическомъ, а о стратегическомъ тылѣ своемъ, то есть, не о *Блломъ-городъ*, *Китай-городъ* и *Кремль*, а о пространствѣ, по которому армія его пришла, черезъ которое получила она съѣстные и боевые подвозы, долженствовала имѣть сношеніе съ фланговыми своими корпусами, съ союзными государствами и съ Франціею, и по которому надлежало ей отступать въ случаѣ неудачи. Разумѣя такъ, сказаніе Наполеона ошибочно; ибо не прошло пяти дней по занятіи Москвы французскою арміею, какъ уже сообщеніе ея подверглось опасности искуснымъ движеніемъ Кутузова съ рязанской дороги на калужскую, — движеніемъ, возбуждившимъ во всей арміи нашей восторгъ и удивленіе, но о превосходствѣ котораго и по сіе время умалчиваютъ иностранные писатели, или отъ низкаго чувства зависти, или просто отъ невѣжества. И такъ, одна тарутинская позиція, столько же насту-

* Насыпь, окружающая Москву.

пательная, въ отношеніи стратегическомъ, сколько оборонительная по мѣстности и укрѣпленіямъ своимъ, одна уже позиція эта, сама собою, опровергаетъ упрекъ Наполеоновъ. А когда прибавимъ къ ней отрядъ Дорохова и партію Сеславина, производившіе поиски между дорогъ смоленской и боровской, въ направленіи къ Вязьмѣ; когда прибавимъ къ ней отдѣльныя команды князя Вадбольскаго между Вереи и Можайска; Бенкендорфа между Можайска и Волоколамска; Чернозубова между Можайска и Сычевки; Фиглева * въ окрестностяхъ Звенигорода, и мою партію между Гжатью и Дорогобужемъ: тогда смѣло можно сказать, что слова Наполеона брошены весьма опрометчиво и недостойны писателя, стяжавшаго въ потомствѣ званіе добросовѣстнаго историка.

Во время двадцати-дневнаго пребыванія въ Москвѣ.

Наполеоново пребываніе въ Москвѣ продолжалось не 20, а 34 дня. Онъ вступилъ въ Москву $\frac{2}{14}$ сентября, а выступилъ изъ нея $\frac{1}{19}$ октября. Замѣчаніе это весьма важно, ибо эти 14

* Не надобно принимать Фиглева за Фиггера. Первый служилъ въ Бѣлорусскомъ гусарскомъ полку, а послѣдній въ артиллеріи. Первый находился въ отрядѣ генерала Винценгероде, а послѣдній былъ партизаномъ и дѣйствовалъ въ то время около Москвы, между дорогами тульской и калужскою.

дней суть главнѣйшіе союзники превосходства Тарутинскаго пункта, имѣвшаго такое непосредственное вліяніе на судьбу непріятельской арміи. И подлинно, выступи армія эта 14 дней прежде, ни одинъ замысль фельдмаршала не достигъ бы до полной зрѣлости! Армія наша не успѣла бы усилиться частію войскъ, сформированныхъ княземъ Лобановымъ; въ лагерѣ ученіе рекрутъ и поступившихъ въ линійные полки ратниковъ, не пришло бы къ окончанію; съ Дону не успѣли бы прибыть 24 полка казаковъ, что съ находившимися при арміи полками составило болѣе 20 тысячъ истинно легкой конницы, причинившей столь много вреда непріятелю во время его отступленія; духъ арміи не возвысился бы отъ побѣды, одержанной надъ непріятельскимъ авангардомъ $\frac{6}{18}$ октября, и наконецъ, холь продовольствія не успѣлъ бы еще вступить въ колею навыка такъ, чтобы при преслѣдованіи непріятеля, подвозы могли кругообращаться постоянно изъ арміи въ хлѣбороднѣйшія губерніи, а изъ нихъ въ армію вездѣ, гдѣ она не находилась. Все это случилось между 23 сентября (5 октября) и 7 (19) октября.

Въ противоположность, послѣдніе 14 дней довершили разстройство непріятельской арміи. Недостатокъ въ продовольствіи оказался уже по истеченіи 20-ти-дневнаго срока; ибо все, что еще оставалось подъ рукою, все окончательно израсходывалось, а по израсходываніи всего, бродяги умножились и развратъ обуялъ всѣ части арміи. Если бы армія эта выступила 14

дней прежде, то она не только избѣгла бы голодъ, но и прошла бы все разстояніе отъ Москвы до Смоленска путемъ сухимъ и ногодою ясною, по той причинѣ, что осень была необыкновенно теплая, а стужа и вьюги поднялись только 28 октября (9 ноября) между Дорогобужемъ и Смоленскомъ, то есть, въ то время, въ которое непріятель могъ уже быть далеко за Смоленскомъ. Я не упрекаю, я не критикую, а рассказываю, оставляя самому читателю дѣлать заключеніе о важности тѣхъ 14-ти дней, о которыхъ Наполеонъ умалчиваетъ.

Ни одинъ почтовый укрѣпленный домъ (таковой находился на каждомъ посту) не былъ такъ такованъ.

Партизанъ не должны были этого предпринимать; таковыя предпріятія не въ духѣ партизанскаго дѣйствія. Что можетъ принудить партизана къ приступу? Два предмета: или обмѣдленіе какимъ либо подвозомъ, курьеромъ и чиновникомъ, остановившимся въ укрѣпленномъ почтовомъ домѣ для кратковременнаго отдыха, или утвержденіе себя на пути сообщенія непріятеля.

Но, до перваго всякой партизанъ можетъ достигъ безъ тѣхъ усилій, которыхъ требуетъ приступъ: ему стоить только расположиться въ какомъ либо открытомъ мѣстѣ, смежномъ съ большою дорогою, между двумя почтовыми станціями (Etapes) и добыча, на которую онъ мѣтитъ, вскорѣ явится передъ нимъ на чи-

стоишь полкъ. Что же касается до послѣдняго, онъ до него никогда достигъ не можетъ, ибо при первомъ появленіи передъ нимъ самой малочисленной пѣхотной команды, казаки его должны непременно оставить мѣсто, стоившее имъ столь дорого, или защищая оное, погибнуть въ немъ для предмета, совершенно противнаго ихъ назначенію.

Но, положимъ, что партія удержать за собою этотъ укрѣпленный постъ, и тутъ успѣхъ произведетъ болѣе вреда, нежели пользы: онъ прикуетъ партію къ одному мѣсту, и чрезъ то принудитъ подводы миновать это мѣсто окружными дорогами, тогда какъ посредствомъ безпрестанной подвижности и появленія на нѣсколькихъ пунктахъ въ одни сутки той же партіи, мало что отъ нея ускользнуть можетъ. Если же для того штурмовать укрѣпленія, чтобы по взятіи немедленно оставлять ихъ, то это дѣло безумія, а не отважности, и таковой партизанѣ немного напартизанить, какъ ни была бы огромна его партія.

Но когда нужда востребовала, то не только укрѣпленный домъ, но и валомъ и палисадами обнесенный городъ Верей, сорванъ былъ отрядомъ генерала Дорохова; и да не подумаютъ, что городокъ этотъ защищаемъ былъ малымъ числомъ войскъ: въ немъ взято одними плѣнными 377 рядовыхъ, 15 штабъ- и оберъ-офицеровъ и одно знамя.

• Изъ Histoire de l'expédition en Russie, par M^{...} (Cham-

«*Нм одинъ болшой, ни одинъ, отстранявшійся
 на бытъ, дабы, и т. д.*»
 «*Справедливѣе было бы сказать: ни одна го-
 спиталя не была взята, пока армія шла къ
 Москвѣ и пока находилась она въ этой сто-
 ли, и вотъ почему: когда армія шла къ Мо-
 сквѣ, то какъ уже я зналъ, партизановъ еще
 не было, а неприятельскіе большіе отавляемы
 были на пути по гаремамъ и по обнесеннымъ
 оградами монастырямъ, гдѣ вмѣстѣ съ ними
 оставались и войска, какъ для охраненія ихъ,
 такъ и для прикрытія сафетныхъ и боевыхъ
 подвозовъ, шедшихъ къ арміи.*»
 «*Когда же армія эта вступила въ Москву, то
 большіе не отсылались уже назадъ, а помѣща-
 лись въ самой столицѣ; и такъ, мудро было
 партизанамъ нашимъ врываться въ улицы го-
 родовъ и лѣзть черезъ ограды монастырей для
 подвига, хотя священнаго пользою отечества,
 но въ существѣ своемъ всегда ненавистнаго для
 сердца всякаго истиннаго воина! Къ тому же
 это были бы тѣ же приступы, но приступы чу-
 ждые всего того, что составляетъ предель от-
 важнаго предпріятія: чуждые, великодушной,
 возвыщенной цѣли и той поэзіи кроваваго ре-
 месла нашего, безъ которой мы не что иное,
 какъ привилегированные душегубцы!*»

Bray). Mémoires pour servir à l'histoire de la guerre entre
 la Russie et la France, par Vaudoucourt.

Донесеніе Дордхова фельдмаршалу К. Кутузову отъ
 29 сентября и 2 октября.

Впрочемъ, отсрочка продолжалась недолго; не всякой ей знаетъ, что при обществѣ отливѣ непріятельской арміи, ни одинъ госпиталь не успѣлъ быть упраздненъ, и всѣ они безъ малѣйшаго усилія попались въ руки побѣдителямъ.

Что же касается до безопаснаго перевещенія больныхъ изъ госпиталя въ госпиталь, по случаю стеченія ихъ въ одномъ и уменьшенія въ другомъ госпиталѣ; что касается до благополучнаго проживанія въ тылу некрѣпительской арміи *отстранившихся* отъ нея, по шаперу называемыхъ бродягами или мародерами; то нареканіе уничтожается однимъ уже пребываніемъ партій нашихъ на самомъ томъ востранствѣ, на коемъ Наполеонъ разсылъ и больныхъ, и мародеровъ своихъ. Кого увѣрить можно, чтобы многочисленныя партіи наши, рыскавшія вдоль большой Смоленской дороги отъ Москвы до Дорогобуина, хладнокровно смотрѣли на всѣ эти тягущіяся мимо ихъ и грабившія вокругъ нихъ необузданныя шайки разбойниковъ; не причиняя имъ ни малѣйшаго вреда? Да если бы партіи на это и рѣшились, то можно ли, чтобы поселяне, имѣвшіе такое сильное право на личное мщеніе, можно ли, чтобы поселяне допустили шайки сіи безпрепятственно предавать огню и мечу ихъ самихъ и ихъ имущества! Въ доказательство, что не такъ безопасно было кругообращеніе людей и подвозовъ по непріятельскому пути сообщенія, какъ о томъ

сказано въ сочиненіи, мною оспариваемомъ, служить предложеніе, сдѣланное 23 сентября (5 октября) Лористеномъ, о прекращеніи народной войны, которая, возбуждаемая и поддерживаемая партизанами, причиняла такой вредъ неприятелю. Фельдмаршалъ отвѣчалъ: «Народъ разумѣетъ войну эту нашествіемъ Татаръ, и съдвоятельно считаетъ всякое средство къ избавленію себя отъ враговъ не только непредосудительнымъ, но похвальнымъ и священнымъ.» Этого мало: встревоженный умноженіемъ партизанскаго дѣйствія въ тылу своей арміи, Наполеонъ побуждаетъ гордость свою и возобновляетъ предложеніе Лористона, 8/10 октября, изъ села Троицкаго. Маршалъ Бертъ, въ письмѣ своемъ къ князю Кутузову, говоритъ между прочимъ: «Генералу Лористону препоручено было предложить вашей свѣтлости мѣры, чтобы сообразовать военныя дѣйствія съ правилами, установленными во всѣхъ войнахъ, дабы государство не несло болѣе зла, какъ то, которое происходитъ отъ самой сущности войны.» * На это фельдмаршалъ отвѣчалъ: «Весьма трудно обуздать народъ, оскорбленный всѣмъ тѣмъ, что перелѣ нимъ происходитъ, народъ, не видавшій 200 лѣтъ войны въ нѣдрахъ своего отечества, готовый за него погибнуть и неумѣющій различать принятые обычаи отъ тѣхъ, кои от-

* Lettre du M. Berthier au M. P. Koutousoff. 8/10 octobre Troïtzkoë.

«вергаемы въ обыкновенныхъ войнахъ. 9/21 ок-
«тября, 1818. Тарутино.»*

Впрочемъ, не одни мародеры, но и самые фу-
ражиры погибали въ этой борьбѣ войскъ съ
цѣлою націей. Взглянемъ, что о томъ гово-
рятъ Ларрей, генераль-докторъ главной фран-
цузской арміи, господинъ Шамбре, сочинитель
«Исторіи нашествія на Россію», и наконецъ
самъ Наполеонъ.

«Начальники непріятельской арміи поддержи-
«вали нашихъ въ надеждѣ на миръ, увѣряя,
«что прелиминарные пункты будутъ на дняхъ
«писаны. А между тѣмъ тучи казаковъ облега-
«ли мѣсто, на коемъ расположены были вой-
«ска наши, и ежедневно похищали у насъ вели-
«кое число фуражировъ.**

«Къ изнуренію фуражировъ присоединялось
«пораженіе, наносимое имъ казаками, подѣз-
«жавшими даже къ заставамъ Москвы.»***

ПОВЕЛЕНІЕ НАПОЛЕОНА КЪ БЕРТЬЕ:

Гжатскъ, 22 августа (3 сентября) 1812 г.

«Напишите генераламъ, командующимъ кор-
«пусами, что мы ежедневно теряемъ много лю-
«дей отъ безпорядка, господствующаго въ об-
«разѣ, принятомъ войскомъ для отысканія пи-
«щи; что безъ отлагательства нужно, чтобы
«они условились между собою насчетъ мѣръ,

* Lettre du M. Koutousoff au M. Berthier 9/21 oct. Tarou-
tino.

** Larrey, Mémoires de la Chirurgie militaire.

*** Chambray, Histoire de l'expédition en Russie. T. III.

«которыя должны быть соблюдаемы для пре-
«кращенія *случаевъ, угрожающихъ арміи разру-*
«*шеніемъ; что число людей, забираемое непрі-*
«*телемъ, простирается ежедневно до нѣскольکو*
«*сотенъ; что слѣдуетъ непременно, подъ опа-*
«*сеніемъ жесточайшаго наказанія, запретить*
«*солдатамъ отлучаться по одиначкѣ, а посы-*
«*лать за пищею войска (руководствуясь учреж-*
«*деніемъ для фуражировъ) командами, наря-*
«*женными съ каждаго корпуса, если армія*
«*стоитъ совокупно, или съ каждой дивизіи, если*
«*армія раздѣлена на части; чтобъ генераль или*
«*штабъ—офицеръ начальствовалъ надъ этими*
«*сборными командами, и чтобъ достаточное чи-*
«*сло войскъ всегда при нихъ слѣдовало для*
«*прикрытія ихъ отъ казаковъ и поселянъ во*
«*время фуражированія; чтобы старались тамъ,*
«*гдѣ найдутъ жителей, получать отъ нихъ*
«*провіантъ и фуражъ посредствомъ требованія,*
«*не причиняя имъ большаго вреда насильствомъ*
«*и похищеніемъ другихъ предметовъ. Наконецъ,*
«*исполненіе предписанія этого такъ важно, что,*
«*безъ сомнѣнія, ревность къ моей службѣ гене-*
«*раловъ и корпусныхъ начальниковъ изыщеть*
«*все средства къ прекращенію неустройствъ, о*
«*которыхъ идетъ дѣло. Вы не преминете напи-*
«*сать также Неаполитанскому Королю (Мюрату),*
«*командующему конницею, о томъ, что необхо-*
«*димо нужно, чтобы конница его прикрывала*
«*фуражированіе и обезпечивала отъ казаковъ и*
«*непріятельской конницы команды, посылае-*
«*мыя изъ лагеря для сего предмета. Вы пред-*

«ложите принцу Экмюльскому (Даву) не подходить къ авангарду ближе двухъ льё (10 верстъ). «Вы ему внушите необходимость сей мѣры, дабы фуражиры, искавъ фуража и провіанта, всегда находились въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ непріятеля. Наконецъ, вы замѣтите герцогу Эльхингенскому (Нею), что онъ ежедневно болѣе теряетъ людей въ фуражированіи, нежели въ сраженіи, и что необходимо нужно, чтобы первое производилось съ болѣющимъ устройствомъ, и не такъ далеко посылаемы были фуражиры.»

Итакъ, если фуражиры, всегда ходившіе на добычу, совокупили мародеровъ, не смотря на упреки, дѣлаемые имъ Наполеономъ, оберегавшіеся съ нѣкоторыми правилами и устройствомъ, не могли избѣжать плѣна или смерти, то какъ же мародеры, затерянные въ землѣ, имъ неизвѣстной, влачившіеся безъ опредѣленной цѣли, безъ начальниковъ, иногда безъ патроновъ и всегда безъ подпоры, какъ же могли они прожить невредимо среди народа озлобленнаго, вооруженнаго и кипящаго мщеніемъ? Если бы точно партизаны и поселяне, сложивъ руки, глядѣли на неистовства, производимыя этою безопасною для нихъ сволочью, то зачѣмъ было Бертье и Лористону предлагать князю Кутузову принятіе мѣръ, для сообразованія воен-

* Chambray, Histoire de l'expédition en Russie. Lettre de Napoléon au major-général. 3 sept. 1812. Gjatsk. T. III.

ныхъ дѣйствій съ установленными во всѣхъ войнахъ правилами? Зачѣмъ было Наполеону хлопотать насчетъ устройства фуражированія, ибо, какъ видно, онъ не другимъ чѣмъ признавалъ мародеровъ своихъ, какъ *фуражирами безъ начальства* и безъ связи? Не все ли говорятъ слова эти: 1) «Мы ежедневно терлемъ много людей отъ безпорядка въ отысканіи пищи; 2) безъ отлагательства нужно условиться на «счетъ мѣръ, которыя должны быть приняты къ прекращенію случаевъ, угрожающихъ арміи «разрушеніемъ; 3) число людей, забираемыхъ «непріателемъ, простирается до нѣскольکو сотенъ ежедневно, и 4) Ней ежедневно терлетъ «болѣе людей на фуражированіи, нежели въ «сраженіи?» Но полво о бродягахъ и мародерахъ; истребленіе которыхъ впрочемъ болѣе было дѣломъ поселенъ, нежели партій устроенныхъ и ринутыхъ на сообщенію непріятеля съ цѣлью гораздо важнѣйшею.

«Ни одна зотафета не была перехвачена...»

Не говоря уже о тѣхъ, которыя попались мнѣ въ руки, я упомяну только о нѣкоторыхъ перехваченныхъ вурьерахъ другими партизанами.

Мнѣ, можетъ быть, скажутъ, что донесенія начальству не суть документы вѣрные и неоспоримые; согласенъ, когда они представляютъ одно число убитыхъ, во всѣхъ націяхъ и во всѣхъ арміяхъ, всегда преувеличенное относительно къ непріятелю и уменьшенное отно-

сительно къ своимъ. Что же касается до донесеній о плѣнныхъ или о перехваченныхъ курьерахъ и депешахъ, ими возимыхъ, то сомнительность въ нихъ вкрасться не можетъ, ибо плѣнный или курьеръ лично представляется въ главную квартиру, допрашивается и поступаетъ въ списокъ тѣхъ плѣнныхъ, которые прежде его были взяты, а депеши, отобранныя отъ нихъ, хранятся подъ номерами, что можно и теперь видѣть въ Главномъ Штабѣ Государя Императора.

Итакъ, вотъ мои доказательства:

Въ рапортѣ фельдмаршала къ Государю Императору, отъ 22 сентября (4 октября), сказано:

«Сентября 11/23 генералъ-маіоръ Дороховъ, продолжая дѣйствія съ своимъ отрядомъ, доставилъ перехваченную имъ у непріятели по счету въ двухъ запечатанныхъ ящикахъ, а третіи ящикъ съ ограбленными церковными вещами. 12/24 сентября поймано его же отрядомъ на Можайской дорогѣ два курьера съ депешами» и проч.

Въ рапортѣ генерала Винценгероде къ Государю Императору изъ города Клина, отъ 3/15 октября, сказано:

.....«На сихъ дняхъ симъ послѣднимъ полковникомъ (Чернозубовымъ) взяты два французскіе курьера, ѣхавшіе изъ Москвы съ депешами....»

Фельдмаршалъ доноситъ также Государю Императору, отъ 1/13 октября, о взятіи 24 сентяб-

ря (6 октября) курьера близъ Верей подполковникомъ дивизіиъ Вадбольскимъ, Генераль Виндгенеромъ доноситъ Государю Императору, отъ 8/20 октября, изъ села Чашникова, о взятіи курьера въ слѣдующихъ словахъ: «Я получилъ рапортъ отъ полковника Чернокубова, находящагося съ вѣренными ему полкомъ на Можайской дорогѣ между городами Гжатскомъ и Вязьмою».

Вотъ этотъ рапортъ:

«Прибывъ съ полкомъ, мнѣ вѣреннымъ, къ деревнѣ Теплухѣ, на большой московской дорогѣ находящейся, гдѣ учреждена французская почта (étape), я успѣлъ схватить неприятельскаго почталіона (estafette), предъ моимъ прибытіемъ выѣхавшаго изъ сей деревни. Всѣ бумаги, при немъ найденныя, при семъ къ вашему превосходительству представляю, вѣстѣ съ однимъ офицеромъ французскихъ войскъ, взятымъ на самой большой дорогѣ».

«Послѣ сего я пошелъ прямо по той же самой дорогѣ къ Цареву-Займищу, и на пути схватилъ въ плѣнъ одного офицера и 38 рядовыхъ, которыхъ, для ностановленія въ Тверь, препроводилъ къ сычевскому исправнику. До упомянутаго Царева-Займища я не могъ дойти, по причинѣ встрѣтившейся въ большомъ числѣ пѣхоты, препровождавшей обозъ, которая часть отбивъ, я поворотилъ назадъ, и лишью ночлегу сего числа въ деревнѣ Холмѣ, въ 15-ти верстахъ отъ большой дороги. Ваше

«му превосходительству о семъ донести честь
«имѣю, равно и о томъ, что въ сихъ предпрія-
«стіяхъ содѣйствовали имѣ города Сычевокъ
«дворянскій предводитель Нахимовъ и исправ-
«никъ Богуславскій.»
«Господинъ Шамбре, въ «Исторіи нашествія
«на Россію», опровергаетъ съ успѣхомъ слова
«Наполеона, мною здѣсь оспориваемыя; онъ го-
«воритъ:
«Наполеонъ въ семъ случаѣ самъ себѣ про-
«тиворѣчитъ въ письмахъ своихъ отъ 3-го,
«23-го, 24-го, 26-го и 27-го сентября (н. м.),
«такъ какъ и отъ 6-го, 10-го, 23-го, 24-го октя-
«бря, 9-го ноября, 2-го декабря (н. м.) и въ
«другихъ еще письмахъ, мною необъявленныхъ
«оттого, что я не нашелъ въ нихъ ничего до-
«стойнаго замѣчанія. Сверхъ этихъ писемъ,
«донесеніе генерала Бараге-Дильера, приложен-
«ныя къ сему второму изданію, довольно удо-
«стовѣряютъ не въ собственномъ заблужденіи
«Наполеона, а въ умышленномъ стараніи его
«привести другихъ въ заблужденіе, дабы чрезъ
«то прикрыть славу и самолюбіе свое отъ на-
«падковъ. Безъ сомнѣнія, онъ не рѣшился бы
«на сказаніе, мною оспориваемое, если бы
«зналъ, что часть писемъ его, Бертье и другихъ
«генераловъ, вѣдомости о движеніяхъ войскъ и
«иные драгоценные документы, необходимыя
«для описанія нашествія на Россію, будутъ нѣ-
«когда обнародованы такъ, что событіе, дол-
«женствовавшее повидимому болѣе другихъ
«быть недоступнымъ любопытству, является

«напротивъ однимъ изъ извѣстѣйшихъ событій нашего времени».

Вотъ нѣкоторыя выписки изъ сихъ писемъ:

«Мы не получали эстафетовъ послѣ прибывшей 7/19 октября. Не достаетъ тѣхъ, которые должны были прибыть 8/20, 9/21 и 10/22.» ** «Доведите до его (маршала Виктора) свѣдѣнiя, что по сіе время не получая эстафетовъ, я не знаю, что происходитъ въ его сторонѣ». *** «Императоръ не получилъ двухъ эстафетовъ; быть можетъ, что это слѣдствiе вашего отступленiя къ Сенно, которое открыло большое пространство земли неприятелю. ****

И наконецъ, господинъ Шамбре заключаетъ: «Во время отступленiя, Наполеонъ отъ Смоленска до Молодечно получилъ только двѣ депешы изъ Франціи, и то чрезъ Марета (герцога Бассано). На доставленіе первой изъ этихъ депешей отважился польскій дворянинъ, имени котораго я умолчу, дабы не подвергнуть его подозрѣнiю; вторую доставилъ ему еврей за деньги; онъ встрѣтилъ Наполеона въ Камениѣ послѣ перехода чрезъ Березину.» *****

Теперь мы подошли къ главному предмету партизанскаго дѣйствiя, а именно, къ похище-

* Histoire de l'expédition en Russie, par M*** (Chambray). Tome III. pag. 249.

** Lettre du M. Berthier à Junot. 23 oct. Fominscoé.

*** Lettre de Napoléon au major-général.

**** Lettre du M. Berthier à Victor. 9 nov. Smolensk.

***** Histoire de l'expédition en Russie, par M*** (Chambray). Tom. III. pag. 247.

нію и истребленію непріятельскихъ подвозовъ съ боевыми и съѣстными припасами, отрядовъ, командъ и войскъ, проходящихъ въ армію, или изъ оной. Достигли ли партизаны наши до этого предмета, или нѣтъ, мы увидимъ изъ достовѣрныхъ документовъ, которыми я вооруженъ. Прежде сего представимъ легкій очеркъ того положенія, въ которомъ находились пути сообщенія Французской арміи; очеркъ этотъ принадлежитъ не мнѣ, а господину Шамбре. «Невѣдѣніе его (Наполеона) о движеніяхъ этого генерала (Кутузова), умножаясь отъ русскихъ партій, рыскавшихъ вокругъ Москвы, ввергло его въ совершенное недоумѣніе на счетъ намѣренія непріятеля. Партіи сіи, безпокою фуражировъ съ неутомимою дѣятельностію, преѣкли всѣ прямыя сообщенія между Мюратомъ, Бессьеромъ и Понятовскимъ. Предпріятіямъ ихъ способствовали тѣ изъ поселянъ, которые оставались еще въ селеніяхъ, давая имъ знать о движеніяхъ Французскихъ войскъ. Наконецъ, взятіемъ нѣскольکو артиллерійскихъ палубовъ и нѣскольکو командъ между Москвою и Можайскомъ, Дороховъ заградилъ путь подвозамъ и принудилъ ихъ прекратить свое шествіе. Для возстановленія этого сообщенія, Наполеонъ отрядилъ, ¹¹/₂₃ сентября, гвардейскихъ драгунъ, двѣ роты гвардейской конной артиллеріи и одинъ линійный полкъ. Отряду этому предписано было остановиться въ селѣ Вяземъ, находящемся на столбовой дорогѣ въ 7-ми льѣ (35-ти верстахъ) отъ Мо-

«вашей свѣтлости. Безъ отлагательства нужно
«взять мѣры къ прегражденію новыхъ беспо-
«койствъ, причиняемыхъ крестьянами, или
«укротить ихъ наглость наказаніями за прошед-
«шія преступленія.»

«Казакъ рыщутъ на флангахъ нашихъ. Разъ-
«ѣздъ, состоявшій въ 150 гвердейскихъ драгу-
«нахъ, подъ командою маіора Мартода, попался
«въ засаду казаковъ между дорогами москов-
«ской и калужской. Драгуны изрубили 300,
«пробились, но оставили 20 человекъ на полѣ
«сраженія. Они были взяты, а вмѣстѣ съ ними
«и маіоръ тяжело раненый.» 23-й бюллетень
9/21 октября, Москва. **

«..... Казакъ показались на смоленской доро-
«гѣ въ 24-хъ или въ 28-ми верстахъ отсюда.
«Они въ числѣ 30-ти человекъ напали нечаян-
«но на подвозъ артиллерійскихъ снарядовъ,
«состоявшій въ 15-ти ящикахъ, и сожгли оный.»
Бертъ къ Мюрату, отъ 10/22 сентября, Мо-
сква. ***

«Вы, конечно, уже извѣщены о томъ, что
«произошло на можайской дорогѣ, но это не
«что иное, какъ казакъ, которые, въ числѣ
«около 40 человекъ, напали нечаянно въ одной
«деревнѣ на 15 артиллерійскихъ палубовъ и
«подорвали ихъ. Императоръ послалъ маіора
«Летора съ 250 драгунами на можайскую доро-

* Lettre du gén. Baraguay-d'Hilliers au M. Berthier.

** 23-me bulletin, 9 oct. Moscou.

*** Lettre du M. Berthier à Murat. 22 sept. Moscou.

«гу, въ самое то мѣсто, гдѣ мы ночевали. Ма-
 «юръ Латоръ имѣеть повелѣніе остановить всѣ
 «кавалерійскія команды, которыя слѣдуютъ въ
 «армію, отчего отрядъ его достигнетъ до по-
 «луторы-тысячи или до двухъ тысячъ чело-
 «вѣкъ. Съ этимъ отрядомъ онъ назначенъ при-
 «крывать дорогу, и проч.» Изъ письма Бертье
 къ Бессьеру, 10/22 сентября, Москва. *

.....«Пять сотъ или шесть сотъ казаковъ,
 «пересѣклие можайскую дорогу, намъ причини-
 «ли много вреда. Они подорвали 15 артилле-
 «рійскихъ палубовъ и взяли два резервные эс-
 «кадрона, щелцие въ армію, т. е. около двухъ
 «сотъ конныхъ солдатъ. Эскадроны эти при-
 «надлежали резервной командѣ генерала Ланю-
 «ся, который, по неосторожности своей, распо-
 «ложилъ ихъ вправо отъ себя. Послѣ того каза-
 «ки хотѣли атаковать большой подвозъ артил-
 «лерійскихъ снарядовъ, но ружейная стрельба
 «солдатъ, прикрывавшихъ оный, ихъ удалила.
 «Такъ какъ я уже извѣщалъ васъ, маіоръ Ле-
 «сторъ прибылъ вчера въ домъ князя Голицына,
 «что на можайской дорогѣ, съ двумястами
 «конныхъ солдатъ. По извѣстіямъ, даннымъ

* Lettre du M. Berthier à Bessières. 22 sept. Moscou. На-
 «здъ этотъ, какъ встревожившій маршала Бертье; былъ
 «точно произведенъ 40 казаками, но потеря непріятеля со-
 «стояла не въ 15, а въ 36 палубахъ, въ 2-хъ капитанахъ, въ
 «5 офицерахъ и 92 рядовыхъ. Это можно видѣть въ рапор-
 «тъ Дорохова, хранившемся въ Главномъ Штабѣ Его Во-
 «лчества. Нападеніе учинено было на село Перхушиново
 «сотникомъ Юдинымъ.

«вами, и также по извѣстіямъ, полученнымъ отъ короля (Мюрата), Е. В. приказалъ генералу Сантъ-Сюльпису выступить со всеми своими драгунами на подкрѣпленіе маіора Детора, «если нужда востребуетъ. Я полагаю, этой «нужды не будетъ, мбо движеніе войскъ, посланныхъ вами къ Подольску и къ Деснѣ, «должно вовсе удалить казаковъ отъ можайской дороги.» Изъ письма Бертье къ Бессьеру, 11/23 сентября, Москва.

Наполеонъ къ Бертье.

Москва, 11/23 сентября.

«Увѣдомьте генерала Бараге-Дильера и гер-

Lettre du M. Berthier à Bessières. 23 sept. Moscou.
 Я не считаю за нужное оспаривать странное мнѣніе маршала Бертье, что будто бы посредствомъ движенія кавалеріи Бессьера къ Подольску и къ Деснѣ можно было остановить покушенія партій нашихъ на смоленскую дорогу; нелѣпость такого мнѣнія недостойна опроверженія. Но то, что считаю необходимымъ, это объясненіе дѣла, о которыхъ упоминаетъ этотъ маршалъ: дѣло, означенное въ выпискѣ сего письма, принадлежитъ полковнику Сиверсу—онъ взялъ въ плѣнъ ѣхавшаго съ поделѣніями адъютанта маршала Нея, одного капитана и 3 рядовыхъ. Въ 23-мъ бюллетенѣ и въ выпискѣ письма Бертье къ Бессьеру, отъ 26-го сентября, выписку которую я представляю немедленно, говорится о другомъ дѣлѣ; оно произошло у села Бурцова, что на боровской дорогѣ; въ этомъ дѣлѣ взяты маіоръ Мартодь, 4 офицера и 186 рядовыхъ; съ нашей стороны уронъ былъ значительный: убитъ полковникъ Сиверсъ, тяжело ранены полковникъ князь Хилковъ и маіоръ графъ Гудовичъ, нижнихъ чиновъ ранено и убито 25.

Соч. Д. Давыд.

20

«пога Абрантскаго (Жюно), что кавалерія и артиллерія, опредѣляемыя на прикрытіе транспортовъ, должны итти совокупно, кочевать въ кареѣ вокругъ транспорта и ни подъ какими предлогомъ не раздробляться; что начальникъ транспорта долженъ кочевать въ срединѣ онаго; что всякой начальникъ, который не будетъ наблюдать этихъ повелѣній, будетъ наказанъ за нерадіе и какъ виновникъ взятія транспорта.

«Подтвердите повелѣніе въ Смоленскѣ, чтобы оттуда ни одного транспорта не посылали иначе, какъ подъ командою штабъ-офицера и подъ прикрытіемъ 1500 человекъ пѣхоты и кавалеріи, исключая изъ этого числа артиллерійскихъ, инженерныхъ и обозныхъ погонщиковъ. Дайте знать, что я съ прискорбіемъ вижу отравленіе транспортовъ съ слабыми прикрытіями. Въ-слѣдствіе этого повелѣнія, сочините приказъ на счетъ образа кочеванья транспортовъ 5-го, и пошлите оный къ начальникамъ транспортовъ 5-го и 6-го. Независимо отъ этого приказа, представьте передъ глаза мои уложенія на счетъ транспортовъ и прикрытій оныхъ. Мнѣ помнится, что въ нихъ весьма ясно изложены средства, какъ транспорты должны быть охраняемы. Если такъ, то надо будетъ перепечатать эти уложенія и разослать ихъ по всѣмъ комендантамъ укрѣпленій отсюда до Ковны.» *

* Lettre de Napoléon au M. Berthier. Moscou. 23 sept.

ОТЪ ТОГО ЖЕ КЪ ТОМУ ЖЕ.

Москва, 12/21 сентября.

«Увѣдомьте генерала Сентъ-Сюльписа, что я получилъ письмо его. Объясните ему, что на свободный проѣздъ отъ Можайска до Москвы я гляжу, какъ на весьма важное дѣло, и что я полагаюсь на него въ охраненіи этого пути. Что ему надлежитъ расположиться на томъ пунктѣ, на которомъ онъ теперь находится и который есть центральный. Что онъ долженъ открыть сообщеніе съ герцогомъ Абрантскимъ (Жюно), находящимся въ Можайскѣ, и что я рекомендую ему прикрывать эстафеты при проѣздѣ ихъ мимо его отряда. Что полковникъ Леторъ обращается подъ его команду, и что я отдаю на волю его расположить Летора уступомъ тамъ, гдѣ заблагоразсудитъ.

«Предпишите ему, и болѣе всего настаивайте, чтобы онъ имѣлъ патрули для прикрытія курьеровъ. Нужно было бы узнать: отозваны или нѣтъ казачіе отряды, назначенные для перехвата ихъ? Я полагаю, что онъ уже послалъ двѣсти или триста человекъ на то мѣсто, гдѣ отрядъ генерала Ланюса былъ взятъ тому нѣсколько дней. Генералъ Леторъ выступаетъ нынче или завтра; все-таки чрезъ это прибавится лишняя патруль на дорогѣ.» *

* Lettre de Napoléon au M. Berthier. 24 sept. Moscou.

Выписка изъ письма Бертье къ Бессьеру отъ
14/26 СЕНТЯБРЯ.

.....«Канонада, которую вы вчера утромъ слышали на правой сторонѣ отъ васъ, была предпринята по наблюдательному отряду гвардейскихъ драгунъ, не такъ, какъ должно введено было въ дѣло маіоромъ Мартодотомъ, который взятъ или убитъ. Мы потеряли въ этой безразсудной схваткѣ нѣсколько гвардейскихъ драгунъ, взятыми или убитыми, маіора, капитана, старшаго адъютанта и до двадцати драгунъ ранеными. Мы также потеряли нѣсколько человекъ и пѣхоты. Безразсудно начальствуемый отрядъ былъ нечаянно атакованъ тремя тысячами человекъ войска съ орудіями.»

НАПОЛЕОНЪ КЪ БЕРТЬЕ.

Москва, 27 сентября.

«Я позволяю генералу Бараге-Дильеру располагать Польскимъ полкомъ, какъ онъ хочетъ. Такъ много отрядовъ идетъ къ намъ сзади, что ему не мудрено будетъ проучить послѣянь.»

ГЕНЕРАЛЬ БАРАГЕ-ДИЛЬЕРЪ КЪ БЕРТЬЕ.

Вязьма, 18/30 сентября.

«Я получилъ письмо вашей свѣтлости. Огорченный содержаніемъ онаго и видя, что

* Lettre du M. Berthier à Bessières, 26 sept. Moscou.

** Lettre de Napoléon au M. Berthier. 27 sept. Moscou.

«императоръ, хотя и не явно, обвиняетъ меня
 «въ нерадѣніи, относительно образованія гу-
 «берніи мнѣ ввѣренной, отчего, по его мнѣ-
 «нію, происходятъ безпорядки на пространствѣ
 «отъ Смоленска до Можайска, я снѣшу отвѣ-
 «чать какъ можно откровеннѣе и короче. Преж-
 «де всего скажу: я образовалъ военное и граж-
 «данское управленіе Смоленской губерніи, въ
 «чемъ удостовѣряетъ прилагаемое при семъ
 «уложеніе; но для извлеченія всѣхъ средствъ
 «изъ непріятельской области, въ которой жите-
 «ли вооружены противъ насъ, надобно двѣ ве-
 «щи: 1) достаточное число войскъ для занятія
 «важнѣйшихъ пунктовъ, дабы чрезъ то прину-
 «дить жителей къ повиновенію, и для *измѣненія*
 «*тѣхъ, которые управляютъ ими съ оружіемъ въ*
 «*рукахъ.* 2) Когда не существуетъ никакого
 «сходства въ языкѣ завоевательной арміи съ
 «языкомъ завоеваннаго народа, тогда нужно
 «имѣть людей, говорящихъ обоими языками,
 «дабы повелѣнія и нужды наши могли быть
 «имъ понимаемы. До сего же времени, я во
 «всей губерніи нигдѣ не имѣю ни того, ни
 «другого пособія. Если исключимъ укрѣплен-
 «ныя станціи, на дорогѣ расположенныя, то
 «останется дѣйствующихъ войскъ: въ Дорого-
 «бужѣ около 200 человекъ пѣхоты и 15 гуса-
 «ровъ; въ Вязмѣ 210 человекъ пѣхоты и 40 гу-

* Каковъ завоеванный народъ, о которомъ нѣсколько строкъ выше сказано, что онъ вооруженъ противъ завоевателей?

«саровъ; въ Гжатскѣ 170 человекъ. Ваша свѣдѣность можете повѣрить это по ежедневнымъ свѣдомостямъ.

«На другой день по прибытіи моемъ сюда, я, въ слѣдствіе вашего повелѣнія, послалъ три колонны, составленныя каждая изъ 50-ти человекъ, для обозрѣнія области и для собранія съѣстныхъ припасовъ. Довольно изъ нихъ были взяты и не возвратились, но честь я имѣю честь донести вашей свѣтлости. *Нѣсколько похвальныхъ происшествій случилось послѣ того.*»

Наполеонъ къ Бертье.

Москва, 24 сентября (6 октября).

«Напишите герцогу Болювскому (Вактору), чтобы полки, сформированные въ Кенигсбергѣ и въ Витебкѣ, изъ оставшихъ людей отъ полковъ своихъ, не прикрывали артиллерійскіе транспорты.

«Эти транспорты должны быть прикрываемы своими баталіонами, или частями баталіоновъ твердаго состава.

Отъ того же къ тому же.

Москва, 24 сентября (6 октября).

«Увѣдомьте генерала Бараса-Дильера о всѣхъ принятыхъ распоряженіяхъ для образованія 9-го корпуса и о мѣстѣ, гдѣ оному слѣдуетъ

* Lettre du général Baraguay-d'Hilliers au M. Berthier. 30 sept. Viasma.

** Lettre de Napoléon à Berthier. 6 oct. Moscou.

«находиться. Дайте знать ему, что я совершенно согласенъ на требованіе его, чтобы занять «сильнымъ отрядомъ Вязму, сильнымъ отрядомъ Гжатскъ и сильнымъ отрядомъ Дорогобужь. Въ-слѣдствіе чего я приказываю вамъ «предписать гжатскому комменданту, чтобы онъ не пропускалъ далѣе Гжатска, и герцогу «Абрантскому (Жюно), чтобы онъ не пропускалъ далѣе Можайска команды, сюда идущія, «разумѣется, если войска эти не перешли уже «вышесказанные пункты. *

«Непріятель выказываетъ много казаковъ, «которые беспокоятъ кавалерію,» 25-й бюллетень, ⁸/₂₀ октября. **

БЕРТЬЕ КЪ ДАВУ.

Вязма, 21 октября (2 ноября).

«Необходимо нужно, князь, переменить об- «разъ построенія, употребляемый на перехо- «дахъ противъ непріятеля, обладающаго та- «кимъ множествомъ казаковъ. Надобно дѣлать «переходы такъ, какъ мы дѣлали оныя въ «Египтѣ: обозы въ срединѣ и въ столькихъ ря- «дахъ, сколько позволить дорога. Полубаталі- «онъ въ замкѣ и нѣсколько баталіоновъ въ одну «шеренгу по бокамъ обоза, такъ, чтобы при «поворотѣ во фронтъ, огонь былъ отовсюду. «Можно позволить, чтобы баталіоны эти нахо- «дились одинъ отъ другого въ нѣкоторомъ раз-

* Lettre de Napoléon au M. Berthier. 6 oct. Moscou.

** 23-me bulletin. 28 oct. Noïlskoe.

«стойни», которое тогда должно быть взято «въ некоторомъ числѣ орудій. Наблюдать, чтобы ни подъ какимъ предлогомъ не было «людей, отстраняющихся по одиночкѣ и безъ «ружей.»

Отъ того же къ Нейю.

Вьяма, 21 октября (3 ноября).

«Надо круто обуздать предприятие этой, канальи казаковъ, и обходиться съ ними, какъ «мы обходились съ Аравитянами въ Егип- «тѣ.» **

«Отъ самаго малолетства дѣла аван- «гардъ не видалъ непріятеля, развѣ однихъ ка- «заковъ, которые, какъ Аравитяне, рыщутъ на «флангахъ и горцуютъ вокругъ, чтобы безо- «коить.»

....«Съ тѣхъ поръ не видали уже русской «пѣхоты, а однихъ казаковъ.» 28-й бюллетень, 30 октября (11 ноября). ***

«Непріятель, видѣвшій на дорогѣ слѣды «ужаснаго злополучія, поражающаго француз- «скую армію, старался онымъ воспользоваться. «Онъ окружилъ всѣ колонны казаками, кото- «рые отхватывали, какъ Аравитяне въ пусты- «няхъ, оставшія фуры и повозки.» 29-й бюлле- «тень 21 ноября (3 декабря). ****

* Lettre du M. Berthier à Davoust. 2 nov. Viasma.

** Lettre du même à Ney. 2 nov. Viasma.

*** Bulletin. 26-me. 11 nov. Smolensk.

**** 29-me bulletin. 3 déc. Molodetchno.

«Офицеры и солдаты много потеряли отъ усталости и голода. Многие лишились своего имущества отъ потери повозочныхъ лошадей; нѣкоторые по причинѣ зябды казачьихъ. Казаки захватили великое число разбѣянныхъ и бродящихъ солдатъ, инженеровъ, генеральнаго штаба офицеровъ, снимавшихъ планы мѣстоположеній, и равныхъ офицеровъ, путешествовавшихъ безъ осторожности.....» 29-й бюллетень большой арміи.

«Генераль Барак-Дилверъ командовалъ дивизією, составлявшеюся въ Смоленскѣ. Онъ расположилъ войска свои на дорогѣ, идущей изъ Смоленска въ Ельню. Приближенія по этому направленію російской арміи, должно было обратитъ его къ соединенію своей дивизіи. Онъ этого не сдѣлалъ: 28 октября (9 ноября) трое русскихъ партизановъ атаковали одну изъ бригадъ его, которая, не взирая на силу свою, простиравшуюся до 1100 человекъ пѣхоты и 500 конницы, положила оружіе. Остальная часть дивизіи едва успѣла скрытись въ Смоленскѣ. Партизаны взяли также многіе французскія депо, изъ коихъ главнѣйшее было въ Клементьевѣ.* Большая часть лошадей, употребленныхъ для возки фуръ и расположенныхъ на квартирахъ въ окрестно-

* Главное депо находилось не въ Клементьевѣ, а въ Горкахъ; это депо было подъ командою маіора Бланкарда и было разбито на голову и частію взято 21 ноября (3 декабря) въ Концы моею партиєю.

«сетяхъ Смоленска, но въ дальнемъ разстояніи
«отъ этого города, попались также въ руки ка-
«закамъ.

«Императоръ объявилъ неудовольствіе свое
«генералу Бараге-Дильеру за то, что будучи
«извѣстень о движеніи непріятеля, онъ не со-
«бралъ войска свои. Императоръ лишилъ его
«команды и сослалъ въ Берлинъ,... Тамъ опре-
«дѣлено было судить его.

»Независимо отъ невозвратной потери людей
«и лошадей, причиненной непредвидѣніемъ ге-
«нерала Бараге-Дильера, Императору чрезмѣр-
«но прискорбно было то, что французскій кор-
«пусъ, состоявшій въ 1100 человекъ пѣхоты и
«500 конницы, могъ положить оружіе передъ
«партизанскими отрядами!...

«Генералъ Ожеро съ бригадою своею былъ
«взятъ русскими партизанами: Денисовымъ,
«Давыдовымъ и Срславинымъ, * соединившими-
«ся для этого предпріятія.» Гурго, критическій
разборъ исторіи 1812 года господина Сегюра. **

Увѣряю, что здѣсь не конецъ документамъ,
у меня хранившимся, но опасаясь чрезмѣрнаго

* Генералъ Гурго умолчалъ о партизанѣ Фигнерѣ и,
вмѣсто Денисова, долженъ былъ бы сказать: графиня
Орловымъ-Денисовымъ, ибо фамилія Денисовыхъ весьма
многочисленна на Дону, и потому нельзя узнать, по сло-
вамъ господина Гурго, который изъ Денисовыхъ былъ
въ этомъ дѣлѣ.

** Examen critique de l'ouvrage de M. de Segur par le
gén. Gourgaud.

распространенія статьи этой, а между тѣмъ поставя себѣ въ обязанность не представлять иныхъ документовъ, кромѣ тѣхъ, кои самъ неприятель обнаружилъ, я не могу уже, къ сожалѣнію моему, упомянуть о тѣхъ партизанскихъ ударахъ, которые, бывъ извѣстными обѣимъ сражавшимся арміямъ, помѣщены были въ однихъ донесеніяхъ и объявленіяхъ князя Кутузова, и потому я не распространяюсь о поискѣ, $8/_{20}$ октября, при Каменномъ и Плесковѣ въ тылѣ авангарда французской арміи, въ которомъ партизанъ Фигнеръ взялъ 5 офицеровъ и 360 рядовыхъ, и отбилъ огромный транспортъ со съѣстными припасами, по деревнямъ собранными.

О поискѣ подъ Быкосовымъ, $10/_{22}$ октября, въ которомъ партизанъ Сеславинъ сорвалъ завѣсу, покрывавшую гибельное для насъ движеніе французской арміи, о которомъ, впрочемъ, я упоминаю въ запискахъ моихъ, какъ объ одномъ изъ рѣшительнѣйшихъ событій этой кампаніи.

О поискѣ у села Шальмова, $12/_{24}$ октября, въ которомъ партизанъ князь Кудашевъ взялъ въ плѣнъ двухъ комиссаровъ и 400 рядовыхъ.

О поискѣ близъ Медыни, $13/_{25}$ октября, въ которомъ полковникъ Иловайскій разбилъ авангардъ князя Понятовскаго, взялъ 5 орудій, генерала Тышкевича, одного полковника и множество офицеровъ и рядовыхъ.

О вторичномъ поискѣ при боровской дорогѣ, $14/_{26}$ октября, въ которомъ партизанъ князь

Кудашевъ отбилъ 100 фургоновъ съ провіантомъ и снарядами, и взялъ въ плѣнъ около 400 человекъ.

О поискѣ при Молодечно, 21 октября (2 ноября), въ которомъ полковникъ Чернышевъ взялъ три эстафеты и отбилъ изъ плѣна генерала Винценгероде и Свѣчина, а съ ними вмѣстѣ майора Нарышкина и провіантскаго чиновника Пюлотова.

О поискѣ при Борисовѣ, 16/28 ноября, въ которомъ партизанъ Сеславинъ открылъ сообщеніе съ адмираломъ Чичаговымъ и взялъ въ плѣнъ 3,000 рядовыхъ и множество офицеровъ.

Всѣ эти болѣе или менѣе увѣнчанные успѣхами предпріятія, набѣги и поиски прекратили, во время пребыванія въ Москвѣ французской арміи, какъ подвозы къ ней съ пищею и съ зарядами, такъ и фуражированіе оной; содѣлали почти невозможнымъ проѣздъ курьерамъ, посылаемымъ въ отдѣльные корпусы въ среднюю Европу и во Францію, или оттуда ѣдущимъ въ армію, и преградили путь адъютантамъ и разнымъ чиновникамъ, отправляемымъ съ приказаніями въ разныя части арміи. Это рушило согласіе во взаимномъ сихъ частей содѣйствіи; да и самыя общія перемѣщенія арміи, которыхъ удача зависѣла отъ сохраненія оныхъ въ тайнѣ, бывъ открываемы партизанами, встрѣчали неожиданное противодѣйствіе. Примѣры этому при Малоярославцѣ, при Славковѣ и при Смоленскѣ, о которыхъ упоминаю въ запискахъ моихъ.

Означенные набѣги и поиски неминуемо должны были умножить вредъ, ими наносимый, когда непріятельская армія, оставя крыши, двинулась назадъ путемъ опустошеннымъ и неприетнымъ, провождаемая голодомъ и холодомъ. Дивно и ночью тревожимая партіями, она принуждена была противъ неутомимой наглости ихъ употреблять лишнюю осторожность, изнуряющую войска на привалахъ и ночлегахъ; ибо какъ было знать, особенно въ ночное время, что за толпами казаковъ нѣтъ пѣхоты и артиллеріи, и что пустая перестрѣлка не обратится въ бой рѣшительный? Сверхъ того неотступный надзоръ, безпрестанныя покушенія, внезапные наскоки на команды отъ колоннъ отстранявшіеся, вселили въ непріятеля опасеніе отлучаться отъ главной массы, для отысканія пищи и пріюта отъ стужи. Основываясь на смѣть, сдѣланной главнымъ штабомъ російской арміи, мы видимъ, что число плѣнныхъ, взятыхъ партіями, простирается до 15-ти тысячъ рядовыхъ и чиновниковъ. Къ этому прибавить надобно чрезвычайное число фуръ съ провіантомъ и съ одеждою, палубовъ съ зарядами, тысячи валовъ и лошадей строевыхъ и повозочныхъ, и проч.

Послѣ того я спрашиваю всякаго безпристрастнаго челоуѣка: какое можетъ вселить довѣріе та часть Наполеоновыхъ записокъ, въ которой раздраженный, какъ кажется, тяжкимъ воспоминаніемъ о прошедшемъ и не менѣе тяжкимъ гнетомъ настоящаго, онъ рѣшился обна-

рождать, что въ теченіе московской кампаніи не было неприятеля въ тылу французской арміи; и что они не лишилась ни одного транспорта провіантскаго и артиллерійскаго, ни одной команды, ни одной эстафеты, ни одного курьера и даже (что свыше всякаго вѣроятія) ни одного бродяги? И кто въ томъ увѣряетъ? Наполеонъ, едва не попавшійся самъ два раза въ плѣнъ казакамъ нашимъ, а извѣстно, что мѣсто полководцевъ не впереди своихъ войскъ, но въ тылу ихъ.

Вотъ первый случай; не я, а неустрашимый и прямодушный генералъ Раппъ, находившійся тогда у стремля Наполеонова, рассказываетъ объ ономъ:

«Наполеонъ кочеваль въ полумили отъ этого мѣста (отъ Малоярославца). На другой день мы съѣли на коней въ 7½ часовъ; чтобы осмотрѣть мѣсто, на которомъ наканунѣ сражались. Императоръ находился между герцогомъ Виченскимъ (Коленкуромъ) принцемъ Невшательскимъ (Бертье) и мною. Едва успѣли мы оставить шалаши, гдѣ провели ночь, какъ примѣтили тучи казаковъ. Они выѣзжали изъ лѣса, находившагося впереди насъ на лѣвой сторонѣ. Такъ какъ они были порядочно построены, то мы приняли ихъ за французскую кавалерію.

«Герцогъ Виченскій первый догадался. «Государь! это казаки!» — Не можетъ быть — отвѣчалъ Наполеонъ. — Они уже скакали на насъ съ ужаснымъ крикомъ. Я схватилъ ло-

«шадь его за узду и поворотилъ ее самъ собою, «Да это наши!» — Это казаки, не медлите! — «Точно они» — сказалъ Бертъе. «Безъ малѣйшаго сомнѣнiя,» прибавилъ Мутонъ. Наполеонъ далъ нѣсколько повелѣнiй и отъѣхалъ. Я «двинулся впередъ съ конвойнымъ эскадрономъ; «насъ опрокинули; лошадь моя получила ударъ «пикою въ шесть пальцевъ глубины и повалилась на меня; мы были затоптаны этими варсварами. Къ счастью, они примѣтили артиллерiйскiй паркъ въ нѣкоторомъ разстоянiи отъ «насъ и на него бросились. Маршалъ Бессьеръ «имѣлъ время прибыть съ конногвардейскими «гренадерами....»*

О томъ же дѣлѣ сказано въ бюллетенѣ такъ:

«Императоръ перенесъ главную квартиру «свою въ деревню Городню. Въ семь часовъ «утра, шесть тысячъ казаковъ, прокравшiеся «въ лѣса, произвели общее ура въ тылъ по«зицiи и взяли шесть орудiй, въ паркѣ стояв«шiя; герцогъ Истрiйскiй (Бессьеръ) дви«нулся вскачь со всею гвардейскою кавале«рiею. Онъ осьпалъ сабельными ударами орду «эту, опрокинулъ ее, втопталъ въ рѣку, возвра«тилъ взятую артиллерию и отбилъ нѣсколько «фуръ, принадлежащихъ непрiятелю. 600 каза«ковъ убито, ранено и взято въ плѣнъ, 30 «гвардейцовъ ранено и три убито. Подъ ди«визионнымъ генераломъ Раппомъ убита ло«шадь. Неустрашимость, столько разъ оказанъ

* Mémoires du général Rapp, pag. 226 et 227.

«ная этимъ генераломъ, является во всѣхъ случаяхъ».....

«Драгунскій маіоръ Леторъ отличился. Въ 8 часовъ все вошло въ порядокъ.» *

Это дѣло, называемое во французской арміи *le houra de l'Empereur* (императорское *ура*), случилось на другой день послѣ малоарославскаго сраженія. До разсвѣта Платовъ отрядилъ часть своего летучаго корпуса съ генераломъ Иловайскимъ за рѣку Лужу, нѣсколько верстъ выше Малоарославца, съ тѣмъ, чтобы дѣйствовать въ тылъ непріятельскимъ войскамъ, сражавшимся накануне предъ этимъ городомъ и стоявшимъ еще на полѣ сраженія. Иловайскій ударилъ на артиллерійскій паркъ, который состоялъ въ 40 орудіяхъ и кочевалъ на боровской дорогѣ, во время проѣзда Наполеона изъ города Городни въ Малоарославецъ, къ войскамъ вице-короля Италійскаго. Казаки бросились частію на паркъ, а частію на Наполеона и конвой его. Если бы они знали, за кого они, такъ сказать, рукою хватались, то конечно не промѣняли бы эту добычу на 11 орудій, отбитыхъ ими изъ парка и которые, не взирая на слова Раппа и 27-го бюллетеня, остались въ ихъ власти и никогда не были отбиты обратно французскою кавалеріею. Поистинѣ кавалерія эта преслѣдовала казаковъ, но въ то время, когда сами они уже почувствовали необходимость возвратиться къ главнымъ своимъ силамъ. Преслѣдованіе за ня-

* 27-me bulletin. 27 oct. Worela.

ми продолжалось до рѣки, которую они перешли въ бродъ, вмѣстѣ съ отбитыми пушками, и огонь изъ двѣнадцати орудій Донской конной артиллеріи, открытій Платовымъ съ праваго берега Лужи, разомъ остановилъ стремленіе непріятельской кавалеріи. Она отступила безъ преслѣдованія.

Не менѣе ложно показаніе бюллетеня какъ о числѣ людей, у насъ убитыхъ, раненыхъ и взятыхъ въ плѣнъ, такъ и объ отбитіи у казаковъ обозовъ. У партизановъ и казаковъ нѣтъ другихъ повозокъ, кромѣ тѣхъ, которыя отхватываютъ у непріятеля, да и этими повозками они не иначе пользуются, какъ для дальнихъ предпріятій, а не въ набѣгахъ, продолжающихся нѣсколько часовъ. Обыкновенно ихъ обозы состоятъ въ выучныхъ лошадяхъ, которыя въ совокупности называются *кошами*.

Вотъ другой случай:

Партизанъ Сеславинъ занялъ съ боя мѣстечко Зябрежъ, въ которомъ взялъ генерала Доржанса и 11 штабъ и оберъ-офицеровъ. «23 октября (4 ноября) Наполеонъ, оставя Молодечно въ 9 часовъ утра, перенесъ главную квартиру въ Бьеницу. Лаузонъ долженъ былъ прибыть въ Ошмяны на другой день; а такъ какъ «Сморгоны и Молодечно были заняты войсками, то пользуясь безопасностію пути сообщенія, Наполеонъ рѣшился оставить армию и «приступилъ втайнѣ къ исполненію своего «намѣренія. 24 октября (5 ноября) въ 8 часовъ «утра, онъ оставилъ Бьеницу и пріѣхалъ къ

«Сморгони въ часъ пополудни. Тамъ оконча-
 «тельно приготовясь къ отъѣзду, онъ собралъ
 «генераловъ: Мюрата, Евгенія, Бертье, Нея,
 «Даву, Десебра, Мортье и Бессьера, объявилъ
 «имъ, что оставляетъ армию и ѣдетъ въ Па-
 «рижъ, гдѣ присутствіе его необходимо. Сдѣлалъ
 «начальство Мюрату, и въ 7 часовъ вечера от-
 «правился въ путь въ обыкновенной своей ка-
 «реть, за которой ѣхали сани. Онъ взялъ съ
 «собою только генераловъ Коленкура, Дурока
 «и Мутона. Первый сидѣлъ съ нимъ въ каретѣ,
 «два послѣдніе въ саняхъ; на козлахъ сидѣли
 «мамедокъ и ротмистръ польскихъ гвардей-
 «скихъ улановъ, который долженъ былъ слу-
 «жить за переводчика. Онъ ѣхалъ тайно подъ
 «именемъ герцога Виченскаго, и догадая, что
 «путь никѣмъ не угрожаемъ, взялъ въ при-
 «крытіе одинъ слабый конвой Неаполитанской
 «кавалеріи.

«Лаузонъ только-что прибылъ въ Ошмянны
 «послѣ полудня и по причинѣ жестокой стужи
 «разжѣстилъ войско свое по домамъ. Русскій
 «полковникъ Сеславинъ, шедшій также на Ош-
 «мянны, но боковыми путями, лежащими на лѣ-
 «вой сторонѣ большой дороги, прибылъ въ су-
 «мерки предъ это же мѣстечко съ гусарскимъ
 «полкомъ, казаками и орудіями. Не зная, что
 «мѣстечко занимаемо пѣхотною дивизіею, онъ
 «ворвался въ него съ кавалеріею, но немедлен-
 «но принужденъ былъ еще оставить. Сдѣлавъ

* Духинъ-Вонсовичъ.

«нѣсколько выстрѣловъ изъ орудій, онъ раско-
«ложился на бивуакахъ въ маломъ разстояніи
«отъ дороги. Наполеонъ благополучно доѣхалъ
«до Ошмянъ, но легко однако могъ попасть въ
«руки Сеславина, что несомнѣнно случилось
«бы, еслибъ партизанъ этотъ зналъ объ его
«проѣздѣ.*

Дѣло это произошло такъ:

Одинъ часъ предъ въѣздомъ въ Ошмяны
Наполеона, Сеславинъ, не зная и бывъ въ не-
возможности знать объ этомъ обстоятельстве,
но только искавшій непріятели и кивящій же-
ланіемъ сразиться, гдѣ бы и съ кѣмъ бы то
ни было, ворвался въ Ошмяны съ Ахтыр-
скими гусарами и съ казаками въ одно время,
какъ орудія его открыли огонь по магази-
ну, находившемуся въ мѣстечкѣ; главный ка-
рауль, стоявшій у квартиры, приготовленной
для Наполеона, былъ изрубленъ и магазинъ
объялся пламенемъ. Французскія войска, раз-
сѣянные по домамъ отъ стужи, стали выбѣгать
къ ружью, смущенныя и въ безпорядкѣ; кото-
рый умножаемъ былъ мракомъ вечера. Нѣко-
торыя войска, объята страхомъ, побѣжали по
дорогѣ къ Табарцкамъ, но другія, находившія-
ся въ мѣстечкѣ, бросились въ оное и открыли
со всѣхъ сторонъ огонь по Сеславину. Не имѣя
пѣхоты, онъ отвѣчалъ имъ саблями и дротика-
ми; но видя, что борьба не подъ силу, принуж-
денъ былъ оставить мѣстечко. Въ эту минуту

* Chambray, Histoire de l'expédition en Russie, T. III.

Наполеонъ въѣхалъ въ Опимьны, и переѣхалъ лошадей, отправился черезъ Медники въ Вильно, а оттуда во Францію.

Будь атака однимъ часомъ позже, то Наполеонъ не избѣгъ бы плѣна. Конечно, подобная развязка была бы противъ правилъ драматическаго искусства и выгодъ парижскихъ рестораторовъ, красавицъ Пале-ройяля и нашихъ вооруженныхъ путешественниковъ, совершившихъ на чужой счетъ столь неожиданное путешествіе, за то какая слава для Русскихъ! все кончили бы дома.... и безъ чужеземцевъ!

Сеславинъ не виноватъ, ибо успѣхъ въ подобномъ случаѣ зависитъ отъ судьбы, а не отъ расчетовъ человѣческихъ.

Не мнѣ упрекать можно въ томъ, чтобы я уступилъ кому-либо во враждѣ къ посягателю на независимость и честь моей родины: не въ той враждѣ, которая шипитъ и прячется, но въ той, которая молча хватается за горло. Товарищи мои помнятъ, если не удачи, то по крайней мѣрѣ усилія мои, всѣ клонившіяся ко вреду непріятеля въ теченіе войнъ отечественной и заграничной, но они помнятъ также и удивленіе, восторги мои, подвигами Наполеона возбужденные, и уваженіе къ войскамъ его, которое я питалъ въ душѣ моей среди борьбы военной. Солдаты, я и съ ору-

жіемъ въ рукахъ отдавалъ справедливость первому солдату вѣковъ и міра; я любовался, я обворожаемъ былъ храбростію, какою одеждою она ни была облакаема, въ какихъ рядахъ она ни ознаменовывалась, и Багратионово *браво*, вырвавшееся въ похвалу непріятели среди самага пыла Бородинской Битвы, отозвалось въ душѣ моей, но ее не удивило. * Такъ чувствовалъ я, когда сердце мое билось подъ гусарскимъ ментикомъ, такъ я чувствую за плугомъ и въ мирномъ кабинетѣ. Нѣтъ, не ненависть, но любовь къ истинѣ водили перомъ моимъ; впрочемъ, я не сочинялъ, а подводилъ статьи, противурѣчащія нѣкоторымъ статьямъ, помѣщеннымъ въ запискахъ Наполеона, писанныхъ на память, наскоро и безъ документовъ. Читатель рѣшитъ, на чьей сторонѣ правда; но во всякомъ случаѣ онъ, конечно, отдастъ мнѣ справедливость въ томъ, что Русскій, я не забылъ приличія и вѣжливости въ выраженіяхъ, опровергая сказанія того, чья память безстыдно тревожима нѣкоторыми соотечественниками, его сослуживцами и даже людьми, имъ облагодѣтельствованными.

* Известно, что у князя Багратиона за нѣсколько минутъ предъ тѣмъ, какъ онъ получилъ смертельную рану, изъ души, такъ сказать, вырвалось громкое *браво* 57-му линійному французскому полку, первому изъ полковъ Давустова корпуса, который вскочилъ на флени, расположенныя предъ Семеновскимъ и самимъ княземъ Багратиономъ защищаемыя.

МОРОЗЪ ЛИ ИСТРЕБИЛЪ ФРАНЦУЗСКУЮ АРМІЮ

ВЪ 1812 ГОДУ?

Посвящается графу Карлу Фёдоровичу Толю.

Два отшиба потрясли до основанія власть и господствованіе Наполеона, казавшіеся неколебимыми. Отшибы эти произведены были двумя народами, обитающими на двухъ оконечностяхъ завоеванной и порабощенной имъ Европы, — Испанію и Россію.

Первая, противуоставшая французскому ополченію одинокому, безъ союзниковъ и безъ Наполеона, сотрясла налагаемое на нее иго, при помощи огромныхъ денежныхъ капиталовъ и многочисленной арміи союзной съ нею Англии. Послѣдняя, принявшая на свой щитъ удары

того же французскаго ополченія, но усиленнаго возставшимъ на нее всѣмъ европейскимъ войскомъ, которымъ предводительствовалъ и управлялъ самъ Наполеонъ, достигла того же предмета безъ всякихъ иныхъ союзниковъ, кромѣ оскорбленной народной гордости и пламенной любви къ отечеству.

Однако жъ, всѣ уста, всѣ журналы, всѣ историческія произведенія эпохи нашей превознесли и не перестаютъ превозносить самоотверженіе и великодушное усиліе испанской націи, а о подобномъ самоотверженіи и о подобномъ же усиліи Русскаго народа нисколько не упоминаютъ, и въ добавокъ поглощаютъ ихъ разглашеніемъ, будто всѣ удачи произошли отъ одной суровости зимняго времени, неожиданнаго и наступившаго въ необыкновенный срокъ года.

Двадцать два года продолжается это разглашеніе между современниками, и двадцать два года производится передача его потомству посредствомъ книгопечатанія. Всѣ враги Россіи, всѣ союзники Франціи, въ послѣдствіи предательски на нее возставшіе, но, въ неудачномъ вмѣстѣ съ нею покушеніи противъ насъ, вмѣстѣ съ нею же раздѣлившіе и стыдъ неудачнаго покушенія, неутомимо хлопотали и хлопочуть о разсѣваніи и укорененіи въ общемъ понятіи этой мнимой причины торжества нашего.

Должно однако замѣтить, что не въ Германіи, а во Франціи возникъ первый зародышъ этого нелѣпаго разглашенія, — и не могло быть иначе. Надутая двадцатилѣтними побѣда-

ми, завоеваніями и владычествомъ надъ Европейскими государствами, могла ли Франція простить тому изъ нихъ, которое безъ малѣйшей посторонней помощи и въ такое короткое время отстояло независимость свою не только отбитіемъ отъ себя, но и поглощеніемъ въ нѣдрахъ своихъ, всей европейской армады, принадлежавшей ей, ополчившейся съ нею и предводительствуемой величайшимъ гениемъ вѣковъ и міра? Нація ли этой, исполненной самолюбія и самохвальства, преслѣдуемой порицаніями и, что еще чувствительнѣе, карикатурами и насмѣшками, болѣе всего для нея несносными, — ей ли можно было признаться въ истинной причинѣ несостоятельности своей въ обѣщаніяхъ славы и добычи увлеченнымъ ею государствамъ? И когда? Когда обладая монополіею словесности, проникающей во всѣ четыре части свѣта, завоеванныя ея нарѣчіемъ, которое справедливо почитается общимъ нарѣчіемъ нашего вѣка, она болѣе другихъ народовъ могла ввести въ заблужденіе и современниковъ и потомство насчетъ приключенія, столь жестоко омрачившаго честь ея оружія, столь насильственно прогнавшаго призракъ ея непобѣдимости! Будемъ справедливы: какая нація рѣшилась бы на пожертвованіе такого преимущества? Какая нація, напротивъ, не поддержала бы, посредствомъ его, и кредита своего въ общемъ мнѣніи, и славы своего оружія, потрясенныхъ столь неожиданнымъ злополучіемъ? Франція не пренебрегла этого преимущества, и похвально сдѣлала: свя-

ценнѣйшій долгъ всякаго народа дорожить своимъ достоинствомъ, спасать и защищать всѣми мѣрами и всѣми средствами это нравственное бытіе свое, неразрывно сопряженное съ его бытіемъ вещественнымъ. Но похвально ли для нѣкоторыхъ изъ насъ, еще болѣе для тѣхъ изъ насъ, Русскихъ, которые были свидѣтелями, даже дѣйствовавшими лицами на этомъ великолѣпномъ позорищѣ, и которые знаютъ истинную причину гибели нахлынувшихъ на насъ полчищъ, — похвально ли повторять чужой вымыселъ, для того только, чтобъ не отстать отъ моднаго мнѣнія, какъ не отстаютъ они отъ покроя фраковъ или повязки галстуковъ, изобрѣтенныхъ и носимыхъ въ Парижѣ? И пусть бы разглашали это городскіе господчики или маменькины сынки, которымъ извѣстенъ огонь однѣхъ восковыхъ свѣчъ и кенкетовъ, да запахъ пороху только на фейерверкахъ. Словамъ, произносимымъ подобными устами, награда извѣстна. Но грустно слышать эти же слова отъ тѣхъ самыхъ людей, которымъ знакомы и чугуць, и свинець, и желѣзное остріе, какъ хлѣбъ насущный. Грустно слышать, какъ тѣ, которыхъ я самъ видѣлъ подвергавшихъ опасности и покой, и здоровье, и жизнь свою на войнѣ отечественной, теперь приписываютъ лавры ея одной и той же причинѣ съ врагами, противъ которыхъ они такъ неустрашимо, такъ ревностно тогда подвизались; какъ въ угожденіе имъ, они жертвуютъ нынче и собственными трудами, и подвигами, и ранами, и торжествомъ, и славою

Россіи, — какъ-будто ничего этого никогда не бывало!

Вооруженный неоспоримыми документами, я опровергъ въ особой статьѣ * ложное показаніе Наполеона, будто «въ кампаніи 1812 года легкія войска наши не нанесли ни малѣйшаго вреда его арміи.» Теперь приступлю къ другому вопросу, — къ опроверженію того, будто «армія Наполеона погибла единственно отъ стужи, настигшей неожиданно и въ необыкновенное время года;» а не отъ другихъ обстоятельствъ; будто она погибла —

I. Не отъ искуснаго занятія нашею арміею тарутинской позиціи, прикрывавшей хлѣбороднѣйшія губерніи, и въ то же время угрожавшей единственному пути непріятельскаго сообщенія, — позиціи, на которой князь Кутузовъ обѣщаніемъ мира успѣлъ усыпить Наполеона на столько времени, сколько нужно ему было для возрожденія нашей арміи;

II. Не отъ заслоненія калужскаго пути при Малоярославцѣ, — чѣмъ принудилъ онъ Наполеона обратиться на смоленскій путь, опустошенный и безпріютный;

III. Не отъ фланговаго марша нашей арміи отъ Тарутина до Березины, прикрывавшаго, подобно тарутинской позиціи, всѣ жизненные и боевые наши подвозы, которые шли къ намъ изъ хлѣбороднѣйшихъ губерній, и вмѣстѣ съ тѣмъ угрожавшаго заслонить единственную от-

* См. Разборъ трехъ статей, и пр.

ступательную черту, невольно избранную неприятелемъ, какъ скоро бы онъ малѣйше на ней замедлилъ;

IV. Не отъ усилій, трудовъ и храбрости нашихъ войскъ, разстроившихъ ее единственно при Малоарославцѣ, Вязьмѣ и Красномъ;

V. Не отъ чудеснаго соединенія почти въ опредѣленный день у Борисова на Березинѣ трехъ армій, пришедшихъ одна изъ-подъ Москвы, другая изъ Финляндіи и отъ Пскова, третья изъ Молдавіи и Вошьніи;

VI. Не отъ истребленія подвозовъ и фуражировъ, отъ изнуренія ежечасными дневными и ночными тревогами и наѣздами нашихъ партій, которые гнѣснили ее какъ въ ящикѣ отъ Москвы до Шмана, и не позволяли ни одному неприятельскому солдату на шагъ отлучаться отъ большой дороги, для отысканія себѣ пищи или убѣжища отъ стужи;

VII. И наконецъ, будто она погибла не отъ неуспѣшнаго надзора надъ нею тѣхъ же партій, отъ чего каждое движеніе каждой ея части было тотчасъ извѣстно главнокомандующему и встрѣчалось противодѣйствіе.

И уже изложилъ въ «Опытѣ партизанскаго дѣйствія» мнѣніе мое на этотъ счетъ: здѣсь представлю мнѣніе иностранныхъ писателей, охлажденное временемъ и слѣдственно нѣсколько уже очищенное отъ того отвратительнаго пристрастія, которымъ ознаменованы всѣ произведенія ихъ, касающіяся до военныхъ подвиговъ французской арміи.

Начнемъ съ г-на Коха.* Онъ говоритъ:

«Вообще точность замѣчаній генерала Гурго «достойна похвалъ; но пристрастіе къ Наполеону увлекаетъ его къ защитѣ мнѣній совершенно ложныхъ. Таково, напримѣръ, увѣрненіе его, что одна стужа причиною злополучія французской арміи. Во время похода отъ Смоленска до Орши, стужа во всѣ четыре дня была слабѣе, нежели въ 1795 году, когда сѣверная армія перешла по льду Вааль и овладѣла голландскимъ флотомъ въ Зюйдерзе, слабѣе, нежели въ 1807 году, когда огромныя толпы конницы неоднократно насюками сшибались на покрытыхъ льдомъ и снѣгомъ озерахъ. Слѣдственно, если по собственному račету генерала Гурго французская армія состояла только въ сорока пяти тысячахъ дѣйствовавшаго войска по прибытіи ея на берега Березины, должно искать иныхъ причинъ ея уменьшенія. Онѣ, какъ кажется, состоятъ въ недостаткѣ распорядительности относительно продовольствія.»

Но тотъ самый Гурго, на котораго возстаютъ г. Кохъ за то, что онъ всѣ бѣдствія французской арміи приписываетъ одной стужѣ, самъ себѣ противорѣчитъ, говоря слѣдующее: **

* Examen critique de l'histoire de Napoléon et de la grande armée par le comte de Ségur et de la critique qu'en a faite le général Gourgaud.

** Examen critique de l'histoire de la campagne de 1812 du comte de Ségur, par le général Gourgaud.

«Въ это время, 22 октября (3 ноября н. ст., то есть на обратномъ пути около Вязьмы), французская армія не была еще въ томъ безпорядкѣ и развратномъ положеніи, въ какомъ французскій историкъ старается показать ее...

«До 25 октября (то есть, на обратномъ пути около Дорогобужа) погода была хорошая и стужа гораздо умѣреннѣе той, которую мы переносили во время кампаніи въ Пруссіи и въ Польшѣ въ 1807 году, и даже въ Испаніи среди Кастильскихъ горъ, въ теченіе зимней кампаніи 1808 года, подъ предводительствомъ самаго императора..... Октября 25 (на обратномъ пути около Дорогобужа) корпуса арміи еще находились въ устройствѣ, были составлены изъ дивизій, бригадъ и полковъ, хотя уронъ, понесенный имъ въ походѣ, много убавилъ числительную силу ихъ.....»

«Господинъ придворный чиновникъ (графъ Сегюръ) ошибается еще и въ томъ, будто бы въ Оршѣ безпорядокъ въ арміи умножился: напротивъ, найденные въ Оршѣ запасы розданы были войскамъ, а оттепель послѣ морозовъ сдѣлала бивуаки сносными... Что касается до сильной стужи, то мѣру ея опредѣлить можно тѣмъ, что Березина не была еще покрыта льдомъ во время переправы черезъ нее.....»

Господинъ Шамбре представляетъ намъ слѣдующія измѣненія термометра:

* Hist. de l'expéd. de Russie, par M** (Chambray). T. III.

«Октября 15, с. ст., четыре градуса стужи.»
 Это было на обратномъ пути отъ Малоярославца.

«Октября 23, снѣгъ, слѣдственно стужа «умѣренная.» Это было на обратномъ пути изъ Вязьмы.

«Октября 24, снѣгъ продолжается.» Это было на обратномъ пути между Вязьмою и Дорогобужемъ.

«Октября 25, снѣгъ свѣже съ вѣтромъ, «слѣдственно немного холоднѣе, чѣмъ наканунѣ.» Это было тамъ же, и около Дорогобужа.

«Октября 28, двѣнадцать градусовъ стужи.» Это было на обратномъ пути между Дорогобужемъ и Смоленскомъ.

«Октября 31 и ноября 1, семнадцать градусо́въ стужи.» Это было на обратномъ пути въ Смоленскъ.

«Ноября 2, стужа гораздо слабѣе.» Это было на обратномъ пути по выступленіи изъ Смоленска къ Красному.

«Ноября 6, оттепель.» Это было на обратномъ пути между Краснымъ и Оршею.

«Ноября 12, оттепель прекращается.» Это было на обратномъ пути между Оршею и Берисовымъ.

Онъ же продолжаетъ:

«Не одна стужа разстроила и истребила французскую армію, потому что второй и девятый корпусы сохранили совершенный порядокъ, «не взирая на претерпѣніе такой же стужи, «какъ и гданская армія. Стужа сухая и умѣрен-

«спал, сопровождавшая войска отъ Москвы до
«перваго снѣга, была болѣе полезна, нежели
«гибельна. Главныя причины злополучія, по-
«стигшія нашу армію, были, во-первыхъ, го-
«лодь, потомъ непрерывные переходы и ко-
«чевья, и наконецъ уже стужа, когда она достиг-
«ла до чрезвычайности или когда была сопря-
«жена со снѣгомъ. Что касается до лошадей, то
«сытїими онѣ весьма легко переносятъ стужу,
«сколь она ни жестока. Онѣ погибли не отъ нея,
«а отъ голоду и усталости....»

«Я уже сказалъ, и еще повторяю, — сытїя
«лошади переносятъ кочевье безъ затрудненія,
«какъ бы стужа ни была чрезмѣрна. И такъ не
«стужа погубила лошадей Французской арміи,
«и ихъ не пало до тридцати тысячъ въ одну
«ночь, какъ сказано въ одномъ изъ бюме-
«тениі..... Самая жестокая стужа продолжа-
«лась отъ 28 октября до 1 ноября с. ст., то
«есть, на обратномъ пути между Дорогобужемъ
«и Смоленскомъ.»

Самъ Наполеонъ говоритъ: * «Еще три дня
«хорошей погоды, и армія совершила бы въ
«устройствоѣ отступление свое.»

Генераль Жомини въ послѣднемъ своемъ со-
чиненіи ** заставляетъ говорить Наполеона:
«Главныя причины неудачнаго предпріятія на
«Россію относили къ ранней и чрезмѣрной сту-

* Mémoires pour servir à l'histoire de France, par Napoléon; publiés par Montholon. T. II. pag. 413.

** Vie politique et militaire de Napoléon, etc. Tome VI.

«жѣ; всѣ мои приверженцы повторяли эти
 «слова до пресыщенія. Это совершенно ложно.
 «Какъ подумать, чтобы я не зналъ о срокѣ это-
 «го ежегоднаго явленія въ Россіи.... Не только
 «зима не наступила ранѣе обыкновеннаго, но
 «приходъ ея 26 октября с. ст. былъ позже, не-
 «жели какъ это ежегодно случается. Стужа не
 «была чрезмѣрна, потому что до Краснаго она
 «измѣнялась отъ трехъ до восьми градусовъ, а
 «8 ноября наступила оттепель, которая про-
 «должалась до самаго прибытія нашего къ бе-
 «регамъ Березины: одинъ только день пѣхота
 «могла переходить по льду черезъ Дибіръ, и то
 «до вечера. Вечеромъ оттепель снова повредила
 «переправу.

«Стужа эта не превышала стужи эйлауской
 «кампаніи: въ послѣдней, громады конницы но-
 «сились по озерамъ, покрытымъ льдомъ, и въ
 «эту эпоху рѣка была такъ сильно имъ схваче-
 «на, что могла бы поднять цѣлую армію съ ар-
 «тиллерією. Но при Эйлау армія моя не раз-
 «строилась, потому что была въ край изобиль-
 «номъ, и что я могъ удовлетворять всѣмъ ея
 «нуждамъ. Совсѣмъ противное произошло въ
 «1812 году: недостатокъ въ пищѣ и во всемъ
 «необходимомъ произвелъ разбродъ войска;
 «многочисленныя колонны наши обратились въ
 «буйную сволочь, въ которой солдаты разныхъ
 «полковъ были чужды одинъ другому. Чтобы
 «собраться и распутаться, намъ надлежало ос-
 «тановиться дней на восемь въ укрѣпленномъ
 «лагерѣ, снабженномъ огромными магазинами.

«Въ Смоленскѣ этого нельзя было сдѣлать, и
 «мы должны были погибнуть, потому что отту-
 «да до Вислы не было уже мѣста, довольно без-
 «опаснаго для пристанища, а у Вислы армія
 «уже не существовала..... Я прибылъ въ Смо-
 «ленскъ 28 октября с. ст. Вся армія собралась
 «1 ноября: она во всемъ нуждалась. Спѣша къ
 «Смоленску, какъ къ землѣ обѣтованной, какъ
 «къ предѣлу своего злополучія, и что она об-
 «рѣла тамъ? Обрушенные дома, заваленные
 «больными, умирающими, и пустые магазины!
 «Двухмѣсячное пребываніе корпуса маршала
 «Виктора вокругъ города, гарнизонъ, пятнад-
 «цать тысячъ больныхъ и раненыхъ, и прохо-
 «дившія команды издерживали въ сутки по
 «60,000 раціоновъ.

«Армія вступила въ Смоленскъ толпами и
 «непохожая на себя: *трехдневная вовсе не чрез-*
 «*вычайная стужа* достаточна была, чтобы ее
 «частію разстроить.»

Въ примѣчаніи сказано: «Стужа во время
 «кампаніи въ Голландіи въ 1795 году и въ эй-
 «лаускую кампанію въ 1807 году была сильнѣе
 «той, которая продолжалась отъ Москвы до Бе-
 «резины. Но въ этихъ двухъ кампаніяхъ вой-
 «ска получали пищу, вино и водку, и не каждыя
 «сутки, какъ въ послѣдней кампаніи, кочевали
 «голодными съ увѣренностью, что завтра бу-
 «детъ хуже.

«Такъ какъ уже извѣстно, что стужа до Бе-
 «резины была умѣреннѣе, а при всемъ томъ,
 «по прибытіи къ берегамъ этой рѣки у насъ

«осталось не болѣе пятидесяти тысячъ чело-
«вѣкъ изъ трехъ сотъ тысячъ, которыя я при-
«велъ на берега Двины и въ Москву, то должны
«быть другія причины столь ужасному злополу-
«чію.

«Не въ пользу мою дѣйствуютъ тѣ, которые
«порочатъ моихъ противниковъ и унижаютъ
«ихъ подвиги. Они вмѣстѣ съ тѣмъ унижаютъ
«и мою славу, и славу французской арміи, со-
«стоящую въ преодолѣніи преградъ неожидан-
«ныхъ. Какъ бы то ни было, никто не похи-
«титъ у Русскихъ того, что, не взирая на раз-
«рывъ ихъ линіи при первомъ шагѣ моего
«вторженія, они умѣли избѣгнуть пораженія и
«отступитъ тысячу двѣсти верстъ, сохранивъ
«всѣ тяжести и не оставивъ намъ ни одной
«трофеи. Еслибъ мы творили одни чудеса, а не-
«пріятеля наши одни ошибки, то какъ Барклай
«и Багратіонъ, выступившіе одинъ изъ Дриссы,
«другой изъ Слонима, и отдѣленные одинъ отъ
«другаго тремя стами тысячами моего войска,—
«какъ могли бы они соединиться наперекоръ
«моему старанію не давать имъ соединиться?
«Какъ Витгенштейнъ, начальствовавшій корпу-
«сомъ вполонину малочисленнѣе трехъ корпу-
«совъ, дѣйствовавшихъ противъ него, могъ бы
«сохранить угрожательную осанку въ теченіе
«всей кампаніи? Не менѣе сверхъестественно бы-
«ло бы и то, чтобъ, при непрестанныхъ прома-
«хахъ, армія, разстроенная подъ Бородинымъ,
«могла явиться въ назначенный часъ подъ Крас-
«нымъ, и схватиться грудь съ грудью съ на-

«шею армією, какъ это и случилось. Наконецъ, «могъ ли непріятель, если бы онъ не обладалъ «ни военными качествами, ни дарованіями, и «при началѣ кампаніи раздѣленный и раздро- «бленный на части, — могъ ли бы онъ сообра- «зить и исполнить наступательное соединеніе «обѣихъ крыль и середины арміи своей при «Березинѣ, и къ самой рѣшительной эпохѣ при- «вести изъ Финляндіи и отъ Прута войска, «долженствовавшія оспаривать намъ переправу?

«Безъ сомнѣнія, ему вспомоществовали об- «стоятельства, а противъ меня возстало все то, «что ему благоприятствовало; но надо быть че- «резмѣру ненавистливымъ, черезмѣру неспра- «ведливымъ, чтобы порицать то, что достойно «похвалъ и подражанія.

«Конечно, Русскіе дѣйствовали не безъ оши- «бокъ. Главнѣйшія суть: начальное размѣще- «ніе силъ на границѣ, направленіе къ Дриссѣ, «и образъ отступленія отъ Смоленска; дознано «также, что Кутузовъ могъ бы сдѣлать болѣе «того, что онъ сдѣлалъ, и будь я на его мѣстѣ, «я бъ вѣрно не упустилъ случая истребить ар- «мію, возвращавшуюся изъ Москвы; но, не «смотря на излишнюю его осторожность, дол- «жно признаться, что онъ далъ искусное на- «правление движеніямъ своей арміи....

«Смѣшно увѣрять, будто Русскіе совершенно «были чужды въ нашемъ злополучіи: правда, «злополучію этому причиною не генеральныя «сраженія, выигранныя у насъ нашими против- «никами, — но какъ не согласиться въ томъ,

«что ему способствовал пламенное рвеніе ар-
«міи, правительства, народа и генераловъ, озна-
«менованное особенно во второй части кам-
«паніи? Высокопарныя ругательства могутъ
«имѣть временное вліяніе на чернь и людей
«немыслящихъ: истина господствуетъ надъ
«вѣками!»

Заключимъ выписки эти извлеченіемъ изъ
изустнаго сочиненія сиръ Вальтера-Скотта: *

«Причины такого ужаснаго событія были въ
«ложныхъ расчетахъ, которые зародились при
«первыхъ мысляхъ объ этомъ предпріятіи и
«сдѣлались очевидными при первомъ шагѣ къ
«приведенію ихъ въ дѣйствіе. Мы знаемъ, что
«такой способъ смотрѣть на предметъ не во
«вкусѣ обожателей Наполеона. Вѣря безусловно
«словамъ, которыя самъ онъ разсѣялъ, они
«считаютъ, что ихъ герой ничѣмъ не могъ
«быть побѣжденъ, развѣ однѣми только стихія-
«ми. Объ этомъ объявлено и въ двадцать девя-
«томъ бюллетенѣ: «До 25 октября с. ст., гово-
«рятъ тамъ, успѣхи его были одинаковы, но вы-
«павшій тогда сильъ въ шесть дней разстроилъ
«духъ его арміи, отнялъ мужество у солдатъ его
«и, ободривъ презрительныхъ казаковъ, лишилъ
«Французовъ артиллеріи, фуража и кавалеріи,
«и повергъ ихъ, хотя Русскіе мало тому спо-
«собствовали; въ то жалкое положеніе, въ ка-
«комъ они вступили въ Польшу. Наполеонъ

* Vie de Napoléon Bonaparte, par Sir Walter Scott. To-
me IV.

«никогда не выходилъ изъ этого увѣренія, и
«оно — одинъ изъ тѣхъ пунктовъ, отъ кото-
«рыхъ восторженные его обожатели отступа-
«ютъ съ крайнимъ нехотѣніемъ. Но прежде,
«нежели согласиться съ ихъ мнѣніемъ, надоб-
«но рѣшить три вопроса: 1. Обыкновенное па-
«деніе снѣга, или походъ черезъ страну, покры-
«тую снѣгомъ, должны ли непременно сами по
«себѣ причинить всѣ тѣ бѣдствія, которыя
«Французы имъ приписываютъ? 2. Возмож-
«ность такого происшествія не должна ли была
«входить въ расчеты Наполеона? 3. Паденіе ли
«снѣга, какъ бы впрочемъ оно чрезмѣрно ни
«было, причиною разстройства арміи Бонапар-
«те, или не дѣйствіе ли климата благоприят-
«ствовало скорѣйшему развитію многихъ дру-
«гихъ причинъ ея гибели, — причинъ, нераз-
«лучныхъ съ этимъ походомъ при самомъ его
«зарожденіи и уже дѣйствовавшихъ прежде же-
«стокости зимы?»

«Безполезно распространяться на счетъ пер-
«ваго вопроса. Паденіе снѣга, сопровождаемое
«сильнымъ морозомъ, недостаточно само собою
«для того, чтобы разрушить до основанія от-
«ступающую армію. Безъ сомнѣнія, въ этомъ
«случаѣ солдаты самые слабые должны погиб-
«нуть; но цѣлой арміи удобнѣе производить дви-
«женія зимою, нежели въ дождливую погоду.»

Тутъ знаменитый авторъ представляетъ нѣ-
«которыя удобства для военнаго дѣйствія зи-
«мою, вознаграждающія до нѣкоторой степени
«нужды, причиняемыя суровостію времени.

«**Перейдемъ во второму вопросу. Если морозъ и снѣгъ въ Россіи суть бѣдствія непреодоли-**
 «**мыя, властныя уничтожать цѣлыя арміи, то**
 «**какъ же эти обстоятельства не вошли въ раз-**
 «**счета генерала, столь знаменитаго, замышляв-**
 «**шаго предпріятіе столь огромное? Развѣ въ Рос-**
 «**сіи никогда неидеть снѣгъ? Развѣ морозы въ**
 «**ноябрѣ мѣсяцѣ тамъ рѣдкое явленіе? Говорятъ,**
 «**что морозы начались ранѣе обыкновеннаго:**
 «**мы увѣрены, что это оправданіе не имѣеть ни-**
 «**какого основанія; но во всякомъ случаѣ вели-**
 «**чайшее безразсудство подвергать сохраненію**
 «**цѣлости всей арміи, — арміи столь многочис-**
 «**ленной и употребленной на такое важное пред-**
 «**пріятіе, — зависимости отъ мороза, могущаго**
 «**случиться нѣсколькими днями ранѣе или позд-**
 «**нѣе.**»

«**Дѣло въ томъ, что Наполеонъ предвидѣлъ,**
 «**что въ октябрѣ настанетъ стужа, такъ, какъ**
 «**онъ въ юлѣ предвидѣлъ необходимость со-**
 «**братъ съѣстныхъ припасы, достаточные для**
 «**продовольствія своей арміи; но, увлеченный**
 «**нетерпѣливостію, онъ ни въ томъ, ни въ дру-**
 «**гомъ случаѣ не принялъ мѣръ для преодоленія**
 «**ни голода, ни стужи, которые предвидѣлъ.**
 «**Въ двадцатомъ второмъ бюллетенѣ сказано:**
 «**Можно ожидать, что Москва-рѣка и прочія**
 «**рѣки въ Россіи замерзнутъ въ половинѣ ноября.**»
 «**Это должно было приготовить императора къ**
 «**снѣгу и къ началу морозовъ пятью или шестью**
 «**днями ранѣе.**»

«**Въ двадцатомъ шестомъ бюллетенѣ признана**

«необходимость зимнихъ квартиръ, и импера-
«торъ представлень съ видомъ самодовольствія
«осматривающимъ вокругъ себя, гдѣ бы ему
«избрать квартиры, на югѣ ли Россіи, или въ
«пріязненныхъ владѣніяхъ Польши. *Время*
«прекрасное, говоритъ бюлетень, но должно
«ожидать холода въ первыхъ числахъ ноября,
«и следовательно должно заботиться о зимнихъ
«квартирахъ: особенно кавалерія имѣетъ въ нихъ
«нужду. Невозможно, чтобы тотъ, передъ гла-
«зами котораго составлялись эти бюлетени,
«или тотъ, кто составлялъ ихъ, самъ былъ
«изумленъ выпадеіемъ снѣга 6 ноября: это
«такое событіе, вѣроятность котораго была
«предвидѣна, но противъ котораго не взято
«было предосторожностей».....

Далѣе говоритъ авторъ о забытіи началь-
ствомъ велѣть перековать лошадей и запастись
подковами.

«Въ-третьихъ, хотя безъ сомнѣнія суровость
«погоды значительно умножала бѣдствія и по-
«тери арміи, имѣвшей недостатокъ въ сѣст-
«ныхъ припасахъ, въ одеждѣ и подвергавшей-
«ся всякаго рода нуждамъ, однако жъ она не
«была первою и ни съ какой точки зрѣнія
«главнѣйшею причиною этихъ бѣдствій. Чита-
«тель долженъ припомнить походъ черезъ Лит-
«ву: Наполеонъ, не бывъ пораженъ ни разу,
«потерялъ десять тысячъ лошадей и около ста
«тысячъ людей уже тогда, когда онъ проходилъ
«страною дружелюбною. Развѣ эта потеря, слу-
«чавшаяся въ іюнѣ и въ іюлѣ, была причинена

«**ранимъ сибгомъ, какимъ называютъ сибгъ,**
 «**выпавшій 6 ноября? Совсѣмъ нѣтъ:** причину
 «этому находятъ, какъ говоритъ бюллетень, въ
 «неизвѣстности, въ томленіи, въ маршахъ и
 «контръ-маршахъ войскъ, въ ихъ усталости,
 «въ претерпѣннѣи нуждъ, словомъ въ этой си-
 «стемѣ усиленныхъ переходовъ, которая впро-
 «чемъ не доставила Наполеону ни какой суще-
 «ственной выгоды, — системѣ, всегда стоившей
 «ему около четвертой части арміи, прежде не-
 «жели она доводила ее до какого-нибудь сраже-
 «нія.* Если предположимъ, что онъ оставилъ
 «на обонхъ флангахъ и позади себя силу изо-
 «ста двадцати тысячъ человѣкъ, подъ коман-
 «дою Макдональда, Шварценберга, Удино и
 «другихъ военачальниковъ, то онъ началъ на-
 «стоящее шествіе на Россію съ двумя стами
 «тысячами. Половина этой значительной силы
 «погибла прежде прибытія его въ Москву, въ
 «которую онъ вступилъ съ сотнею тысячъ че-
 «ловѣкъ. Усталость погубила множество, битвы
 «и госпитали поглотили остальныхъ. Наконецъ
 «Наполеонъ покидаетъ Москву 7 октября какъ
 «городъ, гдѣ ему нельзя уже было оставаться,
 «хотя выходъ оттуда, какъ онъ предвидѣлъ,
 «былъ сопряженъ съ значительными затрудне-
 «ніями. Тогда находилось подъ его началь-
 «ствомъ около ста двадцати тысячъ человѣкъ.
 «Армія его умножена была до этого числа при-
 «соединеніемъ къ ней выздоровѣвшихъ бродягъ

* Мнѣніе совершенно ложное. Соч.

«и командъ, прибѣвшихъ изъ резервовъ. Онъ
 «далъ сраженіе бесполезное, хотя и съ честію
 «выдержанное, при Малоярославцѣ; не успѣлъ
 «пробить себѣ дороги къ Калугѣ и Тулѣ, и при-
 «нужденъ былъ бѣжать черезъ Бородино по
 «разграбленной и опустошенной смоленской до-
 «рогѣ. На этомъ пути онъ далъ сраженіе подъ
 «Вязмою, въ которомъ потеря Французовъ
 «была весьма значительна; его колонны были
 «безпрестанно тревожимы казаками, и онъ ли-
 «шился многихъ тысячъ плѣнными. Два сра-
 «женія, столь кровопролитныя, не считая при-
 «томъ разбитія Мюрата и безпрестанно возобнов-
 «ляемыхъ стычекъ, стоили Французамъ, уби-
 «тыми и ранеными, — потому что каждый ране-
 «нный былъ уже погибшимъ для Наполеона, —
 «по крайней мѣрѣ двадцати пяти тысячъ чело-
 «вѣкъ. Наконецъ наступило 25 октября. До
 «того дня еще не видали клокъ снѣгу, который
 «въ самомъ дѣлѣ пошелъ тогда уже, когда На-
 «полеонъ испыталъ бѣдствій, бѣдствій,
 «потому что въ то время фланги его и резервъ
 «выдержали уже жестокія сраженія и понесли
 «большіе уроны, не получивъ никакой суще-
 «ственной выгоды. Такимъ образомъ почти три
 «четверти арміи, которую онъ привелъ въ Рос-
 «сію, были разрушены, а оставшая четвертая
 «часть была приведена въ жалкій безпорядокъ
 «еще до выпаденія снѣга, которому онъ потомъ
 «заблагоразсудилъ приписать неудачу свою....»
 «Конечно, когда наступила чрезмѣрная стужа,
 «тогда нужды и потери французской арміи

«еще уменьшились; но зима была только союзницею русскихъ, а не, какъ тогда думали, единственною ихъ защитницею: отступление Наполеоновой арміи совершилось подъ остріями казачьихъ пикъ прежде, нежели морозы съвѣра понудили ее къ отступленію.»

Изъ всѣхъ этихъ выписокъ можно заключить слѣдующее:

Непріятельская армія, выступивъ изъ Москвы 7 октября с. ст., шла *хорошею погодою*, по словамъ г-на Шамбре и г-на Жомини, до 28 октября, то есть, двадцать одинъ сутки, а по словамъ Гурго до 25 октября, то есть, восемнадцать сутокъ. Но отъ этого числа армія въ течение трехъ сутокъ, по словамъ Шамбре, Жомини и самого Наполеона, или въ течение пяти сутокъ по словамъ Гурго, *перетерпѣла стужу*, которая, по термометрическому наблюденію Шамбре, простиралась отъ 12 до 17 градусовъ, а по словамъ Жомини отъ 3 до 8 градусовъ. Далѣе, всѣ писатели соглашаются уже въ томъ, что во время переходовъ французской арміи отъ Смоленска до Орши стужа весьма уменьшилась, и если позволено мнѣ прибѣгнуть къ моей собственной памяти, то смѣло могу увѣрить, что тогда морозы простирались отъ 2 до 4 градусовъ. Наконецъ Шамбре, Гурго и Жомини соглашаются въ томъ, что отъ Орши до Березина продолжалась оттепель. Послѣдній упоминаетъ даже объ опасности, представившейся при переправѣ че-

рѣзъ Днѣпръ подъ Оршею 8 ноября, а мы помнимъ, что, при переходѣ черезъ эту рѣку корпуса Мюа при Гусиновъ, большая часть его тяжестей и нѣкоторая часть войска этого отряда обрушились подъ ледъ и погибли.

И такъ, во все время шествія французской арміи отъ Москвы до Березина, то есть, въ теченіе двадцати шести дней, стужа, *хотя и не чрезвычайная* (отъ 12 до 17 градусовъ), продолжалась не болѣе трехъ сутокъ по словамъ Шамбре, Жюинни и Наполеона, или пяти сутокъ по словамъ Гурго.

Между тѣмъ французская армія при выступленіи своемъ изъ Москвы состояла, по списку французскаго главнаго штаба, отбитому нами во время преслѣдованія, изъ 110,000 человекъ свѣжаго войска, а по словамъ всѣхъ историковъ кампаніи, представляла только 45,000 по прибытіи своемъ къ берегамъ Березина. Какъ же подумать, чтобы ста-десяти-тысячная армія могла лишиться шестидесяти пяти тысячъ человекъ единственно отъ трехъ или пяти-суточныхъ морозовъ, тогда, какъ гораздо сильнѣйшіе морозы въ 1795 году въ Голландіи, въ 1807 во время эйлауской кампаніи, продолжавшейся около двухъ мѣсяцевъ сряду, и въ 1808 въ Испаніи среди Кастильскихъ горъ въ теченіе всей зимней кампаніи, скользили, такъ сказать, по поверхности французской арміи, не проникая въ средину ея, и отстали отъ ней, не разрушивъ ни ея единства, ни устройства?

Все это приводитъ насъ къ тому увѣренію,

что не стужа, а другое обстоятельство причиною разрушенія гигантскаго ополченія.

Читая представленныя мною выписки, можно ясно видѣть согласіе всѣхъ историковъ кампаніи насчетъ причинъ событія. Они полагаютъ, что эти причины состоятъ, во-первыхъ, въ голодъ, претерпѣнномъ французскою арміею; во-вторыхъ, въ непрерывныхъ усиленныхъ переходахъ, и въ-третьихъ, въ кочевьѣ подъ открытымъ небомъ.

Соглашаясь отчасти съ ними, я предлагаю вопросъ: что обыкновенно производитъ голодъ въ арміяхъ? Дѣйствованіе или шествіе армій по бесплодному или опустошенному краю, безъ обозовъ, наполненныхъ съѣстными припасами, или, какъ технически ихъ называютъ, безъ подвижныхъ магазиновъ.

Казалось, что это двойное несчастіе не должно было угрожать французской арміи, потому что, при выступленіи ея изъ Москвы, она, по словамъ самого Наполеона, несла на себѣ и везла съ собою на двадцать дней провіанта. * Сверхъ того, какъ всѣмъ извѣстно, она имѣла намѣреніе и направляла всѣ усилія, чтобы, прибывъ прежде насъ черезъ Малоарославецъ въ Калугу, идти оттуда на Юхновъ и Рославль къ Дибпру по краю невредимому и изобилующему съѣстными припасами, и быть преслѣдуемой нашею арміею съ тылу, а не съ боку, какъ это случилось.

* Mémoires pour servir à l'histoire de France, par Napoléon, publiée par Montholon, tome II, page 113.

Такимъ образомъ французская армія никогда бы не имѣла недостатка въ пицѣ; переходы ея могли бѣ быть производимы безъ поспѣшности, потому что никто не угрожалъ бы пресѣченіемъ пути ея отступленія, и производимы подѣ прикрытіемъ сильнаго арріергарда, котораго войска смѣнялись бы черезъ каждые нѣсколько дней свѣжими отрядами; она была бы въ возможности безпрепятственно располагать на квартиры, если не всѣ свои корпуса, по крайней мѣрѣ большую часть ихъ, и это доставило бы покой ея войскамъ на ночлегахъ и укрыло бы ихъ отъ стужи. Малаго недоставало, чтобы не удалось это предпріятіе. Уже снабженная, какъ я выше сказалъ, на двадцать дней провіантомъ, обогнувъ потаенно оконечность лѣваго фланга нашей арміи, занимавшей тарутинскую позицію, французская армія почти касалась до той точки, отъ которой можно было ей отступать въ довольствіи всего и никѣмъ не тревожимой. Вдругъ партизанъ Сеславинъ выхватываетъ солдата изъ колоннъ главной французской арміи, даетъ о томъ знать Ермолову, начальнику главнаго штаба 1-й арміи, находившемуся тогда съ корпусомъ Дохтурова въ Аристовѣ; тотъ немедленно извѣщаетъ Кутузова, и самъ спѣшитъ занять Малоярославецъ до его прибытія; Кутузовъ съ своей арміею летитъ отъ Тарутина туда же, и заслоняетъ Наполеону калужскій путь, отбиваетъ его отъ избытка края, по которому онъ намѣревался слѣдовать, и принуждаетъ его предпринять отступление по

пути опустошенному. Еще при французской арміи находилось на двадцать дней пищи, но и это вспомогательное средство вскорѣ исчезаетъ. Кутузовъ бросаетъ вслѣдъ за нею всю свою легкую конницу, и въ трое сутокъ не остается у непріятели ни одной подводы съ провіантомъ. Наконецъ представляется послѣдній способъ къ прокормленію этой арміи: въ нѣкоторомъ разстояніи отъ опустошеннаго пути, по которому прошла она лѣтомъ, находились еще деревни, не совершенно ограбленныя; онѣ могли бы снабдить ее хоть малымъ количествомъ пищи. Но и на фуражированіе въ этихъ деревняхъ нельзя было ей рѣшиться съ тѣхъ поръ, какъ многочисленная легкая конница наша окружила ее своими толпами, истребляя все, что осмѣливалось отдѣляться на одинъ шагъ отъ большой дороги. И вотъ французская армія идетъ по опустошенному пути, безъ обозовъ, наполненныхъ пищею, и не смѣетъ посылать фуражировъ въ придорожныя деревни. Что жъ этому причиною? Точка, избранная для лагера при Тарутиѣ; заслоненіе калужской дороги при Малоярославцѣ; отстраненіе непріятельской арміи отъ края, изобилующаго съѣстными припасами; принужденіе его идти по смоленскому разоренному пути; взятіе легкою конницею нашею непріятельскихъ обозовъ съ пищею; окруженіе ею французскихъ колоннъ отъ Малоярославца до Нѣмана, не позволявшее ни одному солдату отлучаться отъ большой дороги для отысканія себѣ пищи и приюта.

Въ такомъ положеніи Наполеону необходимо было спѣшить къ магазинамъ своимъ въ Литвѣ: но какъ спѣшить съ войскомъ, которому нечѣмъ подкрѣпить себя послѣ каждаго перехода, и которое слѣдственно становится съ каждымъ днемъ неспособнѣе къ физическимъ усиліямъ? Какъ было, между тѣмъ, и медлить для отдохновенія, или употреблять короткіе переходы? Отдохновенія, какъ бы ни были продолжительны, переходы какъ бы ни были коротки, не въ состояніи, безъ пищи, подкрѣплять сами собою челоуѣка голоднаго! Къ тому жъ, вотъ гдѣ оказывается превосходство фланговаго марша Кутузова: чѣмъ продолжительнѣе были бы Наполеоновы привалы и стоянки, чѣмъ переходы были бы короче, словомъ, чѣмъ медленнѣе происходило бы движеніе его до Литвы, тѣмъ Кутузовъ, слѣдуя съ своею арміею параллельно французской арміи по краю изобильному и никѣмъ еще неприкосновенному, по которому въ началѣ намѣревался слѣдовать Наполеонъ, болѣе и болѣе опережалъ бы его, болѣе и болѣе угрожалъ бы заслоненіемъ единственнаго пути отступленія, — смоленской дороги. И такъ непрерывные переходы, которые, по словамъ иностранныхъ писателей, были, не менѣе голода, причиною гибели Французовъ, произошли отъ той же причины, отъ которой и голодъ, съ прибавленіемъ къ ней еще фланговаго марша Кутузова, грозившаго заслонить имъ путь отступленія. Что касается до кочевій подъ откры-

тымъ небомъ, то и они—слѣдствіе общей причины, произведшей и голодъ, и непрерывные переходы: путь, по которому противъ воли своей должна была слѣдовать французская армія, разоренный отчасти войсками нашими во время нашего отступленія лѣтомъ и окончательно опустошенный непріателемъ, насъ преслѣдовавшимъ, не представлялъ ни избы, ни сараи для пріюта; а непрерывный надзоръ и наѣзды легкой конницы нашей и поспѣшность, необходимая для достиженія края, болѣе изобилующаго съѣстными припасами, не позволяли Французамъ ни отдѣлять малыя части войскъ за черту большой дороги для отысканія себѣ пріюта, ни отстранять большой громады войскъ отъ прямого пути, чтобъ не увеличить окружными путями разстоянія, отдѣляющаго армію отъ избранной ею мѣты.

Словомъ, подведя къ одному знаменателю всѣ три причины гибели французской арміи, мы видимъ, что гибель протекла, какъ я выше сказалъ, изъ отстраненія непріятельскихъ силъ Кутузовымъ отъ изобильнаго края, по которому хотѣли онѣ слѣдовать; отъ обращенія ихъ на путь опустошенный; отъ успешнаго дѣйствія легкой нашей конницы, отнявшей у ней обозы съ пищею и не позволявшей ни одному солдату уклоняться съ большой дороги для отысканія пищи и убѣжища; наконецъ отъ фланговаго марша нашей арміи, который угрожалъ Наполеону пресѣченіемъ единственнаго пути отступленія.

Но неужели можно ограничить гибель французской арміи этими причинами? Если бы было такъ, ни одно ружье, ни одна пушка въ русской арміи не закоптилась бы порохоми; ни одинъ штыкъ, ни одна сабля, ни одна пика, не облились бы кровію непріятельской, — а мы помнимъ кровопролитныя битвы подъ Тарутинымъ 6 октября, подъ Малоярославцемъ 12 октября, подъ Вязмою 23 октября и подъ Краснымъ 5 и 6 ноября, не говоря уже о каждодневныхъ сшибкахъ непріятеля съ отдельными отрядами и даже съ корпусами нашими.

Соединивъ три приведенныя причины со всеми этими битвами, мы можемъ подвести приблизительный итогъ урона французской арміи, согласить наши исчисления съ показаніями историковъ кампаніи и насчетъ количества непріятельскихъ силъ, погибшихъ во время отступленія отъ Москвы до Березина; и насчетъ того числа, которое прибыло къ берегамъ этой рѣки, и тѣмъ заключить разсужденіе.

Вальтеръ-Скоттъ полагаетъ, что уронъ французской арміи въ сраженіяхъ при Малоярославцѣ и при Вязмѣ простирался до 25,000 человекъ: это чрезмѣрно! Я считаю, что это число тогда только будетъ вѣрно, когда мы къ двумъ сраженіямъ, при Вязмѣ и Малоярославцѣ, присоединимъ сраженіе при Тарутинѣ, сшибку Платова при Колоцкомъ монастырѣ и другія частныя битвы, случившіяся до Смоленска.

Потомъ, по спискамъ пѣнныхъ, которые взяты были подъ Краснымъ, — спискамъ, со-

ставленнымъ при отпращиваніи нѣмѣцкихъ въ нѣдра Россіи, — мы видимъ, что число ихъ состояло въ 21,170 нижнихъ чинахъ и 300 офицерахъ.

Наконецъ, полагая слишкомъ 18,000 человекъ, — что весьма умеренно, — взятыхъ и убитыхъ легкою конницею, взятыхъ и убитыхъ крестьянами, замерзшихъ и погибшихъ на поляхъ сраженій отъ Смоленска до Березина, мы удостовѣримся, что французская главная армія дѣйствительно подошла къ Березину въ числѣ 45,000 человекъ, и что изъ 110,000, выступившихъ изъ Москвы, пропало 65,000 человекъ, *но не отъ одной стужи*, какъ стараются въ томъ увѣрить насъ неволькіе приверженцы Наполеона или вѣчные хулители славы російскаго оружія, а посредствомъ, — что, кажется, я достаточно доказала, — глубокихъ соображеній Кутузова, мужества и трудовъ днѣйныхъ войскъ нашихъ, неусмысленности и отлагчи легкой нашей конницы. Вотъ истинная причина гибели непріятельской арміи! Ничто другое. Все прочее есть выдумка, соображенная не безъ искусства, потому что ея изобрѣтатели знали что дѣлаютъ, смѣшивая двѣ эпохи отступленія, столь рѣзко различествующія между собою. И подлинно, общее выраженіе — «армія Наполеоновская погибла отъ стужи и мороза», это выраженіе, сливающее въ одно и эпоху ея отступленія отъ Москвы до Березина, и эпоху отступленія отъ Березина до Нѣмана, самымъ смѣшеніемъ двухъ эпохъ сокрываетъ истину,

облекаетъ ее неоспоримымъ фактомъ, — *стужею и морозомъ*, въ нѣкоторомъ отношеніи не чуждымъ истребленію французской арміи. Вниманіе слушателей и читателей, легко привлекаясь къ этому факту, ощутительнѣйшему и слѣдовательно болѣе постигаемому общимъ понятіемъ, чѣмъ фактъ отвлеченный, состоящій въ соображеніяхъ и въ разборѣ движеній военныхъ, прилѣпляется къ нему всею силою убѣдительности, не требующей размышленія. Но чтобы извлечь истину изъ этого сложнаго состава, слѣдуетъ только, отдѣливъ одну эпоху отъ другой, прибѣгнуть къ вопросу о времени наступленія губительнаго феномена природы, — наступило ли оно въ первую или во вторую эпоху отступленія непріятели, или свирѣпствовало оно въ обѣ эпохи?

Доказано уже, что въ теченіе двадцати шести дней, составляющихъ первую эпоху, морозъ отъ 12 до 17 градусовъ продолжался не болѣе *трехъ* или *пяти* сутокъ, а во второй, морозъ достигъ отъ 20 до 21 градусовъ и продолжался двадцать одинъ день почти безпрерывно.

Такъ въ первой эпохѣ, вліяніе холода было весьма слабо на непріятельскую армію, — во второй — истинно для нея губительно.

Но дѣло въ томъ, что уже въ концѣ первой эпохи, то есть, у береговъ Березина, непріятельской арміи не существовало: я говорю объ арміи въ смыслѣ военномъ, объ арміи вооруженной, устроенной, твердой чинопослушаніемъ, и слѣдственно способной къ стройнымъ

движеніямъ и битвамъ. Единая часть ея, еще находившаяся въ этомъ положеніи, состояла изъ корпусовъ маршаловъ Удино и Виктора, пришедшихъ отъ Полоцка, совершившихъ свой переходъ въ одно время съ главною арміею, которая бѣжала отъ Москвы къ Березину, подобно ей перенесшихъ трехъ или пяти-суточный морозъ и нисколько не потерявшей отъ этого ни своего устройства ни числительной силы, — потому что причины, разрушившія и устройство и числительную силу главной арміи, не существовали при отступленіи корпусовъ Удино и Виктора. Когда подошла вторая эпоха, то есть, когда все эти войска перешли за Березина и настала смертоносная стужа, тогда, какъ я сказалъ, арміи, въ смыслѣ военномъ, уже не существовало, и ужасное явленіе природы губило уже не армію, способную маневрировать и сражаться, а одну сволочь, толпы людей, скитавшихся безъ начальства, безъ послушанія, безъ устройства, даже безъ оружія, — или губило армію, приведенную въ такое положеніе не стужею и морозами, а причинами, которыя здѣсь представлены.

И на все сказанное мною не опасаясь возраженій, — вызываю ихъ: бросаю перчатку: подымай, кто хочетъ!

ПРИБАВЛЕНІЕ.

По поводу этой статьи, напечатанной уже въ журналѣ *Библиотека для Чтенія*, г-нъ редакторъ этого журнала пригласилъ любителей Отечественной Исторіи прибѣгнуть къ архиву бывшаго виленскаго университета, для отысканія точныхъ свѣдѣній о состояніи воздуха во второй половинѣ 1812 года изъ вѣдомостей, представленныхъ гимназіями тѣхъ губерній, чрезъ которыя Наполеонъ совершалъ свое отступленіе. Виленская астрономическая обсерваторія доставила ему изъ метеорологическихъ книгъ все, что касается до состоянія Реомюрова термометра въ Вильнѣ, съ 1-го августа по 31-е декабря того года; но ни въ архивѣ университета, ни на обсерваторіи не отыскалось ничего о термометрическихъ наблюденіяхъ въ другихъ губерніяхъ, по причинѣ разстройства учебныхъ заведеній грозой военной. Какъ ни мало удовлетворительны доставленные въ *Библиотеку для Чтенія* документы, представляющіе состояніе температуры въ одной только Вильнѣ, которой географическая широта южнѣе смоленской 6, а оршенской 11 минутами, и которой долгота простирается отъ 6 до 7 градусовъ къ востоку, при всемъ томъ можно ясно видѣть,

	Широта.			Долгота отъ Ферро.		
• Вильно	54°	41'	2"	. . .	42°	57' 23"
Смоленскъ	54	47	13	. . .	49	43
Орша	54	30	22	. . .	48	3

что до 23 ноября, какъ въ Виднѣ, такъ и въ Вязьмѣ и въ Смоленскѣ, положеніе воздуха не доходило до той смертоносной стужи, о какой чужеземцы стараются разглашать по всему свѣту.

Чтобы дополнить возраженія мои на молву, болѣе и болѣе временемъ укореняющуюся, я представляю здѣсь выписку изъ виленской вѣдомости. Въ этой выпискѣ означены измѣненія высотъ Реомюрова термометра въ Вильнѣ, со дня отступленія французской арміи изъ Малоярославца до совершенія переправы ее черезъ Березина. Я далѣе не выписываю потому, что, какъ я уже сказалъ, за Березино французской арміи, въ смыслѣ военномъ, уже не существовало.

й.

Виленской Общ. Полкона.		Показание Жомини и Коха.
	числ.	
Октября	15	
—	16	
—	17	
—	18	
—	19	
—	20	
—	21	
—	22	
—	23	
—	24	
—	25	
—	26	
—	27	
—	28	
—	29
—	30	Самая жестокая стужа продолжалась отъ 28 октября до 1-го ноября. Кохъ.
—	31	
Ноября	1	орошей по-
—	2	совершила
—	3	твъ свое от-
—	4	
—	5	
—	6	
—	7	
—	8	
—	9
—	10	8-го числа наступила оттепель. Жомини.
—	11	
—	12	
—	13	
—	14	
—	15	
—	16	

Къ стр. 282.

STATE OF NEW YORK

No.	Name	Residence	Profession
1	John A. Smith	New York	Lawyer
2	James B. Jones	New York	Physician
3	William C. Brown	New York	Merchant
4	Robert D. White	New York	Engineer
5	Thomas E. Green	New York	Teacher
6	Charles F. Black	New York	Farmer
7	Henry G. Gray	New York	Artist
8	George H. White	New York	Writer
9	Edward J. Black	New York	Musician
10	Franklin K. Green	New York	Scientist
11	Richard L. White	New York	Historian
12	Joseph M. Black	New York	Philosopher
13	Samuel N. Green	New York	Religious Leader
14	David O. White	New York	Politician
15	Benjamin P. Black	New York	Businessman
16	John Q. Green	New York	Journalist
17	Robert R. White	New York	Actor
18	Thomas S. Black	New York	Composer
19	Charles T. Green	New York	Painter
20	William U. White	New York	Architect
21	James V. Black	New York	Designer
22	Richard W. Green	New York	Manufacturer
23	George X. White	New York	Retailer
24	Edward Y. Black	New York	Wholesaler
25	Franklin Z. Green	New York	Banker
26	Richard AA. White	New York	Investor
27	Joseph AB. Black	New York	Entrepreneur
28	Samuel AC. Green	New York	Real Estate
29	David AD. White	New York	Insurance
30	Benjamin AE. Black	New York	Transportation
31	John AF. Green	New York	Communication
32	Robert AG. White	New York	Energy
33	Thomas AH. Black	New York	Technology
34	Charles AI. Green	New York	Healthcare
35	William AJ. White	New York	Education
36	James AK. Black	New York	Government
37	Richard AL. Green	New York	Defense
38	George AM. White	New York	Space
39	Edward AN. Black	New York	Environment
40	Franklin AO. Green	New York	Transportation
41	Richard AP. White	New York	Information
42	Joseph AQ. Black	New York	Media
43	Samuel AR. Green	New York	Entertainment
44	David AS. White	New York	Advertising
45	Benjamin AT. Black	New York	Marketing
46	John AU. Green	New York	Public Relations
47	Robert AV. White	New York	Event Management
48	Thomas AW. Black	New York	Project Management
49	Charles AX. Green	New York	Business Development
50	William AY. White	New York	Operations
51	James AZ. Black	New York	Logistics
52	Richard BA. Green	New York	Supply Chain
53	George BB. White	New York	Manufacturing
54	Edward BC. Black	New York	Construction
55	Franklin BD. Green	New York	Architecture
56	Richard BE. White	New York	Engineering
57	Joseph BF. Black	New York	Design
58	Samuel BG. Green	New York	Development
59	David BH. White	New York	Production
60	Benjamin BI. Black	New York	Distribution
61	John BJ. Green	New York	Retail
62	Robert BK. White	New York	Wholesale
63	Thomas BL. Black	New York	Import/Export
64	Charles BM. Green	New York	International Trade
65	William BN. White	New York	Foreign Investment
66	James BO. Black	New York	Globalization
67	Richard BP. Green	New York	Trade Agreements
68	George BQ. White	New York	Customs
69	Edward BR. Black	New York	Tariffs
70	Franklin BS. Green	New York	Trade Policy
71	Richard BT. White	New York	Trade Law
72	Joseph BU. Black	New York	Trade Disputes
73	Samuel BV. Green	New York	Trade Negotiations
74	David BW. White	New York	Trade Partnerships
75	Benjamin BX. Black	New York	Trade Alliances
76	John BY. Green	New York	Trade Blocs
77	Robert BZ. White	New York	Trade Organizations
78	Thomas CA. Black	New York	Trade Unions
79	Charles CB. Green	New York	Trade Associations
80	William CC. White	New York	Trade Chambers
81	James CD. Black	New York	Trade Institutes
82	Richard CE. Green	New York	Trade Centers
83	George CF. White	New York	Trade Hubs
84	Edward CG. Black	New York	Trade Networks
85	Franklin CH. Green	New York	Trade Corridors
86	Richard CI. White	New York	Trade Routes
87	Joseph CJ. Black	New York	Trade Ports
88	Samuel CK. Green	New York	Trade Airports
89	David CL. White	New York	Trade Seaports
90	Benjamin CM. Black	New York	Trade Landports
91	John CN. Green	New York	Trade Pipelines
92	Robert CO. White	New York	Trade Canals
93	Thomas CP. Black	New York	Trade Highways
94	Charles CQ. Green	New York	Trade Railroads
95	William CR. White	New York	Trade Airlines
96	James CS. Black	New York	Trade Shipping Lines
97	Richard CT. Green	New York	Trade Airlines
98	George CU. White	New York	Trade Shipping Lines
99	Edward CV. Black	New York	Trade Airlines
100	Franklin CW. Green	New York	Trade Shipping Lines

STATE OF NEW YORK
 COUNTY OF ...
 IN SENATE,
 JANUARY 1, 1900.
 REPORT OF THE
 COMMISSIONERS OF THE
 LAND OFFICE,
 IN ANSWER TO A
 RESOLUTION PASSED
 BY THE SENATE,
 APRIL 1, 1899.
 ALBANY: ...
 1900.

ПИСЬМО

къ

ВАЛЬТЕРЪ-СКОТТУ.

(Я былъ нѣкоторое время въ перепискѣ съ сирь Вальтеръ-Скоттомъ. Это письмо написано за нѣсколько часовъ до полученія извѣстія объ его кончинѣ, и потому осталось въ моемъ портфель. Я не имѣлъ намѣренія переводить на русскій языкъ и издавать его въ свѣтъ, еслибъ не узналъ о переводѣ на русскій же языкъ книги, на погрѣшности которой я здѣсь указываю. Такъ какъ замѣчанія мои не могутъ уже быть полезными сочинителю, то да охранять они, по крайней мѣрѣ, соотечественниковъ моихъ отъ заблужденія, въ которое невольно ввергнуть былъ этотъ знаменитый писатель ложными документами, доставленными ему отъ людей пристрастныхъ).

Милостивый Государь!

Послѣднее письмо ваше я имѣлъ честь получить вскорѣ послѣ безцѣннаго подарка, вами мнѣ присланнаго, * за который я не успѣлъ еще благодарить васъ по случаю независящихъ отъ меня обстоятельствъ. ** Я давно желалъ имѣть портретъ человѣка, такъ много мною уважаемаго и такъ побѣдительно увлекающаго вниманіе и удивленіе свѣта. Желаніе мое удовлетворено особенною вашею ко мнѣ благоклонностію, простирающеюся до сочетанія безславнаго моего имени съ вашимъ знаменитымъ именемъ. ***

Радъ очень, Милостивый Государь, что гравированный портретъ мой давно уже находится въ вашемъ кабинетѣ оружія, столь, какъ я слышу, тщательно вами собираемыхъ. Это спасаетъ меня отъ невриличія отдарить васъ изображеніемъ чертъ моей малозначущей особы и вмѣстѣ съ тѣмъ представляетъ мнѣ случай просить васъ о принятіи отъ меня курдской пикши и персидскаго кинжала, отбитыхъ отрядомъ, бывшимъ подъ моею командою, въ легкой ошибкѣ его съ персидскимъ корпусомъ войскъ недалеко отъ Эривани, и черкесскій лукъ съ колчаномъ полнымъ стрѣлъ, который удалось мнѣ приобрести въ проѣздѣ мой чрезъ кавказ-

* Портрета его.

** Пребыванія моего въ дѣйствующихъ войскахъ во время войны съ Персією въ 1826 году.

*** Подписью собственною его рукою подъ портретомъ: Walter-Scott for Denis Davidoff.

скую линію. Все это отправлено къ вамъ чрезъ англійское посольство.

Вы желаете имѣть замѣчанія мои о войнѣ 1812 года, описанной вами, Милостивый Государь, въ Исторіи жизни Наполеона. Я не безъ робости повинуюсь вашей волѣ, ибо заранѣе долженъ вамъ признаться, что ихъ будетъ не малое число, потому что документы, служившіе вамъ для составленія описанія этой войны, были, по-видимому, доставлены вамъ людьми мало основательными и подвластными пристрастію, которое неминуемо должно было, наперекоръ любви вашей къ истинѣ, отозваться и въ той части сочиненія вашего, гдѣ идетъ рѣчь о Россіи. Простите моей солдатской откровенности, но я недостойнъ былъ бы благосклоннаго вниманія вашего, еслибъ осмѣлился платить вамъ за него лицемѣріемъ, вовсе мнѣ не свойственнымъ, и преступнымъ молчаніемъ, при вашемъ невольномъ ошибочномъ описаніи нѣкоторыхъ дѣяній войскъ нашихъ и того полководца, котораго глубокими воображеніями спасено мое отечество и котораго имя для насъ Русскихъ и драгоцѣнно и священно.

Приступаю къ замѣчаніямъ.

Вы говорите, глава VII, стр. 246: *

«Турки защищались лучше, чѣмъ отъ нихъ этого ожидали, и хотя въ началѣ кампаніи судь-

Vie de Napoléon Buonoparte, par Sir Walter-Scott. Paris, imprimerie de Casson. 1827.

ба не благопріятствовала ихъ оружію, однако великій визирь одержалъ наконецъ побѣду подъ Рушукомъ или, по крайней мѣрѣ, до того разстроилъ армію російскаго генерала, что принудилъ его снять осаду этой крѣпости. Но побѣда не долго озаряла знамена побѣдителей. Вскорѣ Россіяне атаковали турецкій укрѣпленный лагерь, взяли его приступомъ и истребили до основанія армію, его защищавшую.»

Вотъ какъ было дѣло поистинѣ:

Армія наша подъ предводительствомъ Кутузова занимала позицію предъ Рушукской крѣпостью, которая еще 15 сентября предвѣдущаго года сдалася предшественнику Кутузова, гр. Каменскому, и уже съ того времени намъ принадлежала.

Великій визирь, пришедшій изъ Турлака въ укрѣпленный лагерь между Пизанцами и Калькію, рѣшился пользоваться превосходствомъ числительныхъ силъ своей арміи и атаковать Кутузова. 22 іюня (ст. м.), рано поутру, вся армія его двинулась на нашу — и бой завязался. Турецкая армія состояла изъ 60 тысячъ, русская едва имѣла 20 тысячъ человекъ, включая въ это число и казаковъ. Кутузовъ раздѣлил пѣхоту свою на девять кареевъ, построивъ ихъ въ двѣ линіи шахматнымъ порядкомъ. Третію линію составляла кавалерія.

Великій визирь направилъ пѣхотныя толпы и артиллерію свою на середину русской арміи для отвлеченія вниманія Кутузова отъ главныхъ пунктовъ атаки, и въ то же время яростно на-

паль всею конницею своею на оба фланга наши. Покушенія конницы лѣваго фланга его постоянно были отбиваемы; но конница, составлявшая его правый флангъ, прорвалась между кареевъ, опрокинула лѣвую оконечность нашей кавалеріи и, обскакавъ весь лѣвый флангъ нашъ, бурно разлилась по всему пространству виноградныхъ садовъ, находившихся между нашею арміею и крѣпостію. Минута была рѣшительная. Кутузовъ приказалъ всей кавалеріи праваго своего фланга обратиться въ лѣво и, на подпору ей выдвинувъ одно изъ пѣхотныхъ кареевъ второй линіи, устремилъ *эту громаду* на турецкую конницу, уже гарцующую подъ стѣнами крѣпости. Натискъ былъ дружный, *очертя голову* и, слѣдственно, удачный. Турки не устояли и отхлынули къ главнымъ силамъ своей арміи, которая послѣ тщетныхъ усилій, продолжавшихся пять часовъ сряду, принуждена была начать отступленіе. Кутузовъ преслѣдовалъ ее всею своею арміею десять верстъ за поле битвы. Великій визирь вступилъ въ свой укрѣпленный лагерь при Кадькью и Пизанцами. Кутузовъ къ вечеру обратно привелъ войска свои въ лагерь, занимаемый имъ прежде. Гдѣ же тутъ побѣда турецкой арміи надъ русскою?

Продолжаю:

Армія наша не снимала осады Рущука, ибо вы видѣли, что Рущукъ уже былъ въ нашихъ рукахъ съ 15 сентября предъидущаго года. При всемъ томъ Кутузовъ, не взирая на отпоръ,

сдѣланный имъ визирю, находился въ крайнемъ затрудненіи, по случаю выступившихъ уже въ Россію пяти дивизій изъ *девети*, составлявшихъ его армію. Уже былъ 1811 годъ. Дѣло шло не о завоеваніяхъ, а о собственномъ бытіи. Войска нужны были для защиты самой Россіи, угрожаемой Наполеономъ, съ которыми сношенія Двора нашего становились болѣе и болѣе непріязненными. Свѣжимъ опытомъ доказана была безопасность арміи нашей при схваткѣ, грудь съ грудью, съ турецкою арміею, — но великій визирь, опираясь на числительное превосходство силъ своихъ, въ сравненіи съ силами Кутузова, могъ безъ сраженія принудить его оставить правый берегъ Дуная. Ему стоило только, занимая ежедневно армію нашу нѣкоторою частью своихъ войскъ, двинуться главными силами или къ сторонѣ Туртукая, или Силистріи, перейти Дунай и явиться въ Валахію на сообщеніяхъ Кутузова съ Россіею. Тогда поздно было бы прибѣгать къ противодействию предупреденіемъ турецкихъ войскъ въ занятіи Валахіи. Но, при переходѣ въ область эту всей нашей арміи, надлежало рѣшить вопросъ весьма важный: оставить ли крѣпость за собою или пожертвовать ею? Соображаясь съ чрезвычайною обширностію этой крѣпости, Кутузову неминуемо слѣдовало бы снабдить ее, по крайней мѣрѣ, двадцатью баталіонами пѣхоты и артиллеріею, соразмѣрно съ этимъ числомъ войскъ и объемомъ крѣпостнаго вала. Таковой огромный отрядъ, при уменьшеніи

уже арміи пятью дивизіями, выступившими въ Россію, совершенно ослабилъ и лишилъ бы ее послѣдней надежды на успѣхъ въ борьбѣ съ сильнѣйшимъ непріателемъ на самой важнѣйшей части театра военныхъ дѣйствій. Разсужденіе это рѣшило Кутузова пожертвовать Рушукъ, переселить жителей въ Валахію, подорвать важнѣйшія части крѣпости, предать пламени строенія, служащія для складки запасовъ, перейти на лѣвый берегъ Дуная и, снявъ мостъ, соединяющій оба берега этой рѣки, ограничить дѣйствіе свое защитой Валахіи.

Спустя пять дней послѣ сраженія (т. е. въ ночь съ 27 на 28 іюня) армія наша, состоявшая изъ 26 баталіоновъ пѣхоты и 35 эскадроновъ кавалеріи, перешла Дунай и расположилась противъ Кашорскаго острова между крѣпостью Журжею, занятою нашимъ гарнизономъ и селеніемъ Слободзею, отстоящимъ въ нѣсколько верстахъ отъ Журжи. 28 утромъ Турки заняли обрушенный и пустой Рушукъ и осыпали лагерь своимъ высоты съ права и съ лѣва города.

Въ ночь съ 27 на 28-е іюня великій визирь предпринялъ переправу, въ 5 верстахъ выше Рушукъ, на низменность, лежащую подъ выстрѣлами его батарей, устроенныхъ на возвышеніяхъ праваго берега. Войска наши въ началѣ противились высадкѣ непріятеля на берегъ, но вскорѣ, по приказанію Кутузова, прекратили сопротивленіе. Тогда Кутузовъ рѣшился обложить турецкія силы, перешедшія на лѣвый

берегъ и занявшись укрѣпленіемъ своего лагерьа. Онъ остановилъ двѣ дивизіи, 9-ю и 15-ю, посланныя въ Россію, и часть ихъ притянулъ къ главнымъ силамъ; то же сдѣлалъ и съ нѣкоторыми отрядами, наблюдавшими непріятеля вдоль Дуная, что возвысило числительную силу главной массы его арміи до 50 баталіоновъ и 40 эскадроновъ.

Великій визирь, пользуясь удачею и удостоившись въ твердой осядлости переправившихся войскъ за рѣку, усилилъ ихъ мало по малу всею почти арміею, оставя на противномъ берегу только нѣсколько баттарей и малозначительный корпусъ войскъ. Наконецъ и самъ онъ своею особою прибылъ на лѣвый берегъ, въ намѣреніи расширить болѣе и болѣе кругъ наступательныхъ своихъ дѣйствій.

Съ своей стороны Кутузовъ счѣшилъ предупредить покушеніе визиря устроеніемъ блокадной линіи. Онъ составилъ ее изъ десяти редутовъ, построенныхъ полукружіемъ, и прижкнулъ оба фланга ея къ Дунаю, выше и ниже турецкаго лагеря.

Я сказалъ, что великій визирь, переправя главныя силы свои за Дунай и переправясь своею особою вслѣдъ за ними, оставилъ малозначительный корпусъ на лѣвомъ берегу рѣки.

Въ глаза бросилась польза разбитія этого корпуса и упроченія побѣды твердою осядлостію войскъ нашихъ на самомъ томъ мѣстѣ, которое занималъ этотъ корпусъ. Тогда турец-

кая армія должна была вовсе лишиться сообщенія своего не только съ внутренностію Имперіи, но даже съ лѣвѣмъ берегомъ Дуная и слѣдственно со всѣми источниками ея средствъ и пособій. Сверхъ того она подвергалась губительнымъ выстрѣламъ артиллеріи нашей съ высотъ, господствующихъ надъ пологостию берега, занимаемаго визиремъ. Кутузовъ воспользовался этимъ обстоятельствомъ съ чудесною, съ геніальною ловкостію.

30-го сентября генераль Марковъ съ 18 баталіонами, 10 эскадронами и 2 казачьими полками (всего 9000 человекъ) двинулся къ селенію Петрушанамъ, и 1-го октября подошелъ къ мѣсту, назначенному ему Кутузовымъ для переправы въ двадцати верстахъ выше Рущука. Вечеромъ весь его корпусъ былъ уже на правомъ берегу, а къ полуночи въ 5 верстахъ отъ непріятельскаго корпуса. 2-го октября Марковъ атаковалъ, разбилъ его, взял 8 орудій и 400 человекъ въ плѣнъ и расположился противъ самаго тыла визиря, занявъ артиллеріею свою всѣ окопы, подъ прикрытіемъ которыхъ совершилась переправа турецкой арміи 28 іюля. Для довершенія ея гибели, Кутузовъ одновременно съ нападеніемъ Маркова подвинулъ оба отдѣленія флотиліи нашей, плававшей по Дунаю; 1-е отдѣленіе отъ Турнова пустилось ближе къ турецкому лагерю, 2-е отъ Силистріи подвинулось по этой рѣкѣ къ крѣпости Журжи, намъ принадлежавшей.

Безнадежное положеніе турецкой арміи было,

слѣдствіемъ глубокихъ соображеній Кутузова и успѣха, отъ нихъ происшедшаго. Лишенная продовольствія съ пищею, армія эта подверглась въѣмъ родамъ недостатковъ. Положъ смирѣнствовалъ и войска гибли сотнями ежедневно.

Угрожаемый неминуемою личною гибелью, великій визирь въ ночи отъ 2 на 3-е ноября отбылъ особю своею въ Русукъ на рыбацкой лодкѣ. Тайно приказано было не препятствовать его бѣгству, ибо Кутузовъ зналъ, что, по обычаю Турецкой Имперіи, всѣ сношенія, переговоры и обѣщанія великаго визиря, окруженнаго непріятелемъ, нейдутъ въ дѣло; къ тому же этотъ великій визирь весьма склоненъ былъ къ миру и присутствіемъ онымъ въ Диванѣ могъ ускорить прекращеніе войны для насъ, по обстоятельствамъ, столь безвременной и неумѣстной.

Наконецъ 26 ноября турецкое войско, состоявшее изъ 6000 человекъ, способныхъ къ бою, и 2000 больныхъ, — жалкій остатокъ столь огромной арміи! — положило оружіе. 56 орудій достались побѣдителямъ и немедленно перевезены были въ Журжу. Тамъ заключились покушенія великаго визиря на Кутузова и война съ Турец-

* Черезъ годъ и нѣсколько дней послѣ бѣгства визиря отъ Кутузова въ рыбацкой лодкѣ, другой полководецъ — и какой полководецъ! — бѣжалъ отъ того же Кутузова въ саляхъ, оставя армію свою въ положеніи не менѣе бѣдственномъ турецкой.

кою Имперією, продолжавшаяся шесть лѣтъ сряду.

Изъ этого краткаго изложенія борьбы нашей съ Турками въ 1811 году, — изложенія, основаннаго на сущей истинѣ, вы легко усмотрите, милостивый государь, разность, существующую между вашимъ описаніемъ этого происшествія съ самимъ происшествіемъ, и при взглядѣ на него съ настоящей точки зрѣнія, конечно, отдадите справедливость подвигу, не уступающему ни единому изъ великихъ подвиговъ величайшихъ полководцевъ, прославленныхъ военными лѣтописями, намъ извѣстными. Безъ сомнѣнія, въ немъ нѣтъ отпечатка тѣхъ мгновенныхъ и бурныхъ порывовъ генія болѣе блистательныхъ и потому болѣе дѣйствующихъ на воображеніе людей, чѣмъ подвиги, хладнокровно обдуманые и съ меньшимъ шумомъ исполненные; но и таковыя подвиги, кажется мнѣ, не безъ достоинства. Сверхъ того происшествіе это замѣчательно и по другому отношенію: не видимъ ли уже мы въ немъ того новаго Фабія, который ровно годъ послѣ и почти тѣмъ же средствомъ отстоялъ новый Римъ противъ новаго Аннибала?

Глава VIII, стр. 268.

«Барклай-де-Толли, возведенный Александромъ на степень генералиссимуса, родомъ Германецъ и Шотландецъ по происхожденію, начерталъ и представилъ Царю планъ военныхъ дѣйствій и средство обмануть Бонапарта, употре-

«бленіемъ противъ него его собственнаго образа
«дѣйствій. По мнѣнію Барклая, усилія къ от-
«раженію напоровъ Бонапарта должны были
«ограничиваться однимъ принужденіемъ его
«умѣрить стремленіе свое и идти съ осторожно-
«стію, — но съ тѣмъ вмѣстѣ ничѣмъ не прене-
«брегать съ россійской стороны въ пресѣченіи
«его сообщеній, въ поврежденіи его основанія
«дѣйствій (base) и въ избѣжаніи малѣйшей бит-
«вы съ нимъ общими силами. Въ слѣдствіе че-
«го, главный предметъ дѣйствія состоялъ въ
«отступленіи отъ непріятели, въ устраненіи се-
«бя отъ сраженій, кромѣ ошибокъ передовой
«стражи, или передовыхъ отрядовъ съ его пе-
«редовыми войсками и въ приступленіи къ ге-
«неральному дѣлу съ нимъ тогда только, когда
«на сторонѣ Русскихъ ознаменуется несомни-
«тельное превосходство въ числительной силѣ.
«Когда пути сообщенія непріятели отъ чрезмѣр-
«наго протяженія подвергнутся пресѣченію не-
«только посредствомъ войскъ, но даже и посред-
«ствомъ жителей, и отъ того покажется въ не-
«пріятельской арміи недостатокъ въ пропитаніи,
«затрудненіе въ полученіи зарядовъ въ замѣну
«выстрѣленныхъ, и рекрутовъ для замѣщенія
«солдатъ, погибшихъ отъ битвъ и трудовъ во-
«енныхъ; когда въ россійской арміи отъ при-
«ближенія ея къ источникамъ своихъ средствъ
«и пособій ознаменуется избытокъ во всѣхъ
«военныхъ потребностяхъ и усилится она ре-
«зервами и общимъ ополченіемъ, — словомъ:
«цѣль всѣхъ соображеній состояла въ томъ,

«чтобы тогда только приступить къ истинной
«борьбѣ съ непріателемъ, когда поврежденіе
«путей отъ поздняго времени года, недостатокъ
«въ продовольствіи и зарядахъ, утомительные
«переходы, болѣзни и потеря, понесенная въ
«частныхъ сшибкахъ, похитятъ у Наполеоно-
«вой арміи всѣ тѣ преимущества, которыми
«обладала она при вступленіи въ Россію: числи-
«тельную силу, рвеніе къ боямъ и строго на-
«блюдаемую ею дисциплину.»

Во-первыхъ: Барклай-де-Толли не имѣлъ званія генералиссимуса, которое считается у насъ выше фельдмаршальскаго. Онъ былъ генераломъ отъ инфантеріи и при томъ военнымъ министромъ, что давало ему преимущество надъ прочими генералами отъ инфантеріи по праву, соединенному съ этимъ званіемъ объявлять Высочайшія именныя повелѣнія.

Во-вторыхъ: планъ кампаніи, приписываемый вами Барклаю, по общему мнѣнію, считается у насъ сочиненнымъ послѣ событія, и вотъ почему: 1) если бы этотъ планъ кампаніи прежде начатія войны былъ сочиненъ Барклаемъ, представленъ Императору Александру и утвержденъ Его Величествомъ, то не для чего было бы разсуждать въ военномъ совѣтѣ, собранномъ въ Дриссѣ (т. е. немедленно послѣ начатія военныхъ дѣйствій) о принятіи сраженія въ укрѣпленномъ лагерѣ подъ Дриссою. 2) Не для чего было бы предписывать кн. Багратиону въ Волковискѣ, спѣшить къ дрисскому укрѣпленію, для соединенія съ первою арміею,

чтобы по сосредоточеніи всѣхъ силъ на этомъ пунктѣ, *принять означенное сраженіе*. 3) Никогда Барклай и Багратионъ не двинулись бы наступательно отъ Смоленска къ Руднѣ для разрыва на-двое Французской арміи, тогда какъ не было еще малѣйшей надежды на скорое прибытіе резервовъ и подкрѣпленій, находившихся около Москвы и за Москвою, тогда какъ пресѣченіе путей сообщенія этой арміи съ ея основаніемъ не было еще предпринято, что непременно требовалось въ планѣ кампаніи, который приписываете вы Барклаю, и наконецъ 4) неужели Правительство, при заложеніи на Нѣманѣ и въ литовскихъ губерніяхъ такого огромнаго количества магазиновъ и складовъ разнаго рода, стоившихъ несмѣтной суммы, имѣло въ виду пожертвовать всѣми этими запасами въ пользу Наполеона для весьма гадательной и сомнительной приманки его ко вступленію внутрь Имперіи? Но положимъ, что этотъ планъ кампаніи дѣйствительно существовалъ, что произошло бы, еслибъ Наполеонъ вмѣсто того, чтобы польститься на эту приманку и продолжать путь къ Москвѣ, остановился бы въ Смоленскѣ, обратился къ образованію Польши и Литвы, и не прежде двинулся къ Москвѣ, какъ отдохнувъ и приведя въ порядокъ войска свои усталыя и разстроенныя продолжительнымъ походомъ, усилясь новою стотысячною польскою арміею и многочисленными резервами, шедшими къ нему изъ Франціи и Германіи, и наконецъ заложивъ магазины и всякого рода склады на Дви-

нѣ и Днѣпрѣ, и обиделъ ихъ такими укрѣпленіями, которыя могли бы служить защитой не только запасамъ, но въ случаѣ надобности и самимъ войскамъ! Куда дѣвалось бы это чрезмѣрное протяженіе путей сообщенія непріятельской арміи при движеніи ея не отъ Нѣмана уже къ Москвѣ, а только отъ Днѣпра къ этой столицѣ, т. е. по протяженію, заключающему въ себѣ уже не 1,200, а только 380 верстъ?

Нѣтъ, милостивый государь! отступленіе наше отъ Нѣмана до Москвы не есть слѣдствіе заранѣе обдуманнаго предначертанія; оно есть слѣдствіе разобщеннаго положенія обѣихъ нашихъ армій предъ начатіемъ военныхъ дѣйствій и движенія Наполеона главной громадою силъ своихъ между ними къ верховьямъ Двины и Днѣпра. Преднамѣренія его были такъ мало намъ извѣстны, что направленіе главныхъ силъ его изъ Вильно на Глубокое и Дакшицы намъ казалось невѣроятнымъ. Мы болѣе опасались направленія ихъ къ нижней Двинѣ, т. е. на Курляндію и Лифляндію къ Петербургу, чѣмъ на Смоленскъ и Москву; (я имѣлъ въ рукахъ достовѣрнѣйшіе документы на счетъ этого опасенія). Тогда только, когда обрисовалось это грандіозное развитіе несмѣтныхъ ополченій въ промежуткѣ Двины и Березина, въ губерніяхъ Виленской и Минской, тогда только мы приступили къ сосредоточенію обѣихъ армій, но уже не въ Минской и не въ Виленской губерніяхъ, затопленныхъ приливомъ Наполеоновыхъ полчищъ, а посредствомъ усиленныхъ переходовъ

но обширному полужурию, опережая головы неприятельскихъ колоннъ и стараясь сосредоточиться тамъ, гдѣ Богъ приведетъ, въ Оршѣ, въ Смоленскѣ, или къ самой Москвѣ. Богъ привелъ совершить сосредоточеніе наше въ Смоленскѣ, — и Слава Ему! но хвала и обоимъ главнокомандующимъ, въ особенности Багратиону, заслужившему безсмертную благодарность Россіи восторжествованіемъ надъ неисчислимыми препятствіями и преградами, встрѣчавшимися ему на каждомъ шагу и оказавшему въ этомъ случаѣ весь объемъ, всю проникательность и всю рѣшимость превосходнаго полководца! Что же касаясь до отступленія нашего отъ Смоленска къ Москвѣ, оно произошло отъ несообразности силъ нашихъ съ неприятельскими, на которыя земля было намъ и нападать и отъ которыхъ не слѣдовало намъ было отбиваться общими силами, до соединенія нашего съ войсками, образовавшимися въ среднѣхъ Имперіи: мы стремились къ нимъ, чтобы быть многочисленнѣе и слѣдовательно сильнѣе. Вотъ вся тайна отступленія нашего отъ Нѣмана до Смоленска, и отъ Смоленска до Москвы. Тотъ, кто осмѣлится утѣрять васъ, милостивый государь, что оно было предварительно обдуманно, кѣмъ-либо изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ, тотъ намѣревается ввести или васъ въ заблужденіе, или самъ заблуждается.

Глава VIII, стр. 280.

«Тотъ систематически выжидательный об-

«разъ дѣйствія былъ необходимъ для Россіи по
«той причинѣ, что приготовленіе ее къ оборони-
«тельной войнѣ не получило еще окончательной
«осѣдлости. Ей нужна была отсрочка въ рѣши-
«тельныхъ дѣйствіяхъ, какъ до прибытія изъ
«Англій ружей и другихъ потребностей, такъ
«и для заключенія мира съ Турціею для пере-
«мѣщенія на важнѣйшій театръ событій той ар-
«міи, которая находилась тогда на Дунаѣ.»

Что касается до ружей и другихъ военныхъ
потребностей, будто нами изъ Англій ожидае-
мыхъ, мы въ нихъ не нуждались и не могли въ
нихъ нуждаться, обладая такимъ великимъ ко-
личествомъ арсеналовъ, литейныхъ, ружей-
ныхъ и пороховыхъ заводовъ, и ежегодно вы-
сылая избытокъ хлѣбныхъ припасовъ (нашихъ
за границу на пропитаніе Европы, а часто и
Англій. Справедливость замѣчанія моего под-
крѣпляется неоспоримымъ фактомъ, что во
весь 1812 годъ мы питались своимъ собствен-
нымъ хлѣбомъ, жгли свой собственный порохъ
и не прежде получили изъ Англій весьма малое
количество ружей (на нѣсколько пѣхотныхъ
полковъ) какъ въ началѣ 1813 года, т. е. когда
были собраны уже всѣ ружья пятисотъ-тысяч-
ной непріятельской арміи, брошенныя ею во
время ея бѣгства, и когда въ одномъ Ковнѣ взя-
ли мы шестьдесятъ тысячъ новыхъ ружей,
прибывшихъ для нея изъ Франціи. Въ заклю-
ченіе я долженъ замѣтить, что російская ар-
мія отклонялась отъ рѣшительныхъ битвъ по
причинамъ, выше мною представленнымъ, а не

въ-слѣдствіе ожиданія мира съ Турціею. Миръ этотъ заключенъ и подписанъ былъ 16 мая, ровно два мѣсяца прежде вторженія непріятеля въ предѣлы наши, и если дунайская армія не успѣла прибыть на театръ рѣшительныхъ событій въ началѣ кампаніи, или по крайней мѣрѣ къ сентябрю мѣсяцу, то этому причиною не военныя дѣйствія противъ Турокъ, съ которыми мы были уже тогда въ дружественномъ сношеніи. Этому причиною тѣ, что долго не присылали изъ Константинополя ратификацій мира.

Глава VIII, стр. 284.

«Платовъ..... слѣдовалъ за нею (за вторую армію) съ двѣнадцатью тысячами дѣтищъ пу-
«стыней.....»

Платовъ занималъ Гродно и принадлежалъ первой, а не второй арміи. Онъ присталъ къ последней по случаю быстрого отступленія первой изъ окрестностей Вильно къ Свенціанамъ и къ Дриссѣ и движенія французской арміи вслѣдъ за нею. Отдаленный по этому случаю отъ арміи, которой принадлежалъ отрядъ легкихъ воиновъ, имъ командываемый, Платовъ рѣшился обратиться ко второй арміи и примкнулъ къ ней не съ 12 тысячами, а только съ 9 тысячами десантниковъ, т. е. съ четырнадцатью казачьими полками и двумя ротами донской конной артиллеріи. Вотъ все, что было подъ начальствомъ Платова при началѣ военныхъ дѣйствій.

Тамъ же:

«Багратионова армія простиралась до 80 тысячъ человекъ.»

Я находился въ этой арміи и имѣю вѣрное свидѣніе, что числительная сила ея состояла въ 47 тысячахъ человекъ регулярнаго войска и 4,000 казаковъ, не считая Платова отряда и отряда Дорохова, приставшаго въ послѣдствіи къ этой же арміи и который состоялъ изъ 3,000 чел.

Тамъ же:

«И такъ сила россійской арміи при открытіи военныхъ дѣйствій состояла изъ 260 тысячъ человекъ.»

Можетъ быть и изъ гораздо бѣльшаго числа, если примемъ въ счетъ резервы, общее ополченіе, финляндскій, кавказскій и закавказскіе корпусы и армію, находившуюся въ Молдавіи и Валахіи, но положительно можно сказать, что три западныхъ арміи, принявшія на свой щитъ удары пятисотъ-тысячной Наполеоновой арміи, состояли только въ 218 тысячахъ пѣхоты и кавалеріи, включая въ это число и казачье войско, которое, сколько возможно, всегда устраняемо главнымъ начальствомъ отъ генеральныхъ сраженій.

Глава VIII, стр. 292.

«Пока проходила она (непріятельская армія) чрезъ Польшу, изобиліе всякаго рода ей сочувствовало. Но въ Литвѣ обстоятельства измѣнились; Русскіе вывели все то, что могло служить ей пропитаніемъ.»

Соч. Д. Давыа.

26

Русскіе при отступленіи своемъ вывозили съ собою однихъ должностныхъ людей съ ихъ движимымъ имуществомъ, казначейства и всѣ суммы, принадлежащія правительству. Что же касается до вывоза магазиновъ съ съѣстными запасами, изготовленными для нашей арміи, вывозъ этого былъ невозможенъ отъ сумятицы, возникшей во всемъ народонаселеніи. До подъема ли было огромныхъ и, можно сказать, необъятныхъ и неисчислимыхъ запасовъ, которыми завалены были литовскія губерніи, тогда какъ каждый житель думалъ о спасеніи или своей особы, или своей собственности? И до принужденія ли было ихъ на то силою, — когда всѣ силы устремлены были къ военнымъ дѣйствіямъ? Все, что Русскіе могли сдѣлать съ этими магазинами, ограничилось преданіемъ ихъ огню; но и эта мѣра была почти недействительна. Обязанность предавать огню магазины возложена была на малочисленныя команды войскъ, или лучше сказать, на передовую цѣпь, ежедневно остававшуюся послѣднею при отступленіи арміи и арріергарда ея, — слѣдственно, войску ближайшему къ неприятелю. Цѣпь эта никогда не могла имѣть достаточнаго времени для приведенія въ исполненіе даннаго ей наставленія, ибо необходимо должна была приступать къ нему тогда, какъ было уже поздно, когда неприятельскія громады были уже тутъ и не позволяли ей быстрымъ своимъ напоромъ, не только зажигать магазины, но и оставаться воалѣпныхъ ни единой минуты, и потому сгорѣли съ

съѣтными запасами, если были иногда зажимаемы, то не надолго: непріятель самъ ихъ тушилъ и получалъ добычу, едва поврежденную.

Глава VIII, стр. 323.

«Числительная сила его арміи (Багратиона) умножилась не только войсками атамана Платова... но и дивизіею генерала Дохтурова.»

Дохтуровъ командовалъ не дивизіею, а корпусомъ, находившимся въ составѣ первой арміи. Вы, можетъ быть, принимаете Дорохова за Дохтурова? но Дороховъ не командовалъ дивизіею. Онъ командовалъ авангардомъ 4-го пѣхотнаго корпуса (генерала Шувалова), составленнымъ изъ Изюмскаго гусарскаго и двухъ егерскихъ полковъ. Не успѣвъ, подобно Платову, примкнуть къ первой арміи при внезапномъ отступленіи ея къ Свенціанамъ, онъ, подобно Платову же, примкнулъ ко второй арміи.

Глава IX, стр. 323.

«Не одинъ знаменитый успѣхъ увѣнчалъ успѣлія и труды Платова и казаковъ его надъ польскою конницею, исполненной стремительной храбрости, но чуждой партизанской войны, знаніе которой исключительно принадлежитъ этимъ новымъ Скиѣамъ.»

Платовъ два раза разбилъ авангардъ короля Вестфальскаго во время отступленія второй арміи. Первый разъ подъ Миромъ 28 іюня, вто-

рой подъ Романовымъ 2 іюля; но эти дѣла не принадлежатъ къ роду партизанскихъ дѣлъ; ибо Платовъ командовалъ арріергардомъ второй арміи, составленнымъ изъ всѣхъ казачьихъ полковъ, съ нимъ пришедшихъ, и другихъ, принадлежавшихъ этой арміи. Сверхъ того арріергардъ этотъ заключалъ въ себѣ Ахтырскій гусарскій полкъ, Кіевскій драгунскій и два егерскихъ полка, съ приличнымъ числомъ артилеріи. Сраженія его съ непріателемъ были сраженія арріергарда отступающей арміи съ авангардомъ наступающаго непріателя, и не выходили изъ круга обыкновенныхъ и разбѣрныхъ соображеній; слѣдственно не могли имѣть и не имѣли малѣйшаго сходства съ партизанскимъ дѣйствіемъ, по существу своему вдохновеннымъ, своеправнымъ и залетнымъ.

Глава IX, стр. 339.

«Онъ (Барклай) отрядилъ въ Ельню армію «своего товарища.»

Багратіонъ не былъ отряженъ въ Ельню, но отодвинуть по большой московской дорогѣ къ селу Соловьеву. Ему предписано было перейти тамъ Днѣпръ прежде первой арміи для прикрытія переправы ея, въ случаѣ движенія французской арміи отъ Смоленска лѣвымъ берегомъ Днѣпра, въ намѣреніи загородить дорогу отступленію нашему къ Москвѣ. Въ направленіи къ Ельнѣ посланъ былъ Багратіономъ Донскаго войска полковникъ Сысоевъ, для наблюденія означеннаго непріательскаго движенія.

Глава X, стр. 359.

«Природная рьяность солдатъ (русскихъ), недавно поступившихъ въ ряды армии, ихъ до-
вѣренность на собственныя силы, ихъ алч-
ность къ битвамъ за право, на защиту котора-
го они ополчились, все возбудило въ нихъ ро-
потъ на столь продолжительное отступление;
они громогласно требовали битвы подъ началь-
ствомъ русскаго генерала.»

Чиноупослушаніе и строгая дисциплина, со-
блюдаемая войскомъ нашимъ, такъ извѣстна,
что вошла въ пословицу. Кто видалъ солдатъ
нашихъ, а еще болѣе, кто служилъ съ ними,
тотъ удостовѣритъ васъ, милостивый государь,
что никогда не подумаетъ ни одинъ изъ нихъ
возвысить голоса для требованія чего-либо. Они
ждутъ велѣнія начальства и исполняютъ это ве-
лѣніе не только безъ ропота, не только съ рев-
ностію, но съ какимъ-то особымъ, неподражае-
мымъ удалствомъ, даже и тогда, какъ ясно ви-
дятъ бесполезность усилій и вѣрную гибель,
которой они подвергаются; вотъ солдатъ рус-
скій! По истинѣ, негодованіе на Барклая за та-
кое долговременное отступление существовало и
довѣренность къ нему исчезла; но чувства эти
изъявлялись между собою тихо и скромно, ни-
когда въ слухъ и въ многолюдствѣ, еще менѣе
всѣмъ войскомъ, явно и громогласно.

Глава X, стр. 360.

«Генераль Кутузовъ, пользовавшійся высо-
кою репутаціею между Русскими, вызванъ

«былъ изъ арміи, дѣйствовавшей на Дунаѣ противъ Турокъ, и принялъ начальство надъ главною арміею.»

— Если только между нами Русскими Кутузовъ пользовался высокою репутаціею, то остается намъ жалѣть о маломъ вниманіи иностранцевъ къ военачальникамъ государства, котораго военный духъ и, по словамъ ихъ, алчность къ завоеваніямъ такъ явно угрожаютъ спокойствію Европы. Если бы господа иностранцы, при принятіи Кутузовымъ начальства надъ російскими арміями, взяли на себя трудъ раскрыть книгу жизни этого полководца, то они увидѣли бы, что служба его отечеству продолжалась 53 года непрерывно; что двѣ пули, прошедшія въ разные времена сквозь могучую голову его, ни мало не ослабили высокихъ его умственныхъ способностей; что онъ независимо отъ многихъ блистательныхъ подвиговъ, совершенныхъ имъ въ разныхъ случаяхъ и въ разныхъ чинахъ, командовалъ оконечною колонною лѣваго фланга на измаильскомъ приступѣ, гдѣ заслужилъ извѣстный отзывъ Суворова: «Кутузовъ былъ «на моемъ лѣвомъ крылѣ, но былъ моею правою рукою.» Что при разбитіи великаго визиря 1791 года подъ Мачиномъ, разбитіи, обратившемъ Оттоманскую Порту къ миру, онъ начальствовалъ лѣвымъ крыломъ арміи, болѣе середины и праваго крыла ея, побѣдительнымъ. Они узнали бы, что въ царствованіе Великой Екатерины, обладавшей необыкновеннымъ даромъ въ избраніи на важныя препорученія людей необы-

кновенныхъ, онъ еще въ генераль-лейтенантскомъ чинѣ провелъ 1793-й и 1794-й года при Оттоманской Портѣ въ качествѣ чрезвычайнаго и полномочнаго посла и, по исполненіи этого препорученія, долго начальствовалъ сухопутными кадетскими корпусами, считавшимися, и въ самый вѣкъ военныхъ чудесъ, разсадниками російскимъ генераловъ и офицеровъ; что онъ тотъ самый Кутузовъ, который въ 1805-мъ году исполнилъ затруднительное и знаменитое отступление, сражаясь на каждомъ шагу съ побѣдоносными громадами Наполеона отъ Баваріи до Моравіи; сохранилъ во всемъ блескѣ честь русскаго оружія, тогда какъ честь оружія союзниковъ нашихъ сокрушалась вокругъ гранитныхъ колоннъ, имъ предводительствуемыхъ, и девѣвалась бурей генія величайшаго изъ полководцевъ вѣковъ и міра. И наконецъ, что ровно за годъ до воззванія его къ битвамъ на защиту Отечества, угрожаемаго этимъ же полководцемъ, начальствовавшимъ войсками всей ополченной Европы, — онъ истребилъ на Дунаѣ турецкую армію, предводимую великимъ визиремъ, слѣдствіемъ чего было заключеніе самимъ побѣдителемъ мира столь славнаго и неожиданнаго при тогдашнихъ обстоятельствахъ Россіи, и столь много способствовавшаго ему къ изгнанію изъ нѣдръ Отечества нашего всей ополченной Европы съ ея, до той эпохи, непобѣдимымъ владыкою.

Не могу также пропустить безъ замѣчанія показанія вашего на счетъ прибытія Кутузова

къ арміямъ, дѣйствовавшимъ противъ Наполеона, изъ арміи, которая находилась тогда на Дунаѣ. Онъ прибылъ изъ послѣдней прямо въ Петербургъ: немедленно по заключеніи имъ мира съ Турцією, т. е. въ концѣ мая, или въ началѣ юня, гдѣ избранъ былъ отъ дворянства начальникомъ Санктпетербургскаго и Московскаго ополченій, и спустя два мѣсяца, облеченный властію главнокомандующаго всехъ российскихъ армій, отправленъ въ первую и вторую западныя арміи, подходившія тогда къ Вязьмѣ.

Въ 1812 г. онъ былъ главнокомандующимъ арміями въ сраженіи при Вязьмѣ.

Глава X, стр. 361.

«Первое дѣйствіе его (Наполеона) состояло въ нападеніи на редутъ, построенный впереди русской арміи; но по непростительной ошибкѣ, смышломъ удаленной отъ главнаго боеваго порядка.»

Этотъ редутъ не входилъ въ составъ главной боевой черты арміи. Онъ построенъ былъ отдельно отъ нея на томъ концѣ, чтобы умножить препятствія для непріятеля прежде похода его въ избранной нами главной позиціи. Кутузовъ имѣлъ въ виду, чтобы посредствомъ защиты этого редута нѣкоторою частию нашихъ войскъ и ушерства непріятеля въ овладѣніи имъ, что для него было необходимо, отсрочить генеральное сраженіе на столько времени, сколько намъ нужно было для окончательной осѣдлости всей громады нашей на холмахъ и равнинахъ бородинскихъ; что и случилось. Слѣдственно, редутъ этотъ вполне выполнилъ свою задачу.

ва; а потому и построены были на выгодномъ мѣстѣ, и неосшибочно.

Глава X, стр. 362.

«Россійская армія, тогда равная въ числительной силѣ французской арміи; ибо каждая изъ нихъ состояла въ 120,000 человекъ подъ оружіемъ.....»

По всѣмъ вѣрнѣйшимъ документамъ, Россійская армія состояла изъ 112-ти тысячъ, кромѣ 10-ти тысячъ ополченія, которое не было и не могло быть употреблено въ битву отъ неопытности своей въ военномъ дѣлѣ (только-что за нѣсколько дней оставивъ соху). Французская армія состояла болѣе чѣмъ изъ 160,000 человекъ.

Глава X, стр. 367.

«Ней началъ битву въ 7 часовъ утра нападеніемъ на редутъ, построенный съ бастіонами и находившійся на центрѣ Россійской арміи.»

Не было ни одного редута съ бастіонами. Люнетъ, который вы, милостивый государь, принимаете за редутъ, былъ люнетъ, какъ всѣ люнеты, едва оконченные, безъ палисадовъ и рогатокъ; въ такомъ же положеніи были и три флешы, построенныя впереди села Семеновскаго. Битва началась не въ 7 часовъ, а въ 6 часовъ утра, не атакою редута Неемъ, а почти одновременною атакою села Бородина вице-королемъ италійскимъ Евгениемъ, съ канонадою

батарея праваго фланга Французской арміи во флешамъ нашимъ. Тогда началась атака этихъ флешей корпусами Нея и Даву, а потомъ уже и гораздо позже — атака люнета, защищаемаго корпусомъ Раевского. Последняя произведена была частію войскъ вице-короля Евгенія (именно дивизіями Морана, Жерара и Брусье), перешедшими по занятіи Бородина съ лѣваго берега Колочи на правый берегъ ея.

Тамъ же:

«Въ самое то время принцъ Евгеній употреблялъ такія же усилія къ изгнанію непріятеля «изъ села Семеновскаго и укрѣпленій, это село «окружавшихъ.»

Я сейчасъ сказалъ, что Евгеній начальствовалъ войсками, атаковавшими Бородино, слѣдственно онъ находился совершенно на противуположномъ крылѣ того крыла арміи, которое атаковалъ Семеновское и флеша, построенныя предъ Семеновскимъ. Повторяю, что какъ Семеновское, такъ и флеша эти находились на лѣвомъ, а не на правомъ крылѣ нашей арміи, и атакованы были корпусами Даву и Нея, а не Евгениемъ, расположеннымъ противъ праваго нашего крыла.

Тамъ же:

«Полки поселянъ, никогда до этого дня не «видавшіе сраженія и вмѣсто мундировъ одѣ- «тые въ сѣрыхъ полукафтанныхъ, построились «съ твердостію обстрѣленныхъ уже ветера- «новъ... бросились въ средину самыхъ жесто- «кихъ сѣчь.»....

Васъ конечно увѣрили, милостивый государь, что въ Бородинскомъ сраженіи ополченіе сражалось на ряду съ войсками, и вотъ причина, почему числительную силу арміи нашей вы вознесли такъ высоко. Этому не было: Кутузовъ, не надѣясь на стойкость ополченія, оставленнаго въ первоначальномъ своемъ составѣ отъ недостатка времени на размѣщеніе его по полкамъ, опредѣлилъ его на выносъ изъ середины битвы раненыхъ и доставленіе ихъ въ подвижныя больницы, помѣщенныя въ тылу сражавшихся войскъ. Этою благоразумной мѣрою онъ усилялъ армію нашу всѣми тѣми солдатами, которые безъ этой мѣры непременно ослабили бы боевыя силы ея отбытіемъ изъ битвы для обязанности, хотя необходимой, но отвлекающей сражающихся отъ главнаго предмета ихъ усилій. Вотъ какъ было употреблено ополченіе! Неоспоримо, что оно принесло много пользы, — но не въ отношеніи боевыхъ трудовъ.

Глава X, стр. 368.

«Дѣло въ томъ, что послѣднее пособіе его (Наполеона) состояло въ 10-ти-тысячной его «гвардіи.»

Войско, оставшееся невредимымъ, состояло не въ 10-ти тысячачъ, неовѣтъ, а во всей старой и молодой гвардіи, т.е. въ 35 или въ 40-тысячакъ. Изъ этихъ войскъ 36 орудій только были въ дѣлѣ, и дивизія Кларкеда (легионъ Вислы); подвинутая въ концѣ сраженія на подпору вице-короля Евгенія; все прочія, не были въ

огнѣ, и потому не понесли ни малѣйшаго урона.

Глава XI, стр. 383.

«Наполеонъ прибылъ на высоту, называемую *«Поклонною горою, по той причинѣ, что на ней, «при видѣ Москвы, Русскіе становятся на колѣни, крестятся и молятся этому святому граду.»*»

Русскіе крестятся при видѣ всякой церкви, всякой часовни и всякого святого мѣста, или изображенія. Съ Поклонной Горы Москва представляется взору, со всѣми своими церквами и колокольнями. Легко можетъ статься, что иностранцы приняли поклоненіе народа симъ церквамъ за поклоненіе Москвѣ. Это напрасно. Москва никогда не слыма и нынѣ не слыветъ святымъ градомъ. Черный народъ называетъ ее *кормлицею, матушкой или бѣлокаменной*, но не святою. Этимъ наименованіемъ пользуется одинъ Кіевъ, заключающій въ своихъ пещерахъ мощи святыхъ угодниковъ.

Глава XI, стр. 384.

«Наполеонъ ожидалъ прибытія къ нему депутациі бородатыхъ бояръ.»

Русскіе бояре не носятъ бородъ со времени царствованія Императора Петра Великаго. Продолжаютъ носить бороды одни купцы, мѣщане и крестьяне, хотя впрочемъ число бороносителей въ званіи купеческомъ и даже мѣщанскомъ весьма уменьшилось. Изъ всѣхъ дворянъ

военныхъ и гражданскихъ я одинъ носилъ бороду, отъ вступленія моего на партизанское поприще до занятія мною города Дрездена. Много было толковъ на этотъ счетъ между тунеядцами, и всякій изъ нихъ понималъ поступокъ мой по своему. Дѣлю въ томъ, что въ началѣ я отпустилъ бороду отъ недостатка времени заниматься этой условною обязанностію свѣта: не до глаженія мнѣ было бритвою горла и челюстей, когда неприятельская сабля такъ близко ходила вслѣдъ за бритвою. Затерянный со 130-ю всадниками за двѣсти верствъ отъ арміи на сообщеніяхъ неприятеля, въ срединѣ подвижныхъ колоннъ его и отрядовъ, жадно меня ищущихъ, проводя ночь въ рысканьи за добычею, днемъ въ лѣсахъ и въ вертепахъ, чутко и зорко, всегда въ тревогахъ, всегда въ кровавыхъ помыслахъ и дѣянiяхъ, было ли мнѣ время заниматься бритьемъ и холеньемъ? Въ послѣдствіе я продолжалъ носить бороду, потому что она, какъ будто бы родила меня съ поселянами, съ которыми я долженъ былъ имѣть ежечасныя сношенія, и которые, при видѣ моего гусарскаго ментика, могли принимать меня съ перваго взгляда за неприятеля; а въ то время первый взглядъ и первый выстрѣлъ, или ударъ топоромъ или вилою, другъ отъ друга не отставали. Наконецъ вступя въ Германію и командуя передовыми войсками авангарда главной арміи, находившагося тогда подъ начальствомъ генерала Винценгероде, я не перемѣнилъ моего варварскаго наряда, какъ называли его тогда,

по другой причинѣ: Нѣмцы, видя мой казацкій нарядъ и слыша, что я говорю по-французски, получали выгодное понятіе о русскомъ образованіи, которое проникло даже въ народы, считаемыя ими до встрѣчи со мною людоѣдами. Это мнѣніе о распространеніи просвѣщенія между нами я поддерживалъ всѣми средствами; особенно въ соблюденіемъ строжайшей дисциплины въ отрядѣ моемъ. Они говорили: если казакъ не касается до имущества нашего, если онъ обходителенъ и ласковъ болѣе французскаго маршала, то что же должны быть истинно русскіе начальники регулярныхъ войскъ, въ слѣдъ за нимъ идущіе? И ожидали ихъ съ восторгомъ, съ нетерпѣніемъ и съ радушіемъ, какъ друзей и избавителей.

Глава XI, стр. 387.

«Письмо это было послано съ извѣстнымъ «службою своею офицеромъ, оставшимся въ Москвѣ отъ болѣзни, которая воспретила ему слѣдовать за армією.»

Вы, конечно, имѣли въ виду Я....., о коемъ упомянулъ и Фенъ въ рукописи 1812 года, и который былъ одинъ изъ малаго числа (5-ти или 6-ти человекъ) дворянъ, оставшихся въ Москвѣ подъ разными предлогами. Что жъ касается до офицеровъ, то въ защиту чести товарищей моихъ, я за необходимость поставляю увѣрить васъ, милостивый государь, что кромѣ тяжело раненыхъ и больныхъ, въ Москвѣ никого не оставалось изъ офицеровъ.

Глава XI, стр. 405.

«Рѣка Нара протеклаа предъ орунтомъ позиціи, занятой російскою арміею.»

Нара, а не Нава.

Глава XI, стр. 408.

«Они (крестьяне) отъ рожденія презирають «чужеземцевъ», называя ихъ тмухо-нѣмцынъ и «полагая, выразить тѣмъ незнаніе ихъ русскаго языка.»

Слово *нѣмецъ* можетъ происходить отъ слова *нѣмой*, т. е. лишенный природою средства изъясняться словомъ, или отъ *не мой*, т. е. мнѣ не принадлежащій ни по духу, ни по характеру, ни по сочувствію; чуждый мнѣ человекъ.

Глава XI, стр. 412.

«Это перемиріе (заключенное на аванпостахъ «обѣихъ воюющихъ армій) дожде было прекратиться предувѣдомленіемъ съ той, или съ другой стороны за три часа до начатія дѣйствія.»

Мы никогда не слышали о подобномъ перемиріи: оно не существовало.

Глава XII, стр. 4.

«Лагерь, или позиція, занимаемая Миоратомъ «въ Вороновѣ.»

Въ Вороновѣ, а не въ Вороневѣ. Но позиція Миората находилась не въ Вороновѣ, а близъ Винкова. Правое крыло войскъ его упиралось къ рѣкѣ Нарѣ; центръ, расположенный на старой московской дорогѣ въ Малузу, при-

крыть былъ рѣчкою Чернишнею, которая, поворачивая при деревнѣ Быковѣ на сѣверъ, отдѣляла чрезъ то центръ отъ лѣваго крыла, безъ всякаго упора протянутаго въ направленіи въ село Дмитріевское. Это самое крыло атаковано и поражено было нашею арміею 6-го октября. Позиція же при Вороновѣ занята была Мюратомъ въ слѣдствіе этого пораженія; на весьма короткое время, не только для прикрытія направленія непріятельской арміи со старой калужской дороги на новую

Глава XIII, стр. 90

«На Кутузовъ едва проникъ опасность, угрожающую отъ отстраненія арміи его отъ Калуги (движеніемъ Наполеона изъ Москвы на Фоминское, Боровскъ и Малоярославецъ); немедленно прибѣгнувъ къ возмездію, привелъ въ дѣйство планъ своего употребленія. Наполеонъ съ отрядомъ кѣ югу генераловъ Доктурова и Раевского, съ сильнымъ отрядомъ.»

Кутузовъ не зналъ и не могъ знать о выступленіи всей непріятельской арміи изъ Москвы 7 числа октября, т. е. на другой день по разбитіи имъ Мюрата на рѣчкѣ Чернишнѣ, а слѣдственно и о направленіи этой арміи на Фоминское. Генералъ Дороховъ, занимавшій легкимъ отрядомъ село Кагово на новой калужской дорогѣ, открылъ въ Фоминскомъ передовыя войска непріятеля (кавалерію Орнано и пѣхотную дивизію Брусье) принадлежавшія корпусу Ея Величества, не подозревая слѣдованія за ними всей непри-

ятельской арміи, увѣдомилъ о томъ Кутузова съ изложеніемъ мнѣнія своего на счетъ цѣли ихъ прибытія. Онъ полагалъ, что они явились на этомъ пунктѣ, или для связи непріятельскаго авангарда съ большою смоленскою дорогою, или обозначая движеніе всей Наполеоновой арміи къ Калугѣ. Кутузовъ немедленно послалъ въ направленіе къ Катову, гдѣ находился Дороховъ, сильный отрядъ, составленный изъ одного пѣхотнаго корпуса и гвардейской легкой кавалерійской дивизіи, и при этомъ отрядъ отправилъ начальника главнаго штаба арміи Ермолова. Ермоловъ, при самомъ выступленіи изъ тарутинскаго лагеря, послалъ партизана Сеславина къ Фоминскому для вѣрнѣйшаго осмотра прибывшихъ туда непріятельскихъ войскъ: корпусъ же двинулся къ Катову и остановился на половинѣ пути въ деревнѣ Аристово съ унтеръ-офицеромъ старой гвардіи Наполеоновой, исторгнутымъ имъ изъ середины этой знаменитой фаланги. Завѣса спала. Узнали, что въ Фоминскомъ не одни войска Орнано и Брусье, а вся непріятельская армія и Наполеонъ. Ермоловъ и начальникъ отряда дали о томъ знать въ главную квартиру; но столь же строгій исполнитель приказаній начальства, сколь храбрый генералъ, командовавший корпусомъ, не могъ рѣшиться принять на себя и самъ собою перемѣну направленія и предметъ дѣйствія, бывъ уже разъ назначенъ главнокомандующимъ идти противъ войскъ Орнано и Брусье къ Катову. Между тѣмъ Кутузовъ, получивъ увѣдомленіе

о направленіи непріятеля къ Боровску, подымается со всіми своими силами изъ тарутинскаго лагеря, спѣшитъ боковыми маршемъ къ Малоарославцу, становится позади сражающихся войскъ, подкрѣпляетъ ихъ корпусами Раевского и Бородинна и заграждаетъ Наполеону путь къ Калугѣ.

Я распространился въ описаніи такъ мало извѣстныхъ подробностей этого событія потому, что оно по слѣдствіямъ своимъ есть важнѣйшее изъ всѣхъ событій этого великаго года, зародыщъ всѣхъ злополучій Наполеона и перелома судьбы державъ и народовъ. Будь Сеславинъ менѣе предпримчивъ и отваженъ; будь Кутузовъ одаренъ меньшею умственной плодотворностію и гениальной проникательностію, указавшей ему на Тарутино, какъ на точку спасенія отечества, и замедли онъ нѣсколькими часами въ прибытіи къ Малоарославцу, — весь плодъ превосходнаго движенія изъ Москвы по рязанской дорогѣ на калужскую для занятія Тарутина, и всѣ успѣхи отъ боковаго направленія нашего до Березина, которое само по себѣ не иное что какъ слѣдствіе, или лучше сказать, продолженіе направленія отъ тарутинскаго лагеря къ Малоарославцу, все рушилось бы, все исчезло бы безвозвратно!

Въ главѣ XII, на страницѣ 13, вы упоминаете, милостивый государь, о нападении казаковъ на самого Наполеона, пробѣжавшаго изъ села Горюхи къ Малоарославцу, на другой день послѣ кровавой битвы въ этомъ городѣ; я забываю

войско, на него направивое, *изъродоу сражи*, т. е. бродягами. Обстоятельство это представлено было вамъ не такъ. Нападеніе это произведено было нѣсколькими полками казаковъ атамана Платова, предпринявшаго пресѣченіе части новой калужской дороги, лежащей между Малоярославцемъ и Горднеею.

Глава XII, стр. 30.

«Древніе доспѣхи и крестъ Ивана Великаго брошены были въ озеро Семелинское.»

Семелинскаго озера нѣтъ, а если бы назвали такъ Семлевское озеро, то возмѣ села Семлева нѣтъ озера.

Тамъ же:

«Тогда принуждены были оставить часть артиллеріи... что скрыли отъ Наполеона. Воспитанный для артиллерійской службы, онъ, подобно многимъ артиллерійскимъ офицерамъ, питалъ какое-то суевѣрное чувство къ сохраненію пушекъ, ему принадлежащихъ.»

Наполеонъ старался сохранять пушки свои не отъ начальнаго служенія своего въ артиллеріи и не отъ суевѣрнаго чувства къ сохраненію пушекъ, ему принадлежащихъ, а отъ того, что взятіе пушекъ непріателемъ почитается всюду и всегда безчестіемъ арміи, корпусу, или отряду, которому принадлежать онѣ.

Глава XII, стр. 34.

«Кутузовъ, не внивъ представленіямъ и даже угрозамъ людей, противныхъ его мнѣнію.»

За какого рода чучелу принималъ Кутузова и за какую разбойничью шайку принималъ русскую армію тотъ, который рѣшился выдавать вамъ, милостивый государь, за былъ такую нелѣпую басню?

Смѣю увѣрить васъ, что тотъ, кто знаетъ армію нашу, тотъ удостовѣритъ васъ, что въ ней ближайшій человекъ по чину своему къ главнокомандующему никогда не осмѣлится безъ позволенія его прибѣгнуть къ нему съ своими совѣтами; я уже не говорю объ угрозахъ, увѣренъ будучи, что они не были тернимы и считались за преступленіе въ самой французской арміи во время анархическаго бѣшенства Франціи, ибо безъ того не было бы тѣхъ знаменитыхъ побѣдъ и завоеваній, которыми спасена независимость ея отъ сосѣднихъ державъ, на нее ополчившихся.... Угрозы Кутузову! и въ какое время! когда онъ, облеченный почти въ диктаторскую власть, когда онъ, благословляемый и навываемый отъ народа и войска русскаго спасителемъ отечества, гналъ предъ собою на клочки разорванную и растрепанную Наполеоновскую армію!

Глава XII, стр. 46.

«Крѣпость (Бобруйскъ): защищаема была русскимъ корпусомъ, подъ начальствомъ генерала Эртеля.»

Эртель командовалъ корпусомъ, состоявшимъ изъ 11 тысячъ человекъ; и находился не въ Бобруйской крѣпости, а въ Волынской губерніи,

въ окрестностяхъ Мозыря. Польскій генераль Домбровскій съ 12 тысячами войска облегалъ Бобруйскъ, защищаемый пяти-тысячнымъ гарнизономъ подъ командою артиллерійскаго генерала Игнатъева.

Глава XII, стр. 53.

«Князь Чернышевъ.»

Чернышевъ не былъ и не есть князь. Онъ графъ; графское достоинство получилъ онъ четырнадцать лѣтъ послѣ войны, нами описываемой, т. е. во время коронаванія Императора Николая.

Глава XIII, стр. 64.

«Она (армія Наполеонова) доходила до 40 тысячъ человекъ» (при выступленіи изъ Смоленска).

Этому мудрено повѣрить; ибо по официальнымъ спискамъ, хранившимся у насъ, видно, что въ дѣлахъ подъ Краснымъ, отъ 3 до 7 числа ноября залто въ павнъ армію нашу 26 тысячъ нижнихъ чиновъ, 300 офицеровъ, и безъ малѣйшаго сомнѣнія болѣе 12 тысячъ непріятельскихъ войскъ положено на мѣстѣ, что составитъ 38, или около 40 тысячъ человекъ. Неужели Наполеонъ съ однимъ только штабомъ своимъ соединился съ корпусами Виктора и Удино на пути къ Борису?!

Всѣмъ извѣстно, что онъ выступилъ изъ Орши съ армією, простиравшеюся за 40 тысячъ человекъ, следовательно онъ вступилъ въ Смо-

ленскъ съ 80-тысячною, а не съ 40-тысячною армією.

Глава XIII, стр. 71.

«Но ни увѣщанія подкомандующихъ его, ни «упреки сиръ Роберта Вильсона, комиссара ан- «глійскаго правительства, не могли его.... (т. «е. Кутузова).»

Повторяю: горе тому, кто осмѣлится бы въ эту эпоху увѣщевать Кутузова, еще менѣе упрекать ему за дѣло, на которое онъ единожды рѣшился; русской ли бы онъ былъ, или чужеземецъ и комиссаръ какой бы то ни было націи и правительства! Зная лично сиръ Роберта Вильсона, раздѣлявъ съ нимъ и кочевую жизнь военную и опасности битвъ въ нѣсколько вой- нахъ, я всегда любовался его холодною хра- бростію и благороднымъ образомъ мыслей, и потому не могу надивиться причинѣ его молча- нія при клеветѣ, воздвигнутой на него челове- комъ, увѣрившимъ васъ, милостивый государь, въ происшествіи никогда небываломъ и столь много омрачающемъ честь арміи, всегда, какъ казалось, г-мъ Вильсономъ уважаемой. Ибо что ни говори, а войско, позволяющее иностран- цу упрекать вождя своего (не только Кутузова во время самаго торжества его оружія), но ка- кого бы то ни было начальника въ самыхъ ги- бельныхъ обстоятельствахъ, провлекшихъ хо- тя бы отъ его собственной вѣны, не есть вой- ско, а сволочь черни, чуждой чувства чести и достоинства благороднаго званія, имъ носимаго.

Глава XIII, стр. 72.

«Не такъ много стоило усилийъ престарѣлому
«россійскому генералу при поражении, нанесен-
«номъ имъ непріятельской арміи подъ Вязьмою,
«Красными и другихъ мѣстахъ, сколь то вооб-
«ражаютъ. Онъ всюду былъ сильнѣе Наполеона
«по случаю раздѣленія симъ послѣднимъ арміи
«своей на 4 колонны, слѣдовавшія одна отъ дру-
«гой на одно суточное разстояніе.»

Но, Боже мой! Не въ умѣнїи ли пользоваться
ошибками противника своего состоитъ вся тай-
на военнаго искусства, и верхъ совершенства
опадо заключается не въ устройствѣ ли движе-
ній своихъ такъ, чтобы на всѣхъ важнѣйшихъ
течннхъ театра дѣйствія и на полѣ сраженія,
численная сила войскъ превъшала числитель-
ную силу войскъ непріятельскихъ? Не то ли дѣ-
лали Фридерикъ въ теченіе семилѣтней вой-
ны, не то ли дѣлалъ Наполеонъ 1796 года въ
Италіи, въ 1809 году подъ Регенсбургомъ?

Глава XIII, стр. 86.

«Они (Викторъ и Удино) подвигались въ на-
«деждѣ снасти Борисовъ, не узнали, что Дом-
«бровскийъ разбитъ Витгенштейномъ.»

Домбровскийъ защищалъ предмѣстное бори-
совское укрѣпленіе, построенное для защиты
Борисовскаго моста на правомъ берегу Берези-
на и лицомъ къ минской дорогѣ. Онъ былъ
разбитъ генераломъ графомъ Ламбертомъ, ко-
мандовавшимъ авангардомъ арміи Чичагова,
шедшей отъ Минска, тогда какъ Витгенштейнъ

шелъ по слѣдамъ Виктора и Удино, отступавшими отъ Полоцка на Сенно, Черю и Бараны къ Борисову.

Тамъ же:

«Въ слѣдствіе этой неудачи (разбитіе авангарда Чичагова арміи, находившагося подъ командою графа Павла П. Палена по случаю раны графа Ламберта, полученной имъ при взятіи приступомъ борисовскаго предмостнаго укрѣпленія) «Витгенштейнъ принужденъ былъ «оставить Борисовъ и снова оградиться Березиномъ отъ Французовъ.»

Въ обоихъ сихъ случаяхъ видно, что Витгенштейнъ принимается вами, милостивый государь, за Чичагова; ибо Витгенштейнъ никогда не оставлялъ Борисова и не отраждалъ Березина отъ Французовъ по той причинѣ, что онъ, какъ я выше сказалъ, не былъ на лѣвомъ берегу Березина, а преслѣдовалъ Виктора и Удино отъ Полоцка на Сенно, Черю и Бараны къ Борисову.

Глава XIII, стр. 98.

«Такимъ образомъ Французъ успѣли выбрать «ся на дорогу, ведущую къ деревнѣ, называемой Бриловой (Бриля), или лучше сказать на «длинные плотины и мосты, построенные изъ «сосновыхъ бревенъ между непроходимыхъ болотъ. Стоило только Русскимъ произвести «дружный натискъ и подавить непріятеля къ «снимъ мостамъ и плотинамъ, чтобы довершить «его гибель.»

Эти плотины и мосты, простирающіеся на нѣсколько десятковъ верстъ съ нѣкоторыми промежутками, находятся между Брилями и Зебиномъ, а не между селеніемъ Студенки и Брили, отстоящими одно отъ другого не болѣе полверсты; хотя онѣ и раздѣлены Березиномъ и низменнымъ берегомъ довольно болотистымъ, но его вездѣ можно пройти, и потому онъ не покрытъ ни плотинами, ни мостами.

Глава XIV, стр. 131.

«Баварскій корпусъ подъ командою Вреде..... оставался на границѣ Волини.»

Баварская дивизія находилась въ составѣ арміи Сенъ-Сира на Двинѣ около Полоцка. Она не оставалась на границѣ Волини, а при отступленіи Виктора и Удино отъ этого города къ Борисову шла на Глубокое къ Вильно.

Кончаю письмо мое, милостивый государь, съ покорнѣйшею просьбою не принимать съ дурной стороны откровенности моей.... и проч. и проч.

Вашъ покорнѣйшій слуга

Денисъ Давыдовъ.

ВОСПОМИНАНІЕ

0

КУЛЬНЕВЪ ВЪ ФИНЛЯНДІИ.

(Изъ военныхъ моихъ записокъ.)

1808-й годъ.

Война въ Финляндіи, во время самаго разгара своего, не обратила на себя взоромъ ни гражданъ, ни военныхъ людей. Не до того было общему любопытству, утомленному огромнѣйшими событіями въ Моравіи и въ восточной Пруссіи, чтобы заниматься войною, въ ко-ей число сражавшихся едва ли доходило до числа убитыхъ и раненыхъ въ одномъ изъ сраженій предшествовавшихъ войнъ. Къ тому же, первая половина ея ничѣмъ другимъ не была ознаменована, какъ вооруженною прогулкою войскъ нашихъ почти до границы Лапландіи,

покореніемъ первоклассной крѣпости слабыми канонадами и наскоками нѣсколькихъ сотенъ казаковъ. Надо согласиться, что и средства, доставившія намъ такія важныя приобрѣтенія, мало имѣли права на общее вниманіе. За то увѣренность въ незатруднительномъ завоеваніи края этого такъ усилилась, что когда сосредоточенный непріятель напалъ на разбросанныя по клокамъ войска наши, когда вспыхнула война народная, какъ подвозы съ пищею и съ зарядами прекратились отъ набѣговъ жителей, когда пожары разлились по неизмѣрному пространству лѣсовъ, сквозь которые надлежало намъ пробиваться, когда каждый шагъ впередъ и назадъ требовалъ всеминутныхъ пожертвованій жизни, тогда мирные соотечественники наши не хотѣли вѣрить слухамъ, до нихъ дошедшимъ, и, въ заблужденіи своемъ, приглашали насъ письмами на веселіе столицы и семейственныя удовольствія.

А между тѣмъ кровь храбрыхъ орошала тундры финскія, запекалась на скалахъ, по нимъ разсѣянныхъ! А между тѣмъ лучшую часть жизни мы проводили подъ инеями сѣвера, средь океана вѣковыхъ лѣсовъ, на берегахъ озеръ пустынныхъ, гоняясь за славою.

По заключеніи мира съ Швеціею новыя грозы нахлынули, новыя бѣдствія, новыя торжества увлекли, и участія, и обѣты, и усилія въ другую сторону, и финляндская война, поглощается событіями, еще огромнѣйшими предшествовавшихъ, погибла въ неизвѣстности.

Я пишу не исторію, слѣдственно не беру на себя обязанности вызывать эту войну къ безсмертію. Писатель-наѣздникъ, я и тѣмъ буду доволенъ, если записки мои напомнятъ товарищамъ моимъ очаровательныя минуты нашей юности, и мечты, и надежды честолюбія, и опасности, на которыя мы бросались, и кочевья и бесѣды Оссіановскія, у пылающихъ иней, подъ пасмурнымъ небомъ.

При первомъ взглядѣ на карту Финляндіи, мы видимъ, что область эта составлена изъ неправильнаго четверугольника; къ которому плотно приставленъ равнобедренный треугольникъ.

Основаніемъ первому служитъ сѣверный берегъ Финскаго Залива; боками: восточный берегъ Ботническаго Залива отъ Або до Вазы, и перпендикуляръ, падающій отъ Куопіо на Аборфорсъ; крышею, дорога, лежащая отъ Вазы на Лаппо, Линдулаксъ и Кайвисто въ Куопіо.

Эта крыша четверугольника составляетъ основаніе треугольника, когда одинъ бокъ образуемъ продолженіемъ восточнаго берега Ботническаго Залива отъ Вазы до Улеборга; другой дорогою, идущею отъ Куопіо чрезъ Индесальми, къ сему же городу.

Непрерывная трясина, усыпанная скалами и осѣненная дремучимъ лѣсомъ, обширныя озера, одни въ другія впадающія, и дороги, направляющіяся въ видѣ радіусовъ къ малому числу средоточій и рѣдко гдѣ имѣющія между собою поперечныя сообщенія, — составляютъ поверхность Финляндіи.

Тавастгусъ есть главное средоточіе дорогъ четверугольника; сверхъ того, пунктъ этотъ имѣеть сообщенія со всѣми средоточіями и треугольника, какъ чрезъ Лаппо съ Ни-Карлеби, чрезъ Линдулаксъ съ Гамле-Карлеби, чрезъ Койвисто и Куопіо, или чрезъ Гейнолу, Сентъ-Михель и Куопіо, съ Улеаборгомъ. Послѣдній городъ есть, такъ сказать, заставка всѣхъ дорогъ Финляндіи, и единственное сообщеніе съ Швеціею въ лѣтнее время. Зима прибавляетъ еще два сообщенія съ Швеціею: одно чрезъ Аландскіе Острова, близъ Або, другое чрезъ Кваркенскій проливъ близъ Вазы.

Все пространство Финляндіи, такъ какъ и восточный берегъ Ботническаго Залива, не имѣють искусственныхъ укрѣпленій. Но сѣверный берегъ Финскаго Залива защищаемъ Свеаборгомъ, крѣпостью перваго класса, коей портъ можетъ помѣстить до 60 военныхъ кораблей, крѣпостцею Свартгольмомъ и укрѣпленными мысами Перкалаутомъ и Гонгоутомъ, пресѣкающими береговое плаваніе гребнымъ флотиліямъ.

Вся приморская часть этого края много отличается отъ внутренней, относительно благосостоянія, опрятности, кротости нравовъ, и даже просвѣщенія жителей. Можно сказать, что пока ѣдешь отъ Аборфорса до Або, и отъ Або до Улеаборга, — ѣдешь еще Европою: торговля, сближая людей, стираетъ съ нихъ кору природы, и однообразитъ обычай и общежитіе; но чѣмъ болѣе погружаешься въ глубину этой об-

дасти, тѣмъ болѣе видишь, что нравы народа, отгнѣваясь мало по малу, сливаются наконецъ съ суровою и мрачною его обителью.

Такъ, по крайней мѣрѣ, было въ 1808 году.

Военная сила Финляндіи доходила до 15 тысячъ человѣкъ регулярныхъ войскъ, и до 4 тысячъ милиціи, разбросанныхъ по всей области. Изъ числа ихъ до 6 тысячъ находилось въ крѣпостяхъ Свеаборгѣ и Свартгольмѣ; остальнымъ 13 тысячамъ приказано было немедленно сосредоточиваться у опредѣленныхъ имъ пунктовъ, при первомъ извѣстіи о наступательномъ нашемъ движеніи. Тавастгусъ былъ назначенъ сборнымъ мѣстомъ для тѣхъ войскъ, которыя обитали въ южной части четвероугольника; Ваза и оба Карлеби, для находившихся въ сѣверной части онаго, и въ южной части треугольника; Куопіо для живущихъ въ Саволакской провинціи, а Улеаборгъ — сборнымъ мѣстомъ для всѣхъ частей, собравшихся въ Тавастгусъ, въ Куопіо и въ обоихъ Карлеби.

Сверхъ того наистрожайше повелѣно было фельдмаршалу Клингспору, назначенному главнокомандующимъ шведской и финской арміи, не принимать сраженія до собранія послѣдней въ Улеаборгъ.

Въ концѣ января, армія наша расположена была между Фридрихсгамомъ и Нейшлотомъ. Она состояла изъ трехъ дивизій: 5-й, 17-й и 21-й. Первою командовалъ генераль-лейтенантъ Тучковъ 1-й, 17-ю генераль-лейтенантъ князь Горчаковъ 1-й (вскорѣ послѣ того генераль-

лейтенантъ графъ Каменскій), послѣднею генераль-лейтенантъ князь Багратионъ.

Къ этимъ дивизіямъ присоединены были три эскадрона лейбъ-казаковъ и полки: Финляндскій драгунскій, Гродненскій (что нынѣ Клястицкій) гусарскій и одинъ Донской казачій полкъ Лощина.

5-я дивизія раздѣлена была на три отдѣленія: два, подъ личнымъ надзоромъ дивизионнаго командира, находились въ окрестностяхъ Нейшлота; одинъ, подъ командою генерала Булатова, въ окрестностяхъ Вильманстранда.

Вся армія заключала въ себѣ до 20 тысячъ человекъ пѣхоты и конницы, и препоручена была генералу отъ инфантеріи графу Буксгевдену.

Много было толковъ на счетъ времени, когда удобнѣе начинать дѣйствіе. Нѣкоторые предлагали перейти границу немедленно; другіе совѣтовали отсрочить до весны.

Выгоды зимней кампаніи состояли въ томъ, что Швеція не была еще въ готовности. Финскіе полки, разсѣянные по всему пространству Финляндіи, не начинали еще собираться; шведскіе еще не прибыли на театръ дѣйствія. Финляндская область лишена была тѣхъ естественныхъ преградъ, коими она, освобожденная отъ льдовъ и снѣговъ, изобилуетъ. Свеаборгская крѣпость не была ни совершенно вооружена для регулярной обороны, ни достаточно снабжена военными и сѣѣстными потребностями. Сверхъ того, расположенная на островахъ, она

доступнѣ зимою, чѣмъ по вскрытіи льдовъ, тѣмъ болѣе, что нѣкоторыя изъ укрѣпленій требовали еще окончательной достройки; да и тѣ, кои были достроены, имѣли предметомъ защиту гавани, слѣдовательно, весь отпоръ ихъ обращенъ былъ къ морю, а не къ твердой землѣ, откуда должны были производиться нами осада, или приступъ. Не въ лучшемъ положеніи находились и прочія укрѣпленія сѣвернаго берега Финскаго Залива.

Безспорно, что отсрочка до весны способствовала намъ дожидаться войскъ, идущихъ изнутри Россіи, и начать дѣйствіе съ большими силами; что весною, движеніемъ къ Вазѣ, или къ Улеборгу, мы могли отрѣзать отъ Швеціи финскія войска, лишенныя зимнихъ проходовъ, чрезъ Кваркенъ и Аландъ. Но сравнились ли бы выгоды эти съ выгодами зимней кампаніи, и не потеряли ли бы онѣ значимости отъ неудобствъ, съ ними сопряженныхъ и ихъ превышающихъ? Во-первыхъ: видя армію нашу, скопляющуюся нѣсколько мѣсяцевъ на границѣ Финляндіи, шведское правительство могло воспользоваться этимъ временемъ, чтобы собрать финскія войска, усилить ихъ своими, и принять всѣ мѣры къ укрѣпленію важнѣйшихъ стратегическихъ пунктовъ, какъ то: Тавастгуса, Куопіо, Лаппо, Койвиста и Улеборга. Обладая Свеаборгомъ и всѣми укрѣпленными пристанями сѣвернаго берега Финскаго Залива, тогда долженствующими уже быть въ готовности, правительству этому подручно было предприни-

мать значительныя высадки и дѣйствія во флангъ и въ тылъ арміи нашей, въ случаѣ углубленія ея въ нѣдра Финляндіи. Наконецъ, вскрытіе рѣкъ и озеръ вжимало войска наши въ дороги, врѣзанныя, подобно жолобамъ, въ непроходимую поверхность, и лицало равнинъ и прямыхъ сообщеній; словомъ, того необходимаго простора для наступательной войны, который столь удобенъ для предположеній и расчетовъ начальниковъ, оборонительно дѣйствующихъ.

Правительство наше предпочло зимнюю кампанію весенней.

Въ слѣдствіе чего, дивизіи Горчакова назначено было дѣйствовать на Свеаборгъ, дивизіи Баграціона на Тавастгусъ, дивизіи Тучкова, чрезъ Куопіо, на Вазу.

Военныя дѣйствія открылись 8 февраля.

При вступленіи войскъ нашихъ въ предѣлы непріятельскіе, я былъ въ отпуску. Московскія веселости, тогда истинно упоительныя, кружили мнѣ голову. Двадцатитрехлѣтній юноша, и уже лейбъ-гусарскаго полка штабъ-ротмистръ, и уже съ двумя крестами на шеѣ, и съ двумя на красномъ ментикѣ, горящемъ въ золотѣ, я утопалъ въ наслажденіяхъ и, какъ въ эти лѣта водится, влюбленъ былъ до безумія.

Первый слухъ о войнѣ съ Швеціею, и о движеніи войскъ нашихъ за границу выбросилъ меня изъ московскихъ баловъ и сантиментальностей къ моему долгу и мѣсту, какъ Менторъ Телемака, — и я не замедлилъ догнать армію

нашу въ Шведской Финляндіи, на полномъ ходу ея.

На пути къ Гельсингфорсу, на станціи Сябо, я познакомился съ проѣзжавшимъ, подобно мнѣ, къ генералу своему, Архангелогородскаго пѣхотнаго полка поручикомъ и адъютантомъ графа Каменскаго, Закревскимъ. Знакомство, памятное для взаимной нашей дружбы, тридцатый годъ искреннѣйшей и ни отъ какихъ обстоятельствъ не измѣнившейся.

Въ Гельсингфорсѣ находились тогда главная квартира графа Буксгевдена и назначенныя для осады Свеаборга войска, подъ начальствомъ графа Каменскаго. Тутъ я впервые увидѣлъ адъютанта графа Буксгевдена, Невскаго пѣхотнаго полка поручика Нейдгарта, что нынѣ генераль-адъютантъ и командиръ 6-го пѣхотнаго корпуса.

Ежедневныя канонады по крѣпости, — канонады тощія и только-что дразнившія непріятеля, и канонады изъ крѣпости по нашимъ батареямъ, войскамъ и городу, истинно разрушительныя, но болѣе еще приготовленіе фашиновъ и лѣстницъ, съ разглашеніемъ отъ главнокомандующаго нашего о скоромъ приступѣ, — задержали меня въ Гельсингфорсѣ. Я на это рѣшился какъ потому, что зналъ образъ мыслей и чувства начальника моего, который, въ случаѣ приступа, съ радостью узналъ бы о содѣйствіи адъютанта своего въ такомъ отважномъ предпріятіи, такъ и потому, что по направленію 21-й дивизіи изъ Тавастгуса къ Або не было

непріятеля, слѣдственно, нельзя было и ожидать тамъ никакого сраженія.

Я недолго оставался въ Гельсингфорсѣ. Едва начались переговоры о сдачѣ Свеаборга, какъ я уже погонялъ лошадей по абовской дорогѣ.

Въ Або явился я къ моей должности, и вмѣстѣ съ тѣмъ попалъ на балы и увеселенія. Князь Багратионъ объявилъ намъ, что 21-й дивизіи ничего другаго не оставалось, кромѣ веселья, — ибо военныя дѣйствія въ южной Финляндіи прекратились и врядъ ли, послѣ покоренія Свеаборга, Свартгольма и мысовъ Гангоуда и Пергелаута, возобновятся, — по крайней мѣрѣ, съ нѣкоторой значимостію.

Я разсудилъ, что если уже тоняться за свѣтскими увеселеніями — выгоднѣе для меня ѣхать обратно въ Москву, гдѣ этого рода увеселенія на русскую стать: шумны, роскошны, и сверхъ того поэтизированы присутствіемъ моей красавицы, — чѣмъ оставаться въ Або, съ неловко прыгающими Чухоночками, довольно свѣжими и хорошенькими, но ни въ какомъ случаѣ не стоящими ружейныхъ выстрѣловъ, для которыхъ пожертвовалъ я радостями моего сердца. Мысль эта рѣшила меня проситься у князя, на сѣверъ, къ Раевскому и Кульневу, которые преслѣдовали финскія войска къ Улеаборгу. Тамъ еще пахло жженымъ порохомъ — тамъ было и мое мѣсто.

На такого рода просьбы князь отвѣчалъ всегда согласіемъ и похвалами. Въ душѣ его былъ отголосокъ на все удалие порывы юно-

шей, жадныхъ къ боевымъ приключеніямъ и случайностямъ.

Послѣ двухъ-суточнаго пребыванія моего въ Або, длинныя финскія сани несли уже меня по пустыннымъ и снѣжнымъ озерамъ и холмамъ, между скалъ и дремучихъ лѣсовъ Финляндіи. Я скакалъ въ Вазу.

Въ то время народонаселеніе было еще равнодушно и спокойно. Жители не питали къ намъ ни малѣйшей злобы. Проѣзды курьеровъ и всякаго рода обозовъ производились съ такою же безопасностію, какъ въ срединѣ Россіи. Вскорѣ, отпущенные во-своица главнымъ начальствомъ нашимъ, гарнизоны Свеаборга и Свартгольма и неудачи войскъ нашихъ на сѣверѣ все измѣнили.

Въ Вазѣ былъ Раевскій. Я остался бы при этомъ полнымъ дарованій и неустрашимости военачальникѣ, при этомъ съ дѣтства моего столь любимомъ мною человекѣ, если бы Кульневъ не командовалъ авангардомъ его, и слѣдственно, еслибъ не былъ впереди его, не былъ ближе его къ непріятелю. Я поѣхалъ къ Кульневу, котораго догналъ въ Гамле-Карлеби, и отъ авангарда котораго я не отлучался уже до окончанія завоеваній сѣверной Финляндіи.

О Кульневѣ много и многіе говорили; даже писали и печатали, — всякой по своему, всякой какъ слыхалъ о немъ, или видалъ его мимоходомъ. Нѣкоторые полагали его необыкновеннымъ воиномъ, достойнымъ высшихъ степеней, а потому и командованія большими армія-

ми, — другіе только храбрыиъ, но безъ образованія челоуѣкомъ, неучемъ и грубымъ гусаромъ.

Прежде чѣмъ сказать нѣсколько словъ о Кульневѣ, я предъявляю права мои на довѣренность читателя къ словамъ моимъ.

Я познакомился съ Кульневымъ въ 1804 году, во время проѣзда моего чрезъ г. Сумы, гдѣ стоялъ тогда Сумскій гусарскій полкъ, въ которомъ Кульневъ служилъ маіоромъ. Знакомство наше; — хотя онъ былъ меня старѣе ровно 21 годомъ, — знакомство наше превратилось въ пріязнь, въ продолженіе войны 1807 года въ восточной Пруссіи. Мы тогда были: я, лейбъ-гусарскаго полка штабсъ-ротмистромъ; Кульневъ, подполковникомъ Гродненскаго гусарскаго полка, въ который онъ переведенъ былъ изъ Сумскаго. Но въ годахъ 1808 и 1809 въ Финляндіи, и въ 1810 въ Турціи, пріязнь наша достигла истинной, такъ сказать, задушевнѣй дружбы, которая неослабно продолжалась до самой его блистательной и завидной смерти. Въ послѣднихъ двухъ войнахъ, финляндской и турецкой, мы были неразлучны: жили всегда вмѣстѣ, то въ одномъ балаганѣ, то у одного куреня подъ крышею неба; ѣли изъ одного котла, пили изъ одной фляжки. Вотъ въ какомъ соотношеніи мы были одинъ къ другому.

Кульневъ родился въ 1763 году и получилъ образованіе въ Кадетскомъ Корпусѣ при знаменитомъ директорѣ Бецкомъ, въ самую блистательную эпоху этого военнаго училища. Куль-

не въ, зналъ удовлетворительно артиллерійскую науку и основательно полевую фортификацію, теоретически и практически. Онъ порядочно изъяснялся на языкахъ французскомъ и нѣмецкомъ, хотя писалъ на обоихъ часто ошибочно, но познанія его въ исторіи, особенно въ русской и римской, были истинно замѣчательны.—Военный человекъ, и еще гусарь, онъ не хуже всякаго профессора зналъ хронологическій порядокъ событій, и соотношенія между собою одновременныхъ происшествій, выводилъ изъ нихъ собственные заключенія, полныя здраваго смысла и проникательности, и любилъ предлагать подвиги нѣкоторыхъ русскихъ и римскихъ героевъ въ примѣръ молодымъ офицерамъ, служившимъ подъ его начальствомъ. Слогъ приказовъ, отдаваемыхъ имъ войскамъ своимъ, рапорты начальству, усиленные и быстрые переходы отрядовъ, ему ввѣряемыхъ, и притомъ нѣкоторыя странности въ образѣ жизни его, частныя и дѣльныя, принимаемы были за подражаніе Суворову. Это напрасно. Служа при этомъ великомъ человекѣ, во время польской войны 1794 года, Кудыневъ платилъ ему, подобно всѣмъ русскимъ военнымъ, дань удивленія; онъ, можно сказать, боготворилъ его, и всегда говаривалъ о немъ со слезами восторга, но никогда не старался подражать ему ни въ какихъ странностяхъ. Онъ одаренъ былъ слишкомъ смѣтливимъ умомъ, чтобы рѣшиться на подражаніе причудамъ, которыя искупаются, однимъ только гениальными

качествами и безсмертными подвигами! Кульнева причуды происходили отъ его веселаго нрава, никогда, ни отъ чего не унывавшаго и отъ неподдѣльной, самообытной оригинальности его характера. Суровый образъ жизни предпочтенъ имъ былъ роскошному образу жизни, отъ большаго приличія перваго солдатскому быту. Къ тому же, ему и не изъ чего было роскошествовать. Изъ скуднаго жалованья майорскаго, а потомъ изъ весьма, въ то время, недостаточныхъ жалованій — полковничьяго и генераль-майорскаго, — онъ ежегодно и постоянно до конца своей жизни удѣлялъ треть на содержаніе дряхлой и бѣдной своей матери, о чемъ знаетъ весь городъ Люцивъ, гдѣ она жила. Другую треть употреблялъ онъ на необходимыя потребности для военнаго человѣка: на мундиры, содержаніе верховыхъ лошадей, конной сбруи и пр.; наконецъ послѣднюю на пищу себѣ. Эта пища состояла изъ щей, гречневой кашки, говядины, или ветчины, которую онъ очень любилъ. Всего этого готовилось у него ежедневно вдоволь, на нѣсколько человѣкъ. «Милости просимъ!» — говаривалъ онъ густымъ и громкимъ своимъ голосомъ — «милости просимъ, — только каждаго гостя съ своимъ приборомъ, «ибо у меня одинъ.» — Питейнымъ онъ, подобно того времени гусарскимъ чиновникамъ, не пресыщался: стаканъ чаю, съ молокомъ по утру, вечеромъ съ ромомъ; чарка водки передъ завтракомъ; чарка передъ обѣдомъ, для лакомства рюмка шампанки, — а для утоленія жажды вода или

квась: вотъ все питейное, которое употреблялъ Кульневъ въ продолженіе сутокъ. На водку онъ былъ чрезмѣрно прихотливъ, и потому самъ гналъ и подслащивалъ ее весьма искусно. Самъ также заготовлялъ онъ разнаго рода закуски, и былъ большой мастеръ маринировать рыбу, грибы, и пр., что дѣлывалъ онъ даже въ продолженіе войны, въ промежуткахъ битвъ и движеній. «Голь хитра на выдумки» — говаривалъ онъ, подчивая гостей—«я, господа, живу «по-донкихотски, странствующимъ рыцаремъ «печальнаго образа, безъ кола и двора; подчую «вась собственнымъ стряпаньемъ и чѣмъ Богъ «послалъ.»

Это отчужденіе отъ роскоши, этотъ избранный имъ скромный родъ жизни давали ему болѣе, чѣмъ людямъ богатымъ, но увлеченнымъ прихотями сластолюбія и расточительности, средствъ помогать немущимъ. Независимо отъ этого средства, Кульневъ обращалъ самую службу свою на вспомошествованіе своимъ родственникамъ. Получивъ однажды извѣстіе о крайности, въ коей находилась мать его, и видя необходимость послать ей пять тысячъ рублей, онъ, послѣ куортанской побѣды, въ которой особенно отличился, просилъ графа Каменскаго замѣнить этою суммой генераль-майорскій чинъ, назначенный ему въ представленіи объ отличившихся. Графъ согласился. Сумма была прислана Кульневу, и немедленно отослана имъ бѣдной и обожаемой имъ старушкѣ. Въ другой разъ, во время турецкой войны, полу-

чилъ онъ Высочайшее награжденіе по 1000 р. ассигн. въ годъ, на двѣнадцать лѣтъ, и передалъ право это малолѣтней родной племянницѣ, крестницѣ своей, съ тѣмъ, чтобы эти деньги высылаемы были изъ Кабинета въ Опекунскіи Совѣтъ, и хранились тамъ до ея замужства. Но этого мало. Благодѣянія его не ограничивались однимъ кругомъ родственниковъ его. Они простирались далѣе, хотя въ другомъ видѣ. Плѣнные непріатели обрѣтали въ немъ заступника и утѣшителя. Французскіи генералъ Сень-Женье, взятый имъ въ плѣнъ подъ Друею въ 1812 году, залился слезами, услыша объ его смерти. Левенгельмъ, Клерфельдъ, и всѣ офицеры и солдаты финскіе и шведскіе, поднавшіе участи плѣна во время войны въ Финляндіи, отзывались съ восторгомъ объ его рыцарскихъ поступкахъ и не преставали питать къ нему чувства живѣйшей благодарности. Жители области, въ коей воевалъ Кульневъ, не подвергались ни оскорбленіямъ, ни разоренію отъ солдатъ его; мало въ чемъ разнился образъ жизни ихъ во время войны съ образомъ ихъ жизни въ мирное время. Молва объ его великодушій разносилась повсюду. Когда, по завоеваніи сѣверной Финляндіи, онъ пріѣхалъ въ Або и вошелъ на балъ князя Багратіона, всѣ сидѣвшіе въ залѣ абовскіе жители обоего пола, узнавъ, что то былъ Кульневъ, встали со своихъ мѣстъ, танцовавшіе оставили танцы, и все общество подошло къ нему, съ изъявленіемъ благодарности за сохраненіе спокойствія и

собственности жителей той части Финляндіи, гдѣ онъ дѣйствовалъ. Всему этому я былъ очевиднымъ свидѣтелемъ. Но странное дѣло! — Воинъ, до того сочувствовавшій всякому страждущему существу, что крикъ птицы или скота, которыхъ рѣзали на бивачныхъ кухняхъ вблизи куреня его, отвращалъ его отъ пищи на цѣлыя сутки и болѣе — этотъ самый воинъ былъ ненасытимъ зрѣніемъ погибающихъ въ сраженіяхъ воиновъ и неукротимъ въ гнѣвѣ на подчиненныхъ ему офицеровъ за малѣйшій проступокъ ихъ въ военномъ дѣлѣ. Последнимъ не было пощады. Грозные на счетъ ихъ приказы, злые, насмѣшливые имъ выговоры, внушаемые ему умомъ, склоннымъ къ язвительности и ѣдкости, дѣлали службу подъ его начальствомъ не всегда пріятною, часто нестерпимою. Но грабительство мирныхъ жителей нижними чинами доводило его до такого изступленія, что нужны были слова его истинныхъ друзей — и то послѣ перваго взрыва и наединѣ съ нимъ, — чтобы воздержать его отъ безчеловѣчной жестокости съ виновными. За то попечительность его о пищѣ и благосостояніи солдата, какъ въ военное, такъ и въ мирное время простиралась за предѣлы обыкновенной попечительности. «Солдатъ долженъ быть чистъ «честью,» — говаривалъ онъ, — «а чтобы имѣть «право воздерживать его отъ похищенія чужаго добра, надо, чтобы онъ ни въ чемъ не нуждался; у голоднаго брюха нѣтъ уха.»

Начальствуя всегда авангардами, Кульневъ

былъ неусыпнѣнъ въ надзорѣ за непріятелемъ и говаривалъ: «Я не сплю и не отдыхаю для того, чтобы армія спала и отдыхала.» И подлинно, онъ почти не спалъ и не отдыхалъ. Онъ, можно сказать, надѣвалъ на себя одежду при началіи войны и снималъ ее съ себя при заключеніи мира. Все разоблаченіе его на ночной сонъ состояло въ снятіи съ себя сабли, которую клалъ у изголовья. Только въ теченіе дня, по возвращеніи дальныхъ разъѣздовъ, съ увѣдомленіемъ о далекомъ разстояніи непріятеля и о бездѣйствіи онаго, — тогда только онъ позволялъ себѣ умыться и переменить бѣлье. Послѣ того, немедленно и въ ту же минуту, опять надѣвалъ на себя одежду, и въ ней провождалъ ночь, имѣя коня осѣдланнѣмъ у балагана или куреня своего. При первомъ извѣстіи съ передовой цѣпи о выстрѣлѣ, или о движеніи непріятеля, Кульневъ являлся, съ однимъ только ординарцомъ, или вѣстовымъ, къ той части цѣпи, откуда слышанъ былъ выстрѣлъ, или гдѣ примѣченъ былъ непріятель. Тамъ, на самомъ мѣстѣ происшествія и своими собственными глазами, онъ видѣлъ, нужно ли подымать весь авангардъ, или часть онаго, и стоитъ ли тревога эта, чтобы будить и тревожить всю армію, или корпусъ, къ коему принадлежалъ авангардъ, имъ командуемый. Во время ночи, каждый возвратившійся начальникъ разъѣзда долженъ былъ будить его и доносить, видѣлъ или не видѣлъ, встрѣтилъ или не встрѣтилъ непріятеля, все равно. Число разбудовъ этихъ до-

ходило иногда до 7 и 8 въ продолженіе ночи; а такъ какъ я жилъ съ нимъ въ одномъ балаганѣ, или у одного куреня, то часто разбѣздные, не зная, кто изъ насъ въ которомъ углу спать, будили меня вмѣсто Кульнева, и тѣмъ по цѣлымъ ночамъ не давали мнѣ покоя, — что было истинно невыносимо. Я уже сказалъ о взыскательности Кульнева за грабительство, производимое иногда нижними чинами; взыскательность эта простиралась и на счетъ недостатка стойкости ихъ въ сраженіяхъ. Онъ былъ жестоко строгъ съ тѣми солдатами, которые уклонялись отъ непріятельскихъ выстрѣловъ, и оставляли свои мѣста. Для прекращенія такого зла, онъ бдительно надзиралъ, чтобы застрѣльщики и артиллеристы, первые не оставляли своевольно орудій съ мѣсть своихъ, подъ предлогомъ недостатка патроновъ и зарядовъ. Тѣ, которые выстрѣляли свои патроны, или заряды, должны были оставаться на своихъ мѣстахъ не стрѣляя, до раздачи запасныхъ патроновъ и зарядовъ, предварительно для сего назначенными командами, коихъ долгъ былъ находиться позади цѣпи, или батареи. Это было необходимо въ Финляндіи, гдѣ всѣ сраженія были огнестрѣльные, и происходили въ лѣсцетыхъ мѣстахъ, усыпанныхъ огромными скалами. Это было необходимо въ войнѣ, въ которой полки наши, потерпѣвшіе въ Австріи и въ восточной Пруссіи, были полны рекрутовъ, непривычныхъ къ бою. Случалось, что нѣкоторые изъ нихъ, пользуясь мѣстностію, закрывавшею ихъ

отъ надзора офицеровъ и старыхъ солдатъ, уходили въ паркъ, для снабженія себя новыми патронами. Распорядокъ Кульнева прекратилъ это неустройство. Онъ приказалъ, чтобы люди до раздачи запасныхъ патроновъ и зарядовъ оставались на своихъ мѣстахъ, съ пустыми ружьями, сумами и артиллерійскими ящиками; слѣдственно безъ возможности отвѣчать непріятельскимъ выстрѣламъ своими собственными выстрѣлами, принудилъ ихъ быть бережливей въ растратѣ патроновъ и зарядовъ и стрѣлять съ большею мѣткостію.

Чтобы окончательно изобразить Кульнева, прибѣгаю къ самому ему, выписывая нѣсколько строкъ изъ его писемъ и приказовъ:

Послѣ 10-ти-лѣтней службы въ маіорскомъ чинѣ, безъ надежды на производство въ слѣдующій чинъ, и уже на 42 году жизни, Кульневъ рѣшился оставить службу. Онъ писалъ къ родному брату своему въ началѣ 1805 года:

«Признаюсь тебѣ, что сія война остается послѣднимъ моимъ поприщемъ. Я не упущу случая, и буду служить въ ней какъ вѣрный сынъ отечества. Послѣ удаюсь въ общую нашу деревушку Болдырево. * Миѣ скучно стало не видать перемѣны въ «службѣ моей.»

Но тутъ какъ-бы разыграло солдатское сердце. Онъ, опомнясь, продолжаетъ:

* Родовая деревушка Кульневыхъ, Калужской Губерніи, Козельскаго Уѣзда.

«Впрочемъ, la guerre a ses faveurs ainsi que ses disgrâces; надо во всемъ полагаться на волю Божію.»

«Для чести и славы Россіи, равно и для поддержки несчастнаго нашего семейства, я не буду щадить живота моего.»

Того же года и къ тому же брату:

«Я надѣюсь, что ты не покинешь бѣдную мать нашу, и увѣряю тебя съ моей стороны, что гдѣ бы я ни былъ, она будетъ получать определенную мною ей треть. Если же меня убьютъ, то коней и ружья моей останется въ три года, ибо все стоитъ болѣе 1000 рублей. Вотъ все мое имѣніе, которое нажилъ я въ продолженіе 20-ти-лѣтней моей службы. Прощай. Благослови на одолженіе враговъ. Заключаю тебя не покидать любезную мать, а паче буде меня не станеть.»

1807 года, къ другому брату:

«Поздравляю тебя съ чадомъ. Больше ни о чемъ не прошу Бога, какъ только, чтобъ онъ былъ счастливъ меня. Да послужать ему нѣкогда примѣромъ и наставленіемъ несчастія мои, которыя довольно отличительны. Будучи всѣми любимъ, ведя скромную и честную жизнь, я цѣлымъ вѣкъ гонимъ судьбой. Сравнивая сіе съ злодѣяніями людей, которые въ этой жизни наслаждаются всѣми благами, необходимо надо предполагать, что есть будущая жизнь, въ которой отличится зло отъ добра. Вотъ

«единное утѣшеніе для каждаго христіанина, и оно «подкрѣпляетъ духъ мой, который по сіе время, «благодаря Бога, не увывалъ, полагаясь во всемъ на «волю Провидѣнія, и будучи увѣренъ, что все со- «здано къ наилучшему концу.»

Приказъ офицеру, занимавшему постъ близъ Вазы въ 1808 году:

«..... Ежели бы у васъ осталось только два чело- «вѣка, то честь ваша состоитъ въ томъ, чтобъ имѣть «непріятеля всегда на глазахъ и обо всемъ меня увѣ- «домлять. Впрочемъ, старайтесь отстаивать пунктъ; «который вы защищаете, до самаго нельзя; къ рети- «радъ всегда есть время, къ побѣдѣ рѣдко.»

Приказъ по отряду, того же года:

«Разные пустые бабьи слухи отражать духомъ «твердости. Мы присланы сюда не для пашни; у «Государя есть много крестьянъ на это; честь и сла- «ва наша жатва; чѣмъ больше непріятеля; тѣмъ «славнѣе. Имѣть всегда на памяти неоднократно «уже повторяемая мною слова: честная смерть луч- «ше безчестной жизни.»

Брату своему, въ томъ же году:

«Будь терпѣливъ и не скучай. За Богомъ молит- «ва, за Государемъ служба не пропадаютъ. Какая «служба была несчастіе моею! Теперь все перемѣ- «нилось, и я довольнѣйшій, изъ смертныхъ своею

«участью.» (Опъ получилъ тогда чинъ полковничій и крестъ Св. Георгія 3 класса). «Лучше быть меньше «награждену по заслугамъ, чѣмъ много безъ всякихъ «заслугъ. Съ какимъ вельможей, носящимъ Влади- «міра 1 класса, поравняю я мой Владиміръ 4-го съ «бантомъ?»»

П Р И К А З Ы.

30-го января 1808 года:

«Вчерашній маршъ былъ для всѣхъ равенъ. Въ «эскадронахъ мнѣ вѣреннѣхъ и лейбъ, не познобле- «но ни одного, а въ эскадронѣ полковаго командира «четыре человекъ. Изъ сего должно заключить, что «сапоги были тѣсны, не могли вмѣстить теплой обу- «ви, и болѣе способны для лѣтняго парада, чѣмъ для «зимняго военного похода. Лучше прилежать къ на- «стоящей службѣ, пещись о благѣ подчиненныхъ, «чѣмъ удручать тѣло человѣческое пустымъ, и ни къ «чему не нужнымъ щегольствомъ, а паче въ такое «время, когда идешь приобрѣтать новую честь и сла- «ву.»

9-го іюня того же года:

«Быть готову къ движенію. Людей никуда не от- «лучать; придать силы имъ крутою кашницею. Про- «віантскихъ много наскало; требовать отъ нихъ «все что слѣдуетъ, а не дадутъ, — рапортовать мнѣ. «Кормленный солдатъ лучше десяти тощихъ: пред- «полагать маршу нельзя; пойдемъ на тридцать «версть, а очутимся за сто.»

1-го іюня 1809 года:

«Имѣть неусыпное смотрѣніе за чистотою тѣла солдатскаго. Государь щедро все отпускаетъ: можно иногда и мясца изъ двойнаго жалованья поѣсть. Эти деньги пожалованы не для того, чтобы по рукамъ раздавать, а должны быть въ артели, — а артель есть душа и кормилица солдатская.»

15-го іюля 1809 года. Письмо въ Бѣлорусскій гусарскій полкъ, котораго Кульневъ назначенъ былъ шефомъ:

«Чистота и опрятность есть источникъ здравія солдатскаго. При доброй пищѣ пецися о нихъ по долгу христіанскому и обязанности службы; вести въ эскадронахъ ежедневную записку, что солдаты ѣли, какого роду было варево, — а когда кашицы поспѣли, то давать повѣстку къ кашамъ, и тогда всѣ бросаютъ свою работу. О чемъ вынужденнымъ нахожусь напомнить, ибо замѣчено мною неоднократно, что одни ѣдятъ, а другіе работаютъ, — а начальникъ, глядя на то равнодушно, съ сытымъ желудкомъ, курить трубку, не думая о томъ, что одни съѣдаютъ вдвое, а другимъ ничего не достается.»

Письмо туда же 1810 года:

«Обучать солдатъ, какъ предписано было отъ главнокомандующаго, отнюдь не болѣе 3 часовъ въ сутки, но знать чему обучать, на что должно ис-
Соч. Д. Давыд.

«пытывать самихъ господъ офицеровъ, достаточно ли они знаютъ свое дѣло, безъ чего ученье не есть ученье, а мученье.»

Приказъ при выступленіи на завоеваніе Аландскихъ Острововъ, 1809 года:

«Съ нами Богъ! Я предъ вами. Князь Багратионъ за нами.»

Другой:

«На маршъ быть бодрю и веселу; уныніе свойственно оди́мъ старымъ бабамъ.—По прибытіи на Кумлингенъ чарка водки, кашлица съ мясомъ, щить и ложе изъ ельнику. Покойная ночь!»

Третій:

«Серьги солдату носить не прилично. Это предоставлено оди́мъ женщинамъ. Солдаты должны щеголять опрятностію и чистотою амуниціи. Кто носитъ серьги, тотъ о званіи солдата не имѣетъ никакого понятія.»

1812 года, будучи на Двинѣ, слѣдственно недалеко отъ г. Люцина, гдѣ жилъ братъ его (мать его тогда уже скончалась), онъ писалъ къ нему:

«Я повозку мою по сіе время не отыщу; остался въ одномъ мундирѣ; пить и ѣсть нечего. Привези,

«братъ, водочки и кусокъ хлѣба; подкрѣпить желу-
«докъ, — ибо съ самаго начала этой войны, я еще
«не спалъ и порядочно не ѣлъ.»

Тогда же и къ нему же:

«Ежели я паду отъ меча непріятельскаго, то паду
«славно. Я почитаю счастиемъ пожертвовать послѣд-
«нею каплею крови моей, защищая отечество.»

Какъ Кульневъ чувствовалъ, какъ говорилъ,
такъ онъ и сдѣлалъ. Спустя нѣсколько дней
послѣ этого письма, въ сраженіи подъ Клясти-
цами, ядро оторвало ему обѣ ноги; онъ упалъ и,
сорвавъ съ шеи своей крестъ Св. Георгія, бро-
силъ окружающимъ его, сказавъ имъ: «Возьми-
«те! Пусть непріятель, когда найдетъ трупъ
«мой, приметъ его за трупъ простаго, рядоваго
«солдата, и не тщеславится убитіемъ русскаго
«генерала.»

Кульневъ былъ росту 2 аршинъ и 10 верш-
ковъ. Былъ сухощавымъ, но ширококостнымъ
и немного сутуловатымъ мужчиною. Волосы
имѣлъ онъ темнорусые, съ сильною просѣдою.
Онъ былъ лица продолговатаго, носъ имѣлъ
прямой, довольно большой, съ малой горбиной,
и длияные усы съ огромными бакенбардами. Я
недавно гдѣ-то читалъ, что онъ носилъ какой-
то черный гусарскій мезтикъ или долманъ съ
черными шароварами. Несправедливо. Въ Фин-
ляндіи онъ носилъ Гродненскаго гусарскаго, а
въ Турціи Бѣлорусскаго гусарскаго полка мен-

тикъ, или долманъ, смотря по времени года, какъ всѣ гусары; только одежда его была не офицерская, а рядоваго гусара, т. е. сшитая изъ толстаго солдатскаго сукна, съ гарусными шнурками и съ оловянными пуговицами. Рейтузы носилъ онъ форменныя офицерскія, и фуражку также форменную, часто однако уступавшую мѣсто финскому калпаку или разнаго рода скуфьямъ и ермолкамъ, что дѣлывалъ онъ изъ балагурства, можетъ быть, и изъ страсти посылить что нибудь странное на головѣ, ибо однажды онъ надѣлъ на голову и носилъ до износа подаренный ему мною табачный кисеть, сафьянный, шитый золотомъ.

Таковъ былъ Кульневъ, съ его странностями, съ его причудами, добродѣтелями и подвигами,носящими отпечатокъ предприимчивости, рѣшимости и непоколебимости. Память о немъ для насъ; современниковъ его, для насъ, друзей и боевыхъ товарищей его, неизгладима!

Во время проѣзда моего изъ Гельсингфорса въ Або и изъ Або, чрезъ Вазу, въ Гамле-Карлеби, Свеаборгская крѣпость покорилась нашему оружію. Шведскія войска, защищавшія ее, и составлявшія содѣмую часть гарнизона, отправлены были плѣнными въ Выборгъ, но около 6000 финскихъ войскъ распущены были по домамъ съ паспортами. Ошибка, какъ я уже замѣтилъ, причинившая намъ много вреда въ теченіе лѣтней кампаніи и даже при первомъ наступательномъ шагѣ войскъ нашихъ изъ сѣверной Финляндіи.

Между тѣмъ главнокомандующій, графъ Буксгевденъ, не преставалъ насылать отрядамъ, дѣйствовавшимъ на сѣверѣ, повелѣнія за повелѣніями объ усиленіи преслѣдованія и натисковъ на Клингспора, котораго войска, по мѣрѣ отступленія къ Улеборгу, болѣе и болѣе сосредоточивались, и притомъ усиливались войсками, приходящими изъ Швеціи. Вся наша 21-я дивизія оставалась въ Або и въ окрестностяхъ Або; 17-я дивизія, или войска, облежавшія Свартгольмъ и Свеаборгъ, вступили въ эти крѣпости въ качествѣ гарнизоновъ, а резервы, подошедшіе изъ Россіи, употреблены были на защиты береговъ отъ десантовъ, до коихъ было еще довольно времени. Отъ сего произошло, что между коломъ войскъ, дѣйствовавшимъ на сѣверѣ, и главными силами, оставшимися въ южной Финляндіи, было болѣе 600 верстъ пространства пустого и безъ малѣйшаго резерва.

1-го апрѣля Кульневъ занялъ Калайоки. 3-го за два часа до разсвѣта, выступилъ онъ къ атакѣ въ Ипнери, въ самый часъ выступленія противу него авангарда непріятельской арміи. Пѣхота наша, состоявшая изъ трехъ батальоновъ и 6 орудій, подъ командою подполковника Карпенки и маіоровъ Вреде и Конскаго, пошла большою дорогою, тогда, какъ два эскадрона гусаръ и до двухъ сотъ казаковъ, подъ командою маіора Силина, составлявшіе ея лѣвый флангъ, шли по льду Ботническаго Залива, недалеко отъ берега. Дѣло завязалось на самомъ разсвѣтѣ, и ружейный огонь пѣхоты загорѣлся на большой

дорогѣ, и въ лѣсахъ, сквозь которые она пролежала. Въ это время шведскіе драгуны Ниландскаго полка, съѣхавъ съ берега, показали на льду противъ нашей конницы и двинулись на малую часть казаковъ, впереди ея разсыпанныхъ. Казацкіе фланкеры начали отъѣзжать, и заманивать разстроенную уже, отъ единого движенія впередъ, непріятельскую конницу. Увидя это, Кульневъ и я, оставя пѣхоту, поскакали къ нашей конницѣ, но она, не дождавшись насъ, ударила, смяла и опрокинула ниландскихъ драгуновъ. Мы только-что успѣли насладиться дѣйствиємъ казацкихъ пики и ногоною казаковъ за непріателемъ по гладкой и снѣжной пустынѣ Ботническаго Залива: Картина оригинальная и прелестная! Много драгунъ было поколото, много взято въ плѣнъ. Но посреди сумятицы этой, намъ бросилась въ глаза группа всадниковъ, около которыхъ болѣе толпилось казаковъ, и которая защищалась. Мы направились во весь скакъ въ эту сторону, и услышали слова: Koulneff, Koulneff! sauvez nous la vie! (Кульневъ, Кульневъ! спасите намъ жизнь). Это былъ генералъ Левенгельмъ, королевскій адъютантъ, только-что за нѣсколько дней предъ тѣмъ прибывшій въ армию изъ Стокгольма, для исправленія должности начальника главнаго штаба, и адъютантъ его, капитанъ Клерфельдъ, молодой челевѣкъ, бывшій у насъ наканунѣ парламентаремъ; при нихъ было нѣсколько драгуновъ. Кульневъ остановилъ направленныхъ на нихъ пики, соскочилъ съ лошади, и кинулся общи-

мать плѣнныхъ чиновниковъ. Кровь Левенгельма заструилась по усамъ и бакенбардамъ Кульнева; ибо Левенгельмъ былъ раненъ никою въ горло, къ счастью его, не такъ опасно, какъ въ началѣ мы вообразили.

Преслѣдованіе продолжалось до с. Пигаюковъ.

Левенгельмова рана была немедленно перевязана цырюльникомъ отряда нашего. Послѣ чего, какъ онъ, такъ и адъютантъ его, ободренные привѣтствіемъ и ласками Кульнева, отправлены были при конвоѣ къ генералу Раевскому, выступившему уже изъ Вазы къ намъ на подпору.

Во время перехода къ Пигаюкамъ, я, для смѣху, сочинилъ мысленно стихи и проговорилъ ихъ Кульневу. Вотъ все, что изъ нихъ помню:

Повѣдай подвиги усатаго героя,

О, муза! — расскажи, какъ Кульневъ воевалъ,

Какъ онъ среди снѣговъ въ рубашкѣ кочевалъ,

И въ финскомъ каптакѣ являлся среди боя.

Пускай услышитъ свѣтъ

Причуды Кульнева и громъ его побѣдъ.

Румяный Левенгельмъ на бой приготовлялся

И, завязавъ жабо, прическу поправлялъ,

Ниландскій полкъ его на княчахъ выѣжалъ,

За нимъ и корпусъ весь Клингспора пресмыкался

О, храбрые враги! куда стремитесь вы?

Отвага, говорятъ, ничто безъ головы.

Нашъ Кульневъ до зари, какъ соколъ встрепешулся.
Онъ воиновъ своихъ ко славѣ торопилъ:

«Вставайте,» говорилъ, «вставайте,» я проснулся!

Съ охотниками въ бой! Богъ храбрости и силы!

По чаркѣ, да на конь, безъ холи и затѣвъ;

Чѣмъ ближе, тѣмъ виднѣй, * тѣмъ легче бить
злодѣвъ!

Все въ мигъ воспрянуло, все двинулось впередъ....

О, муза, расскажи торжественный походъ!

.....

На другой день мы пошли далѣе. Почти безъ сопротивленія завяли Брагештатъ, но въ Олькіокахъ встрѣтили неожиданный нами отпоръ, впрочемъ недолго продолжавшійся.

Напрасно было бы напоминать Кульневу о неослабности въ надзорѣ его, за бдительностью передовой стражи, относительно нечаяннаго нападенія на отрядъ нашъ. Этого было не нужно. Дѣятельность, неусыпность и строгость Кульнева въ семъ отношеніи были неограниченны. Но необходимо было разочаровать его отъ увѣренности, что отступленіе Клингспора продолжится до безконечности, и удостовѣрить его, что отступленіе это происходитъ отъ стратегическихъ видовъ, т. е. отъ соединенія всѣхъ шведскихъ и финскихъ войскъ у Улеборга, а не отъ страха, поселеннаго въ нихъ залетною и опрометчивою погоною нашею. Я взялъ на

* Приказъ Кульнева, наканунѣ нападенія, котораго начало назначено было за два часа до разсвѣта.

себя обязанность вывезти Кульнева изъ заблужденія, спорилъ съ нимъ до изнеможенія, почти до ссоры, и все тщетно. Онъ забылъ, что по мѣрѣ отлива финскихъ войскъ къ Улеаборгу, — къ этому узлу, или застѣжкѣ всѣхъ дорогъ Финляндіи, — всѣ финскія войска, идущія по нимъ, сами собою и единымъ направленіемъ своимъ сосредоточиваются у этого города. Онъ забылъ, что вмѣстѣ съ тѣмъ, клоки войскъ его и Раевского, оторванные отъ нашихъ главныхъ силъ, оставшихся на берегу Финскаго Залива, подвигаются къ тому же Улеаборгу безъ опоры и надежды на усиленіе себя свѣжими войсками. Не принимая ничего этого въ уваженіе, онъ, въ чадѣ успѣховъ своихъ, шелъ впередъ безъ оглядки.

6-го апрѣля, отрядъ нашъ наткнулся снова на непріятеля. Это было у сигаюкской кирхи. Онъ занималъ позицію, которой, казалось, не хотѣлъ уступить даромъ. Мы атаковали живо. Начальные натиски наши были успѣшны, и финскій арріергардъ снимался уже съ позиціи, чтобы слѣдовать за отступавшими главными силами. Вдругъ Клингспоръ перемѣняетъ мысль, останавливаетъ отступление и возвращаетъ почти половину арміи своей на podporу арріергарда. Огонь возобновляется съ сильнѣйшею яростію. Финскія войска, подъ огнемъ 10-ти своихъ орудій, строятся въ колонны, наклоняютъ штыки и бросаются намъ на встрѣчу. Кульпевъ, и духъ войскъ нашихъ, возвышенный успѣхами, продолжавшимися до этого дня непреры-

но ; — привѣтствуютъ непріятеля по долгу и чести. Огневое дѣло обращается въ штыковую рѣзню. Финны и Шведы въ этомъ родѣ битвъ достойные состязатели Русскихъ. Схватка была молодецкая, но превосходство числительной силы непріятеля надъ нашею восторжествовало, и должно было восторжествовать. Мы уступили мѣсто сраженія. Уронъ съ обѣихъ сторонъ простирался до 1000 человекъ. Со стороны нашей былъ убитъ, 24-го егерскаго полка, майоръ Конской; со стороны непріятеля полковникъ Флемингъ. Кульнева Богъ спасъ: ядро пролетѣло такъ близко къ нему, что импетомъ своимъ обожгло ему ногу.

На другой день Клингспоръ оставилъ приобретенное имъ мѣсто сраженія и сосредоточился между Лимага и Люміоки. Мы немедленно вступили въ Сигаіоки.

Между тѣмъ генераль Раевскій не переставалъ идти вслѣдъ за нами, и остановился въ Пигаіокахъ, гдѣ соединился съ 5-ю пѣхотною дивизіею, пришедшею изъ Куопіо, и заключавшею въ себѣ не болѣе 3000 человекъ. Одна изъ бригадъ этой дивизіи, подъ командою генерала Булатова, состоявшая изъ 2000 человекъ, оставлена была на пути, лежащемъ изъ Куопіо въ Улеборгъ, для преслѣдованія, отступавшей къ этому городу, непріятельской бригады Кронштета.

Генераль-лейтенантъ Тучковъ 1-й командовалъ 5-ю дивизіею и, по старшинству надъ Раевскимъ, принялъ начальство надъ всѣми вой-

сками, дѣйствовавшими въ сѣверной Финляндіи, коихъ числительная сила не превышала 7000 человекъ.

Кульневъ, наказанный поражениемъ подъ Сигаіоками за опрометчивость свою, обратился къ благоразумію. Мы остались въ Сигаіокахъ, соблюдая всевозможную воинскую осторожность, но ничего уже не предпринимая вооруженною рукою и поджидая Булатова, коему предписано было отъ Тучкова сойти съ большой куопіоской дороги у Францила, чтобы идти къ Револаксу, деревнѣ, отстоящей отъ Сигаіоковъ не далѣе 8 или 10 верстъ.

Но такъ какъ Кульневъ не могъ долго оставаться въ бездѣйствіи, то 12 апрѣля онъ послалъ меня, съ однимъ эскадрономъ гусаръ и одной сотней казаковъ, на островъ Карлое. Этотъ островъ лежитъ въ 10, или 15 верстахъ, отъ берега, почти противъ самаго Улеборга. Мнѣ предписано было выгнать оттуда непріятеля, но ничего не предпринимать болѣе, чтобы не навлечь на себя войскъ изъ непріятельскаго авангарда, на флангъ и почти въ тылу котораго находился этотъ островъ. Я пришелъ въ Карлое на разсвѣтъ, и засталъ тамъ нѣсколько фуражировъ, съ слабымъ прикрытіемъ. Бой нашъ продолжался не долго. Нѣсколько непріятельскихъ всадниковъ было побито; нѣсколько было взято въ плѣнъ; остальные спаслись бѣгствомъ. Въ теченіе дня, я благополучно примкнулъ къ отряду нашему въ Сигаіокахъ.

Того же числа, т. е. 12-го апрѣля, Булатовъ

вступилъ въ Револаксъ, и около того же времени войска Тучкова и Раевского подвинулись къ Брагештату.

Непріятельская армія оставалась въ Лиминго и Люміокахъ. Сосредоточенныя силы ея достигли уже тогда до 14 тысячъ человекъ. Надлежало ожидать скорой развязки, для насъ невыгодной, по удаленію нашему отъ главной арміи и по несоразмѣрности силъ нашихъ съ противными силами, вдвое насъ превышавшими.

15-го апрѣля воспослѣдовала эта развязка.

Т И Л Ъ З И Т Ъ

въ 1807 году.

(Отрывокъ изъ моихъ военныхъ записокъ.)

І.

1807 года 2-е іюня ознаменовано было неимовѣрною храбростію, неимовѣрными усилями войскъ нашихъ — и при всемъ томъ этотъ день былъ днемъ бѣдственнымъ для нашего оружія. Пораженная подъ Фридландомъ, армія наша тянулась къ Прегелю, чтобы оградить себя отъ дальнѣйшихъ покушеній непріятеля.

Не забуду никогда тяжелой ночи, смѣлившей этотъ кровавый день. Арріергардъ нашъ, измученный десятисуточными битвами и ошеломленный послѣднимъ ударомъ, разразившимся болѣе на немъ, чѣмъ на другихъ войскахъ, при-

Соч. Д. Давыд.

крываль отступленіе арміи, нѣсколько часовъ предъ тѣмъ столь грозной, стройной и красивой. Физическія силы наши гнулись подъ гнетомъ трудовъ, нераздѣльныхъ со службою передовой стражи. Всегда бодрый, всегда неусыпный, всегда выше всякихъ опасностей и бѣдствій, Багратіонъ командоваль эту частію войскъ; но и онъ, подобно подчиненнымъ своимъ, изнемогалъ отъ усталости и изнуренія. Сподвижники его, тогда только начинавшіе знаменитость свою,—графъ Паленъ, Раевскій, Ермоловъ, Кульневъ, исполняли обязанности свои также черезъ силу; пѣхота едва тащила ноги; всадники дремали, шатаясь на коняхъ.

На разсвѣтъ армія прибыла въ Велу и въ продолженіе дня перешла черезъ Прегель: арріергардъ, соединясь съ нею, истребилъ мостъ. Все войско, сколько позволило время, устроилось и пошло далѣе да Топлакенъ, Клейнъ, Широу и Попелкенъ, въ направленіи къ Тильзиту. Порядокъ марша былъ слѣдующій: впереди гвардія со всею баттарейною артиллерією; за ними два полка легкой кавалеріи правого фланга (остальною кавалерією этого фланга Беннигсенъ усилилъ арріергардъ); потомъ вся тяжелая кавалерія обоихъ фланговъ; наконецъ вся пѣхота и легкая артиллерія и съ ними главная квартира; арріергардъ заключаль шестіе.

Но прежде чѣмъ продолжать очеркъ этого отступленія, необходимо взглянуть на предшествовавшія оному стратегическія распоряженія обоихъ полководцевъ.

Наполеонъ стоялъ на Пассаргѣ. Передовой корпусъ его арміи, корпусъ Нея, находился въ Гутштадтѣ и окрестностяхъ.

Беннигсенъ избралъ новую черту дѣйствія. Онъ расположилъ войска свои по теченію Алле, отъ окрестностей Гутштадта до Шиненбелля, занимая или Гейльсбергъ и Бартештейнъ; назначилъ Гейльсбергъ пунктомъ соединенія всѣхъ силъ своихъ для генеральнаго сраженія и покрылъ возвышенія, облегающія городъ, многочисленными укрѣпленіями. Распорядокъ этотъ не подлежалъ бы осужденію, если бъ черта дѣйствія, избранная Беннигсеномъ, заслоняла естественное основаніе арміи нашей, Нѣманъ и Россію, заслоняла вмѣстѣ съ тѣмъ и магазины, на Нѣманѣ, или между Нѣманомъ и нашею арміею расположенные. Но никакихъ магазиновъ не существовало по этому направленію. Напротивъ, Беннигсенъ отстранилъ ихъ отъ естественнаго и истиннаго основанія своего и, заслоняя Нѣманъ и Россію, оставилъ и даже умножилъ съѣстные и боевые запасы въ Кенигсбергѣ, находившемся на правомъ флангѣ арміи и почти внѣ круга боевыхъ происшествій. Такимъ распорядкомъ онъ подвергъ я магазины и подвозы, высылаемые изъ нихъ въ армію, неминуемой гибели при первой необходимости оставить Гейльсбергъ, при первомъ шагѣ его на правый берегъ Алле.

Это не могло укрыться отъ проницательнаго и всеобъемлющаго взгляда полководца, каковъ былъ Наполеонъ. Онъ рѣшился воспользоваться

ошибкою не только потому, что долгъ всякаго военачальника пользоваться ошибками противника, но и по необходимости. Область, которую изнуряли войска его, расположенныя на кантонирь-квартирахъ въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, и область, столько же времени изнуряемая войсками нашими по тѣмъ же причинамъ, и въ которую онъ намѣревался вторгнуться, не представляли никакого средства къ пропитанію. Надлежало имѣть заранѣе устроенныя магазины, и эти магазины, какъ я выше сказалъ, устроены были только нами въ Кеннигсбергѣ. Разумѣется, что Наполеонъ немедленно опредѣлилъ къ мысли своей городъ этотъ предметомъ своего дѣйствія. Но чтобы овладѣть Кеннигсбергомъ, не подвергая себя той же самой опасности, въ коей находился Беннигсенъ во время зимней кампаніи, надлежало выбить армію нашу изъ гейльсбергскихъ укрѣпленій и отбросить ее на правый берегъ Алле. Средство это не было упущено изъ вида. Французская армія, перейдя чрезъ Пассаргу, подходила къ Гейльсбергу, обнимая лѣвымъ крыломъ своимъ наше правое крыло. Три способа представлялись Беннигсену къ сохраненію, хотя на нѣкоторое время, Кеннигсберга: одинъ въ отраженіи Наполеона отъ гейльсбергскихъ укрѣпленій, разбитіи его арміи и преслѣдованіи ее за Пассаргу и далѣе къ Вислѣ; другой — въ перемѣщеніи всей арміи нашей къ Фришгафскому Заливу, не принимая сраженія подъ Гейльсбергомъ (движеніе тогда уже опасное и отъ смеж-

ности съ непріателемъ почти невозможное); наконецъ, третій — въ направленіи прямо въ Кеннигсбергъ, вмѣсто всей арміи, нѣкоторой части оной. Беннигсенъ избралъ послѣдній, тѣмъ болѣе, что и самое положеніе дѣлъ сему способствовало. Прусскій корпусъ Лестока, дѣйствовавшій на Нижней Пассаргѣ у Спандена, былъ отрѣзанъ отъ нашей арміи движеніемъ лѣваго крыла французской арміи отъ Эльдитена къ Гутштадту. То же произошло и съ русскимъ отрядомъ графа Каменскаго, возвращавшимся изъ-подъ Данцига послѣ попытки пробиться въ эту крѣпость прежде покоренія ея Французами. Беннигсенъ воспользовался обоими обстоятельствами. Лестока, усиленный русскимъ отрядомъ Каменскаго, что составило около 12-ти тысячъ человекъ, послѣшилъ къ Кеннигсбергу.

Въ это время Наполеонъ атаковалъ армію нашу, защищавшую гейльсбергскія укрѣпленія, и, послѣ неимовѣрныхъ усилій, продолжавшихся до глубокой ночи, былъ отбитъ съ чрезвычайнымъ урономъ.

Мы побѣдили не наступательно, а оборонительно, но побѣдили и, слѣдственно, могли на другой день пользоваться побѣдою — атаковать непріятеля. Беннигсенъ простоялъ весь этотъ день въ укрѣпленіяхъ, и на третій, съ арміею, ободренною успѣхомъ, мало понесшею урона и нисколько не разстроеною, перешелъ на правый берегъ Алле, вдоль котораго потянулся къ Прегелю. Наполеонъ достигъ до своего предмета не побѣдою, а неудачею.

Между тѣмъ, какъ мнѣніе о чрезвычайной предприимчивости противника своего принуждало Беннигсена уклоняться отъ генеральнаго сраженія, съ Наполеоновои стороны увѣренность въ недостатокъ предприимчивости Беннигсена увлекала его въ самыя опрометчивыя дѣйствія. Онъ видѣлъ уронъ, разстройство и, слѣдственно, нѣкоторое потрясеніе духа въ большой части своей арміи, что нераздѣльно со всякимъ неудачнымъ приступомъ. Онъ видѣлъ армію нашу отступавшею послѣ успѣха своего не отъ безсилія, не отъ разстройства, не отъ боязни, чего никогда не бываетъ въ самыхъ посредственныхъ войскахъ, зарытыхъ по горло въ смертоносныхъ укрѣпленіяхъ и отразившихъ отъ сихъ укрѣпленій непріятели, штурмовававшего ихъ съ чистаго и открытаго мѣстоположенія. Онъ видѣлъ все это—и не принялъ въ уваженіе ничего имъ видѣннаго. Онъ, какъ кажется, не хотѣлъ сознаться, что оставленіе нами гейльсбергскихъ укрѣпленій и отступленіе наше вдоль Алле къ Прегелю не что иное, какъ слѣдствіе исполненія воли, управляющей нами, а не побѣды его надъ нами; что ничего окончательнаго еще не воспослѣдовало, и что разсвѣченіе гордіева узла еще впереди, — слѣдственно, для сего преда надо болѣе войскъ. Безъ такого предположенія нельзя повѣрить, чтобы этотъ великій полководецъ рѣшился отрядить Мюрата, съ корпусами Сульта, Даву и большею частью кавалеріи и артиллеріи, всего около 50-ти тысячъ человекъ, въ слѣдъ за Лестокомъ, и

* третью армию приступилъ
войны, впервые для не-
ожиданной.

о возвращеніи и безопасности бы-
оставя безъ вниманія Лесто-
къ, ити всеми силами въ слѣдъ
къ Нижней Алле и только по-
слѣдней побѣды отдалить отъ глав-
ныхъ силъ корпуса, отвлеченные имъ
подъ Гейльсберга. Единнымъ направ-
леніемъ ихъ отъ Нижней Алле черезъ Тапио въ
Лабию онъ непрепятственно и вдругъ достигъ
бы до двухъ предметовъ: до овладѣнія Кенигс-
бергомъ безъ выстрѣла и до неизбѣжной гибели
корпуса Лестока, коему кромѣ Лабию не было
другого выхода.

Лестоку узнавъ 4-го числа о пораженіи Бен-
нигсена подъ Фридрихенъ и объ отступленіи
арміи нашей къ Тильзиту. Онъ немедленно оста-
вилъ Кенигсбергъ и послѣдовалъ къ Лабию, что-
бы оттуда выйти на тильзитскій путь. Постигая
всю опасность положенія своего, онъ не шелъ,
онъ летѣлъ туда безъ отдоховъ. Мюратъ, овла-
дѣвъ магазинами нашими въ Кенигсбергѣ, оста-
вилъ при нихъ корпусъ Сульта и, отославъ Да-
ву черезъ Тапио въ главную армию Наполеона,
пустился въ погоню за Лестокомъ съ одною ка-
валерією. Онъ догналъ его, но тогда уже, какъ

* Не есть ли это обстоятельство, что война длилась
полгода, лучшее опроверженіе нападокъ автора на Бен-
нигсена, — генерала, какихъ въ Россіи было немногихъ?

Дестокъ, прошелъ открытое мѣстоподоженіе и у Дабіо достигалъ въ лѣса и болоты, гдѣ канальерія была безполезна. Между тѣмъ, 3-го числа, Наполеонъ направилъ изъ Фридланда корпусъ Нея, на Инстербургъ и слѣдовалъ за нами съ главными силами.

Не зная объ оставленіи Сульта въ Кеннигсбургъ и о примкнутіи Даву къ Наполеону и умеченный мнѣніемъ, что при малѣйшемъ медленіи въ отступленіи, Нея съ собственнымъ корпусомъ и Мюратъ съ корпусами Даву и Сульта могутъ прибыть, на тильзитскій путь и стать между нами и Тильзитомъ, Беннигсенъ, разсудилъ, что большая опасность предстоитъ арміи нашей въ нападеніи на насъ войсками Нея и Мюрата съ тыла, чѣмъ въ напорѣ всей французской арміи, спереди, отъ Ведау. Это, въ нѣкоторомъ отношеніи, весьма справедливое разсужденіе, едва ли рѣшило Беннигсена всюю громадою войскъ, безъ исключенія, достигнуть доспѣшнѣе до узла путей, исходящихъ изъ Инстербурга и Дабіо и соединяющихся съ тильзитскимъ путемъ, при деревняхъ Вагнаглаукенъ и Шидлуцикенъ. Но такой родъ отступленія, произвелъ бы другого рода опасность. Главная масса французской арміи, не встрѣчая ни преградъ, ни отпоровъ отъ арріергарда нашего, который поступилъ бы тогда въ составъ главныхъ силъ, могла, какъ говорится, състь намъ на плеча и жаркими, неотступными натисками довершить нашу гибель прежде, чѣмъ достигли бы мы до праваго берега Нѣмана. Чтобы сколь-

ко-нибудь укротить стремленіе Наполеона со стороны Велау и вмѣстѣ съ тѣмъ избѣгнуть преграды, которую могли воздвигнуть намъ Мюратъ и Ней на пути отступленія нашего къ Тильзиту, приходилось жертвовать арріергардомъ. Багратіонъ оставленъ былъ при Таулакенѣ съ повелѣніемъ отражать натиски Наполеона и отступать какъ можно медленнѣе за армією, которая въ то же время усилила переходы свои. Такъ, полтора года передъ тѣмъ, Кутузовъ, въ такой же почти крайности и по тѣмъ же причинамъ, оставилъ съ шеститысячнымъ арріергардомъ того же Багратіона подъ Голлабрюномъ и Шенгробеномъ противъ огромныхъ корпусовъ Ланна, Сульта и Мюрата. Но какъ тамъ, такъ и тутъ, та же звѣзда горѣла надъ питомцемъ Суворова. Казалось, что Провидѣніе хранило его до Бородинскаго Дня, чтобы снѣтатъ великое событіе съ великою жертвою, отпоръ другому Аннибалу со смертію другого Павла Эмилія.

Въ теченіе всего 3-го числа преслѣдованіе производилось безъ сильныхъ натисковъ, безъ той наглости, которая отличала французскія войска при малѣйшей удачѣ. Но 4-го мы при-
 мѣтили умноженіе силъ въ преслѣдовавшихъ насъ войскахъ и почувствовали желѣзную волю ихъ верховнаго предводителя. Арріергардъ нашъ былъ жестоко тѣснимъ при Клейнъ-Широу, Битененѣ, Пюпелкенѣ. Узелъ путей, соединяющихся въ Ваннаглаукенѣ и Шилдупишкенѣ, былъ отъ насъ еще далекос; главная армія

еще далѣе. О войскахъ Местока, также и о посланныхъ партіяхъ для надзора за движеніемъ и направленіемъ Нея, мы не получали никакого извѣстія. Было отъ чего прійти въ отчаяніе!

— Въ этотъ день прибыло въ арріергардъ нѣсколько башкирскихъ полковъ, только-что пришедшихъ въ армію. Вооруженные луками и стрѣлами, въ вислоухихъ шапкахъ, въ какихъ-то кафтанахъ въ родѣ халатовъ и на лошадяхъ неуклюжихъ, малорослыхъ и тупыхъ, они пущены были въ дѣло, но мало принесли пользы. Французы прозвали ихъ «сѣверными купидонами» (les Amours du Nord).....

— Вечеромъ много было разсказовъ о приключеніяхъ съ Башкирцами въ теченіе этого дня. Что касается до меня, я былъ очевидцемъ одного только случая, весьма забавнаго.

— На перестрѣлкѣ взятъ былъ въ плѣнъ французскій подполковникъ, котораго имя я забылъ. Къ несчастію этого подполковника, природа одарила его носомъ чрезвычайнаго размѣра, а случайности войны пронзили этотъ носъ стрѣлою *насквозь* — но *не на вылетѣ*; стрѣла остановилась ровно на половинѣ длины своей. Подполковника сняли съ лошади и посадили на землю, чтобы освободить его отъ этого безпокойнаго украшенія. Много любопытныхъ, между которыми нѣсколько Башкирцевъ, обступили страдальца. Но въ то время, какъ лекаръ, взявъ иголку, готовился пилить на-двое стрѣлу, возлѣ самага пронзеннаго носа, такъ, чтобы вынуть ее сирава и слѣва, что почти не причинило бы

боли и еще менѣе ущерба этой громадной выпуклости, одинъ изъ Башкирцевъ узнаеть оружіе, ему принадлежащее, и хватаетъ лекаря за обѣ руки. «Нѣтъ!» говоритъ онъ, «нѣтъ, бачка! не дамъ рѣзать стрѣлу мою; не обижай, бачка! не обижай! Это моя стрѣла; я самъ ее вынулъ...» — «Что ты врешь!» говорили мы ему, «ну, какъ ты вынешь ее?» — «Да, бачка, возьми за одинъ конецъ» продолжалъ онъ — «и вырву вонъ; стрѣла цѣла будетъ.» — «А носъ?» спросили мы, — «А носъ?» отвѣчалъ онъ, «смерть возьми носъ!»

Можно вообразить хохотъ нашъ и Юмъ иди

Между тѣмъ подполковникъ, не понимая русскаго языка, угадывалъ однакожь о чѣмъ идетъ дѣло. Онъ умолялъ насъ отогнать прочь Башкирца, что мы и сдѣлали. Долгъ платежемъ красенъ: тутъ въ свою очередь Французскіи носъ восторжествовалъ надъ башкирскою стрѣлою.

5-го числа положеніе наше не улучшилось. То же невѣдѣніе о Местокѣ и Неѣ, та же неотвязчивость авангарда въ преслѣдованіи, тѣ же усилія, то же самоотверженіе войскъ нашихъ при отраженіи натисковъ непріятеля! Разсуждая объ ожидающей насъ участи съ однимъ изъ ближайшихъ тогда пріятелей моихъ, гвардіи Семеновскаго полка штабсъ-капитаномъ барономъ Дибичемъ,* мы какъ-то нечаянно и въ

* Покойнымъ генералъ-фельдмаршаломъ графомъ Дибичемъ-Забалканскимъ. Онъ тогда приписанъ былъ на весь походъ къ генеральному штабу гвардейской дивизіи.

одно время оглянулись вправо и увидѣли около пятидесяти прусскихъ гусаровъ, скакавшихъ къ правому флангу нашей позиціи. Я ѣзжалъ на конѣ не манежно, но бойко, на казацкую руку и конь подо мной былъ залетный. Въ одно мгновение я уже съѣхался съ Пруссаками и немедленно прискакалъ съ ними къ Багратиону. Они объявили ему, что Лестокъ благополучно прошелъ чрезъ Гроссъ-Баумвальдскій лѣсъ, что Французы далеко отъ него отстали, что они еще далѣе отстануть по причинѣ плотины, разсѣкающей этотъ лѣсъ болѣе, чѣмъ на двѣ мили, — плотины узкой и сверхъ того изломанной и изрытой въ разныхъ мѣстахъ войсками Лестока. Мы ожили! Но судьба не удовольствовалась однимъ подаркомъ. Въ ту же минуту пришло донесеніе не менѣе счастливое: партіи наши, посланныя къ сторонѣ Инстербурга для наблюденія Нея, прислали извѣстіе, что онъ, не обращаясь уже къ тильзитскому пути, взялъ направленіе къ Гумбинену; слѣдственно, и съ этой стороны горизонта небо прояснилось. Дѣла наши приняли иной оборотъ. Спасеніе наше было уже несомнѣнно!

Наконецъ, того же дня къ вечеру, Тильзитъ и Нѣманъ достигнуты арміею нашею. Всѣ войска, составлявшія ее, расположились боевымъ

зіи и по приказанію оберъ-квартирмейстера оной, полковника Довре, находился нѣсколько часовъ этого дня въ арріергардѣ для извѣщенія Довре о томъ, что у насъ происходитъ

порядкомъ у Дрангонской кирхи для прикрытія начинавшейся уже переправы тяжестей.

Эти важныя для насъ событія развязали руки Багратіону. Онъ избавился отъ обязанности удерживать въ самомъ дальнемъ разстояніи отъ нашей арміи, вдесятеро противъ арріергарда сильнѣйшія громады войскъ, предводимыхъ самимъ Наполеономъ. Ней и Мюратъ не угрожали уже тылу его, и дѣйствіе его могло ограничиваться одними легкими и обыкновенными отпорами непріятеля, напиравшаго на фронтъ его отъ Велау.

Въ такомъ положеніи были дѣла наши, когда я, 6-го поутру, посланъ былъ къ Беннигсену съ увѣдомленіемъ о прекращеніи опасности арріергарду съ тыла, о созраненіи войсками и устройства и бодрости духа, о соединеніи Мюрата съ главною арміею и направленіи корпуса Ней на Гумбиненъ.

Я не засталъ уже арміи нашей у Дрангонской кирхи. Переправя тяжести свои черезъ Нѣманъ, она сама предприняла переправу, и главная квартира перешла въ Тильзитъ. Прорѣхавъ за кирху, я пострѣчалъ, скакавшаго отъ Беннигсена въ арріергардъ, майора Эрнеста Шенинга, одного изъ остроумнѣйшихъ нашихъ товарищей и собесѣдниковъ. «Что новаго, Шенингъ?» спросилъ я его. — «Новое то,» отвѣчалъ онъ мнѣ, «что я везу письмо отъ Беннигсена къ Багратіону. Беннигсенъ предпринимаетъ ему войти черезъ меня въ сношеніе съ Французами и предложить имъ перемиріе;

пока приступимъ къ переговоровъ о мирѣ. Вотъ тебѣ все новое. Прощай!» Нѣтъ! не могу выразить, что произвело во мнѣ это извѣстіе! Я не скажу, чтобы въ отношеніи собственно къ себѣ, мнѣ противны были и перемиріе и самый миръ. Напротивъ, непрерывныя отступленія, даже послѣ успѣховъ, непрерывныя занятія новыхъ позицій, будто неприступныхъ, а между тѣмъ при появленіи непріятеля немедленно оставляемыхъ, и рѣшительное отсутствіе наступательнаго дѣйствія, приводили меня въ отчаяніе. Мнѣ такого рода война истинно мучительна, даже опостыла; но тутъ дѣло шло не о жонхъ вкусахъ, а о части оружія, еще неотпущеннаго за Фридіандъ.....

Извѣстіе, привезенное мною о безопасномъ положеніи, въ которое вступилъ аррьергардъ, было, какъ казалось, пріятнымъ подаркомъ для Беннигсена; взоръ его прояснился. Послѣ нѣкоторыхъ вопросовъ и отвѣтовъ моихъ, аудіенція кончилась, и я возвратился къ своему мѣсту.

Между тѣмъ армія наша все 6-е и часть 7-го числа непрерывно переходила на правый берегъ Нѣмана, подъ прикрытіемъ аррьергарда, который, не взирая на предложеніе Беннигсена, давно уже полученное Наполеономъ, тѣснѣйшимъ авангардомъ его, продолжалъ сражаться. Наконецъ, всѣ войска безъ исключенія перешли черезъ Нѣманъ, кромѣ нѣсколькихъ десятковъ кавалеріи, ближайшихъ къ фланкерамъ непріятельскимъ и съ ними перестрѣливавшихся. По-

слано было приказаніе имъ примкнуть послѣдніе къ войскамъ, перешедшимъ уже за рѣку. Въ самую эту минуту французскіе кошкоегери и драгуны показались въ городѣ и бросились за ними. Казаки спускали, не прищѣдая, что передовой изъ преслѣдователей, съ саблею наголо, былъ самъ Миоратъ; но они успѣли уже коснуться до праваго берега Нѣмана, когда онъ только-что вскакалъ на мостъ. Мостъ вспыхнулъ почти подъ мордой красиваго коня его и вмигъ обжигалъ пламенемъ. Опрометчивый палачи остановился, круто поворотилъ коня назадъ и шагомъ возвратился въ городъ. Нѣманъ раздѣлялъ сражавшихся. Во время перемирія въ Тильзитѣ Миоратъ хвасталъ этою погоней, вуживая, что онъ хотѣлъ особою своею перескочить черезъ мостъ и показаться на нашемъ берегу. «Жаль, что этого не было, ваше высочество,» отвѣчалъ ему кто-то изъ нашихъ, «мы имѣли бы лишняго пльвнаго.»

Армія наша расположилась такъ: главная квартира въ Амтѣ-Бауленѣ.

Пѣхота и регулярная кавалерія между Погеномъ и Вилькишкендорфъ.

Гвардія въ Бенниккайтенѣ.

Прусскій корпусъ Лестока въ Амтѣ-Винге.

14-я русская пѣхотная дивизія противъ Рагнита (куда прибылъ корпусъ Нея), простирается до Юрбурга.

Все казачье войско на заливаемыхъ лугахъ Нѣмана, противъ сожженнаго моста.

Авангардъ и квартира Вагратиона помѣсти-

лись сначала въ деревнѣ Шаакенѣ, на дорогѣ, проходящей изъ Амтѣ-Баублена въ Вилькишкенѣ, на берегу одного изъ заливовъ Нѣмана; но за нѣсколько дней до заключенія мира авангардъ былъ распущенъ, а квартира Багратиона переведена въ Погегенѣ.

Тѣмъ кончилась война 1806 и 1807 годовъ.

Какой чудесный переворотъ, менѣе чѣмъ въ два года!

1805-го въ августѣ мѣсяцѣ, Франція, сопредѣльная другимъ государствамъ, изъ которыхъ каждое обладало подобными и ни въ чемъ не уступавшими ей средствами и могуществомъ, покорилась въ границахъ своихъ за Рейномъ.

1807-го въ началѣ юня, не существовало уже между Франціею и Россіею ни одного государства вполне независимаго; всѣ они, болѣе или менѣе, покорялись одной волѣ, волѣ завоевателя, который съ высокихъ береговъ Нѣмана поражалъ уже ненасытнымъ взоромъ землю Русскую, синѣющую на горизонтѣ.

II.

8-го числа поутру, я былъ въ главной квартирѣ, въ Амтѣ-Баубленѣ. При мнѣ пріѣхалъ туда съ отвѣтомъ на предложенное Беннигсеномъ перемиріе, адъютантъ маршала Бертье, Луи Неригоръ (племянникъ Талейрана). Я зналъ его за три года прежде въ Петербургѣ, когда онъ числился при французскомъ посольствѣ. Но

тамъ я видалъ его мальчишкою и во фракѣ, а тутъ увидѣлъ его возмужалымъ и въ гусарскомъ плащѣ. Онъ былъ не дурень собою, и казался еще красивѣе въ черномъ ментикѣ, который весь горѣлъ золотомъ, въ красныхъ шароварахъ и въ медвѣжьей шапкѣ, что Французы называютъ kolbas.

Перигоръ принять былъ весьма вѣжливо, не взирая, что онъ вошелъ въ горницу въ шапкѣ, и не снималъ ее даже за обѣдомъ Беннигсена, подъ предлогомъ, что военный уставъ французской арміи запрещаетъ снимать шапки и каски офицерамъ, когда на нихъ лядунки, означающія время службы.

Того же дня, въ 6 часу по полудни, отправился въ Тильзитъ генераль-лейтенантъ князь Лобановъ-Ростовскій, для переговоровъ о перемиріи, которое заключено было 9-го числа и ратификовано Наполеономъ 10-го. Важнѣйшія статьи условія состояли въ опредѣленіи демаркаціонной черты обѣихъ противныхъ армій по талвегу или срединѣ Нѣмана; въ началіи военныхъ дѣйствій (въ случаѣ несогласія обѣихъ договаривавшихся сторонъ), не прежде истечения одного мѣсяца, считая отъ дня объявленія, о прекращеніи перемирія съ прусскою арміею особо отъ російской, и въ принятіи всѣхъ возможныхъ мѣръ къ послѣднѣйшему заключенію окончательнаго мира.

Послѣдняя статья была необходима для Наполеона.

Не взирая на побѣду его подъ Фридландомъ

и на угрожающее пребываніе его на Нѣманѣ, обстоятельства его были въ существѣ своемъ не такъ благоприятны, какъ казались. Впереди Россія, съ ея неисчислимыми средствами для себя, безъ средствъ для непріятеля, необъятная, бездонная. Позади Пруссія, безъ арміи, но съ народомъ оскорбленнымъ въ своей чести, ожесточеннымъ, доведеннымъ до отчаянія насиліями завоевателей, съ народомъ не поднимающимъ оружія потому только, что не къ кому еще пристать и ожидающимъ съ минуты на минуту возстанія Австріи. Съ своей стороны Австрія, потрясенная Ульмомъ и Австерлицомъ, но обладающая еще 340-тысячною арміею*, готовою къ военнымъ дѣйствіямъ, и коей 80-тысячный авангардъ двинуть уже былъ къ сѣвернымъ границамъ Богеміи, въ область, принадлежавшую къ путямъ сообщенія Наполеона съ Франціею. Вотъ положеніе, которое безпокоило сего великаго полководца въ Тильзитѣ, и которое понуждало его къ требованію поспѣшнѣйшаго заключенія мира.

Императоръ Александръ находился тогда недалеко отъ главной квартиры своей арміи, въ 11-го, въ 3 часа по полудни, Наполеонъ послалъ оберъ-гофмаршала двора своего, Дюрока, къ Его Величеству съ привѣтствіями и съ ратификованнымъ имъ актомъ перемирія. Государь весьма милостиво принялъ Дюрока и съ своей

* Mémoires tirés des papiers d'un Homme d'Etat (Hardenberg). Tom. 9.

стороны ратификовалъ актъ, имъ привезенный. Кажется, тогда же назначено было то достопамятное свиданіе, которому мы были свидѣтелями.

13-го былъ этотъ торжественный и любопытный день. Такъ какъ демаркаціонная черта проходила по талвегу или срединѣ Нѣмана, то на самой этой срединѣ, возлѣ сожженнаго моста, построены были два павильона, въ родѣ строящихся на рѣкахъ купалень, четверугольныхъ и обтянутыхъ бѣлымъ полотномъ. Одинъ изъ нихъ былъ и обширнѣе и красивѣе другого. Онъ опредѣленъ былъ для двухъ Императоровъ; меньшій для ихъ свиты. Павильоны эти построены были, по приказанію Наполеона, командовавшимъ артиллеріею его арміи, генераломъ Ларибоасьеромъ. На одномъ изъ фронтоновъ большаго видно было, съ нашей стороны, огромное А; на другомъ фронтонѣ, со стороны Тильзанта, такой же величины литера N., искусно написанныя зеленою краскою. Двѣ большія, но обыкновенныя барки съ гребцами, приготовлены были на обоихъ берегахъ рѣки для поднятія обоихъ Монарховъ съ Ихъ свитами и доставленія Ихъ къ павильонамъ.

Правый берегъ Нѣмана, занятый тогда нами, луговой и дологій, слѣдственно, уступающій въ высотѣ лѣвому берегу, принадлежавшему тогда Французамъ. Это мѣстное обстоятельство было причиною, что все пространство земли, отъ самаго города до первыхъ возвышеній, на коихъ лежали селенія Амтъ-Баублецъ, Поге-

ненъ и другія , все было для нихъ открыто и видимо, тогда какъ мы ничего другого не могли видѣть, кромѣ Тильзита, торчащаго на хребтѣ высокаго берега, и потомъ сходящаго по скату его къ Нѣману. Однако намъ ясно представлялось все, что происходило въ этой части города. Мы видѣли толпы жителей; мы могли даже различать мундиры всякаго рода войскъ , тамъ роившихся, и любоваться стоявшею по обѣимъ сторонамъ главной улицы, отъ сгиба оной до берега Нѣмана, старою гвардіей, которой часть построена была нѣсколькими линіями, обращенными лицомъ въ нашу сторону. Все это войско ожидало появленія непобѣдимаго вождя своего , громоноснаго своего полубога, чтобы привѣтствовать его въ минуту быстраго его проскока къ пристани..

Съ нашей стороны никакихъ приготовленій не было сдѣлано, кромѣ барки съ гребцами, и въ видѣ конвоя, одного полуэскадрона кавалергардскаго полка и одного полуэскадрона или полнаго эскадрона Прусской конной гвардіи. Войска эти расположены были на берегу рѣки, правымъ флангомъ противу сожженнаго моста; лѣвымъ , къ нѣкогда богатой крестьянской усадьбѣ, называемой Оберъ-Мамельшенъ-Кругъ и находящейся почти у самаго берега, на поворотѣ дороги, проложенной мимо ея изъ Тильзита въ Амтъ-Баубленъ. Эта усадьба назначена была мѣстомъ кратковременнаго пріюта для Императора Александра, дабы прибыть Ему къ баркѣ, и потомъ къ павильону, не рашѣе и не

позже Наполеона. Долго искали красивѣе пристанища, но никакого уже строенія на берегу не существовало; всѣ разобраны были на бивачные кѣстры, да и это строеніе представляло вмѣсто крыши одни стропилы, ибо вся солома, служившая крышею, снята была войсками для кормленія лошадей, нуждавшихся не только въ сѣнѣ, но и въ соломѣ.

По утру нѣкоторые изъ главныхъ генераловъ нашихъ съѣхались верхами въ Амтъ-Бауленъ, гдѣ находился уже Императоръ. Князь Багратионъ туда же пріѣхалъ, и я, пользуясь званіемъ его адъютанта и жаждавшій быть свидѣтелемъ такого необыкновеннаго зрѣлища, слѣдовалъ за нимъ, одѣтый въ богатомъ лейбъ-гусарскомъ ментикѣ.

Всѣ были въ парадной формѣ; по возможности. Государь имѣлъ на себѣ Преображенскій мундиръ, покроя того времени. На каждой сторонѣ воротника вышито было по двѣ маленькихъ золотыхъ петлицы, такого же почти рисунка, какой теперь на воротникахъ преображенскаго мундира, но несравненно меньше. Эксельбантъ висѣлъ на правомъ плечѣ; эполетовъ тогда не носили. Панталоны были лосиновые бѣлыя, ботфорты короткіе. Прическа тѣмъ только отличалась отъ прически нынѣшняго времени, что покрыта была пудрою. Шляпа была высокая; по краямъ оной выказывался бѣлый плюмажъ, и черный султанъ вѣшалъ на гребнѣ ея. Перчатки были бѣлыя лосиновые, шнага на бедрѣ, шарфъ вокругъ талии и Ан-

древская Лента черезъ плечо. Такъ былъ одѣтъ Александръ. Теперь одежда эта показалась бы нѣсколько странною, но тогда она вѣсьмъ нравилась, особенно на тридцати-лѣтнему мужчине такой чудесной красоты, стройности и ловкости, какими одаренъ былъ покойный Императоръ.

Около 11-ти часовъ утра, Государь, Прусскій Король, Великій Князь Константинъ Павловичъ и нѣсколько генераловъ, назначенныхъ сопровождать Государя на баркѣ, сѣли въ коляски и отправились къ берегу Нѣмана, по тильзитскому тракту. Прочіе генералы съ адъютантами своими скакали верхами по обѣимъ сторонамъ колясокъ; эта процессія, безъ сомнѣнія, видна была изъ Тильзита.

Такъ прибыли мы въ Оберъ-Мамельненъ-Кругъ. Коляски остановились и всѣ вошли въ огромную сельскую горницу. Государь сѣлъ близъ окна, лицомъ ко входу. Онъ положилъ свою шляпу и перчатки на столъ, стоявшій возлѣ него. Вся горница наполнилась генералами, съ ними пріѣхавшими и у коляски Его прискакавшими. Мы, адъютанты, вошли въ слѣдъ за нашими генералами и помѣстились на днѣ картины, у самаго входа.

Не прошло полчаса, какъ кто-то вошелъ въ горницу и сказалъ: «Бѣдетъ, Ваше Величество.» Электрическая искра любопытства пробѣжала по всѣмъ намъ. Государь всталъ съ своего мѣста, взялъ шляпу и перчатки свои, и вышелъ съ спокойнымъ лицомъ и обыкновеннымъ ша-

гомъ, вѣдѣнъ, горницы. Мы бросились изъ нея во всѣ отверзтѣя, прибѣжали на берегъ и увидѣли Наполеона, скачущаго во всю прыть между двухъ рядовъ старой гвардіи своей. Пуль восторженныиъ привѣтствій и восклицаній гремѣлъ вокругъ него и оглушалъ насъ, стоявшихъ на противномъ берегу. Конвой и свита его состояли, по крайней мѣрѣ, изъ 400 всадниковъ.

Почти въ одно время оба Императора вступили каждый на свою барку. Государя сопровождали: Великій Князь Константинъ Павловичъ, Беннигсенъ, графъ (что нынѣ князь) Ливенъ, князь Лобановъ, Уваровъ и Будбергъ, министръ Иностранныхъ дѣлъ. Съ Наполеономъ находились: Миратъ, Бертъ, Бессьеръ, Дюрона и Коленкуръ. Въ этотъ день Король Прусскій не ѣздилъ на свиданіе; онъ оставался на правомъ берегу рѣки, вмѣстѣ съ нами.

О! какъ явственно — не взирая на мою молодость — какъ явственно поняла душа моя глубокое, но жгучее горе этого истиннаго отца своего народа, этого добродѣтельнѣйшей жизни человека! Съ какими полными слезъ глазами, но и съ какимъ восторгомъ глядѣлъ я на Монарха, сохранившаго все наружное безмятежіе, все достоинство высокаго сана своего, при побѣдѣ, казалась, неопразднмой и окончательной!

Но вотъ обѣ Императорскія барки отчалили отъ береговъ и поплыли. Въ эту минуту огромность зрѣлища восторжествовала надъ всѣми чувствами. Всѣ глаза обратились и устремились на противный берегъ рѣки, къ баркѣ, несущей

этого чудеснаго человека, этого, невиданнаго и неслыханнаго полководца со временъ Александра Великаго и Юлія Цезаря, коихъ онъ такъ много превосходилъ разнообразіемъ дарованій и славою покоренія народовъ просвѣщенныхъ и образованныхъ.

Я глядѣлъ на него въ подзорную трубку, хотя разстояніе до противнаго берега было не велико, и хотя оно сверхъ того уменьшалось по мѣрѣ приближенія барки къ павильону.

Я видѣлъ его, стоявшаго впереди государственныхъ сановниковъ, составлявшихъ его свиту—особо и безмолвно. Время изгладило изъ памяти моея родъ мундира, въ которомъ онъ былъ одѣтъ, и въ запискахъ моихъ, писанныхъ тогда таскоро, этого не находится: но сколько могу припомнить, кажется, что мундиръ былъ на немъ не конно-егерскій, обыкновенно имъ носимый, а старой гвардіи. Помню, что на немъ была лента Почетнаго Легіона, чрезъ плечо по мундиру, а на головѣ та маленькая шляпа, которой форма такъ извѣстна всему Свѣту; Меня поразило сходство его стана со всеми печатными изображеніями его, тогда вездѣ продаваемыми. Онъ даже стоялъ со сложенными на груди руками, какъ представляютъ его на картинкахъ. Къ сожалѣнію, отъ неимѣнія опоры, подзорная трубка колебалась въ моихъ рукахъ, и я не могъ разсмотрѣть подробности чертъ его такъ яственно, какъ бы мнѣ того хотѣлось.

Обѣ барки причалили къ павильону почти одновременно, однако барка Наполеона немного

прежде, такъ, что ему достало нѣсколько секундъ, чтобы, соскочивъ съ цѣя, пройти скорыми шагами сквозь павильонъ, и принять Императора нашего при самомъ сходѣ Его съ барки; тогда они рядомъ вошли въ павильонъ. Сколько помнится, всѣ особы обѣихъ свитъ не входили въ малый павильонъ, а оставались на плоту большаго, знакомясь и разговаривая между собою. Спустя около часа времени, они позваны были въ большой павильонъ къ Императорамъ. Тамъ-то Наполеонъ, сказавъ каждому изъ нихъ по привѣтствію, болѣе чѣмъ съ другими говорилъ съ Беннигсеномъ. Между прочимъ, онъ сказалъ ему: «Вы были злы подѣ Эйлау!» (*Vous étiez méchant à Eylau!*), выражая симъ изрѣченіемъ упорство и ярость, съ какими дрались войска наши въ этомъ сраженіи, и заключилъ разговоръ съ нимъ этими словами: «Я всегда любовался вашимъ дарованіемъ — еще болѣе вашею осторожностію» (*J'ai toujours admiré votre talent, — votre prudence encore plus*).

Такъ какъ Наполеонъ встрѣтилъ Императора Александра при выходѣ Его изъ барки, то этикетъ требовалъ, чтобы Императоръ Александръ проводилъ Наполеона до той барки, на которой онъ пріѣхалъ, что и было сдѣлано, и тѣмъ заключилось первое свиданіе.

Французы ликовали.

Музыканты сочиняли и играли марши и танцы разнаго рода, въ честь достопамятнаго свиданія, въ честь дружбы великихъ Монарховъ, и проч.

Стихотворцы сочиняли романсы, стансы и пьесы на тѣ же предметы.

У меня остался въ памяти отрывокъ одной изъ нихъ, *Le radeau*.

Sur un radeau
 J'ai vu deux maîtres de la terre,
 Sur un radeau
 J'ai vu la paix, j'ai vu la guerre
 Et le sort de l'Europe entière
 Sur un radeau.

Слѣдующихъ куплетовъ не припомню, но вотъ конецъ послѣдняго:

Je gagerai que l'Angleterre
 Craindrait moins une flotte entière
 Que ce radeau.

Что касается до насъ, одно любопытство видѣть Наполеона и быть очевидными свидѣтелями въ некоторыхъ подробностей свиданія двухъ величайшихъ Монарховъ въ мірѣ, нѣсколько развлекало чувства наши, но тѣмъ и ограничивалось все наше развлеченіе. Общество Французовъ намъ ни къ чему не служило; ни одинъ изъ насъ не искалъ не только дружбы, даже знакомства ни съ однимъ изъ нихъ, не взирая на ихъ стараніе — въ слѣдствіе тайнаго прика-

за Наполеона, — привлекать насъ, вслѣдствіе рода привѣтливостями и вѣжливостію, За привѣтливости и вѣжливостію мы платили привѣтливостями и вѣжливостію, и — все тутъ. XII-й годъ стоялъ уже посреди насъ, Русскихъ, съ своимъ штыкомъ въ крови, но дуло, съ своимъ ножомъ въ крови по доколу.

Я не буду описывать свиданія, смѣниваго на другой день, первое свиданіе; это знаменіе бы повторять мною сказанное. Разница между нами состояла въ томъ только, что въ послѣднемъ участвовалъ Король Прусскій, что нѣкоторые изъ особъ свиты Императора уступили мѣста свои на баркѣ другимъ особамъ, и что Государь и Прусскій Король приглашены были на жителство въ Тильзитъ.

Слѣдующая привести въ исполненіе послѣднее обстоятельство, Наполеонъ въ то же утро приказалъ вывести часть гвардіи своей изъ половины Тильзита и приготовить эту половину города нашей гвардіи. Тамъ же приказалъ онъ отвести два лучшіе дома для обонхъ Монарховъ.

Того же дня, въ 6 часовъ по полудни, Государь переѣхалъ въ Тильзитъ. Наполеонъ встрѣтилъ Его Величество у самаго берега, при выходѣ Его изъ лодки. Вся французская пѣшая и конная гвардія стояла въ парадѣ по обѣимъ сторонамъ главной улицы отъ пристани до Наполеоновой квартиры, куда Государь пріѣхалъ верхомъ, рядомъ съ Наполеономъ. Тамъ былъ обѣденный столъ, къ которому приглашены бы-

ли только Великій Князь Константинъ Павловичъ и Мюратъ.

Вечеромъ вступила въ половину города, оставленную французскою гвардіею, часть нашей гвардіи; назначенная находится при Высочайшей Особѣ. Она состояла изъ 1-го баталіона Преображенскаго полка, подъ командою того же полка полковника графа Воронцова (нынѣ генералъ-губернатора Новороссійскихъ губерній); изъ одного полуэскадрона кавалергардскаго полка, подъ командою того же полка ротмистра Левашова (нынѣ генерала отъ кавалеріи и графа); изъ одного полуэскадрона или взвода лейбъ-гусарскаго полка подъ командою того же полка штабс-ротмистра Рейтерна (умеръ генералъ-лейтенантомъ), и изъ нѣсколькихъ лейбъ-казаковъ.

Домъ, который занималъ Государь, находился на большой улицѣ, и отстоялъ отъ дома, занятаго Наполеономъ, саженьхъ въ 80, или во стѣ. Онъ былъ двухэтажный, хотя весьма неогромнаго объема; имѣлъ парадное крыльцо, впрочемъ довольно тѣсное, но украшенное четырьмя колоннами. Выходъ на это крыльцо былъ прямо съ улицы, по тремъ или четыремъ ступенямъ, между двухъ изъ среднихъ колоннъ его фасада. Крыльцо это примыкало къ довольно просторнымъ сѣнямъ, представляющимъ три выхода: одинъ въ правыя, другой въ лѣвыя комнаты нижняго этажа и третій прямо, на довольно благовидную и опрятную лѣстницу, ведущую въ верхній этажъ, обитаемый самимъ Государемъ. Войдя въ этотъ этажъ, направо на-

ходила общая комната; она была въ симметріи съ внутреннимъ покоемъ Государя и соединилась съ этимъ покоемъ проходною комнатою, изъ коей была дверь на балконъ, поддерживаемый колоннами наряднаго крыльца.

Кромѣ упомянутой мною части гвардіи, находившейся въ Тильзитѣ съ Воронцовымъ, Левашовымъ и Рейтерномъ, никому не было позволено ни изъ нашихъ, ни изъ прусскихъ войскъ прѣзжать въ Тильзитъ. Разумѣется, что изъ того числа исключены были адъютанты, по случаю необходимыхъ иногда сношеній арміи съ Императорскою главною квартирою; разумѣется, что я не преминулъ воспользоваться этою привилегією. Впрочемъ, любопытство видѣть Наполеона восторжествовало надъ всѣми надзорами. Множество нашихъ генераловъ, штабъ-и оберъ-офицеровъ, для избѣжанія препятствій, одѣлались въ партикулярныя платья и проживали въ Тильзитѣ по нѣскольку сутокъ. Послѣ кампаніи, столько тяжкой и продолжительной, Тильзитъ казался намъ земнымъ раемъ. Что же касается до высокихъ гостей этого города, я полагаю, что, не взирая на взаимное ихъ согласіе, привѣтливости, угожденія и, если смѣю прибавить къ сему священное слово — дружбу, по крайней мѣрѣ наружную, — я полагаю, что родъ жизни, которую вели они, не соответствовала праву и привычкамъ ни того, ни другого. Дни шли за днями почти однообразно. Въ полдень, или въ часъ по полудни завтракъ въ родѣ обѣда. Въ 6 часовъ, или Императоръ Алѣ-

Александръ прѣѣзжалъ къ Наполеону верхомъ; съ малочисленными своими конвоємъ и свитою, или Наполеонъ прѣѣзжалъ къ Александру, также верхомъ, съ огромною своею свитою и съ огромнымъ своимъ конвоємъ. Потомъ отправлялись они вмѣстѣ на маневры, каникъ—либо французскихъ войскъ, или всей гвардіи: вообще, или гвардіи же по частямъ, или корпуса Даву. Замѣтить надо, что, не възвря на близкое расположеніе корпуса Даву отъ Тильзита, этотъ корпусъ на разу не былъ представленъ Государю; потому что восталъ изъ однихъ обломковъ, оставшихся послѣ повсесвѣта и мѣ урона подъ Гейльсбергомъ и Фриландомъ. По окончаніи маневровъ, Наполеонъ обьявляюща пригласилъ Государя къ себѣ, гдѣ въ 8 часовъ они сѣли за трапезу. Почти ежедѣвно въ 10, или въ 11 часовъ вечера Наполеонъ посѣщалъ Государя безъ вѣжета, по дружески, пѣшкѣмъ, одинъ, безъ свиты, безъ охранной стражи, въ той исторической ильпѣ, въ томъ историческомъ огромъ скортумъ, отъ конхъ земля дрожала и которые, казалось, курались еще дымомъ сраженій на смышхъ дружескихъ бесѣдахъ. Тамъ охълилъ чай и оставался съ глазу на глазъ съ Государемъ до часа, а иногда до двухъ часовъ за полночь.

Король Прусскій перѣѣхалъ отъ Тильзита 16-го и съ того дня часто провождалъ время съ Александромъ и Наполеономъ; — крохъ вечернихъ бесѣдъ. Королева прибыла 25-го; за дватолько дни до заключенія мира.

«Все, что происходило лично и торжественно, павло: очевидными свидетелями (не одного мѣ-
 ну и потому можно написать, что кто-нибудь
 и доиспытать и исправить мною забытое, или
 ошибочно представленное. Достоин сожалѣ-
 нія, что никому нельзя описать происшествій
 порадо важнѣйшихъ: разговоръ обоихъ Им-
 ператоровъ съ глазу на глазъ при первой встрѣ-
 чѣ ихъ въ павильонѣ и на упомянутыхъ вечер-
 ныхъ бесѣдахъ. Все что происходило безъ сви-
 дѣтелей и, одиновенно, осталось безъ истори-
 ка. Вотъ невозвратная утрата! Другія
 (и другія) происшествія, порадо менѣе любо-
 пытныя, но много еще занимательныя; и исто-
 му драгоцѣнныя для исторіи; имѣи свидѣтелей,
 могли бы бытъ описаны ими со всѣми подро-
 бностями: это сношенія обоимъ: Монарховъ; и
 совѣтъ тайныя, и не совѣтъ публичныя, раз-
 говоры; шутки, прелетныя мѣнья и, иногда не-
 волею вырывающіяся предположенія ихъ, —
 словей; разныя мѣсди, которыя они сообщалъ
 одному въ время прогулокъ, на ман-
 невракъ, за обѣдами, — вездѣ, куда мы, моло-
 дые офицеры, не имѣли ни права, ни средствъ
 проникнуть. Къ сожалѣнію (по крайней мѣрѣ
 относительно этого предмета); многихъ изъ
 этихъ свидѣтелей нѣтъ уже на свѣтѣ...
 Имѣи въ некоторое право посѣщать Тильзитъ;
 и просилъ князя Багратиона о дозволеніи мнѣ
 вѣзти туда какъ можно чаще. Князь, столько
 же взыскательный начальникъ во всемъ, что
 касалось до службы, сколько снисходительный

и готовый на одолженіе подчиненныхъ своимъ во всякомъ другомъ случаѣ, согласился на мою просьбу безъ затрудненія и почти ежедневно носылалъ меня съ разными препорученіями къ разнымъ особамъ, проживавшимъ тогда въ Тильзитъ. Это обстоятельство представило мнѣ средство видать почти ежедневно Наполеона и часто на разстояніи одного или двухъ шаговъ отъ себя, не далье.

Чтобы избѣжать повтореній, я опишу только первую мою встрѣчу съ нимъ; прочія, кромѣ кой-какихъ особенностей, недостойныхъ вниманія, во всемъ сходствовали съ этою первою встрѣчею.

Не помню котораго числа, знаю только, что скоро послѣ переѣзда Государева въ Тильзитъ, князь Багратионъ послалъ меня съ запискою къ одному изъ чиновниковъ Императорской главной квартиры. Я нарядился въ парадный лейб-гусарскій мундиръ и переѣхалъ черезъ Нѣманъ на лодкѣ. Особа, къ которой я посланъ былъ, находилась въ общей комнатѣ дома, занимаемаго Государемъ. Я нашелъ въ этой комнатѣ князя Куракина и князя Лобанова, уполномоченныхъ тогда при переговорахъ о мирѣ, Прусскаго фельдмаршала Калькрейта, нѣкогда покорителя Маннцской крѣпости, и свѣжаго еще и знаменитаго защитника Данцига, множество министровъ и другихъ государственныхъ сановниковъ. При мнѣ вошелъ Коленкуръ, съ какою-то особаго рода надменною и наглою учтивостію. Онъ присланъ былъ Наполеономъ съ приглашеніемъ

ніемъ Государя на маневры въ 6 часовъ и къ Его объденному столу послѣ маневровъ. Спѣсивая осанка временщика этого переступила мѣру терпимости. Послѣ, во время посольства своего въ Петербургъ, онъ былъ еще напыщеннѣе и неприступнѣе; но—Боже мой! надо было видѣть его семь лѣтъ послѣ, подъ Парижемъ, въ утро побѣднаго вступленія нашего въ эту столицу!

Исполня данное мнѣ препорученіе, я пошелъ къ однополчанамъ моимъ, конвойнымъ лейбъ-гусарамъ, гдѣ пробылъ до 6-го часа въ нетерпѣннѣи и въ надеждѣ разсмотрѣть Наполеона лучше, чѣмъ я видѣлъ его плывшаго на баркѣ.

Въ 6-мъ часу, я уже былъ на парадномъ крыльцѣ дома Государя.

Не прошло полчаса, какъ услышалъ я топотъ многочисленной конницы и увидѣлъ толпу Его Величества. Это былъ Наполеонъ, окруженный своею свитою и конвоемъ.

Толпа, сопутствовавшая ему, состояла, по крайней мѣрѣ, изъ трехъ сотъ человекъ. Впередѣ скакали конные егеря; за ними всѣ, облитые золотомъ, въ звѣздахъ и крестахъ, маршалы и императорскіе адъютанты (то же что у насъ генералъ-адъютанты). За этою блестящею толпою скакала, не менѣе ее блестящая, толпа императорскихъ ординарцевъ *officiers d'ordonnance*, родъ нашихъ флигель-адъютантовъ), перемѣшанныхъ со множествомъ придворныхъ чиновниковъ, маршальскихъ адъютантовъ и офицеровъ генеральнаго штаба, также чрезвы-

чайно богато и разнообразно одѣтыхъ. Вся эта кавалькада замыкалась нѣсколькими десятками другой части изъ скакавшихъ впереди конныхъ егерей. Въ самой срединѣ этой длинной колонны, между маршалами, скакалъ самъ Наполеонъ.

И вотъ онъ у крыльца. Одинъ изъ двухъ безсѣмьныхъ пажей его, Мареско, сынъ славнаго инженернаго генерала, хорошецкїи мальчикъ, лѣтъ семнадцати, одѣтый въ гусарскомъ коричневомъ долманѣ съ золотомъ, и въ треугольной шляпѣ съ поля, — соскочилъ съ лошади своей, бросился передъ лошадь Наполеона и схватилъ ее обѣими руками подъ уздцы. Наполеонъ сошелъ, или лучше сказать, прыгнулъ съ нея, и такъ быстро взбѣжалъ на крыльцо и прошелъ мимо меня къ лѣстницѣ, ведущей въ Государевы покои, что я едва могъ замѣтить его. За нимъ пошли маршалы и адъютанты его; но всѣ прочіе чиновники, свита и конвой его остались верхами на улицѣ. Мюратъ, шедшій вслѣдъ за Наполеономъ, встрѣтился у крыльца съ Великимъ Княземъ Константиномъ Павловичемъ, занялся съ нимъ разговорами и не пошелъ далѣе. Я долго смотрѣлъ на этого Мюрата, на этого, безъ сомнѣнія одного изъ блистательнѣйшей храбрости военачальниковъ европейскихъ конницъ. Его красивость стана и лица, его карусельный родъ одежды, со всѣмъ тщаніемъ, со всѣмъ кокетствомъ модной красавицы носимый, бросались въ глаза. Извѣстно, что онъ наряжался богатѣе и великолѣпнѣе на тѣ

сраженія, въ которыхъ онъ предвидѣлъ болѣе опасности. Но извѣстно также, что при этомъ рыцарскомъ духѣ, дарованія его ограничивались яростію въ сѣчахъ, картинною наружностію и однимъ навыкомъ механическаго построения трюнадъ кавалеріи и дѣйствиємъ ими на пункты, указаніе Наполеономъ.

Мареско вошелъ на крыльцо и остановился возлѣ меня, препоруча придворному, распудренному и покрытому галунами конюшему, держать Наполеонову лошадь у самыхъ ступеней крыльца. Я помню, что лошадь эта была рыжая, очень небольшого роста, но чистѣйшей арабской крови и съ длиннымъ хвостомъ. Сѣдло на ней было бархатное, малиновое; чепракъ такой же, золотомъ шитый; сголовье изъ золотого галуна; удила и стремяна изъ литаго золота.

Вдругъ зашумѣло на государевой лѣстницѣ. Маршалы и адъютанты сходили съ нея, не останавливаясь, и быстро шли къ лошадямъ своимъ. Мареско предупредилъ ихъ. Онъ стремглавъ бросился съ крыльца къ наполеоновой лошади, которую, принявъ отъ конюшаго, взялъ подъ уздцы, какъ прежде. Нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ республиканецъ, нѣсколько часовъ передъ тѣмъ гордый вельможа, — Коленкуръ, въ богатомъ оберъ-штабмейстерскомъ мундирѣ и съ двумя звѣздами на груди, держалъ одной рукою стремя для Наполеоновой ноги, другою хватилъ для руки его, ожидая подхода барина своего къ лошади.

Наполеонъ вышелъ изъ сѣней на крыльцо, рядомъ съ Государемъ, и отъ тѣсноты крыльца остановился такъ близко ко мнѣ, что я принужденъ былъ попятиться, чтобы какъ-нибудь случайно не толкнуть его. Онъ рассказывалъ что-то Государю весело и съ жаромъ. Я ничего не слыхалъ. Я весь былъ зрѣніе. Я пожиралъ его глазами, стараясь впечатлѣть въ памяти моей всѣ черты, всѣ измѣненія физиогноміи, всѣ ухватки его. Къ счастью моему, онъ, какъ-будто въ угожденіе мнѣ, заговорился болѣе, чѣмъ обыкновенно говаривалъ на ходу къ какому-нибудь предмету, и оттого пробылъ возлѣ меня, конечно, болѣе двухъ минутъ. Я былъ доволенъ, но не совсѣмъ. Мнѣ непремѣнно хотѣлось видѣть явственнѣе цвѣтъ глазъ и взглядъ его, и онъ въ эту минуту, какъ-бы нарочно, обратилъ голову на мою сторону и прямо взглянулъ мнѣ въ глаза. Взглядъ его былъ таковъ, что во всякомъ другомъ случаѣ я, конечно, спустилъ бы вѣки, но тутъ любопытство мое все превозмогло. Взоръ мой столкнулся съ его взоромъ и остановился на немъ твердо и неколебимо. Тогда онъ снова обратился къ Государю: съ отвѣтомъ на какой-то вопросъ Его Величества, сошелъ со ступеней крыльца, надѣлъ шляпу, сѣлъ на лошадь, толкнулъ ее шпорами и поскакалъ, какъ пріѣхалъ, почти во всѣ повода. Все это было сдѣлано одно за другимъ, безъ антрактовъ. Въ ту же секунду, всѣ впереди его, всѣ вокругъ него, всѣ позади его стоявшіе всадники, различныхъ чиновъ и званій, разомъ

двинулись съ мѣста, также во всѣ поводи, и все великолѣпное зрѣлище, какъ блестящій и громозвучный метеоръ, мгновенно исчезло изъ вида.

Я уже сказалъ, сколько пораженъ я былъ сходствомъ стана Наполеона со всѣми печатными, и тогда вездѣ продаваемыми, изображеніями его. Не могу того же сказать о чертахъ его лица. Всѣ видѣнные мною до того времени портреты его не имѣли малѣйшаго съ нимъ сходства. Вѣря имъ, я полагалъ Наполеона съ довольно большимъ и горбатымъ носомъ, съ черными глазами и волосами, словомъ—истиннымъ типомъ итальянской физиогноміи. Ничего этого не было.

Я увидѣлъ челоѣка малаго роста, ровно двухъ аршинъ шести вершковъ, довольно тучнаго, хотя ему было тогда только 37 л. отъ роду, и хотя образъ жизни, который онъ велъ, не должны бы, казалось, допускать его до этой тучности. Я увидѣлъ челоѣка, державшагося прямо, безъ малѣйшаго напряженія, что впрочемъ есть принадлежность всѣхъ почти людей малаго роста. Но вотъ что было его собственностію: это какая-то сановитость благородно-воинственная, и безъ сомнѣнія, происходившая отъ привычки господствовать надъ людьми и чувства моральнаго надъ нимъ превосходства. Не менѣе замѣчательнъ онъ былъ, какъ неприужденностію и свободою въ обращеніи, такъ и безъискусвенною и натуральною ловкостію въ самыхъ пылкихъ и быстрыхъ приемахъ я

ухваткахъ своихъ, на ходу и стоя на мѣстѣ. Я увидѣлъ человѣка лица милаго, слегка смугловатаго, съ чертами весьма регулярными и красивыми. Носъ его былъ небольшой и прямой, на переносцѣ котораго едва приметна была весьма легкая горбинка. Волосы на головѣ его были не черные, но русые, брови же, рѣсницы ближе къ черному, чѣмъ къ свѣту: головныхъ волосовъ, и глаза голубые, что, отъ его почти черныхъ рѣсницъ, придавало взору его чрезвычайную пріятность. Наконецъ, сколько разъ не случалось мнѣ видать его, ни разу не приметилъ я тѣхъ нахмуренныхъ бровей, которыми одаряли его тогдашніе портретники-памфлетисты.

Въ этотъ день я, впрочемъ, во всѣ послѣдовавшіе дни, мундиръ на немъ былъ конноегерскій, темнозеленый, съ красною вышуркою и съ отворотами наискось ерѣзанными, такъ, чтобы видѣніе было бѣлымъ казмировымъ камволь съ маленькими мундирными Пуговицами. Эполеты на немъ были золотыя поляковичьи, подобныя нынѣшнимъ нашимъ эполетамъ полныхъ генераловъ, безъ звѣздочекъ. На мундирѣ его были звѣзда и крестикъ Почетнаго Легіона. Нижнее платье бѣлое казмировое; ботфорты выше колѣна, изъ мягкой кожи, весьма глянцевитые и съ легкими золотыми шпорами. Шпага на бедрѣ; шляпа въ рукѣ, пока же подошелъ онъ къ лошади.

Изъ свиты его замѣтилъ я маршала Лаана, человѣка сухощаваго и съ физиогноміею, пора-

наивною стойкостью, предприимчивостию и рѣшительностию, и маршала Даву, дебелаго, довольно высокаго роста, лысаго, съ осянками на носу и не наружности овсей мало достойнаго вниманія; но у него знаменитая воина по аугербургской побѣдѣ, собственно ему принадлежащей. О Бертье и о прочихъ маршалахъ и генералахъ я умолчу: время излагало образы ихъ изъ моей памяти, и не въ силахъ я описать ихъ.

Для дополненія описанія наружности Наполеона, я представляю здѣсь мало кому извѣстное письмо остроумнаго принца де-Линя, видѣвшаго его нѣсколькими только днями послѣ меня. Изъ этого письма перевожу на русскій языкъ тѣ только мѣста, которыя относятся единственно до Наполеоновой особы:

«Наконецъ я видѣлъ этого дѣлателя и рѣдѣ-
«сливака королей. Узнавъ, что послѣ побѣдъ
«своихъ, свиданій и заключеній мира, онъ воз-
«вращается въ Парижъ и будетъ проѣздомъ въ
«Дрезденъ, я изъ Теллица прѣѣхалъ туда 17/₂
«июля. Мы съ перцогомъ веймарскимъ втерлись
«въ толпу народа, стоявшаго у дворцовой лѣст-
«ницы.

«Императоръ съ королемъ всходили на нее
«такъ медленно, отъ многочисленности и недов-
«ѣрности саксонскихъ низкопомонниковъ, что
«безъ труда могли осмотрѣть верхаго изъ нихъ
«съ ногъ до головы. Мнѣ понравилась положе-
«нне головы его и осанка его, благородно-воин-
«ственная. Это не осанка великихъ господъ по
«дипломамъ, обыкновенно вышущая презрѣни-

«емъ, или важностию, которыя принимаются за «благородство. Взглядъ его былъ твердъ, тихъ «и величественъ. Казалось, что онъ мыслилъ о «многихъ важныхъ предметахъ, что давало ве- «личавое спокойствіе «физиогноміи его, и она бы- «ла въ истинномъ и естественномъ положеніи «своемъ. Но «физиогномія эта не понравилась мнѣ «на другой день отъ принужденной улыбки лож- «наго добродушія, чувствительности и покрови- «тельства, — улыбки, которою онъ во время по- «свщенія своего картинной галлерей угощалъ «народную сволочь и меня вмѣстѣ съ нею.

.....

«Я не отставалъ отъ него и всегда находился «на одной высотѣ съ нимъ, позади толпы, меж- «ду которою онъ шелъ. Я былъ похожъ на влю- «бленнаго человѣка, который, чтобы не спу- «стить съ глазъ милую свою, танцующую экос- «сезъ, слѣдуетъ за ней внизъ и вверхъ рядовъ «экоссежа. Такъ я не терялъ ни одинаго взгля- «да, ни одинаго звука голоса его. Звукъ этотъ «показался мнѣ немного простонароденъ. Онъ «бросилъ нѣсколько вопросовъ и замѣчаній от- «рывисто и, что меня удивило, на манеръ Бур- «боновъ, съ коими онъ также сходствуетъ, и «нѣкоторымъ качаньемъ съ боку на бокъ на «ходу и стоя на мѣстѣ. Что производитъ это? «престоль Франціи, или умышленность?

«Все замѣчательно въ человѣкѣ, который ни

«говорить, ни дѣлаетъ ничего даромъ и безъ
«цѣли. Такъ, напримѣръ, я примѣтилъ, что
«онъ удостоивалъ легкимъ вниманіемъ Магда-
«лину Корреджіеву, картины Тиціановы, Трехъ
«Грацій, прелестный эскизъ Рубенса и проч., и
«останавливался передъ обыкновенными карти-
«нами, представляющими сраженія, или какія-
«нибудь важныя историческія событія. Опять
«спрошу: какъ это случилось — само собою,
«или съ намѣреніемъ? Нѣтъ сомнѣнія, что это
«было дѣлано для зрителей.

.....
.....
.....

«Наполеонъ кунался, давалъ аудіенціи въ
«ваннѣ, просыпался и вставалъ въ 5 часовъ,
«навѣщалъ въ госпиталяхъ раненыхъ подъ Ле-
«ной, осматривалъ укрѣпленія города и кадет-
«скій корпусъ, гдѣ экзаменовалъ кадетовъ, дер-
«жа каждого экзаменуемаго за ухо.

«Странная эта привычка, или хватка! Онъ
«то же дѣлалъ съ княземъ Лихтенштейномъ,
«при мирныхъ переговорахъ въ Брюнѣ. Случи-
«лось, что, не соглашаясь на нѣкоторыя статьи,
«на которыя прежде былъ согласенъ, онъ взду-
«малъ по-прежнему взять за ухо уполномо-
«ченнаго генерала. Лихтенштейнъ, отстранясь,
«сказалъ ему: *«Если герой нашего вѣка не то го-
«воритъ во вторникъ, что говорилъ онъ въ поне-
«дѣльникъ, — онъ върлоломствуесть и краинитъ*

«свою славу; всякому человеку непристойно
«иметь съ нимъ дѣло: я пришелъ къ нему мини-
«стра.» Это побѣдило Наполеона.

.....
.....
.....

«Вотъ другое обстоятельство, которое отвле-
«кло меня отъ представленія къ нему и въ Вѣ-
«ннѣ и въ Дрезденѣ: онъ обошелся бы со мною
«или очень ласково, или очень грубо. Въ пер-
«вомъ случаѣ я потерялъ бы уваженіе къ само-
«му себѣ и между своими; во второмъ онъ сму-
«тилъ бы меня упреками за мои шутки на его
«счетъ (ибо ему все извѣстно). Что бы отвѣ-
«чалъ я ему, если бы онъ сказалъ мнѣ: «То вы,
«сударь, называете меня сатаною первымъ, то
«землетрясеніемъ, то чортомъ-человѣкомъ, то
«Магометомъ-Каліостро?»

«Онъ, можетъ быть, не знаетъ всего удивле-
«нія, всего восторга, питаемаго мною къ нему,
«чудеснѣйшему существу, которому подобнаго
«не бывало еще въ этомъ мірѣ.»

Наконецъ, 27-го іюня заключенъ былъ миръ.
Войска наши выступили въ Россію. Князь Ба-
гратіонъ отправился въ Петербургъ и я туда
же. Отдыхъ нашъ былъ непродолжителенъ: въ
январѣ мѣсяцѣ мы уже были съ войсками, вою-
ющими въ Финляндіи. Это напоминаетъ мнѣ
слова незабвеннаго моего друга, моего боевого
собрата Кульнсва: «Матушка Россія» — говори-

валъ онъ — «тѣмъ хороша, что все-таки въ какомъ-нибудь углу ея да дерутся.» Въ то время былъ еще другой уголь, гдѣ дрались: это Турція, куда князь, слѣдственно и я за нимъ, явились по прекращеніи военныхъ дѣйствій въ Финляндіи.

Блаженная была эпоха для храбрости! Широко было поприще для надеждъ честолюбія!

Многіе изъ насъ, вѣроятно, не помнятъ, что въ то время, когда мы были еще въ школѣ, въ 1807 году, въ Турціи происходила война между Франціей и Великобританіей. Французскія войска, посланныя въ Турцію, были разбиты въ битвѣ при Никосіи. Это было одно изъ послѣднихъ военныхъ дѣйствій въ Турціи. Князь Александръ Суворовъ, который въ то время находился въ Турціи, былъ однимъ изъ главныхъ командировъ русскихъ войскъ. Онъ участвовалъ въ битвѣ при Никосіи, но не успѣлъ оказать никакой помощи своимъ союзникамъ, такъ какъ русскія войска были отозваны въ Финляндію. Это было одно изъ самыхъ трагическихъ эпизодовъ войны 1807 года.

ЗАМѢЧАНІЯ

НА НЕКРОЛОГИЮ

Н. Н. РАЕВСКАГО.

Неизвѣстный * сочинитель некрологин Н. Н. Раевского обозрѣлъ жизнь этого знаменитаго мужа въ одномъ военномъ отношеніи, коснувшись слегка и какъ-бы мимоходомъ до его гражданскихъ и частныхъ добродѣтелей.

Отдавая должную справедливость этому прекраснѣйшему произведенію, я думаю, что оно не совсѣмъ удовлетворяетъ читателей, вникнувшихъ во всю красоту характера Раевского. Онъ представленъ намъ только на конѣ, въ дыму битвы и съ гласомъ повелительнымъ. Мы ищемъ благочестивую душу его, хранилища

* Эти замѣчанія писаны были въ то время, когда имя автора некрологин мнѣ было неизвѣстно.

всего возвышеннаго, отголоска всему благородному. Мы ищемъ вѣрнаго друга, тайнаго благодетеля сира и нища, мужа твердаго въ бѣдствіяхъ жизни, равнодушнаго къ почестямъ и высокому сану, имъ заслуженнымъ, и довольствующагося единымъ миромъ своей совѣсти, — словомъ, мы ищемъ человека — и видимъ въ некрологіи одного храбраго, искуснаго генерала.

Не упрекаю въ томъ сочинителя. Какъ военный, онъ, можетъ быть, желалъ отдать справедливость полководцу, предоставляя другимъ описаніе его частной жизни. Но мы не можемъ довольствоваться однимъ этимъ профилемъ; мы желали бы имѣть некрологію Раевского не одностороннюю, но полную; хотя бы она заключалась и въ тѣсной рамѣ, подобно той, въ коей заключается описаніе его военныхъ дѣланій. Раевскій не однимъ полководцемъ представляется тѣмъ, кои имѣли счастье созерцать вблизи его душевныя качества. Военная служба его, принесшая столько пользы и славы отечеству, есть, безъ сомнѣнія, блистательнѣйшая, но не превосходнѣйшая изъ пѣсеней благозвучной его жизни.

Вообще нельзя довольно надивиться жалкому обыкновенію почти всѣхъ некрологовъ и биографовъ нашего времени, представляющихъ знаменитыхъ вождей не иначе, какъ въ мундирахъ, застегнутыхъ на всѣ крючки и пуговицы.

Неужели военное званіе, впрочемъ столь почетное и благородное, до того превышаетъ

званіе добродѣтельнаго человека; что, говоря о нервомъ, можно иренебречь послѣднимъ? Если бы было такъ, то мы невольно руководимы были бы несправедливостію, помѣщая въ одинъ и тотъ же разрядъ и на ту же черту и славныхъ воиновъ, соединяющихъ воинскія достоинства своимъ съ высокою нравственностію, и воиновъ, обладающихъ подобною же славою, но оклеменныхъ въ общемъ мнѣніи или ремесломъ, или пороками, ни воину, ни гражданину неприличными.

Но пусть представятъ жизнь каждаго вполнѣ, и тогда каждый станетъ на мѣсто, ему принадлежащее, и тогда тому, неогрѣпотерю долге не престанутъ оплакивать, все истинные сыны отечества, мало останется сомерниковъ въ соединеніи достоинства воица съ достоинствомъ человека.

- Не подл силу мнѣ предпринимать дополненіе это. Я желаю бы только возбудить къ этому предпріятію людей, которые искусиве меня владѣютъ перомъ и имѣли случай узнать короче этого достойнаго мужа. На нихъ лежитъ обязанность изобразить Раевского таковымъ, каковъ онъ былъ дѣйствительно, и если изображение это требуетъ пера военнаго, то еще болѣе, можетъ быть, ожидается оно оцѣнки философической. Раевскій, такъ представленный, принесетъ не менѣе пользы послѣ кончины, какъ и въ теченіе жизни своей: описаніе оной будетъ какъ-будто отрывкомъ изъ Плутарха, а не пролетнымъ листомъ, брошеннымъ публикѣ,

утомленной уже чтеніемъ некрологій, всѣхъ воениныхъ людей безъ разбору. Отрывки эгого, изучаемый юношествомъ, будетъ для нравственности читательнѣе всѣхъ дидактическихъ наставленій и разсужденій моралистовъ, и счастливъ отецъ, который замѣтитъ слезу восторга на глазахъ сына своего при чтеніи жизни Раевскаго!

Съ моей стороны, чѣмъ болѣе я вникалъ въ образъ мыслей, въ чувства и дѣянія его, тѣмъ болѣе открывалъ въ немъ сочетаніе древнихъ, въ нашемъ вѣкѣ едва ли въ одномъ челоуѣкѣ сочетающихся добродѣтелей: сильнаго характера съ откровенною чувствительностію; ума провидательнаго, точнаго, съ кротостію неподдавною, естественною; снисходительности къ слабостямъ другихъ съ строгостію къ своимъ собственнымъ. «По совершеніи обязанностей начальника, никто не ущемлялъ уже въ немъ недовѣка, облеченнаго властію. Надменность, «своеправіе были ему неизвѣстны, и что вездѣ ма рѣдко — люди не уменьшали ни понженія къ нему отъ добродушнаго съ ними обхожденія, ни любви отъ строгости, впрочемъ употребляемой имъ за одни только важныя преступленія, никогда за мелочныя. Исчисленіе примѣровъ безкорыстія и честности столь великаго мужа было бы оскорбленіемъ его добродѣтели. Касательно добраго мнѣнія свѣта на свой счетъ онъ даже не имѣлъ слабости, свойственной многимъ достойнымъ людямъ: онъ не домогался до сего ни посредствомъ явныхъ,

«ни посредствомъ тайныхъ уловокъ и хвастлив-
«ваго выказанія своихъ доблестей. Чуждый
«всякаго рода совмѣстничества съ равными,
«онъ былъ чуждъ и личныхъ распрей съ под-
«властными себѣ, полагая безславіемъ имѣть
«надъ ними въ таковыхъ случаяхъ поверхность
«и униженіемъ не имѣть оной. Онъ никогда не
«искалъ присвоивать себѣ заслуги другихъ; онъ
«былъ добрѣ съ добрыми и сухъ съ людьми
«злокачественными. Простота въ одеждѣ, скром-
«ность въ разговорахъ, ненависть къ пышно-
«сти были причиною, что сволочь народная,
«которая цѣнитъ мужей великихъ по одному
«блеску или шуму, ихъ окружающему, не по-
«стигала, что въ немъ столь славнаго; истолко-
«вателей сему было немного.»

Кто не подумаетъ, что эта статья, столь вѣр-
но изображающая Раевскаго, не есть произве-
деніе какого-либо современнаго ему писателя,
глубоко вникнушаго въ его качества?... Это
отрывокъ Тацита изъ жизни Агрикомы!

И подлинно, часто благоговѣя передъ симъ,
накъ-будто остаткомъ блестятельныхъ вѣковъ
Рима и Греціи, передъ симъ живымъ явленіемъ
одного изъ великихъ мужей временъ, почти
уже для насъ баснословныхъ, я готовъ былъ
вѣрить переселенію душъ и видѣть въ Раевскомъ
продолженіе или Агрикомы, или Эпаминонда,
или Сципіона, столь сходныхъ съ нимъ по про-
стотѣ нравовъ и кротости душевной. Такъ мало
принадлежалъ онъ нашей эпохѣ, исключитель-
но косящей въ тѣсной расчетливости эго-

изма и осмѣивающей сатанинскимъ хохотомъ все то, что выше ея смрадныхъ предѣловъ!

Естественнымъ слѣдствіемъ этого кроткаго и вмѣствъ съ тѣмъ важнаго характера Раевского было, равное и одинаковое обхожденіе его съ лицами какъ высшихъ, такъ и низайшихъ степеней іерархіи общественной. Онъ былъ всегда тотъ же со старшими и равными себѣ, въ кругу друзей, знакомыхъ и незнакомыхъ, предъ войсками въ огнѣ битвъ и среди ихъ въ мирное время. Онъ былъ всегда спокойный, скромный, пріятливый, но всегда сильный, чувствующій силу свою и невольно дававшій чувствовать оную мужественною, разительною фізіогномією и взоромъ, выражающимъ присутствіе ея въ самомъ спокойномъ и мирномъ его положеніи.

Но сколь величественнымъ казался онъ намъ, когда послѣ каждой войны (и на каждой изъ нихъ оставя безсмертную печать какого-либо геройскаго подвига, или дѣянія искуснаго полководца), вопреки обыкновенію людей, стяжающихъ плески и хвалы отборныхъ обществъ, онъ оставался при своемъ корпусѣ въ какой-либо удаленной губерніи Россіи, или терялся въ сельскомъ убѣжищѣ среди своего семейства! Тамъ, съ ежедневнымъ восхожденіемъ солнца, мы видѣли его въ простой одеждѣ поселанина, копающаго гряды и сажаящаго цвѣты, съ безпечностію о хвалѣ, гремящей дѣяніямъ его за предѣлами его мирнаго пріюта, и наслаждающагося съ восторгами младенца успѣхами невинныхъ трудовъ своихъ. Тамъ занимался онъ

мелочными для ума его хозяйственными заведеніями, съ заботливостію вникалъ въ судьбу своихъ подданныхъ и устроивалъ ихъ благосостояніе. Обладая умомъ просвѣщеннымъ и обладаемый страстію къ испытанію природы во всѣхъ ея отрасляхъ, онъ излечивалъ страждущихъ тѣлесными недугами. Та рука, которая мановеніемъ своимъ обливала кровію враговъ отечества поля сраженій, — та самая рука шельзовала и своихъ и чужеземныхъ страдальцевъ, спасенныхъ ею на тѣхъ же поляхъ сраженій. Но при новомъ вызовѣ на службу отечеству, Раевскій

..... отъ сохи опять послушно,

изъ объятій семейства, изъ уединенія, столь имъ любимаго, являлся на знакомые ему бои съ тѣмъ же спокойствіемъ духа, какъ-бы съ огорода на папью, или съ паши за семейственную трапезу. Озаренный славою искуснаго полководца, достигшій высокихъ званій и почестей, обожаемый, благословляемый какъ отецъ, чтимый какъ герой войсками, имъ предводительствованными, онъ возвращался по окончаніи войны въ сельское свое убѣжище, къ своей семьѣ, къ своимъ цвѣтамъ и огородамъ съ тою же ясною, неомраченною тицеславіемъ душею, съ тою же скромностію и благонравіемъ философа, какъ-будто не ему, а другому принадлежали исполненные имъ подвиги. Какъ-будто не онъ, а другой въ сопровожденіи двухъ отроковъ-сыновъ, впереди колоннъ своихъ, уда-

рилъ въ штыки по Салтановской плотинѣ, * сквозъ смертоустный огонь непріятеля; или — спасъ подъ Смоленскомъ обѣ наши арміи побѣдительнымъ отпоромъ, горстію храбрыхъ, всѣхъ силъ Наполеона; или — удерживалъ, до истребленія всего почти своего корпуса, сонменный ему редутъ на Бородинскомъ Полѣ; или — побѣждалъ подъ Кульмомъ; на равнинахъ Лейпцига, орошенныхъ благородною его кровію; побѣждалъ на высотахъ Ромеввиля и Бельвиля, отъ взятія которыхъ затрепеталъ Парижъ и покорился.

Наконецъ, когда Раевскій прошелъ сквозъ весь пылъ долголѣтней вражды государствъ и народовъ, пожравшей цѣлыя поколѣнія, сквозъ преграды, ковы и гоненія, воздвигаемыя явною и тайною злобою всякому челоуку чистой совѣсти, и побѣдилъ всѣ противъ себя усилія людей, — другой родъ славы ожидалъ его: боренія съ самою судьбою. Провидѣніе, испытующее высокіе характеры для поученія челоучества, готовило намъ это зрѣлище, тягостное, но великое, торжественное! Неожиданная гроза разразилась на главѣ, уже сѣдѣвшей, но еще неостылой отъ вдохновеній воинственныхъ, еще курившейся дымомъ сраженій.... Раевскій пораженъ былъ во всемъ миломъ, во всемъ драгоценномъ для его сердца, созданнаго любить безъ мѣры все то, что оно единожды полюбило.

* Дѣло это называется *дѣломъ подъ Дашковкой*; но истинная свалка была на Салтановской плотинѣ.

Мы видали мужей, твердыхъ въ опасностяхъ, мы видали самого Раевского въ гибельныхъ обстоятельствахъ; никогда, нигдѣ, ни отъ чего не измѣнилъ онъ мнѣнію, о немъ заключенному очевидцами, — но тутъ онъ превзошелъ ожиданіе наше, воображеніе наше; онъ превзошелъ самого себя! Новый Лаокоонъ, обвитый, тѣснимый змїями жаднаго злополучія, онъ не докучалъ небу воплями, не унижалъ себя мольбами о состраданіи. Ни единого ропота, ни единого злобнаго слова не вырвалось изъ устъ его; ни единымъ вздохомъ, ни единымъ стenanіемъ не порадовалъ онъ честолюбивую посредственность, всегда готовую наслаждаться страданіемъ чловѣка по мѣрѣ его достоинства. Испытаніе ужаеное! Нѣсколько лѣтъ продолжалось оно неослабно и примѣчаемо было только по обрушавшемуся его здоровью, по измѣнявшемуся его взору и физиогноміи, омраченнымъ уже глубокою тоскою, неотразимою горестію. Съ тѣмъ же безмолвіемъ о своихъ страданіяхъ душевныхъ, тогда сопряженныхъ уже съ тѣлесными, онъ благословилъ семейство свое.— увы! неполное — и скончался, какъ справедливо говоритъ некрологъ его, не оставя ни единого чловѣка, который имѣлъ бы право возстать противъ его памяти.

Вотъ легкій очеркъ Раевского, какъ чловѣка, какъ гражданина, о чемъ ни слова не упомянуто въ его некрологіи. Замѣтимъ теперь нѣкоторыя погрѣшности, требующія опроверженія:

На 1-й страницѣ сказано, что Раевскій былъ внукомъ князя Потемкина; а на послѣдней, что онъ же безъ покровительства, безъ связей достигъ чина генерала отъ кавалеріи.

Къ первому надлежало бы прибавить: двоюроднымъ внукомъ, что было бы основательнѣе: а послѣднее невѣроятно, если мы допустимъ первое: ибо могло ли начало службы Раевского не имѣть сильной подпоры въ родствѣ его съ княземъ Потемкинымъ, тогда знаменитѣйшимъ и всемогущимъ вельможею въ Россіи? Если бы этой подпоры не было, то неужели Раевскій, едва достигшій до двадцатаго года своей жизни, могъ бы имѣть въ командѣ конный полкъ булавы великаго гетмана (ошибочно названный въ некрологіи Гетманскимъ легко-коннымъ полкомъ золотой булавы) въ такое время, когда полки вѣрjались однимъ только весьма заслуженнымъ полковникамъ? Я полагаю, справедливѣе было бы сказать такъ: Раевскій, отъ чина полковника, безъ покровительства, безъ связей достигъ чина генерала отъ кавалеріи.

На 2-й страницѣ находимъ: Раевскій слѣдуетъ за осадю въ траншеяхъ Очакова....

Раевскій прибылъ къ арміи не подъ Очаковымъ, а подъ Бендерами, на другой годъ послѣ взятія Очакова. Подъ Бендерами только онъ услышалъ свистъ первой пули, и тамъ же, замѣченный княземъ Потемкинымъ, былъ прикомандированъ имъ къ казачьимъ полкамъ, для изученія аванпостной и партизанской службы. Потемкинъ предписалъ Войска Донскаго брига-

дву Орлову употреблять Раевского на службу въ началѣ рядовымъ казаконъ, а потомъ по чину поручика гвардіи, изъ коего онъ, при концѣ сей войны, вынужденъ былъ въ армию подполковникомъ. — Такъ по крайней мѣрѣ неоднократно рассказывалъ мнѣ о томъ самъ Раевскій.

На 3-й страницѣ некрологъ Раевского говоритъ о дѣйствіи его подъ Ломиттенонъ въ кампаніи 1807 года. Но подъ Ломиттенонъ сражался генералъ Дохтуровъ, а не князь Багратіонъ, начальствовавшій тогда авангардомъ арміи, въ коемъ Раевскій командовалъ 5-мъ, 20-мъ и 25 егерскими полками, а на другой день усиленъ былъ 26-мъ полкомъ. Авангардъ Багратіона атаковалъ Альткирхъ, деревню въ двухъ или трехъ верстахъ отъ Гутштата, въ одинъ день и въ одинъ почти часъ съ атакою Ломиттена Дохтуровымъ; слѣдственно Раевскому нельзя было быть въ одно время и въ томъ и въ другомъ мѣстѣ, разстояннии одно отъ другого болѣе двадцати верстъ; притомъ у него была опредѣлительная команда.

О Дашковскомъ дѣлѣ сказано: «въ семъ отчаянномъ положеніи (второй арміи) Раевскій беретъ на себя обязанность сразиться съ Даву и остановить его движеніе. Цѣлый день атака слѣдуетъ за атакою, и бой продолжается съ переменною успѣха. Между тѣмъ вторая армія переправляется черезъ Днѣпръ въ Старомъ Быховѣ, и скорымъ движеніемъ къ сѣверу занимаетъ смоленскую дорогу. Тогда только Ра-

евскій начинаеть отступательное свое движеніе,» и проч.

Это требуетъ нѣсколькихъ возраженій. Во-первыхъ: кто зналъ князя Багратіона, тотъ зналъ и то, что подъ начальствомъ его никто не осмѣливался брать на себя какое-либо предпріятіе и какую-либо обязанность: князь приказывалъ, подкомандующіе исполняли его приказаніе; такъ дѣла шли во всѣхъ частяхъ, ему вѣрваемыхъ, отъ егерской роты до арміи. Но положимъ, что Раевскій, пользуясь тѣснѣйшею дружбою съ Багратіономъ, и предложилъ ему *сразиться* съ Даву; безъ сомнѣнія онъ не предлагалъ ему *оставить* его движенія. Такое предложеніе было бы не что, какъ самохвальство, сродное молодости и легкомыслію, но чуждое важнаго и основательнаго характера Раевскаго, убѣжденнаго опытомъ въ своенравіи случайности при всякомъ военномъ предпріятіи. Во-вторыхъ: Раевскій не тогда отступилъ, когда вся уже вторая армія переправилась черезъ Днѣпръ въ Старомъ Быховѣ. Дашковское дѣло началось по утру 11-го іюля и продолжалось до вечера; а 12-го, въ восемь часовъ утра, Раевскій, получа повелѣніе слѣдовать за арміею, направлявшеюся къ Старому Быхову для переправы черезъ Днѣпръ, немедленно выступилъ туда съ своимъ корпусомъ, оставя дивизію соединенныхъ гренадеръ графа Воронцова для прикрытія своего движенія. Эта дивизія не была атакowana неприятелемъ цѣлый день, и ночью спокойно отошла за корпусомъ Раевска-

го. Такое воздержаніе Даву отъ преслѣдованія Раевского и Воронцова многихъ изъ насъ тревожило. Мы полагали, что Даву проникъ превосходную мысль Багратіона, и что онъ для прегражденія нашему ходу чрезъ Мстиславль къ Смоленску, оставя въ покоѣ и Раевского и Воронцова, двинулся черезъ Днѣпръ къ первому изъ сихъ городовъ. Къ счастью, опасеніе наше было напрасно. Даву, по усмію и жестокости атаки Раевского, принялъ оную за намѣреніе Багратіона пробиться къ Могилеву правымъ берегомъ Днѣпра. Онъ стянулъ вокругъ этого города всѣ свои силы въ тщетномъ ожиданіи второй атаки потому же направленію; и тогда только увѣрился, что онъ обманутъ, когда велъ наша армія была уже около Мстиславля, и когда соединеніе обѣихъ армій подъ Смоленскомъ не подлежало уже ни малѣйшему сомнѣнію.

На 5-й страницѣ упомянуто объ отступленіи изъ Краснаго Невѣровскаго, и отступленіе это названо только *славнымъ*. Я могу ошибаться; но съ тѣхъ поръ, какъ это прилагательное отъ частаго употребленія сочинителями въ описаніяхъ мелочныхъ перестрѣлокъ въ мелочныхъ войнахъ весьма обезславилось, мнѣ кажется, что можно было бы приискать выраженіе приличнѣе отступленію едва только составленной изъ рекрутъ дивизіи, которая отбивалась на разстояніи сорока верстъ отъ главныхъ силъ Наполеона, и прибыла къ стѣнамъ Смоленска хотя съ урономъ, но не въ смѣшеніи, какъ го-

ворить некрологъ, а въ устройствѣ и непобѣжденною. Я помню, какими глазами мы увидѣли ее, подходившую къ намъ въ облакахъ пыли и дыма, покрытую потомъ трудовъ и кровью чести! Каждый штыкъ ея горѣлъ лучемъ безсмертія! Такъ нѣкогда глядѣли мы на Багратіона, возвращавшагося къ намъ изъ-подъ Голлабрюна въ 1805 году.

По истинѣ, слѣдующій день озарилъ бой, столько же знаменитый по великодушію, сколько превышающій бой Невѣровскаго по вліянію, которое оный имѣлъ на судьбу отечества. Гибель Невѣровскаго уменьшила бы арміи наши нѣсколькими тысячами воиновъ—и только; тогда какъ гибель Раевскаго причинила бы взятіе Смоленска и немедленно послѣ того нападеніе съ тыла на наши арміи, шедшія къ Рудни. Но обстоятельство это нимало не унижаетъ геройскаго подвига Невѣровскаго. По тѣсной смежности съ смоленскимъ боемъ Раевскаго, онъ представляется намъ какъ краснорѣчивое предисловіе этого великаго дня, безъ котораго не было бы ни бородинскаго сраженія, ни тарутинской позиціи, ни спасенія Россіи.

На 8-й страницѣ сказано: «подъ Лейнцигомъ онъ своими гренадерами занимаетъ часть центра въ нашей линіи. Въ этомъ ужаемомъ сраженіи было одно роковое мгновеніе, въ которомъ судьба Европы и всего міра зависѣла отъ твердости одного человѣка: Наполеонъ, собравъ всю свою кавалерію, подъ прикрытіемъ сильной батареи устремилъ ее на нашъ центръ. Часть она-

го поколебалась и временно уступила отчаянному нападению. Но корпусъ гренадеръ подъ команду Раевского, свернувшись въ карре, стоялъ непоколебимо, и окруженный со всѣхъ сторонъ непріятелемъ, вездѣ отражалъ его усилія. Сія твердость дала нашимъ время выстроиться и вскорѣ опротивить французскую кавалерію, которая принуждена была ретироваться подъ огнемъ непоколебимыхъ гренадеръ, разстроилась и обратилась въ бѣгство. Въ сію рѣшительную минуту Раевскій, тяжело раненый картечью въ правое плечо, и проч..... Повѣтъ Ватюшковъ, служившій при немъ адъютантомъ, замѣтя сіе происшествіе, прискакалъ къ нему на помощь,» и проч.

Замѣчаніе 1-е: Во время атаки французской кавалеріи Раевскій не имѣлъ при себѣ всего гренадерскаго корпуса; а только одну дивизію; другая дивизія была отдѣлена вправо, внѣ вида и выстрѣла.

2-е. Слово: *окруженный со всѣхъ сторонъ*, не выражаетъ положенія, въ которомъ тогда Раевскій находился. Можно сказать, что онъ поглощенъ былъ приливомъ большей части французской конницы, нахлынувшей на средину союзныхъ армій и, отражая усилія ея, не уступилъ ни пяди земли, пока громады эти, обращенныя вспять резервами нашими, позволили всей нашей линіи возвратиться на оставленное ею мѣсто и примкнуть къ карре Раевского, какъ къ гранитнымъ редутамъ.

Въ этомъ случаѣ Раевскій былъ раненъ не

картечью, а ружейною пулею отъ французскаго стрѣлка изъ числа тѣхъ, кои разсыпаны были изъ пѣхотныхъ непріятельскихъ колоннъ, подвигавшихся на подпору конницы своей, путившейся въ атаку. Пуля попала не въ плечо, а въ верхнюю часть груди, ниже ключицы, между правымъ плечомъ и шеей.

3-е. Поэтъ Батюшковъ не подскакалъ къ нему на помощь. Онъ и гвардіи егерскаго полка поручикъ Левъ Давыдовъ стояли почти рядомъ съ Раевскимъ. Они даже видѣли тотъ мигъ, въ который французскій стрѣлокъ, находившійся весьма близко, прицѣлился въ нихъ, выстрѣлилъ и попалъ въ Раевскаго. Тогда Раевскій, полагая, что онъ получилъ только контузію, продолжалъ руку подъ сюртукъ евой, оцупалъ мѣсто удара, и вынувъ ее окровавленную, сказалъ съ улыбкою Батюшкову тотъ французскій стихъ, о коемъ упоминаеть некрологъ его. Наконецъ 4-е, оба, какъ Батюшковъ, такъ и Давыдовъ, носили званіе адъютантовъ, но не Раевскаго, а генерала Бахметева, лишившагося ноги подъ Бородинымъ, и служили въ сей должности при Раевскомъ по собственному ихъ желанію и по рекомендаціи ихъ Бахметевымъ избранному имъ начальнику.

ЗАНЯТІЕ ДРЕЗДЕНА

1813 года 10 марта.

По окончаніи отечественной войны и при вступленіи арміи нашей въ непріятельскіе предѣлы, нѣкоторыя войска получили новыя размѣщенія и назначенія. Партизанскій отрядъ мой занялъ передовое мѣсто въ общей массѣ, и чрезъ то превратился въ одинъ изъ авангардовъ передоваго корпуса главной арміи.

Казалось, что положеніе это мало въ чемъ уступало первому, заключая въ себѣ достаточно еще средствъ къ удовлетворенію безпокойнаго моего честолюбія; — вышло иначе. Крутой оборотъ отъ независимыхъ, вдохновенныхъ и *напропалую* перелетовъ моихъ къ размѣреннымъ переходамъ по маршрутамъ, доставляемымъ мнѣ изъ корпуснаго дежурства, запретъ въ покушеніи на непріятеля безъ особаго на это разрѣшенія, — и кипучая молодость, и какая-

то безотчетная отвага, удалая, своевольная, и соблазнительная смежность съ неприятелемъ, — произвели тотъ послѣдній наѣздъ мой, отъ коего пострадала вся моя заграничная служба, отъ коего рушилась вся та будущность, которой (не для чего уже теперь жеманиться) я имѣлъ все право не бояться.

Передовой корпусъ, въ составъ котораго поступилъ партизанскій отрядъ мой, состоялъ изъ 8,460 чел. пѣхоты, 3,109 чел. регулярной конницы, 3,535 казаковъ и 69 орудій баттарейныхъ, легкихъ и конныхъ, — всего, считая съ артиллеристами, до 16 тысячъ человекъ. Корпусомъ этимъ командовалъ генералъ-лейтенантъ, генералъ-адъютантъ баронъ Винценгероде. * Частные начальники онаго были: гене-

* Генералъ Винценгероде служилъ въ гессенъ-нассельскомъ войскѣ маіоромъ. Въ 1797 году іюня 8 дня принятъ былъ тѣмъ же чиномъ въ російскую службу съ назначеніемъ въ адъютанты къ Его Высочеству Великому Князю Константину Павловичу. 1798 года мая 5 дня произведенъ изъ маіоровъ въ полковники. 1799 года февраля 3 дня исключенъ изъ службы, выѣхалъ за границу и немедленно вступилъ въ австрійскую службу, а въ 1801 году, возвратясь въ Петербургъ, принятъ снова въ російскую службу генералъ-маіоромъ съ назначеніемъ въ генералъ-адъютанты. Послѣ аустерлицкаго сраженія опъ оставилъ російскую службу и опять вступилъ въ австрійскую. Но въ началѣ 1812 года обратно перешелъ въ російскую службу въ чинѣ генералъ-лейтенанта; командовалъ отрядомъ войскъ, прежде около Смоленска, потомъ въ Духовщинѣ, и наконецъ около Клина. Былъ взятъ въ плѣнъ въ Москвѣ, куда онъ выѣхалъ одинъ, безъ конвоя, въ средину неприятельскихъ

раля-адъютанта князь Трубецкой, генераль-маіоры Никитинъ, Бахметевъ, графъ Виттъ, Талызинъ, Кюррингъ и столь же красивый наружностію, сколь блистательный мужествомъ, Ланской.*

Всѣмъ извѣстно, въ какомъ положеніи бѣжали восвояси остатки гигантскаго ополченія, нахлынушаго на Россію, и потому легко вообразить ничтожность сопротивленія, противопоставляемаго непріателемъ главнымъ силамъ нашимъ во время шествія ихъ отъ Нѣмана до Эльбы; отпоры встрѣчаемы были одними передовыми войсками.

Главные силы эти раздѣлены были на два потока. Первый, управляемый графомъ Витгенштейномъ, шелъ черезъ сѣверную Пруссію къ Берлину. Ему предшествовали три легкіе отряда генераль-маіоровъ Чернышева, Бенкендорфа и полковника Тетенборна, съ полною волею дѣйствовать по обстоятельствамъ. Другою, или главная армія, при коей находилась Император-

войскъ, которыхъ онъ полагалъ вѣдь уже столицы; отосланъ во Францію, и на пути, въ окрестностяхъ Молодечно, вырученъ изъ плѣна полковникомъ Чернышевымъ (нынѣ военнымъ министромъ) во время отважнаго перехода его съ партією казаковъ изъ арміи Чичагова къ корпусу графа Витгенштейна, на перерѣзъ всѣхъ затѣльныхъ сообщений непріателя. Вицценгероде умеръ скоропостижно черезъ нѣсколько лѣтъ по заключеніи мира съ Франціей.

* Умершій отъ раны, полученной пѣть въ сраженіи подъ Краономъ, во Франціи, 1814 года.

ская квартира, шелъ чрезъ Варшавское Герцогство и Силезію къ Дреадену. Ему предшествовалъ корпусъ Винценгероде, а Винценгероде два легкихъ отряда подполковника Прендея и мой. Оба эти были въ полной зависимости отъ Винценгероде, запретившаго имъ, — по крайней мѣрѣ мнѣ, — и ошибки съ неприятелемъ и переходы съ одного мѣста на другое, безъ вѣдома его, или того генерала, кому я буду отданъ имъ подъ команду.

Около половины февраля заключенъ былъ союзъ Россіи съ Пруссією, и прусскія войска двинулись на соединеніе съ нашими.

Армія графа Витгенштейна усилилась корпусами Юрка и Бюлова; корпусъ Блюхера выступилъ изъ Бреславля и оставилъ авангардъ главной арміи. Корпусъ Винценгероде поступилъ къ нему къ команду съ сохраненіемъ передоваго своего мѣста.

20-го февраля Чернышевъ овладѣлъ Берлиномъ. Непріятель, оставя городъ, потянулся двумя колоннами къ Эльбѣ, одною на Магдебургъ, другою на Виттенбергъ. За первую пошли Чернышевъ и Тетенборнъ, за вторую Бенкендорфъ.

Въ концѣ февраля Тетенборнъ отряженъ былъ къ Гамбургу; Бенкендорфъ и Чернышевъ остались пока на Эльбѣ для наблюденія — первый Виттенберга, послѣдній Магдебурга.

Особый и незапасенный отрядъ флигель-адъютанта, гвардіи ротмистра Орлова, шелъ изъ Гоэрсверда къ Гросенгейну.

Главная квартира графа Витгенштейна зани-

мала Берлинъ; Императорская и главная квартира князя Кутузова-Смоленскаго, главнокомандующаго всѣми союзными войсками — Калишъ.

Съ своей стороны вице-король Евгений, предводительствовавшій 60-тысячною французскою арміею, составленною изъ остатковъ главной арміи, изъ нѣкоторыхъ войскъ, остававшихся въ крѣпостяхъ, и изъ резервовъ, прибывшихъ изъ-за Рейна, размѣстилъ ее слѣдующимъ образомъ:

Маршалъ Даву съ 17-ью тысячами защищалъ Эльбу, отъ Дрездена до Торгау. Въ командѣ его состояли: 7-й корпусъ Ренье, 31-я дивизія Жерара, баварскій корпусъ Рехберга и саксонскія войска Лекока и Либенау.

Виттенбергъ, Магдебургъ и все разстояніе между ними защищали Гренье и Лористонъ. Войска, ими командуемая, состояли изъ 34 тысячъ, и находились подъ личнымъ начальствомъ самого вице-короля.

Маршалъ Викторъ командовалъ на Нижней Эльбѣ. Корпусъ его заключалъ въ себѣ не болѣе 6 тысячъ человекъ.

Остальныя войска находились въ Лейпцигѣ, при главной квартирѣ вице-короля и корпусной маршала Даву.

Тутъ нужно представить нѣкоторыя обстоятельства, имѣвшія непосредственное вліяніе на описываемое мною приключеніе.

Эта эпоха (я говорю о времени шестивія нашего отъ Вислы къ Эльбѣ) была краткою эпохою какого-то мишурнаго блеска оружія, впрочемъ

необходимаго для увлеченія къ общему усилю еще колебавшихся умовъ въ Германіи. Французы продолжали бѣгство; мнѣніе объ ихъ непобѣдимости постепенно исчезало; нѣкоторые союзники ихъ соединились съ побѣдителями; но другіе, ошеломленные неожиданностію событія и еще подвластные вліянію генія, столь плодотворнаго средствами, неостижимыми для самаго высокаго разума, — ожидали. Надлежало намъ пользоваться успѣхами нашими, и до прибытія новыхъ силъ изъ Франціи затопить силами нашими сколь можно болѣе пространства, никѣмъ, или почти уже никѣмъ незащищеннаго. Предпріятіе это заключало въ себѣ двѣ выгоды: умноженіе простора для военныхъ дѣйствій въ случаѣ обратнаго появленія Наполеона изъ-за Рейна, и дѣйствіе на воображеніе нерѣшительныхъ пышными и частыми обнародованіями о занятіи новыхъ областей, новыхъ столицъ, новыхъ городовъ болѣе другихъ знаменитыхъ.

Какая богатая жатва для охотниковъ до извѣстности, легко добываемой! За то какъ они и воспрянули! Все въ союзныхъ арміяхъ начало мечтать о столицахъ, торжественныхъ вѣздахъ въ столицы, поверженіи ключей столицъ къ стопамъ Императора. Начиная съ Блюхера, тогда еще безъ ореола Кацбаха, Бріэнна и Ватерлоо, тогда еще алкавшаго славы безъ разбора, какъ бы она ни досталась, — всякой начальникъ отдѣльнаго многочисленнаго корпуса требовалъ столицъ на пропитаніе честолюбію своему, потому что для огромнымъ силъ, столицы

доступны были не менѣе городковъ, предоставленныхъ на поживу честолюбіямъ нашей братьи. Къ несчастію моему, подручныхъ столицъ на это время было только двѣ, изъ коихъ одну захватилъ уже Чернышевъ, другая, Дрезденъ, оставалась на удалаго, — и Блюхеръ и Винценгероде поѣхали къ этому доброму Дрездену, не постигнувъ, что слава подвига дѣлится болѣе или меньшимъ количествомъ средствъ, употребленныхъ на предпріятіе, и что взятіе Берлина всею арміею или сильнымъ корпусомъ войскъ немало не обратило бы на нихъ ни чего вниманія, тогда какъ взятіе того же Берлина легкимъ отрядомъ Чернышева справедливо его прославило.

Между тѣмъ войска наши подвигались. Партія моя, состоявшая, какъ я сказалъ, въ зависимости отъ Лансаго, командовавшаго авангардомъ Винценгероде, шла вправѣ отъ него на Мюско, Шпрембергъ, Гоэрсверде, и вступила 7 марта въ деревню Бернсдорфъ, гдѣ застала партію флигель-адъютанта Орлова, готовую уже къ выступленію въ Гроссенгейтъ. Орловъ объявилъ мнѣ о намѣреніи своемъ перейти немедленно Эльбу для угроженія Дрездену со стороны лѣваго берега.

Надо замѣтить, что въ этотъ самый день (7 марта) корпусъ Блюхера находился еще въ Силезіи, въ трехъ переходахъ не доходя Бунцлау; корпусъ Винценгероде на пути къ Герлицу, а Ланской вступилъ въ Бауценъ.

По прибытіи въ Бернсдорфъ, я, въ слѣдствіе

даннаго имъ повелѣнія Ланскимъ, отрядилъ ротмистра Чеченскаго съ командуемымъ имъ 1-мъ Бугскимъ казачьимъ полкомъ, какъ для обозрѣнія путей и окрестностей Дрездена, такъ и для свѣдѣнія о самомъ городѣ.

Теперь обратимся къ Дрездену, и изглянемъ, что тамъ происходило до прибытія моего въ Бернсдорфъ и примкнутія къ Чеченскому. Я для сего прибѣгну къ сочиненію саксонскаго генерала Оделебена, очевидца-повѣствователя.

12-го февраля король выѣхалъ изъ столицы въ Плауенъ, что въ Войгтландъ, передавъ управленіе королевствомъ комитету государственныхъ чиновниковъ, именованному Непосредственною Коммиссіею. Половина гвардейскаго полка слѣдовала за королемъ; другая половина перешла въ Кеннигштейнъ, куда предварительно перевезены были государственная казна и картины знаменитой дрезденской галлерей. Гусары, часть гвардіи кирасирскаго полка и полка Застрова, находившіеся подъ командою генерала Либенау, размѣщены были по кавтовиръ-квартирамъ въ окрестностяхъ Стараго Города и въ Новомъ Городѣ.

23-го февраля, генералъ Ренъе, приостановившійся на время въ Бауценъ, вступилъ въ Дрезденъ съ 7-мъ корпусомъ и размѣстилъ его, частью по селеніямъ, лежащимъ на лѣвомъ бе-

* Relation circonstanciée de la campagne de 1813 en Saxe, par Mr. le baron d'Odeleben, l'un des officiers généraux de l'armée. Paris, 1817.

регу Эльбы, частію въ Новомъ Городѣ, вмѣсто авангарда. Корпусъ этотъ простирался не далѣе 5 тысячъ человекъ, принимая въ счетъ и 1400 Баварцевъ команды генерала Рехберга, отправленныхъ въ Мейссенъ немедленно повступленіи ихъ въ Дрезденъ. Саксонская кавалерійская дивизія генерала Либенау примкнула къ Ренье, коему предписано было защищать переправу Эльбы подъ Дрезденомъ и Мейсеномъ. Въ слѣдствіе сего, онъ перевезъ на лѣвый берегъ всѣ суда, которыя могли служить для переправы войскъ нашихъ, приступилъ къ начинкѣ порохомъ двухъ сводовъ великолѣпнаго моста, соединяющаго обѣ половины Дрездена, къ перемѣщенію госпиталей и военныхъ запасовъ въ Старый Городъ изъ Новаго, и къ сооруженію вокругъ послѣдняго нѣсколькихъ бастіоновъ съ куртнами, обнесенныхъ палисадомъ. Въ городѣ произошло смятеніе; народъ долго не допускалъ войско къ минированію моста; но Ренье восторжествовалъ, и два свода онаго готовы уже были ко взрыву.

Между тѣмъ, 28 февраля, маршалъ Даву вступилъ въ Мейссенъ, съ 12-тысячнымъ корпусомъ, предалъ огню красивый деревянный мостъ, принадлежащій городу, и 1 марта прибылъ въ Дрезденъ. Съ прибытіемъ его, закипѣла дѣятельность къ защитѣ переправы; но строгость и притѣсненіе всѣмъ сословіямъ дошли до невѣроятія. Ренье сдалъ команду 7-мъ корпусомъ генералу Дюрюту, и выѣхалъ изъ города.

7-го и ночь на 8-е число марта употреблены

на вывозъ орудій съ нововоздвигнутаго укрѣпленія, парка, фургоновъ и всякаго рода тягостей изъ Новаго въ Старый Дрезденъ.

8-го, въ десятомъ часу утра, не принимая въ уваженіе письменныхъ просьбъ короля и презирая моленія обывателей, Даву приказалъ зажечь мину, устроенную въ мостѣ, — и два свода онаго съ трескомъ и громомъ взлетѣли на воздухъ. Даву только этого и дожидался. Почти въ одно время со взрывомъ онъ выступилъ въ Мейссенъ, оставя въ городѣ Дюрюта съ 7-мъ корпусомъ, простиравшимся до 3000 Французовъ, успленныхъ нѣсколькими баталіонами и эскадронами Саксонцевъ, подъ начальствомъ генерала Лекока.

Дюрютъ приступилъ къ исполненію своихъ обязанностей. Онъ поставилъ одну баттарею на мосту, у самаго провала, причиненнаго взрывомъ, для обстрѣливанія всего протяженія моста и главной улицы Новаго Города; другую у Брюлева замка на Валмергартенѣ, и третью у Фридрихштадта, гдѣ болѣе, чѣмъ гдѣ нибудь, опасался онъ покушенія на лѣвый берегъ, по причинѣ изгиба рѣки, способствующаго переправѣ.

Укрѣпленіе Новаго Города занялъ онъ двумя ротами пѣхоты, впереди коихъ, за палисадами, номѣстилъ саксонскихъ стрѣлковъ, и назначилъ маіора саксонскихъ войскъ, Ешки, комедантомъ этой половины города.

Въ такомъ положеніи находился Дрезденъ при подскокѣ къ нему Чеченскаго съ 1-мъ

Бургскимъ полкомъ, заключавшимъ въ себѣ не болѣе 150 казаковъ.

8-го поутру, на походѣ изъ Бернсдорфа къ Кенигсбрюку, я услышалъ сильный гулъ въ направленіи къ Дрездену, и узналъ отъ обывателей селеній, на пути моемъ лежащихъ, что гулъ этотъ произойти долженъ отъ взрыва дрезденскаго моста, въ которомъ, говорили они, давно уже роятся французскіе піонеры, и что для приведенія въ исполненіе онаго ожидали только прибытія Даву.

Этотъ проклятый гулъ былъ виновникомъ всѣхъ непріятностей; онъ оживилъ честолюбіе мое.

Я смекнулъ, что половина города, находящаяся на правомъ берегу Эльбы, или вовсе оставлена уже непріателемъ, или заключаетъ въ себѣ гарнизонъ подъ силу моей партіи, и что слѣдственно можно съ надеждою на успѣхъ постучаться въ ворота. Если, — думалъ я, — удастся мнѣ вступить хотя въ одинъ Новый Геродъ, то уже все сдѣлано: кусокъ будетъ почать, и слава овладѣнія всею столицею будетъ принадлежать мнѣ, а не другому: этотъ другой былъ въ мысляхъ моихъ или Орловъ, или Прендель, или какой либо отрядный начальникъ прусскаго корпуса, но ни самъ Блюхеръ, ни Винценгероде, по отдаленію ихъ отъ Дрездена, не входившіе мнѣ въ голову. Закинула кровь молодецкая..... но вмѣстѣ съ тѣмъ, нинопочтаніе ухватило меня за воротъ. Будучи подъ командою Ланскаго, съ кеторымъ я сверхъ то-

го былъ и пріятелемъ, я и страшился и совѣстился отважиться на это предпріятіе совершенно уже безъ его вѣдома. Курьеръ носкакалъ къ нему въ Бауденъ съ запиской; я писалъ къ нему слово въ слово:

«Я не такъ далеко отъ Дрездена. Позвольте попытаться. Можетъ быть, успѣхъ увѣнчаетъ попытку. Я у васъ вѣдъ командой: моя слава—ваша слава.»

По случаю тихой бѣды саксонскихъ почтальоновъ, я не прежде, какъ по прошествіи семи часовъ времени, получилъ отвѣтъ отъ Ланскаго.

Получа разрѣшеніе, я въ тотъ же мигъ послалъ приглашеніе къ Орлову на пиръ, мною затѣваемый, а въ случаѣ невозможности, просилъ у него подкрѣпленія, держась французской пословицы: Dieu est pour les gros bataillons. Въстѣ съ посылкою къ Орлову, т. е. въ 4 часа пополудни, я выступилъ изъ Кеннигсбрюка.

Едва начала партія моя вытягиваться на дорогу, какъ является ко мнѣ казакъ съ рапортомъ отъ Чеченскаго.

Рапортъ. «До самыхъ стѣнъ города я ничего не могъ узнать отъ жителей, кромѣ того, что нѣтъ никого въ городѣ; почему я поскакалъ съ 50 казаками ближе; но только что подъѣхалъ къ воротамъ, какъ былъ встрѣченъ сильнымъ перекрестнымъ огнемъ изъ-за палисадовъ. Слава Богу, кромѣ трехъ лошадей, урону нѣтъ, и все благополучно. Я передъ городомъ, равставляя пикеты, ожидаю вашего приказанія. *Ротмистръ Чеченскій.* 8 марта.»

Отельта мой Чеченскому. «Держись; я спѣшу къ тебѣ со всею партіею. *Денисъ Давыдовъ.* 8 марта, въ 5 часу пополудни.»

На половинѣ пути моего новый посланный съ новымъ рапортомъ является ко мнѣ отъ Чеченскаго. Онъ писалъ:

Рапортъ. «Цѣлый день непріятель сбивалъ занятые мною пикеты около города. Я, исполняя вашего высокоблагородія приказанія, ни шагу не отступилъ, хотя ясно видѣлъ, что въ упрямствѣ моемъ прока не будетъ. Вдругъ выгѣзжаетъ бургомистръ съ просьбою о пощадѣ города. Я не показавъ никакого наружнаго удивленія, но въ умѣ моемъ не могъ разгадать, что это значитъ. Однако я объявилъ ему, что если эту же ночь обыватели выгонять на ту сторону рѣки Французовъ, занимающихъ Новый Городъ, то городъ не пострадаетъ; въ противномъ же случаѣ не будетъ никому и ничему пощады. Бургомистръ выпросилъ сроку два часа, и возвратился въ городъ. Я съ полкомъ остаюсь, до возвращенія его, на дневныхъ мѣстахъ, и по полученіи отзыва немедленно объ ономъ донесу вамъ. Сего числа, во время перестрѣлки, хорунжій Рамодановъ смертельно раненъ; рядовыхъ казаковъ рашено четыре; лошадей убито девять. *Ротмистръ Чеченскій.* 8 марта.»

Въ отвѣтъ на этотъ рапортъ я прибавилъ шагу. Уже партія моя была въ трехъ или четырехъ верстахъ отъ Чеченскаго, то есть на высотахъ, покрытыхъ сосновымъ лѣсомъ, съ которыхъ дорога спускается къ Дрездену, —

какъ новый посланный отъ него является ко мнѣ съ запиской:

«Батюшка Денисъ Васильевичъ! Изъ города явился бургомистръ, который сказалъ мнѣ, что комендантъ города желаетъ говорить съ офицеромъ нашимъ; почему Левенштернъ * ѣздилъ въ городъ, но комендантъ сказалъ ему, что ежели бы у насъ была хоть самая бездѣлица пѣхоты, то въ ту же минуту онъ оставилъ бы городъ; но что однимъ казакамъ онъ сдать города не можетъ. *Александръ Чеченскій.*»

Что было дѣлать? Обстоятельства представлялись не въ томъ уже видѣ, какъ прежде. Надо было прибѣгнуть къ хитрости, хотя искони употребляемой, но всегда удающейся: я оставилъ сотню казаковъ на мѣстѣ полученія мною записки Чеченскаго, съ приказаніемъ ни чѣмъ другимъ не заниматься, кромѣ раскладки бивачныхъ огней по горѣ въ четырехъ мѣстахъ, и чтобы въ каждомъ мѣстѣ было костровъ до 20, а чѣмъ болѣе, тѣмъ лучше; чтобы всю ночь они не потухали, а напротивъ, чтобы горѣли какъ можно ярче и виднѣе для города. Начальникомъ команды этой я назначилъ изъ расторопнѣйшихъ казачьихъ офицеровъ, оставя на его отвѣтственности исполненіе моего приказанія и позволя ему въ подмогу себѣ набрать нѣсколько поселанъ изъ ближнихъ селеній; самъ посиѣ-

* Штабсъ-капитанъ Левенштернъ, прикомандированный къ партии моей въ Гроднѣ. Онъ нынѣ полковникомъ въ отставкѣ.

шилъ съ остальными четырьмя сотнями и съ 50 моими Ахтырскими гусарами къ Чеченскому, съ коимъ немедленно соединился.

Первымъ попеченіемъ моимъ было воспользоваться мѣстностью и расположить войско мотакъ, чтобы показать непріятелю болышее число, чѣмъ ихъ было дѣйствительно. Я занялъ биваками всѣ улицы форштадта, коихъ отвертїя обращены къ городу, выставилъ изъ нихъ головы колоннъ и скрылъ хвосты оныхъ за строенїями. Въ такомъ положенїи я ожидалъ полного разсвѣта, любуясь между тѣмъ бивачными огнями, разложенными казаками моими на высотахъ и горѣвшими какъ-будто огни трехтысячнаго отряда.

Въ эту минуту убійственное письмо отъ Ланского пало на меня; какъ бомба! Онъ писалъ:

«Любезнѣйшій мой полковникъ! Не взирая на позволеніе, мною вамъ данное, я принужденнымъ нахожусь измѣнить ваше направленіе, въ слѣдствіе повелѣнїя, сейчасъ полученнаго мною отъ корпуснаго командира. И такъ, любезнѣйшій другъ, вмѣсто Дрездена, прошу васъ обратиться уже изъ Кенигсбрюка въ Радебургъ; но пошлите развѣзды по всѣмъ путямъ, ведущимъ къ Дрездену, и откройте всѣ его окрестности. Расположите войска ваши вправо отъ Радебурга къ Мейсену, котораго окрестности также откройте какъ можно тщательнѣе. Прикажите забрать всѣ суда, находящїяся на этомъ берегу Эльбы, и пошлите развѣзды по направленію къ Торгау для сего же предмета. Поставьте постъ

къ Люльзнацъ, который оставьте тамъ до прибытія туда Мадатова. Мадатовъ помѣстится между вами и почтовымъ трактомъ, идущимъ изъ Бишофсверды къ Дрездену, дабы закрыть движеніе нашего корпуса, который рѣшительно сходитъ съ калшискаго пути, и котораго корпусная квартира переносится въ Гоэрсверде для *описки мѣста Пруссакамъ*. Въ Торгау находятся казаки Бенкендорфа; прикажите разъѣздамъ вашимъ до нихъ доходить. Независимо отъ всего этого, прикажите мѣстнымъ начальствамъ заготовлять какъ можно болѣе провіанта и фуража для корпуса, который, безъ сомнѣнія, простоятъ нѣкоторое время на этой сторонѣ Эльбы, по случаю затрудненія въ переправѣ». *Ланской*. — Я иду на Каменьцъ».

Признаюсь, чтеніе этихъ строкъ жестоко поразило меня; но скоро я очнулся и рѣшился продолжать разъ уже затѣянное предпріятіе.

Едва ободняло, я послалъ снова Левенштерна парламентаремъ съ требованіемъ сдачи города, съ извѣстіемъ о прибытіи моемъ съ конницею и пѣхотою, которой огни видны на ближнихъ горахъ, и о незамедлительномъ началіи приступа въ случаѣ отказа. Отвѣтомъ мнѣ было желаніе генерала Дюрюта говорить съ уполномоченнымъ мною штабъ-офицеромъ. Я послалъ къ нему Вольнскаго Уланскаго полка подполковника Храповицкаго. Дюрютъ квартировалъ въ Старомъ Городѣ. При переправѣ на лодкѣ черезъ Эльбу, Храповицкому, какъ водится, завязали глаза платкомъ (печатное изображеніе это-

го путешествія Храповицкаго продавалось въ Дрезденѣ какимъ-то дрезденскимъ спекуляторомъ), повели его подъ руки на квартиру французскаго генерала, и переговоры начались. Къ нимъ допущены саксонскій генераль Лекокъ и члены непосредственной комиссіи. Уполномоченный со стороны Дюрюта былъ первый адъютантъ его, капитанъ Франкъ.

Между тѣмъ то, чего я ожидалъ, случилось. Орловъ, занятый приготовленіями переправы черезъ Эльбу, не могъ придти ко мнѣ со всеѣмъ своимъ отрядомъ; но прислалъ сотню Донскаго казачьяго полка Мелентьева, и отрядъ Прендела показался на бауценской дорогѣ.

Однако, не взирая на прибывшія войска, переговоры, неразлучные съ преніями, иногда довольно воинственными и жесткими съ обѣихъ сторонъ, продолжались цѣлый день, и только въ 9 часовъ вечера уполномоченные подписали, — и Дюрютъ и я ратификовали условія.

Одно изъ затрудненій возникло отъ намѣренія моего вымарать нѣкоторыя статьи, считаемыя мною вовсе ненужными, какъ напримѣръ: 1) ту, которая касалась до продовольствія и размѣщенія по квартирамъ войска моего, къ чему, по условію, я обязывался допустить гражданскихъ чиновниковъ, избранныхъ отъ города, вмѣстѣ съ чиновникомъ, на этотъ предметъ отъ меня назначениымъ; 2) ту, которая требовала безобиднаго обхожденія съ жителями, и 3) упоминающую о покровительствѣ и сбереженіи имуществъ королевскихъ и частныхъ и о заня-

ти окрашены корпусами Кадетскаго Корпуса, Королевской Библіотеки и Японскаго Дворца— все пошавши обязанности, исполняемыя безъ условій и самимъ собою всякимъ начальникомъ, занимающимъ всякій городъ мало-мальски значащій!

Съ своей стороны, Дюрютъ, соглашаясь на сдачу Новаго Города, не соглашался на требование мое, чтобы прежде выхода изъ него въ Старый Городъ тѣхъ войскъ, которыя защищали уирѣяленіе, они *отдали честь Русскимъ, стоя, во всемъ парадѣ, во фронтѣ, и сълавы на-караулъ при барабанномъ боѣ*. Затрудненія эти не безъ борьбы и только-что къ вечеру исчезли. Я оставилъ въ капитуляціи статьи, считаемыя мною ненужными, подписавъ только подъ ними: «*articles inutiles*» (статьи ненужныя), а Дюрютъ согласился на повелѣніе войскамъ своимъ отдать честь моимъ войскамъ съ тѣмъ только, чтобы этой статьи не было помѣщено въ капитуляціи. Я былъ доволенъ, ибо желалъ этого не для газетъ, а для жителей Дрездена; мнѣ хотѣлось, чтобы они были очевидцами униженія Французовъ передъ Русскими.

По ратификаціи условій я немедленно послалъ копію съ оныхъ при рапортѣ моемъ генералу Лавскому.

Рапортъ. «Вчерашняго числа я предпринялъ усиленное обозрѣніе Дрездена. Ротмистръ Чеченскій, командующій 1-мъ Бугскимъ казачьимъ полкомъ, отличился; это его привычка. Убито: оберъ-офицеровъ 1, ранено казаковъ 4; убито

и рашено лошадей. 9. Испуганный неприятель вступилъ въ переговоры, въ ожиданіе коихъ я завтрашняго числа занимаю половину города Дрездена, и копию съ условий, мною ратификованныхъ, имѣю честь представить вашему превосходительству. *Полковникъ Давыдовъ.* 1813 года марта 9 дня, у наместа Дрездена.»

До разсвѣта я велѣлъ парти готовиться къ парадному вступленію въ городъ, то есть чиститься и комиться; надо было блеснуть чѣмъ Богъ послалъ. Сами мы нарядились въ самыя новыя одежды. Я тогда носилъ курчавую, черную какъ крыло верона и окладистую бороду; одежда моя состояла въ черномъ сукнѣ, красныхъ шараварахъ и въ красной шапкѣ съ чернымъ околышемъ; я имѣлъ на бодрѣ черкесскую шапку, и ордена на шеѣ: Владимира, Анну, алмазами украшенную, и Прусскій «за достоинство», — въ петлицѣ: Георгія Храповицкій и Чеченскій были въ подобной же одеждѣ; но Левенштернъ въ швахтномъ мундирѣ, такъ же, какъ и Бекетовъ съ Макаровымъ въ ментикахъ ихъ полка и Алябьевъ въ мундирѣ казачьяго графа Мамонова полка.

Порядокъ вступленія войскъ въ городъ я назначилъ слѣдующій:

Я впереди, окруженный Храповицкимъ, Левенштерномъ, Бекетовымъ, Макаровымъ и Алябьевымъ. Ахтырскіе гусары позади насъ въ родѣ моего козвоя.

За нами 1-й Бугскій казачій полкъ, предшествуемый пѣсениками.

Потомъ Донской Пешова 13-го полкъ, а за нимъ сотня Донскаго Мелентьева полка.

Въ 10 часовъ утра явились ко мнѣ гражданскіе чиновники, депутаты города.

Они ѣхали къ казачьему начальнику, грубому, необразованному, — и выпучили глаза, услыша меня, бородача, отвѣчавшаго на привѣтствія ихъ благодарностію, облеченною во французскія фразы, впрочемъ, довольно пошлыя.

Послѣ этого я долго говорилъ имъ о высокой судьбѣ, ожидающей Германію, если она не измѣнитъ призыву чести и достоинству своего имени; о благодарности, коей она обязана Императору Александру; о средствахъ, кои у ней подъ рукою, для изъявленія этой благодарности; что я казакъ, наѣздникъ, солдатъ, не понимаю ничего въ политикѣ; но думаю, но увѣренъ, что если Саксонцы покажутъ примѣръ возстанія за дѣло столь справедливое, столь священное, — они тѣмъ много угодятъ великодушному Монарху Россіи, вступившему въ Германію для Германіи, а не для себя, ибо его уже дѣло сдѣлано. Словомъ, Богъ знаетъ, что я тутъ наговорилъ безъ малѣйшаго затрудненія: все сказанное мною невольно черпалось изъ прокламацій, осыпавшихъ тогда Германію. Ежедневно чтеніе ихъ снабжало готовыми фразами людей безтолковѣйшихъ. Съ моей стороны, я имъ много былъ обязанъ. Цѣлыя груды ихъ лежали въ памяти моей, какъ запасъ сосисокъ для угощенія Нѣмцевъ. Я имъ пользовался; но за то такъ въ него самъ вѣлся, что едва не заговорилъ

съ казаками и даже съ деньщикомъ моимъ отрывками изъ прокламацій.

Этого числа съ самаго утра Дюрютъ позволилъ переѣздъ жителямъ изъ Старога въ Новый Городъ и пребываніе въ немъ до полудни, то есть до выстувленія гарнизона, что произвело въ этой половинѣ Дрездена чрезвычайное стеченіе народа. Многіе даже, предвидя незамедлительное освобожденіе Старога Города отъ Французовъ, не возвратились и остались въ Новомъ до ухода Дюрюта къ Лейцигу.

Въ полдень вся моя партія съѣла на копей и, по предписанному мною порядку, вступила въ ворота укрѣпленія. Тутъ стоялъ гарнизонъ. Онъ отдалъ честь, сдѣлавъ на караулъ при барабанномъ боѣ. У караула стоялъ тотъ самый капитанъ Франкъ, первый адъютантъ Дюрюта, который былъ уполномоченъ имъ при договорѣ. Я благодарилъ гарнизонъ легкимъ приподнятіемъ шапки, подозвалъ къ себѣ капитана Франка и пригласилъ его на завтракъ. Тогда мы двинулись впередъ, и пѣсенники, ѣхавшіе впереди Бугскаго полка, заились: «Растоскуйся, моя сударушка!»

Погода была прелестная. Число любовитныхъ невѣроятно. На всей большой улицѣ не оставалось пустого мѣста. Во всѣхъ окошкахъ трехъ-этажныхъ домовъ торчали головы; крыши усѣяны были народомъ. Иные махали платками, другіе бросали шляпы на воздухъ, и все

* Изъ Оделзбена.

кричало, все ревѣло, все воило: «Ура! Александръ! ура! Россія!» И въ этомъ многогласномъ хорѣ, прославлявшемъ два столь огромныя имена, недостойное имя мое извѣвалось, какъ извивается голосъ флейточки между громовыми звуками трубъ и литавръ.

Мнѣ отвѣли квартиру у банкира Прейлинга, на большой улицѣ. Тамъ дожидались меня всѣ почетные чиновники города; но я проѣхалъ мимо, прямо къ берегу, для размѣщенія пикетовъ вдоль Эльбы. Партія моя между тѣмъ располагалась биваками по большой улицѣ, дабы быть всегда подъ рукою.

Оконча обязанности службы, я слѣзъ съ коня и вошелъ на квартиру, гдѣ принялъ городскихъ чиновниковъ. Между ними я помню директора Кадетекаго Корпуса, толстоватаго, рыжаго генерала; въ красномъ военномъ мундирѣ съ желтыми отворотами, и начальника Японскаго Дворца, кажется, г-на Липцуса, старичка пудренаго; прочихъ я забылъ наружность, а имена и подавно. Я употребилъ въ разговорѣ съ ними тотъ же чужой умъ, какъ и съ депутатами, съ нѣкоторыми однако жъ измѣненіями. Всѣ были довольны — и я не менѣе ихъ, когда, взаимно раскланявшись, мы разстались.

Немедленно поскакалъ отъ меня курьеръ къ Ланскому съ рапортомъ моимъ.

Рапортъ. «Въ полдень я вступилъ съ войсками въ Новый Дрезденъ. Завтра, 11 марта, вечеромъ, я уничтожаю перемиріе, заключенное мною съ Дюрютомъ; слѣдственно 13-го вече-

ромъ можно будетъ свободно дѣйствовать, какъ внутри города, такъ и въ окрестностяхъ оного. Покорнѣйше прошу ваше превосходительство довести до свѣдѣнiя господина корпуснаго командира обстоятельство это. Замедленiе въ прибытiи пѣхоты и артиллерiи въ Новый Городъ легко можетъ лишить насъ приобретеннаго.

Полковникъ Давыдовъ. 1813 года 10 марта Н. Г. Дрезденъ.

Въ этотъ самый день саксонскiй генералъ Леконъ съ саксонскою пѣхотою, а Либенау съ саксонскою кавалерiею выступили изъ Стараго Дрездена, — первый въ Торгау, а послѣднiй къ королю въ Плауенъ, что въ Вейгтландѣ. Ихъ замѣнили Баварцы Рексберха, принявшiе изъ Мейссена.

На другой день, осмотра пикеты, я съ конвоемъ Ахтырскихъ гусаръ ѣздилъ въ Кадетскiй Корпусъ и въ Японскiй Дворецъ. Я помню, что, осматривая чертежи кадетовъ, я, въ качествѣ назака, не мало удивилъ памятью моею директора корпуса, показавъ ему на планѣ плауенской долины и ея окрестностей всѣ подробности позицiи Дауна во время Семилѣтней войны въ 1758 году; напомнилъ ему, что австрiйская конница расположена была на равнинѣ между Дрезденомъ и Плауеномъ; что самъ Даунъ съ пѣхотою занималъ высоты отъ Плауена до Виндберга. Сенсеръ стоялъ на высотахъ Геншена для защиты тыла армiи и носендорфской дефи-

Изъ Одегубена.

леи, а Брентаио прежде въ Стреленѣ, а потомъ въ Никернѣ, — и наконецъ, смѣривъ циркулемъ ширину долины между Плауеномъ и Подчанелемъ, просилъ позволенія у генерала замѣтить ему, что на планѣ она шире, чѣмъ въ натурѣ: ибо извѣстно, что въ этомъ мѣстѣ ширина ея не простирается далѣе 400 шаговъ. Рижій мой генераль выпучилъ глаза не хуже депутатовъ, коимъ я наканунѣ заговорилъ на французскомъ языкѣ, и вмѣсто разсужденія со мною о позиціи Дауна и о Семилѣтней войнѣ, поднимъ руки кверху и съ громогласнымъ воодушевленіемъ спросилъ меня, неужели я *казацкой націи*? Я весьма серьезно увѣрилъ его въ этомъ, и мы разстались. — Не то было въ Японскомъ Дворцѣ. Увы! въ этой сокровищницѣ искусствъ и художествъ я самъ наскочилъ на плауенскую неприступную для меня позицію! Тутъ не было воспоминаній ни о Семилѣтней войнѣ, ни о сраженіяхъ, ни о наѣздахъ: тутъ были статуи, треножники и прочія древности, вовсе чуждыя невѣжественной моей современности. Я ходилъ по заламъ, дивился всему, и не судилъ и не радилъ, какъ въ Кадетскомъ Корпусѣ; тутъ я былъ истиннымъ Башкирцемъ. Въ этотъ день пріѣзжали ко мнѣ, не болѣе какъ на одинъ часъ времени, князь Мадатовъ и Орловъ. Оба они, какъ пріятель, поздравляли меня съ удачею моею.

Уже съ утра этого дня я предписалъ городскому правленію о принятіи мѣръ къ заготовленію въ городѣ и въ окрестностяхъ онаго про-

віанта и фуража на 40-тысячную армію, по крайней мѣрѣ на мѣсяць времени, и вмѣстѣ съ тѣмъ о свозѣ къ берегу Эльбы матеріаловъ для постройки плотовъ и паромовъ, болѣе, въ мысляхъ моихъ, для пуганія Дюрюта переправой, чѣмъ для переправы. Я полагалъ эту хитрость не лишнею въ случаѣ перехода Эльбы Орловымъ, который обѣщался мнѣ съ перваго шага обратиться въ тылъ Старому Дрездену.

12-го, большая часть тяжестей и довольное число французскихъ войскъ потянулись изъ города къ Лейпцигу, и баварскія войска Рехберха выступили въ Мейссенъ. * Въ теченіе этого дня партія подполковника Преиделя вступила въ Новый Городъ. Вечеромъ илкетные мои дали мнѣ знать о стукѣ пушечныхъ колесъ и о шумѣ проходящихъ войскъ за рѣкою, полагая, что это происходитъ отъ рѣшительнаго выхода непріятеля изъ Стараго Города. Я бросился къ мосту, и чтобы самому въ этомъ увѣриться, пробрался тихонько къ обвалу взорванныхъ сводовъ, къ самой непріятельской батарее, стоявшей по ту сторону обвала. Долго я прислушивался, но кромѣ разговора французскихъ вандеровъ, на батарее находившихся, ничего не могъ услышать. Я узналъ послѣ, что шумъ этотъ точно происходилъ отъ начатаго уже отступленія нѣкоторой части войскъ Дюрюта, испугавшагося перехода на лѣвый берегъ передовыхъ войскъ Орлова, и опасавшагося едино-

* Изъ Оделебена.

временнаго паденія на него съ моей стороны. Онъ принялъ начатое мною приготовленіе къ постройкѣ паромовъ и плотовъ за истинное на-
мѣреніе мое переправляться въ Старый Дрез-
денъ, при первомъ извѣстіи о переправѣ Орло-
ва, старанія и хлопоты коего на счетъ перепра-
вы ему уже были извѣстны.

...иногда бывалъ въ виду и въ военное время, когда
...иногда бывалъ въ виду и въ военное время, когда
...иногда бывалъ въ виду и въ военное время, когда
...иногда бывалъ въ виду и въ военное время, когда
...иногда бывалъ въ виду и въ военное время, когда
...иногда бывалъ въ виду и въ военное время, когда
...иногда бывалъ въ виду и въ военное время, когда
...иногда бывалъ въ виду и въ военное время, когда
...иногда бывалъ въ виду и въ военное время, когда
...иногда бывалъ въ виду и въ военное время, когда

ОТРЫВКИ

ИЗЪ

ПАРТИЗАНСКАГО ДНЕВНИКА.

—

I.

Съ 1807-го по 1812-й годъ я былъ адъютан-
томъ покойнаго князя Петра Ивановича Багра-
тіона. Въ Пруссіи, въ Финляндіи, въ Турціи —
вездѣ у стремя этого блистательнаго полковод-
ца. Когда противныя обстоятельства отрывали
его отъ дѣйствовавшихъ армій, тогда онъ, по
желанію моему, оставлялъ меня при нихъ: такъ
я прошелъ курсъ аванпостной службы при
Кульневѣ, въ 1808-мъ году, въ сѣверной Фин-
ляндіи, и при немъ же въ Турціи, въ 1810-мъ
году, во время предводительства графа Камен-
скаго.

Въ 1812-мъ году поздно было учиться. Туча бѣдствій налегла на Отечество, и каждый сынъ его обязанъ былъ платить ему наличными свѣдѣнiями и способностями. Я просилъ у князя позволенiя стать въ рядахъ Ахтырскаго гусарскаго полка. Онъ похвалилъ мое рвенiе и писалъ о томъ къ военному министру. 8-го апрѣля, я былъ переименованъ въ подполковника, съ назначенiемъ въ Ахтырскiй гусарскiй полкъ, расположенный тогда близъ Луцка. 18-го мая, мы выступили въ походъ къ Бресту-Литовскому.

Около 17-го Юня, армiя наша выходила въ окрестностяхъ Волковиска; полкъ нашъ въ Заблудовѣ, близъ Бѣлостока.

17-го Юня начался отступленiе. Отъ этого числа, до назначенiя меня партизаномъ, я находился при полку, командовалъ 1-мъ баталiономъ омаго, * былъ въ сраженiяхъ подъ Мiромъ, Романовымъ, Дашковкой, и во всѣхъ аванпостныхъ сшибкахъ, до самой Гжати.

Видя себя полезнымъ Отечеству не болѣе рядового гусара, я рѣшился просить себя отдѣльную команду, не смотря на поговорку: «никуда не проситься и ни отъ чего не отказываться» и напротивъ, я всегда слѣдовалъ правилу, что въ ремеслѣ нашемъ можно иногда запрашиваться и ни отъ чего не отказываться.

* Въ то время гусарскiе полки состояли изъ двухъ баталiоновъ; каждый баталiонъ въ военное время включалъ въ себя четыре эскадрона.

При сихъ мысляхъ, я послалъ къ князю Багратиону письмо, слѣдующаго содержанія:

«Ваше Сіятельство!

«Вамъ извѣстно, что я, оставя мѣсто адъютанта
«вашего, столь лестное для моего самолюбія, и всту-
«пя въ гусарскій полкъ, имѣлъ предметомъ парти-
«занскую службу, и по силамъ лѣтъ моихъ, и по
«опытности и, если смѣю сказать, по отвагѣ моей.
«Обстоятельства ведутъ меня по сіе время въ рядахъ
«моихъ товарищей, гдѣ я своей воли не имѣю; и
«слѣдовательно не могу ни предпринять, ни испол-
«нить ничего блистательнаго. Князь! Вы мой един-
«ственный благодѣтель; позвольте мнѣ предстать къ
«Вамъ, для объясненія моихъ намѣреній. Если они
«будутъ вамъ угодны, употребите меня по желанію
«моему, и будьте надежны, что тотъ, который по-
«силъ званіе адъютанта Багратионова пять лѣтъ сря-
«ду, тотъ поддержитъ честь эту со всею ревностію,
«какую бѣдственное положеніе любезнаго нашего
«Отечества требуетъ.»

«Денисъ Давыдовъ.»

21-го августа, князь позвалъ меня къ себѣ.* Представъ къ нему, я объяснилъ ему выгоды партизанской войны при обстоятельствахъ того времени: «Непріятель идетъ однимъ путемъ, говорилъ я ему: путь этотъ протяженіемъ своимъ вышелъ изъ мѣры; транспорты жизнен-

* Это было при Колоцкомъ Монастырѣ въ окрестностяхъ, гдѣ была его квартира.

«наго и боевого продовольствія непріятеля по-
 «крываютъ пространство отъ Гжатя до Смолен-
 «ска и далѣ. Между тѣмъ обширность части
 «Россіи, лежащей на югѣ московскаго пути,
 «способствуетъ изворотамъ не только партій,
 «но и цѣлой нашей арміи. Что дѣлаютъ толпы
 «казаковъ при авангардѣ? Оставя достаточное
 «число ихъ для содержанія аванпостовъ, раздѣ-
 «лите остальное на партіи, и пустите ихъ въ
 «середину каравана, слѣдующаго за Наполео-
 «номъ. Пойдутъ ли на нихъ сильныя отряды—
 «имъ есть довольно простора, чтобы избѣжать
 «пораженія. Оставляютъ ли ихъ въ покоѣ — они
 «истребятъ источникъ силы и жизни непріятельской арміи. Откуда возьметъ она заряды и
 «прониканіе? Наша земля не такъ изобильна,
 «чтобы придорожная часть ея могла пропитать
 «двѣсти тысячъ войска, а оружейныя и порохо-
 «вые заводы не на смоленской дорогѣ. Къ тому
 «же обратное появленіе нашихъ посреди разсѣ-
 «янныхъ отъ войны поселенъ ободритъ ихъ и
 «обратитъ войсковую войну въ народную.
 «Князь! откровенно вамъ скажу: душа болитъ
 «отъ всѣдневныхъ параллельныхъ позицій! По-
 «ра видѣть, что онѣ не закрываютъ нѣдра Рос-
 «сиіи...»

«Князь прервалъ нескромный полетъ моего
 воображенія; онъ пожалъ мнѣ руку и сказалъ:
 «Нынче же пойду къ свѣтлѣйшему и изложу
 ему твои мысли.»

«Весь тотъ день свѣтлѣйшій былъ занятъ, и
 потому князь отложилъ говорить ему обо мнѣ

до наступающаго дня. Между тѣмъ мы подошли къ Бородину; Эти поля, это село, мнѣ были болѣе, нежели другому, знакомы. Тамъ я проведъ и безпечныя лѣта дѣтства моего, и ощутилъ первые порывы сердца къ любви и славѣ. Но въ какомъ видѣ нащелъ я приютъ моей юности! Домъ отенескій одѣвался дымомъ биваковъ; рады штыковъ сверкали среди жатвъ, покрывавшей поля, и громады войскъ толпились на родимыхъ холмахъ и долинахъ. Тамъ, на пригоркѣ, гдѣ некогда я рѣзвился и дичалъ, гдѣ я съ алчностью читывалъ извѣстія о завоеваніи Италіи Суворовымъ, о перекатахъ грома русскаго оружія на границахъ Франціи, тамъ закладывали редутъ Наевскаго; красившіи лѣсокъ, передъ пригоркомъ обращаясь въ засѣку и кипѣли егерями, какъ некогда стаю гонимыхъ собакъ, съ которыми я носился по мхамъ и болотамъ. Все переѣхалось! Затвернутый въ бурку и съ трубкою въ зубахъ, я лежалъ подъ кустомъ лѣса, за Семеновскими, не имѣя угла не только въ собственномъ домѣ, но даже и въ овицахъ, занятыхъ начальниками. Глядѣлъ, какъ шумныя толпы солдатъ разбирали избы и заборы Семеновскаго, Бородина и Горковъ, для строенія биваковъ и раскладыванія костровъ... Слезы воспоминанія сверкнули въ глазахъ моихъ; но скоро осушило ихъ чувство снастія, видѣть себя и обоихъ братьевъ моихъ вкладчиками крови и имущества въ эту священную лоттерейю.

Такъ какъ 2-я армія составляла лѣвый флангъ,

лиции, то князь остановился въ Семеновскомъ. Вечеромъ онъ прислалъ за мною адъютанта своего и обвинилъ мнѣ: «Свѣтлѣйшій согласился послать для пробы одну партію въ тылъ французской арміи; но полагая успѣхъ предпріятія этого сомнительнымъ, опредѣляетъ на оное только 50 гусарь и 150 казаковъ; онъ хочетъ, чтобы ты самъ взялся за это.» Я отвѣчалъ ему; «Я бы стыдился, князь, предложить опасное предпріятіе и уступить исполненіе его другому. Вы сами знаете, что я готовъ на все, но на пользу — вотъ главное, а для пользы людей мало!» — «Онъ болѣе не дастъ!» — «Если такъ, то я иду и съ этимъ числомъ; авось либо открою путь большимъ отрядамъ.» — «Я этого отъ тебя и ожидалъ,» сказалъ онъ. — «Вѣрьте, князь,» отвѣчалъ я ему, «ручаюсь честію, что партія будетъ цѣла; для этого нужны только, при отважности въ заметахъ, рѣшительность въ крутыхъ случаяхъ, и неусыпность на привалахъ и ночлегахъ; за это я берусь... только повторяю, людей мало; дайте мнѣ 1000 казаковъ, и вы увидите, что будетъ.» — «Я бы тебѣ далъ съ перваго раза 3000, ибо не люблю ощущую дѣла дѣлать; но объ этомъ нечего и говорить: фельдмаршалъ самъ назначилъ силу партіи — надо повиноваться.»

Тогда князь сѣлъ писать, и написавъ мнѣ собственною рукою инструкцію, также письма къ генераламъ Васильчикову и Карпову: одну, чтобы назначилъ мнѣ лучшихъ гусаровъ, а другому лучшихъ казаковъ, — спросилъ меня:

имѣю ли карту Смоленской губерніи? У меня ея не было. Онъ мнѣ далъ свою собственную, и благословя меня, сказалъ: «Ну! съ Богомъ! Я на тебя надѣюсь!» — Слова эти мнѣ очень памяты!

23-го рано я отнесъ письмо къ генераль-адъютанту Васильчикову. У него было много генераловъ. Не знаю, какъ узнали они о моемъ назначеніи: черезъ окружавшихъ ли свѣтлѣйшаго, слышавшихъ разговоръ его обо мнѣ съ княземъ, или черезъ окружавшихъ князя, стоявшихъ передъ овиномъ, въ которомъ онъ мнѣ давалъ наставленія? Какъ бы то ни было, но господа генералы встрѣтили меня шуткою: «Кланяйся Павлу Тучкову,» * говорили они, «и скажи ему, чтобы онъ уговорилъ тебя не ходить въ другой разъ партизанить.» Однако, если нѣкоторымъ изъ нихъ гибель моя представлялась въ любезномъ видѣ, то нѣкоторые соболѣзновали о моей участи, а вообще всѣ понимали, что жить посреди непріятельскихъ войскъ и завсденій съ горстью казаковъ — не легкое дѣло, особенно чловѣку, который почитался ими и весельчакомъ и поэтомъ, слѣдственно ни къ чему неспособнымъ. Прошу читателя привести на память случай этотъ, когда, въ ноябрѣ, я сойду съ арміею подъ Смоленскомъ.

* Генераль-маіоръ Тучковъ, отлично сражавшійся, былъ израненъ и взятъ въ плѣнъ въ сраженіи подъ Заболотьемъ, что Французы называютъ Волутинскимъ. Онъ нынѣ сенаторомъ въ Москвѣ.

Вышедши отъ Васильчикова, я отправился за гусарами къ Колоцкому Монастырю, куда тотъ день отступалъ аррьергардъ нашъ подъ командою генерала Коновницына. Проѣхавъ нѣскольکو верстъ за монастырь, мнѣ открылась долина битвы. Непрiятель ломилъ всѣми силами, гуль орудiи былъ неразрывенъ, дымъ ихъ мѣшался съ дымомъ пожаровъ, и вся окрестность была какъ въ туманѣ. Я съ аррьергардомъ ночевалъ у монастыря, полагая на завтра отобрать назначенныхъ мнѣ гусаровъ и ѣхать за казаками къ Карпову, находившемуся на оконечности лѣваго фланга армiи между Семеновскимъ и Утицею.

Но 24-го, съ разсвѣтомъ, началось дѣло съ сильнѣйшею яростью. Какъ оставить пиръ, пока стучать стаканами? Я остался. Непрiятель усиливался всеминутно. Грозныя тучи кавалерiи его облевали фланги нашего аррьергарда въ одно время, какъ необозримое число орудiй, размѣщенныхъ передъ густыми пѣхотными громадами, быстро подвигались прямо на него, стрѣля бѣглымъ огнемъ непрерывно. Бой ужасный! Насъ обдавало градомъ пуль и картечей — ядра рыли колонны наши по всѣмъ направлениямъ.... кости трещали!.... Коновницынъ отослалъ назадъ пѣхоту съ тяжелою артиллерiей и требовалъ умноженiя кавалерiи. Уваровъ прибылъ съ своею и великодушно поступилъ подъ его начальство, сказавъ: «Петръ Петровичъ! не то время, чтобы считаться старшинствомъ; вамъ порученъ аррьергардъ, я при-

слани, бы вамъ на помощь, и приказъ найде!»
 Такія черты забываются; за то много помнятъ
 каждую ошибку, събланную противъ правилъ
 французскаго языка метнымъ Россіяниномъ!
 Но, къ славы нашего Отечества, это не одинъ
 примѣръ; Багратионъ, послѣ блистательнаго от-
 ступленія своего, безъ роцота поступившій подъ
 начальство Барклая въ Смоленскѣ; Барклай,
 поступившій подъ начальство Витгенштейна, въ
 Бауценѣ; Витгенштейнъ, поступившій снова
 подъ начальство Барклая во время и послѣ
 перемирія, и прежде всего въ Итали, подъ Ко-
 ко; Милорадовичъ, явившійся подъ командою
 младшаго себя по службѣ Багратиона, — пред-
 ставляютъ возвышенность въ униженіи, досто-
 вную геройскихъ временъ Рима и Греціи.
 Я предприняю описаніе жестокихъ битвъ арміи.
 Не моя цѣль говорить о сраженіяхъ, представ-
 ленныхъ уже во многихъ сочиненіяхъ, извѣст-
 ныхъ Свѣту; я предпринялъ описаніе цѣнскаго
 носія партии — къ чести и обращаюсь къ вамъ.
 Полна 50 гусаровъ, и вмѣсто 150-ти, 80-ть
 казаковъ, и вѣдь съ собою Ахтырскаго гусар-
 скаго полка штабсъ-ротмистра Бедрягу, 3-го,
 поручиковъ: Бекетова и Макарова, и съ казац-
 кою командою хорунжихъ Талаева и Григорья
 Астахова, я выступилъ черезъ с. Сивково, Бе-
 ринъ-городокъ, въ с. Егорьевское, а оттуда
 на Медынь, — Шанскій заводъ, — Азарово,
 — Скугорево, —

Село Скугорево расположено на высотѣ, господствующей надъ всѣми окрестностями, такъ, что въ ясный день можно обозрѣвать съ нея на 7 или 8 верствъ пространства. Высота эта прилегалась къ лѣсу, простирающемуся съ нѣкоторыми перемычками почти до Медвиги. Посредствомъ этого лѣса партія моя могла скрывать свои движенія и, въ случаѣ пораженія, имѣть въ немъ убѣжище. Въ Скугоревѣ я избралъ первый притонъ.

Между тѣмъ непріятельская армія стремилась къ столицѣ. Несчетное число обозовъ, парковъ, конвоевъ и шаекъ маршедеревъ слѣдовало за нею по обѣимъ сторонамъ дороги, на пространствѣ 30 или 40 верствъ. Вся эта сволочь, пользуясь безначаліемъ, преступала мѣры на чинъ и неистовства. Пожаръ разливался по этой широкой чертѣ опустошенія, и цѣлыя волости, съ остаткомъ своего имущества, бѣжали отъ этой всепожирающей лавы, куда — и сами не вѣдали. Но чтобы яснѣе видѣть положеніе моей партіи, надобно взять выше: путь нашъ становился опаснѣе, по мѣрѣ удаленія нашего отъ арміи. Даже мѣста, неприкосновенныя непріятелю, не мало представляли намъ препятствій. Общее и добровольное ополченіе, поселенъ преграждало путь намъ. Въ каждомъ селеніи ворота были заперты; при нихъ стояли старъ и младъ съ вилами, кольями, топорами, и нѣкоторые изъ нихъ съ огнестрѣльнымъ оружіемъ. Къ каждому селенію одинъ изъ насъ принужденъ былъ подъѣзжать и говорить жи-

телямъ, что мы Русскіе, что мы пришли на помощь къ нимъ и на защиту Православныхъ Церкви. Часто отъѣздомъ намъ было выстрѣль, или пущенный съ размаха топоръ, отъ ударовъ коихъ судьба спасала насъ. * Мы могли бы обходить селенія, но я хотѣлъ распространить слухъ, что войска возвращаются, утвердить поселенъ къ намъ реніи защищаться, и склонить ихъ къ немедленному увѣдомленію насъ о приближеніи къ нимъ непріятеля; почему съ каждымъ селеніемъ продолжались переговоры, до вступленія въ улицу онаго. Тамъ сцена перемѣнялась: едва сомнѣніе уступало мѣсто увѣренности, что мы Русскіе, какъ хлѣбъ, пиво, пироги подвозимы были солдатамъ. Сколько разъ я спрашивалъ жителей, по заключеніи между нами мира: «Отъ чего вы полагали насъ Французами?» Каждый разъ отвѣщали они мнѣ: «Да, вишь, родимый (показывая на гусарскій мой ментикъ:) «это, бають, на ихъ одежду схожо.» — «Да, развѣ я не русскимъ языкомъ го-

* За два дня до моего прихода къ с. Егорьевское, крестьяне ближней волости истребили команду Тентарскаго казачьяго полка, состоявшаго изъ 60 казаковъ. Они приняли казаковъ этихъ за непріятеля отъ нечистаго произношенія ими русскаго языка. Сии же самые крестьяне напали на отставшую мою телѣгу, на коей лежалъ чемоданъ мой и большой гусаръ Пучковъ. Пучковъ избили и оставили за-мертво на дорогѣ; телѣгу разрубили топорами; но изъ вещей ничего не взяли, а разорвали ихъ въ куски и разбросали по полю. Вотъ примѣръ ожесточенія поселенъ на враговъ отечества, и виѣтъ съ тѣмъ безкорыстія ихъ!

верю?» — «Да вѣдь у нихъ всякаго сбора люди!» — Тогда я на опытъ узналъ, что въ народной войнѣ должно не только говорить языкомъ народа, но приноровливаться къ нему и въ его обычаяхъ, и въ его одеждѣ. Я надѣлъ чепмень, сталъ отпустить бороду и заговорилъ съ нимъ языкомъ ему понятнымъ.

Но какъ опасности эти были ничтожны передъ ожидавшими насъ на пространствѣ, занимаемомъ непріятельскими отрядами и транспор-тами! Партія наша была ничтожна въ сравненіи съ каждымъ прикрытіемъ транспорта, и даже съ каждою шайкою мародеровъ. При первомъ слухѣ о прибытіи нашемъ въ окрестности Вязмы, сильныя отряды, насъ ищущіе, жители обезоруженныя и трепещущіе Французовъ, слѣдственно близкіе къ нескромности — все угрожало намъ гибелью. Чтобы избѣжать оной, день мы проводили на высотѣ Скугорева скрытно и зорко; передъ вечеромъ, въ маломъ разстояніи отъ села, раскладывали огни; перейдя гораздо далѣе, въ противномъ тому мѣстѣ, гдѣ опредѣляли ночлегъ, раскладывали другіе, и наконецъ, войдя въ лѣсъ, проводили ночь безъ огней. Если случалось въ этомъ послѣднемъ мѣстѣ встрѣтить прохожаго, то брали его и содержали подъ надзоромъ, пока выступали въ походъ. Когда же онъ успѣвалъ скрыться, тогда снова перемѣняли мѣсто. Смотря по разстоянію до предмета, на который намѣревались учинить нападеніе, мы за часъ, два или три до разсвѣта подымались на поискъ, и сорвавъ въ

транспортъ непріятеля что по силѣ, обращались на другой; нанеся еще ударъ, возвращались окружными дорогами къ спасительному нашему лѣсу, коимъ мало по малу снова пробирались къ Скугорову. Такъ мы сражались и кочевали отъ 29-го августа до 8-го сентября. Не забуду тебя никогда, время жестокое! И прежде и послѣ я былъ въ горячихъ битвахъ, провождалъ ночи стоя, приклонясь къ сѣдлу, и рука на поводьяхъ.... но не десять дней, не десять ночей сражаюсь, и дѣло шло о жизни, а не о чести!

Узнавъ, что въ с. Токарево пришла шайка мародеровъ, мы 2-го на разсвѣтъ * напали на нее и захватили въ плѣнъ 90 человекъ, прикрывавшихъ обозъ съ ограбленными у жителей пожитками. Едва крестьяне и казаки занялись раздѣленіемъ между собою добычи, какъ выставленные за селеніемъ скрытныя пикеты наши дали знать о приближеніи къ Токареву другой шайки мародеровъ. Это селеніе лежитъ на скатѣ возвышенности у берега рѣки Вори; почему непріятель нисколько не могъ насъ примѣтить и шелъ прямо безъ малѣйшей осторожности. Мы сѣли на коней, скрылись позади избъ, и за нѣсколько сажень отъ селенія атаковали его со всѣхъ сторонъ съ крикомъ и стрѣльбою; ворвались въ средину обоза и еще захватили 70 человекъ въ плѣнъ. Тогда я созвалъ миръ и объявилъ ему о (мнимомъ) прибытіи большого

* День вступленія французской арміи въ Москву. Но мы о томъ не знали.

числа нашихъ войскъ на помощь уѣздовъ Юхновскаго и Вяземскаго. Роздалъ крестьянамъ взятые у непріятеля ружья и патроны, уговорилъ ихъ защищать свою собственность и далъ наставленіе, какъ поступать съ шайками мародеровъ, числомъ ихъ превышающихъ. «Примите ихъ,» говорилъ я имъ, «дружелюбно; поднесите съ поклонами (ибо, не зная русскаго языка, поклоны они понимаютъ лучше словъ) все, что у васъ есть съѣстного, а особенно питейнаго; уложите спать пьяными, и когда примѣтите, что они точно заснули, бросьтесь всѣ на оружіе ихъ, обыкновенно кучею въ углу избы, или на улицѣ поставленное, и совершите то, что велѣно совершать съ врагами Христовой Церкви и вашей родины. Истребивъ ихъ, закопайте тѣла въ хлѣву, въ лѣсу, или въ какомъ-нибудь непроходимомъ мѣстѣ. Во всякомъ случаѣ берегитесь, чтобы мѣсто, гдѣ тѣла зарыты, не было примѣтно отъ свѣжей, недавно вскопанной земли; для того разбросайте на ней кучу камней, бревенъ, золы, или другого чего. Всю добычу военную, какъ мундиры, каски, ремни и прочее, все жгите, или зарывайте въ такихъ же мѣстахъ, какъ и тѣла Французовъ. Эта осторожность оттого нужна, что другая шайка бусурмановъ, вѣрно, будетъ рыться въ свѣжей землѣ, думая найти въ ней или деньги, или ваше имущество; но отрывши вмѣсто того тѣла своихъ товарищей и вещи, имъ принадлежавшія, васъ всѣхъ побьетъ и село сожжетъ. А ты, братъ староста, имѣй надзоръ надъ всѣмъ

тѣмъ, о чемъ я приказываю; да прикажи, чтобы на дворѣ у тебя всегда готовы были три или четыре парня, которые, когда завидятъ очень много число Французовъ, сядились бы на лошадей и скакали бы врознь искать меня; я приду къ вамъ на помощь. Богъ велитъ православнымъ христіанамъ жить мирно между собою и не выдавать врагамъ другъ друга, особенно чадамъ Антихриста, которыя не щадятъ и храмы Божіи! Все, что я вамъ сказалъ, перескажите сосѣдямъ вашимъ.»

Я не смѣлъ дать этого наставленія письменно, боясь, чтобы оно не попало въ руки непріятеля и не увѣдомило бы его о сносахъ, данныхъ мною жителямъ для истребленія мародеровъ.

Послѣ того, перевязавъ плѣнныхъ, я опредѣлилъ къ нимъ одного урядника и девять казаковъ, къ которымъ присоединилъ еще 20 мужиковъ. Весь этотъ транспортъ отправленъ былъ въ Юхновъ, для сдачи городскому начальству подъ росписки. * Казакамъ же приказалъ дожидаться партіи въ Юхновѣ, удостовѣрясь, что, по ея малолюдству, мнѣ нельзя будетъ оставаться долго въ мѣстахъ, непріателемъ наполненныхъ. Однако мнѣ хотѣлось испытать еще судьбу съ горстью моихъ товарищей и побороться

* Я всегда сдавалъ плѣнныхъ подъ росписки: валовая сдѣлана была по окончаніи моихъ поисковъ въ окрестностяхъ Вязьмы и подписана юхновскимъ дворянскимъ предводителемъ Храповицкимъ.

съ невозможностью; а такъ-какъ обязанность моя не состояла въ поражени бродягъ, но въ истребленіи транспортовъ жизненнаго и военнаго продовольствія французской арміи, то я, при распространеніи наставленія, даннаго мною такоревскимъ крестьянамъ по всѣмъ селеніямъ, чрезъ которыя проходила партія моя, взялъ направленіе къ Цареву-Займищу, лежащему на столбовой смоленской дорогѣ.

Быль вечеръ ясный и холодный. Сильный дождь, шедшій наканунѣ; прибилъ пыль по тропинкѣ, кою мы шли связно и быстро. Въ 6-ти верстахъ отъ села попался намъ разъѣздъ неприятельскій, который, не видя насъ, шедшихъ ложиною вдоль опушки лѣса, беззаботно продолжалъ путь свой. Если бы я не имѣлъ нужды въ вѣрномъ извѣстіи о Царевѣ-Займищѣ, занимаемо ли оно войскомъ и какой оно силы, я пропустилъ бы этотъ разъѣздъ безъ нападенія, опасаясь, въ случаѣ упущенія одного изъ разъѣздныхъ, встревожить отрядъ, или прикрытіе транспорта, въ селѣ находившагося. Но мнѣ нуженъ былъ языкъ, и потому я нарядилъ урядника Крючкова съ 10-ю доброконными казаками, на перехватъ вдоль по ложинѣ, а другихъ 10 прямо на разъѣздъ. Разъѣздъ, видя себя окруженнымъ, остановился и сдался въ плѣнъ безъ боя. Онъ состоялъ въ 10-ти рядовыхъ и одномъ унтеръ-офицерѣ. Мы узнали, что въ Царевѣ-Займищѣ днюетъ транспортъ съ снарядами и съ прикрытіемъ двухъ сотъ пятидесяти человекъ конницы.

Дабы пасть какъ свѣгъ на голову, мы свернули съ дороги и пошли полями, скрываясь опушками лѣсковъ и по лощинамъ; но за три версты отъ села, при выходѣ на чистое мѣсто, встрѣтились съ неприятельскими фуражирами, числомъ человѣкъ въ 40. Увидя насъ, они обратились во всю прыть къ своему отряду. Тактическія построенія дѣлать было некогда, да и некъмъ. Оставя при плѣнныхъ 30 гусаровъ, которые, въ случаѣ нужды, могли служить мнѣ резервомъ, я съ остальными 20-ю гусарами и 70-ю казаками помчался въ погоню и почти вмѣстѣ съ уходившими отъ насъ вѣхалъ въ Царево-Займище. У страха глаза велики, а страхъ неразлученъ съ безпорядкомъ. Все разсыпалось при нашемъ появленіи; иныхъ мы захватили въ плѣнъ не только безъ оружія, но даже и безъ одежды; иныхъ вытащили изъ сараевъ; одна только толпа въ 30 человѣкъ вздумала было защищаться, но была разбѣяна и положена на мѣстѣ. Этотъ наѣздъ доставилъ намъ 119 рядовыхъ, 2-хъ офицеровъ и 10 провіантскихъ фуръ и 1 фуру съ патронами. Остатокъ прикрытія спасся бѣгствомъ.

Добычу нашу мы окружили и повели поспѣшно черезъ село Климово и Кожино въ Скугорево, куда прибыли въ полдень 3-го числа.

Партія, бывъ 30 часовъ непрерывно въ походѣ и дѣйствіи, требовала отдохновенія; почему она до вечера 4-го числа оставалась на мѣстѣ. Для облегченія лошадей, я прибѣгнулъ къ способу, замѣченному мною на аванпостахъ

генерала Юрковскаго еще въ 1807 году. Исключивъ 4 казака для двухъ пикетовъ и 20 для резерва (который, хотя долженъ былъ находиться при партии, но всегда въ готовности дѣйствовать при первомъ выстрѣлѣ пикетовъ), остальныхъ 95 человекъ я раздѣлилъ на-двое и приказалъ въ обѣихъ частяхъ разсѣдывать по двѣ лошади на одинъ часъ, для примытія и присыпки ссадинъ и также для облегченія. Черезъ часъ лошади наши сѣдлались, а новыя разсѣдывались. Такимъ образомъ въ 24 часа освѣжалось 96 лошадей. Въ тотъ же день, по просьбѣ начальника резерва, я позволилъ и резерву разсѣдывать по одной лошади на одинъ часъ.

5-го числа мы пошли на село Андреевское; но на пути ничего не взяли, кромѣ мародеровъ, числомъ 30 человекъ.

6-го, мы обратились къ Федоровскому, разсѣвая вездѣ наставленіе, данное мною токаревскимъ крестьянамъ. На пути встрѣтили мы бѣжавшаго изъ транспорта нашихъ плѣнныхъ Московскаго пѣхотнаго полка рядового, который намъ объявилъ, что транспортъ ихъ, состоявшій изъ двухъ сотъ рядовыхъ солдатъ, остановился ночевать въ Федоровскомъ, и что прикрытіе онаго состоитъ въ 50-ти человекѣхъ. Мы удвоили шагъ, и едва показались близъ села, какъ уже безъ помощи нашей все въ транспортѣ этомъ приняло иной видъ: плѣнные поступали въ прикрытіе, а прикрытіе въ плѣнныхъ.

Вскорѣ послѣ того я извѣщенъ былъ о пре-

бываніи въ Юхновѣ дворянскаго предводителя, судовъ и земскаго начальства, также и о бродящихъ безъ общей цѣли двухъ слабыхъ казачьихъ полкахъ по Юхновскому уѣзду. Извѣстіе это немедленно обратило меня къ Юхнову, куда черезъ Судейки, Луково и Павловское я прибылъ 8-го числа.

Пришедши туда, я бросился къ двумъ привлекавшимъ меня предметамъ: къ образованію поголовнаго ополченія, и къ присоединенію къ партіи моеи казацкихъ полковъ, о коихъ я упомянулъ выше.

До перваго я достигъ безпрепятственно: дворянскій предводитель Семенъ Яковлевичъ Храповицкій подалъ мнѣ руку помощи, со всею ревностію истиннаго сына отечества. Почтенный старецъ, онъ не только оказалъ твердость духа, оставшись для примѣра дворянамъ съ семействомъ своимъ, можно сказать, на аванпостахъ Калужской губерніи, но ознаменовалъ и особенную силу воли и неусыпную строгость въ надзорѣ за принятыми имъ мѣрами къ поднятію оружія жителями Юхновскаго уѣзда.

Отставной капитанъ Бѣльскій назначенъ былъ ими начальствовать. Къ нему просоединились 22 помѣщика. 120 ружей, партіею моею отбитыя, и одна большая фура съ патронами, поступили для употребленія первымъ ополчившимся, которымъ сборное мѣсто я показалъ на рѣкѣ Угрѣ, въ селѣ Знаменскомъ.

Второе требовало со стороны моеи нѣсколько

хитрости: означенные казаціе полки были въ вѣдѣніи начальника Калужскаго ополченія. Личное добродушіе и благородство его мнѣ были довольно извѣстны; увѣренъ будучи, что требованіе сихъ полковъ въ составъ моей партіи, если она останется отъ него независимо, будетъ безъ успѣха, я самъ будто бы добровольно поступилъ подъ его начальство. Еще изъ с. Павловскаго я отправилъ къ нему съ рапортомъ поручика Бекетова. Въ рапортѣ я говорилъ, что «избравъ для поисковъ моихъ часть, смежную съ губерніею, находящеюся подъ вѣдѣніемъ его превосходительства относительно «военныхъ дѣйствій, я за честь поставляю служить подъ его командою и за долгъ доносить «о всемъ происходящемъ.» Изъ Юхнова я послалъ другого курьера, съ описаніемъ слабыхъ успѣховъ моихъ, и съ испрошеніемъ ходатайства его объ отличившихся.

Во время продолженія дипломатической переписки моей, я занимался разсылкою черезъ земское начальство предписаній о поголовномъ ополченіи.

Между тѣмъ изъ двухъ сотъ отбитыхъ нашихъ плѣнныхъ, я выбралъ 60 не рослыхъ, а добротныхъ солдатъ; за неимѣніемъ русскихъ мундировъ, одѣлъ ихъ во французскіе мундиры и вооружилъ французскими ружьями, оставивъ, для примѣты, русскія фуражки вмѣсто киверовъ.

Еще мы были въ невѣдѣніи о судьбѣ столицы, какъ 9-го числа прибылъ въ Юхновъ Волыискаго уланскаго полка маіоръ Храповиц-

кій, сынъ юхновскаго дворянскаго предводителя, и объявилъ намъ о занятіи Москвы Французами.

Я ожидалъ этого событія, и доказывалъ неминуемость онаго, если продолжится отступление по смоленской дорогѣ; но при всемъ томъ, вѣсть эта не могла не потрясти души — и, сказать правду, я и товарищи мои при первыхъ словахъ очень позадумались. Однако, такъ какъ всѣ мы были не унылаго десятка, то и начали спрашивать Храповицкаго о подробностяхъ. Онъ увѣрилъ насъ, что оставилъ армию въ Красной Пахрѣ; что она продолжаетъ движеніе свое для заслоненія калужской дороги; что Москва предана огню,** и что никто въ арміи не помышляетъ о мирѣ... Эта вѣсть всѣхъ насъ

* Онъ отряженъ былъ въ Москву для вербованія улановъ. Волынской уланскій полкъ находился въ западной арміи, подъ командою генерала Тормозова, на Волынѣ.

** Вопреки многимъ, я и тогда полагалъ полезнымъ истребленіе Москвы. Необходимо нужно было открыть Россіянамъ высшій предметъ ихъ усилій, оторвать ихъ отъ города и обратить къ Государеву.

Слово «Москва взята» заключало въ себѣ какую-то необоримую мысль, что Россія завоевана, и чрезъ то могло оцѣнить рвеніе къ защитѣ того, что тогда только надлежало защищать. Но слово: «Москвы нѣтъ,» прерывало разомъ всѣ связи съ нею корыстолюбія и заблужденія зрѣть въ ней Россію. Вообще, всѣ хулители этого превосходнаго мѣропріятія цѣляютъ одну гибель капиталовъ московскихъ жителей, а не поэзію подвига, отъ котораго нравственная сила наша вознеслась до героизма побѣдительнаго народа.

ободрила, и я тутъ же всѣмъ находившимся тогда въ городѣ помѣщикамъ и жителямъ предсказалъ гибель непріятельской арміи, если Наполеонъ оставитъ въ покоѣ армию нашу между Москвою и Калугою до тѣхъ поръ, пока она усилится спѣшившими къ ней резервными войсками и съ Дона казаками. Кто мало-мальски свѣдушъ былъ въ высшей наукѣ, тому послѣдствіе превосходнаго движенія свѣтлѣйшаго въ глаза бросалось. Я счелъ за лучшее учить стратегіи юхновскихъ помѣщиковъ, какъ нѣкогда Колумбъ не заблагоразсудилъ учить астрономіи американскихъ дикарей, предсказывая имъ лунное затмѣніе. Вечеромъ я получилъ письмо калужскаго гражданскаго губернатора отъ 8-го сентября, слѣдующаго содержанія:

«Все свершилось! Москва не наша; она горитъ!

«Я отъ 6-го числа изъ Подольскаго отъ свѣтлѣйшаго имѣю увѣреніе, что онъ, прикрывая калужскую дорогу, будетъ дѣйствовать на смоленскую. Ты не шути, любезный Денисъ Васильевичъ; твоя обязанность велика! Прикрывай Юхновъ, и тѣмъ спасешь средину нашей губерніи; но не залетай далеко, а держись Медыни и Мосальска; мнѣ бы хотѣлось, чтобъ ты дѣйствовалъ такимъ образомъ, чтобы не навлекъ на себя непріятели.» — Я принялъ увѣренность въ себя съ самолюбіемъ смертнаго. . . .

10-го вечеромъ, я получилъ отъ начальника калужскаго ополченія предписаніе, принять въ команду мою требуемые мною казачьи полки

и приставшаго къ партіи моеѣ маіора Храповицкаго.

11-го, мы отслужили молебень въ присутствіи гражданскихъ чиновниковъ и народа, и выступили въ походъ съ благословеніями всѣхъ жителей. Съ нами пошли: отставной мичманъ Николай Храповицкій, титулярный совѣтникъ Татариновъ, 60-ти-лѣтній старецъ и землемѣръ Макаревичъ. Къ вечеру мы прибыли въ Знаменское и соединились съ полками 1-мъ Бугскимъ и Тептярскимъ. Первый состоялъ изъ 60 человекъ, а второй изъ 110.

На 12-е, я предпринялъ поискъ къ самой Вязьмѣ. Сердце радовалось при обзорѣ вытягивавшихся полковъ моихъ! Со 130 всадниками я взялъ 270 человекъ и 2-хъ офицеровъ, отбилъ своихъ 200 и получилъ въ добычу 1 фуру съ патронами и 10 провіантскихъ фуръ.... Тутъ я командовалъ тремястами всадниковъ — какая разница! какая надежда! Къ тому же ревность обывателей, дѣятельность дворянскаго предводителя въ разглашеніи о поголовномъ ополченіи, въ продовольствіи моеѣ партіи, въ устроеніи на собственное его иждивеніе лазарета въ Юхновѣ, и наконецъ спасительное движеніе арміи на калужскую дорогу, — все улыбалось моему воображенію, всегда такъ быстро летящему на встрѣчу всему соблазнительному для моего сердца.

На разсвѣтъ мы атаковали въ виду города непріятельскій отрядъ, прикрывавшій транспортъ провіанта и артиллерійскихъ снарядовъ.

Отпоръ не соответствовалъ стремительности натиска, и успѣхъ превзошелъ мое ожиданіе. 270 рядовыхъ и 6 офицеровъ положили оружіе; 100 человекъ легло на мѣстѣ; 20 подводъ съ провіантомъ и 12 артиллерійскихъ палубовъ съ снарядами достались намъ въ добычу. Немедленно двѣ фуры съ патронами и 340 ружей поступили въ распоряженіе командовавшаго поголовнымъ ополченіемъ, отставного капитана Бѣльскаго, и такимъ образомъ съ первыхъ дней я имѣлъ уже въ Знаменскомъ почти на 500 человекъ готоваго оружія.

14-го, мы подошли къ селенію Теплухѣ, что на столбовой смоленской дорогѣ, и остановились на ночлегъ со всею военною осторожностью. Тамъ явился ко мнѣ крестьянинъ Федоръ изъ Царева-Займища, съ желаніемъ служить въ моей партиі. Этотъ удалецъ, оставя жену и дѣтей, скрывавшихся въ лѣсахъ, находился при мнѣ до изгнанія непріятеля изъ Смоленской губерніи, и только послѣ освобожденія ея возвратился на свое пенелище. По возвращеніи моемъ изъ Парижа въ 1814 году, я нарочно останавливался въ Царевѣ-Займищѣ, съ тѣмъ, чтобы поѣтить моего храбраго товарища; но мнѣ сказали, что его уже нѣтъ на свѣтѣ. Онъ умеръ отъ заразы со многими поселянами, скрывавшимися въ лѣсахъ во время его ратованія. Такъ и избѣгающимъ смерти, и отваживающимся на нее, всѣмъ равная участь; каждому опредѣленъ срокъ неминуемый.... стоитъ ли прятаться и срамиться!

14-го, къ вечеру, начали подходить мароде-

ры; а такъ какъ мы были скрыты и во всей осторожности, то брали ихъ безъ малѣйшаго съ ихъ стороны сопротивленія и почти по одиначкѣ. Къ 10-ти часамъ ночи, число плѣнныхъ дошло до 70 человекъ и двухъ офицеровъ; у одного изъ нихъ всѣ карманы набиты были грабленными печатками, ножичками и проч. Надобно однако сказать, что офицеръ этотъ былъ не Французъ, а Вестфалецъ.

15-го, около 8 часовъ утра, пикетные открыли шедшее отъ села Тарбѣева большое количество фуръ, покрытыхъ бѣлымъ холстомъ. Нѣкоторые изъ насъ сѣли на коней и, проскакавъ нѣсколько шаговъ, увидѣли ихъ подобно флоту, на парусахъ подвигавшемуся. Немедленно штабсъ-ротмистръ Бедряга 3-й, поручики Бекетовъ и Макаровъ съ гусарами и казачьи подки помчались къ нимъ на перерѣзъ. Переднѣе ударили на прикрытіе, которое, послѣ нѣсколькихъ пистолетныхъ выстрѣловъ, обратилось въ бѣгство; но бывъ охвачено Бугскимъ полкомъ, брошено оружіе. 260 рядовыхъ разныхъ должковъ, съ лошадьми ихъ, 2 офицера и 20 фуръ, полныхъ хлѣбомъ и овсомъ, со всею упряжью, попались намъ въ руки.

До сего времени всѣ предпріятія мои были направляемы между Гжатью и Вязьмою. Успѣхъ ихъ пробудилъ дѣятельность Французскаго губернатора. * Онъ, собравъ всѣ конныя, чрезъ

* Генералъ Бараге-Диллеръ былъ губернаторомъ Смоленской губерніи и имѣлъ пребываніе свое въ Вязьмѣ.

этотъ городъ проходившія команды, составилъ сильный отрядъ (изъ 2,000 рядовыхъ, 8 офицеровъ и одного штабъ-офицера) и предписалъ ему * очистить отъ набѣговъ монхъ все пространство между Вязмою и Гжатью, разбить непременно мою партію и привести меня въ Вязму живого или мертвого.** О таковой неучтивости я извѣщенъ былъ еще 13-го сентября, а 15-го, по взятіи транспорта, увѣдомился черезъ коннаго крестьянина, что отрядъ сей подошелъ уже къ Федоровскому. Я старался, сколь возможно, чтобы случайность не мѣшалась въ предпріятія и извороты мои. Въ слѣдствіе чего вся моя партія выступила сейчасъ изъ Теплухи и пошла по дорогѣ къ селу Шуйскому. Пройдя нѣкоторое разстояніе, она, по лощинѣ, покрытой лѣсомъ, повернула круто вправо, перешла внѣ вида Теплухи столбовую дорогу и отступила чрезъ Румянцово въ Андреев-

* Другіе увѣряли меня, что на это отважился самъ начальникъ отряда, проходившаго тогда изъ Смоленска въ Москву; онъ только истребовалъ отъ губернатора позволеніе дѣйствовать противъ моей партіи.

** По взятіи 22 октября города Вязмы генераломъ Милорадовичемъ, адъютантъ его, Кавалергардскаго полка поручикъ (что нынѣ генералъ отъ кавалеріи) Киселевъ отыскалъ въ разбросанныхъ бумагахъ одинъ изъ циркуляровъ, разсматриваемыхъ тогда Барате-Дильеромъ. Въ этомъ циркулярѣ описаны были примѣты мои, и изложено строгое повелѣніе поймать и разстрѣлять меня. Киселевъ, по дружбѣ своей, не замедлилъ доставить мнѣ этотъ лучший аттестатъ моего ревностнаго служенія.

ское. Такъ, проведя ночь въ строжайшей осторожности, она пошла усиленнымъ шагомъ на село Пожровское, что въ 5-ти верстахъ отъ столбовой дороги.

Перемѣщеніе мое основывалось на трехъ предположеніяхъ: или отрядъ, назначенный противъ меня дѣйствовать, потерявъ меня изъ виду, обратится къ первому назначенію своему, т. е. продолжать будетъ путь свой къ Москвѣ; или, гоняясь за мною отъ Дорогобужа къ Гжати и отъ Гжати къ Дорогобужу, изнуритъ лошадей своихъ и представитъ мнѣ случай поразить его съ меньшимъ затрудненіемъ; или, раздѣлясь на-двое, чтобы охватить меня, подвергнетъ разбитію каждую часть свою порознь, что вскорѣ и случилось.

II.

Спустя часть времени, соединились со мною Сеславинъ и Фигнеръ.

Въ ночь возвратились разъѣздные мои, посланные къ селу Ляхову, и уведомили меня, что какъ въ немъ, такъ и въ Язвинѣ находятся два сильные непріятельскіе отряда, что мнѣ подтвердилъ и приведенный ими плѣнный, увѣряя, что въ первомъ селѣ стоитъ генераль Ожеро съ 2,000 человекъ пѣхоты и съ частію кавалеріи.

Мы рѣшились атаковать Ляхово. Но такъ какъ всѣ три партіи не составляли болѣе 1,200

человѣкъ разнаго сбора конницы, 80 егерей 20-го егерскаго полка и 4-хъ орудій, то я предложилъ пригласить на ударъ этотъ графа Орлова-Денисова, котораго партія состояла изъ шести полковъ казачьихъ и одного драгунскаго полка, весьма слабаго, но еще годнаго для декорациі какого-нибудь возвышенія.

Немедленно я послалъ къ графу письмо пригласительное.

27-го числа мы были на маршѣ. Вечеромъ я получилъ отъ графа отвѣтъ. Онъ писалъ:

«Увѣдомленіе о движеніи вашемъ въ Бѣлкино я получилъ. Вслѣдъ за симъ и я слѣдую «для нападенія на непріятеля; но кажется мнѣ, «что аттака наша, безъ присоединенія ко мнѣ «командированныхъ мною трехъ полковъ (ко- «торые прибыть должны черезъ два часа), бу- «детъ не навѣрное; а потому не худо бы намъ «дождаться и дѣйствовать всѣми силами.»

28-го, по утру, Фигнеръ, Сеславинъ и я приѣхали въ одну деревню, занимаемую полкомъ Чеченскаго, верстахъ въ двухъ отъ Бѣлкина. Вдали было видно Ляхово; вокругъ села курились биваки; нѣсколько пѣшихъ и конныхъ солдатъ показывались между избами и шалашами; болѣе ничего не можно было замѣтить. Спустя полчаса времени, мы увидѣли непріятельскихъ фуражировъ въ числѣ 40 человѣкъ, ѣхавшихъ безъ малѣйшей осторожности въ направленіи къ Тарацину. Чеченскій послалъ въ тылъ имъ, ложиною, сотню казаковъ своихъ, Фуражиры примѣтили ихъ, когда уже было поздно. Нѣ-

сколько спаслось бѣгствомъ; большая часть, вмѣстѣ съ офицерами (адъютантомъ генерала Ожеро), оказалась въ плѣнѣ. Они подтвердили намъ извѣстие о корпусѣ Бараге-Дильера и объ отрядѣ генерала Ожеро, который, не выйдя на отрядъ графа Ожаровскаго, проходившій 27-го числа черезъ Балутино на рославльскую дорогу, остались неподвижными; хотя Балутино отъ Ляхова не далѣе 17-ти, а отъ Давина въ 9-ти верстахъ.

Вскорѣ изъ Бѣлкина подошла ко мнѣ вся партія моя, и графъ Орловъ-Денисовъ явился на лихомъ конѣ съ вѣстовыми гвардейскими казаками. Онъ извѣстилъ насъ, что командированные имъ три полка прибыли, и что вся его партія подходитъ. Поговора со мною, какъ и съ которой стороны будетъ атаковать, онъ повернулся къ Фигнеру и Сеславиному, которыхъ еще партій не прибыли на мѣсто, и сказалъ: «Я надѣюсь, господа, что вы насъ поддержите.» Спустя часть времени, всѣ партіи наши соединились, кромѣ 80-ти егерей Сеславина; а такъ какъ мнѣ поручена была честь вести передовыя войска, то я, до прибытія егерей, велѣлъ выбрать въ стрѣлки казаковъ, имѣвшихъ ружья, и пошелъ къ Ляхову, слѣдуемый всѣми партіями.

Направленіе наше было на перерѣзъ смоленской дороги, дабы совершенно преградить отряду Ожеро отступление къ Бараге-Дильеру, занимавшему Долгомостье.

Едва начали мы вытягиваться и подвигаться

къ Ляхову, все въ селѣ этомъ пришло въ смятеніе. Мы услышали барабаны и ясно видѣли, какъ отрядъ становился въ ружье, стрѣлки отдѣлялись отъ колонны и выбѣгали изъ-за извѣкъ намъ на встрѣчу. Немедленно я спѣшилъ каваковъ моихъ и завязалъ дѣло. Полкъ Попова 13-й и партизанскую мою команду развернулъ на лѣвомъ флангѣ спѣшенныхъ казаковъ, чтобы закрыть движеніе подвигавшихся войскъ нашихъ, а Чеченскаго съ полкомъ его послалъ на ельненскую дорогу, чтобы пресѣчь сообщеніе съ Ясминнымъ, гдѣ находился другой отрядъ непріятеля. Послѣдствіе оправдало эту мѣру.

Сеславинъ прискакалъ съ орудіями къ стрѣлкамъ моимъ, открылъ огонь по колоннамъ непріятельскимъ, выходившимъ изъ Ляхова, и подвинулъ гусаровъ своихъ для прикрытія стрѣлковъ и орудій. Партія его и Фигнера построились позади прикрытія. Графъ Орловъ-Денисовъ расположилъ отрядъ свой на правомъ флангѣ партій Фигнера и Сеславина и послалъ разъѣзды по дорогѣ въ Долгомѣстье.

Непріятель, не взирая на пушечные выстрѣлы, выходилъ изъ села, усиливалъ стрѣлковъ, занимавшихъ мѣстъ, который примыкалъ къ селу, и напиралъ на правый флангъ нашихъ главными силами. Сеславицъ смѣнилъ нѣшихъ казаковъ моихъ прибывшими егерями своими и въ одно время приказалъ Ахтырскимъ гусарамъ, подъ командою ротмистра Гореткина, ударить на непріятельскую конницу, покусившуюся на стрѣлковъ нашихъ. Гореткинъ ата-

ковагъ, опрокинулъ эту конницу и вотналъ ее въ лѣсъ, уже тогда обнаженный отъ листьевъ и; слѣдственно, неспособный къ укрытію пѣхоты, стрѣлявшей для поддержанія конницы. Стрѣлки наши бросились за Горстквинымъ и вмѣстѣ съ нимъ начали очищать лѣсъ, а стрѣлки непріятельскіе тянутся изъ онаго чистымъ полемъ къ правому флангу отряда своего. Тогда Литовскаго уланскаго полка поручикъ Лизогубъ, пользуясь ихъ смитеніемъ, рассыпалъ улановъ своихъ и ударилъ. Провѣзая въ то время вдоль по линіи съ праваго на лѣвый флангъ, я попался между ними и былъ свидѣтелемъ слѣдующаго случая:

Одинъ изъ улановъ гнался съ саблею за французскимъ егеремъ. Каждый разъ, что егеръ прицѣливался по немъ, каждый разъ онъ отъѣзжалъ прочь, и преслѣдовалъ снова, когда егеръ обращался въ бѣгство. Примѣтя это, я закричалъ улану: «Уланъ, стыдно!» Онъ не отвѣчалъ ни слова, поворотилъ лошадь, выдержалъ выстрѣлъ французскаго егеря, бросился на него и разсѣкъ ему голову.

Послѣ того, подѣхавъ ко мнѣ, онъ спросилъ меня: «Теперь довольны ли, ваше высокоблагородіе?» и въ ту же секунду охнулъ: какая-то бѣшеная пуля перебила ему правую ногу.

Странность въ томъ, что уланъ получилъ за подвигъ этотъ Георгіевскій крестъ, но не могъ носить его: онъ былъ бердичевскій Еврей, завербованный въ уланы. Этотъ случай оправдываетъ мнѣніе, что нѣтъ такого рода людей, ко-

торый не причастенъ былъ бы честолюбію и, следовательно, неспособенъ былъ бы къ военной службѣ.

Мы прѣехали на лѣвый флангъ; мнѣ представили отъ Чеченскаго взятаго въ плѣнъ кривого гусарскаго ротмистра, котораго я забылъ имя. Онъ посланъ былъ въ Ясмино съ уведомленіемъ, что Ляховскій отрядъ атакованъ, и что бы Ясминскій отрядъ поспѣшалъ къ нему на помощь. Между тѣмъ Чеченскій донесъ мнѣ, что онъ прогналъ обратно въ село вышедшую противъ него непріятельскую кавалерію; пресѣкъ совершенно путь къ Ясмину, и спрашивалъ разрѣшенія: что прикажу учинить съ сотнею человекъ пѣхоты, зашедшей въ отдаленныхъ отъ села сараяхъ, стрѣлявшихъ изъ нихъ и не сдающихся? Я велѣлъ жечь сарая: почтады Чингисканово — сечь и сарай, и Французовы.

Между тѣмъ графъ Орловъ-Денісовъ уведомленъ былъ, что двухтысячная кодонна кирасировъ спѣшитъ по дорогѣ отъ Долгомостья въ тылъ нашимъ отрядамъ, и что наблюдательныя войска его, выставленныя на сей дорогѣ, отступаютъ съ поспѣшностію. Графъ, оставя насъ продолжать дѣйствіе противъ Ожеро, взялъ отрядъ свой и немедленно обратился съ нимъ на кирасировъ, встрѣтивъ ихъ неподалеку отъ насъ, атаковалъ, разсѣлъ и, отрядивъ донскаго полковника Быколова съ частію отряда своего для преслѣдованія ихъ къ Долгомостью, возвратился къ намъ подъ Ляхово.

Вечерело. Ляково въ разныхъ мѣстахъ объялось пламенѣмъ; стрѣльба продолжалась....

Я увѣренъ, что если бы при наступленіи ночи генераль Ожеро свернулъ войска свои въ одну колонну, заключа въ средину ея тяжести отряда своего, и двинулся бы такимъ порядкомъ большою дорогою къ Долгомостью и къ Смоленску, то всѣ наши покушенія остались бы тщетными. Много ничего мы не могли сдѣлать, какъ конвоировать его торжественно до корпуса Бараге-Дильера и откланяться ему при его съ нимъ соединеніи.

Вместо того, мы услышали барабанный бой впереди стрѣлковой линіи и увидѣли подвигавшагося къ намъ парламентаря. Въ это время я ставилъ на лѣвобѣ моемъ флангѣ между отдѣльными рядами присланное мнѣ отъ Сеславина орудіе и готовился стрѣлить картечью по подошедшей къ лѣвому моему флангу довольно густой колоннѣ. Графъ Орловъ-Денисовъ прислалъ мнѣ сказать, чтобы я прекратилъ дѣйствіе и далъ бы о томъ знать Чеченскому, потому что Фигнеръ отправился уже парламентаремъ къ Ожеро въ Ляково.

Переговоры продолжались не болѣе часа. Слѣдствіе ихъ было сдача 2000 рядовыхъ, 60 офицеровъ и одного генерала военнопленными.

Наступила ночь; морозъ усилился; Ляково пылало; войска наши на конѣ стояли по обѣимъ сторонамъ дорори, по которой проходили обозоруженныя французскія войска, освѣщаемыя отблескомъ пожара. Болтовня Французовъ

не умолкала; они ругали морозъ, генерала: своего, Россію, насъ; но слова Фигнера: *filez, filez* (пошелъ! пошелъ!) покрывали ихъ нескромныя выраженія. Наконецъ Духово очистилось, избытые отведены были въ близкую деревенку, которой я забылъ имя; и мы вслѣдъ затѣми туда же прибыли.

О семь дѣлъ, самъ Свѣтлѣйшій прибавлялъ въ донесеніи: «Побѣда, сія тѣмъ болѣе знаменита, что въ первый разъ въ продолженіе нынѣшней кампаніи, непріятельскій корпусъ помыжигъ передъ нами оружіе.»

III.

2-го ноября, графъ Орловъ-Денисовъ, соединенно со мною, коснулся корпуса Раевскаго въ Толстякахъ; и продолжалъ путь въ Хилтчи, куда прибыли мы къ ночи. Отдохнувъ три часа, мы пошли къ Мерлину.

3-го, отрядъ графа Ожаровскаго подошелъ къ Куткову, а партія Сеславина, усиленная партіею Фигнера, * къ Звѣровичамъ.

Сего числа на разсвѣтъ разѣзды наши дали знать, что пѣхотныя непріятельскія колонны тянутся между Никулинымъ и Стѣсною. Мы помчались къ большой дорогѣ и покрыли ордою

* Фигнеръ былъ посланъ курьеромъ къ Государю Императору въ Петербургъ, съ донесеніемъ о взятіи генерала Ожеро съ его отрядомъ.

нашею все пространство отъ Аюсова до Мерлина. Непріятель остановился, дабы сождаться съ хвостомъ колонны, бѣжавшимъ во всю прыть для сомкнутія. Примѣтя это, графъ Орловъ—Денисовъ велѣлъ намъ идти на ударъ. Разстройство этой части колонны непріятельской способствовало намъ почти безпрепятственно затоптать ее и захватить въ плѣнъ генераловъ Альмераса и Бюрта, до двухъ сотъ нижнихъ чиновъ, 4 орудія и множество обозовъ. Наконецъ подошла старая гвардія, посреди которой находился самъ Наполеонъ. Это было уже гораздо за полдень. Мы вскочили на коней и снова явились у большой дороги. Непріятель, увидя шумныя толпы наши, взявъ ружье подъ курокъ, и гордо продолжалъ путь, не прибавляя шагу. Скольکو ни покушались мы оторвать хоть одного рядового отъ сомкнутыхъ колоннъ, но онъ, какъ гранитныя, пренебрегли всѣ усилія наши и остались невредимыми.... Я никогда не забуду свободную поступь и грозную осадку сихъ, всѣми родами смерти угрожаемыхъ воиновъ!— Осѣненные высокими медвѣжьими шапками, въ синихъ сюртукахъ, въ бѣлыхъ ремняхъ и съ красными султанами и эполетами, они казались маковымъ цвѣтомъ среди снѣжнаго поля. Будь съ нами нѣсколько ротъ конной артиллеріи и вся регулярная кавалерія, то врядъ ли какъ передовая, такъ и слѣдующія въ сей день за нею колонны, врядъ ли отошли бы со столь малымъ урономъ, каковой они въ этотъ день потерпѣли.

Командуя одними казаками, которые жужжали вокруг сбивавшихся колоннъ непріятельскихъ, мы отбивали у нихъ оставшіе обозы и орудія, иногда отрывали рассыпавые или растянутые по дорогѣ взводы; но колонны оставались неприкосновенными.

Видя, что всѣ наши азіятскія атаки руются у сомкнутаго строя европейскаго, я рѣшился подъ вечеръ послать Чеченскаго полкъ впередъ, чтобы ломать мостики, находящіяся на пути къ Красному, заваливать дорогу и стараться всякимъ образомъ преграждать шествіе непріятеля; всѣми же силами, окружая справа и слѣва и пересѣкая дорогу спереди, мы перестрѣливались съ стрѣлками и составляли, такъ сказать, авангардъ — авангардъ французской арміи.

Я какъ теперь вижу графа Орлова-Денисова, гарцующаго у самой колонны на рыжемъ конѣ своемъ, окруженнаго моими Ахтырскими гусарами и ординарцами гвардіи казацкаго полка. Полковники, офицеры, урядники, многіе простые казаки бросались къ самому фронту, — но все тщетно! Колонны валили одна за другою, отгоняя насъ ружейными выстрѣлами, и сбѣлились надъ нашимъ вокругъ нихъ безуспѣшнымъ рыцарствомъ.

Въ теченіе этого дня мы еще взяли одного генерала (Матушевича), множество обозовъ * и

* Въ числѣ ихъ взята была казаками моими карета г-на Фена, съ картами топографическаго кабинета Наполеона, съ рукописями и бумагами. Къ несчастію, я

Соч. Д. Давыд.

цаднннхъ до 700 человекъ; но гвардія съ Наполеономъ прошла посреди толпы казаковъ нашихъ, какъ стопушечный корабль между рыбацкихъ лодокъ.

узналъ о томъ только вечеромъ, когда подошелъ къ бирюачному огню и увидѣлъ въ эти сокровища пылающими въ кострѣ. Все, что я могъ спасти, состояло въ картѣ Россіи г-на Самсона, въ кипѣ бѣлой веленевои бумаги и визитныхъ карточкахъ, съ которыми г-нъ Фельцъ цимбровался разъѣзжать съ визитами по Москвѣ и по помнѣ я узналъ, что все, выигранное казаками, принадлежало ему.

Въ вечеръ 24го числа, когда я сидѣлъ въ своей палаткѣ, въ ожиданіи, когда придетъ Фельцъ, я услышалъ въ палаткѣ своей шумъ, и увидѣлъ, что кто-то вошелъ въ нее.

Я всталъ и увидѣлъ въ палаткѣ Фельца, который сидѣлъ на стулѣ, и въ рукахъ держалъ карту Россіи.

Онъ подошелъ ко мнѣ и сказалъ: «Я пришелъ къ вамъ, чтобы сказать вамъ, что я нашелъ у васъ карту Россіи, которую вы держали въ рукахъ въ палаткѣ своей.»

Я сказалъ ему: «Я не знаю, что вы говорите, и не держалъ я у себя карты Россіи.»

Онъ сказалъ мнѣ: «Я знаю, что вы не держали карты, но я нашелъ ее у васъ, и я хочу, чтобы вы ее отдали мнѣ.»

Я сказалъ ему: «Я не знаю, что вы говорите, и не держалъ я у себя карты Россіи.»

Онъ сказалъ мнѣ: «Я знаю, что вы не держали карты, но я нашелъ ее у васъ, и я хочу, чтобы вы ее отдали мнѣ.»

О П Ы Т Ъ
ТЕОРІИ ПАРТИЗАНСКАГО ДѢЙСТВІЯ.

1841

THE HISTORY OF THE

Занимавшись словесностью на конѣ и въ куреняхъ солдатскихъ, я чувствовалъ, сколь необходимы были для меня совѣты писателей. Видѣлъ также, что многія изъ предложеній моихъ требовали и дополненія и развитія, а можетъ быть и совершеннаго исключенія. Дабы удостовѣриться, которыя мѣста болѣе другихъ заслуживали порицанія, я выдалъ въ свѣтъ сей плодъ боевой моей жизни и просилъ всякаго, кто не равнодушенъ къ пользѣ службы, объявить мнѣ свои замѣчанія въ журналахъ, или письмами. Попытка моя была не безъ успѣха: нѣкоторые военные люди прислали мнѣ разсужденія свои, исполненныя истины, и я не замедлилъ исправить погрѣшности сего сочиненія.

Выдавая въ свѣтъ второе изданіе онаго, я поставляю пріятнѣйшимъ долгомъ изъяснить г-мъ критикамъ мою искреннюю признательность, и вмѣстѣ съ симъ просить ихъ

о продолженіи сотрудничества въ усовершенствованіи одной изъ немаловажныхъ отраслей военного искусства , болѣе приличной россійскимъ , нежели другихъ государствъ , легкимъ войскамъ.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Упрямство обозрѣвать предметъ не вполне, или судить о немъ съ мнимою предусмотрительностію, есть причина того понятія о партизанской войнѣ, которое понынѣ еще господствуетъ. *Схватить языка, предать пламени нѣсколько непріятельскихъ амбаровъ, сорвать внезапно передовую стражу, или въ умноженіи партій видѣть пагубную систему раздробительнаго дѣйствія арміи, — суть обыкновенныя сей войны опредѣленія.* И то и другое ложно! Истинная партизанская война состоитъ ни въ весьма мелкихъ, ни въ первостепенныхъ предпріятіяхъ; ибо занимается не сорваніемъ пикетовъ, не нанесеніемъ прямыхъ ударовъ главнымъ силамъ непріятеля; она объемлетъ и пресѣкаетъ все пространство отъ тыла противной арміи до естественнаго основанія оной; разя въ слабѣйшія мѣста непріятеля, вырываетъ корень его существованія, подвергаетъ онаго ударамъ сво-

ей арміи безъ пищи, безъ зарядовъ, и заграждаетъ ему путь къ отступленію. Вотъ партизанская война въ полномъ смыслѣ слова!

Сіе опредѣленіе достаточно объясняетъ, что таковая война была бы совершенно бесполезна, если бы арміи, будучи малосильны, дѣйствовали безъ магазиновъ и безъ заботъ о сохраненіи взаимныхъ сообщеній съ государствами, къ коимъ принадлежатъ онѣ; но съ тѣхъ поръ, какъ умножили огромность армій, а съ тѣмъ вмѣстѣ ввели и необходимость сохранять неразрывную связь сосредоточіемъ военныхъ и жизненныхъ средствъ и пособій, съ тѣхъ поръ и партіи стали приносить пользу, прежде сего еще неизвѣстную:

И дѣйствительно, нельзя не замѣтить, что перемѣна военной системы сколько подвинула насъ къ совершенству, относительно части движенія и битвъ, столько, съ другой стороны, отъ затрудненія пропитать скопившіяся громады войскъ на тѣсномъ разстояніи, понудила насъ искать средства продовольствовать арміи внѣ круга боевыхъ происшествій; и чрезъ то раздѣлитъ единство театра войны на два поля: на боевое и на поле *запасовъ*.

Отъ сего произошло, что арміи, отдѣля въ особый предѣлъ всѣ жизненные и военные потребности, подчинили дѣйствія свои части, исключительно обладающей сими потребностями; такъ что самыя побѣды, умножая разстояніе побѣдоносной арміи отъ ея основанія, подвергаютъ оную гораздо значительнѣйшимъ опа-

сностями въ сравненіи съ тѣми, които угрожаема побѣжденная армія, безпрепятственно сближающаяся съ магазинами и заведеніями своими, въ полѣ *затасовъ* расположенными; что сообщеніе съ означеннымъ полемъ сдѣлалось сомнительнѣе съ тѣхъ поръ, какъ партизанская война вступила въ составъ предначертанія военачальниковъ, и что тотъ изъ нихъ, который употребитъ болѣе усилія къ истребленію у противника необходимыхъ для войны предметовъ, неоспоримо возьметъ надъ нимъ поверхность и безъ генеральной побѣды.

Нравственная часть партизанской войны прибавляетъ вышесказанной новыя выгоды: страхъ въ жителяхъ, причиненный опустошительнымъ проходомъ наступательной арміи, хотя бы она была имъ союзная; поощреніе, даваемое ею лазутчикамъ, поставщикамъ всякаго рода продовольствія и подстрекателямъ на все вредное для оборонительной арміи: все сіе можетъ возбудить въ народѣ такую стремительность, что ежели хотя мало дадутъ общему броженію умовъ постоянное направленіе, то вся занимаемая непріателемъ область готова будетъ и снабжать армію его военными потребностями, и даже усиливать ее своими ратниками. Но пусть захватятъ умы прежде даннаго имъ направленія, представя обывателямъ точку соединенія и цѣль, выгоднѣйшую для любочестія и корыстолюбія той, которая общаема непріателемъ; пусть лягутся предприимчивые партизаны, и первый шагъ свой ознаменуютъ отбиті-

емъ транспортъ съ хлѣбомъ, съ одеждою и часто съ казною, что вѣрно привлекательно безполезнаго убійства мародеровъ: тогда тотъ же народъ хлынетъ къ куренямъ наѣзниковъ и ватолпится подъ ихъ знаменами. Успѣхъ она равнотеленъ; а можно ли сомнѣваться въ успѣхъ при внезапномъ нападении на тылъ непріятеля, обыкновенно слабо охраняемый? Какихъ послѣдствій не будемъ ли мы свидѣтелями, когда разореніе непріятельскихъ госпиталей, лабораторій и магазиновъ; истребленіе транспортовъ, курьеровъ, раненныхъ и больныхъ, слѣдующихъ въ больницы и возвращающихся изъ оныхъ; словомъ: когда ужасъ, послѣанный на пути сообщенія, разгласится въ противной арміи? Когда мысль, что *нѣтъ ни прохода, ни прѣзда отъ партій*, похищая у каждаго вонна надежду при немочи найти безопасное убѣжище, а въ рядахъ достаточное пропитаніе, въ первомъ случаѣ произведетъ въ немъ робкую предусмотрительность, а въ послѣднемъ увлечетъ его на неизбежное рабство, — единственную причину разврата духа арміи, а съ нимъ и совершеннаго ея разрушенія?

Я постараюсь представить эпохи постепеннаго усовершенствованія партизанства въ Германіи, Венгріи и Испаніи, и остановлюсь на Россіи, которая въ 1812-мъ году ближе всѣхъ подошла къ совершенству, основавъ первая предначертаніе свое на обширнѣйшемъ размѣрѣ въ сравненія съ другими государствами и двинувъ рѣшительно легкія войска свои на путь сообще-

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ПОСТЕПЕННОЕ УСОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПАРТИЗАНСТВА
ВЪ ГЕРМАНИИ, ВЕНГРИИ, ИСПАНИИ И РОССИИ.

Партизаны 1618 года.

Въ началѣ Тридцатилѣтней Войны, когда, угнетенная Фердинандомъ II-мъ, Богемія развернула знамена бунта и, воспаленная властолюбивымъ Турномъ, потребовала отъ Римскаго Императора правъ своихъ, утвержденныхъ пасавскимъ трактатомъ; когда Австрія, соединенно съ Испанією, Баварією и Саксонією, возстала на потушеніе возгорѣвшагося мятежа: тогда явились на защиту Богеміи четыре человека, съ малыми способами, но съ великими дарованіями. Сіи люди были: Георгъ, маркграфъ баденскій, Іоаннъ, герцогъ бранденбургскій, Христіанъ, герцогъ брауншвейгскій, и Эрнестъ, графъ Мансфельдъ. Неравные въ способно-

стяхъ, несходные въ характерахъ, но стремящіеся къ одной цѣли и дѣйствующіе одинакими средствами, безъ казны и подданныхъ, они воевали на счетъ друзей и враговъ своихъ, уважая единственно святость своего права и не заботясь о правахъ, войною установленныхъ.

Читая лѣтописи Тридцатилѣтней Войны, съ прискорбіемъ видимъ неутомимую дѣятельность и отважную предприимчивость Мансфельда и Герцога Брауншвейгскаго, обращенныя единственно на оскорбленія и отвратительныя жестокости. Они внезапно появлялись то въ Богеміи, то въ Пфальцскомъ Княжествѣ, то въ Остѣ-Фризѣ, то въ Кельнскомъ Курфиршествѣ, то въ Верхней Саксоніи, въ Силезіи и даже въ Венгріи; иногда дѣйствовали соединенно, по большей части порознь; часто были побѣжденными, но покоренными никогда. Они возрождались послѣ пораженія и являлись еще ужаснѣе, когда полагали ихъ уже безъ возврата погибшими. Исторгая собственность изъ однѣхъ рукъ, съ тѣмъ, чтобы отдать въ другія; пріучая народъ ко всѣмъ пожертваніямъ, а ратниковъ своихъ ко всѣмъ опасностямъ, они непрерывно переносили изъ края въ край отяготительное свое вспомоществованіе. Восемь лѣтъ сряду Германія была опустошаема ихъ враждою и пріязнію; успѣхи ихъ возрастали, умножались, и нужны были всѣ усилія Тиллія и Валенштейна, чтобы положить предѣлы ихъ неистовой отважности.

Но къ чему вела сія бесполезная дѣятельность? Въ то время военная наука находилась

еще въ младенчествѣ; арміи, такъ сказать, *бродили* по Европѣ, не бывъ подчинены никакому общему плану, не заботясь о сообщеніи съ государствами, коимъ онѣ принадлежали, и не постигнувъ еще образа продовольствія посредствомъ магазиновъ и транспортовъ; предметъ ихъ былъ—достиженіе непріятельской арміи, гдѣ бы она ни находилась, а средства къ пропитанію—опустошеніе областей, гдѣ происходило дѣйствіе. Вотъ почему успѣхи уномянутыхъ воиновъ не имѣли рѣшительнаго вліянія на событія сей войны; ибо я не могу довольно повторить, что долгъ начальника малой части войскъ состоитъ въ истребленіи военныхъ и сѣбѣстныхъ запасовъ, въ тылу непріятельской арміи, а не нападеніе на нее, или *на предстражіе* ея, сколько бы таковыя нападенія ни были привлекательны.

Партизаны 1742 года.

Военная наука, по многосложности своей, сопричастуя всѣмъ наукамъ и художествамъ, и обогащаясь ихъ новыми изобрѣтеніями, приближалась къ совершенству по мѣрѣ общаго просвѣщенія. Мы видѣли, въ теченіе Тридцатилѣтней Войны, великаго Густава, Тиллія, Валленштейна и Торстенсона, подобно странствующимъ рыцарямъ, водящимъ сильныя арміи безъ магазиновъ, безъ сообщеній. Въ 1674-мъ и 1675-мъ годахъ Тюрень и Монтекукули первые опредѣлили нѣкоторыя правила и ввели по-

рядокъ въ хаосъ нестройныхъ движеній. Въ слѣдующіе годы Евгений и Марлбургуъ способствовали развитію сей науки своими примѣрами, и хотя около 1740-го года Великій Фридерикъ не стоялъ еще на степени наставника въ системѣ, имъ созданной, но уже главныя черты ея были постигнуты полководцами: арміи подчинялись уже общему плану и существованіе ихъ обезпечивалось не опустошеніемъ земель и разореніемъ народовъ, но магазинами, наполняемыми по мѣрѣ способовъ каждаго жителя. Если области, опредѣленныя быть театромъ войны, почувствовали облегченіе отъ сего послѣдняго изобрѣтенія, и человѣчество возблагодарило изобрѣтателямъ; то, напротивъ, быстрота военныхъ дѣйствій отъ того чрезвычайно ограничилась; пропитаніе армій подчинилось случайностямъ, и слѣдовательно партизанская война, представляя вѣрнѣйшіе способы къ воспрепятствованію въ доставленіи пропитанія и снарядовъ, сдѣлалась полезна и необходима.

Съ кончиною Карла VI, римскаго императора, въ 1740-мъ году, загорѣлась война въ Европѣ. Пруссія, Франція и Саксонія возстали на защиту Курфирста Баварскаго, объявившаго права свои на тронъ имперіи, оспориваемый Марією Терезією. Въ продолженіе переговоровъ Фридерикъ, не дождавшись своихъ союзниковъ, овладѣлъ, въ 1741-мъ году, Силезією. Въ началѣ 1742-го года французская армія, предводительствуемая маршалами Бролио и Беллемъ, перешла Рейнъ, имѣя назначеніе, соединенно съ

баварскою армією, идти вдоль Дуная къ Вѣнѣ. Саксонцы чрезъ Богемію, а Фридерикъ чрезъ Моравію шли къ сей же столицѣ. Но французская армія, послѣ занятія Линца, обратилась къ Прагѣ; Саксонцы отступили къ Лейтмерицу, и Фридерикъ, находившійся уже близъ Вѣны, видя робость и несогласіе союзниковъ, принужденъ былъ слѣдовать ихъ движенію и расположиться близъ Кёнигсграца.

Между тѣмъ Марія Терезія пробудила въ подданныхъ своихъ восторгъ и мужество, пробудила сихъ главныхъ защитниковъ свободы, сихъ вѣрныхъ спасителей народовъ погибающихъ. Въ исходѣ 1741-го года, при вступленіи Фридерика въ Силезію, первымъ опытомъ неустрашимости сей чрезвычайной женщины было удаленіе ея въ Венгрію, въ нѣдра того самаго народа, который явилъ негодованіе свое противъ отца ея, Карла VI-го. Еще въ теченіе турецкой войны область сія была обуреваема всеми страстями—предвѣстниками мятежа и непокорности къ державной власти. Но все утихло, когда королева явилась въ сеймъ, держа на рукахъ сына, полугодого младенца. Рѣчь, произнесенная ею къ магнатамъ націи, довершила восхищеніе. Венгры, буйные и неукротимые, враждующіе противъ самовластія и насилія, возстали на защиту невинности и злополучія, ввѣряющихъ судьбу свою великодушію. При сихъ смутныхъ и рѣшительныхъ обстоятельствахъ все бросилось къ оружію; увидѣли новыхъ партизановъ, кои полетѣли, неся пла-

ня, ужасъ и смерть въ средину Баваріи, а на-
конецъ и на границы Франціи. Менцель,
Тренкъ, Морацъ, Надасти и Франкини были
изъ нихъ отважнѣйшіе и счастливѣйшіе. На-
чальствуя отрядами Венгровъ, Хорватовъ, Сер-
бовъ и другихъ племенъ славянскихъ всадни-
ковъ, граничившихъ съ восточнымъ народомъ
и исполненныхъ его духомъ, они шли, какъ
Божій гнѣвъ, оставляя за собою однѣ груды
мертвыхъ тѣлъ и дымящіяся развалины. Такъ
прорвались они сквозь Баварію и перешли
Рейнъ. Надасти съ Тренкомъ вторглись въ вей-
сенбургскія линіи. Менцель, увлеченный буй-
ною запальчивостью и звѣрскою свирѣпостью;
уже готовъ былъ ворваться въ вѣдра Франціи;
но на приступѣ Сарбрика, вскочивши первый
на валъ города, убитъ изъ ружья. Въ ту же
кампанію партизаны, ринувшіеся въ Богемію,
не переставали умножать успѣховъ своихъ, за-
трудняя отступление арміи маршаловъ Броліо и
Белия. Сей послѣдній въ началѣ блокады Пра-
ги имѣлъ 22,000 наличнаго войска, изъ коего,
безъ генеральнаго сраженія, только 9,000 до-
стигло до города Эгры, отстоящаго отъ Праги
не болѣе 22-хъ миль. Переходъ сей отъ пре-
пятствій, воздвигнутыхъ партизанами, продол-
жался десять дней.

Въ то время, какъ обстоятельства Маріи Те-
резіи принимали выгоднѣйшій для нея оборотъ,
Фридерикъ заключилъ новый союзъ съ Фран-
ціею, вступилъ въ Богемію, обложилъ Прагу
и, по взятіи оной, подошелъ къ Будвейсу. Тогда

дѣйствіе партизановъ сдѣлало первый шагъ къ истинной своей цѣли. Генералъ Батіани, командовавшій передовымъ австрійскимъ корпусомъ, отрядилъ легкое свое войско отъ Берауна на Кенигзаль и пересѣкъ прусской арміи путь сообщенія. Вотъ что самъ Фридерикъ пишетъ о семъ въ книгѣ: *Исторія моего времени*: «Легкія войска столь неутомимо дѣйствовали, что пріодовольствіе, доставляемое отъ низменнѣхъ мѣстъ, совершенно пресѣклось, и сверхъ того прусская армія, въ продолженіе четырехъ недѣль, находилась безъ малѣйшаго извѣстія о Прагѣ и обо всемъ, что происходило въ Европѣ; двѣ сумы съ депешами, на имя Короля посланныя, были перехвачены и довершили невѣдѣніе его не токмо о движеніи Саксонцевъ, но даже и о мѣстѣ пребыванія арміи Принца Лотарингскаго.» — Послѣ сего продолжаетъ: «Правительство повелѣло жителямъ, при появленіи Пруссаковъ, оставлять свои жилища, зарывать хлѣбъ и удаляться въ лѣса, обѣщая удовлетворить за всѣ убытки ихъ. Вотъ почему армія находила однѣ пустыни; никто не представлялъ на продажу съѣстныхъ припасовъ и не можно было ни какими деньгами соблазнить жителей на доставленіе необходимыхъ свѣдѣній объ Австрійцахъ. Сіи затрудненія еще умножились приходомъ венгерскихъ войскъ, посредствомъ коихъ пресѣклось сообщеніе арміи. Отъ превосходства въ способностяхъ къ набѣгамъ легкихъ войскъ непріятель имѣлъ способы узнавать обо всемъ, что

«происходило въ королевскомъ лагерѣ; Пруссаки же, напротивъ того, не смѣли подвергать своихъ разъѣздовъ опасности, а когда и посылали ихъ, то почти всегда на вѣрную гибель. «Наконецъ королевская армія, заключенная въ срединѣ своего лагеря, лишенная возможности фуражировать и получать пропитаніе, принуждена была возвратиться тѣмъ же слѣдомъ, коимъ вступила въ Богемію.»

При отступленіи Фридерика въ Силезію, Австрійцы слѣдовали за прусскою арміею, окружая ее партіями. Сіе принудило Короля, и съ своей стороны, образовать партизановъ. Гольцъ и Вингерфельдъ, вступившіе въ продолженіе войны на степень знаменитыхъ полководцевъ и достойнѣйшихъ сотрудниковъ сего великаго чловѣка, первые явились на сіе поприще. Надасти былъ пораженъ послѣднимъ подъ Ландсгуттомъ, и Гольцъ разсѣялъ въ окрестностяхъ Опельна сильную венгерскую партію подъ начальствомъ Эстергази.

Впослѣдствіи Король побѣдилъ Принца Лотарингскаго подъ Гогенфридбергомъ и вступилъ снова въ Богемію. Армія его расположилась подъ Клумомъ противъ Кенигсграца; но австрійскій партизанъ Франкини занялъ такъ называемый лѣсъ *Царство Сильвы*, въ тылу прусской арміи, и пересѣкъ сообщеніе съ бранавскою, скардатскою и тротенавскою дорогами въ одно время, какъ другіе партизаны, простирая набѣги свои отъ Козеля до Швейдница и даже до Бреславля, преграждали снова путь сообщенія прусской

арміи. Въ слѣдствіе сего Фридерикъ переставилъ лагерь свой и выступилъ къ Стауденцу. Однако жъ, при переходѣ лѣса Царство Сильвы, вторая колонна его не избѣжала атаки Франкини, заѣвшаго у деревни Либенталь, и не прежде совершила соединеніе свое съ арміею, какъ уже среди глубокой ночи, и то съ чувствительнымъ урономъ.

Перемѣна лагеря не уменьшила затрудненій въ продовольствіи прусской арміи. Вотъ еще слова Фридерика: «Дабы во время фуражированія войска не потерпѣли пораженія по одиночкѣ, то принуждены были употреблять на прикрытіе фуражировъ отряды изъ 3000 человекъ конницы и отъ 7-ми до 8000 пѣхоты. Всякій «шукъ соломы стоилъ крови. Мораць, Тренкъ, «Надасти и Франкини не сходили съ поля и, можно сказать, давали уроки въ поискахъ.» *

Наконецъ, во время соображаго сраженія, означенные партизаны напали на лагерь побѣдоносной арміи. Самъ король и большая часть прусскихъ генераловъ и офицеровъ лишились своихъ имуществъ, въ лагерь оставленныхъ, и всѣ большыя нестроевыя чины и секретари Короля попались въ руки непріятеля.

Если во время Семилѣтней Войны иногда появлялись партизаны, то удары ихъ были част-

* Не лишнее будетъ замѣтить, что въ школѣ сей образовались славные австрійскіе фельдмаршалы Лаудонъ и Ласси. Перваго изъставникомъ былъ Тренкъ, а второго Франкини.

ные и время поисковъ ограниченное. Сія эпоха, столь обильная всякаго рода происшествіями, представляетъ намъ только три поиска въ истинномъ смыслѣ партизанскихъ предпріятій. Лаудонъ, графъ Чернышевъ * и Бергъ суть блистательные исполнители оныхъ. Послѣдній тѣмъ болѣе знаменитъ, что съ отличнымъ дарованіемъ своимъ соединилъ счастье быть первымъ наставникомъ великаго нашего Суворова.**

* Иностранцы, приписывая славные подвиги однимъ соотчичамъ своимъ, относятъ подвигъ сей Тотлебену; но генералъ-маіоръ Тотлебенъ командовалъ тогда авангардомъ въ корпусѣ генералъ-поручика графа Чернышева, который вмѣстѣ съ нимъ вступилъ въ Берлинъ: слѣдовательно, честь подвига сего принадлежитъ послѣднему, а не первому. Сіе напоминаетъ намъ о знаменитомъ кавалерійскомъ ударѣ подѣ Куперсдорфомъ. Ударъ сей приписанъ былъ тѣми же иностранцами одному Лаудону, тогда какъ Лаудонъ съ австрійскою, а графъ Румянцевъ съ російскою конницами въ одно время рука объ руку ударили на прусскую пѣхоту праваго крыла, затоптали оную и рѣшили сраженіе.

** Я полагаю, что соотчичи мои не безъ удовольствія увидятъ зародышъ, такъ сказать, неразрывныхъ и безсмертныхъ успѣховъ сего чудеснаго человѣка, сего представителя всей славы російскаго оружія.

Въ 1761 году Суворовъ служилъ подполковникомъ въ легкихъ войскахъ генерала Берга, составлявшихъ авангардъ арміи фельдмаршала Бутурлина. Вся кампанія сія состояла въ стараніи соединить російскую армію съ австрійскою арміею Лаудона; но едва союзныя арміи успѣли соединиться при Вальштадтѣ за Одеромъ, какъ снова раздѣлились. Лаудонъ, подкрѣпленный корпусомъ генерала Чернышева, остался въ Силезіи, а Бутурлинъ обратился къ Кольбергу, осажденному корпусомъ г. Румянцева.

Послѣ сего партизанская война если не вовсе прекратилась, то по крайней мѣрѣ пришла въ такой упадокъ, что одно фланкированіе, или личная ловкость на перестрѣлкахъ называема была партизанскимъ дѣйствиємъ. Наѣздники, — изъ коихъ Ельчаниновъ, Гейкенъ и Любимовъ, а потомъ два брата Горичи были у насъ отлич-

При первомъ извѣстїи объ обратномъ движенїи Русскихъ къ Одеру, Фридерикъ, опасаясь нападенїа на Берлинъ, немедленно отрядилъ генерала Платена съ 14-ю баталїонами и 28-ю эскадронами чрезъ Бреслау на Познань и показалъ ему два предмета: разоренїе магазиновъ русской арміи между Вартою и Одеромъ, дабы чрезъ то принудить ее отступить на Вислу, къ кореннымъ магазинамъ своимъ; и соединенїе съ Принцемъ Виртембергскимъ, начальствовавшимъ надъ наблюдательнымъ корпусомъ подъ Кольбергомъ, дабы принудить Румянцова снять осаду сей крѣпости. Съ своей стороны, Бутурлинъ отрядилъ корпусъ князя Долгорукаго на подкрѣпленїе Румянцову и генерала Берга для защиты магазиновъ, угрожаемыхъ Платеномъ.

Медлительность въ отправленїи сего послѣдняго отряда была причиною, что Платенъ успѣлъ разорить магазинъ въ Кобылинѣ и огромный вагенбургъ въ Гостинѣ прежде прибытїа Берга къ нимъ на помощь. Однако жъ Бергъ вскорѣ догналъ Пруссаковъ при Чемпинѣ и гналъ ихъ къ Нижней Вартѣ.

Дабы обезпечить лѣвое крыло какъ собственнаго своего отряда, такъ и арміи, за нимъ слѣдовавшей, сей генералъ отрядилъ изъ Дризена двѣ партїи къ Ландсбергу.

Вотъ выписка изъ журнала военныхъ дѣйствиій того времени: «Генераль-маіоръ Бергъ увѣдомилъ, что непрїятель сдѣлалъ движенїе къ Ландсбергу, почему онъ, «генераль-маіоръ», отправилъ туда, для разоренїа на рѣкѣ Вартѣ моста и для препятствїа непрїятелю въ переходѣ, полковника Туроверова и подполковника Суворо-

нѣйшіе, — довольствовались рыцарскими сшибками съ непріятельскими наѣздниками въ виду противныхъ лагерей и пользовались наименованіемъ партизановъ безъ малѣйшаго на сіе права. Я скажу болѣе: самые успѣхи Суворова въ 1770 и 1771 годахъ противъ конфедератскихъ войскъ, — успѣхи поучительные, какъ частные

«ва съ командами, которыя, прибывъ туда и по разломаніи воротъ вступя въ городъ, взяли въ полонъ гусарскаго ротмистра одного, подпоручика одного жъ, рядовыхъ 24 человекъ, одного вахмистра и одного жъ «трубача; и потомъ, когда они мостъ портить стали, то «непріятель, приближась съ болѣшею силою, нашихъ «казаковъ оттуда отбилъ и въ городъ вступилъ, причемъ «полковникъ Туроверовъ и подполковникъ Суворовъ съ «нихъ командами безъ всякаго урона, кромя одного раненаго сотника и одного казака, въ добромъ порядкѣ отступили.»

Опасаясь потерять сообщеніе съ Кольбергомъ, по случаю движенія Берга чрезъ Дризень къ Фридебергу, Платень отступилъ по штаргардской дорогѣ къ Берлинхену и Бернштейну.

Выписка изъ того же журнала: «Генераль-маіоръ «Бергъ увѣдомилъ, что посланные отъ него полковникъ «Зоричъ и подполковникъ Суворовъ съ командами на не«пріятельскіе при Бернштейнѣ три эскадрона, оныя со«вершенно разбили, взявъ притомъ въ полонъ одного «офицера, рядовыхъ драгунъ и гусаръ 70 человекъ и «столько жъ лошадей; убитыхъ сочтено на мѣстѣ болѣе «ста человекъ; прочіе же даже до фрунта непріятельска«го преслѣдованы. Съ нашей стороны ранено пять каза«ковъ, нѣсколько гусаръ и лошадей.»

Послѣ сего Платень отступилъ къ Кольбергу и соединился съ Принцемъ Виртембергскимъ. Но какъ сей корпусъ, такъ и гарнизонъ Кольберга, давно нуждаясь въ военныхъ и сѣстныхъ потребностяхъ, ожидали огром-

удары,—ничтожны въ отношеніи истинной цѣли партизанской войны, ибо поиски сего великаго человѣка не могли быть ни на что другое направляемы, какъ на одни отряды непріятеля, а не на путь сообщенія или продовольствія его арміи, разсѣянной тогда по всему пространству Польскаго Государства.

наго транспорта отъ Штетина чрезъ Голнау, то генералъ Бергъ разсудилъ пресѣчь сообщеніе Штетина съ Кольбергомъ и подвинулся къ Наугартену.

Съ своей стороны, Принцъ Виртембергскій послалъ полковника Клейста въ Голнау съ тѣмъ, чтобы подать руку означенному транспорту; Платена подвинулъ онъ къ Грейфенбергу съ повелѣніемъ занять Вюсентинъ сильнымъ отрядомъ для подпоры Клейсту, а Кноблоха въ Трептау для подпоры Платену. Между тѣмъ транспортъ пришелъ въ Голнау, былъ выгнанъ изъ онаго полковникомъ Текелліемъ и обращенъ къ Штетину. Тогда Бергъ двинулся на Вюсентинъ и атаковалъ отрядъ, его занимавшій, такъ удачно, что не спаслось ни одного человѣка изъ онаго. Но пока производилась сія атака, Платенъ, услыша пушечную пальбу въ Вюсентинъ, отправилъ туда другой отрядъ, который, подошедъ къ мѣсту сраженія и увидя поражение вюсентинскаго отряда, «потянулся обратно къ Грейфенбергу, куда для преслѣдованія онаго послалъ съ легкими войсками подполковникъ Суворовъ, который немалый вредъ непріятелю «причинилъ и, напавъ съ однимъ эскадронномъ желтыхъ «гусарь, подъ командою поручика Карпа, и нѣсколькими казачками на арьергардію помянутаго сикурса, многихъ побилъ, одного офицера и 40 человѣкъ рядовыхъ «въ полонъ взялъ. Такъ преслѣдовалъ непріятеля около «мили, къ командѣ возвратился.» (Изъ того же журнала.)

Послѣ сего Бергъ занялъ Грейфенбергъ, а Платенъ взялъ направленіе на Бельць къ Камину, гдѣ услыша

Партизаны 1809 года.

Въ 1792 году Кюстинъ у Французовъ и въ 1809 Шиль у Пруссаковъ обращаютъ на себя взоры современниковъ. Движеніе перваго отъ Ландау по долину Рейна къ Майнцу и занятіе сей крѣпости въ то время, когда союзная армія

объ обратномъ прибытіи транспорта къ Голнау, немедленно поворотилъ на голновскую дорогу и остановился въ Швантесгагенѣ, оставя въ деревняхъ Цонгловъ и Баумгартенѣ славнаго партизана Курбьера съ 2-мя баталіонами и однимъ гусарскимъ полкомъ. На другой день Курбьеръ былъ охваченъ Бергомъ и взятъ въ плѣнъ, со всѣмъ отрядомъ своимъ, и Платенъ, преслѣдуемый нашими войсками, отступилъ къ Голнау.

Тогда главнокомандующій отрядилъ корпусъ Фермора для содѣйствія Бергу въ нападеніи на Голнау. Ферморъ, нашедъ затрудненія, остановился у города и открылъ по немъ канонаду; но Бергъ, взявъ одинъ баталіонъ гренадеръ съ пушками, въ мѣстечко штурмомъ вошелъ и непріятели оттуда выгналъ, «причемъ подполковникъ Суворовъ въ преслѣдованіи непріятели чрезъ мѣстечко и апо мосту съ отиѣвною храбростію поступилъ.» (*Изъ того же журнала.*)

Недѣля подумать, чтобы въ теченіе сей кампаніи Суворовъ ограничилъ служеніе свое одними вышепредставленными подвигами, хотя въ журналѣ имя его болѣе уже не дѣлается; впрочемъ, ежели дѣйствія его не были столь блистательны, чтобы заслужить мѣсто въ донесеніяхъ, то по крайней мѣрѣ школа была поучительна. Попски генерала Берга въ сей кампаніи могутъ служить примѣромъ партизанской войны по всѣмъ отношеніямъ. Чрезъ его отважность, неутомимость и искусство, столь необходимый гарнизону и войскамъ Принца Виртембергскаго, транспортъ не могъ достигъ до Кольберга отъ 4-го октября до 5-го декабря, то есть до дня сдачи сей крѣ-

отступала отъ армій Дюмурье и Келлермана изъ Шампани, достойно похвалы всякаго того, кто забываетъ сторону, къ коей онъ принадлежалъ, чтобы платить дань справедливости всему тому, что носитъ на себѣ печать отличія. Шиль представляется въ иномъ видѣ. Отдавая должную справедливость его смѣлому духу и рѣшитель-

ности, по причинѣ недостатка въ свѣстныхъ и боевыхъ потребностяхъ.

Въ конфедератскую войну Суворовъ имѣлъ обширнѣе поле для ознаменованія своихъ способностей; онъ командовалъ уже особою, ни отъ кого независимою партией, состоявшею изъ 900 человекъ. 1769 года, прискакавъ на подводахъ изъ Минска подъ Брестъ, онъ внезапно охватилъ два уланскіе полка Бѣляка и Коржицкаго и принудилъ ихъ сдаться плѣнными. У селенія Орчаобы разбилъ обоихъ Пулавскихъ, которые втрое были превосходише его въ силахъ. Въ 1770 и 1771 годахъ дѣйствовалъ съ оною же партией на обѣихъ сторонахъ Верхней Вислы въ области, нынѣ называемой Австрійскою Галлиціею; двоекратно разбилъ полковника Мошинскаго и другія конфедератскія партіи. Подъ Ландскроною побѣдилъ войска маршаловъ Орзешки и Сапеги, коихъ совѣщателемъ былъ извѣстный генералъ Дюмурье. Подъ Замостьемъ снова разбилъ Пулавскаго. Узнавъ о прибытіи гетмана Огинскаго въ Литву, онъ полетѣлъ изъ Люблина къ Слониму и подъ Столовичемъ разбилъ его наголову, взялъ въ плѣнъ 1000 человекъ рядовыхъ, 30 офицеровъ, 12 орудій, нѣсколько знаменъ, бунчугъ и булаву гетмана. Въ 1772 году взялъ Краковъ, защищаемый конфедератами и французскими бригадирами Галибертомъ и Шуазье.

Предѣлы сего сочиненія не позволяютъ мнѣ распространиться болѣе въ описаніи всѣхъ партизанскихъ подвиговъ сего великаго полководца. Впрочемъ, все, что я представилъ, достаточно доказываетъ, что Суворовъ въ

ности, съ какою бросился онъ на попрѣще защитниковъ Германіи, съ прискорбіемъ видимъ, что, при совершенной свободѣ въ выборѣ удобнѣйшаго пункта стремленія, исполненіе не соотвѣтствовало обширности и смѣлости его плана. Нѣтъ оправданія направленію его на сѣверъ, методическимъ сраженіямъ и ограниченности изворотовъ его въ дѣйствіи противъ линнѣйныхъ войскъ, двигающихся всегда съ большею тягостью, нежели малые отряды, и потому нисколько не препятствующихъ исполненію намѣренія дѣятельнаго партизана. Когда бы онъ, быстро перешедъ чрезъ Богемію и ставъ на единственный *путь сообщенія* Наполеона — на путь, проходившій чрезъ Линцъ, Бронау и Мюнхенъ, истребляя всѣ занасы снарядовъ и пропитанія французской арміи, по сей чертѣ расположенныя и слѣдующіе: тогда имѣлъ бы онъ несравненно болѣе средствъ вредить непріятелю, нежели дѣйствіемъ около Сѣвернаго Моря и отдаленіемъ своимъ отъ круга рѣшительныхъ происшествій. Я знаю, что сіе мнѣніе опровергаемо будетъ тѣмъ, что *таковой дальній переходъ слишкомъ уже былъ бы отваженъ, улекая его отъ моря, наблюдаемаго англійскимъ флотомъ, единственнымъ его убѣжищемъ въ слу-*

семъ родѣ войны почерпнулъ ту быстроту въ дѣйствіяхъ, ту ловкость въ изворотахъ, ту внезапность въ нападеніяхъ, то единство въ натискѣ, которыя доставили ему тѣ безсмертныя побѣды, конхъ тайна и поныѣ еще непостижима многимъ методикамъ.

часть неудачи. Слабое оправданіе! Нѣтъ лишней отважности для человѣка, который обрекъ себя на опасную службу партизана. Онъ долженъ истребить надежду вкусить, по совершеніи подвига, плоды геройскаго вдохновенія; забыть объ ожидающихъ его рукоплесканіяхъ, похвалахъ и наградахъ и идти навѣрное съ тѣмъ, чтобы, нанеся чувствительные удары неприятелю, погибнуть съ пользою, хотя бы позорною смертію!

Таковою малодушною предвидимостію нельзя упрекнуть испанскихъ партизановъ, или *габрильсовъ*; ихъ дѣйствія въ 1809 году будутъ примѣромъ для каждаго начальника партин, какъ должно пользоваться мѣстнымъ положеніемъ земли, въ коей ведется брань, и гнѣвомъ народа, возставшаго на отмщеніе.

При началіи войны, всѣ генеральныя сраженія, данныя испанскою арміею, ознаменовались пораженіями; силы ея истощались, и уже французская армія, послѣ океанскаго сраженія, угрожала Лиссабону. Неизвѣстно, что понудило ее перенести театръ войны въ Андалузію; но чрезъ сіе движеніе всѣ выгоды, пріобрѣтенныя побѣдами, исчезли: Англичане занялись образованіемъ войскъ и укрѣпленіемъ важнѣйшихъ пунктовъ на границѣ Португаліи въ то время, когда народное ополченіе въ сѣверной Испаніи начало дѣйствовать съ необыкновеннымъ рвеніемъ.

По причинѣ разсѣянія испанской арміи, областныя юнты, не имѣя никакого сношенія съ главною юнтою, занялись каждая особо состав-

леніемъ народной стражи для мѣстной защиты областей, ими управляемыхъ; а народъ, переставъ ожидать успѣховъ отъ главной арміи и увѣрясь въ необходимости общаго ополченія, бросился къ оружію и сталъ подъ знамена мести и независимости. Ненависть къ Французамъ, дотолѣ окованная и подавляемая насиліемъ, вдругъ разрушила всѣ оплоты и сама собою дала единство своевольному стремленію каждаго гражданина. Тогда разнѣрные движенія регулярной арміи замѣнились, такъ сказать, *устроеннымъ безпорядкомъ* вооруженныхъ поселянъ, родомъ войны, болѣе всякаго другого свойственнымъ неукротимому нраву Испанцевъ и мѣстному положенію Испаніи.

Мало по малу провинціи, занимаемыя Французами, покрывшись партіями, составленными изъ линійныхъ солдатъ, кои прежними пораженіями были разсѣяны, и изъ людей всякаго званія, защищавшихъ свою собственность. Извѣстія о первыхъ успѣхахъ сихъ многочисленныхъ партій были принимаемы народомъ съ восторгомъ, и въ разглашеніяхъ украшались всѣми вымыслами пламеннаго воображенія южной націи. Сіе самое воображеніе и сія неограниченная страсть къ независимости, столь вредившія дѣйствию регулярныхъ войскъ Испаніи, были истинною причиною успѣховъ общаго ополченія, доказавшаго свѣту, что побѣды, одерживаемыя надъ арміями великодушнаго народа, болѣе ожесточаютъ, нежели покоряютъ его подъ иго чужеземнаго властителя. Въ Ис-

паніи всѣ начальники партій поступили на поприще воиновъ изъ званій, чуждыхъ военному, и почти всѣ взошли на степенъ свою съ низшихъ степеней гражданскихъ. Между отличнѣйшими наменую, пламеннаго *Эль-Эмпичинадо*, грознаго для непріятелей, но еще болѣе грознаго для измѣнниковъ отечества, и двухъ героевъ фамиліи *Мина*, столь славно способствовавшихъ избавленію Испаніи отъ ига позорнаго и ненавистнаго! Впрочемъ, почти вся нація раздѣлилась на отряды. Не было дороги, не было тропинки, но коимъ бы можно было избѣгнуть ветрѣчи съ гварильясами. Тѣснины Пиренеи, Сіерра-Морены, обѣ Кастиліи, Наварское и Арагонское королевства сокрывали въ нѣдрахъ своихъ сихъ зоркихъ, безстрашныхъ и неутомимыхъ воиновъ, коихъ слава неизгладима во всѣхъ лѣтописяхъ, во всѣхъ сердцахъ, біющихъ для отечества.

Партизаны 1812 года.

Пробѣгая представленныя мною три эпохи появленія партизановъ, нельзя не замѣтить, что искусство давать партіямъ вѣрное направленіе подвигалось, такъ сказать, оцупью. Въ первой эпохѣ мы видимъ однѣ толпы странствующихъ воиновъ; въ послѣдующей ужасное вторженіе и первый шагъ къ истинной цѣли поисковъ; въ третьей — болѣе возставшій народъ на отмщеніе, нежели въ полномъ смыслѣ партизановъ, но уже видимъ постоянныя, хотя

еще частныя усилія къ позиціи у непріятеля способъ пропитанія и боя.

Грозная эпоха 1812 года, ознаменованная столь чрезвычайными событіями, причинила въ Россіи измѣненіе въ главной части военнаго искусства; системы Булова и подобныхъ ему мечтателей пали, и партизанская война поступила въ составъ предначертаній общаго дѣйствія армій.

При вторженіи въ предѣлы Россіи и по разобщеніи нашихъ двухъ армій, Наполеонъ пошелъ прямымъ путемъ къ Смоленску, стараясь воспрепятствовать соединенію оныхъ. Когда же, не взирая на усилія его, арміи наши соединились подъ Смоленскомъ, тогда онъ слѣдовалъ за нами до Москвы и, по вступленіи въ нее, дозволилъ князю Кутузову, почти въ глазахъ своихъ, совершить спасительный переходъ къ Тарутину. Занятіемъ Тарутина закрылись южныя наши губерніи и сообщеніе непріятеля подверглось случайности пресѣченія. Тутъ начинается четвертое появленіе партизановъ. Успокоясь въ разсужденіи партии, посланной изъ Бородины къ Вязьмѣ для испытанія пользы набѣговъ, свѣтлѣйшій при Тарутинѣ раздѣлилъ на отряды большую часть казацкаго войска и по разнымъ направленіямъ двинулъ ихъ на путь сообщенія непріятеля. Время, проведенное на вещественное и нравственное усиліе арміи на сей позиціи, не было потеряно партизанами: около шести недѣль сряду сообщеніе Французовъ чрезъ Можайскъ, Вязьму и Смоленскъ

преграждаемо было непрерывными ихъ набѣгами. Никогда съ начала войны не было видимо въ лагерѣ нашемъ толикаго числа плѣнныхъ, какъ въ теченіе сей эпохи. Казалось, что отважность и дѣятельность партизановъ умножались по мѣрѣ умноженія предосторожности въ непріятельскихъ войскахъ; почти осажденныхъ партіями и вооруженными поселянами. Фигнеръ рыскалъ между авангардомъ непріятеля и главною его арміею, простирая кровавые свои поиски до заставъ столицы. Неутомимый Славинъ разилъ непріятеля въ сторонѣ Фоминаскаго и былъ единственнымъ извѣстителемъ о движеніи французской арміи къ Малоарославцу, занятіемъ котораго избѣгла она отъ всѣхъ постигшихъ ее въ послѣдствіи несчастій. Кудашевъ наблюдалъ за движеніемъ непріятеля по тульской дорогѣ, опасной для насъ относительно къ покушенію непріятельскихъ партій на путь продовольствія нашей арміи и на тульскій оружейный заводъ. Онъ же преграждалъ путь подвозамъ пропитанія въ авангардъ непріятеля и нерѣдко прорывался до главной квартиры Короля Неаполитанскаго, разсѣвая ужасъ и гибель отъ Винкова до Подольска. Чернышевъ, приводя въ трепетъ гнѣздилище враговъ нашихъ, Варшаву, летѣлъ на перерѣзъ всего непріятельскаго основанія отъ герцогства Варшавскаго къ Полоцку съ извѣстіемъ о движеніи дунайской арміи къ берегамъ Березины. Прочіе партизаны, истребляя транспорты и отряды непріятеля, наносили ему наичувствительнѣй-

шіе удары, и всѣ вмѣстѣ, предшествуя французской арміи и окружая ее во время отступленія отъ Москвы до береговъ Нѣмана, бились денно и ночью, преграждали переправы, заваливали тѣснины и непрерывными тревогами похищали отдохновеніе, столь необходимое войску, изнеможенному голодомъ, стужою и усиленными переходами.

Боже меня сохрани, чтобы я помыслилъ обратити на счетъ однихъ легкихъ войскъ всѣ успѣхи 1812 года! Оскорбленная двадцатидеухлѣтняя слава приписываетъ ихъ единственно суровому нашему климату; недоброхоты же партизановъ отдають ихъ однимъ линійнымъ войскамъ. Будемъ справедливыѣ, уступимъ и врагамъ и состязателямъ нашимъ нѣчто изъ доводовъ, ими представляемыхъ; не отвергнемъ вліянія стужи и геройскихъ подвиговъ безстрашныхъ нашихъ соотчичей въ событіяхъ сего достопамятнаго года: ибо мы сами видѣли и костры замерзшихъ труновъ непріятельскихъ, и ярыя битвы линійнаго нашего войска. Но усомнимся какъ въ томъ, чтобы одна стужа могла изгнать изъ Россіи того, который ни зною Египта, ни снѣжнымъ громадамъ Альповъ не покорялся, такъ и въ томъ, чтобы честь сія принадлежала исключительно линійному войску!

Одни морозы причиною успѣховъ Россіянъ! Но развѣ нѣтъ убѣжища отъ мороза, когда онъ не имѣетъ союзниками другихъ бѣдствій? Если одинъ морозъ угрожалъ французской арміи, то

не могла ли она расположиться на зимнія квартиры въ окрестностяхъ Москвы, или Твери, и весною начать снова дѣйствовать? Мнѣ отвѣчаютъ, что сверхъ укрытія себя отъ стужи, нужно пропитаніе. Безспорно: для сего стоило только просторнѣе расположить войско и учредить въ тылу его линію магазиновъ. Но исполнить сего было невозможно, отвѣчаютъ мнѣ, поелику сосредоточенная російская армія, бывъ въ близкомъ разстояніи отъ зимнихъ квартиръ непріятеля, могла бы воспользоваться его разсѣяніемъ и поразить врасплохъ войско, въ отпору не готовое; къ тому же; чрезъ занятіе тарутицкой позиціи, русская армія, отстраня непріятельскую отъ хлѣбороднѣйшихъ своихъ губерній, лишила ее способовъ прокормиться цѣлую зиму въ краю, болѣе изобильномъ ремесленниками, нежели хлѣбопашцами. Итакъ, непріятелю оставалось два способа избѣгнуть отъ гибели, ему угрожавшей: или немедленно послѣ вступленія въ Москву выступить изъ оной противъ нашей арміи и, посунувъ ее за Орель и далѣе, ожидать возвращенія весны въ изобильнѣйшемъ краю Россіи; или посредствомъ быстрого движенія мимо лѣваго фланга нашего достигъ около Юхнова, Мосальска и Рославля до неврикосновенной страны еще обѣими воюющими арміями. Но перваго онъ не предпринялъ, надѣясь на миръ, которымъ князь Кутузовъ искалъ его легковѣріе до начатія стужи и до возрожденія своей арміи; а второе не исполнилось отъ загражденія калужской дороги при Мало-

ярославцѣ. Надобно быть совершенно чуждымъ военнаго искусства; чтобы не видать, что сіе движеніе, бывъ слѣдствіемъ тарутинской позиціи, есть само собою причина всѣхъ бѣдствій Французской арміи; ибо посредствомъ оной російская армія, открывъ путь себѣ краемъ, никакъ еще не поврежденнымъ, ринула непріятельскую на путь, ею самою опустошенный, гдѣ съ голодомъ соединились морозы, не менѣе тарутинской позиціи и фланговаго движенія, вкловившіе въ соображеніе фельдмаршала, и о коихъ несправедливо было бы заключить, что, пожирая Французовъ, они не касаются до Русскихъ. Безъ сомнѣнія, сѣверные народы привыкли къ стужѣ, нежели южные жители; однако жъ всему есть мѣра, и морозъ въ двадцать градусовъ съ влагою равно смертоносенъ Лапландцу и Французу, если первый не согрѣваемъ пищею и пьемъ умереннаго количества крѣпкаго напитка, какъ то случилось съ Французами. Рѣшительно сказать можно, что сіи послѣдніе избѣгли бы злополучія, ихъ поразившаго, еслибы могли освободиться отъ фланговаго движенія нашего и предупредить насъ въ занятіи того цѣльнаго края, коимъ мы слѣдовали. Сей случай принудилъ бы насъ или остановиться въ Калужской Губерніи, или преслѣдовать непріятеля по опустошенному имъ краю, или предпринять новый фланговый маршъ чрезъ Орловскую и Черниговскую губерніи. Но люди, неумѣющіе восходить отъ слѣдствія къ причинѣ, повторяютъ слова, врагами нашего оружія

вымышленныя и съ восторгомъ завистью разсѣваемыя, прибавляя къ нимъ и то, что послѣ морозовъ *одни лишійныя войска всѣмъ успѣхамъ причиною!* По-истинѣ нельзя оспаривать пользы, принесенной тѣмъ войскомъ, которымъ исполнились высокія предначертанія свѣтлѣйшаго, и непріятель обращенъ къ гибельному для него направленію, — войскомъ, котораго дѣйствіе разрушило единство французской арміи при Вязьмѣ и Красномъ! Но ежели вникнемъ прилежнѣе въ намѣреніе свѣтлѣйшаго обратить непріятеля на путь безлюдный и разоренный, то увидимъ, что оно состояло болѣе въ стараніи истребить его голодомъ и стужею, нежели силою оружія. И подлинно, отъ самаго Малоярославца до береговъ Березины главная армія только два раза столкнулась съ непріателемъ, тогда какъ чрезъ цѣлое пространство отъ Москвы до Нѣмана онъ окружаемъ былъ легкими войсками, тѣснившими его, какъ въ ящичкѣ, и не позволявшими ни одному французскому солдату ни на шагъ отлучиться отъ большой дороги для отысканія себѣ пищи, или убѣжища отъ стужи. Конечно, никогда безъ содѣйствія лишійныхъ силъ партизаны не были бы въ состояніи преградить непріателю путь къ Калугѣ, ни обратить его къ Вязьмѣ и далѣе, къ направленію, столь въ послѣдствіи для него гибельному; но согласимся и въ томъ, что регулярная армія безъ содѣйствія партизановъ не могла бы довести непріятеля до того изнуренія, до котораго онъ достигъ чрезъ невозможность найти

все то, что необходимо для жизни человека. Къ несчастію, всякое *новое* или возобновленное изобрѣтеніе встрѣчаетъ болѣе порицанія, нежели одобренія, и потому все рвеніе партизановъ въ сію войну навлекло на нихъ одно только негодованіе тѣхъ чиновниковъ, коихъ оскорбленное самолюбіе не простило *смѣльчакамъ*, оказавшимъ успѣхи, независимые отъ ихъ вліянія, и наравнѣ съ ними занявшихъ мѣсто въ объявленіяхъ того времени. Я сожалею, что недостатокъ матеріаловъ, а еще болѣе близость событій не позволяютъ отвѣчать на обвиненія и украсить статью сію подвигами нашихъ партизановъ, обогатившихъ партизанскую войну частными, весьма поучительными примѣрами. Но если современникъ принужденъ молчать, то рѣзецъ историка не отдѣлитъ именъ Фигнера, Сеславина, Чернышева и Кудашева отъ великихъ воспоминаній 1812 года и поставитъ ихъ на ряду съ именами дѣятельнѣйшихъ защитниковъ отечества.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ИЗЛОЖЕНІЕ СИСТЕМЫ ПАРТИЗАНСКАГО ДѢЙСТВІЯ.

Превосходство Россіи надъ европейскими государствами относительно легкихъ войскъ и соразмѣрности широты съ глубиною ея пространства.

Военное устройство каждаго государства должно согласоваться съ обычаями, нравомъ и склонностями народными; иначе полководцы обманутся въ расчетахъ своихъ. Природа непобѣдима; дорого заплатятъ тѣ, кои для успѣха оружія своего дерзнутъ переобразовать Турокъ въ кирасиры и подчинить ихъ тактическимъ построеніямъ и оборотамъ; или обезпечатся въ лагерѣ, охраняемомъ Европейцами, одѣтыми въ казачье платье! Всѣ арміи между собою равны потому только, что составлены изъ людей; но учрежденіе, по коему каждая изъ нихъ обра-

зустоя и дѣйствовать, опредѣляетъ степень доброты войска; по мѣрѣ большаго или меньшаго сближенія оного учрежденія съ коренными способностями, склонностями и обычаями того народа, изъ котораго войско набрано. Что говорить о арміяхъ и о націяхъ, то можно сказать и о цѣлыхъ частяхъ свѣта.

Въ Европѣ просвѣщеніе, а съ нимъ населеніе, смягченіе нравовъ, повнаніе правъ собственности, торговля, роскошь и другія обстоятельства суть главныя препятствія ко введенію истинныхъ легкихъ войскъ въ европейскія арміи. Народъ, такъ сказать, *нальдоничій*, переноситъ въ роды родовъ способность свою къ набѣгамъ не чрезъ земледѣліе, художества и торговлю, а чрезъ непрерывное рысканье за добычею среди обширныхъ пустынь, среди ущелій горъ, или въ сосѣдствѣ и въ вѣчной враждѣ съ горными и пустынными жителями. Самый родъ войны, о коемъ разсуждаемъ мы, носитъ въ существѣ своемъ отпечатокъ чего-то дикаго, необразованнаго, и отличается средствами, свойственными однимъ только ловчимъ звѣрямъ и непросвѣщеннымъ народамъ.

Въ такомъ положеніи Азія. Суевѣріе, ограждая ее отъ просвѣщенія, сохраняетъ и понынѣ въ народахъ, ее населяющихъ, то безпокойное свойство, которое алчетъ чуждаго достоянія и питается одною отвагою и случайностями. Всѣ войны, ими предпринимаемыя, состоятъ во внезапныхъ ударахъ, въ неутомимой подвижности, и въ дерзкихъ предпріятіяхъ шумныхъ полчищъ

наѣздивковъ. Вызовъ къ бою, натискъ, сѣча ихъ, все нестройно, безобразно; но быстро, нагло, свирѣпо!—Какое устройство соблазнить сихъ удрученныхъ рабствомъ воиновъ, дышущихъ свободно только на полѣ брани? Кто дерзнетъ оковать дисциплиною сіи кипящія толпы въ порывѣ ихъ своеволія? Аль-Коранъ, воспреещающій подраженіе христіянамъ, булатъ, пустыни и быстрые кони суть союзники ихъ противъ нововводителей!

Верхъ совершенства военной силы государства долженъ бы заключаться въ совокупномъ обладаніи европейскою арміею и войсками азіатскихъ народовъ, дабы первою сражаться въ полномъ смыслѣ слова, а послѣдними отнимать у непріятеля способы къ пропитанію и къ бою. Но какъ преклонить дикую необузданность Азіятцевъ къ правильному содѣйствію регулярной арміи? Одной Россіи, объемяющей треть Европы и значную часть Азіи, предоставлено обладать устроеннѣйшею арміею въ свѣтѣ и съ тѣмъ вмѣстѣ владычествовать и надъ народами одинакихъ свойствъ на войнѣ съ Азіятцами, и подобно европейскимъ войскамъ покорными начальникамъ: я говорю о *казакахъ*.

Вѣковыя вторженія племенъ восточныхъ въ нѣдра Россіи чрезъ Украину, берегами Днѣпра, Дона и Урала образовали въ южной части отечества нашего народы, принявшіе нравы, обычаи и образъ дѣйствія на войнѣ отъ племенъ, съ ними враждовавшихъ. Вся часть земли отъ южныхъ береговъ Днѣпра до береговъ Урала,

разныхъ родовъ казаками обитаемая, есть живое доказательство справедливости моего изложенія: Правда, что по мѣрѣ покоренія, отливая и разсѣланія сопредѣльныхъ имъ хищныхъ народовъ, они уступили всадникамъ оныхъ въ пылкости натисковъ и въ личной ловкости; но сохраняя еще въ достаточной силѣ и пылкость и ловкость наѣздниковъ, чтобы быть пугалищемъ всей европейской легкой конницы, они превзошли азіятскую въ томъ, что къ качествамъ оной присоединяютъ чинопослушаніе, и по волѣ просвѣщенныхъ начальниковъ дѣйствуютъ на слабѣйшія части непріятельской арміи, или на тѣ, коихъ пораженіе болѣе соотвѣтствуетъ цѣли общаго предназначенія. Вотъ истинное войско наѣздниковъ — наѣздниковъ не по одеждѣ, не по названію; но по преданіямъ, по воинственнымъ обычаямъ соотчичей, и по

* Примѣръ сему Украинскіе казаки, менѣе способные къ наѣздничеству Донскихъ и Черноморскихъ; а сіи во всемъ уступающіе Семейнымъ и прочимъ казакамъ, по Кавказской линіи поселенныхъ. Генералъ Ермоловъ образовалъ изъ татарскихъ народовъ, обитающихъ въ Грузіи, войско, которое если не превышаетъ, то конечно не уступаетъ симъ послѣднимъ въ отважности и ловкости. Надобно надѣяться, что, уважая пользу составить *цѣлое* изъ частей, между собою нераздѣлимыхъ, начальство сей страны образуетъ современемъ особую область отъ Азовскаго моря до Кизляра и назначитъ Ставрополь столицей сей области. Черезъ сіе откроется новое поле для новаго разсадника легкихъ войскъ, коихъ одна часть и безъ единства превосходитъ уже самое Донское войско.

неутомимому охраненію своей личной свободы и собственности отъ хищныхъ народовъ, съ нами граничившихъ. Но обладая войскомъ, исключительно намъ принадлежащимъ, воинской ли проминдательности Русскихъ оставлять его безъ вниманія, потому только, что легкія войска другихъ Европейскихъ государствъ, составляемыя изъ одного бранна вѣхеты, артиллеріи и тяжелой конницы, не имѣютъ и не могутъ имѣть важности, равнойъ съ всеми тремя коренными частями военной силы? Какой изъ военачальниковъ нашихъ при первой еврейской войнѣ не подниметь легкую конницу свою на черту означенныхъ трехъ первостепенныхъ частей, и не презъ то не усилитъ себя лишнимъ противъ другихъ армій орудіемъ? Польза сего подвига будетъ тѣмъ действительнѣе, что превосходство Россіи надъ прочими государствами, относительно оборонительнаго ея положенія, ограничивается не однимъ соединеніемъ чрезвычайныхъ легкихъ войскъ съ чрезвычайною арміею: оно умножается отъ необъятной ея мѣстной обширности. Погрузившись въ бездну оной непріятель принужденнымъ находится и удалаться отъ средоточія средствъ и пособій своихъ, и дабы не увеличивать еще болѣе разстоянія, подчинять всѣ движенія свои прямѣйшему пути, исходящему отъ означеннаго сре-

Я не говорю о наступательной войнѣ. Разсужденія о сѣмъ родѣ дѣйствія, будучи сопряжены съ политическими разсужденіями, не касаются до моего сочиненія.

доточія. Та же мѣстная обширность представляется въ другомъ видѣ арміи и легкимъ войскамъ нашимъ: дѣйствуя въ самыхъ нѣдрахъ *широкою и глубокою* основанія своего, они обладаютъ полною волею двигаться по оному во все стороны. Посредствомъ искусныхъ или отважныхъ изворотовъ они всегда могутъ сократить свободное сообщеніе съ частію земли, удобнѣйшею для военныхъ дѣйствій, и къ тому же еще не опасаться быть ни изгнанными за предѣлы государства, ни притѣсненными ко дну или къ боковымъ рубежамъ оного.

Конечно, сія необычайная обширность причиню великаю протяженія западной границы нашей — протяженія, по словамъ нѣкоторыхъ законотѣльныхъ старовѣровъ, много подвергающаго Россію опасности. Но долго ли намъ благоговѣть предъ обветшалыми предразсудками и не видать, сколь ничтожно неудобство сіе въ землѣ, коей *глубина и широта* соответствуютъ протяженію границы? Война начинается въ смежныхъ между собою предѣлахъ державъ непріязненныхъ. Нѣтъ примѣра, чтобъ она на нихъ когда нибудь кончилась. Спорныя дѣла государствъ рѣшатся нынѣ не боемъ Горациевъ и Муриціевъ, не поединками полководцевъ, не овладѣніемъ накою-либо пограничною крѣпостію и не безконечными боевыми движеніями двухъ противоборствующихъ корпусовъ, но осязательнымъ званіемъ армій. Нынѣ народъ или народы возстаютъ противъ народа; границы поглощаются приливомъ несмѣтныхъ ошлоченій, и во-

енныя дѣйствія силою или искусствомъ немедленно переносятся въ ту или другую враждующую область. Какое же остается вліяніе границъ тѣсной или пространной на военныя дѣйствія, и не средина ли государства служитъ уже тогда единственною основою всѣмъ наступательнымъ и оборонительнымъ предначертаніямъ? И подлинно, если берега Рейна, устьяныя первоклассными крѣпостями, не болѣе другихъ рѣкъ преграждали вторженія нѣмецкихъ войскъ во Францію и французскихъ войскъ въ Германію; если судьба сихъ воюющихъ государствъ рѣшилась въ Вѣнѣ, въ Берлинѣ и въ Парижѣ, а не на границѣ; и наконецъ, если, съ другой стороны, Россія и Испанія, послѣ великодушной и искусной борьбы, изгнали безъ помощи границъ огромныя французскія арміи изъ нѣдръ своихъ: то что можетъ быть очевиднѣе и разительнѣе сихъ доказательствъ?

Однако жъ надобно и то сказать: не всякому государству удобно допускать военныя дѣйствія въ собственные предѣлы. Прибавляю къ вышесказанному, что область, подъявшая бремя вторженія, требуетъ не только великаго мѣстнаго простора, но и *глубины*, соразмѣрной съ *широтою поперечника* оной. Иначе вторженіе обратится въ пользу наступательной арміи и въ гибель оборонительной. Примѣръ сему у насъ въ памяти.

Въ 1806-мъ году прусская армія, претерпѣвъ пораженіе у границы своей, лишилась сообщенія съ нѣдромъ государства, была приперта къ

морю и положила оружіе, потому что *глубина Пруссіи въ отношеніи къ непріятелю, дѣйствующему отъ юга, несравненно короче продолженія ея поперечника*. Въ томъ же и въ послѣдующемъ году армія наша, дѣйствовавшая въ восточной Пруссіи, едва не была два раза подвержена подобной участи: въ первый разъ чрезъ натискъ французской арміи отъ источника рѣки Вкры, съ намѣреніемъ припереть насъ къ такъ называемой тогда Австрійской Галиціи; другой разъ дѣйствіемъ оной же арміи отъ Наревы къ Кенігсбергу, для притѣсненія насъ къ Фришъ-Гафу. Что тогда причиною было угрожавшихъ намъ опасностей? *тѣснота поперечника* театра войны, въ сравненіи съ *глубиною* онаго.

Оба сіи неудобства не существуютъ въ коренной Россіи, и я твердо увѣренъ, что хотя бы непріятель овладѣлъ въ продолженіе войны или Нижнимъ, или Орломъ, или Тверью, и тогда бы независимость Россіи осталась непоколебимою: ибо или Арзамасъ, или Дмитровъ, или Старица замѣнили бы Тарутино, и французская армія потерпѣла бы не меньшія бѣдствія, какъ тѣ, кои потерпѣла она отъ занятія нами сего превосходнаго стратегическаго пункта.

И дѣйствительно, какимъ способомъ непріятель можетъ достигъ до той цѣли, безъ коей война не что иное, какъ рыцарское странствіе; до той цѣли, которая состоитъ не въ преслѣдованіи повсемѣстно, можетъ быть умышленно, отступающей арміи; не во временномъ занятіи

въсколькихъ губерній, а въ истребленіи до основанія противоборствующихъ ему воинныхъ силъ и въ прочномъ покореніи всего государства? Что предприметь онъ для достиженія сей недостижимой цѣли? Прибѣгнетъ ли онъ къ вторженію въ полношъ смыслѣ слова, то есть къ движенію быстрому, рѣшительному, совокупному, чтобы изумить народъ и армію? Но таковой родъ нашествія полезенъ тогда только, когда бываетъ употребляемъ не долговременно, когда посредствомъ онаго можно, такъ сказать, однимъ духомъ загнать противника на дно области, или защищаемой, или припереть его къ какой-либо естественной преградѣ, на одномъ изъ основныхъ предѣловъ театра войны находящейся. Я, кажется, доказалъ, и 1708-й и 1812-й годы порукою, что сей родъ войны противъ Россіи неудобенъ. Быть можетъ, что непріятель обратится къ методическому, размѣрному дѣйствію? Но тутъ не менѣе препятствій. Сколько для сего нужно времени, столь драгоценнаго въ войнѣ противъ государства, коего нѣдра сами собою неприступны при зимнихъ вьюгахъ, осенней слякоти и весенней ростополи? Въ сихъ обихъ родахъ дѣйствія пропитаніе войскъ представляетъ главныя затрудненія; оно производится только двумя способами: или армія питается тѣмъ, что находится въ городахъ и въ селеніяхъ, на пути ея лежащихъ; или она продовольствуется посредствомъ магазиновъ и транспортовъ, наполняемыхъ произведеніями обывателей той области, въ коей происходитъ дѣй-

ствіе. Но малолюдность и слабое населеніе Россіи, преданіе огню своей собственности и отливъ жителей въ лѣса и дальнія губерніи противятся первому способу; наглые и неутомимые наѣзды легкихъ войскъ на путь продовольствія преграждаютъ послѣдній. Въ семъ-то случаѣ оказывается вся сила и все достоинство оныхъ. Летучія партіи наши зорко и неуспяно маячуть по всему непріятельскому пути сообщенія, пробѣгаютъ въ промежутки корпусовъ, нападаютъ на парки и врываются въ караваны съѣстныхъ транспортовъ. Приноравливая извороты свои къ изворотамъ арміи, онѣ облегчаютъ ея усилія и довершаютъ успѣхи. Черезъ сокрушительныя ихъ наѣзды непріятель раздѣляется и вниманіе и силы, долженствующія стремиться одною струею къ одной цѣли, невольно дѣйствуетъ *ощупью*, вопреки свойству войны наступательной, и теряя надежду отразить сіи неотразимые рои наѣздниковъ, коихъ войско его ни догнать, ни отрѣзать, ни припереть къ какой-либо преградѣ не въ состояніи, лишается зарядовъ и пронитанія, безъ коихъ остается ему только просить пощады, или отступать по чрезмѣрному протяженію, — предшествуемый и окружаемый партіями, тѣснымъ и поражаемымъ линѣйными войсками.

Безъ сомнѣнія, средство, мною перевозносимое, есть средство тяжкое; но половинныя мѣры и вялый родъ войны, употребляемый европейскими арміями, еще ужаснѣе своими послѣдствіями! Воспользуемся же духомъ войска и на-

рода, необъятною обширностью и бездонною глубиною государства, въ *пучинѣ* котораго теряются безчисленныя вражескія арміи, и предпочтемъ всегда, какъ предпочли въ 1812-мъ году, гибель капиталовъ гибели чести и независимости.

Наложение сущности всякаго вообще всякаго дѣйствія.

Представя сіи два чрезвычайныя превосходства Россіи, относительно всякаго непріятельскаго покушенія на нее со стороны западной границы нашей, представимъ теперь сущность всякаго вообще военнаго дѣйствія, и опредѣлимъ его основою направленія и дѣйствія партій.

Воюющія арміи раздѣляются на *наступательную* и *оборонительную*,*

Всякая наступательная армія имѣеть :

Основаніе,

Отдаленный и ближній предметы дѣйствія,

Путь дѣйствія,

Путь сообщенія,

Пути продовольствія

И боевую линію.

Основаніе есть пространство земли, снабжающее армію всѣми необходимыми военными и жизненными потребностями. Оно раздѣляется на *коренное* и *временное*.

* Не должно терять изъ виду, что первую я полагаю дѣйствующею въ землѣ непріятельской, а послѣднюю въ своемъ собственномъ государствѣ.

Коренное основаніе есть собственное государство.

Временное, или поле запасовъ, опредѣляется въ теченіе войны въ непріятельской области, или въ союзномъ государствѣ, съ сею областью сопредѣльномъ. Оно замѣняетъ первое, но непосредственно ему подвластно. Ганнибалъ, отдѣленный моремъ отъ *коренного* основанія, не могъ удержаться на временныхъ основаніяхъ своихъ въ Италіи, не смотря на нобѣды свои. Хотя бы армія Меласа, говоритъ Жомини, имѣла на десять лѣтъ продовольствія въ Александріи, она не менѣе того была бы отрѣзана отъ коренного основанія своего французскою арміею, овладѣвшею теченіемъ рѣки По и имѣвшею чрезъ Сенъ-Готаръ и Симплонъ свободное сообщеніе съ Швейцаріею.

Отдаленный предметъ дѣйствія заключаетъ въ себѣ сердце непріятельскаго государства, то есть самое мѣсто, въ коемъ сосредоточивается гражданское и военное управленіе, заведенія его и торговля.

Если бы никто не преграждалъ стремленія непріятельской арміи, тогда стояло бы ей только идти впередъ, чтобы достигъ до онаго предмета. Но само собою разумѣется, что сіе стремленіе преграждаемо оборонительною арміею; и потому первая не прежде можетъ овладѣть *отдаленнымъ* предметомъ, какъ послѣ пораженія послѣдней,—вотъ *ближній предметъ дѣйствія*.

Путь дѣйствія въ существѣ своемъ есть путь, избранный наступательною арміею для

скорѣйшаго достиженія до *отдаленнаго* предмета дѣйствія.

Путь сообщенія въ существѣ своемъ есть путь исходящій изъ тыла арміи, разсѣкающій ту часть земли, по коей она прошла, и отвѣсно падающій на средину ея *коренного* основанія.

Пути продовольствія суть пути, по коимъ армія получаетъ съѣстные и боевыя потребности. Сія пути выходятъ изъ всего протяженія *временного* основанія, и соединяясь у арміи, образуютъ *треугольникъ*.

Бовая линія есть протяженіе арміи отъ праваго до лѣваго ея фланга.

Оборонительная армія различествуетъ отъ наступательной въ томъ, что дѣйствуетъ въ срединѣ своего *коренного* основанія, тогда какъ послѣдняя отъ своего удаляется.

Казалось бы по сему, что первая не должна имѣть *пути сообщенія*; но какъ самое *коренное* основаніе заключаетъ въ себѣ части болѣе и менѣе выгодныя для дѣйствія, то и оборонительная армія должна имѣть *путь сообщенія* съ тѣмъ краемъ своего *коренного* основанія, который представляетъ болѣе удобства для ея дѣйствія.

Прибавимъ къ сему и то, что какъ усилія оборонительной арміи клонятся къ отраженію, а не къ завоеванію, то и *отдаленный предметъ дѣйствія* ея состоитъ не въ достиженіи до сердца противнаго государства, а въ достиженіи до *выгоднѣйшей стратегической точки*, находя-

щейся въ собственномъ своемъ моренномъ основаніи, дабы чрезъ занятіе оной можно было ей дѣйствовать совокупными силами на сообщеніе непріятели, заслоняя вритомъ свое собственное сообщеніе.

Пойдемъ далѣе:

Если бы оборонительная армія преграждала стремленіе наступательной арміи на *пути дѣйствія* оной, такъ, чтобы обѣ боевыя линіи воюющихъ армій, разсѣвая его отвѣсно, лежали бы одна противъ другой паралельно: тогда, независимо отъ превосходства въ числѣ войскъ, безъ коего наступательное дѣйствіе не можетъ долго продолжаться, одна уже нравственная сила сего дѣйствія дозволила бы наступательной арміи постепенно тѣснить *ближній предметъ къ отдаленному*, и вмѣстѣ съ симъ достигать до послѣдняго, безъ рѣшительнаго препятствія.

Но не всегда сіе случается. Мы видимъ, что когда оборонительная армія дѣйствуетъ въ срединѣ своего мореннаго основанія, глубокаго и обширнаго, или когда она въ союзѣ съ государствомъ, лежащимъ на одномъ изъ боковъ непріятельской *пути дѣйствія* — мы видимъ, говорю я, что оборонительная армія оставляетъ паралельное свое положеніе и перемѣщается на такой *путь дѣйствія*, который не токмо косвенно, но часто и отвѣсно падаетъ на *путь дѣйствія* непріятели.

Тутъ обстоятельства совершенно измѣняются: оба *предмета дѣйствія* представляются наступательной арміи не на одномъ уже, а на раз-

общенныхъ путяхъ; и съ симъ вмѣстѣ рождается и невозможность проходить мимо *ближняго* предмета къ *отдаленному*; не подвергая себя нападенію во флангъ и въ тылъ.

Что же ей остается дѣлать? Ничего другого, какъ обращаться *боевою линіею* лицомъ къ *боевой линіи* непріятеля; съ которой бы стороны онъ ни явился. Такимъ образомъ подчиняя повороты свои движеніямъ противника, она принуждена бываетъ разсѣкать *боевою линіею* свою собственный *путь дѣйствія* иногда косвенно: тогда *путь сообщенія* ея неудобенъ; иногда располагать *боевую линію* свою вдоль *пути дѣйствія*: тогда *путь сообщенія* ея достигаетъ высшей степени опасности.

Но исправится ли сими поворотами затруднительное положеніе сей арміи? — Нѣтъ. Во-первыхъ, армія сія, отвращенная отъ *отдаленнаго* предмета, превращаетъ наступательное дѣйствіе въ оборонительное, или если и заупрямится продолжать первое противъ *ближняго* предмета, то не по тому уже направленію, которое избрала она при началіи войны. Во-вторыхъ, пространство, отдѣляющее ее отъ коренного основанія, будучи, такъ сказать, подъ рукою непріятеля, не престаётъ подвергаться пресѣченію; въ случаѣ пораженія, или единственно усиленнаго непріятельскаго натиска на тотъ флангъ *боевой линіи*, который лежитъ къ сторонѣ коренного основанія, она лишается и подвозовъ, и отверзтія для отступленія, и наконецъ, при самой удачѣ, она ничѣмъ не можетъ воспользо-

ваться, какъ только волею сраженія; ибо неприятель, заслоня свой *путь сообщенія* своею боевою линією, свободенъ отступать по оному до той точки, на коей соединясь съ подмогою, или опершись на позицію, можетъ возобновить нападеніе.

Само собою разумѣется, что наступательная армія свободна предпринимать такой же родъ дѣйствія противъ оборонительной арміи, когда послѣдняя занимаетъ отвѣсную линію прямоугольныхъ треугольниковъ. Стоитъ только первой перемѣститься въ теченіе войны на *гипотенузу* одного изъ треугольниковъ, чтобы обратить дѣйствіе свое на флангъ неприятеля. Но тутъ предстанутъ слѣдующія двѣ невыгоды: 1) дѣйствіе по *гипотенузу* продолжительнѣе, нежели по отвѣсной линіи; 2) наступательная армія, потерявъ сраженіе на *гипотенузу* противъ арміи, напирющей на нее отъ отвѣсной линіи, или должна неминуемо лишиться единственную своего *пути сообщенія*, или отступить по немъ на одну изъ конечностей коренного основанія своего и чрезъ то открыть все протяженіе онаго покушеніямъ противныхъ отрядовъ или резервной арміи неприятеля.

Дабы охватить оба крыла боевой линіи оборонительной арміи, и чрезъ то преградить фланговому ея перемѣщенію, случается, что наступательная армія предпринимаетъ дѣйствія *двумя путями* отъ двухъ конечностей своего коренного основанія. Но сверхъ того, что способъ сей представляетъ обѣимъ частямъ оной арміи

самые долгіе пути дѣйствія для достиженія до *отдаленнаго* предмета, оборонительная армія, занимая отвѣсную линію прямоугольныхъ треугольниковъ, можетъ обращаться сововупными силами на разобщенныя части наступательной арміи и разбить ихъ по одиночкѣ. Само собою разумѣется, что и оборонительная армія, дѣйствующая такимъ же образомъ, то есть съ обѣихъ конечностей своего *временнаго основанія*, на оба крыла наступательной арміи, находящейся на отвѣсной линіи, подвергается той же участи. (Черт. 1, № № 1, 2, 3 и 4.)

Вотъ коренныя дѣйствія арміи! Обратимся теперь къ партиямъ.

Изложите направленія партій согласно съ направленіями арміи.

Положимъ, что армія дѣйствуетъ параллельно противъ непріятельской, какъ дѣйствовала наша армія въ 1812 году послѣ занятія Французами Смоленска, и Силезская армія въ 1813 году на Кацбахъ и Бобрѣ противъ Макдональда. Въ такомъ случаѣ, для партизановъ, кои принуждены дѣйствовать слишкомъ отдѣльно, представляются великія препятствія въ скоромъ доставленіи свѣдѣнія главнокомандующему о непріятелѣ; слѣдовательно, одинъ изъ предметовъ партизанской войны не можетъ быть совершенно исполненъ. Сверхъ того, чрезмѣрное удаленіе партизановъ отъ арміи похищаетъ у движенія ихъ то согласіе и единство съ движе-

ніями оной, безъ коего ничто рѣшительное на войнѣ произойти не можетъ.

Армія дѣйствуетъ на отвѣсной линіи противъ непріятельской арміи, дѣйствующей по *гипотезамъ*, какъ дѣйствовала французская армія въ 1814 году противъ нашей главной и противъ Силезской арміи во Франціи. Въ семъ положеніи не малая также представляется неудобность партизанамъ арміи, дѣйствующей на отвѣсной линіи. Тѣсняемые съ двухъ сторонъ непріятельскими силами, они обладаютъ столь малымъ пространствомъ для изворотовъ противъ посылаемыхъ на нихъ отрядовъ, что нерѣдко принуждены бываютъ искать убѣжища въ собственной арміи и прекращать набѣги и наблюденія, долженствующіе быть непрерывными. И подлинно, какимъ образомъ (если бы и предположить, что французскія легкія войска способны къ партизанской войнѣ), какимъ образомъ, говорю я, партіи ихъ могли дѣйствовать отъ Парижа и даже отъ Сезана на сообщенія наши съ Базелемъ и Майнцомъ, когда главная наша армія подвигалась отъ Лангра къ Труа, а Силезская шла берегомъ Марны? Скажемъ однако жъ, что партизанская война снова дѣлается полезною, когда армія, дѣйствующая на отвѣсной линіи, перейдетъ фланги непріятельскихъ разобщенныхъ армій и совершенно пресѣчетъ взаимныя ихъ между собою сношенія. Но сіе не можетъ продолжаться долго, потому что она или, будучи подавляема съ обѣихъ сторонъ, принуждена будетъ отступить, какъ отступила

Французская армія отъ Лейпцига, или, пользуясь центральнымъ положеніемъ, какъ должно имъ пользоваться, по обезпеченію одного изъ своихъ фланговъ, обратится на флангъ непріятельской арміи, дѣйствующей по другому *гипотенусу*, и чрезъ то перемѣнитъ *внутреннее* свое дѣйствіе на *фланговое*. Въ обоихъ случаяхъ центрального дѣйствія арміи, считаю необходимымъ прекратить общую партизанскую войну и ограничиться одними частыми, недолговременными поисками малыхъ партій, болѣе для доставленія свѣдѣній о непріятелѣ, нежели для пресѣченія его сообщенія.

Армія дѣйствуетъ по *гипотенусамъ* противъ непріятельской арміи, дѣйствующей на отвѣсной линіи, какъ дѣйствовали въ 1814 году наша главная и Силезская арміи противъ Французской арміи во внутренности Франціи. Полагаю излишнимъ доказывать здѣсь, что сей образъ дѣйствія столько же противенъ выгодамъ арміи, разобщенно дѣйствующей, сколько полезенъ поискамъ партизановъ, ей принадлежащихъ, и что онъ именно потому не достигаетъ еще истинной своей цѣли.

Армія дѣйствуетъ на пути, косвенно или отвѣсно падающемъ на путь дѣйствія непріятельской арміи, какъ дѣйствовала россійская въ 1812 году при занятіи тарутинской позиціи, и въ 1813 по прибытіи ея въ ту часть Богеміи, которая отъ Эльбы до Баваріи простирается. Въ семъ случаѣ, какъ выгоды арміи, такъ и выгоды партій между собою соглашаются и бы-

ваютъ безчисленны, особенно когда непріятель дѣйствуетъ вдоль какой-нибудь естественной преграды, какъ то: моря, широкой рѣки, непроходимой цѣпи горъ, пространнаго болота и даже сильнаго нейтральнаго государства. Замѣтимъ здѣсь, что въ такомъ случаѣ чѣмъ болѣе путь сообщенія непріятеля склоняется на сторону, избранную для дѣйствія партизановъ, тѣмъ безопаснѣе ихъ поиски; ибо, угрожая такому сообщенію, они менѣе опасаются потерять свое собственное, и находятся въ большей связи съ своею арміею, нежели тогда, когда непріятельскій путь сообщенія отклоняется въ сторону, противоположную той, которую партіи избрали для дѣйствія. По моему мнѣнію, никогда мѣстное и случайное положеніе непріятельскаго пути сообщенія не бывало столь выгодно для набѣговъ, какъ въ вышеозначенныхъ двухъ эпохахъ. Въ первую изъ нихъ, партизаны, обладая всѣмъ пространствомъ той части Россіи, которая лежитъ на югѣ большой московской дороги, и пресѣкая единственный путь сообщенія французской арміи (круто склонявшейся отъ Гжати на Вязьму и Смоленскъ), имѣли всю возможность, истребляя транспорты, по сему длинному протяженію двигавшіеся, сохранять черезъ Калугу свободное и безопасное сношеніе съ главною арміею, расположенною въ лагерѣ при Тарутинѣ. Во вторую, хотя линіи непріятельскаго сообщенія не столько подвергались пересѣченію, склоняясь отъ Дрездена на Лейпцигъ и Эрфуртъ: что было къ противоположной

сторонѣ фланга, партизанами обожденнаго; но превосходное положеніе главной арміи при Теплицѣ на отвѣсномъ пути въ отношеніи къ пути дѣйствія непріятеля; и тѣсныя отверзтія Богемскихъ Горъ, отъ Пирны до Гофа, защищенныя нашими войсками; не мало способствовали поискамъ партизановъ къ Лейпцигу и Эрфурту.

Я полагаю, что армія наша, при избраніи предметомъ дѣйствія одинъ изъ фланговъ непріятельской арміи, переносится на тотъ изъ оныхъ, на которомъ можетъ найти болѣе пространства, то есть болѣе *лубины* и *шкроты* изворотамъ своимъ, а не на тотъ, который находится въ небольшомъ разстояніи отъ какой-либо яреграды. Тогда и партизанскіе поиски становятся полезнѣе и безопаснѣе. Въ противномъ же случаѣ, дѣйствія партизановъ стѣснялись бы наравнѣ съ дѣйствіями самой арміи. Напримѣръ положеніе нашей арміи въ 1812-мъ году подъ Тарутинымъ и въ 1813-мъ подъ Теплицою представляли, какъ я уже говорилъ, всѣ выгоды для партизановъ; напротивъ того, при наступательномъ движеніи французской арміи въ 1813-мъ году отъ Лютцена къ Бауцену и далѣе, партизаны, находившіеся между непріятельскимъ правымъ флангомъ и цѣпью горъ, отдѣляющихъ Лузацію отъ Богеміи (земли тогда нейтральной и съ кою обстоятельства понуждали насъ быть чрезвычайно осторожными), подвергались опасностямъ въ то самое время, когда набѣги, предпріятыя партизанами нашего пра-

наго плаща, то есть отъ стороны Магдебурга и Дессау, были въ безопасности и полезны.

Для постоянного и вѣрнѣйшаго пресѣненія всего непріятельскаго сообщенія, партій раздѣляются на три разряда, не считая экстренныхъ партій.

Партіи *перваго* разряда занимають окрестности главной арміи непріятеля.

Партіи *второго* разряда дѣйствуютъ въ той части непріятельскаго сообщенія, которая простирается отъ поля дѣйствія партій 1-го разряда до временнаго основанія непріятельской арміи.

Партіи *третьяго* разряда производять поиски на выгоднѣйшихъ частяхъ того непріятельскаго сообщенія, которое простирается отъ временнаго основанія непріятеля до кореннаго его основанія.

Экстренныя партіи находятся при авангардѣ арміи для непредвидимыхъ предпріятій.

Число партій 1-го разряда не ограничивается: имъ вмѣстѣ съ симъ дается полная воля двигаться во всѣ стороны по общепредѣленному для нихъ пространству, съ тѣмъ только, чтобы онѣ не преступали за рубежъ онаго.

Для опредѣленія числа партій 2-го разряда и выгоднѣйшаго размѣщенія оныхъ слѣдуетъ, во-первыхъ: предварительно обозрѣть на картѣ длину поперечника того пространства, на коемъ назначено партіямъ сего разряда дѣйствовать. Во-вторыхъ: раздѣлить оный поперечникъ на столько частей, сколько онъ заключаетъ въ се-

6½ сотенъ верстъ. * Въ-третьихъ: *выкинуть въ число поперечныхъ путей, разсѣкающихъ сіе пространство и, наконецъ, соображаясь со всѣмъ означеннымъ, размѣщать партіи по слѣдующимъ правиламъ:*

1-е. Если пространство въ поперечникѣ своемъ не болѣе ста верстъ и разсѣкаемо однимъ только поперечнымъ путемъ, тогда надлежитъ помѣстить на семъ пути одну партію (Черт. 2, № 1).

2-е. Если пространство въ поперечникѣ своемъ около двухъ сотъ верстъ и такъ же разсѣкаемо однимъ поперечнымъ путемъ, тогда надлежитъ помѣстить на семъ пути двѣ партіи, и такъ далѣе. (Черт. 2, № 2).

3-е. Если пространство въ поперечникѣ своемъ не болѣе ста верстъ и разсѣкаемо нѣсколькими поперечными путями, *нигдѣ на ономъ не соединяющимися*, тогда надлежитъ помѣстить на каждомъ изъ нихъ по особой партіи. (Черт. 2, № 3.)

4-е. Если пространство въ поперечникѣ своемъ заключаетъ двѣсти или триста верстъ и разсѣкаемо нѣсколькими поперечными путями, *нигдѣ на ономъ не соединяющимися*, то, дабы избѣгнуть чрезмѣрнаго умноженія партій, надлежитъ помѣстить двѣ или три партіи на важ-

* Разумѣется, что послѣднее условіе не должно быть соблюдаемо во всей строгости; ибо искусный партизанъ столько же найдетъ простора для изворотовъ своихъ на 80-ти, какъ и на 90 или на 100 верстахъ.

нѣйшемъ изъ означенныхъ путей, а на прочіе по одной партіи. (Черт. 2, № 4.) Наконецъ . . .

5-е. Ежели пути, исходящіе во множествѣ изъ временнаго основанія, соединяются между собою прежде достиженія до участка, принадлежащаго партіямъ 1-го разряда, и въ продолженіе составляютъ одинъ путь, тогда, не занимаясь корнями сего пути, а соображаясь съ длиною его самого, отъ точки соединенія путей до участка партій 1-го разряда простирающейся, надлежитъ помѣстить на немъ столько партій, сколько заключаетъ онъ сотенъ верстъ въ своемъ протяженіи. (Черт. 2, № 5.) . . .

Польза, происходящая отъ пресѣченія пути, составленнаго изъ многихъ путей, столь велика, что ежели бы оный путь въ протяженіи своемъ не представлялъ довольно простора для изворотовъ партіи, то есть, если бы онъ былъ длиною хотя въ 25 верстъ и меньше, и тогда надлежитъ всѣмъ пренебречь для пресѣченія оного. . . .

Прибѣгнемъ теперь къ примѣрамъ. Въ 1812 году партизаны Фигнеръ и князь Кудашевъ состояли въ 1-мъ разрядѣ. Первый изъ нихъ находился въ селѣ Астафьевѣ, въ 22-хъ верстахъ отъ Москвы на серпуховской дорогѣ, а послѣдній прозводилъ поиски между означенною дорогою и с. Винковымъ. . . .

2-й разрядъ: Генераль Дороховъ около Верей. Партизанъ Есмавинъ около Фоминскаго. Партизанъ Давыдовъ около Вязьмы.

3-й разрядъ. Полковникъ Чернышевъ въ Варшавскомъ Герцогствѣ.

Предполагая, что временное основаніе непріятеля находится въ Гжати, и что всѣ подвозы его производятся по одному только пути, мы перемѣняемъ сіе размѣщеніе слѣдующимъ образомъ:

1-й разрядъ. Партизановъ Фигнера и князя Кудашева оставляемъ на пространствѣ, заключениомъ между можайской и поломонской дорогами, соединяя дороги сіи чертою отъ Кубинскаго на Фоминское, Хотунь и Коломну.

Потомъ, взявъ въ уваженіе 108-верстное разстояніе отъ Кубинскаго до Гжати, разсѣкаемое однимъ только путемъ, мы уменьшаемъ число партій 2-го разряда и прибавляемъ къ партіи 1-го разряда партію Сеславина.

2-й разрядъ. Генераль Дороховъ между Кубинскаго и Гжати.

3-й разрядъ. Партизанъ Давыдовъ между Семлева и Соловьева-переправою. Полковникъ Чернышевъ между Оршею и Борисовымъ. (Черт. 3.)

Примѣръ для второго правила:

Представимъ себѣ, что непріятельская армія, занимая Москву, опредѣлила временное основаніе не въ Гжати, а въ Смоленскѣ, какъ то было въ 1812 году. При обзорѣ карты, мы видимъ, что одинъ только путь разсѣкаетъ пространство отъ Смоленска до участка партизановъ 1-го разряда, и что поперечникъ сего пространства за-

ключаетъ въ себя 290 верствъ.* Итакъ, раздѣлимъ поперечникъ сей на три части и сдѣлаемъ слѣдующую перемѣну въ размѣщеніи:

Остави партіи 1-го разряда на данномъ имъ пространствѣ, мы отбираемъ отъ онаго разряда партію Сеславина во 2-й разрядъ и помѣщаемъ ее между Кубинскаго и Гжати. Генерала Дорохова становимъ между Гжати и Семлева, а Давыдова между Семлева и Соловьева-переправы; 3-й разрядъ полковника Чернышева оставляемъ на мѣстѣ, избранномъ нами въ первомъ примѣрѣ. (Черт. 3.)

Примѣръ для *третьяго* правила:

Разсматривая подробнѣе карту Московской Губерніи, мы примѣчаемъ, что непріятель, занимая столицу, можетъ опредѣлить временное основаніе свое отъ Старицы на Зубцовъ до Гжати и получать подвозы изъ перваго города чрезъ Волоколамскъ и Воскресенскъ, изъ втораго чрезъ Рузу и Звенигородъ, а изъ послѣдняго столповою дорогою:

Соображаясь съ тѣсною разстояніа, коего поперечникъ немного болѣе ста верствъ, и съ направленіемъ трехъ путей, по всему сему разстоянію *нигдѣ между собою не соединяющихся*, мы ставимъ партію Сеславина между Кубинска-

* Мы исключаемъ изъ сего 40 верствъ, т. е. разстояніе отъ Соловьева-переправы до Смоленска, потому что путь сей загражденъ отъ юга самимъ Днѣпромъ и пресѣченіе онаго съ означенной стороны чрезвычайно затруднительно.

го и Гжати, генерала Дорохова между Рузою и Зубцова, а партизана Давыдова между Волоколамскомъ и Старицею.

Надлежитъ замѣтить, что ежели въ подобномъ обстоятельствѣ третій путь чрезмѣрно отдаленъ отъ второго, или неприятель имѣетъ далѣе онаго особыя пути, которые пресѣчь необходимо, то, дабы не подвергать лишней опасности партизановъ, дальнѣе пути наблюдающихъ, слѣдуетъ переменить фронтъ ихъ дѣйствія и не располагать уже ихъ тыломъ къ собственной арміи, но перенести дѣйствіе ихъ за черты означенныхъ путей и обратить къ арміи лицомъ, какъ то было съ отрядомъ генерала Винценгероде 1812 года, въ окрестностяхъ Клина, когда армія занимала Тарутино. Обязанность сихъ отдаленныхъ партизановъ остается та же, кака и дѣйствующихъ на пути сообщенія и на первомъ пути продовольствія, съ тою разницею, что отступление ихъ дѣлается не на черту, занимаемую арміею, а въ противную сторону, и что, по причинѣ отдаленности, всѣ донесенія ихъ доставляются къ главнокомандующему хотя отъ ихъ лица и съ ихъ посланцами, но не прямымъ путемъ, а чрезъ партизана, дѣйствующаго на второмъ пути продовольствія.

3-й разрядъ. Оставя полковника Чернышева между Оршею и Борисовымъ, надлежитъ прибавить къ оному разряду еще одну партію и поставить ее между Семлева и Соловьева-переправою. (Черт. 3.)

Примѣръ для четвертаго правила:

При томъ же положеніи воюющихъ армій и на той же части Россіи, представимъ себѣ, что непріятельская армія опредѣлила временное основаніе свое отъ Велижа на Порѣчье до Смоленска. Къ сему надобно предположить то, что Велижъ имѣетъ прямое сообщеніе съ Москвою, чрезъ Бѣлой, Зубцовъ и Волоколамскъ; Порѣчье чрезъ Духовщину, Сычевку и Рузу, а Смоленскъ столповою дорогою. Къ сему предположенію прибавить надобно и то, что всѣ сии пути не имѣютъ между собою сообщенія до самаго впаденія своего въ Москву. Въ слѣдствіе чего вотъ какъ мы размѣстимъ партіи:

2-й разрядъ. Партизанъ Сеславинъ между Кубинскаго и Гжати. Генераль Дороховъ въ окрестностяхъ Сычевки. Партизанъ Давыдовъ въ окрестностяхъ Бѣлаго за чертою велижскаго пути и обратя фронтъ своего дѣйствія къ югу. Особый партизанъ между Семлева и Соловьева-переправою.

3-й разрядъ. Какъ въ предъидущемъ примѣрѣ. (Черт. 3).

Примѣръ для *пятого* правила:

Для примѣра сему правилу перенесемся въ Саксонію, во время эпохи 1813 года. (Черт. 4.)

Мы помнимъ, что главная непріятельская армія занимала Дрезденъ противъ нашей главной арміи, занимавшей Тѣплицъ; что корпусъ Магдональда находился на Бобрѣ противъ нашей силезской арміи, а корпусъ Удино противъ сѣверной арміи, между Эльбою и Берлиномъ.

Теперь представляются два предположенія:

или временное основаніе непріятеля лежитъ отъ Лейпцига чрезъ Геру до Плауэна, или лежитъ оно отъ Нордгаузена, чрезъ Эрфуртъ и Кобургъ до Баррейта.

Въ обоихъ предположеніяхъ партіи 1-го разряда размѣщаются отъ Таранта до Бауцена, а черта, соединяющая оныя города между собою, идетъ на Диппольдсвальду, Готлебе, Шандау и Румбургъ.

Потомъ, брося взоръ на карту, мы видимъ, что, по первому предположенію, разстояніе отъ востранства, опредѣленнаго партіями 1-го разряда, до временнаго основанія не болѣе 80-ти верстъ, и что шесть путей разсѣкаютъ оное, а именно:

1-й идетъ изъ Лейпцига } и Мейссенъ, гдѣ со-
на Торгау, } соединясь, составля-
2-й отсюда же на Вюрценъ, } ютъ одинъ путь.
3-й отсюда же на Коллицъ и Носсеъ.

4-й отсюда же на Борну, Пенигъ, Хемницъ и Фрейбергъ.

Одинъ путь исходитъ изъ Геры; онъ разсѣкаетъ 4-й лейпцигскій путь у Фробурга и, соединясь съ третьимъ путемъ при Вальдгеймъ, составляетъ одинъ путь.

Наконцѣ, одинъ путь исходитъ изъ Плауэна. Сей путь, соединясь съ 4-мъ лейпцигскимъ путемъ при Хемницѣ, идетъ чрезъ Фрейбергъ. Итакъ, поставя 1-ю партію у деревни Церхне, что возлѣ Мейссена, мы въ одно время пресѣчемъ 1-й и 2-й лейпцигскіе пути. Помѣстя 2-ю партію у Вальдгейма, мы въ одно время пресѣ-

чѣмъ 3-й лейпцигскій путь и путь, идущій отъ Геры; и наконецъ, помѣстятъ 3-ю партію у Хемница, мы въ одно время пресѣчемъ 4-й лейпцигскій путь и путь, идущій отъ Плауэна.

3-й разрядъ. 1-я партія между Кверфуртомъ и Нордгаузеномъ, 2-я у Готы, а 3-я у Вюрцбурга.

Размѣщеніе по второму предположенію: партіи перваго разряда, какъ выше сказано.

Что же касается до партій 2-го разряда, то, взявъ въ уваженіе раздѣленіе на четыре рукава эрфуртскаго пути при Лейпцигѣ, стѣдуетъ только помѣстить одну партію между кезенскою дефилею и Лейпцигомъ, чтобы преградить движеніе всѣхъ подвозовъ, опредѣленныхъ слѣдовать въ Дрезденъ означенными рукавами.

Для пресѣченія же въ одно время пути, идущаго отъ Кобурга, и 2-го эрфуртскаго пути, идущаго на Веймаръ и Геру, надлежитъ поставить 2-ю партію между Геры и Вальдгеймомъ.

Для пресѣченія пути, идущаго отъ Баррейта, слѣдуетъ поставить 3-ю партію между Хемницомъ и Фрейбергомъ.

3-й разрядъ. 1-ю партію надлежитъ поставить при Готѣ, а 2-ю при Вюрцбургѣ.

Наконецъ, коренныя обязанности всѣхъ вообще партизановъ состоятъ во-первыхъ: куда бы воюющія арміи не перемѣщались, какое направленіе или положеніе ни избирали бы онѣ относительно одна къ другой, партизанамъ надлежитъ пресѣкать сообщеніе непріятеля и вмѣстѣ съ симъ сохранять непрерывное сношеніе съ арміею, коей принадлежатъ они.

Во-вторыхъ, по мѣрѣ движенія сей арміи, имъ надлежитъ, не ожидая повелѣній и руководствуясь одними вышензложенными правилами, мгновенно избирахъ выгоднѣйшія части затыльныхъ путей непріятеля и бросаться стремглавъ на оныя.

Въ-третьихъ, сохранять относительно одна къ другой тотъ порядокъ номеровъ, по которымъ они были разставлены въ началѣ кампаніи.

Точное соблюденіе сихъ трехъ коренныхъ обязанностей удержитъ партіи какъ отъ отдаленныхъ зачетовъ за кругъ боевыхъ происшествій, такъ и отъ запутанности между собою въ направленіяхъ и дѣйствіяхъ.

Я ожидаю, что многіе возстанутъ противъ сего ограничиванія свободы партизанскому дѣйствію, почитая полную волю душею всѣхъ дѣлъ, кои подвластны переменчивымъ обстоятельствамъ, требующимъ мгновенной рѣшимости въ начальникѣ и силъ быстроты въ движеніяхъ. Поистинѣ, преграды сіи были бы не только неудобными, но даже вредными, если бы господствовали надъ частными предпріятіями партизановъ, налагая узды на ихъ движенія, нападенія, преслѣдованія и отступленія. Но такое ограниченіе свободы партій относится только до избранія и черембны театра дѣйствій по произволу начальниковъ, вимало не касаясь ихъ боевыхъ предначертаній и нападеній. И въ самомъ дѣлѣ, какъ пресѣчется сообщеніе непріятеля, когда каждый изъ нихъ, двигаясь свое-

вольно и переносилъ изъ края въ край, многа будетъ дѣйствовать; на одной чертѣ съ своимъ товарищемъ; что причинитъ бесполезное сосредоточиваніе и взаимное помѣшательство; иногда чрезъ мѣру, отдаленнымъ вѣдетомъ отиростъ обширное отверженіе несправедливымъ отрядамъ, паркамъ и подводамъ; идущимъ къ арміи, или обратно изъ оной. Наконецъ, какъ сохранится согласіе сихъ частей, независящихъ каждая одна отъ другой, ни отъ главной арміи, — сіе необходимое согласіе, безъ коего партизанская война доставитъ только старую газетчикамъ, личную славу партизанамъ; и добычи нижнимъ чинамъ, партизанствующимъ?

О выборѣ начальника парти.

Начальникъ партизанской бригады прежде набранія войскъ для составленія оной. Онъ никогда не доступаетъ на сіе мѣсто по очереди, или протязъ воли своей; но назначеніе *методика* съ расчетливымъ разумомъ и обостренною душою, хотя бы гдѣ бымо и по собственному его желанію; вреднѣе для службы; нежели выборъ вопреки оному; или по очереди. Сіе исполненное коззи подрище требуетъ романческаго воображенія, страсти къ приключеніямъ и не довольствуется сухою, прозаическою храбростію. Это строфа Байрона! Пусть тотъ, который, не страшась смерти, страшится ответственности, остается передъ глазами начальниковъ; нѣмой исполнитель въ рядахъ ползетъ того врага

своимъ, который всегда за чертою обязанности своихъ, отъ избытка въ предприимчивости; за то сей послѣдній полезнѣе перваго въ дѣлѣ, требующемъ тяжкаго пожертвованія репутаціи и будущности! — Но одинъ духъ недостаточенъ: прозорливость, строгость, безкорыстіе, несуетливость, изворотливость въ соображеніяхъ, сопряженная съ упрямствомъ въ достиженіи цѣли, — суть стихіи партизана; и этого недовольно: ему нуженъ необыкновенный союзъ молодыхъ лѣтъ съ опытностью. Время, надѣлая послѣднимъ, лишаетъ насъ той тѣлесной подвижности, которая партизану необходима и безъ коей всѣ сія естественныя и пріобрѣтенныя дарованія суть не что иное, какъ мертвый капиталъ.* Желательно, чтобы начальникъ партіи не былъ чуждъ и стратегіи, дабы, умѣя предугадывать взаимныя движенія воюющихъ силъ, онъ могъ приворевать къ нимъ движенія своей партіи; и тѣмъ не только наносить болѣе вреда неприятелю, но и обогащать собственнаго пораженія, но, пріобрѣтая болѣе и болѣе опытности, готовить себя къ вышнимъ степенямъ, чтобы съ большею пользою служить отечеству. Пусть каждый партизанъ помнитъ, что Лаудонъ былъ поручикомъ Трежкау Лессе

* Я думаю, что двѣ кампаніи, одна, проведенная на аванпостахъ арміи, а другая подъ начальствомъ искуснаго партизана, достаточны для образованія начальника партіи, если природа и воспитаніе одарили его вышеозначенными качествами.

волонтеромъ при Франклинѣ, а великіи Суворовъ, Прозоровскій, Гольцъ, Цейдлицъ, Винтерфельдъ; Надасти и Ней были начальниками слабыхъ партій. при вступленіи своемъ на военное поприще.

Слѣдую прибавить: начальникъ партій долженъ избраться изъ дѣйствующихъ войскъ; а не изъ чиновниковъ главной квартиры; я говорю о тѣхъ, коимъ она необходима, и которые ей безполезны.

О силѣ и составѣ партій.

Мнѣнія о силѣ и составѣ партій различны. Одними предлагаются малосильныя партіи, другими такъ называемыя *летучіе корпуса*, составленыя изъ всѣхъ родовъ регулярныхъ и нерегулярныхъ войскъ. Первые приводятъ въ доводъ, что малые отряды отъ двухъ до трехъ сотъ казаковъ; не нуждаясь нигдѣ въ пропитаніи, могутъ непрерывно двигаться вдоль непріятельскаго пути сообщенія, или въ промежуткахъ разобщенныхъ частей его арміи, и чаще встрѣчаться съ транспортами, нерѣдко ускользающими отъ сильныхъ партій, окованныхъ собственною тягостью. Послѣдніе, желая согласить сверхъестественную подвижность огромныхъ отрядовъ съ алчностью начальствовать надъ оными, полагаютъ, что довольно уступать, превозносителямъ малосильныхъ партій, если предложить отдѣлить отъ громадъ своихъ малые отряды на сообщеніе непріятеля; главнымъ

же силамъ двигаться только въ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ, или для подкрѣпленія тѣснаго одного изъ своихъ отрядовъ, или для сопротивленія приближающейся силой непріятельской партіи.

Не трудно изложить неудобства и того и другого способа. Соглашаясь въ большей подвижности малосильныхъ партій, я спрашиваю, къ чему послужить ея подвижность, если онѣ не въ состояніи вредить прикрытіямъ транспортовъ армій, столь по нынѣшней системѣ огромныхъ и конхъ каждая часть соотвѣтствуетъ ихъ огромности? Какую пользу принесутъ сіи гарцующіе рыцари вокругъ пути сообщенія непріятели, приступнаго въ пустыхъ мѣстахъ и непркосновеннаго тамъ, гдѣ проходятъ транспорты, то есть тамъ, гдѣ единственная обязанность партизановъ наносить удары?

Что же касается до *летучихъ корпусовъ*, то употребленіе ихъ не менѣе безвозлезно, какъ и малосильныхъ партій: 1) *летучій корпусъ*, обыкновенный регулярною кавалерією, артиллерією, часто и пѣхотою, имѣетъ одно только названіе *летучаго*, но именно по своему образованію теряетъ свое отличительное свойство: *легкость и подвижность*, не говоря уже о разстройствѣ, въ какое приводитъ онъ регулярную легкую конницу чрезъ похищеніе у нея въ составъ свой лучшихъ полковъ или эскадроновъ. 2) Корпусъ такого образованія, по многочисленности своей затрудняясь въ продовольствіи, принужденъ бываетъ или учреждать для

себя, подобно главной арміи, магазины, отъ коихъ уже не осмѣливается слишкомъ удалиться, или, въ случаѣ отдаленнаго поиска, изнурять область, въ которую направляетъ свои набѣги, и оскорбляя необходимымъ грабительствомъ жителей, обращать ихъ болѣе на противную, нежели на свою сторону. Наконецъ 3) *неподвижность* сего *летучаго* корпуса, рано или поздно, откроетъ непріятелю какъ мѣсто его пребыванія, такъ и число войскъ, его составляющихъ, и лишенный чрезъ свою тягость возможности избѣжать нападенія, а чрезъ неравенство въ силахъ способа отразить оное, онъ долженъ или погибнуть безъ пользы, или, лишившись магазиновъ своихъ, съ трудомъ искать убѣжища въ главной арміи.

Будучи чужды причинъ, побуждающихъ отдавать преимущество какъ малосильнымъ партиямъ надъ огромными отрядами, такъ и послѣднимъ надъ первыми, я предлагаю составить каждую партію изъ трехъ казачьихъ полковъ, Донского, Черноморскаго или Уральскаго Войска (предпочтительнѣе изъ Донского). Таковая партія не лишитъ армію ни полковъ, ни эскадроновъ, нужныхъ для строевыхъ битвъ, и по силѣ своей соразмѣрна будетъ какъ для удара, такъ и для подвижности.*

* Равенство въ силахъ каждой партіи необходимо для того, чтобы чрезъ равенство въ способахъ содержать духъ соревнованія въ честолюбивыхъ, прекратить отговорки въ нерѣшительныхъ и дать главнокомандующему

Сверхъ сего, поступаютъ въ сей составъ нѣсколько извѣстныхъ начальнику партій надежныхъ и расторопныхъ офицеровъ для различныхъ препорученій: офицеръ по квартирмейстерской части, два медицинскіе чиновника, одинъ старшій, другой младшій, нѣсколько трубачей и конныхъ барабанщиковъ.

Частныя обязанности начальниковъ партій вступаютъ чрезъ отдѣленій.

Частныя обязанности каждого начальника партій состоятъ :

Въ истребленіи непріятельскихъ транспортовъ, парковъ и проходящихъ войскъ; въ поимкѣ почтъ, курьеровъ и освобожденіи плѣнныхъ своей арміи. Въ преданіи огню магазиновъ, лабораторій, госпиталей и всякаго рода заведеній, въ тылу непріятеля учрежденныхъ.

Въ немедленномъ извѣщеніи объ общемъ и частномъ отступленіи непріятеля; объ идущихъ къ нему подкрѣпленіяхъ; о мѣстахъ, определенныхъ главнымъ хранилищемъ запасовъ; о мѣстахъ, избранныхъ для преобразованія потерпѣвшихъ въ сраженіяхъ корпусовъ, дивизій, бригадъ и полковъ непріятельскихъ; о новыхъ учреждаемыхъ магазинахъ, и наконецъ о строеніи новыхъ укрѣпленій для перемѣны позицій.

средство измѣрить службу каждого начальника партій по всей истинѣ.

Въ умноженіи препятствій для непріятельской арміи въ случаѣ ея отступленія.

Въ избѣжаніи непріятельскихъ нападеній и въ нанесеніи ударовъ тамъ, гдѣ они менѣе ожидаемы.

Распоряженія начальника партіи прежде выступленія въ походъ.

Принявъ партію, начальникъ оной дѣлаетъ счетъ доброконнымъ нижнимъ чинамъ, и беретъ свѣдѣніе о расторопнѣйшихъ казакахъ, урядникахъ и офицерахъ для употребленія ихъ на службу, требующую болѣе прозорливости, нежели обыкновенная; уменьшаетъ *каши** вполвину противъ положенія, то есть, опредѣляетъ по одной вьючной лошади на 20-ть человекъ, и, подавая собою примѣръ безкорыстія и умѣренности, наистрожайше воспрещаетъ обременять партію прибавленіемъ лошадей въ *кашахъ*, гдѣ назначается по одному худоконному казаку на двѣ лошади.

Кашы слѣдуютъ за полками, а во время дѣла становятся на высотахъ, внѣ выстрѣла; но устроятся такъ, чтобы казаться не *кашами*, а резервомъ партіи, и при нихъ оставляется половинное число конныхъ барабаничниковъ.

Бываетъ, что худоконные казаки присвоиваютъ себѣ лошадей помѣщичьихъ; своихъ же

* Такъ называются казацкіе обозы, составляемые изъ однихъ вьючныхъ лошадей безъ повозокъ.

(подъ предлогомъ, что жаль бросить донскую лошадь единственно за изнуреніемъ отъ гоньбы, за легкою ранюю, или за болѣзнію) отправляютъ въ *каши*, гдѣ, навьючивъ ихъ незаконно приобрѣтенными вещами, только-что умножаютъ тягости, и въ то же время открываютъ новую стезю къ грабительству и разврату.*

Для предупрежденія сего, начальникъ партіи, имѣя необходимость въ доброконныхъ казакахъ, и зная цѣну силы и легкости донскихъ лошадей, дополняетъ комплектъ лошадей не иначе, какъ посредствомъ реквизиціи, и только въ такомъ случаѣ, когда самъ удостовѣрится во временной неспособности представленныхъ ему казаками лошадей. Сіи лошади отправляются въ *каши*, съ тѣмъ однако жъ, чтобы, кромѣ попоны, ничего на нихъ не было, и чтобы онѣ, по ихъ выздоровленіи, поступали на службу казакамъ, лишившимся собственныхъ лошадей въ сраженіи. Хозяинамъ предоставляется выборъ пользоваться ими, или реквизиционными лошадьми; но во всякомъ случаѣ слѣдуетъ, чтобы

* Въ казачьихъ полкахъ иногда достается одному казаку вести за собою по пяти лошадей, привязанныхъ къ хвосту одна другой; не смотря на то, полковые *каши* бываютъ столь огромны, что часто занимаютъ третью часть полка веденіемъ заводныхъ лошадей. Я думаю, что, уменьшивъ *каши* вполовину противъ положенія и опредѣливъ по одному казаку на двѣ лошади, строгій и безкорыстный партизанъ дастъ *кашамъ* болѣе подвижности, прекратитъ грабительство и уменьшитъ расходъ казакамъ на бесполезную службу.

тѣ или другія поступали на службу опѣшившимъ казакамъ и даромъ не были бы водимы. Если заболѣвшія лошади совершенно неспособны, то, замѣняясь реквизиціонными, оставляются на мѣстѣ.

Правда, что, избѣгая одного неудобства, впадаемъ въ другое: ибо если не казаки, то начальникъ партіи легко можетъ данную ему власть на реквизиціи обратить во зло, и вмѣсто того, чтобы всѣхъ реквизиціонныхъ лошадей употреблять на службу, можетъ частію оныхъ удовлетворять корыстолюбію своему, и, при полномъ числѣ, налагать подать сію единственно для собственной выгоды. Но ежели необходимо, чтобы партія, удаленная отъ всѣхъ средствъ и пособій своихъ, замѣняла убитыхъ и изувѣченныхъ лошадей обывательскими лошадьми, то неужели отъ опасенія, чтобы казаки или начальникъ партіи не воспользовались нѣсколькими клячами у жителей, мы оставимъ сотни храбрыхъ воиновъ безъ дѣйствія? Почему не избрать изъ двухъ золъ то, которое миновать удобнѣе? Что препятствуетъ намъ, запрета казакамъ своевольныя реквизиціи, позволить оныя одному начальнику партіи, извѣстному арміи и дарованіями своими и непоколебимою честностью?

Казаки, тяжело больные, по освидѣтельствованіи старшаго медицинскаго чиновника, остаются при арміи, а слабые слѣдуютъ на коняхъ за партією. Если же во время похода больной придетъ въ совершенное разслабленіе, въ та-

комъ случаѣ позволяется сложить его на подводу, которая перемѣняется предъ каждымъ переходомъ непременно, и къ коей привязывается лошадь казака. Между тѣмъ наблюдается строго, чтобы на сей подводѣ кромѣ сѣна для подстилки, кромѣ сабли, дротика, пистолетовъ и шинели больного, ничего не находилось; не позволяется даже класть на нее ни саквы, ни чемодана, которые должны быть при сѣдлѣ оставлены, какъ прежде болѣзни его. Вислѣдствіи объясню, для чего берутся сіи мѣры, и сколь необходимы онѣ въ случаѣ пораженія партіи.

При умноженіи больныхъ, кладутся они по два на малыя подводы, по три и по четыре на большія (какъ то было въ Германіи). За исправность сей части отвѣчаетъ старшій медицинскій чиновникъ. Всѣ больные и раненные находятся при партіи, пока не предстанетъ случай отослать ихъ въ учрежденный начальникомъ партіи госпиталь, о коемъ я буду говорить въ статьѣ о *пунктъ сношеній* съ главною арміею.

Каждый казакъ возитъ въ торокакъ на двое сутокъ хлѣба и на сутки овса, которыми пользуется только въ чрезвычайныхъ случаяхъ и не иначе, какъ по особенному дозволенію начальника, перемѣняя однако жъ хлѣбъ каждыя пять сутокъ. Для продовольствія партіи на-

Въ семъ случаѣ сухари предпочитаются хлѣбу, потому что не требуютъ перемѣны; но имѣетъ ли партія время заниматься иеченіемъ хлѣба и сушеніемъ сухарей?

значается одинъ изъ находящихся при ней регулярныхъ офицеровъ, который съ нужною для сего командою бываетъ всегда въ авангардѣ, и по прибытіи своемъ къ городу, мѣстечку или деревни, для отдохновенія или ночлега, требуетъ, по числу людей и лошадей, скорѣйшей выставки всего нужнаго. По прибытіи же партизанъ посылаетъ за пріемниками и раздаетъ по полкамъ все ему доставленное. Впрочемъ, сей чиновникъ имѣетъ право возить нѣкоторое количество овса на взимаемыхъ подводахъ, которыя необходимо перемѣняются предъ каждымъ переходомъ и слѣдуютъ за большими. Для сокрытія силы отряда, онъ можетъ требовать провіанта и фуража вдвое противъ того, сколько нужно на наличное число людей и лошадей, отрядъ составляющихъ: двойная порція хлѣба не отягощаетъ желудка на походѣ, а лишній овесъ кладется на подводы. Сей обозъ, кромѣ пяти или осьми казаковъ, стрегущихъ подводчиковъ, никакого другого прикрытія не имѣетъ; во время дѣла становится за *кашами*, и, въ случаѣ неудачи, отдается неприятелю безъ малѣйшаго сопротивленія, исключая больныхъ, которые заблаговременно сажаются на своихъ лошадей и ожидаютъ послѣдствія дѣла: когда успѣхъ съ нашей стороны, то они снова укладываются на подводы; когда же съ противной, то, съ помощію находящихся при транспортѣ казаковъ, уѣзжаютъ вмѣстѣ съ *кашами* въ назначенное до начала сраженія *сборное мѣсто*.

Что жъ касается до запаснаго хлѣба, то, для

перевозки онаго, подводъ не опредѣляется, ибо его вездѣ найти можно въ достаточномъ количествѣ на 1,500 человекъ; а если гдѣ онаго нѣтъ, то казаки, съ дозволенія—какъ я уже говорилъ—начальника партіи, употребляютъ свой двухдневный провіантъ, возимый въ торокахъ, ущербъ коего дополняется въ первомъ городѣ, или мѣстѣчкѣ. Всѣ казаки, находящіеся при транспортѣ овса и при чиновникѣ, назначенномъ для продовольствія партіи, перемѣняются всякія сутки непремѣнно.

Начальнику партіи необходимо опредѣлить при себѣ одного изъ командированныхъ къ нему регулярныхъ офицеровъ, который бы сочинялъ рапорты къ главнокомандующему, повелѣнія, наряды и приказы по партіи, требованія къ земскимъ начальникамъ той области, въ которой партія дѣйствуетъ, и отношенія къ ближайшимъ партизанамъ; который велъ бы журналъ входящимъ и исходящимъ бумагамъ, держалъ бы счетъ плѣннымъ, трофеямъ и проч.

Долгъ офицера по квартирмейстерской части состоитъ въ *рекогносцировкахъ*, или обзрѣніяхъ; въ избраніи выгоднѣйшихъ мѣстъ для кочеванья партіи; въ разставленіи, вмѣстѣ съ начальникомъ партіи, пикетовъ и заставъ; въ легкой глазомѣрной съемкѣ мѣстъ сраженій и каждаго перехода; къ чему присовокупляются записки и собственныя его замѣчанія, дабы въ такомъ случаѣ, когда главная армія или корпусъ, ей принадлежащій, придутъ на которое нибудь изъ сихъ мѣстъ, онъ могъ бы дать всѣ

нужныя свѣдѣнія генераль или оберъ-квартирмейстеру арміи, или корпуса.

Въ первомъ приказѣ своемъ начальникъ партіи излагаетъ порядочно, ясно и кратко всѣ правила, которыя должны быть соблюдаемы полковыми командирами, офицерами и нижними чинами касательно ихъ обхожденія съ жителями, переходовъ, ночлеговъ, дневокъ, пріема фуража и провіанта, раздѣла добычи, разѣздовъ, содержанія заставъ, пикетовъ, и наконецъ порядка въ нападеніяхъ, преслѣдованіяхъ или отступленіяхъ.

О партіи на маршѣ.

По учрежденіи всего нужнаго для похода, партія отдѣляется отъ арміи и потаенно идетъ внѣ черты разѣздовъ и партій, посылаемыхъ неприятелемъ изъ главной его арміи.

Обыкновенный порядокъ марша каждой партіи есть слѣдующій: за авангардомъ идетъ партія по подкамъ, *съ шестью коней*, дабы ея протяженіе не было слишкомъ велико; за партіею слѣдуютъ *каши*, больные и транспортъ съ овсомъ. Все заключаетъ арріергардъ подъ начальствомъ одного изъ регулярныхъ офицеровъ, котораго первая обязанность ни кому и ни подъ какимъ видомъ не позволять отставать отъ партіи, а еще менѣе оставаться въ деревняхъ. Малѣйшая жалоба изъ тѣхъ деревень, чрезъ кои пройдетъ партія, должна быть на его отчетѣ. На привалахъ и ночлегахъ начальникъ арріер-

гарда рапортуетъ начальнику партіи обо всемъ, что происходило, и представляетъ виновныхъ для наказанія.

Авангардъ, прибывши къ мѣсту ночлега, немедленно заводитъ *временные пикеты*, которые не пропускаютъ жителей за *черту*, ими занимаемую, а людей, изъ окрестныхъ мѣстъ проходящихъ, представляютъ начальнику партіи. Мѣры сіи наблюдаются и настоящими пикетамъ. Въ то же время посылаются *ближніе разъѣзды* по всѣмъ радіусамъ дорогъ, сосредоточенныхъ въ мѣстечкѣ, или деревнѣ, гдѣ должна остановиться партія, и ко всѣмъ скрытымъ мѣстамъ, вокругъ оной находящимся. Соединившись съ авангардомъ, партія располагается по обѣимъ сторонамъ дороги, по которой предполагается свое отступленіе, въ случаѣ атаки, превосходными силами, или деревню, или мѣстечко, у коего остановилась, впереди фронта; люди не удаляются отъ онаго ни на шагъ и не снимаютъ ни чемодановъ, ни саквъ, пока не возвратятся первые разъѣзды, посланные отъ авангарда на небольшое разстояніе.

Между тѣмъ настоящіе пикеты и заставы заводятся самимъ начальникомъ партіи вмѣстѣ съ офицеромъ по квартирмейстерской части. По прибытіи *ближнихъ разъѣздовъ*, отправляются приемщики въ мѣстечко при одномъ офицерѣ. Если нужно нѣкоторымъ казакамъ идти въ оное, для покупки чего необходимаго, то отпускаются они командами, при исправномъ урядникѣ, который имѣетъ строжайшій за ними надзоръ и

отвѣчаетъ за ихъ поведеніе. * Такия команды посылаются только во время дня и должны возвратиться къ куренямъ прежде вечера. По прибытіи ближнихъ отправляются дальніе разъѣзды по всѣмъ дорогамъ, соединяющимся въ мѣстечкѣ, за коимъ расположена партія. Начальникъ партіи назначаетъ деревни, до которыхъ они должны дойти непременно, отырывая притомъ и такія, которыя въ небольшомъ разстояніи отъ дорогъ находятся. Въ доказательство, что разъѣзды точно доходили до пунктовъ, имъ назначенныхъ, всякій офицеръ, или урядникъ, разъѣздомъ начальствующій, приводитъ записку отъ старшины той деревни, до которой имѣлъ повелѣніе дойти, или приводитъ изъ сей деревни одного жителя.

Если дальніе разъѣзды возвратятся къ партіи за часъ или за два до заката, то за полчаса предъ однимъ посылаются снова ближніе разъѣзды. Во всякомъ случаѣ, за часъ передъ закатомъ казаки увязываютъ чемоданы и саквы и должны быть готовы къ отраженію, къ напа-

* Если удивятся, что я такъ часто упоминаю о способахъ пресѣченія грабительствъ опредѣленнаго на поиски войска, то сему причиною знаніе того ужаснаго вреда, который отъ нихъ происходитъ: ненависть жителей, развратъ всей партіи, сомнѣніе въ точности разъѣздовъ и пикетовъ, безконечное умноженіе тягостей и уменьшеніе наличнаго войска; при малѣйшей остановкѣ, разбродъ всей партіи по деревнѣ, или по городу, и наконецъ вѣрное и постыдное пораженіе: вотъ что ожидаетъ потатчику съвоевольства и разхищенія!

денію или къ отступленію. Если жъ начальникъ партіи останется по какому-нибудь обстоятельству и часть наступающаго дня на прежнемъ мѣстѣ, то, по возвращеніи *ближнихъ разъѣздовъ* или *дальнихъ разъѣздовъ днемъ*, онъ позволяетъ людямъ снова свободно отдыхать и отвязать саквы и чемоданы. Въ теченіе дня посылаются два *дальніе разъѣзда*, которые ходятъ потаеннѣе ночныхъ, ибо ихъ дѣло *открывать непріятеля, а не извѣщать его о прибытіи партіи*.

За ложныя тревоги пикетные и разъѣздные не наказываются: лучше быть двадцать разъ напрасно встревоженнымъ, нежели одинъ разъ внезапно атакованнымъ, что нерѣдко бываетъ тогда, когда пикетные и разъѣздные опасаются наказанія за ошибочное извѣстіе о движеніяхъ непріятеля. Тревожнымъ казакамъ позволяется ѣхать во всю прыгъ не въ виду партіи; а въ виду ея не иначе, какъ легкою рысью, и прямо къ куреню начальника партіи, для объявленія о происшедшемъ. Сей послѣдній немедленно садится на коня, велитъ трубить, по обстоятельствамъ, къ *походу* или *тревогу*, и ѣдетъ во всю прыть къ мѣсту, гдѣ примѣченъ непріятель; велитъ партіи строиться: днемъ на мѣстѣ, ею занимаемомъ, а ночью въ нѣкоторомъ разстояніи отъ онаго, правѣе или лѣвѣе огней бивака, на которые непріятель обыкновенно устремляетъ нападеніе, и которые, сверхъ того, умножаютъ темноту передъ фронтомъ. Такое перемѣщеніе способствуетъ и ко взятію непріятеля во флангъ.

Каждый полкъ наряжаетъ на сутки по одной

сотнѣ подѣ названіемъ *готовыхъ*. Сія сотня остается при полку, имѣя обязанностью, въ случаѣ тревоги, мгновенно садиться на коней и стремиться съ начальникомъ партіи на помощь къ атакованной заставѣ; почему люди и лошади, ее составляющіе, не облегчаются цѣлыя сутки.*

Объ учрежденіи пункта сношенія съ главною арміею и въ немъ госпиталя партіи.

Подвижность и быстрота суть коренныя свойства всякой части войска, опредѣленной на

* Имѣвъ счастье находиться пять лѣтъ сряду при покойномъ князѣ П. И. Багратионѣ адъютантомъ и бывъ ближайшимъ пріателемъ покойному же генералу Кульневу, въ школѣ котораго я, такъ сказать, прошелъ курсъ аванпостной службы въ 1808 году въ сѣверной Финляндіи, и въ 1810 году въ Турціи, я не могу еще привыкнуть къ безопасности нѣкоторыхъ отдѣльныхъ и аванпостныхъ начальниковъ, изъ которыхъ многіе полагаютъ доказать свою храбрость пренебреженіемъ предосторожностей, необходимыхъ для безопасности войска, имъ ввѣреннаго. Вѣрно, Багратионъ и Кульневъ не уступали имъ въ смѣлости; но во время присутствія ихъ въ авангардѣ или на аванпостахъ никогда не снимали они мундира, не запрещали будить себя для выслушванія даже обыкновенныхъ рапортовъ отъ развѣдныхъ начальниковъ, не поручали другимъ разставленія пикетовъ и заставъ, и всегда особенно наблюдали за посылаемыми для развѣдыванія о непріятель развѣздами. Я помню, что первый говаривалъ: «Непріятель разбить меня можетъ, но соннаго «не застанеть.» Другого слова были: «Я не сплю, что-бы всѣ спали.»

внезапные удары. Будучи увѣренъ въ сей истинѣ, я старался въ предшествовавшихъ статьяхъ освободить партію отъ всѣхъ тѣхъ тягостей, съ коими ни подвижность, ни быстрота несомнѣстны: я ограничилъ количество овса, возимаго при партіи, и рѣшительно отвергъ транспорты съ провіантомъ. Но какъ совлечь бремя, неотдѣльное отъ самаго существа партіи? Какъ избѣгнуть влеченія за ней раненныхъ, больныхъ и отбитой добычи, съ каждою дракою съ каждымъ усиленнымъ переходомъ умножающихся?

Многіе полагаютъ, что начальникъ партіи не прежде долженъ предпринимать поиски, какъ предварительно основавъ въ безопасномъ отъ непріятеля городѣ, или селѣ, родъ *пристани*, которая бы служила ему хранилищемъ всѣхъ съѣстныхъ и военныхъ запасовъ, убѣжищемъ для больныхъ и раненныхъ казаковъ, мѣстомъ для складки похищенной у непріятеля добычи; словомъ, магазиномъ для всякаго рода тягостей, партіи принадлежащихъ. Взявъ сію нужную предосторожность, начальникъ партіи долженъ устремиться на непріятельскій путь сообщенія, дѣйствовать по произволу столько времени, сколько будутъ позволять обстоятельства, возвращаться къ своей *пристани* для раздѣла добычи, для отправления плѣнныхъ и отбитыхъ трофеевъ, для сложенія раненныхъ; и, по совершеніи сихъ обязанностей, возобновлять набѣги. Но могутъ ли выгоды такого образа дѣйствія равняться съ его неудобствомъ? Безъ сомнѣнія,

партія, освобожденная отъ всѣхъ тягостей, вольная въ ходу, не озабоченная продовольствіемъ своимъ, способнѣе и быстрѣе можетъ дѣйствовать на разныхъ пунктахъ пути сообщенія и путей продовольствія непріятеля; но, угрожая источнику его существованія, она подвергаетъ хранилище своихъ собственныхъ потребностей истребленію. Опасеніе ея въ семъ отношеніи должно быть тѣмъ живнѣе, что она, по малочисленности своей въ сравненіи съ непріятельскою арміею, не въ состояніи разорить всѣхъ ея заведеній, тогда какъ и слабый отрядъ непріятеля, пользуясь ея отдаленіемъ отъ *пристаней*, можетъ нанести ей чувствительнѣйшій ударъ безъ малѣйшаго усилія. Къ тому же я опасаясь, чтобы заботы о сохраненіи столь важнаго предмета не имѣли слишкомъ сильнаго вліянія на дѣятельность начальника партіи, и не сообщили его планамъ и предпріятіямъ той чрезмѣрной осторожности, которая вовсе не прилична партизану. Между тѣмъ нужно замѣтить и то, что непріятель чѣмъ долѣе останется въ невѣдѣніи о такой *пристаней*, тѣмъ позднѣе партія лишится въ ней своихъ заведеній, и тѣмъ потеря ея будетъ важнѣе и убытокъ чувствительнѣе. Прибавлю: если партія и дѣйствительно, при началѣ своихъ движеній, должна освободиться вышесказаннымъ средствомъ отъ неудобства влачить за собою собственныя тягости, то выгода сія продолжается не далѣе перваго *приза*. Тогда она снова принуждена бываетъ или обременять себя отбитыми тягостями, или отсылать

ихъ въ пристань съ большимъ конвоемъ, который, обезсиливая партію, самъ не довольно бываетъ силенъ, чтобы, въ случаѣ нужды, противостать нападенію непріятельскому.

Другой способъ, совершенно противоположный первому, состоитъ въ движеніи всей партіи совокупно, не назначаетъ ей никакой *пристани* и дозволяетъ всему *каравану* слѣдовать за партію. Таковъ образъ дѣйствія, по моему мнѣнію, еще безобразнѣе вышеописаннаго. Если онъ освобождаетъ отъ заботы прикрывать *пристань*, всегда непріателемъ угрожаемую, то совершенно отягощаетъ ходъ партіи; и, въ случаѣ даже легкой неудачи, лишаетъ и нужнѣйшихъ потребностей и прибрѣтенной добычи, и слѣдующихъ за партію больныхъ и равенныхъ. Сверхъ сего, главнаго неудобства, онъ представляетъ способы нижнимъ чинамъ заниматься болѣе грабительствомъ, нежели настоящимъ дѣломъ, такъ что фуры, или телѣги, опредѣленные для возки провіанта; непремѣнно наполняются ограбленными вещами. Вскорѣ подводы умножаются подъ предлогомъ умноженія больныхъ, за *неимлніемъ которыхъ*, для обмана начальника, употребляются здоровые люди; и сіе злоупотребленіе столь усиливается, что часто видимъ по одному человѣку на подводѣ, готовой развалиться подъ тягостью пожитковъ, отнятыхъ насильно у мирныхъ жителей. Если начальникъ партіи, испугавшись такого умноженія тягостей, велитъ отправить въ госпиталь главной арміи тяжело страдающихъ, то это

произведетъ другого рода безпорядокъ. Для прикрытія сего транспорта отберутся (тайно же отъ него) надежнѣйшіе и расторопнѣйшіе люди, которые, забравши съ собою всё, нѣкоторой цѣны стоящія, пограбленныя вещи, отправятся въ главный госпиталь и, сдавши больныхъ, вустятся странствовать нерѣдко до самой своей родины, и послѣ несчетныхъ грабительствъ не прежде возвратятся къ партіи, какъ въ концѣ кампаніи, оправдывая себя незнаніемъ того мѣста, гдѣ она находилась. Тотъ ошибается, кто подумаетъ, что такимъ транспортомъ облегчается партія. По отправленіи одной части больныхъ, осталная точно такимъ же средствомъ умножается и такимъ же средствомъ, будучи нѣсколько разъ отсылаема въ главные госпитали, приводитъ наконецъ партію въ такое истощеніе, что она принуждена бываетъ, если не усилить ее новыми войсками, прекратить свои дѣйствія. Но пусть партія будетъ въ цвѣтущемъ состояніи, и тогда, при открытіи непріятеля, начальникъ ея поневолѣ долженъ оставить значную часть своего отряда для прикрытія обоза и тѣмъ обезсилить боевое отдѣленіе. Въ случаѣ же удачи, при должномъ извѣстіи какого-либо плѣннаго о близости свѣжаго непріятельскаго отряда, онъ принужденъ прекратить необходимое преслѣдованіе пораженнаго непріятеля и, опасаясь подвергнутъ истребленію огромный *караванъ* свой, довольствоваться, половиннымъ успѣхомъ. Я распространяю статью сію не въ соразмѣрности, можетъ быть, съ другими

статьями сего сочиненія. Нельзя сдѣлать иначе. Необходимость облегчить партію въ ходу ея столько связана съ пользою, отъ партизанскаго дѣйствія ожидаемою, что должно употребить всѣ старанія для искорененія предразсудковъ, и понынѣ касательно сего господствующихъ. Но чѣмъ замѣнимъ мы опровергаемые нами оба способа?

Изберемъ средину между двумя крайностями.

Представимъ себѣ, что партія достигла до участка, по которому опредѣлено ей спуститься на сообщеніе непріятеля. Первый предметъ начальника оной состоять будетъ въ избраніи города (или села) на таковомъ разстояніи отъ непріятельскаго пути сообщенія, который былъ бы сколько возможно внѣ опасности отъ нападенія. Онъ будетъ служить ему *храмомъ* больныхъ и раненныхъ и пунктомъ *передачи* трофеевъ, плѣнныхъ и извѣстій въ главную армию, но *въ немъ никакого магазина не учреждается и партія доходитъ до него не иначе, какъ тѣснимая непріятелемъ.*

Въ сей городъ назначается начальникомъ одинъ изъ регулярныхъ офицеровъ, при партіи находящихся. Его военная команда состоять будетъ въ 50 казакахъ и урядникѣ.

Обязанность его заключится въ сохраненіи порядка въ городѣ и окрестностяхъ онаго, на разстояніи 10-ти, или 15-ти верстъ; въ надзорѣ за госпиталемъ, находящимся подъ вѣдѣніемъ младшаго медицинскаго чиновника; въ сосредоточеніи посреди города достаточнаго

числа запряженныхъ подводъ, для всмеленнаго перемѣщенія больныхъ и раненныхъ на другой пунктъ, въ случаѣ угроженія сему пункту непріателемъ; въ передачѣ въ главную квартиру трофеевъ и плѣнныхъ посредствомъ обывателей и нѣсколькихъ казаковъ команды его; въ выдачѣ квитанцій начальникамъ, приводящимъ плѣнныхъ и доставляющимъ трофеи; въ полученіи таковыхъ же при сдачѣ плѣнныхъ и трофеевъ въ главную квартиру; въ прегражденіи пути къ оной, также и въ проживаніи въ городѣ казакамъ и чиновникамъ партіи, безъ особой на сіе записки отъ начальника партіи; и наконецъ, въ учрежденіи вокругъ города на разстояніи 10-ти или 15-ти верстъ сельской извѣщательной стражи, подобно той, которая учредить-ся должна въ кругу дѣйствія партіи, и до коей почитаю за нужное коснуться мимоходомъ.

Если воюющія арміи стоятъ одна противъ другой долго на одномъ мѣстѣ (какъ то было послѣ занятія Москвы и послѣ побѣды при Кульмѣ), то, дабы не изнурить себя вдаль посылаемыми разъѣздами, которые, при самой величайшей скрытности въ розыскахъ, нерѣдко бываютъ примѣчаемы непріателемъ и тѣмъ возбуждаютъ въ немъ осторожность, противную выгодамъ партизана, я предлагаю образованіе сельскихъ извѣщательныхъ постовъ вдоль по всему участку, партизану опредѣленному. Для сего нужно:

1-е. Дружеское обхожденіе съ обывателями и наистрожайшая справедливость въ разборѣ

случающихся споровъ и несогласій между казаками и жителями.

2-е. Предварительное объявленіе чрезъ земскую полицію о вступленіи партіи въ опредѣленную ей область для защиты оной, и вызовъ обывателей помогать ей послѣшными увѣдомленіями о проходящихъ непріятельскихъ отрядахъ и транспортахъ.

Въ слѣдствіе чего требуется: быстрое распространеніе циркулярнаго повелѣнія мѣстнымъ начальникамъ о немедленномъ образованіи во всякомъ городѣ, мѣстечкѣ и деревнѣ сельскихъ конныхъ пикетовъ. Сіи пикеты состояются изъ трехъ или четырехъ обывателей, на обыкновенныхъ ихъ собственныхъ лошадяхъ.

По полученіи извѣстія о непріятелѣ, ѣздовой скачетъ во всю прыть отъ своего пикета къ ближайшему, передаетъ ему извѣстіе и возвращается немедленно въ свою деревню.

Образовавъ сіе вспомогательное средство, для обезпеченія партіи отъ нечаянныхъ нападений, начальникъ оной весьма ошибается, если найдетъ его достаточнымъ для безопасности своего отряда, и въ такомъ мнѣніи ограничитъ остерегательную свою дѣятельность; еще болѣе ошибется онъ, если на сельскихъ извѣщеніяхъ основывать будетъ свои предпріятія на отряды или транспорты непріятельскіе. Свѣдѣнія, получаемыя чрезъ обывателей посредствомъ изустнаго преданія, не могутъ быть ни столь вѣрными, ни столь удовлетворительными, какъ свѣдѣнія, получаемыя чрезъ разъѣзды.

Начальнику партіи остается здѣсь довольствоваться тѣмъ только, что, устремляя мысли обывателей на одинъ предметъ съ нимъ и занимая безпрестанно ихъ безпокойную дѣятельность въ содѣйствіи партіи, онъ обращаетъ ихъ на свою сторону, и чрезъ то обезпечиваетъ себя не только относительно помощи, подаваемой ими не-пріятелю, но также и отъ внезапныхъ нападений сего послѣдняго на партію.

О дѣйствіи партіи.

Всякая атака партіи производится *явно* или *внезаяно*; первая чаще употребляема бываетъ противъ войскъ, вторая противъ обозовъ.

Первый способъ, будучи согласенъ съ коренными правилами общей тактики, имѣетъ основаніемъ тѣ же простыя истины, что *десять человекъ сильнѣе одного, и что, по естественному образованию всякаго человека, онъ слабѣе сбоку и сзади, нежели спереди*. Слѣдовательно долгъ партизана состоитъ въ направленіи большаго числа людей на тотъ пунктъ, коего занятіе для него выгоднѣе, и въ нанесеніи главныхъ ударовъ въ бока и въ тылъ, а не въ лицо не-пріятельской линіи.

Сколько средство сіе ни облегчаетъ усилія атакующей партіи, надобно однакожь полагать, что и не-пріятель приметъ мѣры къ отраженію войскъ, пустившихся первыми въ атаку. Дабы положить преграду покушенію не-пріятеля и избѣжать въ семъ случаѣ замѣшательства, слѣ-

дуетъ избрать такой распорядокъ, который бы основывался не на одной физической, но и на нравственной силѣ. Всякое подкрѣпленіе атакующей, или атакованной части, теряетъ вѣсь свой, когда направляется въ средину битвы. Въ семъ случаѣ физическая сила ограничена тѣмъ, что отраженная часть, требующая подкрѣпленія, еще заслоняетъ мѣсто свѣжему удару войска, подошедшему на подкрѣпленіе; а нравственная сила слабѣетъ отъ того, что сіе подкрѣпленіе, проходя между разстроенными передовыми войсками, невольно впитываетъ въ себя страхъ и безпорядокъ, въ нихъ господствующій. Тѣ, кои хотѣли согласить направленіе резервовъ въ средину битвы съ средствомъ не преграждать ими отливъ отраженныхъ войскъ, тѣ изобрѣли образъ дѣйствія, называемый *по шахматному*. Но сверхъ того, что интервалы, находящіеся между частями, расположенными *по шахматному*, разрушаютъ единство въ натискѣ всей линіи, и приманиваютъ, такъ сказать, дерзкаго непріятеля ворваться въ оныя; они еще и сами собою не могутъ сохранять тотъ порядокъ, въ какомъ бывають представляемы на планахъ изобрѣтателей или на мирныхъ поляхъ экзерциціи. И въ самомъ дѣлѣ, какой точности ожидать можно въ направленіи, гдѣ дымъ, пыль, груды мертвыхъ тѣлъ, волненіе во фронтѣ, составленномъ изъ людей, а не изъ шашекъ—все можетъ причинить въ иномъ мѣстѣ стѣсненіе интерваловъ, а въ другомъ чрезмѣрное расширеніе оныхъ? Чтобы понять

сіе, недостаточно знать войну по книгамъ, по планамъ и по маневрамъ, или смотрѣть на сраженія съ высотъ, внѣ выстрѣловъ и сѣчи: надобно самому пробиться сквозь сію ужасную тропу испытанія!

И такъ, почитая опасными всѣ боевые порядки, коихъ линіи *разрыты*, равно какъ и тѣ, въ коихъ ставятъ подкрѣпленіе позади *неразрывной* передовой линіи, я предлагаю боевой порядокъ партіи въ три *уступа*: одинъ слабый и два усиленныхъ.

Образъ построенія каждаго уступа зависитъ отъ начальника партіи; но я почятаю выгоднѣйшимъ: 1) чтобы слабый *уступъ* строимъ былъ въ *лаву*,* а усиленные въ полусотенныя колонны;

2) чтобы атаки ни въ какомъ случаѣ не производились колоннамъ, а отдѣльными отъ нихъ полусотнями;

3) чтобы каждая часть войска, идущая за атакующею частию войскъ и служащая ей подпорою, не слѣдовала бы именно *позади* оной, а немедленно обращалась бы къ правому или лѣвому флангу атакующей части, дабы, въ случаѣ отраженія сей послѣдней, не мѣшать ея отливу и быть готовой ударить во флангъ неприятеля, пустившагося въ погоню за отраженною частью.

4-е. Чтобы отраженные полусотни никогда не пристраивались къ колоннѣ спереди и по

* Казацкое построеніе въ одну шеренгу.

порядку номеровъ своихъ, а разсыпавшись, скакали бы во всю прыть пристраиваться къ хвосту колонны.

5) Чтобы казаки полусотень, пристраивающихся въ лаву ко хвосту колонны, не наблюдали того ранжира, по которому они построены были прежде атаки, а только старались бы строиться какъ можно скорѣе.

Партія никогда не атакуетъ непріятеля съ *обоихъ* фланговъ, развѣ когда втрое или вчетверо сильнѣе онаго.

Выборъ фланга, на которомъ слѣдуетъ умножить силу, опредѣляется по мѣстности: всякое поле битвы разсѣкаемо болѣе или менѣе *естественными преградами*, какъ то: рѣками, болотами, ярами и пр., но неминуемо заключаетъ въ себѣ два прямѣйшіе пути сообщенія: сообщеніе собственной партіи и непріятельской. Преграды обыкновенно находятся *впередѣ* или *назади* фронта, на *обоихъ флангахъ*, или на *одномъ изъ фланговъ* линіи; и если иногда служатъ упоромъ флангамъ, то еще чаще бываютъ могилою партіи, подавленной или опрокинутой къ онымъ противною силою. Пути же сообщенія падаютъ отвѣсно на средину тыла партіи, иногда косвенно, а иногда и на мысленное продолженіе фланга оной партіи.

Само собою разумѣется, что неудачный бой одной изъ сражающихся партій, имѣющей позади себя естественную преграду, влечетъ за собою несчастнѣйшія послѣдствія; особенно когда партія, идущая атаковать непріятеля,

встрѣчаетъ преграду впереди себя: ибо тутъ, къ неудобству перваго обстоятельства, прибавляется новое, а именно: переправа чрезъ преграду въ виду непріятеля. (Черт. 5, фиг. 1 и 2).

Партіи, столкнувшіяся между двумя преградами, такъ, что всѣ четыре фланга оныхъ примыкаютъ къ означеннымъ преградамъ, не могутъ имѣть превосходства одна надъ другою иначе, какъ посредствомъ усиленнаго натиска на центръ линіи, или на тотъ флангъ, который ближе къ пути сообщенія непріятельской партіи. (Черт. 5, фиг. 3.) Обаси натиска представляютъ большія затрудненія и требуютъ рѣшительности и мгновенности.

Тѣ партіи, кои сошлись вдоль преграды (обстоятельство, которое случается чаще другихъ) и примыкаютъ къ оной, одна правымъ, другая лѣвымъ флангомъ, имѣя на противныхъ флангахъ свободное поле для дѣйствія, — тѣ партіи должны опредѣлить усиленное дѣйствіе на флангъ непріятельской линіи, къ полю отходящій. (Черт. 5, фиг. 4).

Причина сему та, что усиленное стремленіе упирающагося въ преградѣ фланга нашего на непріятельскій флангъ, противъ него находящійся, влечетъ за собою то неудобство, что хотя и былъ бы успѣхъ на семь пунктовъ, но рѣшительный натискъ непріятеля отъ поля во флангъ войскамъ, съ успѣхомъ дѣйствующимъ вдоль преграды, не токмо остановитъ ихъ стремленіе, но и опрокинетъ ихъ въ ту преграду,

вдоль которой онъ дѣйствуютъ. Напротивъ того, при атакахъ главными силами противоположнаго фланга тому, которой упирается къ преградѣ, всѣ выгоды обращаются на сторону атакующаго; ибо каждый ударъ его подавляетъ непріятеля къ преградѣ, тогда какъ удары сего послѣдняго обращаютъ атакующаго въ поле, гдѣ, по устройствіи себя, онъ можетъ возобновить нападеніе.

Партія, сошедшаяся съ противною партіею въ полѣ, неимѣющимъ никакого препятствія, должна употребить главное усиліе на тотъ изъ фланговъ непріятеля, который ближе къ его пути сообщенія, дабы не только поразить противныя войска, но и отдѣлить ихъ отъ того мѣста, гдѣ находятся ихъ подкрѣпленія, обозъ и прочія необходимыя. (Черт. 5, фиг. 5).

Вотъ все, что могу сказать въ семъ мелкомъ сочиненіи объ *яполмз* боевомъ порядкѣ. Приступимъ къ *бнезаялкому*.

Получа свѣдѣніе о направленіи непріятельскаго транспорта или отряда, начальникъ партіи рассчитываетъ такъ, чтобы непремѣнно прибыть къ мѣсту засады или нападенія въ одинъ переходъ и прежде свѣта.

Если переходъ изъ 30 или 40 верстъ, то дѣлаетъ онъ на половинѣ онаго привалъ, на одинъ часъ, не болѣе, и безъ корма; если же переходъ изъ 50 или 60 верстъ, то, сдѣлавши безъ привала половину онаго, онъ останавливается кормить людей и лошадей вдоволь, безъ торопливости, и потомъ немедленно идетъ далѣе. Во вся-

комъ случаѣ, на каждомъ десяткѣ верстъ онъ останавливается на 5 минутъ, чтобы дать воловую льготу лошадямъ; спѣшиваетъ свою партію за пять, или за шесть верстъ, какъ отъ мѣста, для привала назначеннаго, такъ и отъ того, на которое онъ прійти долженъ для ночлега, дабы лошади на самомъ маршѣ успѣли выгуляться, охладиться и приготовиться къ немедленному употребленію корма.

Если непріятель не проходитъ еще по большой дорогѣ, то начальникъ партіи, приближась къ ней, выбираетъ скрытое мѣсто, гдѣ и располагается со всею партіею или съ частью оной, запрета на строжайше разводить огонь, шумѣть и облегчать себя и лошадей, которыхъ однако жъ позволяется разнуздать и становить къ корму. Въ семъ случаѣ нѣтъ ни пикетовъ, ни заставъ, а всходятъ два или три казака на колокольню, если партія расположена у деревни, или влѣзаютъ на дерево, если она стоитъ у лѣса, и примѣчаютъ за непріятелемъ.

Стараться выбирать мѣсто для засады не у самой дороги, а въ нѣкоторомъ разстояніи отъ оной. Мѣра отдаленности опредѣляется во глазу такъ; чтобы удобно было обозрѣвать какъ можно болѣе пространства и различать, пѣхота ли, конница, артиллерія, или обозы по ней слѣдуютъ. Самое выгодное мѣстоположеніе для засады избирается за обширною высотой, въ долину, гдѣ бы вся партія могла помѣститься. Если высота сія покрыта лѣсомъ, или строеніемъ, тѣмъ она еще удобнѣе для *надзорныхъ*, ко-

торые, какъ я уже говорилъ, пользуясь деревомъ или колокольнею, могутъ все видѣть, не будучи сами видимы.

Прежде нежели предпринимать атаку, начальникъ партіи объявляетъ всѣмъ полкамъ лично и вразумительно объ избранномъ имъ сборномъ мѣстѣ для партіи, въ разстояніи четырехъ или пяти верстъ отъ поля сраженія. Сіе сборное мѣсто опредѣляется для того, чтобы представить казакамъ пунктъ соединенія въ случаѣ, ежели партія потерпитъ сильное пораженіе и разсѣется, безъ возможности собраться на полѣ битвы. Казакамъ надлежитъ обращаться къ оному поспѣшише, но не толпою, а въ ровсшнѣ, окружными и скрытыми дорогами.

Полки наблюдаютъ между собою очередь, которому быть впереди какъ на переходахъ, такъ и въ нападеніяхъ.*

Болѣе двухъ полковъ въ дѣло не употребляется; одинъ атакуетъ, другой подкрѣпляетъ, третій составляетъ резервъ, и не иначе вступаетъ въ бой, какъ въ чрезвычайномъ случаѣ, и только отступательно.

При семъ послѣднемъ полку находится другая часть барабанщиковъ, которые становятся въ закрытое мѣсто; при отступленіи боевой части бьютъ въ барабаны, кои употребляются

* Въ послѣднемъ случаѣ желательно, чтобы передовой полкъ имѣлъ при себѣ нѣсколько конгревовыхъ ракетъ, изобрѣтенія генерала Засядки, которыя не иначе однако жъ употреблять, какъ противъ сомкнутой и готовой съ устройствомъ отразить нападеніе ея кавалеріи.

иногда и въ атакахъ; но также въ закрытыхъ мѣстахъ; дабы увѣрить непріятеля, что партія имѣетъ при себѣ пѣхоту.

Ежели полкъ атакующій совершитъ съ успѣхомъ свой натискъ безъ помощи подкрѣпляющаго, тогда добыча остается первому.

Ежели полкъ атакующій отбитъ и подкрѣпляющій бываетъ принужденъ войти въ дѣло, то хотя бы и вмѣстѣ они вторгнутся въ непріятеля, слава и добыча остаются уже одному подкрѣпляющему полку.

Многіе почитаютъ казаковъ неспособными на прямые удары противъ устроеннаго регулярнаго непріятеля; но я, будучи неоднократно свидѣтелемъ ихъ личной храбрости, совершенно увѣренъ въ противномъ, не говоря уже объ атакахъ на французскую кавалерію, которыя слабѣйшими казачьими полками совершались съ успѣхомъ. Никогда Иловайскаго 12-го, Смыслова 3-го и нѣкоторыхъ другихъ полководниковъ нельзя не замучиться бить даже на плъоту и часто расфевали сомкнутые ряды ея. Ротмистръ (нынѣ полковникъ) Чеченскій, въ глазахъ моихъ спѣшивши 1-й Бугскій полкъ, атаковалъ въ дѣсу захвативши двѣ непріятельскія роты и положилъ ихъ на мѣстѣ. Въ альтенбургскомъ дѣлѣ, принцъ Биронъ, спѣшивши Черноморскихъ казаковъ, врѣлъ приступомъ замокъ города Цейца. Партизанъ Левештеричъ ворвался въ городъ Герцбергъ, защищенный баталіономъ пѣхоты, и принудилъ его положить оружіе. Скажу болѣе: не сотня ли Донскихъ казаковъ исправила въ лейпцигскомъ сраженіи неудачную сѣчу части дивізіи нашей кавалеріи, — сѣчу, едва не причинившую гибельный разрывъ срединѣ союзной арміи и дерзкую въ великихъ происшествіяхъ сего рѣшительнаго дня? Наконецъ, не наравнѣ ли съ храброю нашею пѣхотою казаки шли на приступъ Измаила въ 1790 году? Все зависеть отъ началь-

По трубѣ полки собираются немедленно и становятся въ прежній боевой порядокъ; изъ сего исключаются двѣ очередныя сотни, предварительно назначенныя для преслѣдованія и окончательнаго пораженія.

Ежели изъ транспорта или изъ части неприятельскихъ войскъ, взятыхъ въ плѣнъ, нѣкоторые успѣютъ скрыться, и если въ то же время начальникъ партіи извѣстится отъ плѣнныхъ о близости свѣжаго неприятельскаго отряда, или транспорта, то онъ уже не ожидаетъ его на старомъ мѣстѣ, а идетъ къ нему на встрѣчу и,

ника. Отчего быть казакамъ менѣе храбрыми жителямъ Малороссіи, изъ коихъ оставлена вся наша кавалерія, и коихъ она растеряниѣе и превосходиѣе въ верховой вѣдѣ? А кто не знаетъ, что хорошій всадникъ всегда сильнѣе слабago? Ежели по сѣ время рѣдко видны были казаки въ дивизійныхъ битвахъ, то сему было причиною благородіе главнокомандующихъ, которые, уваживъ малочисленность Дѣвской Области, не позволили употребить въ пылъ огня часть войска, мало уживающую числомъ своимъ многочисленныя громады регулярной нашей кавалеріи и чрезвычайно полезную въ поимкахъ и содержаніи пикетовъ. Впрочемъ, я увѣренъ, что при хорошихъ полковыхъ начальникахъ, являющихся славы, а не одной добычи, или награды, дѣвскіе полки, сомкнутые лѣннею, или лавою, по сотнямъ въ колонны, или въ шесть копей, ни въ какихъ атакахъ не отстадутъ и ни въ какихъ канонадахъ не осадитъ отъ какой бы то ни было кавалеріи. Но не оскорбитесь ли благородная гордость дивизійной кавалеріи, ежели казакіе полки, исполняя уже половину обязанностей легкой регулярной конницы пѣсками и содержаніемъ пикетовъ, сверхъ того, еще будутъ брать батареи, прорывать пѣхоту и опрокидывать кавалерію неприятеля?

смотрѣно обстоятельствомъ, отступать или изъ засады, или ивно.

Иногда партизанъ бываетъ принужденъ оставлять на мѣстѣ орудія, отбитыя у непріятеля, оттого, что канонеры, спасаясь бѣгствомъ при угрожающей имъ гибели, увозятъ съ собою перекли отъ оныхъ. Для предупрежденія сего препятствія, нужно заблаговременно запасаться крѣпкими канатами, которыхъ длина полагается въ 3 или 3½ сажени, и на концѣ которыхъ съ одной стороны привязываются желѣзные крюки, а съ другой дѣлаются петли, или шлейки. Сии канаты возятся всегда съ партией для внезапнаго случая предвзирательно для сего назначенными названами, кои полагается по два человека въ каждой сотнѣ. Не почитаю лишнимъ объяснить уловку, какъ захватить отбитыя орудія канатами; но долженъ сказать, что способъ сей употребляется только въ успѣхъ мгновенномъ, поспѣши съчи, на ближнемъ разстояніи и въ скорости.

Послѣ маждаго успѣшнаго дѣла партиа удаляется отъ пути сообщенія непріятельскаго по крайней мѣрѣ верстъ на 5 и проводитъ ночь съ обыкновенною осторожностью. На другой день отправляются трофеи и плѣнные при помощи обывателей съ малымъ конвоемъ, но при надежномъ офицерѣ. При нихъ отсылаются также тяжело больные и раненные, сдающіеся въ томъ городѣ, который опредѣленъ быть пунктомъ сообщенія съ главною арміею. Командующій конвоемъ далѣе сего мѣста нейдетъ и не-

медленно возвращается къ парти, вавъ росписку отъ градоначальника въ принятіи тросе-евъ и вѣнннхъ, и отославъ съ курьеромъ до-несенія къ главнокомандующему.

Отбитая добыча продается на томъ мѣстѣ, гдѣ партиа провела ночь; въ слухахъ же мадо-людности въ немъ жителей, отсылаются при вы-борныхъ отъ полка (каему она принадлежитъ) казакахъ и офицерахъ въ первый городъ, или мѣ-стечко, или село, гдѣ она превращается въ деньги, которые раздѣляются такимъ образомъ: начальнику партиа въ 10 разъ болѣе, нежели простому казаку. (Полагать должно, что, для примѣра въ безкорыстія, онъ раздѣляетъ одну добычу славы съ подчиненными, а денежную употребитъ въ награду казавымъ, болѣе другихъ отличившимся).

Полковому командиру въ 8 разъ болѣе.

Штабъ-офицеру и сотнику въ 6 разъ.

Оберъ-офицеру въ 4 раза.

Уряднику въ 2 раза.

Раздѣлъ лошадей производится слѣдующимъ образомъ:

Первые приступаютъ къ оному тѣ, у конхъ убиты или ранены были лошади въ предъиду-щихъ дѣлахъ.

Примѣръ: положимъ, что предъидущія дѣла были одна 13-го, другое 18-го, а послѣднее 23-го октября: первый раздѣлъ производится между тѣми, кои потеряли лошадей 13-го октя-бря. Дѣлители раздѣляются на два разряда: одинъ составляется изъ тѣхъ, у конхъ убиты

лошади, а другой изъ тѣхъ, у коихъ онѣ ранены. Первые имѣютъ шагъ предъ послѣдними.

Въ разрядахъ очерредуются къ выбору лошадей по чинамъ до простыхъ казаковъ, а между казаками по жребію.

NB. Ежели бы ранена была лошадь начальника партіи 13-го числа, то и онъ не прежде приступаетъ къ раздѣлу, какъ по полученіи лошади послѣднимъ казакомъ изъ того разряда казаковъ, которыхъ лошади были убиты того же числа; въ разрядѣ же тѣхъ, у коихъ онѣ ранены, онъ имѣетъ первый шагъ.

Послѣ сего слѣдуетъ раздѣлъ за 18-е число.

Первые приступаютъ къ оному тѣ, у коихъ убиты или ранены лошади въ послѣднемъ дѣлѣ. Раздѣлъ по тѣмъ же правиламъ.

NB. Ежели бы случилось, что у начальника партіи была убитая или ранена лошадь въ послѣднемъ дѣлѣ, то есть 23-го числа, то и онъ не прежде приступаетъ къ раздѣлу, какъ послѣ юмоченія лошади послѣднимъ казакомъ изъ того разряда казаковъ, у коихъ лошади ранены были въ предъидущемъ дѣлѣ, то есть 13-го числа.

Къ остаткамъ приступаютъ художонные. Раздѣлъ производится по старшинству чиновъ между офицерами, а послѣ нихъ между казаками, не по жребію уже, но по достоинству и способности каждаго изъ нихъ. Сей раздѣлъ зависитъ отъ начальника партіи.

Конвой, отправляющійся для продажи добычи, долженъ быть въ отсутствіи отъ партіи не

болѣе тутокъ. Строго запрещается полнамъ не только возить съ собою на другой день фуры съ отбитою добычею, но даже казакамъ оставлять при себѣ нѣкоторой величины вещи изъ числа похищенныхъ у непріятеля. Все должно превращаться въ деньги, или пепель.

Если начальникъ партіи предпринимаетъ поискъ на какое-нибудь заведеніе, какъ то: магазинъ, госпиталь, квартирующій паркъ, или преобразовывающуюся часть непріятельскаго войска, то онъ старается дойти къ сему мѣсту сколько можно непримѣтно, и не большою, но проселочною дорогою, или и совсѣмъ не по дорогѣ, а скрытными мѣстами, дабы миновать *заставы* и *развѣды*, обыкновенно располагаемые и посылаемые по дорогамъ, къ сему мѣсту ведущимъ. Партія идетъ безъ привала и атакуетъ во время ночи, на разсвѣтъ, или въ бурную погоду. Чаше встрѣчаешься съ *безпечнымъ*, нежели съ *осторожнымъ* противникомъ; большая часть отдѣльныхъ начальниковъ, отправляя *развѣды* по всѣмъ радіусамъ дорогъ, сосредоточенныхъ у мѣста, ими занимаемаго, остается въ полной увѣренности, что, по открытіи непріятеля означенными *развѣдами*, они будутъ имѣть довольно времени построиться въ

• Вотъ одинъ изъ случаевъ, въ которыхъ трубы необходимы партіямъ; но затрудненіе въ твердомъ познаніи сигналовъ требуетъ уменьшенія ихъ сколько возможно. Я полагаю, что довольно будетъ сигнала для *приготовленія къ походу*, для *тревоги*, для *атаки* и *апель*.

боевой порядокъ и принять мѣры къ отраженію нападенія. Подобныя партизаны обыкновенно пренебрегаютъ надобность открывать дороги, находящіяся въ ихъ тылу, особенно ту, по коей они пришли. Вотъ почему совѣтую (хотя посредствомъ большого обхода) атаковать съ тыла.

Если же обстоятельства сему противятся, то слѣдуетъ при открытіи хотя съ боку и вдали перваго изъ сихъ разѣздовъ отрядить въ слѣдъ за нимъ передовой полкъ партіи, который обязанъ прибыть вмѣстѣ съ нимъ къ непріятельскому отряду, пользоваться его разстройствомъ и атаковать, какъ говорилъ великій Суворовъ, безъ тактики. Прочіе же полки должны не терять изъ виду полкъ, пустившійся въ погоню, и подкрѣплять его во всякомъ случаѣ.

Если открытое непріятельское заведеніе имѣетъ при себѣ сильнѣйшую часть войска, нежели партія; то начальникъ оной рапортуетъ о томъ главнокомандующему арміи, и не предпринимаетъ ничего въ окрестностяхъ сего заведенія до прибытія на подкрѣпленіе ему той части и того рода войскъ, въ которомъ онъ имѣетъ нужду, и которое, по совершеніи предпріятія, отправляется обратно въ армію. Повторяю: мѣры сіи позволяются только при нападеніи на какое-нибудь непріятельское заведеніе; но если надлежитъ атаковать проходящій отрядъ, числомъ своимъ хотя и вавое превышающій партію, то искусный и отважный партизанъ безъ

подкрѣпленія можетъ всегда выбрать случай, часть и мѣсто для выгоднаго нападенія.

Начальнику партіи не возбраняется дѣйствовать и малыми отрядами. На сіе употребляетъ онъ двѣ или три сотни, которыя, также раздѣлясь на малыя части, стараются перехватывать курьеровъ, почты и офицеровъ непріятельскихъ, по надобности службы проѣзжающихъ проселочными дорогами. Но какъ сіи малые отряды, выходя изъ-подъ надзора главнаго начальника партіи, неминуемо будутъ причинять жителямъ различныя оскорбленія и даже жестокости; то, для избѣжанія распрей и несогласія съ обывателями той области, въ коей, вся партія находится, сіе раздробительное дѣйствіе производится только за путемъ, партіею наблюдаемымъ, а не на той сторонѣ, которую она занимаетъ.

Дозволяется партизану, тѣснимоу слишкомъ сильнымъ непріятельскимъ отрядомъ, перевести партію свою на участокъ ближайшаго къ нему товарища и дѣйствовать совокупно съ симъ послѣднимъ противъ означеннаго отряда, по изгнаніи или *пораженіи* коего онъ снова занимаетъ свое мѣсто и обращается къ собственному своему предмету.

Дабы поставить преграду частымъ таковаго рода перемѣщеніямъ, и чрезъ то пресѣчь сосредоточиваніе партій, нужно поставить въ правило, чтобы партизанъ, перешедшій на участокъ своего товарища, постуналъ подъ его начальство, хотя бы онъ былъ и старѣе его по службѣ.

Часто случается, что неприятельскій отрядъ, прикрывающій казну курьера, или важнаго чиновника, заманиваетъ партизана въ противную сторону и, отвлекши его отъ большой дороги, съ успѣхомъ исполняетъ свое намѣреніе. Для отвращенія сего, партизанъ отдѣляетъ одинъ полкъ противъ отряда, его заманивающаго, а съ остальными остается въ засадѣ вдоль большой дороги. Такое распоряженіе основывается на вѣроятности, что если неприятельскій отрядъ сильнѣе партиі, то онъ употребитъ къ отраженію оной средство простое, то есть силу оружія, и что, напротивъ, если онъ слабѣе ея, то прибѣгнетъ къ маневрамъ, чѣмъ только обнаружитъ намѣреніе свое удалить ее отъ мѣста, имъ занимаемаго. А какъ главное военное правило состоитъ въ томъ, чтобы дѣлать все противное неприятелю, то начальникъ партиі, камется, исполнить долгъ свой, приведя въ дѣйствіе способъ, мною предлагаемый.

О всеобщемъ отступленіи неприятельской арміи ко временному или коренному ея основанію прежде всего узнаютъ партизаны перваго отдѣленія. Они спѣшатъ увѣдомить о томъ ближайшаго къ нимъ партизана 2-го разряда. Посылаемый съ увѣдомленіемъ имѣетъ при себѣ достаточный конвой, и передавъ бумаги свои означенному партизану, поспѣшно возвращается къ своей партиі. Такимъ образомъ извѣстіе перелетаетъ отъ партизана къ партизану быстро и безпрепятственно. Сколько бы отступленіе неприятеля ни было стремительно, и тогда колон-

ны его не будутъ въ состояніи предупредить вѣстниковъ объ его движеніи; а сего и достаточно для начальниковъ партій, тѣмъ болѣе, что каждый изъ нихъ занимаетъ одинъ изъ тѣхъ путей, которые неприятель можетъ избрать для своего отступленія. Получивъ достовѣрное извѣстіе о пути избранномъ, они всѣ бросаются на оный и, устремивъ всѣ усилія противъ головы передовой непріятельской колонны, стараются преграждать ей движеніе.

Если же неприятель обнялъ въ отступленіи своимъ всѣ дороги, сосредоточивши у шѣста, отъ котораго онъ идетъ, въ такомъ случаѣ каждый партизанъ особо старается препятствовать движенію каждой колонны по дорогѣ, ею избранной; а если сего невозможно произвести въ дѣствіе, бросается къ тому шѣсту, гдѣ разные пути, соединяясь, составляютъ одинъ, какъ, напримеръ, отъ Лейпцига къ Фраурту при Кезенѣ.

Все сіе принадлежитъ партіямъ трехъ отдѣленій вообще; партизанамъ же перваго разряда нужно отмѣненіе въ нѣкоторыхъ изъ означенныхъ обязанностей и прибавленіе къ онымъ таковыхъ, которыхъ болѣе соглашались бы съ предметомъ ихъ дѣствія. И потому отмѣняется:

Возка наprodодать больныхъ и раненныхъ въ слѣдъ за партіями. Отъ смежности оныхъ съ арміею, каждый тяжело больной, или раненный, немедленно долженъ быть отсылаемъ въ главную квартиру на собственной лошади.

Партіи сего разряда не должны имѣть *три-стакю* опредѣленной.

Онѣ прибавляютъ къ сельской извѣстательной сурьмѣ лазутчиковъ.

Онѣ рѣдко прибѣгаютъ къ засадамъ, но болѣе употребляютъ скрытые переходы и внезапные наскоки.

Отбитая ими добыча отвозится для продажи въ армию, если не можетъ быть распределена жителямъ въ окрестности точки, занимаемой партією.

Въ положеніи перышительномъ, когда сопротивныя силы наблюдаютъ одна другую, не вдаваясь въ важныя дѣйствія, занятіе партизана будетъ состоять въ томъ, чтобы доставлять свѣдѣніе о сокровеннѣйшихъ частныхъ расположеніяхъ непріятеля, и, въ случаѣ opportunity онако, поражать части войскъ, отдѣляющіяся отъ главныхъ силъ его. До сего онъ достигнуть можетъ искуснымъ направлениемъ своихъ *розсыльных отрядовъ*, водимыхъ *вѣрными* и способными лазутчиками. Слабые числа, но сильныя внезапности и умножающіеся чрезъ неутомимую дѣятельность, отряды сіи должны быть *вѣрены* начальникамъ и офицерамъ, говорящимъ языкомъ непріятеля, а нижніе чины должны быть сколько возможно приворавлены наружнымъ видомъ своимъ къ ближайшему съ нимъ сходству. Проникая въ средину расположенія противныхъ силъ, они особенно будутъ стараться перехватывать *адъютантовъ* и всякаго рода *гонцовъ*, отправляе-

мыкъ съ повелѣніями или съ донесеніями, разспрашивать у самихъ непріятелей объ общихъ и частныхъ случаяхъ, господствующихъ въ нихъ войскахъ и узнавать о мѣстопребываніи главной, корпусныхъ и дивизионныхъ квартиръ.

Начальникъ партіи, получа извѣстіе обо всемъ развѣданномъ розыскными отрядами, отсылаетъ оное немедленно къ главнокомандующему; а самъ, внушаемый прозорливостію и смѣтливостію своею, спѣшитъ привести въ исполненіе отважныя свои предначертанія. Время занятія кантониръ или зимнихъ квартиръ, обыкновенно почитаемое временемъ отдыха для прочихъ войскъ, будетъ для партизана сего живѣйшею частію его дѣятельности. Здѣсь, съ расширеніемъ пространства, занимаемаго непріятелемъ, уменьшится его бдительность, а предметы, подлежащіе поискамъ партизана, значительно умножатся. Разрывая сношеніе между частями противныхъ войскъ, ужасая оныя неожиданными появленіями, сопровождаемыми мечемъ и пламенемъ, онъ, подобно привидѣнію, будетъ казаться повсемѣстнымъ. Дѣйствуя иногда совокупно съ другими партизанами сего разряда, иногда раздѣльно съ ними, иногда даже въ розсыпь, съ тѣмъ, чтобы сосредоточиться тамъ, гдѣ меньше его ожидаютъ, поразить, скрыться и появиться на противоположной точкѣ съ тою, на которую онъ ударилъ — есть его дѣло. Самое желаніе ворваться въ главную квартиру, и даже въ ставку вождя, можетъ тѣ-

шить легкокрылое его воображеніе. Все удастся ему, только чтобы не оставляли его неусыпность и рѣшительность, сіи геніи-хранители всякаго отдѣльнаго начальника. Вотъ легкій абрисъ дѣйствія партизана *первого* разряда! Разсмотримъ теперь поведеніе сей партіи во время сраженій и въ послѣдующихъ онымъ движеніяхъ, отступательныхъ и наступательныхъ.

Съ перваго взгляда кажется, что въ продолженіе самаго боя партизанъ не можетъ принести рѣшительной пользы арміи своей; и дѣйствительно: появленіе полторы тысячи всадниковъ въ боку или въ тылу борющихся силъ хотя можетъ отвлечь на время готовящееся нападеніе нѣкоторой части войскъ, но, безъ сомнѣнія, за сею маловажною выгодною послѣдуетъ разбитіе или даже истребленіе партіи. Явная причина сему состоитъ въ томъ, что во время сраженія всѣ части непріятельской арміи находятся бдительными и способными противостоять меньшей силѣ большую. Оружіе же партизана состоитъ болѣе въ искусствѣ, нежели въ силѣ; вѣрнѣйшій его союзникъ — внезапность. Посему, я думаю, что въ продолженіе сраженія партизанъ долженъ подойти столь близко къ боевому полю, чтобы имѣть возможность разысканными отрядами въ точности наблюдать за ходомъ боя и къ окончанію онаго готовиться начать свои дѣйствія. Положимъ сперва, что непріятель возымѣлъ поверхность надъ нашею арміею, и что сія послѣдняя должна, уступивъ поле сраженія, обратиться къ отступленію. Въ

сіе время безпорядокъ есть отличительная черта какъ въ рядахъ побѣжденныхъ, такъ и въ рядахъ побѣдителей; одна только нравственная сила составляетъ преимущество побѣдителя. Вотъ блистательная минута для удара партизана рѣшительнаго! Для него не можетъ быть неудачи: онъ вихремъ несется по всей задѣльной части врага; освобождаетъ своихъ пѣхотныхъ; истребляетъ раненныхъ непріятелей; рубитъ артиллерію, отдыхающую безъ прикрытія; заклипываетъ орудія; разгоняетъ спѣшную конницу и, можетъ быть, самая пѣхотная толпа; въ безпорядкѣ бродящія; предастъ гибельному мечу своему. Нанеся такимъ образомъ чувствительный вредъ побѣдителю, онъ прорываеи съвозъ фронтовую сторону, или на противное крыло непріятельскихъ войскъ и стремится на соединеніе къ арріергарду своей арміи.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что налетъ такого рода, удачно исполненный, не только причинитъ вещественный вредъ непріятелю, но выстъ съ онымъ разрушить нравственную силу, доставленную побѣдою, ослабитъ пресѣдованіе и послужитъ къ возбужденію мужества въ своихъ соратникахъ.

Представимъ теперь непріятеля, уступившаго натиску силъ нашихъ и, по оставленіи боевого поля, стремящагося къ отступленію. Уже легкая конница авангарда нашего настигаетъ его тыльные отряды, гнететъ ихъ и придираетъ къ главнымъ его громадамъ. За нѣю послѣдуютъ тяжелыя наши войска.

Въ семь случаевъ, если бы можно было задержать непріятеля на некоторое время, то возобновился бы вторично бой, который, отъ преимущества, одержаннаго уже нашею арміею, можетъ обратиться въ совершенное пораженіе. Первенцы славы сей принадлежать партизанамъ *перваго* разряда, ибо они находятся ближе другихъ къ непріятельской арміи. Здѣсь два рода дѣйствія лежатъ на ихъ обязанности. Если страна пресѣкаема тѣнинами, долгъ партизановъ забѣжать на путь, по коему непріятель слѣдуетъ, захватить выгоднѣйшее и труднѣйшее мѣсто, и тутъ рѣшиться принять на себя всю тягость удара непріятельской силы, задержать оную и тѣмъ самымъ подвергнуть ее натиску своей арміи. Если же два вышесказанныя условія не подлежатъ исполненію, то дѣло партизана непрерывными нападеніями пресѣкать путь сообщенія, задерживать и разгонять войска, отдѣленные непріятелемъ для охраненія онаго, портить мосты, трудные проходы и перевозы суда, или лодки, на свою сторону; одними словомъ, истребляя на семъ пути всѣ появляющіяся пособія и уничтожая средства, служащія къ скорости отступленія, стараться всеми способами доставить своей арміи удобный случай нанести вторичное пораженіе непріятелю.

Наконецъ, когда явятся партизаны 2-го и 3-го разряда, тогда, сверхъ вышесказанныхъ обязанностей, общій долгъ партизановъ состоять будетъ и въ томъ, чтобы двумъ не позво-

лать отрядамъ, обозамъ, фуражирамъ и усталымъ удаляться отъ пути, арміею избраннаго, а ночью тревожить войска, остававливающіяся на ночлегъ, или для отдохновенія. Въ семь случаевъ ведется очередь полкамъ, долженствующимъ каждую и цѣлую ночь нападать на биваки непріятеля и содержать его въ безпрестанномъ безпокойствѣ.

Партиі случается быть нѣсколько недѣль сряду въ походахъ и въ такой осторожности, что не имѣетъ она времени облегчать лошадей своихъ: то каждый день, по прибытіи на ночлегъ, каждая сотня должна разсѣдывать на одну часть по четыре лошади для просушиванія спинъ, или промытія и присыпки ссадинъ. Чрезъ часъ оныя лошади снова сѣдлаются, а другія четыре смѣняютъ ихъ, и такъ далѣе. Такимъ образомъ въ теченіе 24 часовъ каждый полкъ освѣжаетъ 480 лошадей безъ малѣйшей опасности.

Описавъ сей новый способъ употребленія партиі, и полагая его удобнѣйшимъ всѣхъ, до сего времени намъ извѣстныхъ, чувствую, сколь мое описаніе неудовлетворительно; но въ то же время увѣренъ, что было бы совершенно бесполезно входить въ такія подробности, которыя въ примѣненіи своемъ болѣе принадлежатъ смѣтливости каждаго командира въ особенностяхи, нежели общимъ опредѣленнымъ правиламъ. И подлинно, едва партиі двинулась на повски, какъ уже начальнику ея представляются обстоятельства, требующія той рѣшитель-

ности, твердости и быстроты, которыя ни въ какихъ книгахъ не находятся и никакими наставниками преподаны быть не могутъ.

Или все можетъ способствовать его предпріятію: мощнистое и открытое мѣстоположеніе, частыя мосты, поромы, извѣстные броды, убижища, отъ природы неприступныя, робкіе непріятельскіе отряды, магазины, учрежденные не въ укрѣпленныхъ городахъ и мѣстечкахъ, парки кочующіе или идущіе къ арміи со слабыми прикрытіями и безъ осторожности. Или все соединяется на гибель партіи: сплошныя лѣса, обширныя водомойны, непроходимыя болота, сильныя и отважныя отряды дѣятельнаго непріятели, осторожность многочисленныхъ прикрытій жизненнаго и военнаго его продовольствія, его разъѣзды, его пикеты на всѣхъ дорогахъ и на всѣхъ высотахъ, невѣдѣніе о мѣстопребываніи противнаго отряда, жители, устрашенные непріателемъ и отъ того готовые извѣщать его обо всемъ, что касается до партіи, города, деревни пустыя, стада, сокрытыя въ дремучихъ лѣсахъ, продовольствіе затруднительное, сообщеніе съ главною арміею пресѣченное и пр. Что, скажутъ, можетъ быть преградой казакамъ? Но не довольно того, чтобы какъ нибудь нападать и какъ нибудь спасаться: долсъ начальника рассчитывать предпріятіе свое такимъ образомъ, чтобы выигрышь въ случаѣ успѣха превышалъ потерю въ случаѣ неудачи; и для того нужно знать: когда идти явно или потасно? гдѣ непріятель? въ движеніи или

на мѣстѣ? соединенно или раздробленно? оны дѣйствуютъ? ожидается ли нападеніе или самъ ищетъ партію? какія его силы? какаго рода войска составляютъ отрядъ его? Но какъ все сіе узнать, когда жители не благопріятствуютъ? Партія наша становится на ночлегъ, заводитъ шкены, заставы и посылаетъ развѣды — кажется, этого довольно!.. Сколько и тутъ нужно смѣтливости! Какаго рода мѣстоположеніе избрала партія: дѣсистое или открытое? возвышенное или плоское? находятся ли вблизи глубокія лошвы, широкія рывины, деревни, господскіе дома, церкви и кладбища съ оградями? Все сіе служитъ основаніемъ расположенія заставъ и шкеновъ; ибо малѣйшая ослѣпленность въ семь случаевъ причиняетъ опаснѣйшія послѣдствія: перадино открытій бродъ, тропинка, проложенная по горѣ и идущая между кустами, болотами и даже дѣбамъ; вагороды, крутой берегъ съ твердою отмелью, сады, продолженный холмъ, длинная цѣпь высотъ — всѣ сіи обстоятельства суть средства для нечаяннаго неприятельскаго нападенія на партію, и для нападенія партіи на неприятеля. Но сколько представляютъ опасностей ночныя экспедиціи? Затрудненіе въ близкомъ и въ то же время въ тайномъ подступленіи, предшествующемъ атакѣ, безъ коего ушѣхъ всегда сомнителенъ; легкая ошибка въ размѣрѣ разстоянія, или какаго либо препятствія; ошибочное направленіе части партіи, посланной въ обходъ; неизвѣстность точнаго размѣщенія войскъ неприятель-

снихъ—запутываютъ дѣло и причиняютъ бесполезную потерю людей и времени. Успѣвки облегчаютъ предпріятія, но въ неудачахъ превращаются въ препятствія. Тогда уже не одинъ главный непріятельскій отрядъ долженъ быть надзираемъ начальникомъ партіи; онъ обязанъ обезпечивать фланги и тылъ части своей съ строжайшею бдительностью и воечасию быть въ готовности отражать сплунъ силою, дѣятельность дѣятельностью и хитрость хитростью. Тогда обстоятельства бросаютъ его въ мѣста неизвѣстныя, или извѣстныя представляются ему въ другомъ уже отношеніи къ обстоятельствамъ; тутъ дѣлаются необходимыми вѣрные расчеты, точныя предположенія, умѣнье стоить рѣдко пользоваться случаемъ и игнорированіемъ.

Самое малѣйшее, по видимому, обстоятельство нерѣдко бываетъ причиною послѣдствій важныхъ: оно препятствуетъ, или помогаетъ отступленію партіи, понуждаетъ ее отбиваться отъ опаснаго натиска, или самой предпринимать успѣшное нападеніе, и однимъ ударомъ освободиться отъ провѣщей гибели и обративъ побѣду на свою сторону.

Вещи хитрости, которыя бываютъ пренебрегаемы по чрезвычайной простотѣ своей, но которыя почти всегда удаются. Надменнаго партизана можно завести въ засаду легче другого, уступивъ ему нѣсколько разъ мѣсто и разглашая между жителями, что съ нимъ опасаются входить въ дѣло. Партизана, такъ сказать, за-

отличиваетъ, но превосходнаго въ сѣмахъ, можно пугать частыми ночными нападеніями, умноженіемъ огней бивака и размѣщеніемъ оныхъ по окружнымъ высотамъ; полускрытыми движеніями на фланги его партій и даже *передками телльзъ*, которыя, будучи выставлены на высоту, съ положенными на каждой изъ нихъ бревнами, обороченными концомъ къ непріятелю, представляются издали орудіями. Позади нихъ, какъ я уже говорилъ, становятся *каши*, коихъ одинъ флангъ скрывается лѣсомъ, пригоркомъ или деревнею. Надъ искуснымъ же партизаномъ нельзя взять превосходства другимъ образомъ, какъ внезапнымъ и, такъ сказать, отчаяннымъ нападеніемъ со стороны, которую полагаетъ онъ непроходимую. Часто мудрость бываетъ сбиваема съ пути другого рода мудростью, которую глупцы называютъ сумасбродствомъ. Кто знаетъ, что произойти можетъ, когда, послѣ пораженія партіи, часть отборныхъ казаковъ ворвется рѣшительно во время сумрака съ неожиданной стороны къ среднюю партію побѣдившей и (какъ то случается обыкновенно) столь же разстроенной, какъ и побѣжденная? Каждое годовое время не представляетъ ли особенныя средства къ защитѣ и предпріятію? Весною—разлитіе водъ, которыя ужасая взоръ, успокоиваютъ непріятеля въ разсужденіи нечаяннаго нападенія, но чрезъ которыя однако жъ всегда можно отыскать броды и воспользоваться его нерадѣніемъ; лѣтомъ—густота лѣсовъ, осушеніе рѣкъ, за которыми, по

привычкѣ, еще всѣ европейскія войска берутъ позиціи; осенью—мрачность ночей, туманные дни; зимою—замерзаніе рѣкъ, болотъ, глубокихъ и высокобережныхъ ручьевъ, слѣды проходящихъ войскъ, обыкновенное расположеніе ихъ около деревень, смежность теплыхъ избъ съ биваками, увлекающихъ солдата въ деревню и причиняющихъ по ней разсѣяніе партій, что производитъ медленность сбора во время тревоги, однимъ словомъ, безчисленное множество случаевъ, кои всѣ описать трудно, и для употребленія коихъ съ успѣхомъ самый даже навѣкъ недостаточенъ.

ствіе арміи, следовательно и дѣйствіе наступательныхъ партій (конихъ долготъ принимать на правленія свои къ ея направленіямъ), когда она лишится всего для войны необходимаго?

Воспользуемся же не только превосходствомъ въ ловкости легкихъ войскъ нашихъ, но и многочисленностью ихъ, позволяющею намъ вести оборонительную партизанскую войну, не ослабляя чрезъ то ни линейныхъ силъ нашихъ, ни наступательныхъ партій; напротивъ того, обращая въ пользу бесполезное и во многихъ случаяхъ вредное присутствіе всѣхъ башкирскихъ, калмыцкихъ и татарскихъ войскъ, которыя по сіе время только что обременяли армію и опустошали окрестности, ею занимаемыя. И наконецъ сіе ведетъ насъ къ предложенію образованія двухъ оборонительныхъ партій, для прикрытія обѣихъ сторонъ нашего пути сообщенія, и путей продовольствія. Этого не довольно: сохраненіе сей столь важной части театра войны требуетъ равно и того, чтобы образъ прикрытія негосподственно сопрягался съ устройствомъ транспортовъ въ ихъ шествіи, дабы, въ случаѣ внезапнаго появленія непріятельской партіи на путь нашего сообщенія, каждый транспортъ могъ самъ собою отразить ея нападеніе, безъ помощи, или, лучше сказать, безъ надежды на помощь посторонняго войска. Судя строго, дѣятельный начальникъ оборонительной партіи, зорко наблюдая и неотступно преграждая путь непріятелю, воспретить ему прорваться ко всему протяженію пути нашего

свободенъ. Но уступимъ и въ случаю: множество обстоятельствъ можетъ задержать партію его въ отдаленіи, или увлечь ее въ противную сторону отъ точки вторженія непріятеля; да и вѣтъ такого партизана, котораго бы дарованія могли произвести постоянный перевѣсъ въ пользу оборонительнаго дѣйствія, когда оно борется съ наступательнымъ. Независимо отъ сего, мы по опыту знаемъ, сколь разбѣянные и своевольные переходы транспортовъ нашихъ и до нынѣ причиняли опустошенія въ областяхъ, чрезъ кои проходили они; четырехсуточный подвозъ истреблялъ двухнедѣльное пропитаніе поселянъ, въ тылу арміи обитавшихъ. Не говоря уже объ ужасахъ, оскорбляющихъ челоуѣчество, опустошеніе сіе вредило и самой арміи чрезъ похищеніе у ней продовольствія, которое могло бы служить во время ея отступленія; ибо всякое движеніе назадъ болѣе или менѣе всегда требуетъ пособія въ пропитаніи отъ придорожной части того пути, по коему войска двигаются. Сіе одно обстоятельство достаточно, чтобы понудить насъ къ изысканію тѣхъ способовъ, посредствомъ которыхъ можно было бы прекратить развратъ, гнѣздящійся въ обозахъ, на продовольствіе употребляемыхъ, и водворить между ними то устройство, которое, представляя преграду къ безпользному раздраженію жителей, сохраняетъ между тѣмъ и средство къ пропитанію арміи при такихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, каково отступленіе.

Въ слѣдствіе сего я раздѣляю мѣропріятіе сіе на *внѣшнее* и *внутреннее*. Первое будетъ обязанностию оборонительныхъ партій, а послѣднее — самихъ транспортовъ и прикрытій оныхъ.

О магазинахъ и о путяхъ продовольствія.

Эригорцовъ Карлъ въ глубокомысленномъ сочиненіи своемъ, подъ названіемъ *права стратегіи*, дѣлаетъ слѣдующее опредѣленіе расположенію магазиновъ и путей продовольствія. Онъ говоритъ:

«Всякая армія вблизи тыла *боевой линіи* своей прикрываетъ такое пространство, которое столько же равно протяженію занимаемаго ею мѣста, но въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ себя зона прикрываетъ и все назадъ лежащее пространство, такъ, что непріятель не можетъ досягать на него, не подвергая опасности своего собственнаго пути сообщенія. И потому слѣдуетъ располагать нѣсколько только магазиновъ вблизи арміи, большую же часть оныхъ закладывать въ дальнѣйшемъ разстояніи отъ оной. Сія послѣдніе удобны для сбереженія значительныхъ запасовъ; первые же, напротивъ, способны только для сохраненія на нѣсколько дней нужнаго продовольствія.»

И подлинно, мы на опытъ видѣли, что магазины располагаются въ три параллельныя линіи, одна другой короче. На первой закладываются *запасные*, на второй *развозные*, а на третьей

расходные магазины. Всѣмъ параллельныя линіи связываются между собою поперечными линіями или путями, кои, сосредоточиваясь у арміи, образуютъ треугольникъ.

Разстояніе *запасныхъ* отъ *расходныхъ* магазиновъ не далѣе осьми переходовъ, полагая каждый переходъ по 20 верстѣ; сложность сихъ переходовъ есть мѣра того протяженія, которое обязаны защищать оборонительныя партіи. Но кто вознамерится оборонять съ успѣхомъ бока треугольника, коихъ косвенное наклоненіе къ сторонѣ непріятеля представляетъ ему столько удобства пресѣкать ихъ кобысами! Решительно сказать можно, что путь продовольствія, который не отвѣсно падаетъ отъ центра тыла арміи на центръ линіи *запасныхъ* магазиновъ, подвергается болѣе или менѣе опасности по мѣрѣ градусоваго отклоненія его отъ отвѣсной линіи; что по системѣ продовольствія треугольникомъ чѣмъ линіи *запасныхъ* магазиновъ противоположны, то есть чѣмъ они выйдутъ, тѣмъ бока треугольника наклоняются къ непріятелю, и следовательно тѣмъ они опаснѣе. (Черт. 1, № 2).

Если разсужденіе сіе достаточно для опредѣленія аксіомы, что отвѣсный путь продовольствія, который падаетъ изъ середины основанія на центръ дѣйствующей арміи, превосходитъ всякаго пути, отъ середины того же основанія отклоняющагося, то согласиши, сколь предосудительно, при обладаніи отвѣсннмъ путемъ, обнимать подвозами пособій неудобные пути

гипотенусовъ, и добровольно подвергать опасности источникъ существованія арміи.

Но неужели заключимъ изъ сего, что слѣдуетъ пользоваться только однимъ отвѣснымъ путемъ и оставить прочіе пути праздными? По крайней мѣрѣ это не моя мысль; я думаю, что, отдѣляя необходимыя потребности отъ второстепенныхъ и, превратя отвѣсный путь въ коренную линію продовольствія, снарядовъ и одежды, мы не пренебрежемъ и *гипотенусами*, ежели покроемъ ихъ партіями плѣнныхъ и всякаго рода командами, войсками и проѣзжающими въ армію или обратно изъ оной? Изъ сего произойдутъ двѣ выгоды: первая, что, избѣгая *сущестія* на пути всякой сволочи, всегда болѣе или менѣе причиняющей неустройства и затрудненія транспортамъ, мы водворимъ болѣе точности въ прибытіи оныхъ на мѣста, имъ назначенныя, въ опредѣленные сроки; а вторая, что независимо отъ оборонительныхъ партій войска, слѣдующія по боковымъ дорогамъ единственно чрезъ направленіе свое, заслонять отъ набѣговъ непріятельскихъ партій тотъ путь, который есть, такъ сказать, *жизненная жила* арміи, и для неприкосновенности котораго нельзя довольно употребить средствъ и стараній.

Такимъ образомъ, сливъ въ одну струю все необходимыя потребности чрезъ направленіе оныхъ въ магазины, расположенныя на отвѣс-

Кромѣ важныхъ курьеровъ, которымъ направленіе должно быть по отвѣсной линіи.

ной линіи и, оставя фланговое только для второстепенныхъ потребностей, равнѣстимъ партіи сообразно съ воюющими арміями въ различныхъ ихъ положеніяхъ относительно одной къ другой.

Или армія дѣйствуетъ параллельно непріятельской, какъ дѣйствовала армія наша въ 1812 году послѣ взятія непріятелемъ Смоленска, и силезская армія въ 1813 году на Кацбахъ и Бобръ противъ Макдональда; или дѣйствуетъ на отвѣсной линіи прямоугольныхъ треугольниковъ противъ арміи, дѣйствующей на ихъ двухъ *гипотенузахъ*, какъ дѣйствовала французская армія въ 1814 году противъ нашей главной и силезской арміи во Франціи. Или дѣйствуетъ на флангъ противной арміи, какъ дѣйствовала армія наша въ 1812 году на занятіи позицій при Тарутинѣ, и въ 1813 году по прибытіи ея въ ту часть Богеміи, которая отъ Эльбы до Баваріи простирается.

Во всѣхъ сихъ трехъ родахъ дѣйствія обыкновенное пребываніе оборонительныхъ партій назначается на флангахъ собственной арміи въ такомъ разстояніи отъ нихъ, чтобы разбѣды партій касались до фланговыхъ разбѣдовъ оной, дабы непріятельскіе отряды не могли прорваться между партією и армією; но какъ скоро сіи отряды, какимъ бы те ни было средствомъ, минуютъ тотъ флангъ, близъ котораго находится одна изъ оборонительныхъ нашихъ партій, и устремятся къ нашему пути продовольствія: тогда главная обязанность начальника

оной, партии состоитъ въ прегражденіи сего стремленія и въ дѣятельнѣйшей защитѣ препорученнаго ему одного изъ боковъ вышеопредѣленнаго протяженія.

Когда же армія дѣйствуетъ на двухъ *гипотенузахъ*, противъ арміи, дѣйствующей на отвѣсной линіи прямоугольныхъ треугольниковъ, какъ дѣйствовала въ 1814 году наша главная и силезская армія противъ французской арміи въ нѣдрахъ Франціи: тогда оборонительная партиа обязана находится между обѣими *гипотенузами* и защищать внутренне бока оныхъ.

Вотъ примѣръ размѣщенія для первыхъ родовъ дѣйствія, съ нѣкоторыми измѣненіями по мѣстности:

Положимъ, что непріятель въ Москвѣ и что армія наша занимаетъ позицію при Тарутинѣ; что временное основаніе оной, заключаетъ въ себя Жиздру, Бѣлеву, Одессъ и Богородскъ.

Отъ Жиздры путь продовольствія идетъ на Мещовскъ, Собуровицну, Роговицки и Калугу.

Отъ Бѣлева путь сообщенія и продовольствія идетъ на Лихвинъ, Черемышль и Калугу.

Отъ Богородицки путь продовольствія идетъ на Тулу, Новолавинскую слободу, Грезное, Ахлебни и Калугу.

Средній путь, какъ самый отвѣсный относительно положенія арміи, мы избираемъ главнымъ путемъ продовольствія, продолжаемъ оный до Тарутина и опредѣляемъ на немъ главный запасный магазинъ въ Бѣлевѣ, главный развозный магазинъ въ Калугѣ, и расходный

магазинъ близъ Тарутина, въ смежности съ арміею. Потомъ раздѣляемъ путь сей на *этапы* или военныя станціи:

- 1-ю назначаемъ въ Бѣлевѣ.
 - 2-ю въ Николь-Хотунскомъ 20 вер.
 - 3-ю въ Лихвинѣ 20 —
 - 4-ю въ Перемышлѣ 23 —
 - 5-ю въ Калугѣ 26 —
 - 6-ю въ Осиповѣ 22 —
 - 7-ю въ Казариновѣ 21 —
 - 8-ю въ Черной Грязи 20 —
- Отъ Черной Грязи до расходнаго мага-
зина 15 —

Итого 167 вер.

Оборонительныя партіи размѣщаются:

Партія перваго крыла на Нарѣ противъ с. Темнаго. Партія сія должна имѣть сильный постъ на серпуховской дорогѣ при с. Телятьевѣ и непрерывными разѣздами наблюдать пространство между Нарою и рѣкою Лопаснею.

Партія лѣваго крыла въ Боровскѣ; разѣзды ея должны ходить на Верею и с. Егорьевское.

По мѣстности, не лишнее, кажется, поставить третью оборонительную партію при Медынѣ, которой открывать дороги, ведущія на Шанской заводѣ и Юхновѣ. О четвертомъ родѣ дѣйствія скажемъ только то, что когда, въ 1814-мъ году, союзныя арміи дѣйствовали по *гипотенусамъ*, т. е. когда главная армія шла отъ Шомона на Труа, а силезская берегомъ Марны; тогда поле дѣйствія оборонительныхъ партій надлежало

быть между Сеною и Мерною, уступомъ назадъ отъ обѣихъ наступательныхъ армій, дабы одною партіею прикрывать путь идущій на Шалонъ, Туль и Нанси, а другою на Шамонъ, Дангеръ и Базель.

О выводу употребленія башкирскихъ, калмыцкихъ и татарскихъ полковъ для защиты путей сообщенія и продовольствія.

Употребленіе башкирскихъ, калмыцкихъ и татарскихъ полковъ въ наступательныхъ партіяхъ, на аванпостахъ, въ главныхъ и корпусныхъ квартирахъ и на посылкахъ, разрушая между ними единство въ ходу службы ихъ, приводитъ въ совершенное ничтожество войско; могущее быть полезнымъ чрезъ совокупное стремленіе къ одной цѣли.

Принимая въ уваженіе меньшую ловкость означенныхъ полковъ въ сравненіи съ Доускими, Черноморскими и Уральскими полками; нужно, при составленіи каждой оборонительной партіи, замѣнить качества количествомъ. Сверхъ того, употребить въ составъ ихъ такого рода силу, которая бы, не зирая на самое пораженіе иррегулярныхъ войскъ, всегда представляла имъ средоточіе и служила бы корнемъ всѣмъ отраслей отряда. Для сего я предлагаю образованіе (двухъ только партій), не болѣе; каждую изъ равнаго числа калмыцкихъ, башкирскихъ и татарскихъ полковъ и одного регулярнаго легкоконнаго полка, съ 4-мя орудіями конной артиллеріи. Къ каждой изъ нихъ при-

совокупляю по одному квартирмейстерской части офицеру, по нѣскольку конныхъ барабанщиковъ и по одному медицинскому чиновнику. По причинѣ присоединенія къ онымъ партиямъ двухъ регулярныхъ полковъ, ни одна изъ нихъ не имѣетъ нужды въ особыхъ регулярной службы офицерахъ для чрезвычайныхъ препорученій; почему таковыхъ офицеровъ имѣть ей въ составѣ своемъ возбраняется.

Обязанности начальника оборонительной партіи, или отряда защита пути продовольствія.

Обязанности начальника оборонительной партіи состоятъ: 1-е въ открытіи непріятельской партіи прежде, нежели она приблизится къ чертѣ фланга нашей арміи; въ подробнѣйшемъ и вѣрнѣйшемъ познаніи силы оной партіи, и въ прегражденіи стремленію ея къ нашему пути продовольствія или посредствомъ боя, или посредствомъ истребленія переправъ, заваленія лѣсовъ засѣками и пр.; во всякомъ случаѣ, онъ обязанъ не спускать съ глазъ отряда, который покушается прервать сообщеніе наше съ магазинами. 2-е. По принятіи партіи, каждый ея начальникъ отряжаетъ по одному комплектному полку на путь продовольствія. О размѣщеніи и обязанностяхъ сихъ полковъ мы будемъ говорить въ статьѣ *объ этапѣ*. 3-е. Какъ скоро непріятельская партія покажется на дистанціи оборонительной партіи, начальникъ ея немедленно даетъ знать въ ближайшій магазинъ, или *этапу*

какъ о появленіи, такъ и о силѣ и направленіи партіи. О послѣднемъ онъ обязанъ извѣщать не только каждый день, но при каждой переимѣнѣ обстоятельствъ. Записки пишутся просто, по слѣдующей формѣ: «непріятельской отрядъ (или транспортъ съ такимъ-то прикрытіемъ, или безъ прикрытія), такой-то силы, тамъ-то находится, или чрезъ такое-то селеніе идетъ къ своей арміи, или изъ оной, такого-то числа, такого-то часа.» Я говорю посланные, а не посланный, ибо немедленно послѣ перваго, или вмѣстѣ съ нимъ, отправляется второй съ *дубликатомъ*.

4-е. Каждый начальникъ оборонительной партіи долженъ держаться за чертую *интенуса* и защищать оную, сколько возможно; но ни подъ какимъ предлогомъ и ни въ какомъ случаѣ не долженъ при отступленіи своемъ переходить за черту пути продовольствія на сторону своего товарища; иначе, онъ совершенно отклонится отъ истиннаго предмета своего, который состоитъ въ сохраненіи неприкосновенности подвозовъ въ ихъ кругообращеніи.

5-е. Когда непріятельская армія тронется къ отступленію, тогда оборонительныя партіи, будучи свободными, соглашаютъ дѣйствіе свое съ наступательными партіями, предшествующими непріятельской арміи, и слѣдуютъ по обѣимъ сторонамъ оной; днемъ не позволяютъ обозамъ, фуражирамъ и усталымъ удаляться отъ дороги, арміею избранной, а ночью тревожатъ войска, останавливающіяся для отдохновенія. Въ семъ случаѣ ведется очередь полкамъ, долженствующимъ каж-

дую ночь нападать на биваки непріятельскіе и содержать ихъ въ непрерывномъ безпокойствѣ. б-е. Онъ долженъ оберегать спокойствіе жителей той области, въ которой дѣйствуетъ, и не касаться до ихъ собственности. Сверхъ сего, руководствоваться правилами, изложенными мною въ статьяхъ о наступательныхъ партіяхъ, касательно познанія о расторопнѣйшихъ офицерахъ и казакахъ тѣхъ полковъ, изъ коихъ составлена партія; уменьшенія и устройства *кашей* во время дѣла; снабженія партіи здоровыми лошадьми въ замѣнъ убитыхъ и неспособныхъ; возки нѣкотораго количества овса и хлѣба въ торокахъ для чрезвычайнаго случая и овса на подводахъ для дневного расхода; обязанности квартирмейстерской части офицера; обязанности правителя канцеляріи; объявленія перваго приказа по партіи; предосторожности во время маршей и ночлеговъ; построенія въ бой во время ночныхъ тревогъ; назначенія сборнаго мѣста передъ дѣломъ и очередь полковъ къ дракѣ; образованія сельской извѣщательной стражи; мѣры и образа усиленныхъ переходовъ; соблюденія передъ дѣломъ и во время онаго хитростей и уловокъ; раздѣла добычи; словомъ, всего распорядка наступательныхъ партій, съ исключеніемъ: 1-е, подводъ для больныхъ, кои отсылаются въ ближнюю *стану*, оттуда въ ближній госпиталь; 2-е, *пристани*, вмѣсто которой служить можетъ ближняя *стана*, или ближній магазинъ.

Объ этапахъ.

Этапы учреждаются по линіи продовольствія на двадцати верстахъ, одна отъ другой и простираются отъ *запаснаго* магазина до арміи. (Я включаю въ *этапы* и магазины, учрежденные на пути продовольствія.) Два полка, отдѣленные отъ оборонительныхъ партій, размѣщаются по *этапамъ* въ равномъ количествѣ, и составляютъ связь между *внѣшнею* и *внутреннею* обороной подводовъ арміи, посредствомъ передачи отъ *этапы* до *этапы* извѣстій о непріятель, получаемыя отъ начальниковъ оборонительныхъ партій.

Этапный начальникъ обязанъ каждому, какъ провіантскому и комиссаріатскому транспорту, такъ и паркамъ выставлять по двадцати-пяти казаковъ для сопровожденія оныхъ; сверхъ сего, оцъ долженъ имѣть въ готовности еще десять казаковъ для развоза извѣстій, о коцхъ я говорилъ выше.

Домгъ конвоюющихъ транспорты казаковъ ограничивается тщательнымъ и скрытнымъ патрулированіемъ около фланговъ и впереди транспорта, на разстояніи четырехъ или пяти верстъ отъ онаго. Они обязаны развѣдывать о непріятель у жителей, и не довольствуясь симъ, видѣть его своими глазами, дабы, часто чрезъ ложное, даваемое поселянами извѣстіе, не при-

* Само собою разумѣется, что немного болѣе или менѣе верстъ не причислить неудобства.

чинить бесполезной остановки транспорта для построения себя въ оборонительный порядокъ, или чрезъ пренебреженіе малочисленности неприятеля не подвергнуть транспортъ внезапной атакѣ.

Назначеннымъ для развоза извѣстій казакамъ ведется очередь; но всѣ они должны имѣть коней осѣдланыхъ и быть во всей готовности на посылки. Этапный начальникъ, получившій извѣстіе отъ оборонительнаго партизана о появленіи и направленіи неприятельской партіи, немедленно посылаетъ сіе извѣстіе съ очередными казаками въ находящіяся направо и налево отъ него ближнія *этапы*, откуда первая отправляетъ оное къ сторонѣ запаснаго магазина, а другая къ сторонѣ арміи. Посланные ѣдутъ какъ можно *быстрѣе*, получаютъ росписки и возвращаются въ свои *этапы*. Нужно наблюдать, чтобы извѣстія возимы были безъ пакетовъ, или съ открытою печатью, дабы встречаемые транспорты могли быть письменно уведомляемы о неприятелѣ и немедленно брали бы свои мѣры противъ прегражденія или угроженія пути, по коему они слѣдуютъ.

О внутренней защитѣ пути продовольствія.

Внутренняя защита пути продовольствія не менѣе состоитъ въ порядкѣ шествія и въ оборонительномъ построеніи транспорта, какъ и въ достаточномъ количествѣ *линейныхъ войскъ*, транспортъ охраняющихъ; ибо сколько шествіе

онато ни было бы порядочно, сколько оборонительное построение его ни было бы твердо, никогда двадцать пять казаковъ съ подполковниками не въ состояніи сами собой противостать нападению самой слабой партіи; но мало также принесутъ пользы и мечтательныя, понынѣ употребляемыя прикрытія изъ солдатъ, закладываемыхъ подъ кули заржавленные и безкременныя ружья свои, и бродящихъ по придорожнымъ деревнямъ для грабежа. Желательно, чтобы военное управленіе, пекущееся объ усовершенствованіи всего того, что касается до внутренняго образованія арміи, обратило вниманіе свое и на сію столь важную часть военнаго устройства.

Три способа къ сему представляются:

1-й. Составъ прикрытія изъ дѣйствующихъ двухъ цѣльныхъ пѣхотныхъ полковъ.*

2-й. Изъ излишнихъ людей отъ круглаго счета пѣхотныхъ полковъ, армію составляющихъ.

3-й. Изъ полковъ, исключительно для сего рода службы образованныхъ.

Какой бы изъ означенныхъ способовъ ни былъ избранъ главнокомандующимъ, во всякомъ случаѣ, каждый полкъ долженъ состоять

* Если непріятельскія партіи чрезъ мѣру сильны, въ такомъ случаѣ можно, вмѣсто двухъ, трехъ-баталіонныхъ полковъ, опредѣлить двѣ бригады, раздѣля каждую изъ нихъ на три равныя части. Мы увидимъ далѣе, почему войско, назначенное для прикрытія, долженствуетъ раздѣляться на тройныя, а не на двойныя очереди.

изъ трехъ комплектныхъ баталіоновъ, независимыхъ отъ того прикрытія, которое должно быть учреждено для артиллерійскихъ парковъ и комиссаріатскихъ подвозовъ, особо отъ провіантскихъ; ибо хотя подвозы вышеозначенныхъ частей состоятъ также въ разрядѣ необходимыхъ потребностей и прикрытія оныхъ долженствуютъ сообразоваться съ правилами прикрытій подвозовъ продовольствія во всемъ, что касается до шествія и до обороны, — со всѣмъ тѣмъ очередь ихъ не можетъ идти на ряду съ прикрытіями послѣднихъ, потому что кругообращеніе подвозовъ пропитанія всегда непрерывно, тогда какъ срокъ движенія парковъ и комиссаріатскихъ предметовъ и рѣже и менѣе опредѣлительны; слѣдовательно, всѣ разсужденія наши относиться будутъ къ прикрытіямъ, къ порядку въ шествіи и къ оборонительному построенію подвозовъ пропитанія, какъ къ части болѣе постоянной въ дѣйствіи своемъ, и потому болѣе способной представить правила кругообращенія и защиты всѣмъ другимъ подвозамъ арміи. И такъ, обратимся къ двумъ полкамъ, назначеннымъ для прикрытія продовольствія, и опредѣлимъ мѣстопробываніе первому изъ нихъ въ главномъ *запасномъ*, а второму въ главномъ *развозномъ* магазинѣ.

Очередь баталіонамъ соблюдается наравнѣ съ очередью транспортовъ, поднимающихъ каждый четырехдневное количество провіанта и принаравливающихъ выходъ свой такъ, чтобы прибыть къ *развозному* магазину въ день отбы-

тія изъ онаго того жъ количества провіанта въ *расходный* магазинъ; а транспорты *развознаго* магазина въ день израсходованія четырехдневнаго количества провіанта въ армію. Напримѣръ, выступивши 1-го числа мѣсяца, транспортъ приходитъ 4-го въ *развозный* магазинъ; 5-го по утру порожнія телѣги возвращаются и 6-го вечеромъ прибываютъ въ *запасный* магазинъ.

Второй транспортъ выступаетъ 5-го, приходитъ въ *развозный* магазинъ 8-го; порожнія телѣги возвращаются 9-го по утру, и 10-го вечеромъ прибываютъ въ *запасный* магазинъ.

Третій транспортъ выступаетъ 9-го, приходитъ въ *развозный* магазинъ 12-го; порожнія телѣги возвращаются 13-го по утру, и 14-го вечеромъ прибываютъ въ *запасный* магазинъ, и такъ далѣе.

По тому же правилу производится движеніе транспортовъ изъ *развознаго* въ *расходный* магазинъ, или въ армію. Изъ сего можно видѣть, что, не взирая на непрерывное кругообращеніе транспортовъ, каждый баталіонъ послѣ 160 верстъ похода * имѣетъ шесть дней для отдохновенія; сверхъ того, что на возвратномъ пути онъ можетъ помѣщаться на порожнія подводы, и тѣмъ облегчать труды переходовъ.

* По примѣру, представленному на 610 страницѣ, слѣдовало бы сказать: первому баталіону послѣ 136 верстъ, а второму послѣ 178 верстъ перехода. Это замѣчаніе для аккуратныхъ людей.

Транспортъ нагружается и баталіонъ прикрытія изготовляется къ походу накануне онаго.

По нагруженіи провіанта, очередной баталіонъ и тридцать конвойныхъ казаковъ выступаютъ вмѣстѣ съ транспортомъ на сборное мѣсто, при магазинѣ избранное. Баталіонный начальникъ раздѣляетъ транспортъ на-двое или на-трое, сообразуясь съ дорогою, по коей идти ему слѣдуетъ: ежели дорога широка и гладка, весь транспортъ идетъ въ два отдѣленія, на разстояніи трехъ или четырехъ верстѣ одно отъ другого; ежели же дорога пресѣкаема переправами и стѣснена дефилеями, тогда транспортъ можетъ раздѣлиться даже и на три отдѣленія, строго однако жъ наблюдая, чтобы прибытіе всего транспорта какъ въ *развозный*, такъ и въ *расходный* магазины приновляемо было точно въ опредѣленное число, не захватывая слѣдующаго дня.

Какъ скоро транспортъ, баталіонъ и казаки раздѣлились на отдѣленія, то каждый изъ ихъ начальниковъ кладетъ мѣломъ номера на подводы, поступившія въ его вѣдѣніе, и раздѣляетъ отдѣленіе и полубаталіонъ, его прикрывающій, на четыре части, для удобнѣйшаго построенія обоза въ оборонительный порядокъ.

Положимъ, напримѣръ, что транспортъ состоитъ въ 768-ми подводахъ, то есть содержитъ въ себѣ то число подводъ, которое, *по учрежденію большой дѣйствующей арміи*, заключается въ бригадѣ подвижнаго магазина.

Въ такомъ случаѣ, отдѣленіе располагается въ порядкѣ марша по чертежу 6 № 2 и проводитъ ночь на сборномъ мѣстѣ.

На разсвѣтѣ 1-е отдѣленіе, а спустя часъ и 2-е отдѣленіе поднимаются съ мѣста и слѣдуютъ въ двѣ веревки по обомъ краямъ дороги, имѣя между веревокъ полубаталіонъ, разочтенный на четыре взвода и построенный въ густую колонну.

Построеніе въ оборонительный порядокъ раздѣляется на *внезапное* и *предвидимое*.

Первое производится въ дѣйствіе тогда, когда непріятель, послѣ разбитія оборонительной партіи нашей, или посредствомъ скрытыхъ маршей, явится неожиданно на этапный путь и встрѣтитъ транспортъ во время похода.

Тутъ ничего не остается дѣлать, какъ, разочта по глазомѣру, сколько установится телѣгъ отъ одного края дороги до другого, загнуть съ переднихъ концовъ налѣво и направо столько подводъ, сколько по расчету потребно, и, сомкнувъ отверстіе, поворотить сіи подводы огляблими назадъ: что составитъ передній фасъ. Въ одно время оба боковые фаса, слѣдующіе по обомъ краямъ дороги, поспѣшно примыкаютъ къ переднему фасу, такъ, чтобы каждая правого фаса телѣга зацѣпляла правымъ переднимъ колесомъ лѣвое заднее колесо предъидущей телѣги, а каждая лѣваго фаса телѣга лѣвымъ переднимъ колесомъ правое заднее колесо предъидущей телѣги; задній же фасъ сего продолговатаго каре составляется изъ такого же числа

подводъ, какъ и передній фасъ, съ тою разницею, что строится не назадъ, а впередъ оглоблями. Отъ невозможности совершенно сомкнуть углы означеннаго каре, скажемъ одинъ разъ навсегда, что во всѣхъ повозочныхъ каре у каждаго угла оныхъ становятся, вѣтъ каре, двѣ распряженныя телѣги поперегъ отверстія, и тѣмъ заграждаютъ оное; а дабы повозочныя лошади не могли отъ стрѣльбы двигаться и чрезъ то разстроивать порядокъ построенія, для сего заранѣе снабжаютъ подводчиковъ *треножниками*, подобно тѣмъ, кои употребляются казаками, Черкесами и всѣми Азіятцами для спутыванія лошадиныхъ ногъ въ табунахъ и въ коновязяхъ. По построеніи каре, подводчики треножатъ лошадей и ложатся передъ оными, дабы сохранить себя отъ непріятельскихъ выстрѣловъ.

Предвидимое оборонительное построеніе употребляется тогда только, когда транспортъ или его отдѣленіе заблаговременно извѣщено о приближеніи непріятели. Въ такомъ случаѣ весь обозъ обыкновенно сходитъ съ дороги и избираетъ просторнѣйшее мѣсто для построенія себя въ правильный четырехугольникъ, стараясь однимъ, а если можно и двумя фасами; примкнуть къ какой-либо естественной преградѣ, какъ, наиримѣръ, къ рѣкѣ; къ болоту, къ деревнѣ, къ лѣсу и проч., дабы солдатамъ той части, или тѣхъ частей каре, которыя закрыты прапятствіемъ отъ непріятельскаго нападенія, усилить боевыя фасаы и пункты, болѣе другихъ

угрожаемые. Оно отличается отъ *срезаннаго* построения правильностью четверугольника и обращеніемъ всѣхъ тѣлѣгъ оглоблями внутрь каре. Сіе послѣднее однако же не есть необходимость для того фаса, который примыкать будетъ къ какой-либо естественной преградѣ; ибо само собою разумѣется, что поворотъ оглоблей внутрь каре не для чего другого употребляется, какъ для спасенія лошадей отъ непріятельскихъ и собственнымъ выстрѣловъ.

Въ обоихъ построеніяхъ конвойные казаки въѣзжаютъ во внутрь каре, а пѣхотное прикрытіе разсыпаетъ стрѣлковъ вдоль фасовъ каре, также во внутри онаго. Отъ расторопности начальника зависитъ, на которомъ фасѣ усилить, на которомъ уменьшить число стрѣлковъ и на который пунктъ каре ударить съ резервомъ, расположеннымъ всегда въ срединѣ онаго.

Во всякомъ случаѣ, священнѣйшій долгъ начальника транспорта, или отдѣленія, состоитъ въ оборонѣ онаго до послѣдняго дыханія; лучше два, три дня отбиваться; на два, на три дня отсрочить доставленіе пропитанія, нежели все лишитъ онаго армію. Къ тому же нельзя, чтобы та изъ оборонительныхъ партій, у которой ускользнулъ непріятельскій отрядъ, оставалась болѣе сутокъ въ невѣдѣніи объ его направленіи, не прибыла бы по крайней мѣрѣ на другой день въ тылъ непріятеля и не обратила побѣду на нашу сторону. Но ежели бы того и не случилось, то пусть каждый транспортный на-

чальникъ приведетъ на память себѣ подвигъ атамана графа Матвѣя Ивановича Платова въ 1774-мъ году, при вершинѣ рѣки Калалахъ, и успѣхъ украсить его оружіе,* и Фортуна, не всегда славная, возведетъ, можетъ быть, твердаго воина на ту же степень славы, на которую возвела она сего маститаго героя Дона.

Лишнее было бы говорить о защитѣ транспорта, слѣдующаго отъ тѣсноты дороги въ одну веревку. Въ самъ случаѣ командиру онаго ничего не остается дѣлать, какъ идти съ частію войскъ на встрѣчу къ непріятелю и стараться задержать его на одномъ мѣстѣ, пока весь транспортъ не построится въ оборонительный порядокъ и пока оставленныя позади войска не войдутъ въ средину онаго. Выгоднѣе сего еще не строить транспорта въ одно каре, а строить оный въ небольшіе круги вдоль дороги, по коей онъ слѣдуетъ. Я не распространюсь описаніемъ, какъ удобнѣе изъ походнаго порядка обращать транспортъ въ оборонительное построение,

* Дѣло графа Платова съ крымскимъ ханомъ Девредъ-Гиреемъ происходило 1774 года апрѣля 3-го, при вершинѣ рѣки Калалахъ. Ханъ напалъ на него со всею ордою своею. Съ полковымъ начальникомъ Матвѣемъ Платовымъ былъ одинъ только полкъ его, изъ коего выстроилъ онъ каре, и окинулъ оное, со стороны непріятеля, хлѣбными кулями; тылъ прикрылъ болотомъ, а два боковые фаса телѣгами. Въ продолженіе дѣла сіи послѣдніе фаса завалились тѣлами убитыхъ людей и лошадей. Ханъ цѣлый день дожилъ въ средину сей рухлой ограды и ночью отступилъ безъ успѣха.

а изъ сею послѣдняго вытягивать оный въ походный порядокъ: сія подробности принадлежатъ особому по сей части установленію; мы же остается довольствоваться означеніемъ главныхъ пунктовъ защиты пути продовольствія и заключить статью сію критическимъ разсужденіемъ объ истребленіи осаднаго транспорта прусской арміи въ 1758 году. Сіе событіе яснѣе представитъ и направленія и удары, коимъ подражать надлежитъ, и погрѣшности, коихъ избѣгать должно. Сверхъ того, мы увидимъ въ немъ, сколько одинъ успѣшный поискъ можетъ имѣть вліянія не только на осады крѣпостей, но и на всю кампанію. (Черт. 7).

Критическое разсужденіе объ истребленіи осаднаго транспорта прусской арміи въ 1758 году.

Послѣ лейтвенскаго сраженія австрійская армія отступила въ Богемію. Въ намѣреніи преградить вторженіе Фридерика въ область сію, она расположилась при Скалицѣ, занявъ отрядами своими Траутенау, Левинъ и Гулицъ. Но Фридерикъ имѣлъ другіе виды: онъ избралъ кратчайшій путь къ Вѣнѣ, вступилъ чрезъ Тропнау въ Моравію и обложилъ Ольмюцъ. Главныя силы его, состоявшія въ 21-мъ баталіонѣ и 63-хъ эскадронахъ, подошли къ Просницу. Принцъ Маврикій съ 15-ю баталіонами и 15-ю эскадронами расположился при Литгау; маркграфъ Карлъ съ 7-ю баталіонами и 19-ю эскадронами вступилъ въ Нейштадтъ, а Вернеръ съ 10-ю эскадронами занялъ Гибау.

Соч. Д. Давыд.

53

По полученіи извѣстія о семъ движеніи, Даунъ оставилъ Скалицъ и подошелъ къ Лейто-михелю, подвинувъ отряды Ланюса къ Фридланду и Добницу, Януса къ Муглицу, Горша къ Никельсу и Лаудона къ Коницу. Сей послѣдній простиралъ развѣзды свои до отряда генерала Девиля, давно уже занимавшаго Предляцъ.

Около половины мая король получилъ первый осадный транспортъ и тѣснѣе обложилъ крѣпость съ праваго берега Моравы, то есть отъ стороны Вѣны, оставя принца Маврикія, маркграфа Карла и Вернера на мѣстахъ, ими занимаемыхъ. Сіе принудило Дауна подвинуться къ Ольмюцу и расположиться лагеремъ при Гевичѣ.

Но не переходя далѣе, бросимъ взоръ на расположеніе обѣихъ воюющихъ армій, и мы увидимъ, что всѣ подвозы прусской арміи шли тропавскою дорогою, чрезъ Горке къ Просницу, то есть по линіи, падающей на правый флангъ означенной арміи; * сія же линія была и единственнымъ путемъ ея сообщенія, тогда какъ путь сообщенія и путь продовольствія Австрійцевъ, слѣдующіе на Бризау и далѣе въ Богемію, падали отвѣсно на центръ ихъ боевой линіи при Гевичѣ.

Фридерикъ, будучи всликимъ полководцемъ,

* Повторяю, что армію должно полагать лицомъ къ неприятельской арміи, а не къ отдаленному предмету ея дѣйствія.

чувствовалъ опасное направленіе единственнаго пути, по коему надлежало ему получить съѣстные и боевыя потребности, равно какъ и затрудненія, въ коихъ онъ могъ найтись въ случаѣ отступленія: что доказываютъ оставленные имъ 44 эскадрона и 22 баталіона на лѣвомъ берегу Моравы. Не взирая на то, Ланіусъ обошелъ подошвою горъ сіи отряды и простиралъ набѣги отъ Фридланда и Лобница къ Гофу, Янусъ усиленъ былъ Гаршемъ въ Муглицѣ, и неприятельская армія, закрывавшая счастливымъ положеніемъ своимъ всѣ пособія, доставляемыя ей изъ Богеміи, могла принудить Фридерика раскаяться во вторженіи своемъ въ Моравію мимо противной арміи, расположенной на отвѣсномъ пути въ отношеніи къ его пути дѣйствія, и находящейся въ нѣдрахъ ея коренного основанія.

Но Фридерикъ зналъ своего противника и, полагаясь на сильную кавалерію, прикрывавшую тропнавскую дорогу, спокойно ожидалъ изъ Силезіи новый огромный транспортъ со снарядами и провіантомъ, безъ коего онъ не могъ продолжать осады Ольмюца и, по прибытіи котораго, должна была рѣшиться судьба сей крѣпости.

Однако жъ Даунъ, извѣстясь о движеніи сего транспорта изъ Козеля, рѣшился истребить оный во время его шествія. Три способа для сего представлялись:

Первый состоялъ въ направленіи большей части кавалеріи чрезъ Муглицъ къ Гофу или

Стернбергу; но сіи войска встрѣтили бы отряды принца Маврикія, маркграфа Карла, Вернера, и могли не достигь до цѣли своей.

Второй состоялъ въ прибавленіи къ частному сему движенію общаго движенія на Коницъ и Драгоновичъ, или къ Намьесту, дабы, угрожая Королю генеральнымъ сраженіемъ, принудить его призвать къ себѣ отряды принца Маврикія, маркграфа Карла и Вернера. Сей способъ представлялъ Дауну тѣ выгоды, что, закрывая собственный свой путь сообщенія, онъ пресѣкалъ путь сообщенія непріятели, и вмѣстѣ съ симъ сохранялъ связь съ своею кавалерією, отдѣленною для сего предмета къ Гофу.

Третій способъ состоялъ въ пожертвованіи превосходнымъ стратегическимъ положеніемъ арміи, относительно къ непріятельской, то есть въ перемѣщеніи главныхъ силъ первой къ сторонѣ Предлица, тыломъ къ Вишау, какъ будто бы въ намѣреніи дать генеральное сраженіе на вѣнской дорогѣ, но въ самомъ дѣлѣ, чтобы притянуть на правый берегъ Моравы всѣ прусскія войска, оставленныя на лѣвомъ берегу оной, и чрезъ то облегчить набѣги партій отъ Муглица и Прерау на тропавскую дорогу.

Хотя второй способъ соединялъ всѣ выгоды перваго и третьяго способовъ; но Даунъ, избравъ послѣдній, подошелъ къ Предлицу и переправилъ за Мораву отрядъ Сент-Иньона, состоявшій въ пяти полкахъ кавалеріи.

Едва Фридерикъ узналъ о семъ движеніи, какъ, полагая генеральное сраженіе неизбеж-

нымъ, рѣшился сосредоточить силы свои. Въ слѣдствіе чего маркграфъ Карлъ оставилъ Нейштадтъ и занялъ Бистрованъ. Отрядъ принца Маврікія раздѣлился: 10 баталіоновъ поступили въ главную армію, а 5 баталіоновъ и 15 эскадроновъ перешли противъ Лаудона къ Конницу; слѣдовательно изъ 44 эскадроновъ и 22 баталіоновъ, прикрывавшихъ троппавскую дорогу, осталось только 10 эскадроновъ Вернера въ Гмбау. За то австрійскій полковникъ Ланіусъ немедленно занялъ Стернбергъ и тѣмъ пресѣкъ главное сообщеніе прусской арміи съ Силезією.

Между тѣмъ полковникъ Мозель съ извѣстнымъ транспортомъ, состоявшимъ въ 4 тысячахъ подводяхъ, подъ прикрытіемъ 12-ти баталіоновъ и 1,100 человекъ конницы, выступилъ изъ Тропау. По причинѣ занятія Стернберга отрядомъ Ланіуса, сей транспортъ принужденъ былъ избрать узкій проселочный путь на Келенсдорфъ, Никловичъ, Мельчь и Альтъ-Зегендорфъ, чрезъ что подводы сѣдовали въ одну веревку и протяженіе ихъ дошло до чрезвычайности.

Извѣстясь о выступленіи Мозеля изъ Тропау, Даунъ отрядилъ на встрѣчу къ нему Лаудона, повелѣвъ ему, посредствомъ большого обхода выше Муглица, достигъ горами до Гофа, соединиться съ отрядомъ Ланіуса и истребить транспортъ, во что бы то ни стало. Этого ему казалось еще недостаточно: онъ приказалъ генералу Зискомичу перейти чрезъ Мораву, сое-

двинуться съ корпусомъ Сентъ-Иньона въ Прерау, идти лѣсами на Альтъ-Либе и, занявъ въ окрестностяхъ онаго селенія скрытыя мѣста, дѣйствовать согласно съ Лаудономъ.

Однако жъ, не взирая на трудность пути, Мозель продолжалъ слѣдовать къ Баучу, гдѣ принужденъ былъ съ двумя третями транспорта ожидать цѣлыя сутки послѣднюю треть онаго, растянутую до Троппау.

Въ это время Лаудонъ соединился съ Ланіусомъ въ Стернбергъ и, открывъ отрядъ Вернера въ Гйбау, послѣшилъ къ Альтъ-Либе, дабы атаковать транспортъ прежде прибытія къ нему подкрѣпленія.

28 Мая войсками его увѣнчались высоты, господствующія надъ тѣснинами Бачау и Альтъ-Либе; Кроаты и Венгры заняли лѣсъ, разсѣкаемый дорогою, по коей надлежало слѣдовать транспорту, а кавалерія построилась на равнинѣ такъ, чтобы атаковать справа и слѣва.

Мозель, продолжая путь свой, встрѣтилъ отрядъ Лаудона въ семь ут устройствъ и немедленно приступилъ къ атакѣ: 4 баталіона очистили дефилею, защищаемую Кроатами и Венграми, развернули фронтъ у подошвы горъ, подъ жестокимъ пушечнымъ огнемъ и, бросясь на батарею, взяли одно орудіе и 200 человекъ плѣнными; полки Крейца и принца Фердинанда не уступили въ храбрости своимъ товарищамъ, сбили неприятеля съ послѣднихъ высотъ, имъ занимаемыхъ, и принудили его отойти къ

Бехрну, съ потерю 500 человекъ и одного орудія. Сей успѣхъ позволилъ Мозелю снова продолжать путь и достигъ въ тотъ же день до Нейдорфеля, только не со всѣмъ транспортомъ, а съ головою онаго.

Въ сей самый день утромъ, Цитенъ выступилъ изъ окрестностей Ольмюца на встрѣчу къ Мозелю и вечеромъ соединился съ нимъ въ Нейдорфель. Отрядъ его состоялъ въ 10 эскадронахъ, 2 баталіонахъ гренадеръ и 10 эскадронахъ Вервера, находившихся прежде въ Гибау.

Какъ половина транспорта тянулась еще по дорогѣ, то прусскіе начальники согласились провести 29 число на мѣстѣ, дабы собрать оставшія подводы.

30, поутру, весь обозъ и прикрытіе онаго двинулись къ Домштетелю, не имѣя ни малѣйшаго извѣстія о непріятелѣ; но едва 120 подводъ стали вытягиваться изъ дефилеи, какъ австрійцы показали на высотахъ съ лѣвой стороны и открыли по отверстію дефилеи сильный пушечный огонь. Цитенъ приказалъ выстраивать въ каре подводы, по мѣрѣ ихъ выхода изъ дефилеи, и бросился съ двумя баталіонами гренадеръ на непріятеля.

Сначала все шло удачно: нѣсколько баталіоновъ было опрокинуто и нѣсколько орудій отбито; но саксонскіе драгуны ударили изъ засады во флангъ гренадеръ, разстроили ихъ, по-

* Король, въ книгѣ: *Исторія моего времени*, говоритъ, 400 подводъ.

гнали и втоптали въ самый каре повозокъ. Въ сію минуту открылась и Зисковичева атака на средину транспорта. Прусскія войска сражались геройски; но, бывъ растянуты по всему протяженію обоза, нигдѣ не могли противопоставить достаточной силы устроеннымъ въ громады войскамъ, которыя, вломившись въ транспортъ по разнымъ пунктамъ, разсѣяли оный такъ, что только 250 подводъ, 6 баталіоновъ и 10 эскадроновъ могли достигъ до королевской арміи; прочіе частію были истреблены, а частію отошли съ Цитеномъ въ Троппау. Слѣдствіемъ сего пораженія было снятіе осады и отступление Короля въ Богемію.

Теперь приступимъ къ разбору дѣйствій.

Король вступилъ въ Моравію съ тѣмъ, чтобы овладѣть Ольмюцомъ и идти къ Вѣнѣ.

Не мое дѣло разсуждать о стратегическихъ движеніяхъ главныхъ армій; я скажу только, что какъ взятіе крѣпости требовало и осадныхъ снарядовъ и продовольствія войскамъ, слѣдовательно главный предметъ Короля состоялъ въ охраненіи того огромнаго транспорта, который слѣдовалъ изъ Козеля на Троппау къ арміи, расположенной при Ольмюцѣ, и безъ коего усилій былъ не только сомнителенъ, но и невозможенъ.

Пока австрійская армія находилась въ Гевичѣ, начальныя мѣры, взятыя Фридрихомъ для охраненія пути, идущаго, такъ сказать, подъ глазами непріятельской арміи, достойны похвалы: 44 эскадрона и 22 баталіона были остав-

лены для сего предмета на лѣвомъ берегу верхней Моравы; но размѣщеніе сихъ эскадроновъ и баталіоновъ не соответствовало его видамъ. Въмѣсто того, чтобы всѣми 44 эскадронами и 22 баталіонами занять два только пункта, то есть Берштадтъ и Эленбергъ, разставя надзорные отряды въ Нейштадтъ и Гогенштадтъ и, проецируя разбѣзды съ одной стороны до части осадныхъ войскъ, занимавшихъ Клостеръ-Градишъ, а съ другой до подошвы горъ Силезіи, они расположились частью по большой тропавской дорогѣ (долженствовавшей быть покрытою одними только этакными командами) и частью въ Литтау и Нейштадтъ, оставя пространство отъ послѣдняго города до подошвы Силезскихъ горъ открытымъ, или, можно сказать, въ рукахъ Ланіуса, занимавшаго Фридландъ и Лобницъ со времени вступленія Короля въ Моравію и до выступленія его изъ сей области.

Когда же Даунъ перешелъ въ Премлицъ и правая сторона тропавской дороги освободилась нѣкоторымъ образомъ отъ опасности, тогда надлежало бы, изгнавъ Ланіуса за Мораву, занять сильными отрядами съ одной стороны Литтау, а съ другой Прерау, не позволяя никакому австрійскому отряду появляться на рѣку; но ничего того не было сдѣлано; напротивъ,

* Я не говорю о войскахъ, долженствующихъ занимать Клостеръ-Градишъ; ибо занятіе сего пункта принадлежитъ блокадному размѣщенію, а не партизанской частн.

едва Фридерикъ узналъ о движеніи австрійской арміи къ Предлицу, какъ, оставя Литтау и Нейштадтъ, онъ немедленно перевелъ всю армію свою на правый берегъ Моравы, дозволилъ пяти полкамъ непріятельской кавалеріи вступить въ Прерау, и — что всего страннѣе — не обратилъ ни малѣйшаго вниманія на занятіе Ланіусомъ Стернберга, лежащаго на главномъ пути сообщенія прусской арміи съ Троппау, и чрезъ потерю коего Мозель обратился на проселочный путь, по которому онъ не могъ иначе идти, какъ въ одну веревку, и то съ великимъ затрудненіемъ; тогда какъ, не бывъ угрожаемъ Ланіусомъ въ Стернбергѣ, онъ шелъ бы въ двѣ веревки не только совокупнѣе и быстрѣе, но даже безопаснѣе. Впрочемъ, нельзя не упрекнуть въ семъ случаѣ и Мозеля въ лишней осторожности: Мнѣ кажется, что тропавскій путь, при самомъ занятіи его непріателемъ, представлялъ болѣе удобства, нежели путь на Баучъ и Альтъ-Либе; ни кѣмъ непрегражденный; ибо если на первомъ Мозель опасался встрѣчи съ непріателемъ, то мудрено, чтобы на послѣднемъ онъ могъ избѣгнуть той же участи, проходя въ столь близкомъ разстояніи отъ сего же непріателя, единственно для истребленія транспорта присланнаго. Но различіе состояло бы въ томъ, что, слѣдуя въ двѣ веревки, онъ вдвое укоротилъ бы протяженіе транспорта; что пѣхота его закрывалась бы съ обѣихъ сторонъ подводами и охраняла бы сіи подводы ружейными изъ-за нихъ выстрѣлами; что густота транспортной

колонны состояла бы изъ трехъ рядовъ, то есть изъ двухъ веревокъ и изъ пѣхоты, и что, наконецъ, стоило бы только заворотить переднія подводы оглоблями назадъ, а задними замкнуть отвѣрстія веревокъ, чтобы построить въ продолговатое каре и продолжить оборону два дня и болѣе; тогда какъ на новизбранномъ пути нельзя было иначе идти, какъ въ одну веревку и, по причинѣ тѣсноты дороги, растянуть транспортъ почти до Троппау, разсѣять прикрытіе по дѣлому сему протяженію и нигдѣ не быть въ достаточной силѣ отразить неминуемое нападеніе.

Цитенъ, съ своей стороны, не менѣе достоинъ порицанія въ недовольно тщательномъ открытіи окрестностей пути, по коему проходилъ транспортъ: что было причиною нечаяннаго нападенія непріятеля 30-го числа. Къ тому же, долгъ всякой оборонительной партіи состоитъ не въ защитѣ подвозъ, между коими должно находиться особенное войско для обороны оныхъ, а въ дѣйствіи во флангъ или тылъ непріятельскаго отряда, атакующаго сии подводы.

Наконецъ, главныя двѣ погрѣшности Короля (сверхъ пренебреженія имъ пунктовъ Литтау и Прерау) состоятъ: 1-е въ невниманіи къ дѣйствію 20-тысячнаго непріятельскаго корпуса на единственномъ сообщеніи его арміи съ Силезіею; ибо когда уже время прошло отразить Лаудона и Зисковича при переправѣ чрезъ Мораву, то по крайней мѣрѣ надлежало не довольствоваться отдѣленіемъ 20-ти эскадроновъ Цитена.

и Вернера на такое важное предпріятіе, какъ защита транспорта, коего прибытіемъ или истребленіемъ рѣшался жребій всей кампаніи.

2-е. Способъ, избранный Королемъ для снабженія арміи вышесказанными съѣстными и осадными потребностями, былъ совершенно противенъ признанному всѣми военными людьми за удобнѣйшій. Если бы, но мѣрѣ истрачиванія снарядовъ и провіанта, армія снабжаема была посредствомъ кругообращенія малыхъ подвозовъ въ опредѣленные сроки, никогда таковыя подвозы не обратили бы на себя исключительнаго вниманія Дауна. Безъ сомнѣнія, партизаны его и тогда не преминули бы явиться на линію продовольствія, но весь усилье ихъ состоялъ бы въ истребленіи или въ поврежденіи какого-нибудь четырехдневнаго транспорта, не болѣе; тогда какъ, чрезъ доставленія пособій посредствомъ огромныхъ подвозовъ, Король поставилъ себя въ необходимость устремить вниманіе свое не на одинъ уже, а на два предмета, бывшіе столь въ тѣсномъ между собою согласіи, что, чрезъ потерю одного, лишился другого.

Что же касается до Дауна, то сколько похвально въ немъ познаніе самого себя, внушившее ему мысль достигъ чрезъ партизанскій ударъ до той цѣли, до которой, вѣроятно, не достигъ бы онъ чрезъ средство болѣе рѣшительное и блистательное, но разнородное съ его духомъ и характеромъ: столько предосудительно его предначертаніе относительно той части, о коей разсуждаемъ мы. И подлинно, чѣмъ перемѣ-

нѣтъ *оптимальнаго* положеніе свое на параллельномъ вѣсто того, чтобы посылать двѣ партіи — одну выше и нѣко Муглица къ Стернбергу, а другую чрезъ Прерау и Альтъ-Либъ туда же, не выподнѣ ли было бы, двинувшись съ большимъ шумомъ къ Драгоновичу и къ Намьесту и, пользуясь 25 верстнымъ разстояніемъ отъ Намьеста до тропавской дороги, ринуть на нее большую часть своей кавалеріи? Хотя бы лѣвый берегъ Моравы и былъ занимаемъ прусскими оборонительными партіями, никогда партіи сіи не могли бы быть усиливаемы Королемъ, удаленнымъ къ Просницу, или Кейтомъ, занятымъ осадю — и противоборствовать тому числу войскъ, которое австрійская армія въ состояніи была отдѣлить на нихъ, отъ смежности своей съ мѣстомъ ихъ дѣйствія. Вотъ главная ошибка Дауна, не говоря уже о той, въ которую онъ увлеченъ былъ непрерывнымъ стараніемъ избѣгать генеральныхъ сраженій! И дѣйствительно, какъ назвать ту премудрую неосмотрительность, которая, послѣ истребленія транспорта, обратила всю его армію къ переправѣ чрезъ Мораву и къ движенію чрезъ Прерау на тропавскую дорогу — къ движенію, посредствомъ котораго онъ открылъ Богемію съ ея огромными и многочисленными магазинами, и оставилъ путь къ Вѣнѣ безъ малѣйшей преграды.

Намъ неизвѣстны подробности распорядка Лаудонова во время дѣйствія; но главныя черты сего подвига, скрытность и быстрота не-

реходовъ, упрямство въ возобновеніи нападенія послѣ неудачи и, что еще отважнѣе, послѣ присоединенія къ транспорту 20-ти эскадроновъ Цитена, все сіе достойно сего чрезвычайнаго человѣка.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

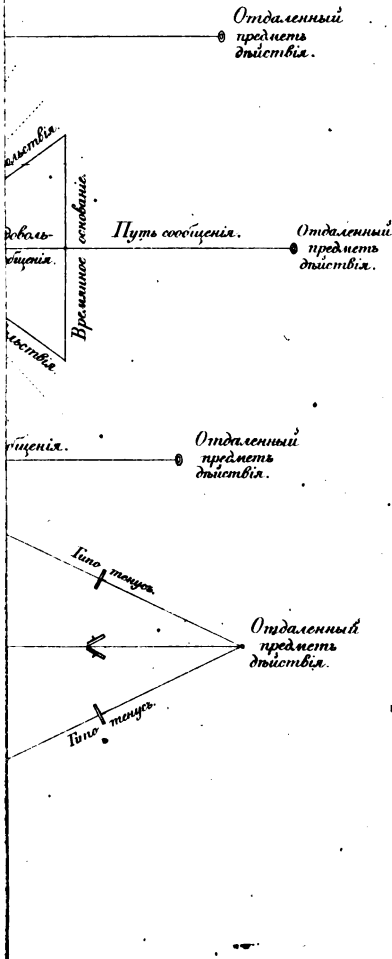
Если тягости нашей арміи не умножатся; если превосходный порядокъ внутренняго управленія линейной ея части продолжится; если удвоятъ строгость, чтобы иррегулярные полки представляли болѣе людей на лицо, нежели прикашахъ и дежурствахъ, что почти удвоить число онаго войска; если образуютъ изъ башкирскихъ, калмыцкихъ и татарскихъ полковъ оборонительныя партіи и устроятъ внутреннюю оборону пути продовольствія; если, оставя при арміи достаточное число донскихъ, черноморскихъ и уральскихъ полковъ для содержанія аванпостовъ ея, прочіе, раздѣля на партіи, употреблять на сообщеніе непріятеля, съ означеніемъ каждому партизану особой дистанціи по правиламъ выше изложеннымъ: тогда смѣю сказать, что на сообщеніе наше никакія покушенія противныхъ партій не могутъ быть дѣй-

ствительны; и мы, съ помощію многочисленности и подвижности нашей нерегулярной конницы въ состояніи будемъ не только прикрывать тыль и передъ своей собственной арміи, но наносить и безъ генеральныхъ сраженій рѣшительнѣйшіе удары непріятелю.

294095 1948
~~OLM. 1116~~

ЧЕРТЕЖЪ 1.

ЧЕРТЕЖЪ 2.

2.

100 верстъ.

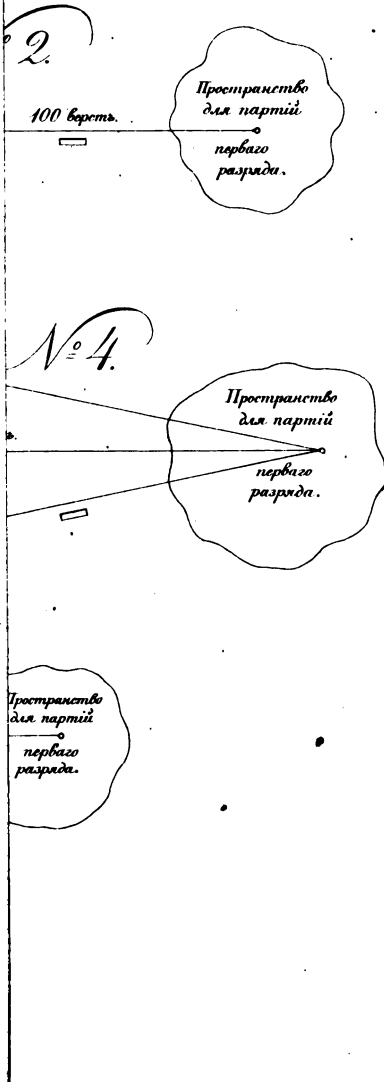
Пространство
для партій
перваго
разряда.

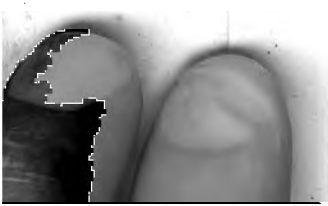
№ 4.

Пространство
для партій
перваго
разряда.

Пространство
для партій
перваго
разряда.

ЧЕРТЕЖЪ 2.

ЧЕРТЕЖЪ 3.

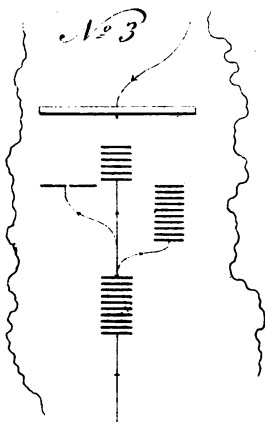
ЧЕРТЕЖЪ 4.

ЧЕРТЕЖЪ 4.

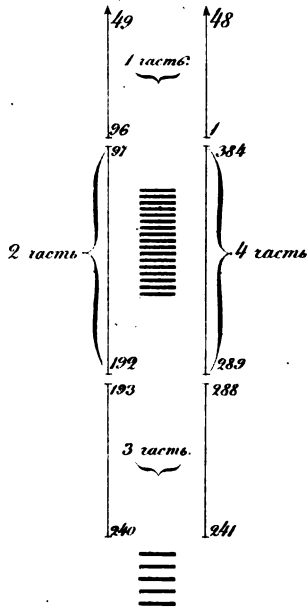
ЧЕРТЕЖЬ 5.

ЧЕРТЕЖЬ 6.

№ 2.

ЧЕРТЕЖЪ 7.

